

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929337 7

Collar

13E1

INDEXED

*QCA

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

=

Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοῖς ἑτέροις μὴ δύνασθαι περὶ ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γνῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὁρῶ δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων ἐν τοῖς ἐπιγεγονομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

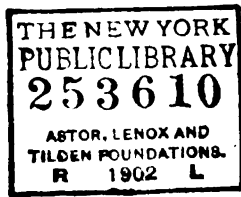
ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ-СЕДМОЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отчетаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ указанное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 30 іюня, 1846.

Ценсоръ А. Никитенко.
Ценсоръ А. Мехелинъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕМЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Ютурна. Барона <i>Е. Ф. Розена</i>	5.
Антигона. Трагедія Софокла. <i>А. П. Григорьева</i>	99.

ПРОЗА.

Имъ привидѣлся сонъ. Повесть <i>Б. Куб.</i>	4.
Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. <i>А. Велл-мана</i> . Часть вторая	65.
Часть третья	149.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Пиккльо Аллыага или Мавры при Филиппѣ-Третьемъ. Романъ Евгенія Скриба. Часть третья	1.
Тоже — Часть четвертая	99

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Космос (Мірозданіе). Барона Александра Гумбольдта.	
Статья седьмая	1.
Статья осьмая	25.
✓ Гаспарь Спонтани. Статья В. М. Казинскаго	17.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Экономія человѣческихъ обществъ и состояніе финансовъ.	
Сочиненіе графа Е. Ф. Канкринъ.	
Часть четвертая	1.
Часть пятая	23.

V.

КРИТИКА.

1. Атласъ промышленности московской губерніи, составлен- ный А. Самойловымъ. 2. Обзорніе главныхъ от- раслей мануфактурной промышленности въ Россіи. К. П.	
Статья первая	1.
Статья вторая	21.

VI.

ЛІТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Іюнь, 1846. Новыя книги	1.
— — Разныя извѣстія	30.

Июль, 1846. Новыя книги и брошюры.	3
— — Разныя извѣстія	5

VII.

СМѢСЬ.

І Ю Л Ъ.

Превращеніе полиповъ, новыя факты, подтверждающіе тождество жизни растительной и жизни животной. Наблюденія Сибольда, Фанъ-Бенедена, Левена, Сара и Дюжардена	
Физиологическія наблюденія надъ движеніемъ рыбъ. Иоганна Мюллера	
Рыбьи гнѣзда. Наблюденія Коста	
Недѣля изъ жизни парижской работницы. Статья Таксиля Делора.	
Агатовыя шары. Отрывки изъ дневника неизвѣстнаго. Статья Евгенія Сю.	1
Французскій театр въ Парижѣ	2
Музыкальныя новости.	2
Новыя французскія книги	3
Новыя музыкальныя сочиненія	3

А В Г У С Т Ъ.

Новыя открытія по кровообращенію моллюсковъ, особенное расположеніе ихъ пищеваго канала, система между-сосудія, — флебенеризмъ. Наблюденія Мильпъ-Эдвардса и Катръ-Фажа	4
Лунная поверхность. — Новыя предположенія происхожденія луны. Наблюденія Розе	4
Дѣйствіе теченія Океана на температуру атмосферы.	4
Мимі Пейсонъ. Эскизъ гризетки. Статья Альфонса де-Мюссё	4
Бракъ подъ волнами. Разказъ Альфонса Карра.	7
Французскій театр въ Парижѣ	8
Музыкальныя новости	9
Новыя французскія книги	9
Новыя музыкальныя сочиненія	9
Моды	10

Герцогъ де-Гюизъ, романъ Фредерика Суліе.	
Часть третья и послѣдняя	1.
Записки Врача. Романъ Александра Дюма.	
Часть первая.	97.
Тоже часть вторая.	70.
Мартинъ-Найденшъ. Записки камердинера. Романъ Евге- нія Сю. Часть первая.	1.

=

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЮТУРНА.

Haec pro virginitate reponit!
Virgilius.

I.

Межъ юныхъ дѣвъ, въ землѣ царя Латина, †
Являясь дивной розою людской,
Она, подъ сѣнью рощи Палатина,
На сельскихъ играхъ славилась красой.
Всѣхъ юношей любовь ей поклонялась, —
Любви отвѣтной не было у ней!
Она свѣтло и живо наслаждалась
Лишь полнымъ чувствомъ прелести своей.

II.

Унять бы вамъ сердечную тревогу:
 Вы видите, не вамъ она чета!
 На пиръ любви не смертному, а богу
 Достанется Ютурны красота!
 Да и царя боговъ она плѣнила:
 Онъ милой дѣвы алчетъ горячо!
 Но съ нею чистой дѣвственности сила —
 Самимъ богамъ нѣтъ доступа еще! †

III.

Смягчить сей взоръ величественно-строгій —
 (Лишь подойдешь съ искательствомъ любовь) —
 Отчаялись и юноши и боги,
 И говорили: «Въ ней Діаны кровь!»
 Отстали всё. Зевесъ отстать не властенъ,
 А дѣйствовать прямымъ путемъ нельзя!
 Святаго нѣтъ для тѣхъ, кто любострастенъ —
 И царь боговъ за хитрость принялся.

IV.

Скончалася подруга нашей дѣвы.
 Въ этрускаго волхва преобращень,
 Вздыхающей унылые напѣвы
 И плачущей Ютурнѣ молвилъ онъ:
 «Себѣ подобныхъ ты презрѣла: тоже
 На утрѣ дней скончаешься и ты!
 Лишь духъ гробовъ съ тобой раздѣлится ложе —
 Холодный другъ холодной красоты!»

V.

Скорбять Ютурна. Въ сѣнь уединенья
 Искатель снова въ чуждомъ видѣ къ ней:
 Старухою, дурной до отвращенья,
 До ужасу — лишь старостью своей!
 «И я, какъ ты, была вѣнецъ природы,
 И тайнѣ сохли юноши по мнѣ!
 Вотъ, что творять надъ нами злые годы....
 О, поспѣши любить въ своей веснѣ!»

VI.

— Такъ жизнь лишь мигъ! Зачѣмъ же жизнь прекрасна!
 Краса лишь мигъ! Почтò жъ она цвѣтетъ?
 Ужасна старость! Ахъ, и смерть ужасна! —
 И грѣшница законъ Судьбы клянеть,....
 И мрачная Судьба неумолимо
 Соблазну міра выдала ее —
 И царь боговъ повелъ неотразимо,
 И прямокомъ, искательство свое.

VII.

«Я царь боговъ! я въ жизни скоротечной
 Тебѣ, Ютурна, за любовь твою
 Безсмертіе, при молодости вѣчной
 И неизмѣнной прелести, даю.
 Чудеснаго тутъ много совершится:
 Столицу міра тутъ воздвигнетъ мечъ!
 И все падетъ во прахъ и истребитъся, —
 Но вѣкъ твой ясный будетъ течъ, да течъ!»

VIII.

Жизнь вѣчная, — и вѣчно молодая,
 Безъ старости, безъ смерти на землѣ —
 О, какъ свѣтла должна быть жизнь такая,
 Со знаменьемъ богини на челѣ!
 «Живи!» гласить ея подруги урна.
 Жизнь вѣчная въ душѣ отозвалась
 И честь любви царя боговъ.... Ютурна —
 Ахъ, всякая бѣ красавица сдалась!

IX.

«Безсмертная! к чему мнѣ это служить?
 То вѣчность слезъ, безсмертіе стыда!
 По чистотѣ душевной дѣва тужить,
 А блескъ души померкнулъ навсегда!
 Несчастливая, зачѣмъ я такъ прекрасна!
 Вѣкъ безъ конца въ казнь вѣчную вмѣняетъ —
 И красота съ клеймомъ стыда — ужасна!
 За поясъ дѣвы вотъ чѣмъ платить онъ!»

X.

Безсмертное созданье смерти жаждет!
 Безсмертія, во образѣ людскомъ,
 Она не хочетъ: сердцемъ горше страждетъ
 Въ лицѣ богини вѣчно-молодомъ!
 Склонилась ницъ, подъ сѣбію покрова
 Проплакать вѣки жизненнаго сна —
 И разлилася, въ полномъ смыслѣ слова,
 Потоконъ слезъ: сей милый ключъ — она!

XI.

Весь Паладинъ въ развалинахъ ужасныхъ:
 Былъ Римъ — и палъ! Но этотъ ключъ течетъ!
 О Римлянка, напьемся струй прекрасныхъ!
 Послушай говоръ милой Нимфы водъ:
 «Ужъ нѣтъ боговъ! но лучше ли? Ни сколько!
 Послѣдній смертный, въ дни любовныхъ розъ,
 Есть тотъ же богъ, и также платитъ только
 Безсмертіемъ стыда и горькихъ слезъ!»

XII.

И путникъ смолкъ, глаза потупя скромно,
 И благоденъ миръ его чела,
 Но дѣва Рима, пламенно и томно,
 Глубокій взглядъ на друга возвела....
 «Зачѣмъ ты плачешь, милое созданье:
 Сиротствуетъ ли въ мирѣ красота?
 Зачѣмъ такъ горько плачешь на прощаньи?
 Ты дѣвою осталась, ты чиста!...»

ВАРОНЪ РОЗЕНЪ.

=

ИМЪ ПРИВИДЪЛСЯ СОНЪ.

=

ПОВѢСТЬ.

=

Chacun tourne en réalités
Autant qu'il peut ses propres songes
L'homme est de glace aux vérités;
Il est de feu pour les mensonges.

La Fontaine.

I.

ХОЛОСТАЯ ВЕСЬДА.

Свѣтло смотрѣлъ полный мѣсяцъ въ зеркальныя воды Лимана, и его отраженіе искрилось серебряною браздою на поверхности. У береговъ, незамѣтная, робкая волна едва колыхалась, напоминающая о жизни дремлющей воды. Вокругъ, ароматныя кустарники, перевитыя розовыми отпрысками дикаго винограда, перешептывались съ тихимъ ропотомъ волнъ—ночь, полная вѣги, обнимала землю.

На тигровой кожѣ, разостланной на террасѣ небольшого загороднаго дому, лежала утомленная прекрасная женщина. Голова ея склонилась на пунцовую бархатную подушку, по которой разсыпались ея черныя кудри, и восточный профиль ея лица отдѣ-

лялся на яркомъ полѣ античнымъ камеемъ. Полусонная красавица разметала легкія одежды свои; ихъ нѣжная драпировка обрисовывала мягкія линіи ея роскошнаго стана. Не въ дальнемъ отъ нея разстояніи, на низенькой кушеткѣ, развалился молодой сибаритъ-юноша, цвѣтушій здоровьемъ и красотою. Онъ смотрѣлъ на озаренную лучомъ мѣсяца лежащую женщину, и жаркія грезы роились въ головѣ его: одна ты знаешь тайну этихъ жгучихъ поцѣлуевъ, пылкая Еврейка, думалъ онъ. Подъ какимъ небомъ родилась ты? Чтò за пламень течетъ въ твоихъ жилахъ?

Молодой человѣкъ прижалъ къ пылающему лбу своему руку; сладкая свѣжесть ночи обливала распахнувшуюся грудь его. Онъ взглянулъ на тихое небо; чудное сіяніе и темный металлическій блескъ залива проникли въ душу его таинственной гармоніей. Жизнь—нескончаемое наслажденіе! воскликнулъ онъ мысленно. Природа—вѣчная красота! Кто не извѣдалъ духовнаго сочетанія съ тобою и Творцемъ твоимъ, тотъ не жилъ и не любилъ.... о, какая могучая сила любви наполняетъ меня! продолжалъ онъ безмолвно, снова взглянувъ на дремлющую красавицу: — я и тебя люблю, Сарра! Какая безграничная вѣра ублажаетъ душу мою— я и тебѣ вѣрю, Еврейка! Я не купилъ тебя дарами: я молодъ и красивъ, не правда ли, я добръ и ласковъ....

— Ты любишь меня, Сарра? воскликнулъ онъ въ какомъ-то упоеніи, бросившись къ лежащей женщинѣ, и сильною рукою схватилъ ея жемчужное ожерелье, которое разорвалось и рассыпалось по полу. На чтò тебѣ этотъ бисеръ? Ты сама безцѣнная жемчужина, моя красавица!

Внезапно пробужденная женщина дико взглянула на него, и въ какомъ-то неистовомъ испугѣ бросилась собирать катавшіяся всюду зерна богатаго ожерелья. Молодой мечтатель бросилъ ей оставшіяся въ рукѣ его дорогія нити, и вошелъ внутрь дома, унося съ собою впечатлѣніе отвратительнаго выраженія, мелькнувшаго на прекрасномъ лицѣ Сарры.

Тамъ, въ освѣщенномъ покоѣ, вседневные гости его, разеѣянные по угламъ обширной залы, оканчивали одинъ изъ праздничныхъ вечеровъ, которые они давали себѣ по произволу, расподгаая пріятною щедростію млодаго друга, бросавшаго богатство свое не съ глупымъ тщеславіемъ добившагося до этой соблазнительной возможности, не въ хмѣльномъ угарѣ разгульнаго юноши: онъ тратилъ обезпеченные доходы свои съ любовью, съ прекраснымъ желаніемъ сдѣлать и другихъ причастниками чаши, которую вручило ему Провидѣніе. Пусть, говоритъ онъ, и скука

и горе, и недостатокъ и заботы забудутся и заглушатся на веселыхъ пирахъ монаховъ. Пусть потонетъ всякая вражда въ монаховъ искрометныхъ винахъ!

Нѣсколько громкихъ голосовъ привѣтствовало его появленіе веселыми шутками, и звонкій, электрическій смѣхъ пробѣжалъ по собранію. Только въ одномъ углу отозвался этотъ аккордъ непріятнымъ эхомъ; тамъ сидѣлъ растрепанный, блѣдный отрокъ, на котораго хмѣль дѣйствовалъ какъ-то непріязненно. И въ нормальномъ положеніи бродящій мозгъ его, разгоряченный виномъ, выводилъ передъ нимъ всѣхъ демоновъ его внутренняго ада—и зависть и гордость и бессміе терзали ничтожную душу; его смѣхъ прозвучалъ какимъ-то рыданіемъ, отъ котораго содрогнулось сердце аматріона.

Его юное сердце, взмелѣянное судьбою, содрогалось отъ долетавшихъ до слуха его болѣзненныхъ воплей жизни.

Молодой человѣкъ былъ созданъ для счастья, и счастье — это капризное божество, не могло избрать достойнѣйшаго любимца. Пламенная душа была призвана для широкихъ наслажденій; въ свѣтлой природѣ было одно сознаніе, что человѣкъ сотворенъ для рая — и это былъ не софистическій, философскій выводъ, а вдохновенный инстинктъ прекраснаго сердца, котораго младенческая неопытность жизни не могла сдѣлать анализа этого чутья — юношѣ снились чудныя грезы, въ восторженномъ заблужденіи онъ создавалъ изъ самаго яда упительный напитокъ, туманившій его сладкимъ хмѣлемъ; и когда сквозь этотъ угаръ и мракъ обаянія лучъ истины пробивался на него неварокомъ, она явила его слабое зрѣніе и пугала робкое воображеніе.

До сихъ поръ, огражденный очарованнымъ кругомъ, воспитанный въ этомъ искусственномъ мірѣ, гдѣ золоченые куполы возвышаются надъ избранною головою и охраняютъ ее отъ восторговъ жизни—онъ понимаетъ страданіе, какъ порожденное въ нарушенной природѣ зло, для котораго всюду расточены противодія, и онъ хотѣлъ бы врачевать и цѣлить эти раны, но ихъ смрадное гніеніе возмущало его изнѣженные чувства; отвращая взоръ, онъ спѣшилъ успокоить и разсѣять его. Пылкое его сердце, околдованное, обманутое, безумно расточая сокровища свои, не любило, не вѣровало одной истинѣ, — оно идопотворило божества свои и поклонялось имъ въ слѣпотѣ изыческой!...

И трудно и невозможно становилось ему прозрѣть отъ этой слѣпоты среди театральнаго обстановки поддѣльнаго, очарованнаго міра, которая окружала его.

Отъ самаго его рожденія , казалось , благодѣтельныя еси слѣдѣлись отвсюду къ колыбели своего питомца. Высокое происхожденіе , обширное состояніе , атлетическое сложеніе , богатые задатки ума и сердца , всѣ привилегіи , всѣ права жизни были даны ему въ безграничное , роскошное распоряженіе , и съ ними въ его власти были всѣ блага и наслажденія... Но какъ , по сказочному обыкновенію , на этихъ собраніяхъ добрыхъ волшебницъ является всегда одна суровая , непрошенная гостья , и на пиру его , усыпанномъ цвѣтами жизни , возсѣлъ угрюмый призракъ , неблагонамѣренный уродецъ , который , приподымая розовый покровъ , заслонявшій жизнь отъ глазъ юноши , представлялъ ему не живое дышущее тѣло ея , а отвратительный , страшный остовъ , который ужасалъ ребяческое зрѣніе... Этотъ призракъ былъ врожденный инстинктъ сознанія себя въ ложной сферѣ , желаніе истины ; но съ нею не могло еще сладить его робкое сердце.

Теперь , подѣ омрачившимъ свѣтлыя думы его впечатлѣніемъ , смотрѣлъ онъ , чувствуя какую-то нравственную темноту , на туманнаго пріятеля , который , завладѣвъ вліяніемъ случайнаго вокругъ него собранія , на слухъ и зрѣніе котораго бархатный лафитъ хозяина успѣлъ уже навѣсить тройное покрывало , продолжалъ жаркое разсужденіе о занимавшемъ тогда нѣкоторыя головы изумительномъ явленіи , въ лицѣ подсудимой Маріи-Капеллы Лафаржъ . Молодой человѣкъ неистово защищалъ и оспаривалъ , не дожидаясь возраженій .

— Готовъ? сказалъ , махнувъ рукою , взглянувшій на него добрый малый , неизсякаемый болтунъ и весельчакъ , которому парѣ развязывали языкъ до нескромности . Ты долженъ быть теперь въ ударѣ , любезный . Произнеси-ко намъ какое-нибудь новенькое проклятіе , такое , какимъ ты умѣешь напутствовать каждую топленную бутылку .

— Vivat! воскликнулъ , наполняя бокалъ , молодой человѣкъ . Глаза его засверкали , гипократовскій профиль его ослабился разительною чертою .

— Не душно , сказалъ насмѣшникъ .

Разговоръ остановился на Лафаржъ . Изъ этого источника возникъ одинъ изъ тѣхъ споровъ мыслящаго общества , который степному дикарю показался бы , можетъ-быть , крупной перебранкой , отъ которой недалеко до Бога знаетъ чего ; а паркетному

прозану, пожалуй, рѣшеніемъ великаго государственнаго вопроса; но который въ сущности ровно ничего не значить, послѣ котораго, наговорившись и наслушавшись, расходятся, чувствуя только какую-то оскормину отъ терпкихъ умосмій.

— Ужъ больно расшумѣлись, сказалъ, вполголоса, хозяину, вставая изъ-за ломбернаго стола, пожилой толстякъ съ двумя звѣздочками въ петлицѣ. Не слышно собственной въ головѣ мысли, и объ чемъ хлопочуть, подумаешь, прибавилъ онъ съ видимымъ негодованіемъ.

Амфитрионъ взглянулъ съ угодливою улыбкою на расходившихся говорунцовъ.

Въ его обращеніи съ этимъ лицомъ была замѣтна какая-то особенная прिवѣтливость, какой-то отличный почетъ. Онъ проводилъ недовольнаго гостя до послѣдней комнаты, выслушалъ терпѣливо еще длинное, плодовитое неудовольствіе на праздную болтовню молодежи нашего времени, которая пустословить и уничаешь и заставляетъ ставить ремизы, развлекая отъ головомныхъ соображеній мастей и расчетовъ.

— Мы, кажется, опять надоѣли ему, сказалъ веселый пріятель, когда хозяинъ возвратился въ залу.

— Онъ отправился доканчивать свою партію въ клубъ.

— Кстати о немъ, продолжалъ словоохотный гость: послушай, пожиратель женщинъ, ты свель съ ума эту миленькую шалунью, въ которую я самъ влюбленъ пд-уши. Бѣдняжка не знаетъ въ простотѣ ребяческаго сердца, какой несмѣтный рой миловидныхъ враговъ взбунтуетъ ея опасное появленіе въ ихъ рядахъ и какія безчисленныя притаенныя жалы теперь острятся на нее.

— Съ чего ты взялъ весь этотъ вздоръ? спросилъ молодой человѣкъ, тщетно усиливаясь не изобличить мелькнувшаго въ лицѣ его самодовольствія.

— Она высказываетъ это въ каждомъ словѣ и съ нею нѣтъ средства вести разговора обняками. Ты вразуми ее, между прочимъ, прибавилъ онъ съ нѣкоторою важностію: скажи ей, что это неосторожно, ни къ чему не ведетъ и не годится.

— Она какъ-будто находитъ удовольствіе клеветать на себя, потому что я вовсе не могу похвалиться ея предпочтеніемъ, сказалъ съ добросовѣстною скромностію молодой человѣкъ.

— Шалишь, пріятель, лукаво замѣтилъ товарищъ. Я объясню тебѣ, если хочешь, эту нелѣпую страсть многихъ женщинъ, обнародывать тѣ задушевные тайны, которыя, обыкновенно, тщетно стараются скрывать другія. Между ними есть такія любящія

созданія, что онѣ уже никакъ не остановятся на одной любви: имъ необходимо обожать своихъ избранниковъ, и поставивъ ихъ выше всѣхъ полубоговъ міра, онѣ похваляются ими въ тщеславіи женскаго сердца съ тою же почти наглостью, съ которою величается объявленная одазына діадимой вѣчнаго властителя.

— У тебя вѣчная страсть подводитъ все на свѣтъ подъ какиенбудь категоріи и выводитъ логическіе результаты изъ того, что не имѣетъ ни какой логики, какъ любовь и вообще сердце, а особливо женское, сказалъ юноша съ примѣтнымъ желаніемъ переменить предметъ разговора.

Непричастный празднику, который давался у него въ домѣ, онъ переходилъ отъ одного карточного стола къ другому, скитался изъ угла въ уголокъ, изъ комнатъ на террасу, пока то утихала, то снова разгоралась шумная бесѣда и пока утренніе лучи солнца не потушили огонь.

Оставшись одинъ, молодой человекъ не въ первый уже разъ перечелъ микроскопически сложенную и мелко исписанную записочку.

«Пріѣзжай, ради Бога пріѣзжай, Анатолій. Завтра я жду тебя, я нарушаю свое запрещеніе и непремѣнно хочу тебя видѣть. Я безумно люблю тебя, такъ сильно люблю, что душа изнемогаетъ. До-сихъ-поръ ты самъ удивлялся моей твердости. Ты не понималъ, какъ могу я любить такъ спокойно, безъ искушеній и безъ страданія, безъ всякихъ требованій, даже безъ знаковъ взаимности. Я любила одна, гордо и независимо, безъ воздаянія, безъ радостей, съ завѣтной грустью въ сердцѣ — и эта грусть была какъ темная обитель, въ которой любовь мерцаетъ свѣтлѣе. Я люблю въ какомъ-то бодрственномъ, здоровомъ состояніи; моя любовь не нарушала ничьего покоя, она не касалась ни чьихъ правъ; глубоко зарытая въ души моей, она пламенѣла святою религіей, которую набожно исповѣдывало мое сердце, боясь окрочить ее твоимъ прикосновеніемъ — ты легкомысленъ и развратенъ, Анатолій, я это всегда знала и это знаніе не возмущало меня. До-сихъ-поръ ни ревность, ни страсть не были причастны любви моей; я сохранила въ ней отпечатокъ суровой, холодной родины моей — я любила разумно и великодушно... и вдругъ какое-то страшное неразуміе овладѣваетъ мной, какъ-будто разумокъ мой помираетъ, какъ-будто какое-то неодолимое усыпленіе отягощаетъ меня; глаза мои слипаются, и если бы ты зналъ, какой чудный, волшебный мнѣ снится сонъ, который то волнуетъ, то плѣняетъ меня, и я, бѣдная, слабая женщина, не въ силахъ оторвать себя отъ этого сладкаго видѣнія....»

Робкое, милое созданіе, подумалъ юноша: никогда еще не встрѣчалъ я столько пламени и чистоты въ такомъ вѣжномъ образѣ. Много зналъ я женщинъ, многихъ любилъ изъ нихъ, но съ тобою готовъ бы былъ бѣжать на край свѣта, жить для твоего счастья, хранить тебя какъ святыню, врученную небомъ, чтобы не омрачило свѣтлой души твоей тлетворное вѣліе! жизни. Вѣрься мнѣ, мой прекрасный ангелъ, отдайся мнѣ, я проведу тебя подъ крыломъ любви моей и вознесу тебя къ Творцу твоему чистою и прекрасною: это будетъ мое земное назначеніе, мой благой подвигъ, который я представляю Богу какъ залогъ блаженства вѣчнаго.... Ты называешь себя бѣдной, слабой женщиной — да, моя Маріанна, женщина слаба, когда она не любитъ, когда не ограждаетъ ее любовь безграничная, неусыпная, — а съ нею она всецѣльна.... Что пугаетъ тебя во мнѣ, дитя? Ты считаешь меня развратнымъ; но не сама ли ты говорила мнѣ столько разъ, что когда я съ тобою, ты не вѣришь, чтобы я былъ пороченъ? Твое ли присутствіе очищаетъ меня или не касается любящей души моей тина, въ которой погрязаемъ мы, увлеченные омутомъ жизни, которой ты не понимаешь, мой младенецъ.... Не довѣряя мнѣ, какъ же можешь ты любить меня такъ прекрасно? Странное созданіе! Ты не боишься моей незаслуженной славы, ни человѣка стяжавшаго надъ тобою право — ты не таишь любви своей отъ равнодушной злобы; бросаешь тайну свою съ такою безразсудною дерзостью; клеветешь на себя — и я одинъ это знаю. Меня одного боишься ты какъ врага своего!...

Мысль о завтрашнемъ свиданіи волновала сердце его какими-то сладкимъ замираніемъ. Смутно мелькнуло въ головѣ его однажды воспоминаніе о неприятныхъ впечатлѣніяхъ того вечера — образъ стяжательной Сарры, неустоявая фигура страждущаго недугомъ самолюбія юноши, нескромность болтливаго пріятеля и какое-то вовсе не веселіе, которое умѣли находить гости его на ароматномъ днѣ бутылокъ, и онъ заснулъ, убаюканный розовыми надеждами.

II.

РОКОВАЯ МИНУТА.

На другой день легкой вѣвской экипажъ, запряженный парой сѣрыхъ бѣгуновъ, подвезъ его къ крыльцу одной изъ сосѣдственныхъ загородныхъ дачъ.

Ловко прыгнувъ молодой человекъ на ступени крыльца. Прекрасный счастливымъ чувствомъ, которое оживляло его, влюбленный и радостный взошелъ онъ въ гостиную, открытыя двери которой выходили на взморье.

При его появленіи невидимый огонекъ пробѣжалъ на свѣжемъ личикѣ молодой женщины, приютившейся въ углу мягкаго дивана. Глаза ея блеснули такимъ блескомъ, который ослѣпилъ бы взглянувшего на нихъ.

— Рѣдкій гость! вскричалъ вчерашній дородный мужчина съ тѣми же звѣздочками на какомъ-то сюртукѣ-халатѣ, который обнималъ дородную фигуру его такъ ловко, что ни одна одежда не могла, казалось, итти ему болѣе къ лицу.

Хозяйка легкимъ наклоненіемъ головы пріѣтствовала вошедшаго и молча указала ему на ближній стулъ. Это граціозное движеніе высказало какое-то дружественное обращеніе и замѣнило обычное слово, въ которомъ дрогнула бы, можетъ-быть, слишкомъ ясная, живая нота.

— Ну, какъ угомонились ваши вчерашніе пѣтушки? спросилъ хозяинъ съ такимъ искреннимъ хохотомъ, отъ котораго похорощла его добрая физиономія.

— Разошлись курочками, отвѣчалъ гость.

— На чтѣ похожа эта растрепанная молодежь, продолжалъ старикъ: таковъ ужъ, видно, духъ времени. Нынче чтѣ ни недоросль, то проповѣдникъ, каждый недоученый студентъ — философъ, и тѣмъ моложе усь, тѣмъ шире горло. Кричатъ, другъ друга не понимаютъ и не слышатъ, и, нечего сказать, не жалѣютъ постороннихъ ушей. Какъ напиримѣръ вашъ изступленный защитникъ Лафаржъ.

— Я замѣчаю, что бѣдный нашъ Ляликовъ боленъ, сказала молодая женщина: онъ раздраженъ какъ-то больше обыкновеннаго.

— Тѣ-то, вывелись на святой Руси богатыри, завелись тщедушные геніи.

— Однако жъ онъ страдаетъ, замѣтила съ женскимъ заступничествомъ хозяйка, и насмѣшливый Ивринъ такъ любитъ дразнить его.

— Я зову этихъ страдальцевъ мучениками неразумія. Отъищите причину ихъ страданія — дрянное самолюбіе, дрянная гордость, которая доводитъ ихъ до ничтожества. Отъ этого страданія у нихъ дѣлается невареніе желудка, которое производитъ скопленіе желчи, разрѣшаемое такими демонскими рацеями, отъ которыхъ

трещать уши, говорилъ съ возрастающимъ одушевленіемъ старикъ, не замѣчая, что собственная его желчь раздражалась и что другимъ путемъ онъ впадалъ въ тотъ же недугъ общаго недостатка.

— Но великое страданіе, какъ бы безумно оно ни было или не казалось, вызываетъ наше участіе, и если мы не можемъ понимать или уважать его, мы всё же невольно ему сочувствуемъ. Причина страданія можетъ-быть химера, но самое страданіе не отрицаемо.

— Женскій толкъ, мой другъ; химерное страданіе есть преступленіе. Отъ здравости членовъ зависитъ здравость тѣла, отъ здравости каждаго зависитъ здравость общества.

— Богъ вѣдаетъ, когда общество достигнетъ этой здравости! Когда оно ее имѣло? Тутъ есть какая-то страшная нерѣшенная задача, — сказала женщина съ своею инстинктивною вѣрою.

Молодой человѣкъ, который слушалъ диссертацию о страданіи съ приличнымъ лицомъ и съ искреннимъ страданіемъ въ сердцѣ, отъ принужденности своего положенія, почувствовалъ участіе къ послѣднимъ словамъ Маріанны — онъ взглянулъ на нее такъ неосторожно, что входящій Иврикъ схватилъ на лету цѣлый нескончаемый смыслъ этого взгляда.

Онъ влетѣлъ на боевыхъ коняхъ въ ихъ развивающееся разсужденіе, завладѣлъ, по привычкѣ болтливости, разговоромъ, насыпалъ сентенціями, но и самъ, какъ ретивый конь, который не поберегъ сначала силъ своихъ, почувствовалъ утомленіе.

Хозяинъ совершенно сбился съ нимъ съ толку. Неукротимый, бурный потокъ рѣчей Иврика своротилъ его съ затверженной логики. Не зная гдѣ найти себя, онъ спросилъ, кто завтракалъ сегодня въ палероалѣ?

— Одна предсѣдательница нашихъ кофейныхъ—сѣверная нягиня съ своею безбородою свитою, всё на водахъ, отвѣчалъ онъ, довольно расположенный переимѣнить матерію.

Разговоръ перешелъ на воды, но какъ-то не развивался, сбился на оперу, свернулъ отъ приданной на лекорачное повѣтріе, перепрыгнулъ на политику и погрязъ въ литературѣ.

Понятно, что бесѣда, въ маленькомъ заведеніи, въ присутствіи любящейся четы не заирядется въ длинную радужную нить, усыпанную блестящими искрами остроумія, на которой пріятыя отбѣски сливаются въ такіе неожиданные переходы. Эгоистическая любовь не отвѣчаетъ ни на какіе замысловатые вызовы,

она ничего не слушаетъ, все надѣдаетъ ей — и она готова поразить всякое краснорѣчіе громовымъ началомъ рѣчи Цицерона: *Quousque tandem abutere o Catilina patientia nostra.*

При всей нестойчивости Иврина, при всемъ стараніи его оживить вялую бесѣду, она дремала. Хозяинъ, разсѣдлавъ ѣзжалаго конька своего — юное поколеніе, не углублялся въ другіе предметы; Анатолій и Марианна не возобновляли матеріаловъ — они были въ одномъ изъ тѣхъ роковыхъ раздражительныхъ мгновеній, когда задушевное слово сильно погаситъ цѣлую бурю сердца, а невозможность произнести его взрываетъ вулканъ.

По истеченіи узаконеннаго срока, Анатолій Ройновъ долженъ былъ встать. Онъ поклонился съ обыкновенною спокойною ловкостью; но въ этомъ спокойствіи было совершенное отчаяніе. Сердце Марианны сильно забилося. Отдавая прощальный поклонъ, она едва замѣтно отдѣлила два пальчика блѣдной руки своей, что значило два часа пополудни на берегу залива. Уходящій поклонился вторично; но въ глазахъ его блеснула радость.

III.

ДВѢ ЗОРИ.

Закатызалось красное іюльское солнце въ фіолетовыя волны Лимана, отражаясь въ нихъ обаяраннымъ золотомъ. Необозримая масса воды походила на огромный, живой аметистъ, усыпанный безчисленными горящими звѣздами. Небо казалось въ пожарѣ.

Марианна смотрѣла на великолѣпную зорю одна съ того самаго угла дивана, съ котораго она какъ-будто не двигалась съ самаго вечера. Глаза ея были заплаканы; она чувствовала мучительное безсиліе. Мысли ея цѣпегѣли.

Часть тому назадъ, она пережила цѣлый годъ. Зрителемъ глядѣла она въ перспективу минувшаго, и память съ изумительно вѣрностію уставляла передъ глазами ея воспоминанія прошедшаго. Она, казалось, видѣла его впервые, и послѣдовательно представлялась ей всѣ ихъ свиданія. Былыя волненія снова взволновали ее, былыя страданія снова стѣснили душу. Мимолетныя радости, тяжкое прозрѣніе, неодолимое недовѣріе — все было тутъ. Весь свитокъ жизни ея развернулся передъ нею.

Необходимость обручила ее человеку пожилому, имѣвшему въ которое значеніе въ обществѣ, котораго семья назначила ей покровителемъ и благодѣтелемъ. Религіозно приняла она жребій свой и легко его полюбила. Ея пятнадцати-лѣтняя логика освѣтила ей будущность самымъ розовымъ, плѣнительнымъ свѣтомъ. Съ чего-то ей представилось, что преклонныя лѣта ииѣютъ непосредственно свои недуги и печали, которыя облегчаются заботами и любовью. Я буду живымъ пышнымъ цвѣткомъ въ терновомъ вѣнцѣ его, думала она: буду ангеломъ-хранителемъ его старости—и безстрастный, вѣрный ребенокъ прильнулъ горячимъ сердцемъ къ стынущей груди.

Первые годы супружества эта чета гармонировала въ спокойномъ, безмолвномъ союзѣ. Утомленный въ тревогахъ жизни, мужъ отдыхалъ въ эгонстическомъ бездѣйствіи — младенецъ-жена его еще не вкушала жизни.

Необходимая болѣзнь молодости — лихорадка любви, не воспламеняла еще молочной крови. Ядовитый цвѣтокъ, созрѣвая въ груди, не открывалъ еще опасной коронки своей.

Черезъ нѣсколько времени съ какимъ-то страннымъ изумленіемъ молодая женщина убѣдилась, что тотъ, для котораго она приготовила столько ласкъ и попеченій, благодаря Бога, вовсе въ нихъ не нуждался; что онъ былъ крѣпокъ и силенъ и доволенъ собою какъ-нельзя больше, и что, слѣдовательно, она была вовсе не райскій цвѣтокъ утѣшенія, не ангелъ помощи и любви, а хорошенькая игрушка, которой назначено занимать свое мѣсто въ гостиной дома или на общихъ сходбищахъ свѣта.

Оцѣнивъ свое положеніе, она помирилась съ нимъ въ младенческомъ незлобін и усердно принялась за исполненіе своего призванія: самое утонченное, самое глубокомысленное сочетаніе лентъ и кружевъ и дымчатыхъ тканей окутывали своими радужными облаками прекрасное созданіе, такъ артистически, что ни одна неизмѣнная жрица моды не могла съ нею сравниться. Каждое утреннее *négligé* ея для одного мужа было такъ же обдуманно, такъ же безукоризненно, какъ и роскошный вечерній нарядъ ея въ оперѣ. Ея милое, благотворное кокетство начиналось въ кругу избраннаго общества и не оканчивалось наединѣ съ ея горничной.

Веселая, остроумная болтовня ея отзывалась какимъ-то забавнымъ своеобразиемъ, какою-то игривою дерзостью, которая отличала ее отъ однообразныхъ, вѣрныхъ послушницъ свѣта — и

гордые его диктаторы не казнили милой отступницы подъ вліаніемъ неотразимаго ея очарованія.

Но эти привилегіи, въ раздушенномъ искусственномъ мірѣ, гдѣ кружилась она подъ звуки упонительной музыки въ нескончаемомъ вальсѣ, сокрушались въ закулисномъ углу домашняго печелища. Она стала замѣчать, что старость точно имѣетъ свои недуги — ребяческую раздражительность, которая помогаетъ обращенію густѣющей крови, и старческую горечь, которая, какъ оскомина, остается отъ труда жизни. Мало утѣшительныхъ, драгоценныхъ исключеній изъ этого общаго жребія. Ребенокъ при всемъ великодушіи своемъ не умѣлъ сознать этого непреложнаго закона. Въ молодомъ сердцѣ ея пробуждались требованія каждаго-то воздаянія за чистый и жаркій пламень, который сжигалъ его и, омрачая снисходительность свѣтлой природы, дѣлалъ ей невыносимыми эти маленькія терзанія, которыя вовсе незначительны въ отдѣльности и нестерпимы въ массѣ — такъ же какъ укушеніе комара есть минутное ничтожное безпокойство, которое обращается въ бѣдствіе при несчетномъ повтореніи.

Тягость этого положенія давила жизнь молодой женщины, какъ гнететъ воздухъ туча, которая обнимаетъ горизонтъ пасмурной пеленой своей и не разрѣшаясь грозой, тѣснить грудь и вливаетъ тоску въ сердце. Тоска рождаетъ раздуміе, а оно развиваетъ душу. Это страданіе предохранило молодую женщину отъ ничтожества — необходимаго слѣдствія условной, изломанной жизни, гдѣ распадаются лучшія данныя — въ немъ находила она какую-то грустную отраду и новыя мѣки.

Обманутое сердце ея стало бояться другихъ обмановъ. Это также внушило ей недоверіе и привило къ ней привычку анализировать всякую мысль, углубляясь на дно каждаго чувства. Изъта безпрерывная метафизическая разработка вселмлаезъ, подобно мономаніи или какой-то непостижимой придурнѣ, въ умную ея головку, которая, въ самой жаркой порѣ безразсудной любви и легкомырія, еще не умѣла переваривать своихъ сомнѣній.

Въ эту смутную эпоху судьба толкнула на дорогу ея пылаго юношу, колюбнншаго ее всею способностью безумнаго сердца. Они, казалось, были созданы другъ для друга, нравственныя возможности ихъ были равносильны, ихъ терзалъ одинъ недугъ и они гармонировали въ одномъ парадоксѣ; только проявлялся онъ въ нихъ какъ-то различно. Юноша вѣрилъ — и сомнѣніе за-

стало его въ-равнохъ, въ минуту самого жаркаго вѣрованія. Маріанна не довѣрялась, берегла бѣдное сердце свое, и также неожиданно отдавалась вѣрѣ, которая снова ее обманывала.

Цѣлый годъ времени отъ перваго произнесеннаго *люблю* сомкнулся для нея въ одинъ жаркій мигъ сладкаго страданія. Вчера написала она ему первое страстное письмо, сегодня назначила первое роковое свиданіе. Мысль объ немъ налетала злобщей итѣней на робкое сердце Маріанны, заслоня его чернымъ крыломъ своимъ; а въ глубинѣ, тайная, трепещущая, звучала радость.

Она смотрѣла безсознательно на утопающее въ морѣ солнце, которое кровавымъ заревомъ освѣщало на горизонтѣ послѣднее облачко. Огненные пары окутывали лучезарною сѣтью прозрачный образъ его; клубясь, разстилаясь, играя послѣдними догорающими лучами, они постепенно и незамѣтно въ немъ угасали, и какъ дѣва, сложившая праздничную мантию и діадиму, въ бѣлой одеждѣ ангеловъ творящая вечернюю молитву, легкое облако предстало тревожному взору Маріанны во всей безплотной чистотѣ своей..... Она закрыла пылающее лицо руками и замерла въ неизяснимой мукѣ.

Спокойный сводъ постепенно темнѣлъ. Нисходила торжественная тишина, таящая высокій глаголь, проникающій душу благоговѣніемъ, и море, за минуту обьярненное, искристое, умолкло. Едва-едва касаясь береговъ сонная плескала волна. Маріанна слышала бѣненіе своего бѣднаго сердца; взоръ ея утопалъ въ непроницаемой чернотѣ ночи.....

Подулъ свѣжій вѣтерокъ; листочки деревъ зашептали, вызывая откликъ встающей волны..... блеснула первая алмазная звѣздочка—и засвѣтился весь небосклонъ безчисленными огнями. Окружная степь обилась лучомъ мѣсяца и засеребрилась какимъ-то волшебнымъ сіяніемъ.

«Нѣтъ, связала себя, вдругъ опомтившись, молодая женщина. Я буду нѣтъ мужество одолѣть эту муку! я не измѣню себя... все минуетъ, и горе и радость, и тоска и томленіе, — пусть же минуетъ и это сладкое страданіе и это страшное терзаніе.... Какъ знать, не заблуждаюсь ли я въ собственномъ чувствѣ, отъ котораго замираетъ душа моя и помрачается разсудокъ, и кто испугаетъ сердце чужое?....

Она опрокинула какимъ-то рѣшительнымъ движеніемъ пре-

красную головку свою на спинку дивана и какъ-будто окаменѣла въ этомъ положеніи.

А между-тѣмъ безотчетно, смутно ронлись въ головѣ ея понятія, что мужъ ея не возвратится сегодня, что онъ остался въ клубѣ, а застава порто-франко не поднимется до утра... Но развѣ въ первый разъ это случалось? Такъ проводитъ она каждое лѣто — можетъ провести и остальную жизнь.

Еще одно, одно тяжкое усніе, и она восторжествуетъ. Еще одна, одна мѹка—и она одолѣетъ послѣднее искушеніе. Эта свѣтлая мысль низвела чудный миръ въ ея душу.

Пробило два часа. Тонкій, серебристый, дрожащей струнѣ подобный звукъ раздался въ темномъ покоѣ и ударилъ прямо въ сердце бѣдной женщины.

— Онъ ждетъ меня, подумала Марианна, и какъ облачное воздушное зданіе отъ дуновенія вѣтру, разомъ разсѣялись всѣ заррѣнія младенческой совѣсти, всѣ недовѣрія страждущаго сердца—она бросилась въ растворенныя на террасу двери.

— Ты еще не спишь, вскричалъ, неожиданно загородившій ей дорогу, мужъ, который задыхаясь ввалился въ комнату. Помилуй, матушка, сдѣлай одолженіе, что за полуночиество? Ты знаешь, я терпѣть не могу этихъ позднихъ ожиданій; ложись и спи; и завтра успѣемъ насмотрѣться другъ на друга.

— Я не ждала тебя, я полагала, что ты въ городѣ, отвѣчала въ смущеніи молодая женщина.

— Вѣдь я съ тѣмъ и отправился изъ дому, чтобы захватить за сосѣдомъ и везти его въ клубъ по вчерашнему уговору, о которомъ онъ вовсе позабылъ въ какомъ-нибудь любовномъ разсѣяніи, и очень былъ удивленъ, увидѣвъ меня передъ собою; началъ отвѣкаться; я, въ свою очередь заупрямился, и мы помирились на партіи преферанса у него въ домѣ. Она бы окончилась гораздо раньше, но юноша былъ въ какомъ-то раздражительномъ состояніи, сталъ горячиться, затянулъ игру, такъ что во второмъ часу едва двѣ пульки были окончены. Онъ было настоятельно сталъ усаживать меня на третью съ твоимъ сѣдоволосымъ обожателемъ болтуномъ Ивринымъ, да я отказался, именно потому, что терпѣть не могу никакихъ настояній. Однако же прощай, твои глазки, я вижу, слипаются отъ сна, сказалъ онъ съ супружескою заботливостью, и удалился на вождѣнный покой.

Хотя въ прекрасныхъ глазкахъ Марианны вовсе не было ни тѣни дремоты, она молча пошла въ свою комнату. Какъ провела

она остальную ночь, какъ бѣдное сердце ея то радовалось испосланной Провидѣніемъ въ тяжкую минуту неожиданной помощи, то рыдала отъ тайной досады, въ которой страшно было сознаться себѣ самой, какъ непрерывно упрямая мечта, тщетно изгоняемая, врывается въ воспаленную голову и подымала тамъ ничѣмъ не смиряемую тревогу — передать трудно; это все происходило въ глубинѣ души ея и на прекрасномъ челѣ не было ничего видно.

Скоро румяный разсвѣтъ заигралъ на немъ утреннимъ свѣжимъ блескомъ и такъ живо, такъ свѣтло озарилъ милое лицо ея, что оно какъ-будто прояснилось, какъ-будто внутренняя тоска скрылась глубже.

И какое роскошное вставало утро! Солнце, казалось, на праздникъ Божию взошло радостнѣе на небѣ. Надъ моремъ ночнаго тумана разсыпались золотые лучи. Свѣжій воздухъ вливался сладкимъ нектарамъ въ сердце, и всюду раздающійся голосъ пробужденной природы пробуждалъ, казалось, душу неизъяснимымъ сочувствіемъ.

Тихо еще было въ домѣ и въ густо разросшемся разнообразною зеленью набережномъ саду; только соловьи, неутомленные непрерывною пѣснью теплой лунной ночи, еще громче возгласили гимнъ свой встающему дню; только розы и акаціи съ прикосновеніемъ первыхъ лучей дохнули новымъ ароматомъ; только неуклюжіе жучки и рѣзвые бабочки поползли и полетѣли хвалить свѣтлое утро по цвѣтущимъ жилищамъ своимъ — а море, сбрасывая темную, стальную броню свою, усыпанную алмазными звѣздами, наряжалось въ дивную бирюзовую мантию, убирая каждую волну серебряною бахрамою брызговъ.

Природа! Живая, роскошная декорація, на которой человѣкъ разыгрываетъ божественную комедію жизни по призванію Промысла. Великій, достойный своей обстановки актеръ! Не исказилъ ли онъ опредѣленной ему роли, измѣнивъ своему назначенію и, развлекаемый безсмысленною суетою, отуманенный демонскимъ наводненіемъ, не уподобилъ ли онъ жизнь картинѣ жалкаго художника, вставленной въ великолѣпную раму!

По-крайней-мѣрѣ разнообразныя, ненаглядныя, всегда раскинутыя предъ глазами его красоты созданія назидаютъ ли его своею ненарушимою прелестію? Въ непонятномъ помраченіи смысла, какъ рѣдко замѣчаетъ онъ вѣчно возвышающійся надъ головою его сапфирный сводъ неба съ его дивными свѣтлами. Напрас-

но горитъ передъ глазами его громадный анимозъ еванже, отраженное въ необъятной класи океана — человекъ не очарованъ его блескомъ: онъ смотритъ съ безумнымъ нападешеніемъ на сусальную позолоту своихъ карнизовъ, которые стоили ему проваваго поту.... Обольщенный, надменный, онъ сосредоточивается въ себя самомъ, живетъ однимъ гордымъ, безсильнымъ разумемъ. Холодному, развлеченному, чтобы сочувствовать природѣ, которой принадлежитъ онъ какъ цвѣтъ корню, ему необходимо возбужденіе очерствѣлыхъ силъ души, страданіе, которое, какъ гальваническое потрясеніе, живитъ бродящій трупу его....

IV.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ, ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ, И СОЛНЦЕ, И ЛЮБОВЬ!

Но давно уже встало солнце, давно начался обычный житейскій день подъ знакомою намъ кровлею. Молодая хозяйка этой обители была задумчива и прекрасна; ея вовсе не задумчивый собесѣдникъ давно уже ждалъ ея появленія въ спокойномъ креслѣ надъ трехъ-аршинною страницею иностранной газеты.

— Чѣмъ же я сегодня провинился передъ тобою, что ты не хочешь даже поздороваться со мною? сказалъ онъ съ ласковымъ упрекомъ, когда наконецъ ожидаемая вошла въ гостиную и въ смущеніи молча сѣла за чайный столикъ, не сказавши ни слова.

Голосъ его былъ такъ пріятливъ, такимъ яснымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на хорошенькую жену свою, подъ пріятнымъ вліяніемъ вчерашняго выигрыша, что бѣдная женщина почувствовала невыносимую муку. А живость ея положенія извила гордое, правдивое сердце—это бѣдное сердце трепетало въ ней какъ напуганная птичка, которая не знаетъ, куда выпорхнуть ей, стѣсненной отвсюду неволей. Она покраснѣла и, потуя зорь, молча пожала руку старика.

По какому-то необъяснимому слѣдствію, это страданіе оживило млыя черты молодой женщины чудною красотою — ихъ озарила любовь своимъ волшебнымъ блескомъ и самая мука въражалась въ ней такимъ нѣжнымъ томленіемъ, что никогда еще, казалось, она не была такъ прекрасна.

Ея утренній кружевный чепчикъ, свѣрхъ гладко зачесанныхъ черныхъ, съ вѣроновымъ отливомъ волосъ, огибалъ такую облич-

Ново рѣшимою прѣдвѣдѣлся оманъ ея розовато подбородка, такъ ижеко рисовался, при движеніяхъ головы ея чистый просилъ, тамъ не-скончаемая прелесть была въ проткомъ взорѣ ея голубыхъ глазъ, такъ легко и таинственно драпировала гибкій станъ ея ижекокая блуза, что не было спасенія отъ этого сочетанія очарованій, и даже самъ мужъ чувствовалъ себя подъ его вліаніемъ.

Послѣ непродолжительной утренней трапезы, едва успѣла молодая женщина перевернуть, для прѣдвѣдѣн, нѣсколько страницъ новаго журнала, доложили о визитѣ Ройнова.

— Проси, сказалъ хозяинъ, нѣсколько удивленный раннимъ появленіемъ сосѣда.

Сердце бѣдной Маріанны замерло въ груди. Она взглянула на входящаго, и вся тоска вчерашняго обманутаго ожиданія, которую легко ей было прочесть на мрачномъ лицѣ его, отозвалась въ ея душѣ.

— Вы извините мое посѣщеніе, сказалъ послѣ обычнаго поклона нежданный гость, обращаясь къ хозяину. Миѣ нужно ваше покровительство въ самомъ крайнемъ дѣлѣ, и я рѣшился безпокоить васъ.

— Сдѣлайте одолженіе, чѣмъ могу служить вамъ?

— Совѣтомъ и помощію, отвѣчалъ Ройновъ. Сегодня на водахъ я проигралъ этой сумасшедшей княгинѣ Кремской парі—морской праздникъ, который долженъ быть устроенъ къ завтрашнему утру, то есть, раньше чѣмъ поспѣетъ туалетъ ея, который она закажетъ для этого случая.

Искусный фizioномистъ и тонкій наблюдатель примѣтилъ бы, можетъ-быть, какую-то странную интонацію въ этомъ произнесенномъ подобно рапорту ординарца объясненіи, и какое-то раздраженіе въ приемахъ озабоченнаго пиродателя. Онъ прочелъ бы можетъ-быть всю вчерашнюю драму въ усиленномъ спокойствіи молодой женщины; но въ комнатѣ не было наблюдателей. Импровизованное увеселеніе въ такое скудное для удовольствій время года, заняло разговаривающихъ необычайными соображеніями, которыхъ требовала краткость назначеннаго срока.

Маріанна выжидалась въ ихъ распоряженія, и послѣ головоломнаго трактата, молодой человекъ вышелъ съ такою сильною долей счастья въ сердцѣ, что оно какъ-будто разрывалось отъ избытка въ груди его.

Онъ былъ на верку блаженства, любовь была его одежомъ, и онъ не видалъ ничего за его чертою. Онъ любилъ всю сіяющую

души своей, и великое мгновение, казалось, любилъ всё больше и сильнѣе, до самой безумной страсти.

Весь этотъ день съ помощью золотого жезла, онъ создавалъ тысячи чудесъ самой изысканной роскоши, и каждая подробность имѣла цѣлю угодить обожаемой женщинѣ. Каждый мигъ онъ чувствовалъ, что завтра она будетъ здѣсь царицей этого праздника, и онъ созвалъ бы всё подводныя силы, извлечь бы изъ нѣдръ земли всё сокровища, чтобы соорудить достойный алтарь этому милому божеству.

Въ назначенную пору, около двухъ часовъ пополудни, стали тянуться по крутому спуску экипажи въ купеческую гавань, гдѣ нѣсколько большихъ катеровъ, подъ разноцвѣтными балдахинами ожидали пассажировъ.

Общество собиралось въ раскинутой на берегу большой палаткѣ, убранной множествомъ цвѣтовъ, красиво разставленныхъ въ узорныхъ корзинахъ.

Марсельскіе соломенные стулья давали въ этой зелени такіе живописные пріюты; такъ роскошенъ оттуда былъ видъ на море, горящее золотомъ подъ ослѣпительнымъ блескомъ іюльскаго солнца, котораго зной не охлаждался сътью прозрачной тѣни отъ безлиственного лѣсу мачтъ у пристани, и такъ хорошо было тамъ, что, казалось, куда бы и ѣхать изъ этого ароматнаго, прохладнаго пристанища, въ которомъ раздавалось нѣсколько живыхъ голосовъ вокругъ заметной изъ древней столицы княгини, представительницы разительнаго типа почетныхъ законодательницъ. Эти голоса превозносили счастливое парі, которому обязано было общество неожиданнымъ удовольствіемъ. (Никто не подозрѣвалъ истиннаго смыслу этого праздника и не одна самонадѣянная красавица втайнѣ признавала себя, по какому-нибудь праву, основною мыслью этого художественнаго созданія.)

Привѣтливый хозяинъ старался быть надосугѣ еще привѣтливѣе. Въ ожиданіи той, которая должна была одушевить его роскошный пиръ, и безъ которой онъ бы не въ силахъ былъ его выдержать, онъ переходилъ отъ одной группы къ другой. Но вотъ явилась и она подъ широкою тѣнью своего спутника.... она, пышный, ароматный цвѣтокъ, съ каждой зарею всё прекраснѣе и душистѣе. Какая роза сравнится сегодня съ ея красотою! Какъ обворожительно осѣняетъ милое лицо ея, подобная морской пѣнѣ, прозрачная шляпка съ вѣткою какого-то ягоднаго кустарника. Два длинныхъ черныхъ локона виспадаютъ до са-

ныхъ ираморныхъ плечь, связующихъ изъ-подъ кисейнаго вѣрота ея платья. Сиреневая мантия скрываетъ ея талью; но подъ случайными складками она угадывается при малѣйшемъ движеніи. Ей подавъ хозяйнѣ руку, пригласивъ кавалеровъ вести цвѣтущую гирлянду прекрасныхъ горожанокъ къ гавани, по устланымъ коврами ступенямъ.

Шлюпка, назначенная для принятія милого существа, казалось, не была отлична отъ прочихъ, и только для опытнаго взгляду замѣтна была въ ней особенная заботливость: драпировка балдахина давала болѣе тѣни, персидскіе ковры и бархатныя подушки были расположены удобнѣе; лучшіе гребцы несли, какъ на крыльяхъ, красивую лодку вслѣдъ за военнымъ барказомъ, вмѣщавшимъ театральнѣ оркестръ, который какъ сладкогласная сирена увлекалъ за собою веселыхъ плователей. Очарованный Анатолій видѣлъ только высокое небо, да безбрежное море, да очи милой, — все остальное совершалось вокругъ какъ-будто внѣ его присутствія.

Послѣ двухъ часовъ плаванія суда пристали къ дикому берегу, живописно обставленному пирамидальными и звѣрообразными утесами. Отлогая низъ, на необозримое пространство была окружена сплошною кулисою горы, усѣянной цвѣтущими кустарниками того климата, которые благорастворяя воздухъ, не освѣжаютъ его ни прохладой, ни тѣнью, а только развѣ изрѣдка замаятъ въ безпокойный пріютъ мимолетнаго лебеда или орла, который, оставляя черную скалу обители своей, не пренебрегаетъ, въ степи, поверстнымъ столбомъ для своего отдыха.

На этомъ пустынномъ берегу раскинулась чудесная декорація парусныхъ, убранныхъ радужными флагами кораблей, палатокъ, подъ сѣнію которыхъ, посреди цвѣтовъ и золотыхъ чашъ, при громѣ музыки, ожидала гостей роскошная трапеза.

Не-разъ, въ кругу толпы влюбленные чувствовали себя, на нѣсколько минутъ, уединенными и чуждыми всему окружающему. Общее искреннее веселье увлекало ихъ по временамъ этимъ упоительнымъ угаромъ, который охибляетъ голову и нѣжитъ сердце. Но приличіе снова разлучало ихъ и острило жало мучительнаго чувства неволи.

Послѣ обѣда общество вышло на террасу, устроенную въ скалахъ амфитеатромъ, надъ самымъ моремъ. Тамъ расположилось ово разсѣянными группами, любясь роскошнымъ, дотолѣ невиданнымъ зрѣлищемъ: вечернѣющее море представляло живую де-

корецію, по которой небольшія лодки, съ одѣтыми въ костюмкахъ гондольеровъ италійскими актерами, сгруппированныя вокругъ берега, гремѣли хоромъ національныя баркаролы, то вѣжнострастныя, то веселыя, разливаясь по волнамъ чуднымъ; ни съ чѣмъ несравненнымъ эхомъ.

Общее восторженное рукоплесканіе приняло эту грандіозную серенаду. Музыкальное сердце Маріанны вырывалось изъ груди. Ей надо было призвать все мужество свое, всё смѣлы, чтобы не броситься на шею другу... Она чувствовала себя въ такомъ страстномъ восхищеніи, что готова была измѣнить себя каждую минуту.

Счастливый Анатолій смотрѣлъ на нее въ необъяснимомъ упоеніи. Но звуки живыхъ, быстрыхъ вальсовъ Штрауса и Ланнера вывели ихъ изъ сладкаго забвенія и повлекли вслѣдъ за вѣтронными четами въ освѣщенный, драпированный кисеею павильонъ, украшенный фестонами свѣжихъ цвѣточныхъ гирляндъ и вьющихся вѣтвей дикаго винограда.

Они смѣшались въ общемъ омутѣ веселья. Здѣсь и тамъ мелькала прекрасная чета, упоенная угаромъ бала, ощущая еще совершеннѣе блаженство любви послѣ недавняго раздражительнаго лишенія. Здѣсь и тамъ скользили на нихъ то ревнивые, то завистливые взгляды. Но любовь пламенною броней облекала своихъ избранниковъ и о нее сокрушалось жало злобы.

Взволнованная женщина то носилась въ вихрѣ употѣльнаго вальса, замирая на трепетной рукѣ друга, то внезапно пробуждали ее на лету клочки оторванныхъ рѣчей окружавшихъ.

— Посмотри, посмотри, моя милая, говорила, схвативъ ее за юбку, княгиня, подложная виновница праздника: эта красавица съ крашеными бровями, щеками и волосами скоро позволитъ своему кавалеру положить ей локти на плечи.

— Гдѣ? что такое? спрашивала въ разсѣяніи Маріанна.

— Дай Французу волю, продолжала она, не слушая, строгая блюстительница: онъ сядетъ на колѣни.

— *Vous êtes ravissante!* шепнулъ ей на-ухо Ивриль. Ампріонъ нашъ совершенно потерялъ голову. А замѣчаете ли вы пронзающіе васъ ревнивые взоры этихъ черныхъ глазъ? Взгляните сюда на прекрасную путешественницу.

— Я ничего не вижу, отвѣчала Маріанна, и снова искала глазами друга, и снова увлекать онъ ее отъ земли, отъ всего окружаю-

шаго въ безграничное, сдѣлаю небо любаѣ, гдѣ были однѣ одиѣ среди народа, гдѣ забывали все на свѣтѣ.

И легко и быстро дѣлалъ часы, унося съ собою лучшія минуты жизни.

Трескъ отъ пущенныхъ ракетъ вывелъ любовниковъ изъ упорядоченнаго забвенія и подалъ сигналъ «сейсверка». Фантастическіе побѣги потѣшныхъ огней горѣли узорнымъ пожаромъ. То пламенный фонтанъ, то гигантскій взъ самоцветныхъ камней шить, то какаѣ-то изъ сцѣпленія безчисленныхъ колесъ живая огненная механика и заключительный ракетный шептъ, представили удивленнымъ отъ удовольствія зрителямъ блестящій финалъ праздника.

Эти яркіе, радужные переливы огней горѣли для страстнаго юноши только въ прекрасныхъ очахъ подруги, и въ этомъ мимолетномъ отраженіи видѣлъ онъ пламя, которое жгло его въ глубинѣ сердца.

Расплавленный цѣлымъ днемъ, въ этой раздражительной атмосферѣ шѣги и звуковъ, любви и цвѣтовъ, онъ сгаралъ въ страстной лихорадкѣ. Вдругъ пламенная мысль запала въ горячее сердце и безумный плакъ составилъ въ головѣ его.

Съ послѣдней погасшей искрой, гости увидѣли на водѣ иллюминированные разноцвѣтными глобусами «снарей» катеры, которые, подобно огненнымъ волшебнымъ замкамъ, тихо колеблемые и отраженные въ волнахъ, ожидали желаннаго возвратиться въ городъ — и на ихъ привлекательный свѣтъ какъ мотыльки полетѣли группами отпировавшіе гости, которые свѣдѣли выгоднѣе приютивъ себя въ плавучихъ, устланныхъ коврами колыбеляхъ.

У.

БУРЯ.

Въ светлую минуту разъяра, Анатолій отълекалъ въ толпѣ ту, которую не терялъ ни на минуту изъ виду. Онъ подалъ ей руку и поспѣшно вывелъ ее изъ оскѣщенія.

— Куда мы идемъ? робко спросила Марьяна.

— Еще одинъ шагъ, отвѣчалъ Анатолій — и прежде нежели она могла опомниться, онъ ввелъ ее въ уединенную, стоящую у темнаго берега гондолу.

— Что это значитъ? спросила испуганная женщина.

— Ты должна простить меня, сказалъ усаживая ее въ крытой отсюда палаткѣ, на устроенный изъ подушекъ маленькой диванъ: прости, прости, молвилъ онъ, покрывая жаркими поцѣлуями ея руки.

— Гдѣ мужъ мой? въ смущеніи сказала Маріанна.

— Я самъ проводилъ его до кареты. Онъ полагаетъ, что ты поѣдешь въ одной изъ шлюбокъ; то же будетъ думать отдѣльно каждая группа пассажировъ. Я все предвидѣлъ, мой ангелъ; ты ничего не рискуешь. Съ нами пара надежныхъ гребцовъ, которые не знаютъ и не увидятъ тебя. Не бойся, мой прекрасный другъ. Никогда въ жизни, можетъ-быть, мы не будемъ больше такъ одни, такъ отдѣльны отъ всего міра между бездной воды и неба.

Кающійся, пламенный стоялъ передъ нею Анатолій, Маріанна молчала въ невыразимомъ чувствѣ. Невѣрный свѣтъ озарялъ блѣдное лицо ея, разстроенное, испуганное. Какъ ни любила она его, какъ ни сильно было въ ней за нѣсколько минутъ волненіе этой любви, но теперь она трепетала отъ страха. Похищенная какимъ-то предательствомъ, оторванная отъ остальнаго міра, во власти почти безумнаго, Маріанна содрогнулась. Но берегъ бѣжалъ отъ глазъ ихъ, теряясь въ темнотѣ и туманѣ ночи; но слезы блеснули на милыхъ очахъ.... она хотѣла просить и не находила словъ, хотѣла требовать, и уста замирали, искала въ душѣ негодованія, и невозможно было произнести ни одного упрека. Въ безуміи, бѣдная женщина бросилась въ пламенные объятія друга, жаркія уста его прильнули къ блѣднымъ, помертвѣлымъ устамъ молодой женщины и жгучій поцѣлуй уязвлялъ ее до глубины души.

Лодка ихъ изъ-дали слѣдовала за длинною вереницею сто-глазыхъ чудовищъ, которыя какъ-будто выплыли изъ подводныхъ жилищъ своихъ подъ покровомъ ночи. Отъ времени до времени долетали до слуха пловцовъ оторванные звуки отдаленнаго оркестра — и свѣжающее ночное море, какъ въ колыбели качало легкую ношу свою.

— Или нынче въ ночь уже не взойдетъ мѣсяцъ, — сказалъ одинъ изъ гребцовъ товарищу.

— Да вишь какъ заволокло небо тучками.

— Добраться бы намъ до погоды въ пристань. Вѣтеръ такъ ж дуетъ въ лицо!

— Не доберемся, такъ покатаемся. Развѣ охоты не станеть?

— Охота нешто, когда двойная работа — двойная добыча.

— Будеть, небойсь, и четверная, какъ начнетъ дуть въ затылокъ. Вѣдь эту будку не повернешь парусомъ куда хочешь.

Небо постепенно сгушалось. Подымались валы, взбрасывая на крутые хребты свои, какъ скорлупку, маленькое судно; они какъ-будто вставая на дыбы противъ ничтожнаго непріятеля и не удостоявая поглотить его, обливали матросовъ хододными брызгами.

— Не шути, море, недосужно шутить, — говорили безпечные моряки, усугубляя усмія.

А между-тѣмъ нечувствительно измѣнившійся вѣтеръ сталъ относить ихъ въ море. Распространяющійся мракъ слѣпилъ очи. Они потеряли изъ виду своихъ путеvodителей, и только электрическій блескъ отъ удара весель и сверкающая изрѣдка молнія освѣщали ихъ своимъ летучимъ свѣтомъ.

Ночное небо надъ тихимъ моремъ....

Когда усѣянное яркими звѣздами, оно сыплетъ алмазныя искры на черныя волны.... Когда отраженіе мѣсяца вонзается золотымъ якоремъ въ бездонную глубь.... Когда рѣзвая лодка, въ тишинѣ размахивая дружными веслами, узкой грудью рѣжетъ упругіе валы, оставляя за собою огненную бразду фосфорныхъ брызговъ и несется съ быстротою птицы.... Когда влажный, растворенный электрическою теплою воздухъ, обливаешь и иѣжитъ тонкою струею—таинственная симпатія обвѣхъ стихій проникаетъ душу... Какая великолѣпная, нескончаемая прелесть!...

Какъ тѣнь скользнуть легкій челнъ по зыбкой поверхности, и безотчетное, неизяснимое желаніе влечь въ темную даль, туда, гдѣ ничего уже не видно, куда напряженная мысль не можетъ проникнуть....

Весело въ такую ночь, перекинувшись небрежно черезъ бортъ, чертить тонкой тростью на черной влагѣ вѣзель милой, который на секунду остается видимой буквой — и потомъ исчезаетъ, какъ исчезаетъ, можетъ-быть, его образъ въ сердцѣ....

Чудно тонуть заманчивою фантазіей въ глубинѣ, гдѣ подводныя сокровища, кораллы и перлы сливаются въ калейдоскопныя узоры.

Отрадно и грустно, среди этой зыбкой пустыни, отрѣшенному отъ земли, вызывать изъ сердца завѣтныя, драгоценныя воспоминанія; съ высоты небесъ они смотрятъ то улыбающимися, то печальными лицами.

Но страшно, дерзко возжигать пламенный костеръ страсти надъ отверстою могилкою.... и, непонятное безуміе страсти: въ этой самой дерзости юноша находитъ какое-то изступленное наслажденіе....

Погода хмурилась; отдаленные перебаты грома слышались съ шумомъ дробящихся водичъ; но, колеблемые въ брешной раковинѣ надъ бездонною пропастью, пловцы не замѣчали опасности. На колѣняхъ, прекрасный и вдохновенный, съ жаркой и страстной молитвой, стоялъ Анатолій; въ устремленномъ на очарованную женщину влажномъ взорѣ была магнетическая сила и въ неизяслимомъ упоеніи подъ грозящимъ небомъ и надъ бездною гибели носились они въ чудномъ сліяніи любви и бури, неба и моря!... Терзаемая несаразмѣрными съ ея силами волненіями, робкая блѣдая женщина пробуждалась внезапно. Безразсудство ихъ поступка ужасало ее до отчаянія и наврашею, въ принужденномъ поцѣлуѣ искала она заглушить острую боль сердца.

А между-тѣмъ всё больше и больше свѣжѣло море, всё труднѣе становилось сопротивленіе надвигавшимся волнамъ и услажденному вѣтру; но гребцы не заботились о непогодѣ.

Вдругъ неожиданный ударъ грома раздался какъ-будто надъ самыми ихъ головами, и разорвавъ черный покровъ ночи, огненная стрѣла унала въ море.

— Никакъ оно свѣжѣетъ? сказала опять одинъ изъ гребцовъ.

Вторичный, еще сильнѣйшій ударъ покрылъ его голосъ и слабый женскій крикъ носылся съвозъ ревъ волвъ и сидеть вѣтру.

Дождь хлесталъ, какъ-будто заливая море. Громъ рокоталъ безперерывно, и плаватели, въ надежныхъ, снабженныхъ достаточнымъ числомъ весель катерахъ, благополучно причаливая къ берегу, поздравляли себя съ поэтическою бурей, которая, не испортивъ наряда пассажировъ, была достойнымъ заключеніемъ эстетическаго дня.

Но маленькой, брошенной на волю судьбы, утлой лодочкѣ угрожала истинная опасность, особавае въ ту минуту, когда набежавшій шквалъ сорвалъ однимъ ударомъ непрямо устроенный домикъ и такъ сильно покачнулъ лодку, что чуть ее не опрокинулъ.

Только удержанная болтующимъ другомъ, Маріанна не была выброшена этимъ толчкомъ за бортъ. Одною рукою Анатолій обнималъ ее, блѣдную и полумертвую, другою удерживалъ рулемъ

на перерѣзъ волнъ. Въ какомъ-то чудномъ напряженномъ восторгѣ онъ сознавалъ только то, что жизнь драгоцѣннаго существа была теперь въ рукахъ его и что ему предстояло спасти ее отъ гибели.

И всесильная воля, всемогущая любовь спасла ее. Она исхитила дорогую женщину изъ опасности. Она провела ее невредимо на тихое ложе и отвѣяло отъ нее ядовитыя дуновения злыхъ навѣтовъ.

Пусть теперь востъ буря, вздымаетъ черные валы и раскрываетъ бездонныя пропасти моря.

Пусть бушуетъ неукротимая и задыхаясь глухими стенами, нарушаетъ страшную минутную тишину, послѣ которой, съ новымъ бѣшенствомъ кипитъ и разбивается огненными фосфорическими брызгами.... она спасена — она въ вѣрной пристани....

Пусть гремитъ громъ и сыплется смертельныя стрѣлы въ бунтующую хлябь — ни одна изъ нихъ не коснется милой головы!

Пусть ищетъ слѣдовъ ея шипящая змѣя клеветы, чтобы на каждомъ изъ нихъ взвалить еще горы черной неправды—слѣдовъ не осталось на влокочущей влагѣ.... они сглажены и разбѣяны съ лица земли.

Вотъ она, милая, при тускломъ свѣтѣ лампы полулежащая на своей бѣлой постелѣ.

Вотъ она, прекрасная, въ безопасности.... надъ нею бодрствуетъ любовь закаленной, сильной души....

Любовь! этотъ священный огонь, довѣренный намъ отъ неба на радость, на счастье, на торжество прекраснаго, на усладу горя, на леченье язвъ, на сокрушеніе зла, на блаженство вѣчное!...

Но эта ли свѣтлая любовь, благотворная и прекрасная, не гордая и не возмутная, она ли вѣетъ надъ ея головою?

Блѣдными руками закрываетъ бѣдная женщина пылающее лицо, на которомъ какъ-будто осталось отраженіе бури, и въ ней растерзанное сердце болитъ нестерпимо.

Ее жжетъ какой-то знойный, острый лучъ. Сердце еще не отдохнуло отъ страха и разрывается угрызениями.... Но живо также воспоминаніе: она ясниѣтъ подъ чарующимъ взоромъ его пламенныхъ глазъ, она дрожитъ отъ сладкаго, мелодическаго голоса. Слова его животрепещущей, упительной страсти раздаются въ любящей душѣ ея такимъ чуднымъ эхомъ; его поцѣлуи, то нѣжные и врачующіе, то острые и растрavляющіе, электрическимъ

ударомъ проникають сердце, и замирающая женщина въ страстномъ восторгѣ восклицаетъ: «Онъ любить меня, Боже мой!»

Не тебя, бѣдный ребенокъ, любить онъ въ тебѣ своей безумной любовью, а созданный въ юной головѣ его кумиръ; но онъ боготворитъ его такой пламеннымъ чувствомъ, съ такою полною вѣрою преклоняетъ передъ тобою колѣна, такимъ лучезарнымъ сіяніемъ вѣнчаетъ твою голову.... Ты въ глазахъ его свѣтлое, преображенное божество, воплощенный восторгъ любви, ты клонишь очарованный слухъ къ мольбамъ милаго фанатика, ты вѣришь ему и едва сама себя не обожаешь. И кто бы на твоемъ мѣстѣ, бѣдняжка, попробовалъ отказаться отъ этого торжества боговъ!

Но, вѣнчанная, не измѣни же своему призванію; боготворяя, держись на завидной высотѣ твоей.

Ты уже не можешь безъ страшнаго преступленія разоблачиться браннымъ, слабымъ существомъ: онъ не проститъ тебѣ твоей человѣчности.

Ты созданье пламеннаго сна его и ты оскорбишь его гордость пробужденіемъ.

Ты жаркое упованіе души его, тебѣ довѣрилъ онъ драгоценнѣйшія свои вѣрованія — какъ же посмѣешь ты сокрушить ихъ.

Такое преступленіе выше всякаго милосердія; въ такой любви нѣтъ ни снисхожденія, ни терпимости, нѣтъ самопожертвованія. Такая любовь имѣетъ страшныя права, отъ которыхъ не можетъ отказаться. Она ревнива и мучительна, она жжетъ и пепелить свою жертву. Такую любовью нельзя любить дважды, въ ней пстощается вся жизнь и душа — и лучше, можетъ-быть, отъ такой любви погибнуть невозвратно, чѣмъ прозябать безконечно.

Пусть вѣжннй цвѣтъ цвѣтетъ пышной красотой подъ благотворнымъ, яснымъ небомъ и благоуханіемъ упоетъ окружающую атмосферу. Подъ бурей онъ вдругъ распускаетъ лепестки свои, разомъ выливаетъ драгоценное свое муро; но это быстрое расцвѣтаніе, стиснутая въ одно мгновеніе жизнь — стѣмтъ вѣчности.

VI.

ПОСЛѢ ВУРН.

Зѣ-полдень открыла Маріанна прекрасныя глаза свои; она проснулась послѣ кратковременнаго сна, въ которомъ забылась не-

чувствительно.... въ сердцѣ проснулась любовь, и первая сознательная мысль хлынула въ него ледянымъ потокомъ. Она увидѣла у ногъ своихъ разбитый ореолъ, которымъ благородная увѣренность ея увѣчивала собственное тело.... душа ея возмущилась смертельно: она зарыдала надъ собою тѣмъ горькимъ, бесплоднымъ рыданіемъ, которое не очищаетъ сердца, не воздвигаетъ обезсиленнаго духа и терзаетъ гордость падшаго ангела.

Тихій шорохъ у дверей заставилъ ее торопливо оправиться отъ мучительнаго разстройства. Свѣженькая дѣвочка, ея горничная, подошла на цыпочкахъ къ кровати и вручила госпожѣ роскошно переплетенный кипсекъ.

— Прикажи благодарить, сказала Маріанна, и поспѣшила по удаленіи служанки открыть книгу. Она подвинула пружинку, непримѣтную внизу переплета, отъ котораго отдѣлился бархатный подбой, скрывавшій исписанный листокъ бумаги, и быстро побѣжали оживленные магическою силою глаза по раскидистымъ строчкамъ знакомаго почерка.

«Милый, прекрасный ангелъ мой, писалъ Анатолій: ты не доведешь меня до отчаянія, дорогой своей печалью; ты не заставишь меня проклинать безумную любовь мою. Забудь, моя Маріанна, этотъ краткій мигъ блаженства и вѣрь мнѣ, снова вѣрь послушному тебѣ рабу. Больше нежели когда-нибудь, на колѣняхъ боготворю тебя, на колѣняхъ молю, не обижай меня своимъ недоуміемъ.... я твой, весь твой. Ты знаешь, какъ я люблю тебя. Маріанна, другъ мой, вся жизнь моя, весь я у ногъ твоихъ; скажи одно слово, и я бѣгу отъ тебя на край свѣта, и ты не услышишь обо мнѣ никогда, чтобъ мое воспоминаніе не возмутило свѣтлой тишины прекрасной души твоей. Я вѣрю тебѣ, я знаю, что, оставляя тебя, я поручаю тебя самой тебѣ, твоему ангелу-хранителю — чистому, безпорочному твоему сердцу. Но мысль покинуть тебя, такое страшное горе, что надо всю безконечную любовь мою, чтобы допустить ее на одну минуту. Маріанна, прекрасный другъ мой, если въ этихъ строкахъ ты не прочтешь души моей, ты никогда меня не любила. Сегодня я долженъ непремѣнно тебя видѣть, чтобы угадать въ милыхъ глазахъ твоихъ приговоръ мой. Не мучь, мой добрый ангелъ, истерзаннаго моего сердца; я не буду въ силахъ вынести твоей печали.»

Эти нѣжныя строки влили сладкій бальзамъ въ огорченную душу Маріанны. Любовь превозмогла оскорбленіе самолюбія. Она покрыва драгоцѣнный листокъ жаркими поцѣлуями.

«Милый другъ, отвѣчала она: теперь я люблю и только люблю.... вѣрю

и не сомнѣваюсь, я не разсуждаю, не предвижу, не понимаю ничего, я люблю, и все существо мое сосредоточилось въ этомъ словѣ. До-сихъ-поръ любовь моя была смѣшная мечта пансіонерки. Я любила съ безпечностью ребенка, легко и свободно, и эта любовь въ здоровомъ, неиспытанномъ сердцѣ была такая жалкая фантазмагорія, такой непростительный эгоизмъ! Я хотѣла любви безъ слезъ, безъ угрызеній. Теперь я люблю истерзанной душою и не знаю, мука или радость дороже мнѣ въ любви моей. Вчера меня оскорбило твое насильственное похищеніе. Я видѣла въ немъ страшный навѣкъ разврата. Но это былъ послѣдній вопль гордости. Теперь я раба и люблю свое рабство. Теперь у меня новая, другая гордость — я горжусь своей любовью и страданіемъ и не промѣняю его на то свѣтлое чувство, которое делѣла до-сихъ-поръ въ дѣтскомъ сердцѣ. Не правда ли, страданіе возвышаетъ и очищаетъ: оно искупаетъ и оправдываетъ, и теперь я сознаюсь, что люблю тебя съ готовностью на всѣ жертвы, съ рѣшимостью на всѣ мученичества... Мое раздражительное состояніе принимаютъ, кажется, за болѣзнь—меня уложили въ постель и приговорили къ безконечному трехдневному карантину, въ продолженіи котораго намъ суждено не видаться.»

Анатолій получилъ это письмо въ минуту мучительнаго объ ней раздумья. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отъ нея извѣстія. Онъ ждалъ и боялся того неизбежнаго раскаянія, къ которому привыкъ онъ въ подобныхъ случаяхъ. Онъ былъ готовъ къ срѣтлію прекраснаго драматическаго отчаянія, для прогнанія котораго предстояло придумывать столько докучныхъ, перебитыхъ утѣшеній—а онъ любилъ такъ искренно, что раскаяніе было бы оскорбленіемъ его сердцу.

Неожиданный отвѣтъ обрадовалъ его какъ-нельзя болѣе и подъ его вліяніемъ онъ началъ писать ей :

«Нѣжный другъ мой, великодушное, прекрасное созданіе! Я не могу выразить того, что чувствую.... я не въ-силахъ писать тебѣ. Я понимаю, почему лучший міръ не имѣетъ сообщенія съ нашей бѣдной землей. Нѣтъ словъ совершеннаго блаженства на бѣдномъ человѣческомъ языкѣ—и я не могу высказать тебѣ своего сердца....»

Здѣсь онъ остановился. На самомъ дѣлѣ онъ не зналъ, что писать далѣе. Можетъ-быть, въ эту минуту онъ бы не нашелъ, что сказать ей, если бы могъ ее видѣть: онъ былъ нѣмъ и глупъ отъ избытка чувствъ; и неусыпное его упражненіе въ литературѣ любви и давній обрѣтенный навѣкъ не могли вывести его изъ этого оцѣпенѣнія.

Онъ прочелъ письмо Маріанны, слясъ почерпнуть въ немъ нѣмтѣ.

Она любить его, пишетъ она, съ готовностію на всѣ страданія, съ рѣшимостію на всѣ жертвы. Проникнутый этой мыслью, онъ внезапно составилъ въ головѣ пламенную диссертацію *о любви-страданіи*, которая вылилась на бумагу.

« Ты поняла, мой прекрасный младенецъ, продолжалъ онъ, вѣжными сердцемъ всю великую тайну любви. Да, моя Маріанна, любовь—страданіе и я не способенъ вводить тебя въ заблужденіе, разувѣряя въ этой страшной истинѣ. Любовь и крестъ идутъ рядомъ. Любовь — ядъ, но это вмѣстѣ сладкая отравка и горькій врачующій бальзамъ. Наслажденіе раздражаетъ сердце, страданіе цѣлить его — и то и другое—мука, и то и другое—любовь. Любовь—жестокость; она страдает и заставляетъ страдать; она домогается жертвъ, завѣщаетъ тоску, внушаетъ ревность и обращается иногда въ ненависть. Вѣрь, ангель мой, ненависть—та же любовь, только оскорбленная, обманутая; мщеніе—та же ненависть, дѣйствующая, нетерпѣливая, следовательно — та же любовь. Одно равнодушіе есть противоположность любви, и отъ него избави насъ Боже! О, избави тебя Провидѣніе отъ этой глѣтворной плѣсени души. Страхись ее и не бойся никакого страданія. Ты видишь, я разоблачилъ передъ тобою всѣ пугающія любовь привидѣнія, дядюго, чтобъ ты не боялась ихъ. Ты видишь—это призраки... О, любви, мой ангель. Какое страданіе не освѣтится сквозь призму любви! Какой горечи не усладить она! Люби своей прекрасной душою — и узнаешь, что любовь превозможетъ всякое страданіе. Любовь — единственная жизнь: одна непреложная истина!... »

Молодая женщина читала это письмо съ вѣдѣніемъ той грамоты сердца, которая оживляетъ каждое слово, проникаетъ въ конечную глубь чувства, читаетъ недописанное, понимаетъ недосказанное. Она испытывала, въ эту минуту, что всякое начертаніе милой руки имѣетъ одинаковый, единственный смыслъ. Что бы ни было написано—пусть самый нелѣпый, дикій вздоръ распозлется самыми безтолковыми крючками на любовномъ письмѣ — любовь озаритъ ихъ своимъ волшебнымъ заревомъ и они примутъ пламенное значеніе. Она читала и упивала влюбленное сердце.

VII.

ФИЛОСОФІЯ.

Наступилъ вечеръ, унося съ собою сладкій день. Марианна лежала на кушеткѣ своего кабинета, въ чудномъ восторгѣ сердца. Она осязала каждое мгновение блаженства полной взаимной любви, отрѣшенной отъ всѣхъ сомнѣній, сознанный, объясненной, успокоенной. Никакая невзгода, никакое предвидѣніе не возмущали ее теперь, никакая возможность чего-нибудь непріязненнаго не приходила ей въ голову. Она чувствовала себя подъ благотворною сѣнью тихаго, свѣтлаго неба, на которомъ не было ни одного облачка.

Ее любить онъ такую безконечной любовью! На ней сосредоточилась его сильная душа, до-сихъ-поръ волнуемая и разсѣянная.... Какое торжество для самолюбія женщины! Какая жизнь для женскаго сердца! Какое полное, несравненное счастье, и она вѣрить въ это счастье.... Это сладкое убѣжденіе лелѣло душу влюбленной женщины, и незамѣтно текли для нее долгіе часы заключенія.

Мужъ, въ исправленіи должности сестры милосердія, зѣвалъ въ большихъ креслахъ, возлѣ ложа больной. Онъ мысленно парилъ подъ сводами англійскаго клуба, гдѣ безъ него составлялись знакомыя партіи, и по временамъ немолчное негодование на неосторожность жены вырывалось изъ устъ его.

Вдругъ послышались знакомые шаги въ сосѣдней комнатѣ. Извринъ просилъ позволенія войти.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ общественно привилегированныхъ, которымъ дано право считать себя дома во всякомъ домѣ, которымъ извѣстна вся подробная топографія домовъ, которымъ кладается швейцаръ, безмолвно растворяя передъ ними дверь, при которыхъ мужъ ворчитъ, а жена капризничаетъ, предоставляя имъ бенефисы домашнихъ комедій; которые принимаютъ участіе въ кабинетныхъ дѣлахъ хозяина, знаютъ по имени горничныхъ, со всѣми на будничныхъ отношеніяхъ, со всѣми на *ты* и среди этой универсальной пріязни, умѣютъ скрывать свои частныя пристрастія.

— Войдите, сказала Марианна, поправляя пелеринку своего капота.

— Полюбуйтесь, прошу покорно, сказалъ мужъ: каково она

уходила себя. И вѣдь необходимо было возвращаться въ лодкѣ, какъ-будто, и безъ того, не тошнѣлось отъ цѣлыхъ сумасшедшихъ сутокъ бѣснованія. Чему обрадовалась—не постигаю! Я не зналъ, какъ добраться до кареты; а это неутомимое созданіе еще не удовольствовалося—измокла на дождѣ, простудилась, схватила лихорадку, которой теперь не будетъ конца.

— Неосторожно, сказалъ Ивринь тономъ дѣдушки, который бранить свою внучку.

— И эти неосторожности кончаются всегда тѣмъ, что мы, бѣдные мужья, возись, да няньчись.

— А мы, бѣдные обожатели, горюй и сокрушайся.

Марианна выслушала длинное родительское поученіе, послѣ котораго мужъ всталъ и прошелся по комнатамъ. Онъ взглянулъ на часы и вздохнулъ; вздохнулъ еще и не выдержалъ:

— Побудьте съ моею хворой барыней, сказалъ онъ любезно Иврину: пока я съѣзжу повидаться кой съ кѣмъ въ клубъ,—вѣдь вотъ ужъ другой день, какъ я сижу здѣсь прикованный.

— Извольте, но съ тѣмъ, чтобы вы позволили мнѣ продолжать браниться до самаго вашего возвращенія.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ съ прояснившимся лицомъ старикъ, поцѣловалъ жену и отправился.

Оставшись одинъ, Ивринь и Марианна молчали. Онъ смотрѣлъ на нее испытующимъ взоромъ.

— И такъ? сказалъ онъ. И прекрасно, прибавилъ онъ отвѣчая себѣ такимъ тономъ, какъ-будто сердце молодой женщины было раскрыто передъ его глазами.

— У васъ сегодня такой предательскій взглядъ, сказала Марианна. Если вы хотите быть злы, мы поссоримся, потому что нервы мои, въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи.

— Зачѣмъ же ссориться? Дайте мнѣ вашу ручку, сказалъ Ивринь съ такимъ искреннимъ участіемъ, что молодая женщина повиновалась невольно.

Она лукаво посмотрѣла на своего собесѣдника. Лицо ея приняло ласкательное выраженіе ангорской кошечки и въ голосѣ растонилось столько меду, что Ивринь почти вздрогнулъ, когда она спросила его, гдѣ онъ былъ нынѣшнимъ утромъ.

— Васъ это интересуесть? сказалъ онъ: былъ вездѣ и всюду, какъ обыкновенно. Былъ на водахъ, завтракалъ въ Палермолѣ,

таскался по бульвару, потомъ..... потомъ, спросите лучше, гдѣ я не былъ.

— Кого видѣли вы на водахъ?

— Всѣхъ.

Молодая женщина сдвинула хорошенькія брови свои, въ глазахъ ея мелькнула досада.

— Видѣли вы Ройнова? спросила она почти сердито.

Вотъ чтò! подумалъ Ивринь.

— Видѣлъ и весьма видѣлъ, отвѣчалъ онъ: мы встрѣтились сегодня у прекрасной иностранки, на которую вы не удостоивали обратить вашего вниманія, но которая занимаетъ теперь весь нашъ праздношатающійся міръ. Это самое миловидное созданіе, которое мнѣ случалось встрѣтить. Когда ей доложили о нашемъ визитѣ, она выбѣжала къ намъ изъ уборной въ такомъ очаровательномъ *négligé*, что взглянувъ на себя, она должна была закутаться въ дверные занавѣсы гостиной. Она схватила оба полога и просунула между нихъ свою херувимскую головку, которая на голубомъ полѣ отдѣлилась такимъ воздушнымъ образомъ, что мы оба вскрикнули отъ восхищенія.

Марианна почувствовала какой-то гальваническій, неслосный ударъ въ сердце. Какая-то нестерпимая боль стѣснила грудь ея, но только на одно мгновеніе. Ивринь продолжалъ, увлеченный своимъ предметомъ:

— Какая это живая, прекрасная бабочка! Во всемъ существѣ ея такая любовность, такой свѣтъ, такая неотразимая прелесть, какъ-будто бы она была создана воплощенной радостью людямъ.

— Вы влюблены въ нее? спросила простодушно Марианна.

— Нѣтъ.

— А развѣ возможно такъ горячо сочувствовать чему-нибудь прекрасному и не любить его?

— Не любить прекраснаго невозможно, возможно однако жъ очень въ него не влюбляться, особенно когда уже сердце гдѣ-нибудь приютилось.

Марианна улыбнулась, у нее отлегло отъ сердца.

— Но скажите, спросила она, съ какимъ-то страннымъ одушевленіемъ: неужели не существуетъ въ мірѣ такой любви, въ которой бы все прекрасное сосредоточилось въ одномъ образѣ, вся жизнь слилась въ одномъ чувствѣ, всѣ мечты въ одномъ завѣтномъ помыслѣ; для которой не цвѣли бы на землѣ розы; которая бы не замѣчала въ небесахъ солнца?

— Можетъ-быть и существуетъ, но такая любовь очень сдаетъ на сѣумасшествіе; — впрочемъ, любить умно — трудно. Любовь какъ золото, подъ которое поддѣлывается много мишуры. Иногда внутрь насъ происходитъ чортъ знаетъ что такое, — ну, кажется, вотъ она любовь, со всѣми атрибутами; а смотришь — горячечный бредъ, а иногда этотъ тонкій магнитизмъ, который электризуетъ насъ и который мы простодушно принимаемъ за любовь.

— Я думаю, что такой магнитизмъ есть только продолженіе любви, какъ музыка есть продолженіе пламеннаго поэтическаго языка. Если уже не станеть словъ, когда восторженная мысль не облекается болѣе въ формы человѣческаго слова, тогда ее продолжаютъ звуки. Вѣдь поцѣлуй тотъ же восторженный бетговенскій аккордъ..... И вся жизнь имѣетъ безконечно свои такіе же переливы, продолжала молодая женщина: изъ жизни практической, полезнаго труда и заботъ, вытекаетъ жизнь искусства, въ которой воплощается духъ для всеуслышанія въ слово, въ пластическія формы, въ живопись, въ звуки — за нею безпредѣльная, невоплощаемая жизнь духовнаго созерцанія — жизнь безмолвной молитвы..... а любовь относится къ жизни, какъ цвѣтъ къ дереву: какъ онъ, имѣетъ она свое скоротечное, срочное существованіе, но въ ней сосредоточены всѣ начала жизни.

— Самое ароматическое мудрствованіе, какое только когда-нибудь истекало изъ медовыхъ устъ такого милаго философа. Но вы, которыя такъ несравненно разсуждаете о любви, скажите мнѣ, почему не существуетъ въ мірѣ глупца и ничтожнаго мерзавца, котораго бы женщина не сѣумѣла любить всѣми сокровищами своего сердца?

— Право, не знаю, сѣумѣла ли бы я любить этого мерзавца. Но это случается, можетъ-быть, потому что любовь въ сердцѣ женщины, какъ голосъ въ горлѣ птички: она поетъ, потому что это ея назначеніе. Женщина любитъ какъ дышетъ, потому что иначе не можетъ.

— Но это недостойно, отвратительно и стыдно имѣть такое прекрасное сердце, безъ малѣйшаго здраваго смысла.

— Женщина одарена гибельною способностью идеализировать, сказала вздохнувъ Маріанна: она окутываетъ, украшаетъ своимъ воображеніемъ и часто любитъ идеалъ.

— Но вѣдь это позволено только въ пятнадцать лѣтъ.

— Женщина вѣчно можетъ быть въ пятнадцать лѣтъ.

— Изъ чего же, скажите, послѣ этого хлопотать быть порядочнымъ человѣкомъ. Точно также какъ не стѣить и вамъ приходить на свѣтъ съ красотой отличныхъ формъ — ваши модности все умѣютъ сгладить, выправить, выровнять и создать. Точно также, для домашняго обихода жизни, для чего обременять себя роковыми дарами ума и сердца. Пошелъ въ дорогу по начертаннымъ, указнымъ путямъ приличій, въ мишурномъ нарядѣ готовыхъ фразъ — и блистательно достигнешь высоты высоты общественной оцѣнки. Стѣить ли труда любить и заслуживать драгоценную любовь, когда милое женское сердце беретъ на себя продовольствовать всякую нищету.

— За чтѣ вы обвиняете въ этомъ донъ-кихотствѣ одну женщину, я не понимаю. Миѣ кажется, что пристрастіе и ослѣпленіе свойственны человѣческому сердцу, а не исключительно женскому. Впрочемъ говорятъ, что любить уже такое верховное, нескончаемое блаженство, что любовь-мечта наполняетъ ровно такую же совершенно прекрасною жизнью сердце, какъ и любовь разумная, дѣйствительная.

— Покорный, однако жъ, слуга образумится въ одно прекрасное утро, подобно тому дураку, который воспѣвалъ хвалы сидѣвшей подъ окномъ красавицѣ, тогда какъ это былъ восковой болванъ парикмахера. А вѣдь оптической-то обманъ, можетъ-быть, подчасъ, еще разительнѣе.

— Когда обманъ оптической, чтѣ жъ съ этимъ дѣлать? Если глаза обманываютъ васъ, вы терпите отъ своего несовершенства. Конечно, отъ этого не легче, и ошибка оскорбителя для самолюбія; но если ложъ — умышленное коварство, если я беру на себя личину, которая околдовываетъ васъ, — съ чѣмъ сравнить такое пробужденіе? Я вѣрю въ возможность любви совершеннаго самозабвенія и всепрощенія, но непременно основанной на полномъ довѣрїи — я все пойму, все извиню, ничего не требую и въ свою очередь все исповѣдую, все скажу, ничего не скрою и не прошу, не пойму только одного — обмана. Ни для какого благополучія въ мирѣ, ни для самой любви я не оскверню моей любви обманомъ и не прошу, никогда не прошу неправды — это тончайшая, вѣжнѣйшая струна моего сердца, это *mimosa sensitiva* моего самолюбія — къ ней не должно прикасаться.

— Пламенная, мстительная Корсиканка! такъ и вижу въ глазахъ молнія, въ сердцѣ *vendetta*, за поясомъ кинжалъ. Вы страшно-прекрасны въ эту минуту, сказали Ирвинъ полу-насмѣшливо,

полу-восторженно: — и беретъ желаніе коснуться этой вѣжной мимозы, чтобы увидѣть васъ въ полномъ величїи гнѣва.

Марианна умолкла. Какой-то сумракъ набѣжалъ на свѣтлое, одушевленное чело ея, любовь заняла въ ея груди. Она почувствовала безпокойство старовѣра, недавно принявшаго другое исповѣданіе. Вѣра, внезапно озарившая душу ея, поколебалась на мгновеніе, возможность ошибки предстала ей давно пугавшимъ ея воображеніе привидѣніемъ. Наведенная нечаянно разговоромъ на недугъ, которымъ всегда болѣло ея сердце, она страдала общею заразою недовѣрія, такъ страшно распространившеюся при всеобщемъ упадкѣ всѣхъ кредитовъ.

«Дитя, дитя, думалъ Ивринъ, когда этотъ разговоръ давно потерялся въ переливномъ потокѣ ихъ задушевной болтовни, на минуту потопленной въ чашахъ ароматнаго чаю. Ты не вѣдаешь, что обманъ есть цѣломудренный покровъ жизни. Онъ драпируетъ такія отвратительныя, страшныя наготы, отъ которыхъ бы содрогнулось твое робкое сердце; услаждаетъ такія горечи, отъ которыхъ вѣжныя уста твои отвратятся и не приметъ ихъ, закаленная въ буряхъ и страданїяхъ жизни, душа. Обманъ есть необходимый мѣритель отношеній, безъ него на каждомъ шагу возгарались бы непреклонныя ненависти, и покамѣсть истина не перестанетъ слѣпить слабого, покрытаго прахомъ земли зрѣнія нашего, покамѣсть не возсіяетъ передъ нами, лучезарная и обнаженная — обманъ остается ея представителемъ. Обманывайся же, милый младенецъ; пусть только обманываютъ тебя съ любовью, съ вѣчною, неусыпною заботою о твоемъ благѣ. Обманывай и ты въ добромъ намѣренїи сердца; если прекрасная улыбка твоя обманъ, которымъ вздумается тебѣ приласкать меня, я приму его отъ тебя съ сладкой благодарностью.» И онъ смотрѣлъ на нее въ необъяснимомъ умиленїи и въ душѣ его звучало глубоко зарытое чувство, въ которомъ онъ старался обмануть себя.

— Вотъ чтó значитъ держать слово, вскричалъ возвратившійся за полночь мужъ. Однако жъ я нахожу васъ, кажется, въ мирныхъ отношенїяхъ. Тебѣ какое-то посланіе, сказалъ онъ, подавая молодой женщинѣ маленькій конвертъ слишкомъ знакомаго ей складу: отъ кого это?

— Не знаю, отвѣчала въ смущенїи Марианна, не постигая, какинъ образомъ это письмо было въ рукавъ его. Съ недавняго времени, казалось, какой-то враждебный духъ бодрствовалъ надъ

ея тайною, какъ-будто ихъ сношенія потеряли вѣрную дорогу свою. Не въ первый уже разъ случай заставлялъ блуждать его письма.

Ивринъ взглянулъ на нее значительно. «Въ добрый часъ, подумалъ онъ, эта ложь есть оборона любви. Повремени — узнаешь и ты, что ложь есть оборона жизни.»

Онъ раскланялся и вышелъ въ сопровожденіи хозяина. Марианна осталась одна съ полученнымъ письмомъ.

«Знаешь ли ты, что такое нѣсколько дней тебя не видѣть? писалъ Ройновъ, я не могу больше сносить безъ тебя жизни. Пусть мечтаютъ безумцы, что любить можно и въ разлукѣ, что любовь независима, что единственное благо—любить, что въ отсутствіи и тоскѣ любишь сильнѣе. Нѣтъ, Марианна, я не въ силахъ долге подчинять себя этимъ утѣшеніямъ. Помнѣ разлука то же что смерть и по смерти можно любить этой тяжелой любовью. А покажѣсть мы живемъ, любовь требуетъ присутствія и обладанія. Ты моя, ты принадлежишь мнѣ по священнѣйшему праву—праву любви. Я долженъ достигнуть во что бы ни стало этого счастья. Марианна, другъ мой, если бы ты могла видѣть меня втеченіи этого времени: всякій мигъ минуты я чувствовалъ страшнымъ мученіемъ твое отсутствіе, и разумокъ мой помрачился. Писать тебѣ есть теперь единственная возможность къ тебѣ приблизиться, но въ какомъ-то мучительномъ нетерпѣніи, я чувствую неодолимое отвращеніе отъ этого ничтожнаго средства — я хочу тебя видѣть!»

VIII.

МЕТЧЫ.

Пока Марианна, въ сердечномъ упоеніи читала эти строки, Анатолій уже писалъ ей другіе нетерпѣливые вопли:

«Какихъ страшныхъ, безумныхъ мыслей не перешло черезъ мою бѣдную голову.... я не властенъ и не долженъ сносить долге этого терзанія. Ты будешь со мною! Твоей ли свѣтлой, возвышенной природѣ влѣчить позорныя цѣпи раба предателя!... Возстань, мол царица! Мы уже и такъ довольно себя измѣнили, пора пробудить въ сердцахъ чувство самоуваженія и гордости. Выслушай и пойми меня, мой другъ. Ты знаешь, я люблю тебя больше всего на свѣтѣ; я богатъ и независимъ. Довѣрь мнѣ судьбу свою, и мы найдемъ на землѣ, подъ чуднымъ небомъ невѣдомый берегъ, гдѣ я окружу тебя всѣми сокровищами любви, всюю роскошью счастья. А когда прискучить тебѣ тишина и уединеніе, когда

утомить тебя мои восторги, я повлеку тебя на шумнѣйшія торжища свѣта, и тамъ мы опять сольемся съ людьми, которыхъ легко будетъ намъ любить и которымъ будемъ мы вѣрить на слово. Мы останемся въ очарованномъ кругу нашемъ, а жизнь расположится передъ нами громаднымъ театромъ, представляющимъ то умиленные, то забавныя зрѣлища. Пресыщенные этой живой драмою, мы снова исчезнемъ. Мы объѣдимъ съ тобою весь шаръ земной, мы посѣтимъ великолѣпную дѣвственную природу. Какое солнце увидишь ты! Какую землю освѣтитъ оно передъ глазами твоими! И станеть ли нашей жизни на всѣ предстоящія блага? Видишь, Марианна, я довѣряю тебѣ драгоцѣннѣйшую мечту свою, лучшее мое вѣрованіе. Олицетвори ихъ, ангелъ мой. Довольно томались мы въ тяжкой неволѣ. Довольно искалъ я и ждалъ—и нашелъ тебя, и ты уже не въ правѣ отъ меня отказаться!»

По ивѣрѣ, какъ онъ писалъ, сердце его сжималось невыносимо, замирая отъ счастья. Въ золотыхъ мечтахъ своихъ онъ достигалъ послѣдней крайности своихъ желаній, вѣнца пламеннѣйшихъ надеждъ. Онъ вѣрилъ ей, онъ вѣрилъ себѣ, онъ вѣрилъ въ силы свои создать этотъ чудный эдемъ любви, о которомъ не смѣло бы мечтать робкое сердце.

Сладкій, волшебный сонъ, розовый призракъ, который посѣщала его въ таинственные часы раздумья, который напечатывалъ ему обольстительныя обѣщанія, онъ воплощался, этотъ сонъ становился осязательнымъ блаженствомъ въ его власти.

Грезы одинъ другой жарче и пламеннѣе били потокомъ изъ его сердца; съ нею летѣлъ онъ подъ далекое небо, въ роскошную, дикую природу, куда уже давно влекла его желанная мечта. Туда, гдѣ дивныя грани горъ покрыты неувядаемыми цвѣтами, гдѣ воздухъ упоенъ ихъ сладкимъ ароматомъ; гдѣ сквозь густыя сѣни вѣковыхъ деревьевъ, золотою сѣтью проникаетъ солнце, обливая невѣданной нѣгой и жизнью. Какъ легкія кудри красавицы, ниспадають тамъ изумрудныя вѣтви въ хрустальные ручьи, и въ страстныхъ думѣхъ юноша видитъ милую женщину въ свѣтлыхъ струяхъ, гдѣ она ищетъ прохлады. Какъ Ундина, уцѣпилась она нѣжной ручкой за влажныя вѣтви и виситъ на нихъ, не отягощая тонкихъ стеблей.

О, тамъ, въ той обѣтованной землѣ любовь ихъ вспыхнетъ новымъ пламенемъ, тамъ расцвѣтетъ она, прекрасная, новою красотою, тамъ облечетъ онъ ее въ пышный нарядъ востока, на которомъ возможно ни щадить ни перлъ, ни алмазовъ, и эти алмазы и перлы угаснутъ при блескѣ милыхъ очей.

Съ вѣчною мыслью о ней, съ неотступною заботою о ея радостяхъ, утомленный порою избыткомъ счастья, онъ склоняетъ голову на ея колѣна и забудется въ сладкомъ отдохновеніи, а она, преданная, любящая, какъ гевій-хранитель будетъ сторожить сонъ его....

Мысль, всемогущій духъ, куда на быстрыхъ крыльяхъ своихъ не улетаетъ она, вырываясь изъ костяной темницы черепа; куда не замесется вольная и свободная, создавая на пути чудные миражи, которые то распадаются радужной пылью, то воздвигаются снова воздушными замками!

Мысль вдохновенная, творческая, какою дивною пѣснью звучитъ она въ эфирѣ; какимъ божественнымъ ликомъ воплощаетъ ее кисть, какимъ свѣтлымъ откровеніемъ проникаетъ она сокровенныя тайны неба!...

Мысль, коварный демонъ-соблазнитель, какими розовыми чарамъ опутываетъ она, какихъ обольстительныхъ обмановъ не создастъ она; въ какія губельныя заблужденія не увлекаетъ!

И внезапно, среди пышнаго пиру, неотразимая спутница, какимъ тяжелымъ свинцомъ умѣетъ она капнуть на сердце! Траурной гостьей сядетъ за веселое ликованіе — и шумная бесѣда превращается съ нею въ похоронную трапезу.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ молодого счастливецъ, другое существо, также юное, также можетъ-быть прекрасное, съ тѣмъ же правомъ на жизнь и на радости жизни, находилось подъ гнетомъ тяжкаго раздумья.

Сарра, на ступеняхъ террасы сидѣла одна, прислонясь жаркой головою къ колоннѣ крыльца. Турецкій кашмиръ чалмы ея развился до половины и ниспадалъ къ ногамъ ея тяжелыми складками.

Она играла безмысленно золотой туфлей своею, едва удерживаемой на пальцахъ маленькой ноги, то снимая, то надевая ее, и думы одна другой грустнѣе дѣлали ей самой нечувствительнымъ это машинальное движеніе.

Глубоко вздыхала она по-временамъ, и воздухъ вечерѣющаго дня, еще не охлажденный отсутствіемъ знойныхъ лучей, вливался горячею струею въ тоскующую грудь.

Она тосковала, забытая на роскошныхъ диванахъ кабинета своего любовника—забытая и, можетъ-быть, уже покинутая, хоть не остыли еще на ней его поцѣлуп и хоть едва расцвѣла она такой пылкой расотою.

Сарра знала о новой связи господина своего, которая сначала не заботила ее, такъ же какъ и другія многія. Она считала ихъ необходимою свѣтскою обязанностію своего прекраснаго графа, и эти связи вовсе не касались ея отношеній.

Она привыкла къ нимъ и даже исполняя одинъ изъ капризовъ своего властелина, уполномоченная неограниченнымъ его довѣріемъ, отправляла и получала его посланья любви, и надо ей отдать справедливость, исправляла эту обязанность съ удивительнымъ раченіемъ и аккуратностію. О, на этотъ счетъ она была дрессирована вмѣстѣ съ гордымъ Beaugrand, великолѣпной чистой породы собакой, которая неразъ уносила за ошейникомъ литературные слѣды ласкавшихъ его хорошенькихъ ручекъ.

Въ счастливые дни любимая одадька вѣгала, сопровождаемая прекраснымъ животнымъ, къ общему патрону, съ полученнымъ, раздушеннымъ листкомъ, на которомъ разлилась кружевная душа какой-нибудь бѣлокурой сальфиды. Пробѣгая связныя строки щегольского англійскаго почерка, молодой сибаритъ то гладилъ красивую морду добраго пса, то ласкалъ роскошныя плечи Еврейки.

Теперь было не то; новая питрига графа завладѣла имъ совершенно и расторгла всѣ его другія связи. Вѣтренникъ былъ влюбленъ, и впервые преданный любви съ искреннимъ фанатизмомъ, онъ забывалъ, въ жестокомъ легкомысліи, долги свои передъ другими.

Для бѣдной Сарры не было даже обмана. Она въ глаза, въ лицо была обижена. Онъ не замѣчалъ ее въ самомъ присутствіи, и потому только она, можетъ-быть, оставалась въ домѣ, что онъ вовсе ее не выдалъ передъ собою.

Конечно не любовь, не преданность, даже не страсть бросили эту женщину въ его объятія — этотъ перлъ отыскался въ грязной атмосферѣ, и предательство и корысть повергли ее во власть разврата. Изъ отвратительнаго, душнаго гнѣзда, молодой плетень влетѣлъ подъ просторные золоченые своды, которые не грезились ему въ самыхъ живыхъ снахъ. Послѣ зловонной пиццеты и нестерпимыхъ лишеній, она утопала въ нѣгѣ пировъ и наслажденій. Вкусивъ однажды этого опаснаго хмѣлю, она уже не въ-силахъ была отвести прильнувшихъ губъ отъ очарованной чаши. Въ вакхическомъ угарѣ она позабыла и вѣру отцовъ и старую мать свою и всѣ святыни сердца. Ей полюбилися огнен-

ныя ласки любовника, ее веселили его роскошныя празднества и богатые подарки его сводили ее съ ума.

Въ ней сильно заговорила кровь стяжательнаго племени, когда передъ угнетеннымъ взоромъ ребенка блеснула неподдѣльная, не мишурная роскошь, когда надъ ухомъ еябрякнуло тонкимъ звукомъ чистое золото.

Сарра любила свои сокровища. Она проводила лучшія минуты жизни надъ богатымъ футляромъ, любуясь самородными камнями. Лучи свѣту играли въ нихъ такимъ чуднымъ блескомъ и такая въ нихъ была нескончаемая глубь: она видѣла въ яхонтовомъ перстнѣ своемъ цѣлое небо съ алмазными звѣздами. Рубиновый браслетъ ея горѣлъ алымъ пламенемъ, а въ бриллиантовой пражкѣ заключался цѣлый радужный міръ наслажденій.

Сарра смотрѣла съ восхищеніемъ на эту ненаглядную прелесть, и ненасытимый взоръ ея видѣлъ въ будущемъ еще горы сокровищъ.... Но вотъ уже нѣсколько дней къ хранилищу ея не прибавилось ни одной жемчужины. Ужъ онъ не даритъ ее болѣе, онъ ужъ больше ее не ласкаетъ. Но чѣмъ же провинилась она? Онъ покинетъ ее, быть-можетъ—и что тогда съ нею будетъ?

Жидовка горько задумалась надъ собою. Она увидѣла единственную, предстоящую ей тогда перспективу и содрогнулась. Тяжкой думой обратилась она къ минувшему: она вспомнила родину свою, шумный торговый городокъ, гдѣ по грязнымъ улицамъ бѣгала она, кудрявая дѣвочка. Она вспомнила семью свою, отъ которой отреклась невозвратно, и крупная слеза скатилась съ рѣсницы на полуоткрытую грудь.

Она, виною ея несчастія! О, зачѣмъ эта женщина стала передъ ней такимъ враждебнымъ, ненавистнымъ привидѣніемъ! Ревность и негодованіе стѣснили сердце ея и готовы были вырваться неукротимымъ потокомъ безумныхъ рѣчей и упрековъ и плача, которые разрѣшаютъ страданія неблаговоспитаннаго женскаго сердца, которое не умѣетъ глотать слезъ своихъ и гордо облекается въ великолѣпное достоинство, и простодушно бунтуетъ, и кричать, и не боится возбудить насмѣшку и сожалѣніе. Нѣсколько разъ она порывалась бѣжать къ нему и просить пощады.

Взволнованная задыхалась она.... вдругъ знакомый лай Beau-grand раздался неподалеку. Сопровождая одного изъ лакеевъ до-

на, онъ показался изъ зелени сада и бросился со всѣми знаками собачьей пріязни къ ногамъ Сарры, которая оттолкнула его съ досадою и приняла изъ рукъ челоуѣка атласный пакетъ безъ адреса.

— Опять синія бумага пріѣзжей, сказала про себя Жидовка. Соболиныя тоненькія брови ея нахмурились. Пиль Всаугранд, сказала она, едва не бросивъ этой записки въ разинутую пасть собаки, такъ надоѣла ей въ эту минуту любовная бюрократія графа. Но внезапная мысль остановила это движеніе, и злобная радость блеснула въ бархатныхъ глазахъ Еврейки.

IX.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Черезъ нѣсколько минутъ Сарра сидѣла на дамасковой кушеткѣ у ногъ развалившагося по ней сатрапа въ пестромъ сверкающемъ халатѣ. Пунсовая на золотѣ шапочка, которую привыкла видѣть Жидовка на милой, прекрасной головѣ, безобразила въ глазахъ ея еще пуще худощавый, нервный ликъ молодого челоуѣка, закутаннаго въ покинутые хозяиномъ доспѣхи.

Она смотрѣла изъ подлобья на юношу, который вкушалъ сладострастное чувство, примѣряя къ себѣ окружавшую его роскошь, о которой скорбѣла больная душа его. И улыбка негѣпаго самодовольствія озаряла его глазъ, устремленный на красавицу — живую принадлежность обстановки.

— Скажи же мнѣ, Ляликовъ, сказала въ раздумьѣ Сарра: кто у васъ самая лучшая барыня въ свѣтѣ?

— Ни одной нѣтъ лучше тебя! отвѣчалъ онъ, обхвативъ гибкій станъ Жидовки.

— Скажи мнѣ правду, продолжала глядя на него съ кокетствомъ Сарра.

— Зачѣмъ приходишь тебѣ въ голову эти куклы? сказалъ вопрошаемый, прижимая тонкія синія губы свои къ мраморному лбу Еврейки.

— Скажи мнѣ, настойчиво твердила она: кто самая хорошая красавица?

— Ты, ты, повѣрь мнѣ, что ты самая хорошая, говорилъ воспламеняясь юноша, въ глазахъ котораго въ самомъ дѣлѣ красота Сарры озарялась новою, невиданною прелестію.

— Дай мнѣ покой, сказала вырываясь Еврейка: и скажи, о чемъ я тебя спрашиваю.

— Какъ же мнѣ сказать это тебѣ, отвѣчалъ оправдываясь, слиткомъ уполномочившій себя въ роли хозяина, гость. Какихъ тебѣ нужно красавицъ? У насъ есть всякія. Есть красавицы денныя, которыя хороши при солнцѣ: для нихъ необходимъ яркій дневной свѣтъ, чтобы освѣтить всѣ очаровательныя подробности ихъ прелестей; онѣ теряются вечеромъ. Эти красавицы делятъ передъ пышными ночными красавицами, которыхъ пламенные очи могутъ отражать только восковые свѣтила нашихъ гостиныхъ. Всѣ наши паркетные рыцари предпочитаютъ этихъ послѣднихъ. Есть еще красавицы настоящія и поддѣльныя. Красавицы, которыя въ самомъ дѣлѣ хороши и которыя только кажутся красавицами по какому-то оптическому заблужденію..... Есть даже вовсе не красивыя.

— Я не понимаю, что ты такое наговорилъ мнѣ, сказала съ примѣтною досадою Сарра. Назови мнѣ ту красавицу, которая и днемъ хороша и ночью, которая лучше всѣхъ.

— Видишь ты какую захотѣла! Да гдѣ жъ ее взять къ твоимъ услугамъ? Хороша бѣлокурая княгиня, что живетъ на бульварѣ. Ты видала ее?

— Видала, да развѣ итъ ея лучше.

— Хороша и смуглая княгиня, которая вовсе никогда не живетъ въ своей золоченой клеточкѣ у Новаго Моста. Хороша ея пріятельница, вдова, на Италіанской Улицѣ, хороши обѣ Гречанки, которыми ты любовалась съ хоръ купеческаго клуба. Хороша, ухъ какъ хороша пріѣзжая красавица.

— Я не видала ее, сказала вздохнувъ Сарра: но, вѣрно, есть лучше ея.

— Ужъ ничего не можетъ быть лучше сосѣдки.

— Сосѣдки! вскрикнула Сарра, а ей только того и надобно было, чтобы достигнуть косвеннымъ путемъ своей цѣли. Такъ сосѣдка самая прекрасная? Напиши же мнѣ, какъ зовутъ сосѣдку, вотъ на этой записочкѣ, сказала Жидовка, глядя такъ умильно, такъ неотступно на молодаго человѣка, что не было возможности отъ нея отвязаться.

— Это зачѣмъ? спросилъ Лялковъ.

— Мнѣ надо, какъ Бога люблю, мнѣ надо, продолжала она съ самымъ восточнымъ одушевленіемъ. Вотъ перо и чернила, при-

бавляла она съ живостью, схватывая бронзовый *peesevairge* со стола графа.

— Ты съ ума сошла, Сарра! зачѣмъ мнѣ адресовать это письмо? откого оно?

— Тебѣ нужды нѣтъ знать это, напиши, только напиши — это мое дѣло.

— Ужъ не одинъ ли изъ туманныхъ поэтовъ, которые посѣщаютъ васъ, и которому вздумалось написать посланіе къ *прекраснѣйшей*, просилъ тебя доставить его на твоему выбору?

— Не просилъ никто, убѣдительно молила Сарра: только напиши, какъ зовуть собесѣду.

Ляликъ раскохотался отъ всего сердца, и невозможно было равнодушно слышать этой смѣшной просьбы, въ которой, однако жъ, звучало что-то вовсе не смѣшное и очень серьезное, и даже болѣзненное. Онъ задумался. Неясно мелькнула въ головѣ его догадка, весьма близкая истинѣ. Лицо его оживилось; этотъ страдалецъ извращенныхъ, исковерканныхъ понятій, какъ всѣ страдальцы, обладалъ тонкимъ сочувствіемъ всякому страданію; но въ желчной природѣ его это сочувствіе проявлялось непріязненно — онъ находилъ какое-то дикое, жестокое удовлетвореніе топить свое страданіе въ страданіи другого, — онъ лакомился зрѣлищемъ досады, гнѣва и даже несчастія. Ради злобной проказы, не разсуждая о послѣдствіяхъ, онъ написалъ адресъ Маріанны на англійскомъ атласномъ пакетѣ, завезенномъ изъ чужихъ краевъ прекрасной путешественницей, такъ еще недавно бывшей однимъ изъ миловиднѣйшихъ кумировъ обожаній избалованнаго графа Анатоля.

— Однако жъ не даромъ трудился я, сказала, подмахнувъ послѣдній раскладистый крючокъ и объявъ еще разъ не заснурованную талию Жидовки.

Она жарко поцѣловала его и быстро исчезла съ своимъ троусемъ въ темномъ корридорѣ дома.

X.

Mais quand, bonheur suprême!
Ma vois tremblante te dit: je t'aime—
Crois-moi!

- Было очень поздно. Маріанна сидѣла одна въ своей комнатѣ и чувствовала несказанное удовольствіе остаться наединѣ съ за-

вѣтной, тайной душой своей. Она заперла двери своей комнаты и открыла окно.

Полураздѣтая, погруженная въ неотступное мечтаніе, сидѣла она, опершись на мраморную плиту оконницы. Жаркая лѣтняя ночь дышала съ надворья душною теплотою, и только изрѣдка дремлющій вѣтерокъ непримѣтнымъ колебаніемъ шевелилъ распущенныя легкія пряди волосъ молодой женщины и скользилъ по открытымъ плечамъ ея нечувствительными поцѣлуямъ.

Маріанна сидѣла недвижно, развивая жаркія грезы свои. Невѣрное мерцаніе звѣздъ трепетало на блѣдномъ лицѣ ея, и эти невольныя переливы свѣта и тѣни давали ей видъ безплотной прозрачности.

Если бы возможно было въ этомъ сомнительномъ свѣтѣ разглядѣть черты ея, въ нихъ бы замѣтна была видимая прошедшая переменѣна, которая какъ новый нарядъ красавицы придавалъ ей только новое очарованіе: любовь осынила этотъ младенческій ликъ томленіемъ нѣги. Страсть означилась на немъ тонкими чертами, сквозь которыя свѣтился цѣлый міръ роскошной, кипящей жизни. Взглядъ ея принялъ сосредоточенное, сознательное выраженіе. Все существо ея какъ-будто обновилось.

Она устремила недвижный взоръ въ туманную перспективу. Отдаленный плескъ моря, какъ ровное дыханіе спящаго великана, долеталъ до слуху ея монотонною, печальною гармоніей, прерываемый повременамъ визгомъ парохода, который размахивая громадными колесами, какъ ночной духъ моря, пробѣгалъ, оставляя за собою длинный, кудрявый хвостъ чернаго дыму.

Но взоры молодой женщины скользили, не осязая предметовъ. Она смотрѣла на темный заливъ, на южное звѣздное небо, на утопающій въ цвѣтущихъ рощахъ бѣлой, благоуханной акаціи берегъ, съ тѣмъ же отсутствіемъ, съ которымъ случается пробѣгать листы читаемой книги безъ всякаго сознанія, ни сочувствія — и будто пламенный сонъ поэта или глубокомысленный выводъ мудреца — всё-равно остается для насъ пустой страницей. Но, въ замѣтъ, очами души Маріанна видѣла *то, чего не снилось никакой философіи.*

Она любила и по временамъ ей казалось, будто бѣдное сердце ея разрывалось отъ любви. Она прижимала къ груди трепещущія руки, какъ-будто силясь смирить волненіе. Милый человекъ наполнялъ все способности души ея. Желаніе видѣть его томил

бѣдняжку — и какой-то почти бредъ представлялъ ей несбыточнымъ возможность свиданія.

«Какъ знать, думала она, нетерпѣливый другъ, можетъ-быть близко. Быть-можетъ, съ тоскою и бѣшенствомъ смотритъ онъ съ берега на матовый свѣтъ моей лампы» — и напряженный, очарованный взоръ ея искалъ его силуэта на гладкой поверхности залива, но искалъ тщетно. И снова еще безумнѣе, еще невозможнѣе волновали ее грезы:

«Для чего, мечтала она, не осмѣлится онъ войти въ рѣшетку сада и пробраться сюда по маленькой лѣстницѣ. Онъ бы могъ никого не встрѣтить, и если бѣ встрѣтилъ, и если бы повлекла эта встрѣча всѣ страшныя послѣдствія, они все не были бы страшнѣе разлуки».

— Какая душная ночь, Боже мой! произносила она почти громко: нѣтъ ни малѣйшаго колебанія въ воздухѣ. Атмосфера такъ густа, что дневная пыль до сихъ-поръ не можетъ упасть на землю.... Какая ночь! повторила она. Нѣтъ силъ вздохнуть. Чтѣ со мною, Боже!

Она подняла тяжелый взоръ и остановила его на портретѣ матери — прекрасной, въ глубокомъ траурѣ женщины. Черный крепъ осѣнялъ лицо красавицы, на которомъ горе и святое самоотверженіе положили строгую печать свою.

Это изображеніе, какъ знаменіе креста, было до-сихъ-поръ для бѣдной Маріанны поощреніемъ на высокій подвигъ терпѣнія. Она боготворила прекрасную память этой матери. Жизнь ея была для нея утѣшительною вѣрою во всѣ совершенства сердца. Каждое объ ней воспоминаніе, каждый взглядъ на драгоценный образъ ея воспламенялись въ душѣ живою молитвою.

И теперь, обуреваемая страстью, околдованная, влюбленная бѣдняжка, по всекльшой привычкѣ сердца, съ восторженнымъ умилениемъ смотрѣла на мнѣныя черты, и въ первый разъ этотъ прекрасный, кроткій ликъ взглянулъ на нее укоромъ. Молодая женщина въ младенческомъ суевѣрїи, скрестила руки и упала на колѣна передъ портретомъ.

— Прости, прости! воскликнула она въ страшномъ смущенїи души своей. Ты все простила на землѣ, моя святая! Добрая, ты все благословляла; да не возмутится же духъ твой оскорбленїемъ твоей материнской гордости!... Ты видишь растерзанное мое сердце — его уже исцѣлить нѣтъ средства. О, не пролей надъ нимъ

драгоценнаго мѹра слезъ твоихъ, онѣ кануть въ него пламенную нестью!

И она сама зашлась слезами.

Но какъ Элова арфа, которой коснулось тихое дуновение набѣжавшаго вѣтерка, въ самую минуту тяжкаго надъ собою рыданія, въ сердцѣ ея дрогнулъ звучный, сладкій аккордъ — немолчаливая любовь отозвалась въ огорченной душѣ ея.

— Я люблю его! вскричала она: милый, милый другъ! Мысль о немъ неразлучна уже въ душѣ моей, ни съ какою мыслью, ни, вѣрнѣе, у меня нѣтъ уже другой мысли. Эта мысль пробуждаетъ меня, и съ нею, какъ съ послѣдней молитвой, я засыпаю. Думать о немъ, видѣть его, его любить, объ немъ молиться! Онъ, и всегда онъ, и всюду онъ. Эта любовь проникла все существо мое — я вся поражена....

— Взгляни, взгляни на меня, снова зывала она къ неизмѣнно спокойному изображенію. Этотъ тонкій ядъ вселился въ кровь мою и для меня уже нѣтъ спасенія. Ликъ небесный, пойми мои страданія! Ангель безплотный! на свѣтлыхъ крылахъ твоихъ вознеси къ себѣ мою душу, а сердце оставь ему.... оно — его, навѣкъ его, и твой безстрастный духъ не заболитъ отъ того ревнивымъ негодованіемъ.... Но если ты не простишь меня — твое проклятіе уже не поможетъ — я уже не перестану любить его и въ безумномъ восторгѣ принесу ему, можетъ-быть, въ даръ любви это страшное ослушаніе.

Эти раздражительныя молитвы привели бѣдную женщину въ какое-то «анатическое» оупьяненіе. Какъ хмѣль, который воспаляетъ воображеніе, разнуздываетъ разгоряченныя мысли, и онѣ кипятъ потоками безумныхъ словъ, сердце нѣжнаго ребенка извергало поруганія. Бѣдняжка трепетала какъ въ лихорадкѣ, щеки ея горѣли, глаза сверкали; она была внѣ себя.

Она закрыла пылающее лицо руками и долго плакала, пока измученное сердце не истощилось.... и опять любовь, какъ утро послѣ бури, засіяла свѣтлѣе и благотворнѣе.

Она перече съ новымъ очарованіемъ послѣднее писъмо Анатолія, то самое, въ которомъ онъ изложилъ до дна свое влюбленное сердце, въ которомъ онъ звалъ ее, расторгнувъ оковы, бѣжать на край свѣта, туда гдѣ ждалъ ихъ вѣчный, неувидаемый рай любви и непрерывныхъ восторговъ. Этотъ оболстительный бредъ привился къ очарованному сердцу молодой женщины. Любящія души ихъ слились, въ эту минуту, въ одинъ прекрасный

сонъ, въ которомъ пробѣгали онѣ свой легкій путь, не касаясь
земнаго праху.

Надъ ними вѣчно безоблачное, свѣтлое небо.

Для нихъ пріютныя сѣни вѣчно-цвѣтущихъ деревь и вѣжные,
ласково сквозящіе лучи солнца.

Для нихъ неизсякаемый ароматъ розъ и нескончаемая пѣснь
соловья.

Для нихъ журчаніе хрустальныхъ ручьевъ и любовный шопотъ
листвьевъ.

Для нихъ и вѣга ночей, и сіяніе блѣднаго мѣсяца.

Для нихъ и радость любви и восторгъ молитвы.

Для нихъ полный, звучный, гармоническій аккордъ жизни.

— Ты благословляешь меня, ты обручаешь ему мою душу,
сказала опять, вызывая къ образу матери, въ полномъ упоеніи,
Маріанна.

Прекрасное лицо ея приняло выраженіе торжественной рѣши-
мости. Она взялась за перо, которое не успѣвало слѣдовать за
клявными мыслями.

«Какой рай ты сулишь мнѣ, и я вѣрю въ его возможность! Но что за
дѣло, адъ или рай, горе или радость, развѣ не все-равно съ тобой? Что
бы ни предстоило мнѣ — пусть я услышу изъ устъ твоихъ, что это
блаженство, и я вѣрю тебѣ! И въ самомъ дѣлѣ, всякій жребій изъ рукъ
твоихъ становится мнѣ блаженствомъ. Я твоя, мой другъ, навѣкъ твоя.
Располагай мною—я послушная и счастливая раба твоя.... О всемогущая
прелесть прекрасной души твоей! Какая любовь постигнетъ всѣ непости-
жимыя высоты ея!»

Въ эту минуту Маріанна получила адресованную на ея имя си-
нюю атласную записочку.

Она развернула ее и читала начертаніе французскаго незнако-
мага ей почерка:

«Я жду тебя завтра къ себѣ въ ложу, мой прекрасный Анатолій: не
забудь, что ты обѣщалъ мнѣ пріѣхать, посмѣяться надъ моею ревно-
стью, и надъ всѣми прелестными и кроткими, надъ всѣми возвышенны-
ми и безумными бѣдными женщинами, которыхъ ты обманываешь. Если
хочешь, мы посмѣемся даже и надъ тѣмъ днемъ, когда ты и меня, въ
мою очередь, обманешь. Мы будемъ смѣяться надъ всѣмъ на свѣтѣ,
если тебѣ угодно.»

— Что это такое? спрашивала себя въ недоумѣніи Маріанна,
перечитывая вѣсколько разъ это странное посланіе:—Для чего эта

записка была въ рукахъ ея? По какому случаю на ней написать былъ ея адресъ? Кто обладалъ ея тайной? чья рука начертала ея нмѣ и съ какимъ намѣреніемъ?... Переходя изъ соображенія въ соображеніе, она терялась въ хаосѣ догадокъ.

По временамъ инстинктъ женскаго сердца указывалъ ей точки, на которыхъ основывалась цѣлая узорная ткань, развитая ея воображеніемъ; но любовь защищала виновнаго и желаніе не вѣрять разрушало сплетенное.

Цѣлые рои догадокъ, какъ стаи зловѣщихъ птицъ, носились въ туманѣ ея мыслей. Иногда случайно налетали на истину и, снова разбѣянные, терлились въ заблужденія.

Бѣдная женщина, которая боялась призраковъ, и болѣзненнымъ недоверіемъ накликала бѣду, теперь при очевидномъ доказательствѣ отказывается вѣрить тому, что осязаютъ ея чувства. Она останавливается на предположеніи, что это послѣднее замирающее эхо одной изъ непогашенныхъ еще связей графа и вопль прозрѣвшей ревности — и она не ошибается, быть-можетъ.... Но почему не слышать чуткое ухо женскаго сердца, что въ этомъ отголоскѣ звучитъ давняя, закоренѣлая привычка не сосредоточивать любви въ одномъ, нескончаемомъ, грандіозномъ аккордѣ, а дробить ее на прерываемые, несвязные, всюду разбросанные звуки? Бѣдняжкѣ необходимо это убѣжденіе, чтобы защитить сердце отъ готовыхъ въ него хлынуть всѣхъ ядовъ жизни.

Было что-то горько-смѣшное въ эту минуту въ ея положеніи. Послѣ минувшей, торжественной, сцены, это недоумѣніе имѣло въ себѣ что-то насмѣшливое. Сердце бѣдной Маріанны застрадало оскорбленіемъ самолюбія.

XI.

ПРОВОЖДЕНІЕ.

Въ театрѣ давали одну изъ любимыхъ оперъ публики. Ложи цѣпили тремя ярусами великолѣпныхъ гирляндъ. Кресла не могли вмѣстить всѣхъ дилеттантовъ музыкальнаго города. Партеръ, какъ муравейникъ, кипѣлъ черными ермолками меркантильныхъ дѣтей Израиля. Послѣ долгаго торговаго дня, и они сползли съ грязныхъ переулковъ своихъ на сладкіе звуки добраго, стараго Бедни.

Безсмертное его созданіе, такъ вдохновенно, съ начала до конца выполненное, разливало очаровательные звуки, которые вторга-

лись по степени воспримчивости въ сердца слушателей. Единодушные bravo и рукоплесканія, отъ которыхъ стѣны зданія готовы были рушиться, нѣсколько разъ вызывали пѣвцовъ, и, сливаясь страшнымъ гамомъ, казнили разнѣженный слухъ за непродолжительное наслажденіе.

Въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ, когда общій восторгъ немного отдыхаетъ и начинаютъся по ломамъ визиты и болтовня, нѣсколько лорнетовъ, какъ-будто однимъ движеніемъ, обратились на молодую женщину, одиноко сидѣвшую съ толстымъ мужемъ.

— Какъ она сегодня блѣдна, говорила, наводя на нее костяной бинокль, пожилая дама въ пунсовомъ беретѣ.

— Блѣдна, потому что нельзя же надѣть на красныя щеки эту греческую прическу съ зеленой діадемой, отвѣчала сидѣвшая съ нею пріятельница. Посмотрите, какъ интересно ваше божество, продолжала она, обращаясь къ входящему въ ея ложу мужчине.

— Она нездорова, отвѣчалъ онъ: бѣдняжка простудилась въ вечеръ того праздника, которымъ были мы обязаны вашему замысловатому парі.

— Говорятъ, она оступилась, выходя изъ шлюпки, чтобы доставить одному изъ васъ удовольствіе быть ея спасителемъ.

— Не думаю, чтобы ддятого. Она давно должна быть увѣрена, что мы готовы за нее въ огонь и въ воду.

— Всѣ же не худо испытать такую готовность.

— Женскій капризъ, безъ-сомнѣнія, вещь, до-сихъ-поръ нерѣшенная; но стоило ли для такого испытанія мочить хорошенькія ножки и подвергаться лихорадкѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, сознайтесь, что вы всѣ преглупо влюблены въ нее и составляете вокругъ нея пресмѣшную дружлюбную секту.

— His great admirers club. Каюсь, принадлежу къ нему. Но почему, позвольте спросить, члены этого клуба кажутся вамъ такъ смѣшны и глупы?

— Потому что она, гордая молодая кокетка, вскружила всѣ ваши головы и никого не любитъ.

— А простили ли бы вы ей прихоть любить кого-нибудь?

— Я вамъ говорю, что никого, никогда любить она не въ-стояніи. Она со всѣми кокетничаетъ, всѣхъ морочитъ и ничего не чувствуетъ.

— Ужъ если жаловаться на нечувствительность женщины, то но всему это право принадлежить намъ. Мы страдаемъ отъ ея

жестокости — и, признаюсь, никогда меня ничто так не удивляло, какъ это безкорыстное ходатайство по чужому дѣлу.

— Такая женщина, какъ она, не любить ни отца, ни матери, ни дѣтей, ни сестеръ, ни братьевъ, сказала рѣшительнаго тона подлинной и скрѣпленной сентенціи княгиня.

— Есть приговоры, послѣ которыхъ не можетъ уже послѣдовать никакой апелляціи, сказалъ съ комическою важностью заступникъ. Кланяюсь вамъ, княгиня, и уступаю мѣсто новому поколѣнію, прибавилъ онъ выходя и впуская въ ложу трехъ студентовъ, неизмѣнныхъ спутниковъ сіятельной планеты.

Иврикъ вышелъ успокоенный. Преданный сердечною дружбою молодой женщиной, онъ одинъ зналъ истину, и радъ былъ негной клеветѣ, выпраденной въ безтолковой головѣ, имѣвшей въ который авторитетъ сметливицы. Въ этотъ случай зло случилось зломъ — клевета покрывала страшную правду. Онъ пошелъ въ ложу Маріанны, гдѣ видѣлъ уже Ройнова, Ляликова и оживленныхъ разговоромъ двухъ пріятельницъ. Инстинктивно чувствовалъ онъ, что бѣдняжкѣ нужна была въ этотъ вечеръ дружественная помощь.

Обѣ дамы звучнымъ журчаніемъ милой французской болтовни, подобной катящемуся по камешкамъ ручейку, оглушили бѣдную женщину допросами подробностей случившагося съ ней происшествія, о которомъ ни отъ кого не могли добиться никакихъ свѣдѣній; смутили ее неожиданными замѣчаниями, обременили участіемъ и растерзали состраданіемъ.

Нужны были, для спасенія ея, вся супружеская безпечность мужа, тактъ и самообладаніе влюбленныхъ, умная преданность друга и драгоценное самолюбіе Ляликова, который не могъ долго сносить разговора, не касавшагося его милой особы.

Ему понадобилось высказать какое-то еще не обнародованное открытіе, обратить на себя негодованіе хозяина и насмѣшливое бечеваніе Иврина, котораго мѣткіе удары возбудили ребяческій хохотъ молодыхъ женщинъ и увлекли ихъ въ соблазнительный грѣхъ посмѣяться надъ тѣмъ, что бы могло быть въ самомъ дѣлѣ смѣшно, когда бы не было такъ грустно.

Блестящій *motseau d'ensemble*, религиозно выслушиваемый публичною, разогналъ говорившихъ по своимъ мѣстамъ. Одинъ Анатолій остался, противъ приличія, въ ложѣ. Онъ отдалъ бы въ эту минуту пол-жизни, чтобы сказать нѣсколько словъ любимой женщиной. Онъ видѣлъ ее послѣ роковаго вечера въ первый

разъ и въ продолженіи этого времени любовь его дошла до истушенной страсти.

Но Марианна, казалось, вся сосредоточилась въ музыкѣ. Она держала свой лорнетъ прикованнымъ къ спицѣ, и напрасно молодой человѣкъ ловилъ скользившіе взгляды, въ которыхъ прочесть ничего было невозможно. Подъ этою равнодушною оболочкою она притаяла свое взволнованное сердце и какъ изъ-подъ одводѣтаго, герметически закрытаго домино, наблюдала она за поступками друга.

Молодой человѣкъ просидѣлъ противъ нее до окончанія акта, въ глухомъ положеніи, котораго даже не замѣтилъ, и вышедшій, возмущенный до глубины недоумѣніемъ.

Какое-то невольное негодование закралось въ душу его. Тысячи сомнѣній и предположеній стѣснились въ головѣ его и приводили его въ отчаяніе. Невозможно было подозрѣвать въ этой женщинѣ легкомысленной измѣчивости. Капризъ — это болѣзнь балованнаго ребенка, также не выѣщалась въ ея прекрасную душу... а какъ могло ему прійти на мысль, что непочтительное желаніе его отвлечь отъ милой головы ревнивое вниманіе женщины, влюбленнымъ инстинктомъ почувшешь опасность, собереть надъ собственной его головою эту нависшую, готовую разразиться грозу.

Необходимость заставила его нѣсколько дней тому назадъ притворною ласкою успокоить оскорбленное, неотвязчивое сердце; онъ долженъ былъ заслонить возопившія уста поцѣлуемъ, и хоть этотъ поцѣлуй на коралловыя губки не былъ слишкомъ труднымъ самопожертвованіемъ, но всё же намѣреніе его было благо и совѣсть оставалась чиста.

Какъ же могъ онъ подозрѣвать, что этого ничтожнаго зерна развѣтвилось такое дерево, что эта брешенная ласка вымететь такія послѣдствія, подобно оторвавшейся на хребтѣ горы, снѣговой глыбѣ, которая, принимая на лету страшные размѣры, засыпаетъ цѣлыя поселенія.

«Не проснулось ли дремлющее вниманіе мужа?» спросилъ онъ себя, въ простотѣ и невинности сердца, идя по корридору и не зная что начать съ собою до окончанія спектакля, послѣ котораго надѣялся встрѣтить еще разъ молодую женщину у развѣзда. Онъ пошелъ въ ложу, гдѣ ожидала его безвинная виновница, въ недобрый часъ вспыхнувшего между любовниками недоумѣнія — виновница роковой милой записочки.

Красавица была прекраснѣе обыкновеннаго. Горькое обви-

дать снова потерянными сокровищемъ озаряло ее и придавало еще живости и огня рѣзвому ея уму. Подъ ореоломъ удовольствія очаровательное созданіе становилось неотразимымъ, и закраившееся въ сердце юноши огорченіе разсѣялось отъ благотворнаго ея вліянія.

Онъ забылся невольно; долгій, закоренѣлый навѣкъ не умѣть вести съ женщиной другаго разговора, кромѣ любовной электризующей болтовни, вошелъ нечувствительно въ свои права. Потухшій пламень такъ еще недавно занимавшей его интриги, вспыхнулъ, на мгновение, изъ пепла догорающимъ блескомъ, который сократилъ для молодаго человѣка долготу двухъ послѣднихъ актовъ. Съ послѣднимъ ударомъ смычка, онъ бросился къ дверямъ разъѣзда.

Блѣдная, озаренная свѣтомъ лампы, стояла прислонясь къ колоннѣ Маріанна, въ ожиданіи кареты. Мужъ попечительно поправлялъ ея распахнувшійся небрежно накиннутый бурнусъ, долженствующій хранить дорогое здоровье отъ вліянія сыраго воздуха; но молодая женщина не чувствовала ни чьего вниманія и ни чьихъ понеченій. Въ душѣ ея происходилъ страшный кризисъ. Она пробуждалась отъ чуднаго, волшебнаго сна въ горькую дѣйствительность. Передъ глазами ея распадалось очарованіе. Она погружалась въ безобразный мракъ, въ которомъ пугалъ ее звукъ собственнаго голоса.

— *Ravissante, chère belle!* сказала подходя и взявъ ее за руку княгиня, приближеніе которой ознаменовывалось всегда какою-то предшествующею бурей громкихъ вокругъ нея голосовъ. — Помилуй, матушка, говорятъ, ты утонула, ты больна, а ты всё только хорошишься—непозволительно. Я жду тебя завтра непременно съ нами въ немецкую деревню, куда всё ваѣздицы отправляются верками. Мужья ваши могутъ пріѣхать, но они не приглашаются, и тебѣ безъ ихъ позволенія назначается кавалеромъ графъ Анатолій — *c'est donc la fleur de pois, le coq du village.* Надѣюсь, что ты будешь довольна, прибавила она.

Маріанна почувствовала злой намекъ въ этомъ, быть-можетъ, случайномъ, а можетъ быть и нѣсколько коварномъ назначеніи.

Мужъ рассыпался передъ сіятельною деспоткой въ послушныхъ обѣщаніяхъ.

— Тѣ-то же, продолжала княгиня: я знать не хочу никакого нездоровья и невозможности.—Подите, подите! закричала она под-

ходившему Ивринну: бѣгите, догоните вашу красавицу-путешественницу, какъ бишь ее зовутъ; скажите ей, что княгиня Кремская проситъ ее участвовать верхомъ въ завтрашней прогулкѣ и что вы будете ея кавалеромъ.—Надо же было застраховать эти двѣ хорошенькія приманки, на которыя слетится весь непопчатый край ихъ обожателей, говорила она кому-то, вовсе не смягчая звонкой ноты своего контральта, который умолкъ только тогда, какъ стеклянныя двери театральныя съней проглотили ее.

— Я перейду пѣшкомъ черезъ площадь, сказалъ мужъ Маріанны, подсаживая ее въ карету. — Пошелъ, проворный, на дачу! крикнулъ онъ кучерамъ.

Лихая, хорошо наѣзженная четверка стараго кавалериста, двинула дружно съ подѣзда и сдѣлавъ нѣсколько оборотовъ на недалекихъ разстояніяхъ города, несла стрѣлою легкую карету къ заставѣ порто-Франко. Шлагъ-баумъ, который грозилъ опуститься вмѣстѣ съ послѣднимъ угасающимъ въ морѣ лучомъ дня.

Молодая женщина прислонила голову къ шелковой подушкѣ экипажа. Въ этой прекрасной головкѣ только-что рушилось дивное идеальное зданіе и обломки его давили сердце.

Не мѣрою времени, не долгою дней обрѣтается опытъ — умный, строгій наставникъ жизни; цѣлые годы пронесутся незамѣтною струею, и юное сердце клокочетъ, бушуетъ, какъ горный потокъ. Въ немъ молодая сила, какъ хмѣль въ блестящей, искрометной влагѣ вина, бьетъ въ голову и туманитъ разсудокъ. Нетерпѣливое, оно не дожидается опредѣленій рока, а само создаетъ себѣ чудный, вѣчно-ликующій міръ, какого не выдумать скупому Провидѣнію, и громко и повелительно требуетъ исполненія своихъ жаркихъ мечтаній; а непреклонная судьба, какъ старая няня, равнодушно выслушиваетъ приказаніе неразумнаго дѣтиса, то забавляя его гремушками, то лаская пустыми обѣщаніями, то прогнѣвляя упорнымъ отказомъ.

Роковая минута прозрѣнія внезапно просвѣщаетъ разумъ и старитъ сердце.... Это бѣдное сердце возмущается въ глубинѣ, болитъ нестерпимо, и пока созрѣетъ въ немъ завѣтный плодъ страданія, какимъ тоскующимъ призракомъ витаетъ оно, безпріютное, отрѣшенное отъ золотого міра очарованія и непринятое небомъ истины!

Въ этомъ переходномъ состояніи находилась Маріанна съ ея старческою осторожностью, съ которою стало ей невозможно то юношеское, безразсудное самозабвеніе, съ которымъ великодушная

молодость бросается въ огонь и воду... она всё же обманулась. Любовь—страшная чародѣйка: она помрачаетъ всё разсчеты, сокрушаетъ всякія системы, низвергаетъ всякія огражденія.... Она полюбила со всёмъ безуміемъ молодаго сердца, повѣрила самому живому, несбыточному сну и пробужденіе отъ этого сна извилью ее такъ же больно, какъ поражаетъ неопытное сердце первый неожиданный ударъ.... Но бѣдняжка обманывалась вдвойнѣ.... Этотъ сонъ могъ осуществиться, вѣрный другъ любилъ ее такъ же пламенно и только заблужденіе создавало обманъ ея.

Но что же истина въ этомъ мірѣ? Гдѣ она? Гдѣ искать ее? Вездѣ и всюду, и отъ насъ зависитъ видѣть ее. Каждому изъ насъ дано на столько зрѣнія, чтобы видѣть истину, которая *метна* въ отношеніи насъ и по разумѣнію нашему. Чтобы объяснить это осязательнымъ сравненіемъ, можно взять тотъ фокусъ совершенной ясности, на которой подзорная труба приходится по глазамъ нашимъ; отодвигая или придвигая, мы только затѣмваемъ взоръ.

ХII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

— Не мучь меня, Маріанна.... Скажи мнѣ, скажи ради всего святаго, что съ тобой? Ты любишь меня, ты моя.... За тѣмъ же молчишь ты такъ страшно?... Сердце мое рвется, разумъ помрачается.... я сойду съ ума, говорилъ Анатолій, подстрекая разогнавшихся верховыхъ лошадей, которыя вынесли ихъ изъ группы красивыхъ всадниковъ, манежнымъ галопомъ парадировавшихъ по степной дорогѣ.

Голосъ правды вторгается и въ невѣрующую душу живымъ звукомъ. Маріанна взглянула на прекраснаго юношу; его роскошные каштановые волосы развѣвались отъ быстроты бѣга, въ лицѣ его было чудное выраженіе любви и муки, въ глазахъ блистали слезы.

Отъ искренней въ эту минуту, подумала Маріанна; но эта самая искренность есть та же ложь, это голосъ волнующей душу страсти, это сегодня истина, а завтра—ложь, какъ все земное, какъ все человѣческое, сказала она себѣ, и слеза скатилась съ ея рѣсницы на волнистую гриву бѣлаго скакуна, который покойно и бережно уносилъ легкую ношу свою со всёмъ тяготившимъ грудъ ея гнетомъ.

— Куда несемся мы? спросила она, завидѣвъ передъ собою береговой обвалъ, котораго перескочить было невозможно.

— Отвѣчай, Марианна, не правда ли, ты бросаешь все, ты идешь со мною? Отвѣчай, пока этотъ глухой народъ не догналъ насъ.

— Останови! вскричала испуганная женщина, усиливаясь удержать разогнавшуюся лошадь.

Распаленный юноша въ какомъ-то безуміи, вмѣсто того чтобы удержать закусившаго поводья коня, ударилъ его хлыстомъ, и обѣ лошади разомъ перескочили черезъ ровъ.

— Вы играете и судьбой и жизнью женщины, сказала Марианна такимъ тономъ, который долго звучалъ въ оскорбленной душѣ Анатолія.

«Трусиха, нервная причудница,» подумалъ юноша, какъ-будто внезапно отрезвленный этимъ толчкомъ отъ очарованія.

«Сумасшедшій вѣтреникъ,» подумала Марианна.

Обоюдное сомнѣніе уродливимъ призракомъ внезапно возникло между нихъ. Испуганные, они какъ-будто вдругъ не узнали другъ друга, и молча, погруженные въ тяжкое раздумье, присоединились къ обществу.

На возвратномъ пути, Марианна неустово кокетничала съ какимъ-то бѣлокуроымъ отрокомъ. Анатолій ѣхалъ возлѣ стреми иностранки, которая очаровательно улыбалась ему.

Заразительный недугъ, *невъріе*, изъ какой страны и кѣмъ занесена эта язва? Какія вины порождаютъ ее? Или подобно очистительнымъ болѣзнямъ, надлежитъ пройти черезъ это испытаніе дядюго, чтобы узнать, что совершенство человѣка есть вѣра, что сомнѣніе унижаетъ и помрачаетъ его и что спасительнѣе обманываться несчетно, нежели усомниться однажды въ истинѣ.

Такъ же свѣтло смотрѣлъ тотъ же полный, съ малымъ только ущербомъ, мѣсяцъ, въ зеркальныя воды залива, и его отраженіе такъ же разсыпалось на волнахъ змѣистыми, сверкающими переливами.

На той же террасѣ та же прекрасная чета, но не та уже изступленная вѣра въ сердцѣ юноши.

Этотъ плабнительный, прерванный сонъ тѣснилъ его душу; тяжкая грусть омрачила лицо его траурнымъ крестомъ: это было послѣднее отданіе умершему чувству.

— Отчего онъ такъ печаленъ и такъ ласкаетъ меня? думала Сарра, вперивъ бархатные глаза свои въ очи прекраснаго на трона.

— Опять одна! прорыдала Марианна, ложась растерзанная въ постель. Для чего все это было, Боже!

Чудно-торжественна была ночь. Дремали волны залива, умолкнувшій берегъ облился серебрянымъ лучомъ мѣсяца. Въ этомъ невѣрномъ, обманчивомъ свѣтѣ мелькали воздушныя видѣнія, и сонный говоръ струй ласкалъ и вѣжилъ душу.

Е. КУБ.

=

ПРИКЛЮЧЕНІЯ,

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

=

I.

Разсказавъ , по принадлежности , кто такая Саломея Петровна , мы оставимъ ее въ покоѣ до первой встрѣчи . Обратимся къ Дмитрияцкому , который , какъ вамъ уже извѣстно , проигралъ сполна собственныя деньги и частію прихватилъ деньги ремонтныя . Не для чего бы говорить ему , что это сдѣлано не только неосновательно , но даже безразсудно : все это зналъ онъ самъ и бранилъ себя дуракомъ . Послѣ нагоняя самому себѣ , онъ сталъ обдумывать , какъ поправить дѣло , и ничего лучше не выдумалъ , кромѣ новѣйшей гомеопатической пословицы : *Similia similibus curantur* — или древнѣйшей русской пословицы : *члмъ обожсся , тлмъ и лечисъ* .

— Но здѣсь , въ поганомъ Бердичевѣ , не буду лечиться : поѣду поправлять здоровье посреди сельской жизни . И вотъ , въ прекрасныхъ долинахъ Подоліи , подъ именемъ ремонтѣра разъѣзжаетъ онъ отъ помѣщика къ помѣщику , играетъ для «препровожденія времени» . Но во всякомъ случаѣ , онъ былъ не болѣе

какъ Schüller, въ сравненіи Schulmeister-а Желынского. Желынский, провѣдавъ что онъ въ его завѣтныхъ поляхъ краснаго звѣря ловить, тотчасъ же размѣстилъ засады, и, съ бѣднаго, съ живаго Дмитрицкаго сняли кожу.

Между-тѣмъ время проходитъ; въ полку о Дмитрицкомъ нѣтъ и извѣстій. Полковой командиръ менѣе заботится о немъ и о деньгахъ, нежели о командѣ, и отправляетъ другаго офицера отыскивать Дмитрицкаго и принять команду и ремонтъ. Офицеръ, не долго думавъ, ѣдетъ въ Бердичевъ. Тамъ находитъ онъ команду, которая преспокойно живетъ по квартирамъ, въ ожиданіи своего командира; въ числѣ команды и деньщикъ Дмитрицкаго.

— Гдѣ прапорщикъ?

— А Богъ его знаетъ; онъ меня оставилъ у одного помѣщика, я тамъ жилъ-жилъ, ждалъ-ждалъ барина, покуда выгнали; помѣщикъ сказалъ: ступай, братъ, баринъ твой, вѣрно, умеръ; я держать тебя не хочу. Я и пришелъ сюда.

— А чтѣ, въ самомъ дѣлѣ не умеръ ли онъ?

— Вѣрно, что умеръ; помѣщикъ не даромъ говорилъ.

Офицеръ доноситъ въ полкъ, что команда состоитъ благополучно на-лицо, а самъ ремонтёръ пропалъ безъ-вѣсти и, вѣроятно, умеръ.

Дмитрицкаго означили умершимъ.

Такимъ образомъ кончилъ Дмитрицкій жизнь служебную.

Между-тѣмъ новый ремонтёръ, пріѣхавъ къ одному помѣщику для покупки лошадей, входитъ въ гостиную и видитъ — ни дать ни взять Дмитрицкій, въ венгеркѣ, въ гусарской жилеткѣ, сидитъ за картами.

— Дмитрицкій! вскрикиваетъ онъ, всмотрѣвшись въ него.

— Ахъ, любезный другъ! вскричалъ и Дмитрицкій, вскочивъ изъ-за стола и обнимая товарища своего. Вотъ неожиданно встрѣтились.

— Чтѣ ты здѣсь дѣлаешь?

— Тсъ! скажи, пожалуйста! вотъ встрѣча! Какъ давно не видались!

И онъ потащилъ его за руку въ другую комнату.

— Чтѣ ты здѣсь дѣлаешь? гдѣ ты пропадалъ?

— И не думалъ пропадать, братецъ; а видишь, по-маленькой, отыгрываюсь.

— Да знаешь ли что, вѣдь ты исключенъ изъ списковъ и показанъ въ числѣ умершихъ?

— И очень хорошо сдѣлано; я дѣйствительно убитый человекъ; а потому и не могу ужъ явиться въ полкъ.

— Ахъ, чудакъ! Да что жъ ты будешь дѣлать?

— Что жъ, братецъ, мертвому дѣлать, кромѣ какъ скитаться тѣню.

— Ахъ, чудакъ!

— Только, братецъ, не говори никому, что и тѣнь мою видишь; а то, пожалуй, колъ въ спину вколотятъ.

— Гдѣ жъ ты живешь?

— Теперь, здѣсь, гошу.

— Не совѣтую тебѣ, однако жъ, проживать въ этихъ мѣстахъ; если тебя узнаютъ — бѣда!

— И не напоминай, самъ уѣду; чортъ знаетъ, здѣсь нѣтъ мнѣ счастья. Поѣду искать невѣсть, попробую жениться.

— Ахъ, чудакъ! да какъ же ты будешь жить безъ всякаго вида?

— Вотъ тебѣ разъ! попробуй кто отъ меня требовать видъ, я поставлю ему на видъ вотъ что!

Дмитрицкій показалъ свой кулакъ.

— Съ этимъ видомъ не далеко уѣдешь.

— Не далеко уѣду, такъ далеко уйду; однако жъ меня ждутъ; извини, братъ, я къ тебѣ приду на квартиру.

— Нѣтъ, спасибо, отложи попеченіе: со мной команда.

— Да, да, да! ну, хорошо! Такъ до свиданія на томъ свѣтѣ.

— Прощай, братъ!

— Присядь, хотъ по-маленькой.

— Нѣтъ, спасибо.

— Ну, хотъ карточку, на мое счастье.

— Нѣтъ, благодарствуй.

— Экой чудакъ!

Послѣ извѣстія, сообщеннаго новымъ рементѣромъ, Дмитрицкій по-немногу сталъ подвигаться съ юга на сѣверъ. Онъ былъ нѣкогда въ Москвѣ, и Москва ему нравилась; выѣжая изъ нея, онъ думалъ: когда-то Богъ приведетъ опять побывать. Эта старая мысль пришла ему въ голову, когда онъ задумался, куда ему ѣхать.

— Э! да вотъ прекрасный случай ѣхать въ Москву! Тамъ же всегда тьма невѣсть. Именно! тамъ открою свой новый карьеръ...

Сиверная вещь, безъ денегъ! Я увѣренъ, что безъ денегъ я могу завлечься во всё страсти. А съ деньгами я совершенно смиренное существо: засѣлъ гдѣ-нибудь въ уголокъ, бросаю пукъ ассигнацій, или горсть золота на столъ — господа! банчику! — Смотришь, таятся со всѣхъ сторонъ искатели земнаго блага, обступаютъ Фараона, какъ рыбы и ждутъ подачки. Иному дашь туза — счастливъ! иному оборвешь — молчать! Судьба! Добродѣтельный мужъ и отецъ семейства, не съ намѣреніемъ пролилъ чашу довольствія своего; онъ только хотѣлъ дополнить ее послѣднимъ глоткомъ бѣдняка, да чортъ подтолкнулъ подъ руку, чаша вверхъ дномъ, а нашъ братъ подставилъ горсть и богатъ. Но для того, чтобъ имѣть право стоять тамъ, гдѣ чортъ подталкиваетъ подъ руку, надо имѣть случай при немъ. А кто жъ можетъ доставить этотъ случай какъ не жена, входящая въ дѣла своего мужа и способствующая его успѣхамъ въ свѣтѣ? Чтѣ за роскошь, имѣть такую заботливую, умную помощницу!... «Душа моя! заинтересуй, пожалуйста, мосьѣ такого-то, чтобъ ему у насъ не было скучно. Умная жена тотчасъ пойметъ пользы мужа. О, она должна быть вѣрнѣе привлекательна въ отношеніи интересныхъ людей. Одного только боюсь, чтобъ не попасть на такую, которая вздумаетъ тебя вывести въ чины, или на такую, которая только почуветъ дома; или на такую, которая прищипливаетъ мужа къ хвосту.... Да еще боюсь, чтобъ не влюбиться въ аплике, въ дрянное сердчишко, которое разрядится въ любезность, въ сладость, въ нѣжность, подобьетъ всѣ свои недостатки пуховой прелестью, раздушится благовонными вздохами, разукрасится алмазными взорами, разрисуется узорными приѣмами....

Разеуждая такимъ образомъ, Дмитрицкій ѣхалъ въ Москву, на огромномъ чемоданѣ, набитомъ сѣномъ. Хоть у него и оставалось только одно носильное платье: венгерка, да шинель; но онъ зналъ, что ѣздить безъ чемодана — нельзя: почтутъ за нищаго.

По пріѣздѣ въ Калугу, въ кошелкѣ у него остался одинъ только червонецъ и ключъ отъ чемодана. «Этого скакуна я ни за чтѣ въ свѣтѣ не отдамъ: это у меня заводчикъ. Лошадей найму вплоть до Москвы; а чтѣ касается до насущнаго пропитанія: есть чтѣ есть и есть, а нѣтъ, такъ мы не взыщемъ; впрочемъ глупость, какъ это возможно умереть съ-голоду тамъ, гдѣ люди завтракаютъ, обѣдаютъ, полдничаютъ, ужинаютъ, и, словомъ, нѣтъ день ѣдать!

Слѣдуя этому правилу, Дмитрицкій не голодалъ. Въ первой же

деревнѣ, гдѣ его извозчикъ остановился кормить лошадей, онъ засталъ хозяина, хозяйку и всю семью за столомъ: они хлѣбали изъ огромной чаши жирныя щи.

— Чтò это? квасокъ? дай-ко, братъ, ковшичекъ.... ухъ, какъ славно шами пахнеть!

— Да не угодно ли, сударь, покушать? сказала хозяйка: у насъ щи, жаркое есть, если угодно рыба есть.

— Нѣтъ, благодарствуй, милая; боюсь обѣдъ испортить.... я только попробую.... Славныя щи!

— Да чтò жъ, пообѣдайте у насъ, сударь.

— Нѣтъ, милая, меня ждутъ обѣдать, отсюда недалеко.

Такимъ образомъ нашъ путешественникъ вездѣ пробовалъ то щи, то кашу; но на половинѣ дороги ему захотѣлось хорошо пообѣдать. Проезжая въ обѣденное время черезъ одно село, онъ спросилъ:

— А что, здѣсь живетъ самъ помѣщикъ, или управляющій?

— Самъ помѣщикъ.

— А есть у него продажныя лошади?

— Какъ же, большой заводъ есть.

— Прекрасно! проводите-ко меня къ нему.

Барниъ-заводчикъ радъ покупщику.

Нечего рассказывать, какъ явился Дмитрицкій къ помѣщику, къ Григорью Тимофѣевичу Мискину, покупщикомъ и знатокомъ въ лошадяхъ; какъ, осматривая заводъ, проморилъ плотнаго барина, и тотъ пригласилъ его откушать вмѣстѣ, потому что ужъ время, а послѣ обѣда предложилъ попробовать лошадей въ упряжкѣ. Всѣ продѣлки были исполнены какъ-нельзя лучше, лошади въ упряжкѣ ходили очень хорошо, помѣщикъ назначилъ имъ цѣну прекрасную, и расстался съ Дмитрицкимъ, какъ съ такимъ покупщикомъ, какихъ ему надо было и по самолюбію, и по расчетамъ.

Пообѣдавъ очень хорошо, и даже выпивъ за здоровье гнѣдыхъ, Дмитрицкій рѣшился не обѣдать до самой Москвы, если только не представится какого-нибудь особеннаго случая. Но особеннаго случая не представилось.

Я думаю памятно вамъ, какъ счастливо онъ миновалъ заставу.

— Покуда, прямо — отвѣчалъ онъ, а между-тѣмъ думалъ: — Куда жъ теперь ѣхать? пріѣхавъ въ Москву, разумѣется, теперь

слѣдуетъ ѣхать въ Европу; во всѣхъ лучшихъ городахъ должна быть Европа; безъ Европы нельзя обойтись, особенно пріѣзжему человѣку. Эй! послушай, любезный, гдѣ тутъ Европа? Спасибо! ступай!

Пріѣхали въ Европу. Дмитрицкій повелительно крикнулъ у крыльца на швейцара и лакеевъ, чтобъ помогли выгнать ему изъ повозки.

— Первый номеръ готовъ для меня? а?

— Первый номеръ занятъ-съ.

— Какъ?... Фу! бока разбило! Животное! заставилъ меня прокатиться въ телѣгѣ! Пять тысячъ заплатить за экипажъ и сѣсть на половинѣ дороги!... Какъ, занятъ?

— Занятъ-съ.

— Какъ занятъ! ахъ, дуракъ! Чтò жъ оцъ это здѣсь дѣлалъ? онъ вѣрно занялъ въ другой гостинницѣ.

— Третій номеръ свободенъ-съ, прекрасный номеръ! три комнаты-съ, мебель краснаго дерева, фортепьяны, все есть-съ, всѣ принадлежности, какъ слѣдуетъ, сейчасъ только очистился.

— Три комнаты! какія-нибудь скверныя! Экое животное! Ну, веди!.... Чтò за гадкіе корридоры! тьма кромешная! Это ни на чтò не похоже! то ли дѣло въ Парижѣ.

— Въ Парижѣ-съ? Помните, чтò Парижъ! Ужъ лучше нашей гостинницы въ цѣломъ городѣ нѣтъ.

— Я ничего не вижу!

— Пожалуйте, пожалуйста, сюда.

— Ну, чтò тутъ такое?... Это-то? Фу! да покури, братецъ, скорѣе! Кто тутъ стоялъ?

— Только-что сегодня изволилъ уѣхать одинъ сочинитель изъ Петербурга.

— Сочинитель? Именно какими-то сочиненіями пахнетъ! Покури, да не какой-нибудь смолкой, а по-крайней-мѣрѣ лавандомъ.... Да чаю, чаю скорѣй!... Одинъ изъ васъ, по-расторопиѣе, чтобъ здѣсь дежурилъ, покуда мои люди пріѣдутъ! Да есть ли тутъ сарай хорошій, поставитъ коляску, а?

— Какъ же съ, сколько угодно.

— Ну, чаю!

— Въ повозкѣ есть вещи-съ?

— Какія вещи? вещи въ экипажѣ. Да! кажется чемоданъ положили со мною. Внести его! Адресъ-календаръ есть?

— Есть-съ.

— Принеси! тебя какъ зовуть?

— Иваномъ-сь.

— А тебя?

— Алексѣемъ.

— Такъ ты, Иванъ, ступай за календаремъ, а ты за чаемъ, да живо! Лѣнтяямъ ничего кромѣ *простаго туза* не даю; а кто услужить мнѣ, тому *червонный*, слышите?

— Будемъ довольны-сь! Кому жъ и угождать, какъ не доброму барину.

— Тѣ-то же!... а! чемоданъ; хорошо! поставь его, да осторожьнѣ, не переми у меня тамъ. Тебя какъ зовуть?

— Петромъ-сь.

— Петръ, спреси бутылку лучшей мадеры! скорѣй!

Петръ бросился за мадерой; а между-тѣмъ Дмитрицкій раскинулся на диванѣ и сталъ зѣвать, какъ изнѣженный помѣщикъ, съ дороги. Приказанія его живо были исполнены. Алексѣй принесъ, съ вывертами, на подносѣ апліке, чайникъ; сливочникъ и чашки—пестрый фарфоръ *рококо* съ позолотой, въ корзинкѣ сухари, на блюдечкѣ сахаръ. Иванъ прибѣжалъ съ адресъ-календаремъ, а Петръ съ бутылкой мадеры.

— Первый номеръ мадера?

— Самая старая-сь.

Дмитрицкій налилъ стакаль, выпилъ залпомъ, и потомъ плюнулъ.

— Дрянъ!

— Самая лучшая-сь!

— Самая лучшая! почему бутылка?

— Пять рублей-сь.

— Ну, можетъ ли быть здѣсь настоящая мадера въ пять рублей, когда она и на островѣ Мадерѣ дороже пяти рублей. Скажи хозяину, что я мадеру пью настоящую, и чтобъ онъ досталъ мнѣ самой лучшей, хоть по червонцу бутылку. Слышишь? Возьмите эту себѣ. Теперь ступайте все вонъ, я отдохнуть хочу.

— Позвольте узнать чинъ и фамилію, да подорожную надо записать въ книгу-сь.

— Успѣешь! пріѣдетъ мой камердьяверъ съ экипажемъ, такъ спросишь у него; ну, шари!

— Чортъ знаетъ, я безъ чаю похудѣлъ въ эти три дня, сказалъ Дмитрицкій, принявшись пить чай. Надо отыскать какого-нибудь званикаго.... Чортъ знаетъ, сколько въ календарѣ фамилій! Ну, какъ

туть не найти знакомыхъ или дураковъ, которые рады будутъ моему знакомствѣ?...

Въ это время послышалось, кто-то вошелъ въ переднюю комнату.

— Кто тамъ?

— Извините, сказалъ вошедшій молодой человекъ, очень щегольски одѣтый, въ очкахъ, съ улыбающимися устами, съ сладостными и изгибистыми манерами, съ ногами имѣвшими привычку шаркать, съ ушами похожими на крылья у шапки Меркурія.

— Извините....

И такъ далѣе.... а дальнѣйшее мы изложимъ впоследствии; куда означенный молодой человекъ не познакомился съ Дмитрицкимъ, мы познакомимъ васъ съ нимъ самимъ.

II.

Его зовутъ Михайло Памфиловичъ Лычковъ. Молодой человекъ, какъ бы вамъ описать его?.... Молодой человекъ, если хотите, очень съ хорошими свойствами. Молодой человекъ, который дѣлаетъ около ста визитовъ по годовымъ праздникамъ, котораго встрѣтите въ обществѣ и въ театрѣ, гдѣ отвѣчаютъ на поклонъ его замѣчательные люди, иногда протягиваютъ руки и говорятъ: bonjour, monsieur Лычковъ! котораго встрѣтите въ канцеляріи, гдѣ онъ самъ подойдетъ къ вамъ и скажетъ, что онъ по особеннымъ порученіямъ при его превосходительствѣ; котораго встрѣтите въ какомъ-нибудь комитетѣ о тюрьмахъ, и въ какомъ-нибудь благотворительномъ или иномъ обществѣ.... котораго встрѣтите верхомъ, и онъ предупредитъ похвалу своей лошади, и скажетъ, что она орловскаго завода, но что у него есть лошадь собственнаго завода, гораздо лучше этой.... Молодой человекъ, которому вы, вѣрно, понравитесь, если послушаете его рассказы, и который, вѣрно, васъ позоветъ къ себѣ.

Михайло Памфиловичъ вступилъ въ службу въ канцелярскіе служители по протекціи самого начальника канцеляріи, которому онъ понравился по какой-то особенной, природной *готовности служить*. И дѣйствительно, Михайло Памфиловичъ служилъ ему чѣмъ только могъ, и между прочимъ пріѣзжалъ въ канцелярію, на положеніи дѣла не дѣлающихъ, а отъ дѣла не бѣгающихъ,

которыхъ начальникъ канцеляріи встрѣчалъ протягивая руку, принималъ какъ гостей, и увлекался отъ своихъ скучныхъ занятій пріятной ихъ бесѣдой. Такъ какъ настоящій вѣкъ изобилуетъ на обладающихъ даромъ поэзіи или, всё-равно на обладающихъ даромъ поэзіею, и такъ какъ въ канцеляріяхъ кромѣ размашистыхъ перьевъ необходимы иногда перья краснорѣчивыя, то въ числѣ сослуживцевъ Михайлы Памфиловича, кромѣ молодыхъ людей высокаго полету было много неопѣянныхъ еще поэтовъ и прозаиковъ. Изъ самоновъ спускаться въ канцелярію было низко, а отъ истоковъ Ипокрены ходить въ канцелярію было далеко и утомительно; и потому всё эти прихожане ужасно зѣвали и рады были какому-нибудь развлеченію. Одни читали наизусть свои поэтическія вдохновенія, другіе съ восторгомъ выслушивали декламаціи стиховъ о какомъ-нибудь Демонѣ, или о какой-нибудь Демонессѣ, у которой вмѣсто волосъ спускается на плечи лава; вмѣсто взоровъ—стрѣлы или метательныя копья, на ланитахъ пламень, на устахъ огонь, на груди дымъ, а въ груди — что-то неизяснимое.

Михайло Памфиловичъ ахалъ больше всѣхъ, и потому признанъ былъ за человѣка со вкусомъ. По этому вкусу онъ былъ пріятелемъ поэтовъ, а по изрядному состоянію, по возможности ѣздить на коняхъ, быть одѣтымъ съ иголки, и природной способности перенимать свѣтскія манеры, былъ пріятелемъ съ нѣкоторыми изъ верхолетовъ. Вслѣдствіе моды на литературные вечера, между означенной рассадой свѣтской дѣятельности, завелись также литературные вечера. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ распределить дни, Михайлу Памфиловичу достался вторникъ, и всѣ сослуживцы въ одинъ голосъ рѣшили:—Завтра всё къ тебѣ, Лычковъ! Чтобъ придать тону своему вторнику и сдѣлать его извѣстнымъ пѣлой Москвѣ, Михайло Памфиловичъ обдумалъ, что для этого надо залучить къ себѣ и извѣстныхъ московскихъ литераторовъ. На первый вторникъ, въ который такъ неожиданно долженъ былъ совершиться литературный вечеръ у Михайлы Памфиловича, нельзя было никакъ распорядиться насчетъ извѣстныхъ литераторовъ; но всё-таки онъ рѣшился сдѣлать визиты всѣмъ, съ которыми кланялся въ обществѣ. Но прежде всего надо было предувѣдомить папеньку и маменьку, которые были въ восторгѣ отъ успѣховъ сына въ свѣтѣ и пѣтворствовали ему елико возможно.

Папенька Михайлы Памфиловича, Памфилъ Федосѣевичъ, былъ, казалось, человѣкъ простой и добрякъ, по-крайней-мѣрѣ на ста-

рости глѣтъ; но несмотря на простоту, онъ умѣлъ, со вступленія на поприще житейское, сколотить изрядный капиталъ, кушиться имѣнье и величаться помѣщикомъ. Такъ какъ это достоинство досталось ему довольно уже поздно, то онъ и не успѣлъ войти въ кругъ знакомства, соотвѣтственный властителю двухъ сотъ душъ и обладателю капитала, дающаго около десяти тысячъ процентовъ. Большой кругъ требовалъ новыхъ привычекъ; а разставаться съ старыми, съ которыми ожилась душа и тѣло, было и жалко и трудно. Чувствуя невозможность самому почваниться въ свѣтѣ и показать, что мы-дескать сами съ усами и не послѣднiе изъ личныхъ дворянъ, Памфилъ Федосѣевичъ сосредоточилъ свое честолюбіе на успѣхахъ въ свѣтѣ единственнаго и возлюбленнаго сына, Мишеньки. Мишенька не измѣнилъ надеждамъ отца.

Пожилая супруга Памфила Федосѣевича, Степанида Ильинишна, несмотря на толстоту свою, такъ и глѣзла въ-гору, и, безъ сомнѣнія, взобралась бы на нее и завела знакомства и съ графинями и съ княгинями; потому что она сочувствовала своему достоинству и всегда говорила: Эка невѣдаль, графство! Но, къ несчастію, она не знала *по-французскому*; а безъ этого, *чортъ знаетъ чего*, невозможно было показаться въ русской гостиной, какъ съ голой головой. Не являясь въ свѣтѣ, Степанида Ильинишна сосредоточила свое высокое достоинство въ своемъ дому, да въ кругу старыхъ знакомыхъ, — губернскихъ и коллежскихъ регистраторшъ и секретаршъ, съ которыми издавна она покумилась, и безъ секретовъ которыхъ, гадавій и сплетней, не могла уже обходиться. Сверхъ-того и привычная, безсмѣнная партія бостончика, или вистика, сроднила ее съ ними. Но какъ боярыня, ей нельзя же уже было не пѣжиться, не чувствовать боли въ какой-нибудь части тѣла, и не лечиться *лопатіей* или *гамепатіей*. И то и другое не приносило ей пользы, особенно послѣ заговѣнья или рѣзговѣнья. Отлежавъ однажды бокъ, она почувствовала онѣмѣніе. Призванный медикъ воображилъ, что это слѣдствіе полноты и излишества крови и немедленно же предписалъ, кромѣ слѣдуемыхъ микстуръ, приставить къ боку, на первый разъ, не менѣе пятидесяти пивокъ; пивки исполнили свое дѣло какъ слѣдуетъ: выпили кровь, да еще про запасъ притянули къ боку достаточное ея количество. Съ-тѣхъ-поръ обиженный бокъ сталъ беспокоить Степаниду Ильинишну. Она почла за долгъ проклянуть лопатію и призвать въ помощь гамепатію; но безконечно малые приемы не нашли дороги изъ желудка къ боку,

и воротились на бѣлый свѣтъ безъ пользы. Прослышавъ про чудеса магнитизирования, Степанида Ильинишна разспросила, какимъ это образомъ лечатся новымъ способомъ? Кумушна Арина Ивановна тотчасъ же объявила ей, что, дескать, есть два способа: первый способъ самому магнитизироваться: докторъ начнетъ водить руками по всему тѣлу, покуда сонъ наведетъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, матушка, этого-то я съ собой не позволю дѣлать! Скажи, какой другой?

— А другой способъ: докторъ возьметъ, да намагнитизируетъ какую-нибудь дѣвушку, да и спроситъ у сонной, какое лекарство онъ долженъ дать больной. Всю подноготную скажетъ! Удивительное дѣло! Чтѣ-то ужъ и не вѣрится!

— Вѣрится, или не вѣрится, отчего же не попробовать! Я попробую: велю намагнитизировать Дуньку, да разспросить у ней, какое, дескать, для барыни лекарство нужно? Глупа только, гдѣ ей сказать! Ну, да не велика бѣда попробовать.

— Ужъ кстати бы и я полечилась, Степанида Ильинишна.

— Пожалуй, матушка, убытку мнѣ отъ этого не будетъ.

— Такъ пришлите мнѣ сказать, какъ будутъ магнитизировать.

— Изволь, пришло.

Степанида Ильинишна въ самомъ дѣлѣ послала Сидора искать по Москвѣ иностраннаго доктора, чтѣ магнитизируетъ. Сидоръ тотчасъ же отыскалъ иностраннаго доктора, чтѣ мозоли сводить.

— Здравствуйте, батюшка, сказала Степанида Ильинишна. — Эй, Дунька!... Вотъ, намагнитизируйте, пожалуйста, дѣвчонку, да разспросите у ней, чтѣмъ лечить отъ бока? у меня бокъ болитъ.... Вотъ она.

Дунька явилась, стала въ дверяхъ и смотрѣла изъ подлюбья на мозольнаго мастера, не понимая, зачѣмъ ее представляютъ ему.

— Вотъ она, едѣайте одолженіе; а я ужъ уйду, не могу смотреть.... извините!

Степанида Ильинишна вышла, а мозольный мастеръ показалъ Дунькѣ стулъ, велѣлъ разуться. Дунька не смѣла противиться. Осмотрѣвъ ея ноги, онъ намазалъ ихъ какою-то мазью, и махнулъ рукой.

Кончивъ операцію, въ ожиданіи вознагражденія онъ походилъ по комнатѣ, кашлянулъ нѣсколько разъ. Степанида Ильинишна, со страхомъ выглянула въ двери.

— Чтѣ, ужъ кончено?

— А-га! отвѣчалъ мозольный мастеръ.

— Что жь, какое же лекарство-то мнѣ предпишете?

Мозольный мастеръ подавъ ей скляночку, и сказалъ по-нѣмецки, жидовскимъ нарѣчіемъ, что она увидитъ на опытѣ, какъ хорошо это лекарство сгоняетъ мозоли.

— Какъ же, батюшка, принять это, или намазывать? спросила Степанида Ильинишна, подавая въ вознагражденіе десятирублевую ассигнацію.

Мозольный мастеръ вмѣсто отвѣта поклонился и вышелъ.

— Что жь это онъ не сказалъ мнѣ, что надо дѣлать съ этимъ? да ужь вѣрно намазывать.... это мазь. Дунька! расскажи мнѣ, что онъ съ тобой тутъ дѣлалъ? Да, смотри, говори сушую правду.

— Да Богъ его знаетъ, сударыня, посадилъ на стулъ, велѣлъ разуться, да чѣмъ-то натеръ ноги.

— Только? Что жь ты, заснула?

— Никакъ нѣтъ, сударыня.

— Коли не спала, такъ что жь онъ тебя спрашивалъ?

— А Богъ его знаетъ! онъ ничего не спрашивалъ.

— Врешь, дура, сама не поминишь, вѣрно спала.

— Ей Богу нѣтъ-съ!

— Врешь, глупая; вѣдь онъ тебя магнитизировалъ.

Дунька, не понимая, молчала.

— То-то, заставишь дуру что дѣлать, самъ не радъ! Что жь, намазывать этимъ, или принять?

— Да вотъ онъ этимъ, кажется, и мазалъ.

— Попробую; бѣды, чай, не будетъ, сказала Степанида Ильинишна и Дунькѣ же велѣла растерать мазью бокъ.

Оказалось, что мазь лучше дѣйствовала отъ боли въ боку, нежели отъ мозолей; у Дуньки разболѣлись ноги, такъ что она ступить не могла; а у Степаниды Ильинишны на другой же день боку стало гораздо лучше. Она рѣшилась всегда лечиться магнитизированіемъ. Вспомнивъ объ обѣщаніи, данномъ Аринѣ Ивановнѣ, да поздно, она совѣтовала ей употребить мазь противъ головныхъ болей. Арина Ивановна намазала голову мазью, и отъ головной боли помогло: только волосы полѣзли страшнымъ образомъ.

— Нѣтъ, ужь, матушка, Степанида Ильинишна, покорно благодарю за нее: лучше останусь съ головными болями, чѣмъ быть плѣшивой.

— Напрасно, Арина Ивановна, въ волосахъ-то вѣрно и сидитъ твоя боль. Есть чего жалѣть! выростутъ другіе. Я вотъ полечи-

ласъ, да панъ теперь; и впередь случись чтò, тотчасъ же Дуньку магнитизировать.

Такова была маменка Михайлы Памфиловича.

— Папа, у меня сегодня будетъ литературный вечеръ, скажь однажды Михайло Памфиловичъ, войдя, по старому обычаю, къ отцу, пожелать ему добраго утра.

— Это чтò такое значить, Миша? Чтò за литературный вечеръ? спросилъ отецъ.

— Вѣдь я вамъ сказывалъ, папа, что я познакомился съ литераторами.

— Такъ чтò жъ такое?

— Я бываю у нихъ на литературныхъ вечерахъ, нельзя же и мнѣ не *сдѣлать* литературнаго вечера.

— Въ самомъ дѣлѣ! Ну, я поговорю съ матерью. Надо же посоветоваться.

— Помилуйте, какъ это можно откладывать; всё условились быть у меня сегодня, и вообще по вторникамъ.

— Помилуй! всякой вторникъ у тебя будутъ литературные вечера!

— А какъ же иначе; ужъ это такъ водится; всё прѣйдутъ, мнѣ не большимъ же сказаться.

— Да кого жъ ты звалъ?

— Московскихъ литераторовъ.

— Да кого именно?

Михайла Памфиловича затруднилъ нѣсколько этотъ вопросъ.

— Какъ кого, папенька, мало ли литераторовъ; нѣкоторые вѣдѣтъ со мной служить....

— Ну?

Михайло Памфиловичъ высчиталъ имена всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ литераторовъ; но если бъ не украсилъ сіятельными и чиновными, то славныя имена не произвели бы никакого вліянія на Памфила Федосѣевича.

— Неужели? сказалъ онъ, и князь * * * ?

— Да, онъ, вѣроятно, будетъ.... онъ....

— Да ты говоришь, еще Главный Сочинитель?

— Да, папа.

— Чортъ знаетъ, Миша, ты, право, лжешь!

— Ей Богу, я у него былъ, онъ такой очаровательный человѣкъ.... я съ нимъ коротко познакомился.

— Хмъ! удивительно! Вѣдь онъ, братъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

— Что жъ такое? мало ли поэтовъ въ чинахъ; напримеръ: Глинка и Дмитриевъ также дѣйствительные статскіе совѣтники.

— Къ тебѣ въ гости? Ну, братъ, Миша, высоко ты забираешь! Надо подумать! вѣдь всё-таки они не къ тебѣ, а ко мнѣ въ домъ будутъ.

— Помилуйте, папа, когда тутъ думать? ввечеру они всё придутъ.

— Что жъ ты не сказалъ прежде? вѣдь это ни на что не похоже: зоветь гостей не спросившись!

— Когда же мнѣ было сказать вамъ; вчера ввечеру всё согласились быть сегодня у меня.

— Поди-ну!... Надо подумать, какъ принять! я поговорю съ матерью.

— Да ничего не нужно особеннаго; только надо попросить маман, чтобъ вмѣсто булокъ и сухарей къ чаю, купить англійской соломки... продается въ кондитерскихъ....

— Ну, это ужъ не мое дѣло.

— Да мнѣ нужно, папа, пятьсотъ рублей.

— Помилуй, Миша! давно ли ты взялъ пятьсотъ рублей?

— Вѣдь я говорилъ вамъ, что я пожертвовалъ ихъ на чело-вѣколюбивое заведеніе.... Нельзя же мнѣ было.... вѣдь я членъ.

— Да! ну! чортъ знаетъ, братецъ, накладно!... На что жъ тебѣ еще столько денегъ?

— Мнѣ непременно надо купить библіотеку, мнѣ стыдно будетъ передъ литераторами, что у меня ни одной книги нѣтъ.

— Что, братъ, говорилъ я тебѣ: береги, Миша, свои книги, — пригодятся.

— Да что жъ мнѣ въ учебныхъ книгахъ! Мнѣ по-крайней-мѣрѣ, необходимо имѣть сочиненія литераторовъ, которые у меня будутъ.

— Ты совсѣмъ обобралъ меня!

— Что жъ дѣлать, папа.

— Тѣ-то, что дѣлать!... На!

— Удивительный мальчишка! сказалъ Памфилъ Федосѣевичъ, смотря вслѣдъ сыну, который, оправивъ передъ зеркаломъ волосы, платокъ на шеѣ и булабочку на манишкѣ, вышелъ вонъ: — Удивительный мальчишка!... Скажи, пожалуйста, только-что изъ лица вылунился, а съ какими людьми ужъ свелъ знакомство!...»

— Степанида Ильинишна!... Эй! кто тутъ!... провалились! Варька! Иванъ!

— Что ты батюшка, раскричался! опять нога, что ли?

— Какая нога! что за нога! советъ не нога, а Миша. Ей Богу, это удивительный мальчишка!

— Что онъ тебѣ сдѣлалъ? что не по-твѣдему?

— Не по-твѣдему, разумѣется, что не по-твѣдему!

— Такъ и надо кричать!

— Да кто кричить? помилуй!

— Да ты! посмотри, изъ себя вышелъ!

— Ахъ, ты Господи, слова не дасть сказать!

— Да говори, кто тебѣ мѣшаетъ!

— Я хотѣлъ сказать тебѣ, что это удивительная вещь; представь себѣ! что еще онъ? мальчикъ, молоко на губахъ не обсохло.... Куда жъ ты?

— Да что мнѣ слушать брань....

— Откуда брань? Кто тебѣ сказалъ? дай окончить-то!

— Ну?

— Я хотѣлъ сказать, что, что еще онъ? мальчикъ; а ведетъ знакомство съ какими людьми!

— Ну, что жъ? молодъ, и знакомится съ молодежью; а тебѣ не по-сердцу?

— Ну, кто говоритъ что не по-сердцу? ты не дашь выговорить! Какая молодежь!... вельможи, матушка! вельможи къ нему назвались на вечеръ!

— Полно, пожалуйста, вздоръ молоть! съ какой стати назовутся къ Мишѣ вельможи?

— Я тебѣ говорю! изъ студентовъ-то онъ въ сочинители хватилъ! Вотъ и назвалась вся братья сочинителей къ нему на вечеръ; да какіе люди-то — все извѣстные!.... въ какихъ чинахъ! А, каковъ Миша-то? а? Степанида Ильиничина!

— Что жъ, слава Богу, не даромъ мои заботы были объ немъ.

— Ты! всё ты! а ужъ я ничего!

— Хорошъ бы онъ былъ хомякъ, если бъ пошелъ въ тебя! Не самъ ли ты говорилъ ему: не водись съ людьми, которые тебѣ не по плечу.

— Да! въ-старину это было такъ, а теперь — другое дѣло. Въ-старину кошки мышей ѣли, а теперь не ѣдятъ — вишь, подай молочка, да говядинки.

— Это всё на Ваську ты мѣтишь!

— Э, поди ты съ своимъ Васькой; не о томъ дѣло; надо подумать какъ принять, вѣдь сегодня ввечеру всё у насъ будутъ.

— Какъ сегодня ввечеру?

— Да такъ! назвались, какъ хочешь и принимай!

— Ты шутишь, что ли?

— Какая шутка; нагрятуть человекъ двадцать.

— Миша съ ума сошелъ! назвалъ гостей; да еще все незнакомыхъ; а у насъ ничего не готово, комнаты не прибраны... Господи! когда жъ я обернусь! Надо самой ѣхать заказать мороженое, купить провизин; нельзя безъ ужина, или по-крайней-мѣрѣ закуски..... Ничего не успѣешь сдѣлать! Я думаю все, что куплено къ обѣду, оставить къ вечеру, а сами чего-нибудь перекусимъ.

— За винами надо послать; да ужъ я распоряджусь въ этомъ... а! вотъ кстати!

Вошелъ Григорій Ивановичъ и Лукьянъ Анисимовичъ. Это были старые сослуживцы Памфила Федосѣевича, на службѣ по откупамъ.

Григорій Ивановичъ былъ въ-старину кося, и сохранилъ этотъ недостатокъ и въ старости.

Лукьянъ Анисимовичъ и въ молодости и въ лѣта мужества былъ рыжъ; но подъ старость лишился прекрасныхъ волосъ своихъ, а клочки на вискахъ посѣдѣли.

Григорій Ивановичъ жилъ уже домникомъ, а Лукьянъ Анисимовичъ не умѣлъ сберегать нажитаго, и потому продолжалъ службу по части *хозяйденія по дѣламъ*.

— Вотъ кстати пришли! здравствуйте, Григорій Ивановичъ; садись, братъ, Лукьянъ Анисимовичъ.... Иванъ! наложи Лукьяну Анисимовичу трубку.

— Я самъ наложу-съ, Памфилъ Федосѣевичъ.

— Ну, накладывай. А что, Григорій Ивановичъ, вѣдь вы, кажется, продолжаете читать книги?

— Не засну, сударь, безъ чтенія. Вчера, напримѣръ, прочелъ очень занимательный журналъ. Ахъ, какъ ругается! да еще кого ругаетъ-то: Александра Петровича Сумарокова! такую экзекуцію задалъ, что ужасъ!

— Ужъ чтобъ теперь былъ такой сочинитель, какъ Сумароковъ, да ужъ я не знаю! сказалъ Лукьянъ Анисимовичъ, закурилъ трубку и подѣвъ важно къ Памфилу Федосѣевичу, съ желаніемъ принять участіе въ разговорѣ. У меня, правда, только одна часть его сочиненій: ну, да ужъ наслаждение! ужъ надо сказать! Чуть свободное время — я и читаю; тысячу разъ перечиталъ, ей Богу-съ. А ужъ чѣмъ больше читаешь, тѣмъ какъ-то все лучше. Что нынѣшнія книги! мой Ваня таскаетъ ихъ на

двѣхъ хучу. Вотъ журналы-то, журналы, что вы говорите, Григорій Ивановичъ, да я въ толкъ не возьму: писано, какъ-то безъ равстановки, да всё слова какія-то особенныя.

— Нѣтъ, Лукьянъ Анисимовичъ, не говорите. Правда, есть слова, вдругъ и въ толкъ не возьмешь, а какъ подумаешь хорошенько, такъ это то же слово, да по новому правописанію; примѣромъ, по-нашему былъ *Кишотъ*, а теперь пишутъ—*Киссонъ*: гораздо нѣжнѣе; въ наше время *Невтономъ* называли одного астронома, а теперь—*Ньютономъ*, такъ-то и прочія всё слова: примѣромъ, вотъ я вчера начиталъ: *Павосъ*, что бы это значило? Думалъ, думалъ, наконецъ догадался, что это *Бахусъ*.

— Да что жъ новаго-то въ журналахъ?

— Какъ что?

— Намедни развертываю, дай, думаю, прочту что-нибудь новенькое. Ай-да новость: Колумбъ открылъ Америку!

— Не знаю, вѣрно вамъ какой-нибудь старій журналъ попался.

— Нѣтъ, не старій!

— Постой, Лукьянъ Анисимовичъ! Ну, что ты свормишь; знаешь ли ты хоть кого-нибудь изъ сочинителей?

— Гдѣ жъ ихъ знать, Памфилъ Федосѣевичъ: съ-роду не видывалъ; да и гдѣ жъ ихъ видѣть? Они въ люди не показывались. Слава Богу, вотъ ужъ двадцать лѣтъ въ Москвѣ живу, а нигдѣ, просто, нигдѣ въ глаза не видалъ сочинителя.

— Ну, а я тебѣ покажу всѣхъ до единого! Хочешь?

— Не знаю; а любопытно было бы посмотреть.

— А, знаю, сказалъ Григорій Ивановичъ: у Памфила Федосѣевича, вѣрно, ихняя книжка съ портретами.

— Нѣтъ, братъ, живьемъ покажу!

— Да гдѣ же?

— Отгадай!

— А! говорятъ, что выдумали какіе-то особенныя вечера, гдѣ ихъ собираютъ сочинять стихи.

— Литературныя?

— Та-та-та, именно!

— Не знаю, сказалъ Григорій Ивановичъ: а я не такъ слышалъ; я слышалъ, что на литературныя вечера днѣтого собираютъ сочинителей, чтобъ издавать журналы.

— Ужъ въ этомъ извините, Григорій Ивановичъ: журналы издаютъ не сочинители, а редакторы.

— Да! ну, въ этомъ не спорю: ономедни, бытъ я по дѣлу у
Т. XXLVII. — Отд. I.

Степана Васильевича, вдругъ прѣзжаетъ къ нему какой-то молодой человѣкъ, щеголь, платье сидитъ, точно какъ на немъ самомъ утюжено. Степанъ Васильевичъ и спрашиваетъ:—Ну, какъ вы провели время на литературномъ вечерѣ?—«Очень скучно, по обыкновенію», говоритъ.—«Что жъ дѣлали тамъ?»—«По обыкновенію,—ничего». Степанъ Васильевичъ захохоталъ; а потомъ сталъ говорить по-французски.

— Что-нибудь да не такъ, Григорій Ивановичъ, сказалъ Памфилъ Федосѣевичъ: а главное, хотите быть на литературномъ вечерѣ?

— Если куда-нибудь ѣхать, такъ не знаю....

— Шагу не сдѣлаешь съ мѣста, братецъ! сказалъ торжественно Памфилъ Федосѣевичъ: всѣхъ безъ исключенія, здѣсь, у меня увидишь!

— Не знаю, сказалъ Лукьянъ Анисимовичъ.

— Да, всѣхъ увидишь; назвались къ сыну; ты знаешь ли, что и Миша сочинитель? Да какіе люди-то будутъ!... генералы! Вечеру, вотъ здѣсь.

— Любопытно! вотъ что любопытно, такъ любопытно!

— А? каковъ у меня сынишко? съ какими людьми ведетъ знакомство! Давно ли пересталъ учиться! Думалъ, вотъ, надо хлопотать объ опредѣленіи на службу, просить добрыхъ людей, кланяться.... анъ онъ самъ себѣ добылъ мѣсто; да еще какое! по особннымъ порученіямъ! и какъ пошелъ-то!... Кажется, я говорилъ вамъ, что онъ на-дняхъ сдѣланъ дѣйствительнымъ членомъ общества любителей садоводства?

— Какъ же, Памфилъ Федосѣевичъ, знаю: я ужъ просилъ его, чтобъ онъ для моего садика снабдилъ меня разными семками.

— Э-гэ! вишь ты какой! Дастъ, братецъ, не бойсь; я самъ ему напомию.

— Ужъ какъ одолжите-то!

— На всѣхъ литературныхъ вечерахъ бываетъ; не изъ послѣднихъ: не даромъ всѣ сочинители назвались къ нему на вечеръ.

— Когда жъ это?

— Сегодня.

— Ей-Богу? Это.... я вамъ скажу!

— А? какъ ты думаешь, Григорій Ивановичъ?

— Да, любопытно взглянуть на сочинителей: я хоть и много

читалъ, почти всё сочиненія; но читать всё не то. Я читалъ вотъ и Полеваго, Булгарина читалъ, читалъ, вотъ, Кота бурмо-сѣвку, какъ-бишь его? Сейчасъ припомню.... а вотъ не знаю, кто переводитъ Поль-де-Кока.... Это штука! возьмешь книгу—не оставишь.

— Такъ если, господа, хотите видѣть сочинителей — милости прошу; мы ихъ вамъ покажемъ. Миша поѣхалъ ужъ покупать бібліотеку.

— Библіотеку для Чтенія?

— Э, нѣтъ, братъ, нѣтъ, Григорій Ивановичъ: ты возьмешь книгу, другой возьмешь, третій—шкафъ и пусть. А сыну нельзя безъ книгъ. А вотъ что я тебѣ скажу, ужъ извини; какъ соберутся, я тебя впередъ и выставлю; ты заводи съ ними разговоръ о книгахъ: ты въ этомъ дѣлѣ знатокъ, такъ и мнѣ ловчѣе будетъ слово приставить.

— Нѣтъ, Памфилъ Федосѣевичъ, какъ-то канфузно заводить разговоръ.

— Нѣтъ, сдѣлай одолженіе!

— Нѣтъ, право, канфузно; пожалуйста не заставляйте!

— Нѣтъ, ужъ какъ хочешь!

— Не знаю, отставной ли мундиръ надѣть, или просто въ партикулярномъ фракѣ?

— Генералы, братецъ: я думаю пристойнѣе въ мундирѣ; я самъ надѣну мундиръ; съ коронаціи не надѣвалъ, да нечего дѣлать.

— Такъ прощайте, покуда, Памфилъ Федосѣевичъ: мнѣ надо купить еще темлякъ; да и шляпѣнка очень стара....

— Ахъ, ты, Господи! вскричалъ Памфилъ Федосѣевичъ: совсѣмъ изъ головы вышло!

— Что такое?

— Степанида Ильинишна уѣхала; а я и позабылъ сказать ей, чтобъ купила англійской-то соломки!

— Для чего вамъ англійская солома?

— Къ чаю, братецъ!

— Какъ, къ чаю?

— Какъ, къ чаю! ну, просто къ чаю вмѣсто хлѣба и сахарей.

Лукьянъ Анисимовичъ пожалъ плечами и посмотрѣлъ на Григорія Ивановича съ выраженіемъ: не сошелъ ли Памфилъ Федосѣевичъ съ ума?

Григорій Ивановичъ понялъ и покачалъ головою.

— Ужъ лучше съ мякиной, чѣмъ съ соломой, Памѣль Федосѣевичъ, сказалъ Лукьянъ Анисимовичъ, ставя трубку на окно и взявшись за шанку.

— И этого-то ты не понимаешь! Ёдашь пирожное кудри?

— Это знаю.

— Ну, такъ царскія кудри, похожи на кудри; а это на солону.

— А! стало быть это пирожное?

— Не пирожное, а, просто, изъ теста или изъ муки сдѣлана солома, а ее ёдать съ чаемъ.

— Чего не выдумаютъ; а всё Англичане. И чай съ масломъ чухонскимъ попробовалъ—очень не дурно. Такъ прощайте, Памѣль Федосѣевичъ.

— Прощайте, Григорій Ивановичъ.

— До свиданія.

— До свиданія, Лукьянъ Анисимовичъ.

Между-тѣмъ, какъ Памѣль Федосѣевичъ занялся разсматриваніемъ своего мундира, сынокъ его пріѣхалъ въ книжный магазинъ и потребовалъ сочиненія *всѣхъ русскихъ литераторовъ*.

— Вамъ, вѣрно, составлять библіотеку? спросилъ книгопродавецъ, человекъ съ книжнымъ смысломъ, который понималъ достоинства литературныхъ произведеній, и вѣроятно зналъ, что и книги, какъ люди, по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ; что ростъ и дородность есть достоинства болѣе всего замѣчательныя; что самая занимательная и *ходкая* книга есть, или шутъ, или забавникъ, или враль, или любезникъ, который говорить очень мило пошлости; или рассказчикъ-сплетникъ, который выносить соръ изъ избы и взводитъ на все и на всѣхъ небывальщину; или выглядывающій колдуномъ, падшимъ ангеломъ, на котораго находятъ стихъ, смущающій душу; или наконецъ какой-нибудь модникъ, который *весь не свой*.

— Вамъ, вѣрно, составлять библіотеку?

— Именно.

— Такъ вотъ Ломоносова сочиненія, Державина, Сумарокова.

— Э, нѣтъ, мнѣ этихъ не нужно.

— Такъ какія же сочиненія всѣхъ литераторовъ? Можетъ-быть «Сто литераторовъ»? — вышелъ только одинъ томъ.

— Еще дайте мнѣ сочиненія всѣхъ московскихъ литераторовъ: Загоскина, Погодина, Полеваго.

— Полныя сочиненія?

— Полныя.

— На лицо всѣхъ нѣтъ теперь, въ палаткѣ; да вамъ, чаю, нужны въ переплетѣ; такъ дня черезъ два будутъ готовы.

— Нѣтъ, мнѣ сегодня нужно.

— Такъ не угодно ли взять, что есть на лицо. Да вѣдь московскаго нынче нѣтъ новаго. Вотъ не угодно ли новый романъ К.....а?

— Нѣтъ, К.....а мнѣ не нужно.

— Прекрасный романъ, въ четырехъ частяхъ. Онъ теперь здѣсь, въ Москвѣ.

— Въ Москвѣ? неужели? Ахъ, мнѣ надо съ нимъ видѣться; гдѣ онъ стоитъ?

— Въ гостинницѣ Европѣ.

— Такъ положите и романъ К.....а; да по-скорѣе, мнѣ некогда.

— Сію минуточку; да ужъ позвольте иные *въ бумажку* положить: это всё-равно-съ: лучше переплести, когда понзотрутся.

— Хорошо; или нѣтъ.... впрочемъ, пожалуй.

Книгопродавецъ понялъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Онъ навязалъ огромную кипу московскаго литературнаго хлама, подкрасилъ нѣсколькими романами и повѣстями извѣстныхъ писателей, составилъ счетъ въ двѣсти пятьдесятъ рублей; взялъ деньги, низко поклонился довѣрчивому покупщику и самъ вынесъ книги въ коляску.

Михайло Памфиловичъ заѣхалъ еще во французскій магазинъ, купилъ нѣсколько изданій *illustrés* съ иллюстраціями, и потомъ помыслъ въ Европу.

— Здѣсь стоитъ господина К.....ъ?

— Извольте посмотрѣть, на доскѣ записано.

— А! въ третьемъ номерѣ; гдѣ третій номеръ?

— Извольте идти наверхъ: тамъ покажутъ.

Михайло Памфиловичъ, входя на гѣстницу, снялъ шляпу, поправилъ гребеночкой волоса, отыскалъ самъ третій номеръ, потому что въ коридорѣ никого не случилось. Дверь не заперта; вошелъ въ переднюю—никого нѣтъ; во въ комнатѣ кто-то расшариваетъ.

Михайло Памфиловичъ приотворилъ легонько двери и вздрогнулъ, когда раздалось:

— Кто тамъ?

Раскинувшися съ ногами на диванѣ, лежалъ довольно еще не-

лодой человѣкъ, съ истощеннымъ уже лицомъ, съ впалыми глазами, но въ которыхъ блисталъ огонь. Венгерка на распашку, руки по карманамъ широкимъ шальваровъ.

— Извините, проговорилъ Михайло Памфиловичъ, сдѣлавъ современный реверансъ головой впередъ и поправляя очки: въ передней никого нѣтъ.... и я не могъ предупредить карточкой.... Узнавъ, что вы посѣтили Москву, я, какъ почитатель вашего таланта....

— Покорнѣйше прошу! сказалъ Дмитрицкій, окинувъ быстрымъ взглядомъ Михайла Памфиловича. Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Я такъ люблю русскую литературу, отвѣчалъ Михайло Памфиловичъ, подавая карточку: я наслаждался чтеніемъ вашихъ сочиненій, и не могъ отказать себѣ въ желаніи видѣть извѣстнѣйшаго нашего литератора.

— О-го! я сочинитель! прекрасно! Я думалъ поискать со свѣчой такого знакомца, а онъ самъ явился: *Михайло Памфиловичъ Лычковъ*, подумалъ Дмитрицкій, прочитавъ визитную карточку. Очень радъ познакомиться, сказалъ онъ вслухъ; вы мнѣ дѣлаете много чести.

— Помилуйте, я такъ уважаю геніяльность.

— Вѣроятно, и сами сочиняете? Кажется, я что-то читалъ....

— Ахъ, нѣтъ, я еще совсѣмъ неизвѣстенъ на этомъ поприщѣ....

— Вы постоянный московскій житель?

— Постоянный.

— Ну, о чемъ же мнѣ еще съ нимъ говорить? подумалъ Дмитрицкій, смотря на Михайла Памфиловича, который почтительно устремилъ на него свои очки и ожидалъ новаго вопроса.

— Москва — неподобный городъ!

— Вамъ понравилась? Но какъ вы ее находите въ сравненіи съ Петербургомъ?

— О, я нахожу, что Москва гораздо обширнѣе.... Вы имѣете здѣсь собственный домъ?

— Какъ же-съ, мой батюшка имѣетъ свой собственный.

— Чѣмъ же васъ подчивать?... Эй, кто тутъ? Чтò-нибудь закусить, да бутылку шампанскаго!... да сыру! Вѣдь я сказалъ, чтобъ кто-нибудь здѣсь дежурилъ! Представьте себѣ, я здѣсь одинъ одинѣхонекъ, даже человѣка нѣтъ со мной.

— Вѣроятно пріѣхали въ дилижансѣ? Человѣкъ совершенно лишнее.

— О, какъ можно, я не привыкъ ѣздить безъ своего человѣка. Но у меня, верстѣ за пятьдесятъ отсюда, сломался экипажъ, два колеса въ дребезги, а ось по-поламъ; я оставилъ коляску, людей, чтобъ какъ-нибудь починили, а самъ поскакалъ на почтовыхъ, прѣзжаю въ домъ къ одному знакомому, а онъ уѣхалъ изъ Москвы. Чтѣ дѣлать? принужденъ былъ остановиться въ гостинницѣ.

— Это, точно, неприятно.

— Очень, очень неприятно! Вы трубку курите, или сигары? Эй! подай сигаръ, да лучшихъ!... Не угодно ли отвѣдать сыру... Откупорь! Это не кислыя щи?

— Какъ можно-съ; самое лучшее шампанское.

Дмитрицкій налилъ стаканъ, хлебнулъ.

— Изрядное!... Покорно прошу!

Михайло Памфиловичъ зналъ приличіе, что отъ шампанскаго не отказываются, и потому взялъ стаканъ и прихлебнулъ.

— Это чтѣ такое? нѣтъ, извините, мы чокнемся! Какъ-бишь ее.... Кагальскую воду пьютъ залпомъ, чтобъ не выдохлась.

Въ восторгѣ отъ приему и дружеской простоты обращенія, Михайло Памфиловичъ не умѣлъ отказаться и отъ втораго стакана.

— А я хотѣлъ просить васъ, сказалъ онъ, — сдѣлать мнѣ честь.

— Все, чтѣ прикажете.

— У меня сегодня литературный вечеръ, соберутся нѣсколько московскихъ извѣстныхъ литераторовъ.... Надѣюсь, что и вы не откажете быть у меня. Всѣ такъ рады будутъ съ вами познакомиться.

— На литературный вечеръ? сказалъ Дмитрицкій, разсуждая самъ съ собой: за кого этотъ мусьѣ принимаетъ меня? за какого-то извѣстнаго литератора, котораго никто еще въ глаза не видалъ? Да это прекрасно! Отчего жъ не сыграть роль извѣстнаго литератора?... онъ же меня ни по имени, ни по фамилии не величаетъ, и я не скажу, кто я; изъ этого выйдетъ при развязкѣ славное кипрокд!...

— Очень бы радъ, да не знаю, какъ это дѣло устроить; я теперь совершенно въ затруднительномъ положеніи.

— Да не угодно ли вамъ переѣхать ко мнѣ? сказалъ Михайло Памфиловичъ.

— Къ вамъ?... хмъ!... подумалъ Дмитрицкій, и это прекрасно!... Но представьте себѣ, я здѣсь безъ платья и безъ денегъ, со мной только ключи отъ шкатулки.... у меня не достанетъ даже денегъ

здѣсь расплатиться. А скоро ли прійдетъ Сенька съ коляской! Остановясь въ домѣ у пріятеля, я не нуждался бы въ деньгахъ; но вотъ, чтѣ хочешь дѣлай!

Дмитрицкій вынулъ кошелекъ и вытряхнулъ изъ него ключикъ и червонецъ.

— Сколько вамъ нужно, я могу служить, вызвался Михайло Памфиловичъ. Самолюбію его льстила возможность служить извѣстному литератору; притомъ же ему очень хотѣлось уже сказать всѣмъ и каждому: у меня остановился К.....ъ.

— Со мной есть около двухъ сотъ рублей, сказалъ онъ, вынимая бумажникъ.

— О, это еще слишкомъ, я думаю столько и не нужно будетъ, сказалъ Дмитрицкій, взявъ деньги. Эй!... счетъ!... да! призови сюда ямщика!

— Дорога, я думаю, прескверная.

— Прескверная; а хуже всего было то, что ничего было ѣсть.

— А гостиницы по дорогѣ?

— Помилуйте, это ужасъ!... Ну, сколько?

— Тридцать два рубля-съ.

— Вотъ вамъ пятьдесятъ, да съ тѣмъ, чтобъ всѣхъ обсчитывали такъ же какъ меня.... А тебѣ, мужикъ-сына, кажется слѣдуетъ шестьдесятъ рублей? да червонецъ на водку, не такъ ли?

— Если милость ваша будетъ.

— Ну, вотъ тебѣ отъ моей милости семьдесятъ пять рублей, кланяйся!

— Много благодарны.

— Тѣ-то же, я не богатъ, да таровать. Ступай! кажется, со всѣмъ распорядился.... Не угодно ли получить семьдесятъ пять обратно? За мной сто двадцать пять.

— Такъ точно. Мы можемъ ѣхать?

— У васъ есть тѣмъ побриться?

— Все, чтѣ вамъ угодно.

— У меня и бритвъ съ собой нѣтъ; дуракъ Сенька положилъ чемоданъ въ телегу, чтобъ мнѣ мягче было сидѣть; а ключи оставилъ у себя.

— Чтобъ перевести чемоданъ, можно приказать нанять извозчика; а мы сядемъ въ коляску.

— Конечно. Эй! найми извозчика и перевези мой чемоданъ къ нимъ, по адресу.

— Недалеко отсюда.

Михайло Памфиловичъ сказалъ адресъ. Все устроено. Дмитріицкій сѣлъ съ нимъ въ коляску и отправился.

— Я ужъ у васъ буду безъ церемоній, въ честь есть.

— Къ чему же церемоніи!

— Я ихъ и не люблю. Пріѣдете ко мнѣ, воздамъ вамъ сто-рицею; за хорошую игру въ простыхъ, дамъ вамъ игру въ сюртахъ. А чтò, кстати, говорятъ, что въ Москвѣ ведутъ огромную игру?

— Въ англійскомъ клубѣ.

— Въ банкъ?

— Нѣтъ, банкъ запрещенъ; здѣсь играютъ преимущественно въ палки.

— Чтò жъ, палками можно также отдохнуть.

— Какъ вамъ нравится Москва, въ сравненіи съ Петербургомъ? повторишь опять старый вопросъ Михайло Памфиловичъ, котораго постоянно улыбающаяся физиономія отъ двухъ стакановъ шампанскаго и чести ѣхать вмѣстѣ съ извѣстнымъ свѣту человѣкомъ, приняла видъ важный, ожидающій со всѣхъ сторонъ предупредительныхъ поклоновъ.

— Какъ нравится Москва? въ какомъ отношеніи? спросилъ Дмитріицкій.

— Въ-отношеніи общаго вида, въ-отношеніи наружности?

— О, мнѣ всё-равно, въ какомъ сосудѣ ни заключаются люди, лишь бы они были такіе, какіе мнѣ нужны. А чтò, здѣсь много хорошенькихъ?

— О, вамъ непременно надо быть въ благородномъ собраніи, или въ театрѣ; вы увидите бо-мондъ московскій и всѣхъ красавицъ; если хотите, мы поѣдемъ вмѣстѣ.

— Мнѣ кажется, напротивъ, гдѣ много красавицъ, тамъ не увидишь ни одной. Пріимѣте знакомство въ домѣ, гдѣ хорошенькая хозяйка, миленькія дочки и тому подобное; но чтобъ особенно дочки не были опасны для сердца.

— Это каковы же образцы? Хорошенькія всегда опасны.

— Совсѣмъ не всегда: чтò за опасность, напримѣръ, влюбиться въ дѣвушку, которая можетъ принести тысячь сорокъ дохода? Это всё-равно, что влюбиться въ тысячу душъ и вѣять ихъ за себя, или влюбиться въ значительный капиталъ, и перевести билетъ на свое имя.

Эта философія поразила Михайла Памфиловича: онъ уважалъ любовь всѣмъ сердцемъ.

— Вы нехъ, а судите такъ прозаически, сказалъ онъ.

— Это такъ вамъ кажется, потому что вы въ восторгѣ. Во время восторга я совершенно иначе думаю; я думаю, что рай только съ нею или въ ней.

— Вотъ мы и пріѣхали, сказалъ Михайло Памфиловичъ.

Коляска въѣхала на дворъ и остановилась передъ крыльцомъ.

— Прекрасный домъ! сказалъ Дмитрицкій, высочивъ изъ коляски вслѣдъ за Михайломъ Памфиловичемъ, который провелъ его черезъ переднюю на антресоли.

— Рекомендую вамъ мою обитель; а вотъ.... цокорѣйше прошу, ваша комната.

— Я васъ не стѣсняю?

— О, нѣтъ, это мой маленькій кабинетъ; у меня здѣсь достаточно комнатъ.

— Прекрасно! очень мило! вы очень мило живете!

— Не прикажете ли сигаръ? я сейчасъ велю подать огня.

И Михайло Памфиловичъ побѣжалъ внизъ.

— Славный домъ! очень порядочно живеть! вѣрно, хорошиі достатокъ! разсуждалъ Дмитрицкій, засѣвъ на диванѣ и разсматривая комнату. Шелковыя занавѣски, столикъ, накрытый салоточкой, на столикѣ зеркальцо, раскрытый на-показъ несессерецъ, нѣсколько баночекъ помады, разные души, щеточки и гребеночки, все какъ слѣдуетъ!... Между оконъ бюро, на бюро Наполеонъ, да два какихъ-то старикашки.... По стѣнамъ въ рамкахъ раскрашенныя красавицы.... Прекрасно!... Передъ диваномъ столикъ, на столѣ лампа на бисерномъ коврикѣ.... Очень мило!... Нѣсколько визитныхъ билетовъ разбросано по столу.... съ нами, де-скатъ, знаются люди!... Князь * * *.... О-го!... Однако жъ я не вижу ни одного ломбернаго столика.... Это невѣжество, котораго я и не ожидалъ отъ молодаго человѣка; дѣло другое говорить, что совершенно не умѣешь играть въ карты; но не играть— это глупо!

Между-тѣмъ, какъ Дмитрицкій разсуждалъ такимъ образомъ, разсматривая свое новоселье, Михайло Памфиловичъ сбѣжалъ внизъ, поцѣловалъ у папеньки и у маменьки ручку.

— Съ кѣмъ это ты пріѣхалъ, Миша? спросила мать.

— Это, маменька, извѣстный литераторъ К.....ъ.

— Помилуй, Миша, съ чего это ты взялъ, не сказывался отцу и матери, сзывать въ домъ гостей? да добро бы хоть за день сказанъ: у насъ здѣсь не трактиръ, ничего готоваго нѣтъ!

— Да чтѣ жъ дѣлать, маменька, сами назвались.

— Не отказывать же стать, другъ мой, когда такіе люди на-

зываются, сказалъ въ защиту сына Памѣлгъ Федосѣевичъ: извѣстные люди, вельможи, дѣлають честь....

— Честь! да эту честь надо поддержать! не въ грязь же ударить лицомъ! Да чтѣ жъ, этотъ, что съ позаранку пріѣхалъ.

— Господиъ К.....ъ остановился у меня.

— Какъ остановился?... Скажи, пожалуйста, остановился у него!

— Постой, матушка, дай слово сказать. Кто жъ онъ такой, Миша?

— Онъ только-что пріѣхалъ изъ Петербурга.

— Поди-ты: у него ужъ и въ Петербургѣ знакомые! Чтѣ жъ онъ, служить тамъ?

— Онъ, кажется, служить при министерствѣ.

— Скажи, пожалуйста! при министерствѣ?

— Ахъ, Господи, Боже мой! я думала вмѣсто обѣда велѣть ужинъ готовить для гостей, анъ вотъ и обѣдъ готовъ! Просто, сударь, суматоху поднялъ въ цѣломъ домѣ! Когда же успѣеть поваръ и обѣдъ и ужинъ готовить?

— Да зачѣмъ маменька, ужинъ? просто закуску, à la fourchette!

— Поди ты съ модными своими фуршетамъ! Терпѣть не могу гостей отпускать голодными, угощать только фаршамъ, вотъ вздумалъ!

— Совсѣмъ не то, маменька: такъ называется, когда на столъ не накрываютъ, а просто подаютъ кушанье.

— Какъ просто?

— Каждый возьметъ себѣ чего-нибудь.

— Чего-нибудь у меня не будетъ; а будетъ ужинъ.

Михайло Памѣловичъ, какъ покорный сынъ, никогда не спорилъ съ родителями; но всегда дѣлалъ по-своему. Когда противилась маменька, его сторону держалъ папенька, и на-оборотъ.

Снизу Михайло Памѣловичъ побѣжалъ опять къ себѣ на антресоли, нѣсколько разъ спросилъ гостя своего: не угодно ли ему чего-нибудь? и наконецъ, извинясь, что на минутку отлучится, поскакалъ съ визитами къ двумъ тремъ литераторамъ, обдумывая дорѣгой всѣ средства, которыми можно было бы залучить къ себѣ какую-нибудь извѣстность.

Литераторы по большей части не жесткій и простодушный народъ. Слабая струна у нихъ всегда наружъ: человекъ хоть не дальній, да по-хитрѣе и по-смѣлѣе, тотчасъ можетъ произвести на нихъ впечатлѣніе, только не затрогивай ничѣмъ гордость. Звать просто ни съ того ни съ сего къ себѣ, зовомъ ихъ не со-

близкостяхъ; но на каждого есть приманка, и особенно страстишка къ какимъ-нибудь рѣдкостямъ искусствъ, къ древностямъ, къ вотхостямъ, къ собраніямъ какихъ-нибудь автографовъ, великихъ людей и прочихъ.

Пріѣхавъ къ первому, Михайло Памфиловичъ, усладивъ его вступленіемъ о славѣ его, сталъ ахать и удивляться рѣдкой библиотекѣ, а особенно маленькому собранію рѣдкихъ монетъ.

— Ахъ, какія рѣдкія монеты! повторялъ онъ безъ умолку: у меня есть одна монета, но не знаю, какая она, должна быть очень древняя.

— Съ какимъ изображеніемъ?

— Изображенъ царь, а надпись,... но я не заботился разбирать: я мало въ этомъ знаю толку; кажется, славянская надпись.

— Это очень любопытно.

— Завтра хотѣлъ пріѣхать ко мнѣ одинъ знатокъ....

— Очень любопытно бы видѣть ее.

— Я вамъ могу служить ею. Не пожалуете ли вы ко мнѣ сегодня ввечеру? Вы бы увидѣли, и если найдете сколько-нибудь замѣчательнаго, то мнѣ пріятно бы было, чтобъ она украсила вашу коллекцію.

— Очень благодаренъ вамъ.

— Мнѣ очень пріятно будетъ. Я буду васъ ждать.

— Постараюсь быть непременно.

Взявъ слово и рассказавъ свой адресъ, Михайло Памфиловичъ поѣхалъ отъ литератора прямо въ мѣняльную лавку.

— Есть древнія монеты?

— Рѣдчайшія-съ.

— Чтò стоитъ эта?

— Эта дорога-съ; монета римскаго императора Антонія. Вотъ съ другой стороны и Клеопатра.

— Ну, чтò жъ стоитъ?

— Сто рублей, безъ торгу.

— О, какъ дорого, нѣтъ! А эта?

— Это сибирскій грошъ.... теперь ужъ и они рѣдки.

— Ну, хочешь за обѣ пятьдесятъ рублей?

— Какъ можно!

— Больше не дамъ.

— Для перваго знакомства, извольте!

Заплатилъ деньги, отправился къ другому литератору, который между прочимъ похвалялся собраніемъ рѣдкихъ автографовъ.

— Ахъ, у меня есть собственноручныя записки всѣхъ вели-

нхъ людей прошлаго столѣтія и, между прочимъ, кажется, письма царевны Софіи.

— Ахъ, какъ это любопытно! позвольте мнѣ взглянуть.

— Сдѣлайте одолженіе! Да не угодно ли вамъ посѣтить меня сегодня ввечеру: я бы вамъ показалъ котаи альбомъ рисунковъ одной дамы: всѣ лучшіе живописцы Европы рисовали для нее.

— Сегодня, право не могу; завтра, если можно....

— Какъ жаль, завтра она уѣзжаетъ. Хоть на-минутку заѣжайте.

— Очень хорошо.

Вотъ Михайло Памфиловичъ поскакалъ къ одному знакомому за автографами, а въ одинъ намъ знакомый домъ за альбомомъ.

Этотъ знакомый домъ былъ домъ Софіи Васильевны, въ которомъ мы не были со времени бѣгства Саломеи Петровны. Петръ Григорьевичъ, убѣдившись что дочь бѣжала, плюнулъ и сказалъ женѣ:

— Вотъ твое воспитаніе!

Но Софія Васильевна была въ отчаяніи.

Желая утѣшить себя по-крайней-мѣрѣ устройствомъ судьбы Катеньки, она послала на третій день за Василисой Савишной.

Василиса Савишна явилась, словно туманомъ подернутая.

— Слышала, Василиса Савишна? сказала Софія Васильевна, залившись слезами.

— Слышала, сударыня! да это чудо какое-то; знаете ли, потому я къ вамъ и идти не хотѣла?

— Что такое?

— Федоръ Петровичъ сквозь землю провалился.

— Какъ!

— Да такъ и такъ.

Эта новость совершенно убила Софію Васильевну. Два несчастія совершились; надо было ожидать третьяго. Но вмѣсто ожидаемаго несчастія — чрезъ нѣсколько дней, передъ домомъ, на улицѣ остановилась роскошная карета, запряженная чудной четверткой гнѣдыхъ; человекъ въ ливреѣ вбѣжалъ въ переднюю и спросилъ, дома ли господа?

— Кто такой? спросила нетерпѣливо Софія Васильевна.

Ей подали два билетика; на одномъ напечатано было: «Федоръ Петровичъ Яликовъ»; на другомъ: «Саломея Петровна Яликова».

— Петръ Григорьевичъ! вскричала Софія Васильевна, бросивъ въ кабинетъ къ мужу: — Петръ Григорьевичъ!...

— Что такое, матушка?

Но Софья Васильевна *безъ памяти, безъ словъ* ушла въ кресла, а билетки ушли на полъ.

— Чтò такое! повторилъ Петръ Григорьевичъ; поднялъ билетки, взглянулъ на нихъ и онѣмѣлъ.

— Это чтò за штуки! вскричалъ онъ наконецъ: насильника надъ отцомъ!

— Зови ихъ! произнесла слабымъ голосомъ Софья Васильевна: я умираю....

— Ихъ? чтобъ нога ихъ здѣсь не была! вскричалъ снова Петръ Григорьевичъ.

Софья Васильевна ахнула и повисла какъ мертвая на креслахъ. Петръ Григорьевичъ отъ испугу позабылъ о своемъ гнѣвѣ, кричить во все горло:

— Эй, люди! воды! Зовите Саломею Петровну!...

Вскорѣ явилась и вода и Саломея Петровна, разряженная въ пухъ, какъ говорится по-русски.

Чувствуя всю неприличность броситься въ такомъ нарядѣ помогать матерн прійти въ себя, она остановилась, потомъ присѣла, между-тѣмъ какъ Петръ Григорьевичъ, ничего не чувствуя и ничего не видя кромѣ помертвѣвшей своей жены, сирьскивалъ ее водой, натиралъ виски спиртомъ, подносилъ къ носу *четырехъ разбойниковъ*, и наконецъ возвратилъ къ жизни.

Саломея Петровна смотрѣла на все это, понюхивая надушенный платокъ съ улыбкой. Мысль ея была полна радости, что она успѣла перехитрить мать. •

— Я ожидала этой сцены, думала она: такъ жестоко рушились планы на счастье Кати! Отъ этого можно упасть въ обморокъ!

— Здравствуйте, папенька! сказала она наконецъ, подходя къ отцу.

Петръ Григорьевичъ взглянулъ-было грозно, хотѣлъ чтò-то сказать; но Софья Васильевна вскрикнула:

— Саломея!

— Здравствуйте, маменька.

— Зачѣмъ ты это сдѣлала? Ты меня совершенно убила! произнесла слабымъ голосомъ Софья Васильевна.

— Гм! произнесла улыбувшись Саломея.

— Гдѣ мужъ твой?

— Онъ въ замѣ, если позволите.... Федоръ Петровичъ!

Федоръ Петровичъ вошелъ въ кабинетъ.... но это былъ уже не тотъ Федоръ Петровичъ въ усахъ и въ мундирѣ. Это былъ

мужчина безъ усовъ, наряженный по послѣдней модѣ, въ такомъ хитро-скованномъ фракѣ съ принадлежностями, который шьется не по скверной какой-нибудь талии, а по изящнымъ формамъ болвана.

Петръ Григорьевичъ хотѣлъ-было встрѣтить зятя строгимъ взоромъ; но видитъ незнакомаго мужчину, раздраженнаго, зашитаго, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ изумрудной булавкой на груди, съ драгоценной палкой въ рукахъ. Петру Григорьевичу ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ сконфузиться и почтительно поклониться.

Но женщины скорѣе узнаютъ мужчинъ.

— Боже мой, неужели это Ѳеодоръ Петровичъ? вскричала Софья Васильевна.

— Я бы никакъ васъ не узналъ, сказалъ и Петръ Григорьевичъ.

Ѳеодоръ Петровичъ бросился къ нему въ объятія, и потомъ подошелъ къ ручкѣ къ Софѣ Васильевнѣ.

— Ахъ, сестрица! вскричала Катенька, вбѣжавъ въ комнату съ радостнымъ чувствомъ и хотѣла броситься въ объятія къ Саломѣ.

— Здравствуй! сказала Саломея Петровна, воздержавъ ее отъ восторгу и вспыхнула, когда Ѳеодоръ Петровичъ съ восклицаніемъ: «Катерина Петровна!» бросился къ рукѣ Катеньки.

— Ахъ, я васъ наслу узнала! сказала Катенька: какъ вы вдругъ перемѣнились.

— Очень ошибаешься, нисколько не перемѣнился! сказала Саломея Петровна тономъ двусмысленности. Ѳеодоръ Петровичъ и тогда и теперь считаетъ тебя ребенкомъ.

Эти слова для всѣхъ показались обидными; но никто не сказалъ ни слова.

Ѳеодоръ Петровичъ съ жалостью посмотрѣлъ на Катеньку; онъ уже чувствовалъ какъ тяготѣла надъ нимъ начальнича воля супруги. Съ первыхъ дней бракосочетанія проявилось въ немъ сознаніе, что онъ попалъ въ какую-то новаго роду службу, хуже бессѣннаго караула за наказаніе. Саломея Петровна сначала занялась ученіемъ Ѳеодора Петровича манерамъ и приличію, чтобъ не стыдно было показать свѣту *предметъ своей страсти*, которую она въ кругу знакомыхъ называла прихотливой, причудливой, но обдуманной.

— Я искала, говорила она, человѣка не для свѣта, но для

счастія семейной жизни, который бы во мнѣ видѣлъ все и жить для меня одной. Я и замужемъ не хотѣла терять свободы.

Эту мысль поняли и сознали справедливой почти всѣ безъ исключенія дамы, знакомыя Саломей; многія даже завидовали ея выбору; но дѣвушки омѣлялись надъ счастьемъ безъ оковъ любви.

Просвѣщать Федора Петровича, однако жъ, скоро надѣле Саломей Петровнѣ; она не видѣла въ немъ ни *grace*, ни *чезе-то*, чтѣ, несмотря на удовольствіе ея полной свободой, одно только могло наполнить давно чувствуемую ею пустоту и въ домѣ, и внѣ дома, и въ мысляхъ, и въ груди, и на яву, и во снѣ.

Между-тѣмъ какъ Саломея Петровна повсюду искала этого *иксъ*, съ домою ея родителей познакомился Михайло Памфиловичъ, страстно влюбился въ Катеньку. Для нея онъ хотѣлъ непременно сдѣлаться поэтомъ, пробовалъ тысячу разъ написать стихи къ ней, и написалъ уже первый стихъ:

О, милая Катенька!

сидѣлъ надъ нимъ по цѣлымъ ночамъ, засыпалъ надъ нимъ и просыпался; но кромѣ *милой Катеньки* ничего не приходило въ голову. Однако же стихи были необходимы для альбома. Михайло Памфиловичъ зналъ, что въ стихахъ главное мысли; и потому обратился съ этими мыслями къ одному изъ поэтовъ-товарищей, и вышелъ стихъ *такого-то съ мыслей* Лычкова. Такимъ образомъ подъ своими мыслями можно было подписать свое имя. Катенька была охотница рисовать, рисовала порядочно. Одна изъ знакомыхъ, путешествовавшая по Европѣ, одолжила ей свой довольно замѣчательный по рисункамъ альбомъ для скопированія нѣкоторыхъ видовъ. Этимъ-то альбомомъ хотѣлъ похвастаться Михайло Памфиловичъ и пріѣхалъ просить его у Катеньки на *минутку*.

Тутъ засталъ онъ Саломею Петровну, разумеется объявить, что у него сегодня *литературный вечеръ* и между прочимъ похвастался, что у него остановилась К.....ъ.

— Ахъ, какъ это интересно! Я къ вамъ пріѣду, и вы меня познакомите съ нимъ, сказала Саломея Петровна, продолжая и въ замужествѣ некать идеала мужчиды.

Михайло Памфиловичъ помчался домой; а между-тѣмъ знакомцы его родителя, Лукьянъ Анисимовичъ и Григорій Ивановичъ, прежде всего отправились по своимъ знакомымъ, похвастаться той честью, которая ихъ ожидаетъ.

— Да-съ, Богъ приведетъ, говорилъ Лукьянъ Анисимовичъ: сегодня ввечеру мы увидимъ всѣхъ сочинителей въ лицо.

То же говорилъ и Григорій Ивановичъ, но съ прибавленіемъ, что его просилъ Памфилъ Ѳеодосѣевичъ позанять ихъ своимъ разговоромъ.

— Я, конечно, не ударю лицомъ въ грязь, случалось мнѣ и съ самими сенаторами разговаривать; но представьте же мое положеніе: взять на себя хозяйскую обязанность занимать гостей въ чужомъ домѣ!—Помилуйте, Памфилъ Ѳеодосѣевичъ, говорю я: какъ это можно!—«Сдѣлай, братецъ, одолженіе, я ни словечка не буду умѣть сказать про литературу!» — Нечего дѣлать, согласился!

Изъ числа знакомыхъ Григорія Ивановича была одна дѣвица, занимавшаяся въ домѣ родительскомъ не вязаньемъ чулковъ и не вышиваньемъ по канвѣ, но плетеніемъ стиховъ. Кто ее призывалъ къ поэзіи, Богъ ее знаетъ; извѣстно только то, что она, помимо чистописанія, правописанія и здравописанія, начала прямо съ стихописанія и многописанія. Безъ-сомнѣнія, что все это было *вдохновеніе*, какъ она выражалась въ однихъ стихахъ безъ препинаній, и безъ *цезуры*, или, какъ она выражалась, безъ *цензуры*. Она даже написала стихъ къ своему цензору въ подражаніе Пушкину, въ которыхъ объясняла ему, что ея стихи—свободныя птицы, которыхъ она ни зачѣмъ не посадитъ въ кѣтки.

Эта гениальность истекала, разумѣется, изъ чувствъ, которыми она была пренеполнена, и которые, какъ извѣстно, истекала не на чье-нибудь сердце, а на бумагу, кристаллизуются въ стихи.

Дѣва-поэтъ, очень естественно, захотѣла узрѣть мужей-поэтовъ, и потому сказала Григорію Ивановичу, чтобъ онъ непременно доставилъ ей случай быть на литературномъ вечерѣ у Памфила Ѳеодосѣевича.

— Какимъ же образомъ? я, ей Богу, не знаю, сказалъ Григорій Ивановичъ.

— Ахъ, Боже мой, скажите просто, что такая-то сочинительница, также желаетъ познакомиться и быть на литературномъ вечерѣ....

— Конечно, Григорій Ивановичъ, вѣдь моя Домаша также извѣстна публикѣ: вы знаете, что ея стихи напечатаны въ журналь.

— Какъ же-съ, оно, конечно-съ, безъ-сомнѣнія..... только..... впрочемъ, я пожалуй скажу.

— Вы предупредомьте, теперь же съѣздите; скажите, что я приѣду съ вами.

Григорій Ивановичъ, разумѣется, отговориться не умѣлъ, и его немедленно же прогнали предупредомить о приѣздѣ на вечеръ дѣвы-поэта.

— Сдѣлайте одолженіе, за честь себя великую поставимъ, сказали Памфилю Ѳеодосѣевичъ и супруга его.

— У насъ, батюшка, и изъ Петербурга гость, извѣстный сочинитель, да также не изъ маленькихъ людей, рука у министра.

— Такія хлопоты, Григорій Ивановичъ, что ужъ и не знаю, прибавила Степанида Ильинишна: тутъ за объдомъ нельзя же чѣмъ-нибудь накормить, а того и гляди, что начнутъ собираться; встрѣчай, принимай гостей, да въ то же время думай о чаѣ, объ угощеньѣ, объ ужинѣ!

— Маменька, прервалъ Михайло Памфиловичъ, прибѣжавъ сверху: онъ не сойдетъ внизъ, потому что утомился съ дороги; прикажите на верхъ подать кушанье.

— Вотъ! всѣ труды и подвиги пошли подъ ноги! А тутъ ужъ на столъ накрыто! Да чтò жъ онъ сойдетъ ли, по-крайней-мѣрѣ, хоть въ глаза плюнуть хозяину и хозяйкѣ? Для чего жъ я съ позаранку разрядилась?

— Нельзя же мнѣ ему сказать, чтобъ онъ сейчасъ шелъ; онъ самъ знаетъ приличія.

— Ужъ такъ, у васъ теперь у всѣхъ какія-то приличія; не въ первый разъ ужъ ѣздить къ тебѣ такіе бонтоны; въ домъ ѣздить, а хозяйна въ глаза не видывали. Какія-то приличія знаютъ, а обычая не вѣдаютъ.

Михайло Памфиловичъ, не оспаривая матери, побѣжалъ наверхъ, занимать гостя, который, развалился на диванѣ, по-хозяйски, спрашивалъ его про обычая московскіе. Парадный обѣдъ Степаниды Ильинишны очень позапоздалъ; и потому послѣ обѣда осталось только времени на туалетъ къ приему гостей.

==

АНТИГОНА.

VIII

ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА.

=

«Антигона» одна из частей великой Софокловой трилогии, о бѣдствіяхъ Эдипа,—трилогія, которая, какъ и трилогія Эсхила, связана въ трехъ частяхъ своихъ тройственной мыслью — паденія, страданія и возстановленія. Предполагая современемъ передать русской публикѣ, по силамъ и разумѣнію, всѣ три части Софокловой драмы, я отлагаю на будущее и изложеніе моего взгляда на греческую трагедію, взгляда, основное начало котораго есть, впрочемъ, непосредственная связь ея съ ученіемъ древнихъ мистерій.

Теперь же ограничусь только нѣсколькими необходимыми замѣчаніями.

Нигдѣ столько, какъ въ Антигонѣ, не вѣсть изъ-за древнихъ формъ предчувствіе иной жизни, чаяніе иной спасающей вѣры. Антигона—идущая на смерть за идею, а не за чувство, возвышающаяся почти до христіанскаго понятія долга, протестуетъ противъ олимпійскихъ боговъ столь же сильно, если еще не сильнѣе, какъ умирающій въ темницѣ Сократъ. Боги Греціи—представители различныхъ силъ въ человѣкѣ самомъ лежащихъ, силъ, прекрасныхъ въ своемъ высшемъ развитіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣпыхъ, какъ судьба или, точнѣе, какъ та бездна, которая служитъ имъ источникомъ. Люди въ греческой драмѣ, только орудія этихъ силъ или, что все равно, обожествленія извѣстной, обладающей въ человѣкѣ силы. Они борются между собою и падаютъ одна отъ другой, смотря потому какова ихъ судьба, то есть, смотря потому, сколько есть возможности въ силѣ быть выше другой. Недовольство подобнымъ неправымъ перевѣсомъ силъ составляетъ сущность Эсхиловыхъ и Софокловыхъ произведеній, и недовольство это порождастъ надежду, такъ ярко выражающуюся въ Промеевѣ окованномъ, въ явленіи Искушителя, освободителя отъ такого состоянія. Но эта идея во всѣхъ другихъ лицахъ греческой трагедіи, сверкающая только минутною молніею — въ «Антигонѣ» поставлена основою характера. Антигона идетъ

на смерть не увлеченная слѣпою силою страсти, но въ сознаніи долга въ-отношеніи къ мертвому. Сознаніе это мрачно, какъ понятіе язычниковъ о смерти, но оно возвышенно, потому что въ самомъ существованіи своемъ носить залогъ открытой въ христіанствѣ тайны безсмертія.

Второе замѣчаніе мое относится къ переводу. Я старался строго, почти буквально держаться подлинника, но, естественно, не могъ передать всѣхъ тонкихъ оттѣнковъ эллинской рѣчи и тѣмъ менѣе, ощутительно представить въ русской рѣчи всѣ измѣненія разиѣра. Въ послѣднемъ въ-особенности, позволялъ я себѣ большую вольность (кромѣ хоромъ, разумѣется, по возможности прилаженныхъ къ музыкѣ Мендельсона-Бартольди). Какъ опытъ — удачный или нѣтъ, судить не мнѣ конечно, — представляю на судъ моихъ читателей, смертный плачъ Антигоны, въ которомъ, сохраняя шестистопный лирическій разиѣръ, старался я ввести складъ русскихъ народныхъ пѣсенъ.

Желаю одного только, чтобы мой посильный трудъ — не говорю передакъ, но хотя бы далъ почувствовать глубокую религіозность греческой трагедіи, изучая которую переводчикъ часто повторялъ высокія слова Шиллера: «Подъ покровомъ всѣхъ религій — лежитъ вѣчная истина, сама религія».

=

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

—

Крѣонъ, царь оивскій.

Эйрманка, его супруга.

Гемонъ, его сынъ.

Антигона } дочери Эдипа.

Исмена }

Тѣйрезіасъ, слѣпой прорицатель.

Стражъ.

Вѣстникъ.

Рабы Крѣона.

Хоръ оивскихъ старцевъ.

Мѣсто дѣйствія — передъ царскимъ дворцомъ въ Оивахъ; направо дорога въ городъ, на лѣво въ поле.

NB. Тшумеле или алтарь Бахуса, долженъ находиться на просцениумѣ и хоръ его окружаетъ.

=

АНТИГОНА.

Исмена, о сестра единокровная,

Ты знаешь ли хотя одно изъ бѣдствій

Эдиповыхъ, какимъ бы Зевсъ насъ не казнилъ?

Нѣтъ горя, скорби нѣтъ, не вспоминая

О тяготящемъ проклятѣй, нѣтъ безчестья,

Позора нѣтъ, котораго бы я

Въ печальной нашей жизни не видала.

И выцѣ, что за новое велѣнье

Объявлено царемъ всему народу?
Ты слышала?... ты знаешь или досель
Еще не слышала какой позоръ,
Враги тому, кто дорогъ намъ готовятъ?

ИСМЕЛА.

Ни вѣсти ни одной, ни слова, Антигона,
Ни сладкаго, ни горькаго о милыхъ
Я не слыхала, съ той поры, какъ братья
Погибли оба, въ день одинъ на смертномъ
Единоборствѣ: съ той поры когда бѣжали
Войска Аргивянъ, съ этой ночи, я
Ужъ ничего не слышала, что было бы
Мнѣ вѣстью счастья новаго или горя.

АНТИГОНА.

Я знала то и за врата дворца
Тебя звала, чтобъ говорить съ тобой одной.

ИСМЕНА.

Но что съ тобой?... Что возмутило грудь твою?

АНТИГОНА.

Не знаешь ты, что Крѣонъ, одному
Изъ падшихъ братьевъ давъ могилу, повелѣлъ
Лишить ея другаго?... Этеокла прахъ
Честному погребенью предалъ, какъ законъ
И правда повелѣли, чтобы мѣсто
Ему среди усопшихъ изготовить;
О тѣлѣ жъ Полинейка — такъ безславно
Погибшаго, велѣние выдалъ, говорятъ,
Всѣмъ гражданамъ, чтобъ не было надъ нимъ
Холма могильнаго и стоновъ плача
Чтобъ неоплаканный, непогребенный
Лежалъ онъ — хищныхъ вороновъ добыча,
Которыхъ жадный клѣвъ терзаетъ трупы,
И это, говорятъ, объявить благородный Крѣонъ
Тебѣ и мнѣ.... ты слышишь ли? и мнѣ!
И всѣмъ, кто этого не вѣдаетъ, придеть
Онъ объявить сюда, и такъ же то,

Что исполнять велѣнье строго должно,
 Что кто его нарушить, отъ народа
 Побить каменьемъ будетъ. Вотъ что нужно
 Сказать мнѣ было: этотъ день покажетъ
 Ты благородна сердцемъ или чадо
 Ты недостойное великихъ предковъ.

ИСМЕНА.

Но, бѣдная, когда все это такъ,
 Чѣмъ я должна служить, дѣлами или рѣчами?

АНТИГОНА.

Раздѣлишь ли со мной опасность дѣла?

ИСМЕНА.

Какого дѣла? Что ты замышляешь?

АНТИГОНА.

Поможешь ли мнѣ мертваго похитить?

ИСМЕНА.

Ты погребешь его въ противность запрещенью?

АНТИГОНА.

Да, брата моего,—хотя бы ты
 И отказалась—брата твоего, похороню,
 Не оскверню себя предательства позоромъ.

ИСМЕНА.

Преступная! когда то Крѣонъ запретилъ?

АНТИГОНА.

Онъ отъ родныхъ не въ силахъ оторвать меня.

ИСМЕНА.

Увы, мнѣ! о сестра, ты вспомни, какъ отецъ
 Погибъ проклятиемъ, позоромъ удрученный....
 Какъ онъ, открывши бездну беззаконій
 Своихъ—глаза исторгъ себѣ: и какъ
 Потомъ она, его супруга-мать
 Дни прекратила петлею позорной
 Какъ, наконецъ, погибли оба брата
 Въ единый день, другъ друга поразивши.

Насъ только двѣ остались.—О, подумай,
 Чтѣ намъ грозить, когда дерзнемъ возстать
 Мы противъ силы и велѣній нашихъ
 Властителей, презрѣвши волю ихъ!
 О, вѣтъ, подумай только: мы женами
 Сотворены; противъ мужей не намъ
 Итти, сестра; должны мы покоряться
 Всему и даже худшему.... У праха
 Готова я просить прощенья, но
 Всевластному повиноваться буду:
 Неподобаешь дѣлать выше силъ.

АНТИГОНА.

Тебя не принуждаю, и твоя бы
 Меня никакъ не радовала помощь;
 Ты поступай какъ знаешь, но ему
 Могила ископаю я одна,
 И радостно потомъ я встрѣчу смерть;
 Засну я тихо подлѣ друга, свято
 Преступная: зане мнѣ дольше жить
 Съ отшедшими къ покою, чѣмъ съ земными;
 Я тамъ засну на вѣки; ты же можешь
 То презирать, чтѣ сами боги чтуть.

ИСМЕНА.

Не презираю я, но съ цѣлымъ градомъ
 Бороться средствъ и силы не имѣю.

АНТИГОНА.

Оправдывай себя хоть этимъ, я
 Дражайшему пойду могильный холмъ готовить.

ИСМЕНА.

Увы, несчастная! Я за тебя дрожу.

АНТИГОНА.

Не обо мнѣ заботься—о себѣ.

ИСМЕНА.

По-крайней-мѣрѣ, скрой свое ты дѣло:
 Молчи о немъ, молчать я буду также.

АНТИГОНА.

О, говори! Твое молчанье будетъ
Мнѣ ненавистнѣй, нежели слова.

ИСМЕНА.

Ты къ тѣлу хладному душою горяча.

АНТИГОНА.

Я угождаю тѣмъ, кому хочу служить.

ИСМЕНА.

Но ты за невозможное взялась.

АНТИГОНА.

Оставлю я, увидя невозможность.

ИСМЕНА.

Чего нельзя—не должно начинать.

АНТИГОНА.

Ты будешь ненавистна мнѣ рѣчами
Подобными и ненавистна брату
Усопшему—оставь меня, пускай
За дерзостное дѣло пострадаю,
Что бъ ни было.... но смерти благородной
Отнять судьба не можетъ у меня.

ИСМЕНА.

Ну, если такъ, иди, и безразсудно,
Но вѣрно служишь ты друзьямъ усопшимъ.

(Объ уходитъ: Антигона въ поле, Исмена во дворецъ.)

ХОРЪ. *(Выходитъ изъ города.)*

Геліоса лучь, никогда
Седмивратному городу
Өивамъ, ты не сіялъ таковъ,
Какъ являешься нынѣ намъ,
Око златаго дня,
На волнахъ диркейскихъ ты гордый странникъ.
Ты врага, который пришелъ
Изъ Аргоса съ бѣлымъ щитомъ,
Гналъ отсель, такъ, что звѣнья брони
Другъ о друга стучали;
Подвигнуть онъ былъ на наши поля

Враждой Полинейка съ родною страной;
 Съ дикимъ крикомъ онъ,
 Какъ орелъ, на страну съ облаковъ налетѣлъ
 На крыльяхъ спустился бѣлыхъ какъ снѣгъ.
 Бронейю облить
 И съ конскою гривой на шлемѣ.

* *

На зубчатой оградѣ стѣнъ
 Седмивратнаго города
 Онъ жаднымъ мечомъ грозилъ;...
 Но бѣжалъ, не упившійся
 Кровью нашею, онъ,
 Не успѣлъ онъ нашихъ стѣнъ освѣтити
 Свѣщникомъ Гефеста *, — огнемъ,
 И предъ Аресомъ ** обратилъ
 Врагъ кровожадный, свой тылъ—устоять
 Могъ ли противъ дракона?
 Да! Зевсъ всѣмъ гордящимся силой своей
 Врагъ издавна былъ.... Какъ вѣкій потокъ
 Стремящихся, — онъ въ гордынѣ узрѣлъ
 И громомъ своимъ низложилъ онъ того,
 Чей побѣдный крикъ
 На зубахъ уже стѣнъ раздавался.

* *

На землю палъ ниспроверженный огненосецъ,
 Палъ пораженный со стѣнъ нашихъ, онъ, который
 Словно буря летѣлъ
 Упоенъ побѣдой своею,
 Смерть сразила его ***.
 Многимъ на долю
 Смерть досталась; былъ намъ богъ хранитель
 Аресъ великій,
 Зане семь вождей у семи нашихъ вратъ,

* *Гефестъ*, Вулканъ, богъ огня.** *Аресъ*, Марсъ, богъ войны.*** Здѣсь говорится о *Кипанелѣ*, одномъ изъ семи вождей, осаждавшихъ *Фивы*.

Съ врагами сражаяся въ равномъ числѣ,
 Оставили Зевсу трофеи свои
 Только страшные тѣ, отца одного
 И матери чада одной — въ бою
 Поразили другъ друга, обоихъ равно
 Ожидала отъ вѣка погибель *.

* *

Но ужъ побѣда съ челомъ лучезарнымъ Оивамъ
 Колеснице-богатымъ смѣется; градъ свободенъ

И должны мы теперь
 Страшный бой забвенью предать;
 Съ радостнымъ крикомъ мы
 Предъ алтарями

Хорами ходимъ ночными... насъ ведетъ Діонисосъ **
 Оивъ защититель.

Но Крѣонъ идетъ съ толпою сюда,
 Сынъ Мёнекея, страны властелинъ
 Вышней волей боговъ дарованный намъ
 Владыкой; съ тяжелой оной думой идетъ,
 Не даромъ торжественно созвалъ оный

На собранье сюда,
 Черезъ глашатая, старцевъ совѣтъ!

—

(Изъ дворца выходитъ Крѣонъ, окруженный толпою.)

КРѢОНЪ.

Васъ, мужи, я, хоть градъ и сохраненъ
 Отъ многихъ бурь безсмертными, и вынѣ
 Руками ихъ оный укрѣпленъ опять,
 Но я васъ собралъ — васъ въ-особенности, здѣсь
 Зане я знаю — Лаіева трона
 Подпорой были вы, притомъ когда
 Царилъ Эдипъ въ великомъ градѣ, также
 Когда скончался оный, ему и дѣтямъ
 Вы неизмѣнно вѣрны вѣчно были;
 Когда жъ они въ единоборствѣ страшномъ,

* Этеоклъ и Полипейкъ, дѣти Эдипа.

** Ваххъ.

Въ единый день другъ друга поразили,
 Сталь мой престолъ, моя и власть и слава
 Какъ сродника ближайшаго погибшихъ.
 Никто не разгадаетъ челоуѣка,
 Его ума и цѣлей сокровенныхъ
 Доколѣ самъ онъ, властью облеченный
 Въ дѣлахъ не обнаружитъ ихъ: по мнѣ
 Правитель города, который добрымъ
 Намѣреньямъ не слѣдуетъ своимъ,
 И свой языкъ оковываетъ страхомъ
 Презрѣнія единого достояннѣ;
 Равно и тотъ, кто дружбу и родство,
 Предпочитаетъ выгодамъ страны
 И — знаетъ Зевсъ всевидящій, — не стану
 Молчать я, видя общую опасность,
 И никогда врага страны родной,
 Привѣтствовать какъ друга я не буду.
 Отъ родины зависить наше счастье
 И только бѣ мы заботились о благѣ
 Ея, друзей у насъ довольно будетъ,
 И въ этихъ мысляхъ я хочу держать кормило
 Правленія, и выдалъ повелѣнье
 О сыновьяхъ Эдиповыхъ народу.
 Одинъ изъ нихъ, со славой падшій, Этеоклъ
 Какъ города защитникъ, заслужилъ
 Могильный холмъ и все что подобаетъ
 Изъ падшихъ благороднѣйшему, но
 Другой, — я Полинейка разумью, —
 Измѣнникъ, возвратившійся съ мечомъ
 Въ страну родную, алтари боговъ
 Огнемъ и разрушеньемъ оскорбившій,
 Облитый кровью родичей своихъ
 И васъ хотѣвшій поверстать рабами,
 Онъ — объявилъ я городу — не долженъ
 Почтенъ могилой быть и стономъ плача;
 Нѣтъ, пусть безъ гроба будетъ — псамъ и птицамъ
 Добыча хищнымъ и добыча срама —
 Таковъ законъ мой — да не будетъ чести
 Преступнику — удѣла благородныхъ!
 Но граду вѣрные всегда заслужать
 Почтенье, мертвые или живые.

ХОРЪ.

Такъ поступить тебѣ, о, Менекея сынъ,
Угодно съ другомъ и врагомъ отчизны
Въ твоихъ рукахъ да будетъ власть и сила
Надъ мертвыми равна, какъ надъ живыми.

КРЭОНЪ.

Хранителями будьте жъ повелѣнья.

ХОРЪ.

Юнѣйшимъ передай о томъ заботу.

КРЭОНЪ.

Надъ мертвецомъ ужъ я назначилъ стражу.

ХОРЪ.

Зачѣмъ же ты другимъ передаешь велѣнье?

КРЭОНЪ.

Чтобы ослушнымъ не было пощады.

ХОРЪ.

Безумца нѣтъ, кто бъ умереть желалъ.

КРЭОНЪ.

Умереть ослушникъ, но корысть ведетъ
Въ опасность смерти часто человѣка.

стражъ (*идетъ съ поля*).

О, царь — я не скажу, что задыхаясь
Сюда спѣшилъ я быстрыми шагами;
Тяжелыя меня смущали думы
И возвратиться былъ неразъ готовъ назадъ;
Душа моя шептала часто мнѣ:
Зачѣмъ идешь ты, бѣдный? наказанье
Тамъ ждетъ тебя! Останься; но когда
Узнаетъ Крэонъ отъ другихъ — не также ль
Тебя постигнетъ наказанье? Эти
Сомнѣнія дорогу замедляли
И не далекій путь мой дологъ былъ;
Но наконецъ рѣшимость побѣдила
Итти сюда — и пусть принесъ я вѣсть дурную,

Я буду говорить, увѣренъ твердо я
 Что бѣ ни было со мной — не будетъ ничего,
 Что мнѣ не предназначено судьбою.

КРЭОНЪ.

Но отчего отчаянье такое?

СТРАЖЪ.

Сначала о себѣ скажу.... не мною
 Сдѣлана вина, я даже не видалъ
 Кто сдѣлалъ: наказать меня несправедливо.

КРЭОНЪ.

Ты цѣлишь вѣрно, хоть окольными путями
 Идешь..... но, видно, тяжкую несешь ты вѣсть.

СТРАЖЪ.

Да! Дѣло страшное на душу страхъ наводитъ.

КРЭОНЪ.

Но говори же, наконецъ, и удались.

СТРАЖЪ.

Такъ я скажу.... недавно кто-то тѣло
 Похоронилъ, сухой землей посыпалъ
 И совершилъ надъ нимъ обрядъ обычный.

КРЭОНЪ.

Что говоришь ты?... Кто отважился на это?

СТРАЖЪ.

Не знаю: нѣтъ слѣда двузубца,
 Ни заступа, земля не тронута, на ней
 Примѣтъ колесъ не видно — и виновникъ скрылся.
 Намъ всѣмъ — когда стражъ первый указалъ,
 Казалось это непонятнымъ чудомъ;
 Трупъ не пропалъ, но не былъ и зарытъ —
 Лишь слой земли, набросанный поспѣшно,
 На немъ лежалъ, и не было слѣдовъ
 Чтобъ псы его или звѣри приходили

Терзать: у насъ тогда начался споръ и крикъ:
 Одинъ другаго укорялъ, до драки
 Дошли мы — было не кому унять,
 И тотъ и тотъ казался виноватымъ,
 Но настоящаго никто не могъ назвать;
 Готовы были всё пройти сквозь пламень,
 Держать въ рукахъ горячее желѣзо,
 И клясться предъ богами, каждый въ томъ, что онъ
 Не виноватъ и виноватаго не знаетъ,
 Когда же тщетны были розысканья
 Одинъ сказалъ — и голову отъ страха
 Мы всё къ землѣ склонили — ибо не могли
 Сказать ни слова противъ и спасенья не видали
 Ни въ чемъ виновъ, сказалъ онъ, что тебѣ
 О дѣлѣ должно донести, а не скрывать;
 Всё согласились въ томъ, и мнѣ, несчастному,
 По жребію досталось съ этой горькой вѣстью
 Итти къ тебѣ: пошелъ я не охотно, зная,
 Что вѣстниковъ дурныхъ никто не любить.

ХОРЪ.

О царь! не боги ль въ этомъ дѣлѣ сами
 Участники — мнѣ мысль давно приходитъ.

КРѢОНЪ.

Молчи, пока меня не разсердилъ ты рѣчью,
 Пока глупѣй ребенка старецъ мнѣ не показался.
 Невыносимо слышать мнѣ, что боги
 Заботились о мертвецѣ подобномъ!
 Могли ль они, какъ за благое дѣло
 Погибшаго, того похоронить
 Кто храмы ихъ, столбами окруженные,
 Разрушить шелъ, — ихъ жертвы истребить,
 Страну ихъ разорить, законы испровергнуть?
 Гдѣ слышалъ ты, чтобъ боги чтили злыхъ?
 Не такъ, о нѣтъ. Есть люди въ этомъ градѣ,
 Которые мнѣ нѣ-хотя, съ роптаньемъ,
 Качая втайнѣ головой, повиновались
 И голову свою подъ мой яремъ
 Склоняли не охотно — и они-то,

Увѣренъ въ этомъ — подкупили златомъ
 Виновниковъ, зане ничтò такъ не опасно
 Въ рукахъ людскихъ, какъ золото: оно
 Опустошаетъ города и часто гонитъ
 Изъ дому человѣка; побуждаетъ
 И самыхъ лучшихъ даже къ преступленью,
 Указываетъ путь къ обманамъ, кознямъ;
 Ругаться учить даже надъ святыней.
 Но тотъ кто златомъ ослѣпленъ, рѣшился
 На преступленье — онъ наказанъ строго будетъ.
 И я клянусь моимъ почтеньемъ къ Зевсу,
 И будь увѣренъ, клятву я исполню,
 Когда виновника вы не представите
 Предъ очи мнѣ, — то мало казни смертной,
 Живые будете висѣть, — тогда
 Узнаете, гдѣ выгодною можно
 Воспользоваться, гдѣ нельзя — тогда
 Научитесь на будущее время,
 Что не на всякій подкупъ можно согласиться:
 Отъ злостяжаній больше погибали
 Чѣмъ выгодами пользовались люди.

СТРАЖЪ.

Могу ль я говорить, нль долженъ удалиться?

КРЭОНЪ.

Еще не понялъ ты, какъ ты несносенъ мнѣ?

СТРАЖЪ.

Ушамъ нль сердцу я несносенъ твоему?

КРЭОНЪ.

Тебѣ нѣтъ дѣла, чѣмъ страдаю я.

СТРАЖЪ.

Виновникъ — сердце, я твоей слухъ терзаю.

КРЭОНЪ.

Увы мнѣ! Вижу я, что ты болтуниъ.

СТРАЖЪ.

Но только въ дѣлѣ этомъ я невиненъ.

КРЭОНЪ.

За деньги съ радостью продашь ты жизнь.

СТРАЖЪ.

Охъ!

Какъ подозрѣнье страшно, если ложно.

КРѢОНЪ.

Что хочешь говори — но если вы

Виновника не назовете мнѣ,

То вы узнаете, какъ дурно злостяжанье.

(Уходитъ съ толпою во дворецъ.)

СТРАЖЪ.

Да вотъ поди, найди его — но будетъ

Онъ пойманъ или нѣтъ — на это воля счастья,

А только я ужъ больше не приду, —

И такъ сверхъ ожиданья спасся я,

За что и приношу богамъ благодаренье.

ХОРЪ, одинъ.

Много сильнаго есть; ничего

Человѣка сильнѣе нѣтъ:

Черезъ бездны моря летитъ,

Онъ подъ шумомъ и свистомъ бурь

И вокругъ шумящія волны

Разсѣкаетъ весломъ.

И мать боговъ, старѣйшую, онъ

Землю — неистощимую, вѣчную

Плугомъ браздящимъ своимъ покорилъ собѣ

И копытъ кониныхъ силой.

Стан легкокрылатыхъ онъ

Хитро въ сѣти могъ уловить,

И звѣрей могъ дикихъ стада

Оковать онъ — и рыбъ морскихъ

Поймать могъ невода сѣтью,

Многосвѣдущій онъ.

Онъ хитростью властитель вольныхъ

Горныхъ звѣрей и коня долгогриваго

Гордую шею подъ яго склонившаго,

И муловъ неутомимыхъ.

Онъ слово нашель — и открыль
 Искусство сплетенья рѣчей,
 И обществъ законы. Когда зимою
 Поля пустѣють, — себѣ
 Нашель отъ дождя онъ приютъ
 Вѣчно-мудрый.

Никогда грядущимъ онъ въ распахъ не пойманъ.
 Отъ Гадеса *, только онъ не избѣгаетъ,
 И противъ язвы даже злой
 Знаеть средство.

Исполненъ превыше границъ
 Творящей способности онъ;
 Равно онъ склоненъ къ добру и ко злу;
 Когда безсмертныхъ онъ чтить
 И чтить отчизны законъ,
 Чтимъ онъ самъ;
 Но творящій злое ненавистенъ
 Родной странѣ. Да не раздѣлитъ онъ
 Со мною хлѣбъ мой и очагъ.
 Будь онъ проклятъ!

О страшное зрѣлище! Сердце мое
 Когда бы могло, хотѣло бъ не знать
 Что дѣва сія — Антигона,
 Несчастливая ты,
 Отца несчастнаго Эдипа дитя.
 Увы! ужели застигнута ты
 Въ преступленіи противъ власти царя
 И въ безумно-слѣпомъ ослушаньи?

Стражъ, ведущій съ поля Антигону.

СТРАЖЪ.

Вотъ та, которая на мѣстѣ преступленья
 И въ дѣлѣ схвачена.... но гдѣ же Крѣонъ?

ХОРЪ.

Вотъ кстати, онъ идетъ сюда изъ дому самъ.

* Гадесъ — смерть.

КРЭОНЪ (выходя из двorca съ толпою).

Что нужно? отчего пришелъ я кстати?

СТРАЖЪ.

О царь! не долженъ смертный клясться никогда:
 Въ немъ мысли новыя смѣняютъ прежнюю
 Рѣшимость — такъ, не думалъ возвратиться я,
 Когда твои угрозы слышалъ страшныя.
 Но вотъ — ужъ правду говорятъ, что радость
 Нежданная ни съ чѣмъ быть сравнена не можетъ,
 Я возвращаюсь, несмотря на клятву, и къ тебѣ
 Вотъ эту дѣву привожу, при тѣлѣ самомъ
 Захваченную; я ужъ не по жребію
 Пришелъ сюда: не чья она другая, а моя
 Добыча.... а теперь, о царь, возьми ее
 И допроси и уличи, а я свободенъ
 Отъ преступленья и отъ кары за него.

КРЭОНЪ.

Ведомую тобою гдѣ и какъ схватилъ ты?

СТРАЖЪ.

Она трупъ брата погребала — вотъ и все.

КРЭОНЪ.

Ты видѣлъ это самъ? и говоришь ты правду?

СТРАЖЪ.

Самъ видѣлъ я, какъ мертваго землей она
 Посыпала.... Теперь сказалъ я слишкомъ ясно.

КРЭОНЪ.

Но какъ ее увидѣли и захватили?

СТРАЖЪ.

Вотъ дѣло было какъ. Когда я возвратился,
 Испуганный словами грозными твоими;
 Мы счистили всю землю, коей тѣло мертвеца
 Покрыто было — такъ что былъ онъ снова нагъ.
 Потомъ мы сѣли на холмѣ, спиною къ вѣтру,
 Чтобъ тѣла срадѣ не слышать.... сторожили мы
 И если начиналъ дремать кто, пробуждали

Его мы всё и бранью и пинками. Так
 Сидѣли мы, пока на серединѣ неба
 Сіяющее солнце встало: зной и жаръ насъ стали
 Ужасно мучить.... вдругъ подулъ съ полудня вѣтеръ
 И буря поднялась и встала пыль столбомъ
 И лѣсъ завылъ и воздухъ душень сталъ — закрывши
 Глаза, переносили бурю мы; потомъ
 Когда она прошла — и все кругомъ утихло,
 Явилась дѣва эта, съ жалкимъ стономъ птпчки,
 Которой гнѣздышко разорено.... Она
 Убѣдивъ трупъ ногой, произнесла проклятье
 Свершившимъ дѣло это — и набравъ земли руками
 Посыпала на тѣло — и потомъ изъ чаши
 Рѣзбой искусною украшенной, свершила
 Надъ мертвымъ трижды возліянье. Видя это,
 Мы побѣжали и ее тотчасъ схватили....
 Она, казалось, вовсе насъ не испугалась.
 Мы стали уличать ее, равно и въ прежнемъ
 Какъ въ этомъ дѣлѣ.... и она не отреклась.
 Мнѣ было то отрадно, но и больно вмѣстѣ,
 Хоть самому бѣды избѣгнуть было очень
 Пріятно; но ввести въ несчастье ближняго
 Мнѣ больно, хоть, конечно, было мнѣ дороже
 Спасеніе свое гораздо больше.

КРЭОНЪ.

Тебя, главу склонившую — спрошу я,
 Виновна ты или нѣтъ? — Ну, что жъ? отвѣтствуй.

АНТИГОНА.

Сказала разъ я и не отпираюсь.

КРЭОНЪ, къ стражу.

Куда ты хочешь, можешь удалиться,
 Ты избѣжалъ отъ кары.

(Антигонь.)

Ты же мнѣ
 Отвѣтствуй прямо, было ли тебѣ
 Извѣстно повелѣнье или нѣтъ?

АНТИГОНА.

Я знала. Какъ же нѣтъ? Оно извѣстно было.

Т. LXXVII. — Отд. I.

КРЭОНЪ.

И ты дерзнула поступить напротивъ?

АНТИГОНА.

Я сдѣлала. Не Зевсъ мнѣ объявилъ его,
 Не Дике*, съ адскими живущая Богами....
 Такой законъ поставленъ былъ не ими,
 И онъ не силенъ столько надо мной,
 Чтобъ для него боговъ неписанный и вѣчный
 Законъ нарушить я дерзнула смертная:
 Законы ихъ не нынѣ, не вчера даны:
 Они живутъ отъ вѣка безъ начала,
 Для нихъ я не страшилась смертнаго гордыни,
 И Божьему суду я предаю себя.
 Что я умру, я знаю — какъ же было мнѣ
 Не знать, хотя бъ не объявилъ ты прежде; но
 Что преждевременно умру я—это радость
 Для тѣхъ кто жизнь, какъ я, въ страданьи проводилъ,
 Тотъ умирая не теряетъ ничего;
 Мнѣ потому не можетъ смертный жребій быть
 Ужасенъ; но когда бъ сынъ матери моей,
 Остался незарытый, неоплаканный —
 Вотъ что ужасно было бы, не это;
 Коль я потвдему безумно поступила
 Я лишь въ глазахъ безумнаго безумна.

ХОРЪ.

Плодь жесткій жесткаго отца, она
 Предъ бѣдствіями головы не преклоняеть

КРЕОНЪ.

Но знай, что непокорный духъ смирить легко;
 Что сталь твердѣйшую сломать не трудно будетъ,
 Когда лишь на огнѣ ты раскалишь ее;
 Что кдней дикихъ укрошаютъ удила
 Ничтожныя. Высокомѣрье вредно всѣмъ
 Кто подчиненъ кому либо другому; а она
 И тѣмъ уже свою строптивость показала,

* Богиня правды.

Что повелѣніе нарушила мое.

Теперь же, преступленіе совершивъ, дерзаетъ

Хвалиться имъ и насмѣхаться надо мной!

Не буду мужъ я, но скорѣе будетъ мужемъ

Она, когда отъ наказанья избѣжить.

Пусть дочь сестры она, и родственница намъ

Ближайшая въ дому намъ цѣломъ нашемъ;

Но ни она и ни сестра ея, отъ кары

Не избѣгутъ. Предполагаю я, что обѣ

Онѣ равно участницы; и потому

Зовите ту сюда: замѣтилъ я недавно,

Какъ не могла съ своимъ смущеніемъ она

Ни сколько совладѣть — ея смущеніе было

Свидѣтельствомъ участія въ незаконнѣ этомъ;

Но больше ненавистенъ тотъ мнѣ, кто на дѣлѣ

Захваченный, рѣчамъ хочетъ оправдаться.

АНТИГОНА.

Чего еще ты хочешь кромѣ смерти нашей?

КРЭОНЪ.

О, больше ничего: довольно этого.

АНТИГОНА.

Что жъ медлишь ты.... какъ мнѣ изъ словъ твоихъ не можетъ

Казаться правымъ ни единое — равно

Мои слова тебѣ не нравятся должны;

И чѣмъ же благороднѣйшую славу, какъ

Не погребеніемъ брата я могла себѣ

Стяжать: сказали бы всѣ предстоящіе,

Что права я, когда бъ имъ страхъ языкъ не оковалъ,

Во власти, кромѣ многого другаго, то еще

Хорошаго, что правы всѣ поступки и слова.

КРЭОНЪ.

Такъ изо всѣхъ Кадмеявъ мыслишь ты одна!

АНТИГОНА.

И эти такъ же, но языкъ ихъ рабъ твой.

КРЭОНЪ.

И не стыдишься ты другаго мѣнныя быть?

АНТИГОНА.

О нѣтъ.... не стыдно чтить единокровныхъ.

КРЭОНЪ.

Его противникъ падшій также былъ твой братъ.

АНТИГОНА.

Да, по отцу и матери онъ братъ мой былъ.

КРЭОНЪ.

За чѣмъ же ты къ врагу его любовь питаешь?

АНТИГОНА.

За это на меня не гнѣвался бы падшій.

КРЭОНЪ.

Когда преступнаго ты чтить съ нимъ наравнѣ?

АНТИГОНА.

Не рабъ его погибъ, но однокровный братъ.

КРЭОНЪ.

Врагомъ страны! ея защитникъ былъ другой.

АНТИГОНА.

Но Гадеса законъ равняетъ всѣхъ.

КРЭОНЪ.

Да, ежели тебѣ равны и зло и благо.

АНТИГОНА.

Кто знаетъ преисподніе законы?

КРЭОНЪ.

Врагъ падшій даже, быть не можетъ другомъ.

АНТИГОНА.

Не ненависть дѣлать мнѣ было, но любовь.

КРЭОНЪ.

Ну, такъ любя кого ты хочешь въ преисподней.

Я управлять жемъ собою не позволю.

(Имена выходитъ изъ дворца.)

ХОРЪ.

Уже у дверей Исмена стоитъ
 Съ слезами въ очахъ — о бѣдной сестрѣ,
 Облака облегли и краснѣющій ликъ
 И чело ея
 И ланиты слѣдами печали.

—
 ТЪ ЖЕ И ИСМЕНА.

КРЕОНЪ.

Ты, вкрадываясь какъ змѣя въ мой домъ,
 Чтобъ кровь мою сосать, — не зная самъ
 Я двухъ чудовищъ на бѣду себѣ вскормилъ. —
 Скорѣ говори, виновна ты или нѣтъ....
 Или клянись, что ты не знала преступленье!

ИСМЕНА.

Виновна я — и ежели она позволить,
 Я раздѣлю съ ней наказанье и вину.

АНТИГОНА.

Но правда не позволить — не виновна ты....
 Ты не хотѣла, я тебя не принуждала.

ИСМЕНА.

Но въ бѣдствіи твоёмъ, безъ страху и стыда
 Хочу участницей быть дѣла твоего.

АНТИГОНА.

Чье это дѣло — знаютъ Гадесъ то и тѣни;
 Но не люблю я тѣхъ, кто любить на словахъ.

ИСМЕНА.

О, не считай меня ты смерти недостойной
 Съ тобой, сестра, позволь отдать мнѣ долгъ родному.

АНТИГОНА.

Со мною не умрешь ты: не виновна ты

Въ частіи. Довольно смерти здѣсь моеѣ.

ИСМЕНА.

Но что за жизнь я буду безъ тебя влечить?

АНТИГОНА.

Спроси у Крѣона — ему ты угождала.

ИСМЕНА.

За чѣмъ меня бесплодно мучишь ты, сестра?

АНТИГОНА.

Самой мнѣ тяжело издѣваться надъ тобою.

ИСМЕНА.

Чѣмъ я теперь могу тебѣ полезной быть?

АНТИГОНА.

Спасай себя: тебѣ завидовать не стану.

ИСМЕНА.

Увы, мнѣ, бѣдной! — мнѣ нельзя и умереть.

АНТИГОНА.

Сама избрала жизнь ты — я же смерть избрала.

ИСМЕНА.

Но не скрывала я причинъ на то моихъ.

АНТИГОНА.

Тебѣ твои, а мнѣ мои казались правы.

ИСМЕНА.

Но обѣ мы теперь равны виною.

АНТИГОНА.

Утѣшься! ты живешь: моя же умерла
Давно душа и мертвымъ отошла служить.

КРѢОНЪ.

Изъ нихъ обѣихъ кажется, одна недавно
Сошла съ ума — другая родилась безумной.

ИСМЕНА.

О царь, разсудокъ оставляетъ насъ
Когда грозятъ страданья и бѣды.

КРЭОНЪ.

Тебя, конечно, ибо ты желаешь смерти.

ИСМЕНА.

Какъ безъ нея мнѣ будетъ жить одной?

КРЭОНЪ.

О ней не говори — ея ужъ больше нѣтъ.

ИСМЕНА.

Но ты казнишь невѣсту сына своего.

КРЭОНЪ.

Найдетъ себѣ другое поле плодороднѣй!

ИСМЕНА.

Не такъ бы этого ему и ей хотѣлось.

КРЭОНЪ.

Дурной жены я сыну не хочу.

ИСМЕНА.

О милый Гемонъ! какъ тебя безчеститъ онъ! *

КРЭОНЪ.

Несносна ты съ союзомъ этимъ вѣчнымъ мнѣ.

ХОРЪ.

Ее у сына хочешь ты отнять?

КРЭОНЪ.

Пусть Гадесъ разорветъ такой союзъ.

ХОРЪ.

Такъ рѣшено, что умереть должна она.

КРЭОНЪ.

Тобой и мной. Не медлите больше — отведите
Ее, рабы. И эту такъ же: обѣ,
Какъ женщины, онѣ быть заперты должны;

* Этотъ стихъ большая часть изданій влагааетъ въ уста Антигоны, но я позволяю себѣ согласиться съ тѣми, которые думаютъ, что онъ противорѣчитъ ея характеру. Точно такъ же, слѣдующіе за тѣмъ стихи хора, приписываемые Исменѣ, противорѣчатъ ея положенію.

Смѣлѣйшіе готовы даже бѣгствомъ

Спасаться — стоя на краю Гадеса.

(Антигону и Исмену уводятъ.)

—

ХОРЪ, КРЭОНЪ.

—

ХОРЪ.

Блаженны вы, тѣ, чья жизнь, отъ бѣдствій свободна

Ибо домъ пораженный проклятіемъ неба

Страшной карою пораженъ

Въ родъ изъ рода вѣчно!

Проклятіе подобно то

Бурѣ на оракійскихъ водахъ,

Изъ бездны моря поднимающей волны ужасныя,

Да темный далекò сокрытый

Иль, — и объ утесъ прибрежный

Съ великимъ ударяющейсѣ шумомъ.

—

Старинную гибель въ колѣнѣ Лабдакидовъ

Снова вижу я въ новомъ погибельномъ дѣлѣ;

Нѣтъ спасенія роду тому,

Словно вѣкимъ богомъ

На преступленье влекомъ онъ.

Такъ недавно свѣта лучъ

Сіялъ на отрасли дома Эдипа послѣдней *,

Но боги смерти поразили

Въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ его,

Да погубила дерзость ослѣпленья.

—

О Зевсъ, — слѣ твоей, кто можетъ

Противостоять безумно?

Нѣтъ сна для нея — всеукротителя.

Нѣтъ измѣненій лунныхъ

Въ вѣчномъ, безвременномъ управленіи

Ты Олимпомъ ярко сіяющимъ, о властитель;

Все прошедшее объемлетъ

И грядущее, сей законъ

* Здѣсь говорится объ Эвеконгѣ.

Смертный ни какъ не можетъ,
Кто бы ни былъ онъ, безъ бѣдствій жить на свѣтѣ.

Легковѣрна надежда людская,
Хоть имъ она утѣшене;
И многихъ она къ тщетнымъ желаніямъ водить,
И человѣку прежде
Является, чѣмъ онъ успѣлъ обжечься;
Потому и сказалъ давно уже кто-то изъ мудрыхъ:
Тотъ считаетъ злое добрымъ
Чей — волей небесною
Омраченъ разумокъ;
Но недолго живетъ онъ отъ бѣдствій свободенъ.

(Къ Крѣону.)

Вотъ Гемонъ идетъ, изъ дѣтей твоихъ
Послѣдняя вѣтвь. Опечаленъ ли онъ
Антигоны судьбой,
Избранной дѣвы, невѣсты своей,
И оплачетъ ли ея онъ погибель?

КРѢОНЪ.

Вотъ мы увидимъ.

(Гемону.)

Сынъ мой, ты, конечно,
Пришелъ не съ тѣмъ, чтобы за приговоръ
Твоей невѣсты укорять отца?
Тебѣ я дорогъ, что бы я ни дѣлалъ?

ГЕМОНЫ.

Я твой, отецъ — и надо мной твоя
Да будетъ воля; долгъ мой быть покорнымъ,
И никакой союзъ не можетъ брачный
Дороже быть мнѣ мудрости твоей.

КРѢОНЪ.

Такъ, сынъ.... во всемъ отцовской волѣ долженъ
Повиноваться ты; за тѣмъ-то каждый
Себѣ желаетъ сыновей покорныхъ,

Для мщенья недругамъ и для защиты
 Друзей, подобно своему отцу;
 Но кто дѣтей имѣеть непокорныхъ
 Имѣеть ихъ себѣ на муку только,
 Врагамъ на посмѣяніе своимъ;
 И ты пренебреги любви внушенья
 О, сынъ мой, знай: съ преступницей союзъ
 Надеженъ быть не можетъ. Ибо, чтѣ
 Намъ хуже друга вѣроломнаго?
 Забудь же, какъ врага, ее — оставь
 Преступницу, избравшую себѣ
 Супруга въ Гадесѣ. Когда ее
 Одну изъ всѣхъ презрѣвшую законъ
 На мѣстѣ преступленія схватили —
 Предъ градомъ я не долженъ быть лжецомъ;
 Нѣтъ — умереть должна она, и пусть
 Защиты Зевса тщетно умоляетъ.
 Когда родныхъ я буду преступленья
 Сносить, чужие и подавно стануть
 Мнѣ козни строить. Кто, какъ строгій мужъ,
 Семействомъ управляетъ, будетъ также
 И управлять народомъ мудро; я
 Увѣренъ твердо, что повиноваться
 Такому мужу будутъ всѣ, что онъ
 И въ самой битвѣ для себя найдетъ
 Помощниковъ и спутниковъ надежныхъ;
 Но кто законы дерзко презираетъ
 И власти не покоренъ — недостоннѣ
 Тотъ похвалы моей. О нѣтъ, кого
 Народъ поставилъ надъ собой главою,
 Тому да повинуются — въ великомъ
 И въ маломъ, въ правомъ и не правомъ всѣ.
 Зане причина золь всѣхъ — непокорность,
 Она и государства разрушаетъ,
 И въ битвѣ обращаетъ въ бѣгство войска;
 Повиновенье же спасаетъ всѣхъ
 Кто позволяетъ властвовать собою;
 Всѣ признавать должны законовъ силу
 И женщинамъ не подчиняться: лучше,
 Когда ужъ надо, подчиниться мужу;
 Но женщинамъ покорнымъ стыдно быть.

ХОРЪ.

Когда насъ не обманываетъ страсть,
Ты кажется премудро говоришь.

ГЕМОНЪ.

Отецъ мой, боги разумъ дали намъ,
Изо всего верховнѣйшее благо,
И не могу я, не умѣю даже,
Отвергнуть истину рѣчей твоихъ.
Но и другой постигнуть правду можетъ;
Стараюсь я вниманье обращать,
На все, что говорится о тебѣ....
Ужасенъ взглядъ твой каждому, при словѣ
Нерадостномъ для слуху твоего.

Но я — я могъ подслушивать въ тиши,
Какъ всѣ о дѣвѣ въ городѣ жалѣютъ,
Какъ говорятъ, что менѣе всѣхъ женъ
Была она достойна смерти послѣ
Прекраснѣйшаго дѣла. « Не покинула
« Она роднаго брата, въ битвѣ павшаго
« Въ добычу псамъ и хищнымъ вдронамъ;
« И потому — не смерти, славы болѣе
« Достойна. » Вотъ что тайно говорятъ.

Но мнѣ, отецъ, нѣтъ блага высшаго
Чѣмъ счастье твое. И для дѣтей
Что лучше можетъ быть отцовской славы?
Равно какъ для отца — блаженства чадъ?
И потому молю тебя, не думай
Чтобъ только то, что сказано тобою
Одно лишь право было. Кто себя
Единого разумнымъ почитаетъ
И одареннымъ больше всѣхъ другихъ
И силою ума и рѣчи силой —
Бываетъ часто слишкомъ безразсуденъ;
Не стыдно ни кому, мудрѣйшимъ даже
Совѣты принимать, не быть упорнымъ.
Видалъ ты, какъ при сильномъ вѣтрѣ южномъ
То дерево, которое вѣтвями
Склонится долу гибко — остается —
Упорное же вѣтеръ съ корнемъ вырываетъ,

И кормчій, тотъ, который не свиваетъ
 Во время бури паруса — погибнетъ;
 Умѣрь же гнѣвъ и мысли измѣни.
 И если отъ меня ты примешь слово
 Отъ юноши — конечно, лучше нѣтъ,
 Какъ мудрымъ быть во всемъ — но такъ какъ это
 Для смертныхъ невозможно, то равно
 Похвально — слушаться разумныхъ словъ.

ХОРЪ.

О царь, ты долженъ внять его разумной рѣчи.

(Гемону)

Равно и ты: вы оба говорите хорошо.

КРЭОНЪ.

Въ моихъ лѣтахъ — благоразумью долженъ
 Учиться я у юноши такого!

ГЕМОНЪ.

Учись лишь одному хорошему — пусть молодъ я —
 На дѣло, не на лѣта долженъ ты смотрѣть.

КРЭОНЪ.

Но дѣло ль чтить преступниковъ закона?

ГЕМОНЪ.

Почтенья я не требую къ преступнымъ.

КРЭОНЪ.

Не преступленье ли надъ нею тяготѣеть?

ГЕМОНЪ.

Кадмеяне не такъ объ этомъ говорятъ.

КРЭОНЪ.

Такъ управлять учиться буду я у города?

ГЕМОНЪ.

Смотри, какъ юношески самъ ты говоришь.

КРЭОНЪ.

Другой со мною будетъ править наравнѣ?

ГЕМОНЪ.

Ни гдѣ одинъ не можетъ усмотрѣть все самъ.

КРЭОНЪ.

Не по властителю ли городъ познается?

ГЕМОНЪ.

Ты будешь править въ городѣ пустомъ — одинъ.

КРЭОНЪ.

Онъ, какъ мнѣ кажется, союзникъ женщинъ.

ГЕМОНЪ.

Да — ибо ты здѣсь женщиной являешься.

КРЭОНЪ.

Безстыдный! ты съ отцомъ своимъ дерзаешь спорить!

ГЕМОНЪ.

Я вижу какъ ты правду оскорбляешь.

КРЭОНЪ.

Я оскорбляю — защищая силу власти?

ГЕМОНЪ.

Ее не защитишь ругаясь надъ богами.

КРЭОНЪ.

Презрѣнный образъ мыслей бабьяго раба!

ГЕМОНЪ.

Но только никогда не буду рабъ неправды.

КРЭОНЪ.

Вся рѣчь твоя къ одной преступницѣ клонилась.

ГЕМОНЪ.

Нѣтъ; но ко всемъ, къ тебѣ и мнѣ, и къ Гадесу.

КРЭОНЪ.

На ней живой тебѣ жениться не придется.

ГЕМОНЪ.

Такъ пусть умереть она и съ ней умрутъ другіе.

КРЭОНЪ.

Ты мнѣ грозить, какъ кажется, дерзаешь?

ГЕМОНЪ.

Грозить ли значить съ яростью бороться?

КРЭОНЪ.

Ты воплемъ безразсуднымъ хочешь образумить?

ГЕМОНЪ.

Будь не отецъ ты, я бь назвалъ тебя безумнымъ.

КРЭОНЪ.

Рабъ женщины, не приставай ко мнѣ.

ГЕМОНЪ.

Ты хочешь говорить всегда, не слушать.

КРЭОНЪ.

Какъ! но клянусь Олимпомъ, безнаказанно
 Я надъ собой тебѣ смѣяться не позволю!
 Привести сюда чудовище... чтобъ тотчасъ же
 Она погибла на глазахъ его....

ГЕМОНЪ.

Нѣтъ, не умереть она въ глазахъ моихъ, повѣрь,
 Въ присутствіи моемъ: и никогда ты самъ.
 Главы моей глазами больше не увидишь.
 Невостовствуй теперь надъ кѣмъ ты хочешь самъ.

(Убѣгаетъ въ поле.)

ХОРЪ.

О царь — онъ въ гнѣвѣ сильномъ удаленъ;
 Опасенъ юный умъ, печалью омраченный.

КРЭОНЪ.

Пускай идетъ, пускай употребляетъ
 Нечеловѣческія средства.... но она умереть!

ХОРЪ.

Ты ихъ обѣихъ осуждаешь приговоромъ?

КРЭОНЪ.

Ты правъ!... не помогала та, и пусть живетъ.

ХОРЪ.

Какой же смертью умереть должна другая?

КРЭОНЪ.

Пусть отведутъ ее въ безлюдную страну,

И тамъ живую заключать въ утесъ,
 Давъ пищи столько, сколько нужно для того,
 Чтобы очистить городъ цѣлый отъ вины *
 Быть-можетъ Гадесъ ей поможетъ, изъ боговъ,
 Единный чтимый ею; — пусть ее спасаетъ,
 Она увидитъ, только поздно, что безумно
 Служить тѣнямъ, покоющимся въ адѣ.

(Уходитъ съ толпой во дворецъ.)

ХОРЪ.

Эросъ, — непобѣдимый ты,
 Эросъ, въ сердце могучее
 Проникающій и на дѣвственныхъ
 Ланнтахъ зарею алой
 Сіяющій, море широкое ты
 Переплывающій,
 Безсмертные не въ-силахъ бороться съ тобою,
 Тѣмъ паче сынъ времени....
 Подходишь — и онъ безумень.

* * *

Даже духъ благородный ты
 Влечешь къ преступленью на гибель:
 Ты произвелъ и этотъ
 Споръ близкихъ между собою,
 И явно, что здѣсь побѣдитъ
 Ласковый взглядъ жены;
 Ибо, даже и власти соцарствуетъ онъ.
 И смѣется ужъ улыбкою
 Побѣдною Афридита.

* * *

Но самого меня теперь
 Изъ предѣловъ правды выводитъ сей видъ:
 Отъ слезъ не могу удержаться,

* То есть, на одинъ день; это дѣлалось въ отношеніи къ преступленіямъ, для очищенія себя отъ ихъ смерти (expiatio).

Видя, какъ Антигона идетъ
На брачное смерти ложе.

АНТИГОНА.

(Рабы ведутъ ее изъ дворца.)

АНТИГОНА.

О, смотрите, граждане родной стороны,
Какъ послѣдній мой путь
Совершаю я, и послѣдній лучъ
Гелиоса сіяетъ мнѣ;
Мнѣ не видать его.... Живую меня
Гадесъ все усыпляющій — къ берегамъ
Ахерона ведетъ;
Не прозвучать Гименей мнѣ
Пѣсни — не расцвѣтутъ никогда
Цвѣты его!
Ахеронъ только будетъ супругомъ мнѣ!

ХОРЪ.

Но не въ славы ль лучахъ — нисходишь ты
Въ вѣдры мрачныя смерти царства;
Не болѣзни тебя въ могилу свели,
Не мечъ поразилъ тебя, — сама надъ собою
Владычица — въ Гадесъ нисходишь
Изъ смертныхъ быть-можетъ единая.

АНТИГОНА.

Слыхала я о горестной смерти во Фригій
Дочери Тантала
На выси Сипильской Горы
Изъ утеса выросшій камень
Крѣпко какъ плющъ обвилъ ее,
И дождями она, по преданіямъ,
Омывается.
И съ груди ея вѣчный не сходитъ снѣгъ
И ей подобно
Каменный утесъ будетъ ложе мое.

ХОРЪ.

То богиня была — отъ боговъ рождена;
 Мы же — смертныя, чада земли;
 Но великая слава съ богами дѣлится
 Смертныи жребий единый.

АНТИГОНА.

Увы мнѣ—смѣетесь вы... но ради безсмертныхъ, зачѣмъ

Надъ живою еще,

Вы насмѣхаетесь?

О градъ — о вы, въ градѣ

Мужи живущіе,

Увы! Увы!

Потоки Диркейскіе, роща священныя

Колеснице-богатыхъ Ѧнвѣ

Будьте мнѣ во свидѣтельство,

Какъ неоплакана, по закону жестокому

Въдушный я гробъ нисхожу...

О! Увы мнѣ, увыв мнѣ!

Ни людей, ни тѣней — сестрѣ,

Ни живущихъ, ни мертвыхъ!

ХОРЪ.

Постукомъ дерзостнымъ своимъ

Богиня правды вѣчный тронъ,

Дитя, оскорбила глубоко ты

И несешь отца беззаконія.

АНТИГОНА.

Изъ печалей сильнѣйшую пробудилъ ты — память

Отца несчастнаго;

И память, о жребий

Насъ, Лабдакидовъ,

Славой вѣнчаннаго рода

Увы! — о ты

Беззаконіе первое, ты объятіе

Матери съ отцомъ моимъ,

Ей же несчастной рожденнымъ!

И я родилась отъ союза того

И къ нимъ иду я, безбрачная,

Проклятіемъ пораженная.

Увы! несчастно

Избралъ ты, братъ мой, себѣ супругу.

И даже умершій ты жизнь отнимаешь.

ХОРЪ.

Хвалы достойно мертвецамъ

Служить; но власть пренебрегать

Никогда къ добру не приводитъ:

Твое сердце само тебя осуждаетъ.

АНТИГОНА.

Увы! неоплаканную, безъ друзей, безъ супруга жившую,

Ведутъ меня въ неизбѣжный путь;

Никогда неба яснаго

Не увижу я, бѣдная.

Слезъ надо мною не будутъ лить,

И друзья не вздохнуть обо мнѣ.

КРЭОНЪ.

(Выходитъ изъ дворца.)

Пора окончить этотъ смертный вопль,

Хотя бы даже онъ и нуженъ былъ;

Скорѣй ее ведите.... и въ пещеру

Живую закладите, какъ сказалъ я.

Ее одну оставьте: пусть она

Умретъ или живетъ закладена

Въ пещерѣ этой. Мы ото всего,

Что съ ней случится чисты. — Пусть она

Живыхъ жилища будетъ лишена.

(Уходитъ во дворецъ.)

АНТИГОНА.

О гробъ! о ложе брачное, подземное,

Жилище вѣчное, въ тебѣ съ мной я

Соединюсь, которыхъ множество

Персефонея * въ царство мертвыхъ приняла.

И я, послѣдняя, и я, несчастная,

* Персефонея, Персефасса, Прозерпина, дочь Цереры, супруга Плутона.

Иду туда же къ нимъ до срока вѣчнаго,
 Назначеннаго мнѣ судьбой... но вѣрю я,
 Что примешь ты меня, отецъ мой, радостно,
 И ты, о мать моя, и ты, о братъ.
 Вамъ, тѣни милыя, служила вѣрно я,
 Творя надъ прахомъ вашимъ возліянья;
 И за тебя, о Полинейкъ, за то, что я
 Тебя землей посыпала, несу я смерть.
 Я, между-тѣмъ, какъ должно поступила, я
 Ни для дѣтей, когда бъ была я матерью,
 Ни для супруга, если бъ умеръ онъ,
 Я никогда бъ закона не нарушила
 И почему — я знаю хорошо.
 Умри супругъ — найду себѣ другаго я,
 И чада будутъ также отъ другихъ;
 Но, если Гадесъ поглотитъ родившихъ насъ,
 То брата болѣе они намъ не дадутъ,
 И вотъ за то, что чтла я тебя, о братъ,
 Меня преступницей считаетъ Крѣонъ
 Его рука теперь влечетъ на смерть меня,
 Безбрачную, Гимена радостей
 Не знавшую, младенца не кормившую,
 И не оплакана — должна, несчастная,
 Итти я за-живо въ страну тѣней!
 Къ кому же съ воплемъ мнѣ звать къ богамъ теперь?
 Кого молить изъ нихъ?... когда похвальное,
 Здѣсь, на землѣ, считаютъ преступленьемъ!
 И такъ, когда богамъ угодно то,
 Я сознаюсь, что стражду какъ преступница;
 Но ежели враги мои преступны будутъ,
 Да не постраждутъ худшаго они.

КОРЪ.

Терзаетъ ей духъ все та же печаль,
 И муки всё тѣ же предсмертной борьбы.

КРѢОНЪ, *(обращаясь къ тѣмъ, кото-
 рые должны вести Анти-
 гону).*

Ну, если такъ, достанется и вамъ
 За медленность при исполненіи дѣла.

АНТИГОНА.

Увы! передо мной раскрыты смерти врата,
Сокройте, сокройте отъ взора ихъ!

ХОРЪ.

Не стану надеждой ее ободрять:
Пускай совершится судьба ея.

АНТИГОНА.

О городъ родной на полѣ Кадмейскомъ,
И вы, домашніе боги,...
Все кончено... вотъ ужъ влекутъ меня!
Старѣйшины Оивъ единая я
Изъ роду царей вашихъ, и вотъ, кто меня
На смерть осуждаетъ теперь
За дѣло святое мое.

(Стражи ее уводятъ.)

ХОРЪ.

И Ланаи судьба была небесный
Свѣтъ не вилать и въ мѣсяной, гробу подобной
Башнѣ, въ печальной темницѣ она лежала въ оковахъ;
А была и она знаменитаго роду, о дѣва,
И послала плоды Зевса златаго дождя въ себѣ
Воля рока — страшна силой незыблемой.
И никакая власть ее,
Ни крѣпость, ни корабль морской,
Избѣгнутъ никогда не могутъ.

* * *

И Гедонявъ царя, сына Дриады
Силу Вакха презрѣвшаго въ страшной гордынѣ
Власть Двоица въ утесъ каменный сокрыла.
Такъ кончается смертныхъ гордыня безумная
Возстающая тщетно. Узналъ онъ, что бога
Упоеннаго оскорбилъ и наказанъ оупъ,
Ибо дѣвъ посвященныхъ ему

Онъ оскорбилъ и девять музъ
Свирѣли звуки возлюбившихъ.

* *
*

На канскихъ волнахъ моря Эвксинскаго
Брегъ Босфоръ лежитъ, — Сальмидіосось еракійскій
Странствуя тамъ, съ враждою узрѣлъ
Страны богъ-Арессъ
Какъ съ Финидами злобно
Поступило мячхи мщевье,
Какъ она пронзила имъ свѣтлыя очи,
Желѣза остріемъ ужаснымъ
Вооруживъ кровожадныя руки.

* *
*

Слезами они обливали напрасными свой печальный
Жребій, бѣдствіе — отъ союза нашедшіе матеря; рода
Эрехтеева древняго была она дочь
И отрасль единая,
И въ далекихъ пещерахъ
Она росла — подъ бурями отца,
Какъ кони быстрыми, Бореада, боговъ дитя;
Но и она не избѣжала
Вѣчной власти Паркъ, о дѣва,

ТЭЙРЕЗИАСЪ (*котораго сидеть маль-
чикъ*).

Съ мнимъ вожатымъ, опискіе старѣйшныи,
Иду я къ вамъ, онъ видитъ за двоихъ:
Слѣпымъ ходить съ вожатымъ только можно.

КРЭОНЪ.

Что скажешь новаго, старикъ Тэйррезіасъ?

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Скажу — а ты повѣрь же провѣщателю.

КРЭОНЪ.

Не уклонялся отъ твоихъ совѣтовъ я.

ТЭЙРЕЗІАСЪ.

Поэтому-то ты и право градомъ правншь.

КРЭОНЪ.

Признаться долженъ я — они полезны были.

ТЭЙРЕЗІАСЪ.

Подумай, что стоишь ты на ножѣ теперь.

КРЭОНЪ.

Чтò говоришь ты? страхъ объемлетъ душу мнѣ!

ТЭЙРЕЗІАСЪ.

Вотъ чтò мое тебѣ искусство говоритъ:
 На старомъ я сидѣлъ гадателей сѣдалищѣ
 И предо мною были птицы всѣхъ родовъ
 И слышалъ я необычайный крикъ, и птицы
 Одна другую съ яростью терзали клювомъ, —
 То я узналъ по шуму крылъ извѣстному, —
 Испуганный, я тотчасъ вопросилъ алтарь
 И жертву — но отъ жертвъ огонь не восходилъ
 И жиръ лежалъ растопленный и только дымъ
 Да пепелъ былъ одинъ отъ жертвенныхъ частей.
 Отъ мальчика о томъ я слышалъ моего —
 Что жертвы исчезали въ страшномъ безпорядкѣ....
 Зане онъ вождь мнѣ, такъ какъ вождь я для другихъ;
 Но отъ тебя грозятъ несчастья городу
 Покрываютъ алтари и жертвенники наши,
 Истерзанными клювомъ птицъ, собакъ зубами
 Остатками несчастнаго Эдипа сына
 И потому безсмертные моленій нашихъ
 Не принимаютъ, жертвы наши не горятъ
 И птицы не даютъ благовѣщательнаго крику
 Съ-тѣхъ-поръ когда они коснулись труна клювомъ.
 Подумай, сынъ, объ этомъ.... бренимъ смертнымъ намъ
 Впадать во искушенье — доля общая
 Но согрѣшившій — не беспомощенъ, когда
 Онъ послѣ прегрѣшенья, думаетъ исправить
 Вину свою, а не стоитъ упорно въ ней.
 Упорство — признакъ неразумья одного,
 Смирись предъ смертію! Усопшаго престань
 Преслѣдовать.... И гдѣ же въ этомъ мужество?

Тебѣ я дѣлю говорю и отъ души.
И должно слѣдовать полезному совѣту.

КРЭОНЪ.

И ты, старикъ! вы всё какъ-будто въ цѣль стрѣлки
На это мѣтите.... и даже прорицаньемъ
Меня поколебать хотите всё, давно
Я проданъ ужъ своимъ, это знаю я.
Но продавайтесь же кому и какъ хотите,
За камни Сардскіе, за злато Индіи,
Вы никогда его въ могилу не зароете.
Нѣтъ, если бъ даже Зевсовы орлы на крыльяхъ
Кровавые остатки въ небо унесли
Не убоюсь я святотатства, никогда
Ему не дамъ могилы. Знаю, что изъ смертныхъ
Безсмертныхъ оскорбить никто не можетъ;
Но если — о старикъ Тэйрезіасъ, изъ смертныхъ
Высокій падаетъ, онъ падаетъ глубоко
Когда неправду изъ корысти говорить.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Увы!

Кто изъ людей узнаеть.... кто предвидѣть можетъ.....

КРЭОНЪ.

Кчему теперь ты рѣчь твою ведешь?

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Какое благо разумъ высшее!

КРЭОНЪ.

Да — и какая кара неба — неразумье.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Вотъ этой-то болѣзнию страдешь ты теперь.

КРЭОНЪ.

Я дерзко отвѣчать не стану провѣщателю.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Но ты сказалъ уже, что ложно провѣщаль я.

КРЭОНЪ.

До золота всѣ падки прорицателя.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Какъ до добычь постыдныхъ падки всѣ тираны.

КРЭОНЪ.

Ты знаешь ли, что говоришь съ властителемъ?

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Конечно, знаю: городъ мной спасенный — твой.

КРЭОНЪ.

Ты мудръ, о провѣщатель, но не честенъ ты.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Въ душѣ глубоко скрытое я принужденъ сказать.

КРЭОНЪ.

Скажи, но говори не изъ корысти только.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Я такъ и думаю, но только для тебя.

КРЭОНЪ.

Моей ты никогда не купишь вѣры.

ТЭЙРЕЗИАСЪ.

Такъ знай же ты, что прежде чѣмъ свершить по небу

Свой быстрый бѣгъ блестящій Геліосъ,

Одинъ отъ крови собственной твоей —

Какъ трупъ за трупъ несчастной будетъ жертвой;

Его увидишь падшимъ ты за ту,

Которую ты закопалъ живую

И за того, котораго отъ адскихъ

Ты отдѣлилъ боговъ и держишь на землѣ

Непогребеннаго.... онъ ни тебѣ

Ни вышнимъ божествамъ не подчиненъ

И отъ тебя теперь насилье терпитъ;

И потому стремятся ужъ Эрринія,

Мстить за боговъ и за подземный міръ,

И наказать тебя твоими же дѣлами;

И посмотри, сказалъ ли это я

Подкупленный.... вотъ раздадутся въ домѣ

Твоемъ, мужей и женъ отчаянные вопли
 И города въ союзъ враждебный вступать
 За то, что трупъ терзавшія собаки
 И звѣри хищныя и птицы — припесли
 Нечистыя въ страны ихъ испаренья;
 Вотъ чтò тебѣ — зане ты оскорбилъ меня
 Послалъ какъ смертную стрѣлу, какъ страшный
 Ударъ, котораго не избѣжать тебѣ.
 Ты жь, отрокъ, отведи домой меня — пускай
 Научится онъ гвѣваться на младшихъ,
 Удерживать и умѣрять языкъ
 И быть разумнымъ больше, чѣмъ теперь.
 (Уходитъ.)

ХОРЪ, КРЭОНЪ.

ХОРЪ.

О царь — ушелъ онъ послѣ страшныхъ предвѣщаній
 И знаемъ мы, съ-тѣхъ-поръ какъ на сѣдны эти
 Смѣнили мы кудри черныя, что никогда
 Онъ ложно не пророчествовалъ городу.

КРЭОНЪ.

Я знаю самъ и духомъ пораженъ;
 Ужасно уступить — по такъ же страшио
 Упорствомъ гнѣвъ навмечъ боговъ безсмертныхъ.

ХОРЪ.

Подумать нужно, Крэонъ, Менекеевъ сынъ.

КРЭОНЪ.

Чтò дѣлать? говори — я слушаю.

ХОРЪ.

Ступай, освободи изъ подземелья дѣву
 И падшему могилу дай теперь.

КРЭОНЪ.

Какъ! и ужель я согласиться долженъ?

ХОРЪ.

Скорѣе, царь.... упорствующихъ скоро
 Боговъ безсмертныхъ кара постигаетъ.

КРЭОНЪ.

Увы!... мнѣ стоить дорого — но я
Рѣшаюсь: тшетно намъ съ судьбой бороться.

ХОРЪ.

Спѣши же самъ, не поручай другимъ.

КРЭОНЪ.

Иду не медля. Вы, рабы мои,
И здѣсь стоящіе и въ домѣ — по-скорѣе
Берите заступы; бѣгите къ той скалѣ;
Но я, теперь перемѣнившій мысли —
Я заключилъ ее и самъ освобожу,
Хотя боюсь, не лучше ли всегда
Законъ до смерти защищать своей.

(Уходитъ съ толпою въ поле.)

ХОРЪ.

Все прославленный, утѣшеніе дщери Кадмовой, *
Зевса, страшногремящаго чадо — равнины Италіи **.

Объявшій любовно и Деосъ

Элевзинской *** долину украсившій

Всѣмъ священную.

О Бахусъ, здѣсь, въ отчизнѣ Бакханокъ
Въ Оивахъ, у волнъ именованныхъ присущій
Гдѣ посѣяны были зубы дракона ****.

* *
* *

Свѣтитъ пламя тебѣ на скалѣ раздвоенной,
Гдѣ Корикійскихъ нимфъ толпы пляшутъ пляски твои
Касталіей омытой *****

Гдѣ льются безсмертныя пѣсни

* Семельи.

** Южной Италіи или Великой Греціи, славной своими винами.

*** Цереры, въ таинствахъ которой Бахусъ игралъ важную роль.

**** Кадмосъ, основатель Оивъ, убилъ по своему прибытіи къ Беотіи
дракона и посѣялъ зубы его, по повелѣнію боговъ; изъ этихъ зубовъ ро-
дился Оивяне.

***** Мѣсто это въ подлинникѣ темно, но вѣроятно, здѣсь говорится о
жертвенномъ пламени, возжигаемомъ на горѣ въ честь Бахуса.

Высоты Ниссы *

Тебя величаютъ, плющемъ ** увитыя
Тебя виноградники брега морскаго,
Өивъ великій покровитель.

* *

Ты благосклонно объялъ градъ нашъ великій
Вмѣстѣ съ матерію Зевсомъ
Пораженный.... Сойди
При опасности граду нынѣ грозящей
Шагамъ тихими съ высотъ Парнасса
Къ намъ на землю,—прійди по шумящимъ волнамъ.

* *

Звѣздъ вожатый *** ярко блестящихъ, предводитель
Ночныхъ веселыхъ пѣсенъ.

Юноша, Зевсомъ рожденный!

О, явись съ женами Наксоса, полными ревности
Служить тебѣ ючи цѣлыя въ пляскахъ
Тебя прославлять, о, защитникъ, Яхось ****

ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

О, жители Амѳіона и Кадма града
Нѣтъ жизни ни одной человѣка,
Которую бъ хвалилъ я или порпцалъ;
И возвышаетъ всѣхъ и унижаетъ счастье,
Счастливымъ дѣлая или несчастнымъ.
И участи грядущей намъ нельзя предвидѣть.
И Крѣонъ нѣкогда великъ и славенъ былъ,
Освободившій отъ враговъ страну Кадмеянъ.
Пріявшій власть верховную надъ нею
И окруженный чадами своими.
И нынѣ всѣмъ оставленъ онъ.... и если человѣкъ

* Нисса—гора въ Беотіи.

** Плющъ—растеніе, которымъ увивались лица вакханокъ.

*** Бахусъ и Аполлонъ часто сѣшиваются у трагиковъ.

**** Яхось, одно изъ прозваній Бахуса.

Блаженство потерялъ, его живымъ
 Я не считаю—но живущимъ только трупомъ.
 Живи въ богатствѣ величайшемъ ты
 Въ великолѣпн, но если радость
 Оставить, все другое — прахъ и дымъ.

ХОРЪ.

Какія бѣдствія царюѣты возвѣщаешь?

ВѢСТНИКЪ.

Они погибли: въ томъ живущіе виновны.

ХОРЪ.

Но кто убійца—кто убитый, говори!

ВѢСТНИКЪ.

Гемонъ погибъ, рукой своею пораженный.

ХОРЪ.

Какъ? собственной своей или рукой отцовой?

ВѢСТНИКЪ.

Своею,—на отца былъ раздраженъ онъ сильно.

ХОРЪ.

О, предвѣщатель! Вотъ сбылись твои слова.

ВѢСТНИКЪ.

Но будетъ нужно вамъ о слѣдствіяхъ подумать.

ХОРЪ.

Уже Эйридикъ я вижу бѣдную,
 Суиругу Крѣона. Узнавши ли
 О смерти сына или такъ идетъ она?

ХОРЪ, ВѢСТНИКЪ, ЭЙРИДИКА.

ЭЙРИДИКА.

О, граждане, чтѣ я услышала, когда
 Къ порогу приближалась, на которомъ я
 Свершила поклоненіе Паладѣ —
 Я отворила запергья двери,
 Когда о горѣ дома моего
 Настыгла вѣсть меня—на руки женщинѣ

Упала я и овѣмѣла; но теперь
 Перескажите снова все какъ было....
 Ужь я въ страданьяхъ опытна теперь.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Я все перескажу, царица, что я видѣлъ
 И правды отъ тебя я не хочу скрывать.
 Къ чему щадить тебя, когда потомъ лжецомъ
 Я окажусь? Одна лишь правда устоитъ.
 Путеводителемъ я шелъ съ твоимъ супругомъ
 Къ пригорку на равнинѣ, гдѣ еще пагое
 Растерзанное псами тѣло Полинея
 Лежало—и когда мы обративъ молевы
 Къ Гекатѣ и Плутону о смягченіи гнѣва,
 Надъ нимъ свершила возняне - и сожгли
 На вѣтвяхъ свѣжихъ смертные останки,
 Тогда мы холмъ насыпали высокій изъ родной
 Земли и все пошли къ пещерѣ, гдѣ живую
 Зыклали Антигону—вдругъ одинъ изъ насъ
 Услышалъ страшный вопль, который несся
 Изъ этого жилища смерти и Гимена
 И Крѣону царю объ этомъ возвѣстилъ....
 Еще не ясно слышавъ былъ тотъ страшный вопль,
 Но царь уже зывалъ съ отчаяньемъ
 И съ горькими слезами: «о, несчастный я!
 «Ужели я увидѣць, и уже ль теперь
 «Свершаю путь мой самый тяжкій я;
 «Слухъ поразилъ мой сына голосъ—о, скорѣй,
 «Скорѣй, рабы, стремитесь вы къ пещерѣ;
 «Скорѣе входъ въ нее пробейте.... точно ль слышалъ
 «Я голосъ сына или то одинъ обманъ?»
 И повинуясь голосу властителя
 Мы поспѣшили и пробивши входъ въ пещеру
 Оставились въ изумленіи—она
 Повѣсила на поясѣ льняномъ своемъ,
 А овъ, обнявши крѣпко трупъ возлюбленной,
 Рыдалъ о гибели своей подруги
 И проклиналъ отца и жребій свой несчастный;
 Но Крѣонъ увидалъ его и съ плачемъ
 Къ нему спѣшилъ, зывая громко:
 «Несчастный, что ты сдѣлалъ, что ты дѣлать хочешь?»

«Безуміе тобой владѣть.... о! зачѣмъ ты здѣсь?
 «Скорѣй бѣги, мой сынъ—тебя я заклинаю!»
 Но дико сынъ взглянулъ блудящими очами
 И ничего не возражая, только плюнулъ *
 Ему въ лицо и вынулъ мечъ
 Свой обоюду-острый—и когда отецъ
 Удара избѣжалъ, то гнѣвъ свой на себя
 Несчастнѣй Гемонъ обратилъ, и палъ
 На мечъ онъ грудью; но и умирая,
 Онъ обнялъ ослабѣвшими руками трупъ
 И вздохъ послѣдній, вздохъ кровавый испустилъ.
 На блѣдныя ланиты мертвой дѣвы.
 Теперь средь мертвыхъ—мертвый онъ, достигшій
 До ложа брачнаго въ жилищѣ Гадеса
 На поученье людямъ, что виною
 Бываетъ бѣдствій всѣхъ неосторожность.

(Эйридика удаляется.)

ХОРЪ, ВЪСТНИКЪ.

ХОРЪ.

Что скажешь ты объ этомъ?... Вдругъ ушла она
 Ни добраго и ни худаго не сказавши слова?

ВЪСТНИКЪ.

Мнѣ тоже странно это—но, я думаю,
 Что не хотѣла передъ цѣлымъ городомъ
 Она о сынѣ плакать и ушла домой
 Рыдать о бѣдствіяхъ съ своими женами:
 Разсудокъ запретитъ ей погубить себя.

ХОРЪ.

Не знаю; но молчанье мнѣ страшнѣй
 Чѣмъ горькій плачь и сильныя рыданья.

* *Πύσας πρὸς πλῶν*: я это выраженіе перевелъ буквально, хотя многіе комментаторы разумѣютъ здѣсь только метафору. Мнѣніе ихъ кажется мнѣ литературной *pruderie*, которой странно собственное слово. Не спорю, что это очень грубо—но то ли еще найдется въ древнихъ и въ величайшемъ изъ новыхъ — Шекспирѣ?

ВЪСТНИКЪ.

Такъ посмотрю я, не сокрыла ли худое
 Намѣренье она и потому
 Войду, я въ домъ—быть-можетъ точно правда,
 И страшно это тихое молчанье.

(Уходитъ.)

ХОРЪ.

Но вотъ посмотри, самъ царь ужъ идетъ
 Въ объятяхъ съ предметомъ страданій,
 Которыхъ причина—дерзаю сказать
 Его же, его ослѣпленье.

ХОРЪ, КРЭОНЪ СЪ ТРУНОМЪ СЫНА ВЪ РУКАХЪ.

КРЭОНЪ.

Проклятье моему безумству страшному,
 Проклятье, увы!... Смотрите, передъ вами убійца
 И съ нимъ убитый—кровь его!
 Проклятье мнѣ безразсудному,
 Увы, о мой сынъ, такъ рано погибшій!
 О! о! о! о!

Ты умеръ, оставилъ ты насъ,
 Не ты виноватъ—безразсудство мое.

ХОРЪ.

О, для чего такъ поздно это видишь ты?

КРЭОНЪ.

Увы мнѣ!
 Въ несчастьи позналъ я, что нѣкій богъ
 Проклятьемъ меня поразилъ своимъ
 И въ путь заблужденья увлекъ меня;
 Увы мнѣ, прости навсегда мое счастье!
 О жребій, мучительный смертныхъ жребій!

РАБЪ (выходя изъ дому).

О, царь мой, пораженный страшнымъ горемъ
 Одно въ рукахъ твоихъ—другое скоро
 Ты встрѣтишь на порогѣ дома своего.

КРЭОНЪ.

Какое горе есть еще тяжеле?

РАБЪ.

Твоя супруга—бѣдная, погибла
Отъ материнской скорби смертью злой.

КРЭОНЪ.

О! о!

Врата кроважидныя Гадеса!...

За что, за что все возстало противъ меня....

Что говоришь ты мнѣ страшный вѣстникъ?

Что ты принесъ?... Какое бѣдствіе новое?

О! о! о! о!

Ужели къ числу всѣхъ бѣдствій моихъ

Прибавится смерть жены?

(Двери дворца открываются и виденъ трупъ Эйридики).

ХОРЪ.

Ты можешь видѣть самъ—открыть твой домъ.

КРЭОНЪ.

Увы мнѣ!

Иное, страшное горе терплю я, бѣдный,
Чѣмъ болѣе тяжкимъ судьба поразить меня?
Въ объятыхъ моихъ—мой сынъ—мертвецъ,
И вотъ предъ очами жены моей трупъ.
О бѣдная, бѣдная мать—о, дитя несчастное!

РАБЪ.

Прозивши грудь мечомъ предъ алтаремъ, она
Упала и сверкая дикими очами
Кляла и смерть святую Мегарей * и другаго
Тебя сыноубійцей называя.

КРЭОНЪ.

Увы, увы, увы!

Ужасъ объемлетъ меня—о, зачѣмъ не произилъ
Никто обоюдо-острымъ мечомъ меня?

Горе мнѣ, горе мнѣ!

Съ горемъ теперь неразрывною связацъ я цѣлью!

РАБЪ.

Что въ смерти ихъ обоихъ виновать одинъ ты,

* Мегарей, старшій сынъ Крзона, погибъ за отечество, и слѣдуя оракулу, принесъ себя за него въ жертву.

То сами мертвые сказали умирая.

КРЭОНЪ.

Какая смерть отъ мукъ ее освободила?

РАВЪ.

Сама себѣ она пронзла сердце, только вѣсть
Услышала о гибели несчастной сына.

КРЭОНЪ.

О горе мнѣ!... нѣтъ, на чужую главу
Не обращаю вины я гибели ихъ
Ибо я, я одинъ—одинъ ихъ убилъ,
Я—проклятый безумецъ!.... увы мнѣ! то правда.

Скорѣй рабы

Ведите, на крыльяхъ несите отсюда меня
Меня, который — ничтоженъ теперь.

ХОРЪ.

Одно тебѣ осталось лишь желать,
Чтобъ было кратковременнѣе горе.

КРЭОНЪ.

Скорѣй, о скорѣй!

Приди, о послѣднее изъ дѣлъ кровавыхъ моихъ *
И къ цѣли скорѣе пути моего
Приведи, о, скорѣе, скорѣе!
Да не узрять болѣе дня мои очи!

ХОРЪ.

Еще далеко это.... наше дѣло
О настоящемъ помышлять одномуъ.

КРЭОНЪ.

Но я молю о томъ, чего желаю.

ХОРЪ.

Не долженъ ты молить. Спасенья нѣтъ
Для смертнаго отъ вѣчной воли рока.

КРЭОНЪ.

Ведите же вы, несчастливца меня....
Тебя я убилъ, тебя, о дитя мое!

*Крэонъ разумѣетъ самоубійство.

Т. XXVII.—Отд. I.

И тебя—другую. Увы мнѣ, увы мнѣ!
 Какъ свѣтъ еще видятъ глаза мои.... Гдѣ утѣшеніе?

Все одѣто

Черной мглою вокругъ,—надо мною виситъ
 Нензбѣжное рока проклятье.

(Его уводятъ во дворецъ.)

ХОРЪ.

Величайшее благо изъ благъ земныхъ
 Есть: *мудрымъ быть*. Предъ закономъ боговъ
 Преклоняйся—заплатить ослушникъ его
 За безмѣрный проступокъ и карой безмѣрной,

И поздно узнаетъ

Какъ разума слушаться должно.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

=

ПРИКЛЮЧЕНІЯ,

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

I.

Часовъ въ семь вечера, проѣзжая мимо дома Памфила Федосѣевича, можно было подумать, по необыкновенному освѣщенію комнаты, что тутъ вѣрно дѣло готовится къ балу; бумажныя люстры, *изобрѣтеніе Воронова*, были во всемъ своемъ блескѣ; по угламъ лампы на треножникахъ, по столамъ подсвѣчники. Разодѣтая Степанида Ильинишна, то пройдетъ по комнатамъ и смахнетъ бѣлымъ своимъ носовымъ платкомъ, тамъ и сямъ, по столамъ и стульямъ пыль; то побѣжитъ въ дѣвичью, которая въ экстренныхъ случаяхъ обращается всегда въ буфетъ. Самъ Памфилъ Федосѣевичъ, въ какомъ-то павловскихъ временъ мундирѣ, похаживаетъ взадъ и впередъ, въ безпокойномъ ожиданіи, осматривается и охорашивается въ зеркало. Не должно забыть, что въ подражаніе престарѣлымъ вельможамъ былого времени, на немъ плюсовые сапоги; въ одной рукѣ огромная золотая таба-

керка, въ другой пестрый носовой платокъ. Въ этомъ безпокойствѣ ожиданія гостей — вельможъ новаго вѣка, и сверхъ-того литераторовъ, онъ почувствовалъ всю необходимость ассистента и досадовалъ на себя, что не сказалъ Лукьяну Анисимовичу, чтобъ пріѣхалъ по-раньше. Но Лукьянъ Анисимовичъ, легокъ на поминѣ, явился во-время, также въ мундирѣ, но девятнадцатаго столѣтія, съ двумя коротенькими, разѣхавшимися и оттопырившимися острыми фалдами сзади, въ одинъ рядъ пуговиць спереди, съ удушливымъ воротникомъ.

— Ну, радъ, что вы пріѣхали, Лукьянъ Анисимовичъ, а то меня ужъ скука взяла.

— Э, какъ вы примундирились, Памѣилъ Ѳедосѣевичъ: да вѣдь я Богъ знаетъ съ конхъ поръ не видываю васъ въ мундирѣ!

— А что, а? тряхнулъ старинной!

— Славно, ей Богу, славно; а правду сказать, прежніе мундиры какъ-то гораздо почтительнѣе.

— Чу! кто-то, кажется, пріѣхалъ!

— Кто-то пріѣхалъ!

— Гдѣ жъ Миша? что онъ сделаетъ сюда! Иванъ, позови, братецъ, Мишу!

— Сейчасъ-съ, фракъ изволятъ надѣвать.

— Степанида Ильинична! кто-то ужъ пріѣхалъ!

— Неужели? встрѣчай же! да гдѣ жъ Миша? Скажите ему!

Степанида Ильинична сѣла въ гостиной; а Памѣилъ Ѳедосѣевичъ вышелъ, въ сопровожденіи Лукьяна Анисимовича, въ залу.

Въ передней раздалось вдругъ нѣсколько юношескихъ голосовъ:

— Дома Лычковъ? — А! и ты пріѣхалъ? Куда жъ къ нему? — Сюда, наверхъ? — А! здравствуй. Не рано ли? — Я прямо изъ канцеляріи: дѣло, братецъ, чортъ бы драгъ, думалъ до полночи задержать!

— Что жъ это? Кто это? гдѣ жъ Миша? повторялъ Памѣилъ Ѳедосѣевичъ, слыша, что восклицанія въ перебой все глуше и глуше, и только крикливые голоса и топанье стали раздаваться надъ потолкомъ.

— Да что жъ это за дуракъ Миша? увелъ ихъ къ себѣ вверхъ, продолжалъ Памѣилъ Ѳедосѣевичъ, воротясь въ гостиную. Вверхъ ушли, матушка!

— Ахъ, батюшка, да придуть!

— Чу! кто-то еще прїѣхалъ!

Снова въ передней шумъ, говоръ, и снова все ушло вверхъ.

Еще кто-то прїѣхалъ, и еще, и еще; надъ залой и гостиной такая топотня, что ужасъ.

Степанида Ильинична не усидѣла, выбѣжала въ залу, гдѣ Памѣль Ѳеодосѣевичъ и Лукьянъ Анисимовичъ стояли въ недоумѣніи.

— Это Богъ знаетъ что! вскричала-было Степанида Ильинична, тамъ черти возятся!

Вдругъ кто-то подѣхалъ, Степанида Ильинична бросилась въ гостиную, дверь отворилась.

— А! Григорій Ивановичъ!...

Вслѣдъ за Григорьемъ Ивановичемъ вошла въ огромныхъ бѣлосурыхъ локонахъ полная, томная луна, водруженная на гибкій, ломящийся станъ, въ раздутомъ шелковомъ платьѣ, на крѣпко накрахмаленной шумящей юбкѣ.

— Домна Яковлевна, какъ вамъ извѣстная по своимъ сочиненіямъ.... сказалъ Григорій Ивановичъ.

— Ахъ!... за счастье поставляемъ, что вы сдѣлали честь пожаловать; покорѣйше прошу.... Степанида Ильинична!... вотъ.... Григорій Ивановичъ сдѣлалъ намъ удовольствіе....

— Я желала познакомиться съ вами.... я такъ много слышала.... произнесла дѣва-поэтъ, присѣдая передъ Степанидой Ильиничной.

— Очень пріятно, очень намъ пріятно.... покорѣйше прошу... вы проводите также время въ стихотвореніяхъ?

— Да-съ, это любимое мое занятіе.

— Это очень пріятное занятіе....

— Да-съ; имѣя способность, нельзя жертвовать ею для какихъ-нибудь пошлостей....

Домна Яковлевна не успѣла кончить рѣчи, какъ вошелъ Иванъ и далъ знакъ барынѣ, что-дескать кое-что нужно сказать.

— Извините, сказала Степанида Ильинична, выходя: — Что тебѣ?

— Михаилъ Памѣловичъ приказалъ подавать чай.

— Это что! чай? кому?

— Да тамъ много гостей у Михаила Памѣловича.

— Что жъ это онъ туда ихъ завелъ? а?

— Не могу знать-съ; только тамъ ихъ очень много; такіе все бойкіе господа.

— Скажи Мишѣ, что здѣсь....

— Кто-то прѣхалъ! сказалъ Иванъ, побѣжавъ въ переднюю.

Прѣхали Гуровы, знакомые, а потомъ еще знакомые, а вслѣдъ за этими знакомыми Саломея Петровна.

— У васъ вѣчеръ литературный, Степанида Ильинична? у васъ поэтъ извѣстный....

— Те!...

— Неужели? Ахъ, Боже мой, мы не знали!

— Покорно прошу!

— Такъ вотъ какъ!

— Ахъ, Памфилъ Ѳедосѣевичъ! что это значить, что вы въ такомъ парадѣ?

— Такъ прикажете подавать чай, сударыня?

— Подождать! здѣсь подадутъ.

— Да баринъ три раза ужъ присылалъ.

— Гдѣ жъ Михаилъ Памфиловичъ? спросила Саломея Петровна.

— Позови Мишу!

Въ гостиной происходило уже тара-бара. Дѣва-поэтъ смотрѣла на всю толпу молча, презрительно, и видя, что тутъ дѣло идетъ не о поэзіи, подозвала Григорья Ивановича и спросила его: это-то литераторы?

— Нѣтъ-съ, они всѣ наверху.

— Что жъ мы туда пойдемъ?

— Какъ можно-съ!

— Да что жъ, они сюда придутъ?

— Я полагаю-съ.

Появился Михаилъ Памфиловичъ, всѣмъ раскланялся въ гостиной.

— Помилуй, что это ты загналъ всѣхъ наверхъ? спросила его шопотомъ мать.

— Прикажете, маменька, подавать чай ко мнѣ, сказалъ онъ, не отвѣчая на ея вопросъ.

— Гдѣ жъ, братецъ, литераторы-то? спросилъ шопотомъ Памфилъ Ѳедосѣевичъ.

— Ахъ, папенька, что это вы въ мундирѣ? отвѣчалъ Михаилъ Памфиловичъ, взглянувъ на отца.

— Да какъ же, братецъ! что жъ это....

— Михаилъ Памфиловичъ, гдѣ жъ вашъ поэтъ? спросила Саломея Петровна.

— Наверху, отвѣчалъ онъ.

— Приведите его сейчасъ сюда и познакомьте меня съ нимъ, слышите ли?

— Непремѣнно-съ, позвольте только, отвѣчалъ торопливо озабоченный Михаилъ Памфиловичъ.

— Вызовите, Михаилъ Памфиловичъ, сочинителей сюда, говорила одна пожилая знакомая: ну, что они тамъ попрятались отъ людей; намъ хочется хоть взглянуть на нихъ.

— Я предложу... но нельзя же... отвѣчалъ Михаилъ Памфиловичъ; не знаю, какъ вырваться изъ гостиной на верхъ, гдѣ дѣйствительно происходилъ литературный вечеръ: одинъ поэтъ читалъ свои стихи, въ которомъ описывалъ портретъ дьявола.

— Bravo, bravo! живой дьяволъ! вотъ дьяволъ! восклицали канцеляристы, не обращая вниманія на Дмитрицкаго, который сидѣлъ въ углу на диванѣ, курилъ сигару и въ свою очередь дивился.

— Ай-да литераторы! думалъ онъ.

Одинъ изъ восторженныхъ слушателей сидѣлъ подлѣ окна, гдѣ на столикѣ горѣла лампа. Окно было отворено, дымъ валилъ въ него, какъ изъ трубы. Bravo! вотъ дьяволъ! вскричалъ онъ, и въ восторгѣ такъ ловко размахнулся рукой, чтобъ аплодировать поэту, что стоявшая лампа, какъ ракета полетѣла въ окно, и бухъ на перилы задняго крыльца. А на крыльцо въ это время вышла Степанида Ильинична, вызванная дѣвкой, послушать, что происходитъ вверху; осколки стекла, брызги масла обдали ее.

— Господи! что это такое? воскликнула она, опомнившись отъ ужасу. Миша! Миша! убили меня!... Господи! Это собрались какіе-то разбойники!

— Ахъ!... Извините, сударыня, ненарочно, отвѣчалъ голосъ изъ окна автресолей, и вслѣдъ за этимъ раздался хохотъ какъ-будто печистой силы.

Михайла Памфиловича тутъ уже не было; онъ предложилъ минимому поэту сойти внизъ, соблазнивъ его прекрасной дамой.

— Не хотите ли познакомиться съ одной изъ замѣчательныхъ московскихъ красавицъ? Вамъ вѣрно она понравится, сказалъ онъ ему.

— Кто она такая?

— Саломея Петровна Яликова.

— Большаго круга?

— Большаго.

— Богата?

— Очень богата; какъ поеть! Я попрошу ее сѣсть что-нибудь.

— Пойдемте знакомиться съ дамами: мнѣ ваши литераторы не понравились, сказалъ Дмитрицкій.

И сошелъ внизъ вслѣдъ за Михаиломъ Памфиловичемъ, который мимо отца (маменька въ это время была на крыльцѣ) подвелъ его къ Саломеѣ Петровнѣ.

Побрившись, пригладившись, въ венгеркѣ, Дмитрицкій былъ хоть куда мужчина; статенъ, смѣлъ въ движеніяхъ, съ мѣткимъ взглядомъ, за словомъ въ карманъ не ползаетъ, прикинется чѣмъ угодно, словомъ, человекъ съ надежной внутренней опорой.

Съ перваго взгляду онъ поразилъ Саломею Петровну, такъ, что у ней заколотило сердце.

Войдя въ комнату и обративъ на себя общее вниманіе, онъ устремилъ на нее какой-то непреклонный взоръ, и ей казалось, что онъ уже обнялъ ее и она не въ силахъ ему противиться.

— Я очень счастливъ, сказалъ Дмитрицкій подходя, что первое мое знакомство въ Москвѣ такъ лестно для моего самолюбія.

— Безъ-сомнѣнія это взаимно, отвѣчала Саломея, вспыхнувъ: такой у насъ гость долженъ быть всеми встрѣченъ съ радушіемъ.

— Всеми? избави Богъ, одному всѣхъ не нужно! смѣло возразилъ Дмитрицкій, но по сердцу Саломеѣ.

— Мнѣ пріятно, что и мои мысли согласны съ вашими.

Дмитрицкій сѣлъ подлѣ Саломеи, и они, не обращая ни на кого вниманія, продолжали разговоръ, между-тѣмъ какъ всѣ прочіе отделились отъ нихъ, какъ отъ жениха съ невѣстой; говорили шопотомъ, поглядывая на счастливую чету; только дѣва-поэтъ сочувствовала въ себѣ столько смѣлости, чтобы сѣсть подлѣ Саломеи и выжидать случая, чтобъ и самой начать разговоръ съ поэтомъ.

Эта сосѣдка очень не понравилась Саломеѣ; окинувъ ее прощательнымъ взглядомъ, она сказала Дмитрицкому:

— Пересядемте, пожалуйста: здѣсь такъ холодно на этихъ креслахъ.

И съ этими словами она пересѣла на маленькой двухмѣстной диванчикъ въ углу гостиной, и предложила Дмитрицкому сѣсть подлѣ себя. Это была позиція, къ которой ни съ какой стороны вѣзья было уже подойти неприятелю.

— Москва, можетъ-быть, вамъ понравится, продолжала Саломея: но люди, не знаю; до-сихъ-поръ я не встрѣчала этого.... этого.... великодушія, которое такъ свойственно человѣку.

— Великодушіе? о, это пища души! перервалъ Дмитрицкій, понявъ, что это слово должно играть важную роль въ словарѣ Саломеи. Великодушіе! я не знаю ничего лучше этого!... Какъ бы его опредѣлить?

— О, великодушіе есть рафинированное чувство!

— Именно, рафинадъ, душа моя! сказалъ Дмитрицкій про себя: именно.... о, я принимаю васъ! вы должны сочувствовать всему, сострадать о человѣчествѣ!

— Да, я очень чувствительна.

— И не говорите, это видно; я увѣренъ, что всѣ недостатки ихъ вы бы готовы были пополнить собою.

— Ахъ, какъ вы проникательны; я въ первый разъ встрѣчаю такого человѣка.

— О, не говорите; знаете ли, я радъ, что люди не совершенны; если бъ всѣ женщины были хороши, я бы невстрѣтилъ лучшей.

Эта фраза проникнула глубоко въ сердце Саломеи, и оно заговорило: вотъ человѣкъ, котораго я такъ долго и безнадежно искала. Послѣ этого, разумѣется, невольно высказалась жалоба на судьбу, что она бросаетъ человѣка въ зависимость, не соответствующую ни его уму, ни его сердцу.

Все это Дмитрицкій очень хорошо понималъ, и, разумѣется, доказывалъ, что если судьба есть такое существо, которое бросаетъ человѣка не туда, куда ему хочется; то и человѣкъ есть такое существо, которое можетъ подниматься на ноги и выходить изъ трущобы....

Въ заключеніе разговора, Саломея, чтобъ совершенно очаровать Дмитрицкаго, присѣла за фортепьяно, взяла нѣсколько аккордовъ; но почувствовала, что фортепьяно недостойно прикосновенія ея рукъ.

— Ахъ, спойте, сказалъ Дмитрицкій.

— Не могу, отвѣчала Саломея, это какіе-то древніе клавикорды! Я спою вамъ, когда вы будете у меня.

И разговоръ кончился тѣмъ, что Саломея Петровна предложила Дмитрицкому на другой же день быть у нее. Разсказавъ ей исторію ломки экипажа, и что онъ здѣсь въ ожиданіи своихъ людей безъ всего, Дмитрицкій извинялся, что въ подобномъ порядкѣ онъ не рѣшится дѣлать визиты.

— Вы будете приняты безъ церемоній, какъ свой, и я вась неизменно ожидаю.

— Вы такъ снисходительны; но мужъ вашъ можетъ принять это за невѣжество.

— О, вѣтъ, за него я могу поручиться. Притомъ же онъ, кажется, ѣдетъ завтра въ деревню.

Саломея Петровна уѣхала. Дмитрицкій остался посреди гостиной безъ компаса. Онъ вспомнилъ, что тутъ есть хозяева дома, а между-тѣмъ затруднялся узнать ихъ. Изъ стариковъ-мужчинъ, Памфилъ Федосѣевичъ болѣе всѣхъ походилъ на гостя; изъ почтенныхъ дамъ, хоть Степанида Ильинична явно суетилась и часто выбѣгала изъ гостиной по хозяйству, но одна старуха болѣе ея походила на настоящую хозяйку, хлопоча объ вѣсть, и предлагая всѣмъ сѣсть по маленькой. Однако жъ Степанида Ильинична сама вывела его изъ затрудненія. Несмотря на озлобленіе свое противъ всѣхъ московскихъ сочинителей, которые забрались къ сыну и бушуютъ у него, и на досаду за невѣжество пріѣзжаго изъ Петербурга, который не рекомендовавшись еще хозяйкѣ, любезничаетъ въ гостиной, Степанида Ильинична пошла къ Дмитрицкому.

— Очень благодарна, что вы почтили вашимъ расположеніемъ моего Мишу; сказала она ему.

— Но я могу показаться вамъ невѣжливымъ, прервалъ Дмитрицкій: пріѣхалъ въ домъ и по сію-пору не представленъ вамъ и супругу вашему; я по-крайней мѣрѣ просилъ вашего сына познакомиться меня....

— Ахъ, какой онъ! извините его разсѣянность.... Памфилъ Федосѣевичъ, вотъ нашъ гость желаетъ познакомиться съ тобою.

Дмитрицкій повторилъ свое извиненіе и передъ хозяиномъ, который въ свою очередь сталъ извиняться, что это бы дѣло хозяина; но что Миша не предупредилъ, и тому подобное.

Дмитрицкій въ нѣсколько минутъ очаровалъ всѣхъ и даже старуху, которой хотѣлось не терять времени и сыграть партію въ вѣсть.

Чтобъ хоть взглянуть на карты, онъ самъ вызвался вистовать, если только найдется партія. Партія составила изъ пожилой старушки, Дмитрицкаго, Лукьяна Федосѣевича и самѣй хозяйки. Хотѣли уже разносить карты; но, къ-несчастью, литературная дѣва, долго выжидая случая побесѣдовать съ извѣстнымъ литераторомъ, рѣшилась наконецъ обратить на себя его вниманіе что-

ніемъ послѣдняго своего произведенія наизусть. Она безъ церемоніи привязалась къ Лукьяну Анисимовичу, увлекла его въ литературный разговоръ и только-что онъ сказалъ, что ужасно любить ея стихи, особенно съ рѣзками, она тотчасъ же предложила ему прочесть стихи, откашлянувшись и начала декламировать о томъ, что чувства чувствуютъ, что душа жаждетъ, а сердце проситъ.

— Ахъ, какъ прекрасно! сказала хозяйка, изъ должнаго приличія.

— Это ничего, произнесла смѣренно литературная дѣва: если вамъ угодно, продолжала она обращаясь ко всѣмъ, я прочту вамъ маленькую поэму, которая будетъ занимательнѣе.

Пожилая старушка закашлялась отъ досады; Дмитрицкій сказалъ что-то про себя и хотѣлъ-было проходиться по комнатѣ; но литературная дѣва обратилась къ нему съ предисловіемъ.

— При васъ, сказала она, мнѣ совѣстно читать; я надѣюсь, вы будетенисходительны къ маленькому моему таланту.

— О, помилуйте, отвѣчалъ-было просто Дмитрицкій; но подумалъ, что вѣрно эта дѣва должна быть какая-нибудь литературная извѣстность, и потому почелъ за долгъ прибавить: всѣ ваши извѣстныя произведенія такъ прекрасны, что мнѣ остается заранѣе восхищаться и новымъ вашимъ произведеніемъ.

— Вамъ, вѣроятно, въ рукописяхъ доходили мои стихотворенія: я еще не рѣшалась ничего печатать, отвѣчала дѣва; я не знаю что такое печатъ, это пустяки; что прекрасно, то отпечатывается въ памяти каждаго.

— О, конечно! отвѣчалъ Дмитрицкій нетерпѣливо: непременно! Такъ позвольте прослушать.

— Я васъ должна предупредить, что поэма, сочиненная мною, взята изъ истиннаго случая, изъ жизни одной моей знакомой.... Судьба ея, точно, была удивительная, вы увидите сами.

Литературная дѣва откашлянувшись, сдѣлала движеніе въ родѣ польки, и произнесла:

Въ одной изъ деревень губерніи тамбовской....

— Я должна предупредить, сказала остановясь дѣва, что происшествіе случилось въ московской губерніи; но я отнесла его къ тамбовской; это было необходимо, потому что всѣ лица поэмы моей еще живы.. сверхъ-того, я измѣнила имена....

Въ одной изъ деревень губерніи тамбовской....
 Жиль нѣкто, коего мы имя умолчимъ,
 А назовемъ примѣрно: Полозовской....

— Полозовской? вѣрно Денисъ Ивановичъ, сказала почтенная старушка. Любопытно послушать про него; вы, стало-быть, знакомы съ нимъ.

Литературная дѣва смутилась.

— Я никакъ не думала, сказала она, что выдуманная мною фамилія существуетъ, я ее замѣню...

«И такъ разсказъ свой продолжимъ.
 Онъ былъ женатъ; его супруга
 Была подобіе и ангела и друга....»

— Ну, въ этомъ прошу извинить, я ихъ коротко знаю: всегда жили какъ кошка съ собакой.

— Ахъ, Боже мой, я не о томъ Полозовскомъ пишу, который вамъ извѣстенъ; это не Полозовскій, а положимъ, хоть Зимовскій.

— Такой и фамиліи нѣтъ во всей тамбовской губерніи; всѣ помѣщики до одного мнѣ извѣстны; можетъ-быть Сановскій, да онъ холостякъ.

— Я повторю извѣстныя стихи: «Но что намъ нужды до названья, положимъ, что звалась Малавья».

— Кто? жена-то Дениса Ивановича?.... извините!

— Это не мои стихи-съ, и не относятся къ поэмѣ, отвѣчала презрительно литературная дѣва: это стихи Дмитріева.

— Дмитріева? такъ кто жъ ихъ не читалъ?.... Прощайте, матушка Степанида Васильевна!

— Что это? Куда жъ вы?

— Пора, пора!

— Да вѣдь вы хотѣли въ вистикъ сыграть?

— Да когда жъ, матушка, мы сидимъ? въ полночь? Если играть, такъ играть; золотое время терять нечего!.... Вы играете?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Дмитріикій.

Между-тѣмъ вся публика, совокупившись въ гостиною слушать поэму, во время возникшаго спора чинно разбрелась по комнатамъ; въ гостиной осталась партія виста, да озлобленная литературная дѣва.

Хозяйка изъ приличія сказала-было ей: ужъ извините, до другаго разу; но она, ни слова не отвѣчая, крикнула:

— Григорій Ивановичъ, поѣдемте; присѣла, и вышла изъ гостиной.

— Что это за халда, матушка, выдаетъ стихи Дмитріева за свои?

— А Богъ ее знаетъ! Григорій Ивановичъ привезъ за сочинительницу стиховъ.

— Сочинительница! я тотчасъ вывела ее на чистую воду; вздумала выдавать исторію, что случилось съ Денисомъ Ивановичемъ, за свою! Вѣдь, какъ вы думаете, она увѣрена была, что здѣсь никто его и не знаетъ; а я какъ на зло тутъ.

— Какая жъ исторія случилась съ этимъ помѣщикомъ?

— И это соврала: Денисъ Ивановичъ совсѣмъ не помѣщикъ, а чиновникъ. Жена его, которую вотъ эта, кто она? назвала Маланьей, совсѣмъ не Маланья, а Матрена; исторія вышла паквильная—разошлись; а причина-то смѣху достойная. Поѣхалъ Денисъ Ивановичъ въ Москву, пробылъ тамъ, кажется, съ мѣсяцъ, да повредился, тамъ что ли, Богъ его знаетъ; только возвратившись, вдругъ ни съ того ни съ сего, еще и не поздоровавшись, говоритъ: Скажи, Матрена, слава Тебѣ, Господи, мужикъ лапотки сплелъ. — «Съ чего это ты взялъ, что я буду говорить, говоритъ Матрена Петровна». — Сдѣлай милость, скажи! — «Вотъ присталъ!» — Да скажи же, Матрена, скажи! — «Не скажу!» — Эй, говоритъ, говори, а нето плохо будетъ! — «Пошелъ ты къ чорту! говоритъ съ досадою Матрена Петровна. — Кто, я къ чорту? Такъ пошла же ты сама къ чорту! И пошелъ дымъ коромыслѣмъ; слово за слово — ссора! Насилу усовѣстили. Дѣло-то все вышло въ томъ, что въ Москвѣ Денисъ Ивановичъ начитался какой-то книги, какъ узнавать, любить жена мужа или нѣтъ.

— Какая жъ это книга? спросилъ Памфилъ Ѳеодосѣевичъ: я не слыхалъ о такой книгѣ.

— Не знаю, прибавилъ Лукьянъ Анисимовичъ.

Послали наверхъ за Михайломъ Памфиловичемъ: онъ водится съ литераторами, такъ долженъ знать; но и Михайлъ Памфиловичъ не имѣлъ объ ней понятія, и побѣжалъ справиться у гостей своихъ.

— Такъ вотъ видите ли, помиритесь помирились; да въ первый же день опять поссорились. Денисъ Ивановичъ изъ Москвы

же вывезъ какое-то новое кушанье: вишь, черепаховый супъ изъ телятины, и велѣлъ повару приготовить; ѣсть да похваляваеъ:—«Попробуй, говоритъ Матренѣ Петровнѣ, чудо!» — Поди ты, пожалуйста, съ своимъ супомъ! — «Сдѣлай милость, отвѣдай! Это такая роскошь, что на удивленіе!» — Ни зачѣмъ не отвѣдаю; я и подумать не могу о черепахѣ: это такая скверность, такъ съ души и воротить!—«Ну, сдѣлай одолженіе, попробуй! для меня! Вѣдь это изъ телятины, только называется черепаховымъ». — Ни зачѣмъ!—«Такъ ты не хочешь даже и отвѣдать?»—«Не хочу!» — «Такъ чортъ же съ тобой! да какъ хлопъ по тарелкѣ, тарелка въ дребезги, а весь супъ въ лицо Матренѣ Петровнѣ. Ну, тутъ ужъ и средствъ не было примирить; твердить одно: «Какъ, для меня даже дрянн какой-нибудь не хочетъ въ ротъ взять; да добро бы ѣсть, а то просто—отвѣдать!»

Продолженіе разсказа было прервано приходомъ Михаила Памфиловича, который объяснилъ, по сдѣланной справкѣ, что о томъ какъ перебрались мужья съ женами за лапотъ, напечатано не въ книгѣ, а въ журналѣ, называемомъ «Наблюдатель», и что повѣсть о томъ, какъ мужикъ лапотъ сплелъ, сочинилъ казакъ Луганскій. Начались сужденія, зачѣмъ сочинять такіе журналы, за которые можно сеориться, и для чего варить такіе французскіе супы, изъ всякой гадости, отъ которыхъ всякаго порядочнаго человѣка можетъ стошнить.

Между-тѣмъ наверху происходили литературныя пренія; кромѣ двухъ самобытныхъ поэтовъ, тутъ была всё образованная молодежь, читавшая ежемѣсячные журналы и почерпавшая изъ нихъ ту премудрость, которая основываетъ все на *своемъ собственномъ убѣжденіи* и на *своемъ внутреннемъ чувствіи*. Одинъ изъ нихъ вмѣсто пошлаго русскаго слова *восторгъ*, говорилъ все по-гречески: *павоось!* и это придавало его рѣчи какое-то особенное возвышенное значеніе; другой перебивалъ его вопросомъ: *позвольте, позвольте!* Какой же изъ этого результатъ? Третій говорилъ, что все это пустяки и что разсуждать не такъ должно! Четвертый останавливалъ бѣгающаго то внизъ, то вверхъ Михаила Памфиловича словами: *Чтѣмъ жъ, братецъ, не ѣдутъ твои литераторы? мнѣ бы хотѣлось прочесть моего Демона!* Михаилъ Памфиловичу ужасно какъ хотѣлось объявить, что одинъ изъ извѣстныхъ литераторовъ есть на лицо; но онъ далъ слово молчать до времени.

Литературный вечеръ кончился вверху шумной бесѣдой канцелярскихъ служителей, а внизу вистомъ.

На другой день Дмитрицкій просилъ Михаила Памфиловича, чтобъ послалъ ему нанять извозчика; Михаилъ Памфиловичъ предложилъ ему свой экипажъ, но онъ никакъ не согласился на это, и отправился въ фазтонѣ осматривать Москву и ея достопримѣчательности, только не по части археологій.

Это было на другой день; но въ тотъ же день Саломея Петровна, воротясь домой, завела разговоръ съ своимъ Ѳеодоромъ Петровичемъ о доходахъ имѣнія, и предложила ему воспользоваться хорошей погодой и, ни мало не откладывая, съѣздить въ имѣніе, покуда не начались осенніе дожди. Но Ѳеодоръ Петровичъ такъ разгѣвился, что и думать не хотѣлъ о поѣздкѣ. Упрекъ, что онъ мало занимается хозяйствомъ имѣнія, не подѣйствовалъ. Другихъ средствъ нельзя было употребить.

— Я ужъ чувствую, что и съ твоимъ имѣніемъ будетъ то же, что съ батюшкинымъ: деньги растравжиришь какъ бабушка и хоть по-міру иди.

— Чѣмъ я транжирю, Саломея Петровна?

— Да мало ли, и не пересчитаешь пустяковъ, которые ты покупаешь помянуто!

— А напримѣръ?

— Я ужъ не говорю о твоей птичей охотѣ, о брошенныхъ деньгахъ на канареекъ и соловьевъ, которыхъ ты развелъ какъ въ птичникѣ; положимъ, что это составляетъ твоё *единственное удовольствіе*; но зачѣмъ мы занимаемъ такой огромный домъ, за чѣмъ накупилъ ты эти пустыя, по дорогія вещи?

— Да вѣдь это все... сами вы, Саломея Петровна, говорите мнѣ, что нужно купить.

— Я же виновата! Кому же быть разсчетливымъ, какъ не мужу! Вдругъ шаль заплатилъ четыре тысячи рублей!

— Да вѣдь она вамъ понравилась.

— Положимъ, что мнѣ понравилась; но я ли платила деньги; вещь, которая стѣитъ много тысячу рублей, а платишь четыре!

— А я почему знаю, что стѣитъ.

— Зачѣмъ же ты берешься самъ покупать?

— Ну, покупайте сами, выйдетъ всё-равно.

— Нѣтъ, не всё-равно; если бъ я сама располагала деньгами, я бы берегла ихъ и не желала бы того, что не по состоянію.

— Да кто жъ вамъ мѣшаетъ располагать; мнѣ легче. Возьмите и деньги на расходъ.

— Давай, это гораздо будетъ лучше.

Федоръ Петровичъ отперъ бюро, выдвинулъ ящикъ съ деньгами.

— А это что жъ за деньги? спросила Саломея Петровна.

— Это.... взяты изъ опекунскаго совѣта....

— Зачѣмъ же, давно ли ты взялъ?

— Да нужно было.

— Да я желаю знать; я увѣрена, что между нами нѣтъ тайнъ.

— Да папенька просилъ на короткое время займы.

— Папенька? прекрасно! да онъ оберетъ тебя совсѣмъ! Папенька! не только мнѣ приданаго не отдашь, да еще хочешь меня обобрать! Нѣтъ, этого не будетъ! Этого я не позволю!

— Да какъ же, я общалъ.

— Скажи, что деньги у меня; пусть ко мнѣ обратится съ просьбой! Гдѣ билеты? Я ихъ къ себѣ спрячу: я вижу, что у тебя они не долго налечатъ, и придется итти по-миру!

— Я билеты отдамъ; а ужъ эти, ей Богу, Саломея Петровна, надо дать папенькѣ: онъ очень нуждается, говорить, что опишутъ все имѣнiе, если не отдастъ долгу; ужъ куда ни шли пятьдесятъ тысячъ.

— Пятьдесятъ тысячъ! что ты это! Никогда! Прожилъ свое состоянiе, да за мое хочешь приняться! Никогда этого не будетъ!

И съ этими словами Саломея Петровна взяла пукъ ассигнацій и билеты, и вышла изъ кабинета.

— Этотъ дуракъ кожу снять съ себя позволить на заплату чужаго кафтана! говорила она, запирая деньги и билеты въ свое бюро.

Этимъ день кончился; новый день Саломея Петровна начала заботой о туалетѣ. Въ одиннадцать часовъ она была уже въ гостиной убрана очень плѣнительно. Предчувствуя, что Федоръ Петровичъ будетъ только мѣшать умной и интересной бесѣдѣ ея съ поэтомъ, она выживала его изъ дому. Онъ съѣздивъ за ея необходимостями, воротился, и хотъ снова выдумывай необходимости; потому что Дмитрицкiй еще не прiѣзжалъ. Саломея Петровна успѣла найти еще порученiе; но гость на дворъ и онъ на дворъ. Можете себѣ представить ея досаду!

Дмитрицкiй влетѣлъ въ гостиную, не обращая вниманiя на прiѣхавшаго въ одно время съ нимъ и вмѣстѣ вошедшаго въ гостиную.

— Федоръ Петровичъ, нашъ извѣстный литераторъ, желалъ съ нами познакомиться, и я просила его сдѣлать намъ эту честь.

— Очень пріятно, покорѣйше прошу, сказалъ Федоръ Петровичъ, всматриваясь въ сабельку съ рядомъ разныхъ крестиковъ, на груди Дмитрицкаго.

— Да-съ, я такъ много слышалъ отъ общаго нашего знакомаго объ васъ, что желалъ непременно познакомиться съ вами, тѣмъ болѣе, что и вы служили въ военной службѣ:

— Какъ же-съ. А вы гдѣ изволили служить?

— На Кавказѣ, потомъ вышелъ въ отставку и занимаюсь моимъ любимымъ искусствомъ.

— Федоръ Петровичъ, сказала Саломея Петровна, ты бы приказалъ подать закуску.

— Сейчасъ, сказалъ Федоръ Петровичъ, и вышелъ.

Дмитрицкій поваялъ, что присутствіе мужа тяготило Саломею Петровну, и не предвидѣлъ никакого удовольствія провести время между двумя супругами.

— Я хотѣлъ раньше быть къ вамъ; но меня задержалъ странный случай... На свѣтѣ должно быть очень много угнетенныхъ нищетою.

— Что такое съ вами случилось?

— На улицѣ остановила меня дѣвушка просьбой купить у нее разныя женскія рукодѣля, ридикюли, снурочки и прочее. — «Милъ, милая моя, не нужно это.» — Купите, сдѣлайте одолженіе! сказала она умоляющимъ голосомъ: вы спасете отъ голоду цѣлую семью нашу. Мы трудимся, работаемъ, чтобъ добыть кусокъ хлѣба; но никто не покупаетъ у насъ, и хуже еще: даютъ такую цѣну, дороже которой стѣять матеріалъ. — «Велико ваме семейство?» спросилъ я. — «Матушка и четыре сестры.» Чувство сожалѣнія проникло меня, и я пожелалъ видѣть это несчастное семейство. Я былъ тамъ.

— И убѣдились въ ихъ бѣдности?

— О, очень. Безъ состраданія нельзя смотрѣть. Я отдалъ все, что имѣлъ съ собою.

— Какъ вы великодушны!

— Это обязанность каждаго человѣка; о, если бъ вы видѣли это семейство!

— Сейчасъ подадутъ, сказалъ входя Федоръ Петровичъ.

Саломея Петровна вскочила, встрѣтила его въ дверяхъ и сказала на-ухо:

— Пожалуйста не заводи разговора, извинись, что тебѣ надо ѣхать; а то онъ Богъ знаетъ сколько просидитъ и меня задержитъ; а я собралась къ Радужнымъ.

— Да вы поѣзжайте, а я съ нимъ останусь; мнѣ еще будетъ приятно провести время съ военнымъ человѣкомъ.

— Хорошо! отвѣчала съ досадою Саломея Петровна, и вышла въ залу.

Человѣкъ внесъ завтракъ; Ѳедоръ Петровичъ сталъ подчивать; Дмитрицкій выпилъ, закусь, и отъ нечего говорить сталъ спрашивать Ѳедора Петровича, гдѣ онъ служилъ, долго ли, счастливо ли, давно ли вышелъ въ отставку; а между-тѣмъ! Саломея Петровна, проникнутая какой-то ревностью, что мужъ отбиваетъ у нея гостя, съ которымъ ей такъ хотѣлось наговориться, душой котораго хотѣла бы она пополнить, напоить свою душу, алчущую свѣта ума и пламени сердца, стояла ломая руки, въ залѣ у окна и, казалось, искала и внутри и внѣ себя оружія, чтобъ не только изгнать противника изъ гостиной, но даже согнать со двора.

— Столяръ принесъ диванчикъ, который изволили заказывать, сказалъ вошедшій человѣкъ.

— А! гдѣ?... хорошо.... вызови Ѳедора Петровича: пусть онъ посмотритъ и заплатитъ деньги, сказала Саломея Петровна, и пошла въ гостиную.

— Ѳедоръ Петровичъ, къ тебѣ кто-то пришелъ.

— Сейчас! отвѣчалъ Ѳедоръ Петровичъ, занятый разговоромъ: такъ вотъ съ, я сижу, вдругъ входитъ въ военномъ сертукѣ.... человѣкъ, рекомендуется, говоритъ, что майоръ въ отставкѣ....

— Ѳедоръ Петровичъ, тамъ ждутъ тебя!

— Да вотъ я сейчасъ доскажу.

И Ѳедоръ Петровичъ досказалъ продѣлку мнимаго майора, и наконецъ извинившись, вышелъ въ залу, гдѣ встрѣтилъ его человѣкъ, съ извѣщеніемъ, что столяръ принесъ диванчикъ.

— А мнѣ-то чтѣ! нешто я заказывалъ! скажи барыни.

— Да барыня приказала вамъ сказать.

— Вотъ тебѣ разъ! гдѣ?... Ну, пусть ихъ поставятъ въ кабинетъ Саломеи Петровны, сказалъ Ѳедоръ Петровичъ, и пошелъ обратно въ гостиную.

Саломея Петровна воспользовалась и мгновеніемъ.

— Не можете ли вы доставить адресъ этой несчастной фамиліи, сказала она Дмитрицкому, по выходѣ мужа: я хочу посѣтить ее, и помочь чѣмъ только могу.

— Адресъ сего же дня доставлю вамъ чрезъ Михаила Памфиловича. Если вы намѣрены посѣтить ихъ завтра, то я предувѣдомлю.

— Пожалуйста, я буду тотчасъ послѣ обѣда, часовъ въ шесть. Вы ужь ѣдете?

— Сдѣлайте одолженіе, прошу покорнѣйше впередъ, сказалъ Ѳеодоръ Петровичъ, встрѣтивъ гостя въ дверяхъ.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Вамъ, Саломея Петровна, покойный диванчикъ привезли, сказалъ Ѳеодоръ Петровичъ, проводя Дмитрицкаго до передней.

— Знаю, отвѣчала Саломея Петровна невнимательно.

Не угодно ли и читателю посѣтить бѣдное семейство, мать, съ пятью дочерьми, которыя трудятся день и ночь, и не могутъ выработать для себя необходимаго. Вздохнемъ, и отправимся въ пріютъ нищеты.

Вотъ, на самой стрѣлкѣ между двухъ улицъ, стоитъ одностажный дряхлый домишка. На углу лавочка; съ одной улицы ворота на дворъ и калитка. Подлѣ этой калитки, около вечера, можно почти всегда застать дѣвушку — глаза мутные, взоръ неопредѣленный, щеки румяны, но румянецъ какой-то мертвенный. Она, вѣрно, помѣшанная, потому что почти всѣмъ прохожимъ говоритъ: «Что жъ, вы, господинъ, проходите мимо, не угодно ли зайти въ гости, милости просимъ.»

Къ этой-то комнаткѣ подѣхалъ на другой день въ шесть часовъ вечера Дмитрицкій, и приказавъ извозчику отѣхать вострону, вошелъ на дворъ; въ сѣняхъ встрѣтила его дѣвушка.

— Ахъ, это вы? сказала она.

— Это я, отвѣчалъ Дмитрицкій, входя въ комнату, гдѣ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями еще четыре дѣвы, съ восклицаніемъ: а! нашъ благодѣтель!

— Здравствуйте, сударь! сказала сядящая въ другой комнатѣ пожилая женщина.

— Это что! это что за роскошь! вскричалъ Дмитрицкій, взглянувъ на дѣвъ, смывая румяны! прочь варяды! Матушка! что ты не смотришь за дочками! развѣ такая бѣдность бываетъ? Ну, хорошо, что я не запоздалъ! Да прошу у меня глядѣть смиренницами!... сидѣть за работою! А вы, сударыня, Улита Роговна, насурмялись? Это что за прическа?

— Это урики.

— Ну, ну, ну, прочь урики!

— Эхъ вы, благодѣтель! сказала одна изъ дѣвушекъ, которую Дмитрицкій очень неучтиво поторопилъ переодѣваться въ другую комнату.

— К чему наставили столько свѣчей? прочь! одной съ васъ доволно. Э-ге-ге! совсѣмъ просмотрѣлъ-было картинную галерею! Долой!

И Дмитрицкій самъ сорвалъ съ гвоздей разныя картинки въ рамкахъ, и побросалъ ихъ подъ постель; стекла летѣли въ дребезги.

— Чтò жъ это вы все бьете! вѣдь это деньги стоить! сказала разгнѣвавшись пожилая женщина.

— Помилуй, матушка, прилична ли здѣсь притча о блудномъ сынѣ! съ ума ты сошла! Ай, ай, ай, трубки!... Чу! кажется, прѣхала? встрѣчай!

Маленькая новомодная колясочка, на плоскихъ рессорахъ, безъ задка и, слѣдовательно, безъ человѣка, остановилась подлѣ калитки. Дама вошла въ калитку, ее встрѣтила мать семейства, на крыльцѣ, а Дмитрицкій въ дверяхъ.

— Ахъ, и вы здѣсь? сказала Саломея Петровна.

— Я хотѣлъ самъ представить вамъ бѣдное семейство.

— Тѣмъ пріятнѣе мнѣ, что мы общимъ участіемъ поддержимъ несчастныхъ.

— Вотъ та несчастная женщина, которую кормятъ своими трудами эти дѣвушки, сказалъ Дмитрицкій.

— Это все ваши дочки? спросила Саломея Петровна, смотря въ лорнетъ на дѣвушекъ, которыя встали и потушивъ глаза присѣли: какъ трудъ истомилъ ихъ! продолжала она: — ахъ, бѣдныя!... Вы давно ужъ въ Москвѣ?

— Ахъ, давно, сударыня, ваше сіятельство, отвѣчала съ глубокимъ вздохомъ плачевнымъ голосомъ мать пяти дочерей, отирая глаза платкомъ. Мужъ померъ, оставилъ меня въ бѣдности, кормись, какъ хочешь!...

— Вы найдете во мнѣ помощь, милая, на первый разъ.... прошу принять.

— Позвольте поцѣловать ручку! Благодарите!

Четыре изъ дѣвушекъ бросились также къ рукѣ Саломеи Петровны; но одна, едва воздерживаясь отъ смѣху, выбѣжала въ другую комнату.

— Чего вы бонтесъ, миленькая? сказалъ Дмитрицкій, кинувъ на нее грозный взглядъ.

— Вотъ тебѣ разъ! буду я руку цѣловать! тихо проговорила дѣвушка.

— Одна изъ дочерей немного помѣшана, сказалъ Дмитріицкій, склонясь къ уху Саломеи Петровны.

— Ахъ, я думаю, онѣ всѣ близки къ этому; на нихъ страшно смотрѣть: какія блѣдныя лица съ впалыми щеками, какой мутный взоръ, губы синія.... Это ужасно! отвѣчала Саломея Петровна тихо. Но какъ здѣсь чисто, опрятно, продолжала она, осматривая комнату, и потомъ входя въ другую.

— Позвольте васъ, сударыня, хоть чайкомъ поподчивать.

— Въ угожденіе тебѣ я выпью чашку, сказала Саломея Петровна, садясь на стулъ и заводя разговоръ съ Дмитріицкимъ объ отчаянныхъ положеніяхъ, въ которыя люди могутъ впадать.

Между-тѣмъ какъ старухи и дѣвушки хлопотали о самоварѣ, бѣгали въ лавочку, то за водой, то за сухарями, то за сливками, Саломея Петровна могла свободно вести съ Дмитріицкимъ разговоръ, никакъ ненарушаемый.

— Чтò страданія бѣдности, говорилъ Дмитріицкій, ничего! Эти люди живутъ всё-таки посреди своихъ грязныхъ привычекъ, сыты и счастливы; истинныя несчастія не посреди этого класса людей, а въ высшемъ сословіи, посреди довольствія животнаго.... тамъ истинная бѣдность—бѣдность духа, и недостатки—недостатокъ сочувствія, недостатокъ любви.

— Ахъ, какъ вы знаете сердце человѣческое! сказала вѣ себя Саломея Петровна: и этимъ недостаткамъ ничѣмъ нельзя помочь!

— Да, кто слабъ душой, о, тотъ не вырвется изъ оковъ, въ которыя его могутъ бросить обстоятельства.... Но знаете ли.... я буду съ вами откровененъ, какъ ни съ кѣмъ въ мірѣ.... но, между нами.

Румянецъ довольствія пробѣжалъ по лицу Саломеи Петровны.

— О, вѣрно, во всякомъ случаѣ эта откровенность будетъ вознаграждена взаимной, сказала она.

— Я искалъ любви и сочувствія; но отецъ и мать требовали, чтобъ я женился на дѣвужкѣ по ихъ разсчетамъ — я женился....

— Вы женаты?

— Да, я женился; но у меня нѣтъ жены, ну, просто нѣтъ! Есть какое-то существо, которое ѣсть, пьетъ, спитъ, ходя и лежа, ничего не чувствуетъ, ни объ чемъ не мыслить; я уѣхалъ, и изнываю безъ пристанища сердцу! Кто теперь достоинъ болѣе сожалѣнія, я, или эти все переваривающіе желудки?...

— О, я васъ понимаю! произнесла Саломея Петровна, едва переводя дыханіе, и подавая руку Дмитрицкому: я васъ понимаю, и никто такъ васъ не пойметъ!

— Какъ дорого это сочувствіе! сказалъ Дмитрицкій, прижавъ крѣпко руку Саломеи Петровны къ устамъ.

— Ахъ, теперь я не въ состояннн; но въ слѣдующій разъ, когда мы увидимся, я открою вамъ и мои сокровенныя тайны и мои страданія.

— У васъ въ домѣ нашъ разговоръ не можетъ переходить въ измѣненіе откровенности, сказалъ Дмитрицкій задумчиво.

— Ахъ, да! вы это поняли.

— Понялъ. Здѣсь, сочувствуя угнетеннымъ несчастіями, мы можемъ свободнѣе сочувствовать и другъ другу.

— Ахъ, это правда, произнесла Саломея, вздохнувъ глубоко, и остановивъ томный взоръ на Дмитрицкомъ.

Допивъ чашку чаю, она встала.

— Завтра я посѣщу васъ опять; я позабочусь объ васъ. Не утомляйте себя, милыя, трудами, отдохните.

Бросивъ прощальный взглядъ на Дмитрицкаго, она вышла.

— Фу! свалилась обуза съ плечъ! Ну, прощайте! и мнѣ пора, сказалъ Дмитрицкій, потягиваясь.

— Конечно, чего жъ еще болѣе! сказала горделиво отвергнувшая честь поцѣловать руку Саломеи Петровны.

Дмитрицкій вышелъ.

II.

Дмитрицкій — разбитая голова; объ этомъ и спору нѣтъ. Большая часть читателей, вѣроятно, уже догадались, для какихъ причинъ, пользуясь чувствами великодушія, про которыя такъ много говорила Саломея, возбудилъ онъ въ ней состраданіе къ несчастному семейству, погруженному, какъ говорится, въ пучину бѣдности. Можетъ-быть догадливые читатели полагаютъ, что онъ, плѣннвшисъ Саломеей, желалъ самъ воспользоваться ея великодушіемъ? — Нисколько. Съ перваго взгляду онъ ее возненавидѣлъ и, осмотрѣвъ съ головы до ногъ, назвалъ по-латынѣ зѣбремъ. Когда же она заговорила о великодушнн, которое такъ свойственно человѣку и котораго ни въ комъ нѣтъ, разумѣтся,

крошъ ея; тогда вы помните онъ воскликнулъ: «Великодушiе? о! это пища души! Я не знаю ничего лучше этого! я понимаю васъ! Вы должны сочувствовать всему, сострадать о человѣчествѣ!»—Саломея скромно отвѣчала:—Да, я очѣнь чувствительна.

— Ахъ, ты, великодушный, чувствительный демонъ! подумалъ Дмитрицкiй.

— Скажите, пожалуйста, что за человѣкъ мужъ этой прекрасной дамы, съ которой вы меня познакомили? спросилъ Дмитрицкiй у Михайла Памфиловича, по окончанiи литературнаго вечера.

— Федоръ Петровичъ очень добрый, прекраснѣйшiй человѣкъ, отвѣчалъ Михайлъ Памфиловичъ: онъ изъ военныхъ.

— Неужели? открыто живетъ?

— О, какъ же!

— Она меня звала завтра къ себѣ, да людей моихъ нѣтъ; а мнѣ нельзя же свиной явиться въ гостиную.

— Попробуйте, не въ пору ли будетъ мой фракъ.

— Въ самомъ дѣлѣ. Можетъ-быть, чуть-чуть узокъ; но вѣдь портные говорятъ, что все что широко—ссядетъ, а что узко—раздастся.

— Поѣдемте вмѣстѣ.

— Вмѣстѣ? нельзя: мнѣ надо завтра сдѣлать нѣсколько визитовъ, и потому не могу опредѣлить именно время, когда попаду къ ней.

— Будете у кого-нибудь изъ здѣшнихъ литераторовъ?

— Разумѣется.

— Вы знакомы съ X?...

— Вчера только первый разъ видѣлъ его у васъ.

— Ахъ, нѣтъ, вы ошиблись, сказалъ Михайлъ Памфиловичъ, покраснѣвъ, онъ обѣщалъ быть, но не былъ.

— А кто жъ это такой изъ извѣстныхъ литераторовъ московскихъ былъ у васъ, причесанъ а ла мужикъ, и всё читалъ стихи о демонѣ?

— Ахъ, это Зеть; это его поэтическая фамилiя, онъ подписываетъ Z подъ стихами своими. Какъ понравились вамъ стихи его? Я хочу ихъ помѣстить въ альманахъ, который издаю.

— Не дурны, очень не дурны.

— Не правда ли, что много огня?

— Тьма! да и нельзя: демонъ безъ огня — чортъ ли въ немъ.

— Я хочу обратиться и къ вамъ съ моею просьбой; я увѣренъ, что вы не откажете украсить своимъ именемъ мой альманахъ: всѣ литераторы участвуютъ въ немъ.... что-нибудь, хоть маленькую повѣсть.

— Пожалуй, пожалуй, извольте; какую вамъ угодно повѣсть?

— Да какую-нибудь.

— Нѣтъ, для чего же какую-нибудь, вы просто скажите, какую вамъ хочется?

— Что-нибудь въ русскомъ духѣ.

— Пожалуй, съ величайшимъ удовольствіемъ, отчего жъ не сочинить.

— Какія условія угодно вамъ будетъ назначить? Я на всѣ согласенъ.

— Какія условія?

— Съ листа ли угодно будетъ назначить цѣну, или за все сочиненіе?

— Разумѣется за все. Z...., кажется, взялъ за романъ сорокъ тысячъ?

Михаилъ Памфиловичъ поблѣднѣлъ.

— Вѣдь это романъ, сказалъ онъ.

— Да, я романъ вамъ и напишу.

— Ахъ, нѣтъ, въ альманахъ нельзя помѣстить романа; какую-нибудь маленькую повѣсть.... листа въ три печатныхъ.

— Ну, за повѣсть можно взять дешевле, за повѣсть можно взять половину.

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте одолженіе по листамъ; мнѣ иначе нельзя.

— Вы что жъ полагаете за листъ?

— Двѣсти рублей.

— Только? Двѣсти рублей за цѣлый листъ кругомъ? Вы думаете, что легко исписать цѣлый листъ? Да я не возьму тысячи рублей.

— Какъ это можно, я не могу столько заплатить.

— Вы не можете? Позвольте не вѣрить! Составляетъ ли это счетъ для васъ! Неужели вы перебиваетесь?

Самолюбіе Михаила Памфиловича затронулось словомъ *перебиваетесь*; онъ ужасно боялся, чтобъ про него не только сказали, но и не подумали, что онъ бѣдный человѣкъ.

— Помилуйте, отвѣчалъ онъ съ выраженіемъ, что ему не по-

чемъ деньги: я не потому говорю, чтобъ мнѣ составляло это какой-нибудь особенный счетъ, но.....

— Ну, вотъ видите ли, прервалъ Дмитрицкій: я увѣренъ, что вы сами не рѣшитесь иначе за перо взятыся. Неправда ли?

Если бѣ Михаилъ Памфиловичъ былъ уже самъ лично сочинитель, и если бѣ онъ помѣстилъ уже какую-нибудь статейку въ какой-нибудь ежемѣсячникъ, то вѣрно бы подумалъ съ значительной улыбкой: «Да, я — это дѣло другое»; но онъ только еще писалъ разные проекты, и мнѣнія объ разныхъ улучшеніяхъ по разнымъ частямъ челоуѣколюбія, писалъ какъ пишутъ великіе люди, поручая писать за себя людямъ, умѣющимъ писать и знающимъ дѣло. Проекты эти онъ читалъ сперва папенькѣ и удивлялъ его всеобъемлющимъ умомъ своимъ, бралъ съ него деньги на переписку проектовъ отличной рукой для представленія высшему начальству.

— Помылуй, братецъ, говорилъ папенька: неужели ты платишь за переписку такъ дорого?

— Да какъ же, папенька, вѣдь этого нельзя поручить какому-нибудь писарю; мнѣ переписываетъ чиновникъ.

— А, это другое дѣло, говорилъ папенька, и выдавалъ ему на переписку какой-нибудь тетради ту сумму, за которую сочинялся проектъ, напимѣръ о томъ, какъ искоренить нищихъ.

Написавъ проектъ, Михаилъ Памфиловичъ дѣлалъ обѣдъ, приглашалъ всѣхъ своихъ сослуживцевъ и всѣхъ сочленовъ и читалъ проектъ. За прекрасный обѣдъ и предварительныя угощенія, всѣ находили проектъ вообще очень замѣчательнымъ; но въ частяхъ одинъ совѣтовалъ то исправить, другой другое, третій третье; а Михаилъ Памфиловичъ находилъ, что замѣчанія каждого очень справедливы, что проектъ, дѣйствительно, по мнѣнію одного должно исправить, по мнѣнію другаго пополнить, по мнѣнію третьяго сократить, по мнѣнію четвертаго пояснить и распространить. Но свести эти мнѣнія было гораздо труднѣе, нежели выдумать новый проектъ; и потому всѣ проекты Михаила Памфиловича послѣ обѣда даннаго сочленамъ, поступали въ портфель для храненія.

Все это было причиной, что Михаилъ Памфиловичъ умѣлъ цѣнить чужія сочиненія, и былъ необыкновенно какъ доволенъ замѣчаніемъ извѣстнаго петербургскаго литератора, который будучи извѣстнымъ литераторомъ, взялъ его въ сравненіе съ собою.

— Я ничего еще не издавалъ въ свѣтъ, отвѣчалъ онъ скромно: я писалъ по большей части проекты и мнѣнія, которые, я увѣренъ, пойдутъ въ ходъ, особенно проектъ о распространеніи просвѣщенія во всѣхъ сословіяхъ народа.

— О, я понимаю тотчасъ, что вы государственный человѣкъ: проектъ о распространеніи просвѣщенія во всѣхъ сословіяхъ — это не шутка! это всё-равно, что одно сословіе вылечить отъ куринной слѣпоты, другому снять съ глазъ катаракты, третьему спустить темную воду, и такъ далѣе, — это не шутка! Такъ мы дѣло кончили?

— Я согласенъ; по напечатаніи книги я немедленно вамъ доставлю чтò будетъ слѣдовать.

— Э, нѣтъ, лучше впередъ; такъ я ужъ и присяду.

— Мнѣ, впрочемъ, всё-равно; но теперь у меня на лицо нѣтъ столько денегъ; куда позволите отдать половину.

— Хорошо; повѣсть въ четыре листа; такъ двѣ тысячи.

— Нѣтъ, не болѣе двухъ листовъ; потому что ужъ и такъ альманахъ слишкомъ великъ.

— Полноте, пожалуйста! Книга чѣмъ толще, тѣмъ лучше; это извѣстное дѣло. Такъ двѣ тысячи.

Михаилъ Памфиловичъ не умѣлъ отговориться.

На другой день онъ объявилъ отцу, что купилъ для своего альманаха у петербургскаго извѣстнаго литератора чудесную повѣсть за пять тысячъ рублей, и что ему тотчасъ же надо заплатить.

— Помилуй, Миша, чтò ты это, съ ума сошелъ? За повѣсть пять тысячъ рублей! да ты меня разорилъ совсѣмъ!

— Чтò за дорого, папенька; вы знаете, чтò значить имя извѣстнаго литератора; я напечатаю тысячу двѣсти экземпляровъ, по десяти рублей — вотъ вамъ и двѣнадцать тысячъ; да я еще думаю напечатать два завода — ихъ тотчасъ расхватаютъ; а это составитъ двадцать четыре тысячи!

— Ой? правда ли?

— Ей Богу!

— Тò-то, братъ, въ такомъ случаѣ пять тысячъ не брошенныя деньги; да у меня теперь на лицо только и есть, что три тысячи; развѣ билетъ опекунскаго совѣта.

— Это всё-равно.

Получивъ деньги, Дмитрицій, какъ вы помните, отправился обзрѣвать Москву въ наемномъ фазтонѣ, распорядился богатой

экипировкой въ магазинѣ готоваго платья на Тверской, завѣлся на великой фабрикѣ париковъ, разспросилъ извозчика кое-о-чемъ, съѣздилъ кое-куда, и познакомился съ семействомъ, погруженнымъ въ бездну нищеты и, наконецъ, часу въ третьемъ, прибыль, какъ вы помните, съ визитомъ къ Саломеѣ Петровнѣ.

Супругъ ея, Ѳеодоръ Петровичъ, ему очень понравился.

— «Эхъ, братъ, чортъ тебя женилъ на Саломеѣ Петровнѣ, ду-малъ онъ, слушая рассказы его про службу: я готовъ прозакладовать голову, что ты съ удовольствіемъ проигралъ бы мнѣ въ банчикъ тысячу десятокъ, если бъ не помѣшала жена. Худо, братъ, сдѣлалъ, что женился: Жаль! Эта баба изведетъ тебя, такъ изведетъ, что умирать нечему будетъ.... Нѣтъ, другъ, ужъ извини, я этого спосить не могу! Я ее приберу къ рукамъ, я ее вышкочю!...

Эти мысли прервала приходомъ своимъ Саломея Петровна, и вы помните, какъ и куда направилъ онъ ея благодѣтельное, великодушное сердце. — Послѣ перваго свиданія съ ней у несчастной матери, имѣющей на рукахъ пять дочерей, Дмитрицкій имѣлъ второе свиданіе. На второмъ свиданіи назначено было третье; но уже не у несчастнаго семейства. Отправляясь домой, Дмитрицкій былъ внѣ себя отъ досады.

— «Негодная бабенка! говорилъ онъ: ну, глупъ братъ ты, Ѳеодоръ Петровичъ! имѣть такой капиталъ и положить его въсто опекунскаго совѣта въ Саломею Петровну! Лучше бы поставить на карту, по-крайней-мѣрѣ, рискъ благородное дѣло; а то чортъ знаетъ что: Саломея Петровна!... Нѣтъ, душа моя, Саломея Петровна, этого я не перенесу; это, просто, бѣситъ меня, взбунтовало всю желчь!.... Извини, тебя поздно учить, а надо проучить! ѣдемъ со мной, ѣдемъ, непременно ѣдемъ!.... Въ Москвѣ намъ дѣлать нечего, я тебя прокачу на югъ.... Тамъ, радость моя, чудо что за природа: какія тамъ дыни-мелони, что за виноградъ, я тебѣ скажу!.... Скажи, пожалуйста! Въ полгода, отъ двухъ-сотъ пятидесяти тысячъ, осталось только сто двадцать. Какое? Дуракъ, Ѳеодоръ Петровичъ! въ остальные полгода она похеритъ и остальные! Нѣтъ, мечта! не позволимъ!.... Денегъ Ѳеодору Петровичу такъ или иначе, а ужъ не видать въ своемъ карманѣ; но по-крайней-мѣрѣ у него останутся души въ цѣлости. Ѣдемъ, Саломея Петровна, ѣдемъ!»

Разсуждая такимъ образомъ, Дмитрицкій распорядился насчетъ

дорожного дормеза, найма лошадей, а, главное, вѣрнаго и надежнаго человѣка, непременно изъ иностранцевъ.

— Вы уѣзжаете? спросилъ его Михаилъ Памфиловичъ.

— Да, мнѣ давно пора ѣхать, насилу дождался моего камердинера съ экипажемъ. Повѣсть вы получите въ скоромъ времени по почтѣ.

Распростившись съ Михаиломъ Памфиловичемъ, Дмитрицкій, подобно Федору Петровичу, въ одинъ прекрасный вечеръ, подъѣхалъ къ голлицынской галереѣ, подалъ у подъѣзда руку какой-то дамѣ въ вуалѣ, посадилъ ее въ карету, сѣлъ самъ и — наши поѣхали.

— Не забыла ли ты, душа моя, подорожную? спросилъ онъ прежде всего у дамы.

— О, нѣтъ, я ничего не забыла.

— И сердце, полное любовью, съ тобой?

— О, вотъ оно, вотъ! чувствуешь, какъ бьется?

— «Худо уложено, возлюбленная моя! подумалъ Дмитрицкій: въ дорогу должно такъ укладывать все, чтобъ не билось.»

На заставѣ записали подорожную: Федоръ Петровичъ Яликовъ, съ супругой, въ свое помѣстье.

III.

До-сихъ-поръ мы познакомились съ сносными людьми; теперь познакомимся съ несноснымъ человѣкомъ — съ жилой. Знаете ли вы людей, которыхъ называютъ жилами. Въ самомъ зарожденіи своемъ, это полипы въ человѣческой формѣ. Только-что выключутся изъ яйца, мозглявые съ виду, какъ сморчки, они уже тянуть жилы неестественнымъ своимъ крикомъ; спокойны только тогда, когда сосутъ грудь, сосутъ до-суха. Глаза и руки у нихъ тянутся ко всему, все подай, или бѣги отъ крику. Избави Богъ быть братомъ или сестрой жилы, не приведи Богъ быть товарищемъ и сослуживцемъ жилы, отклони Богъ всякую быть женой жилы, и всякаго быть дѣтищемъ жилы.

Изъ этого числа людей былъ Филиппъ Савичъ, помѣщикъ кievской губерніи. Имѣя самую слабую и хилую комплекцію, онъ выжилилъ наконецъ себѣ тучное здоровье; не имѣя въ себѣ ни-

чего, что бы могло нравиться женщинѣ, онъ выжилилъ любовь; не имѣя состоянія, выжилилъ жену съ состояніемъ. Когда нечего ему было житья, душа его наполнялась какимъ-то безпокойствомъ, озлобленіемъ, и тогда онъ привязывался къ женѣ, къ дѣтямъ, къ людямъ, и жилилъ спокойствіе всѣхъ домашнихъ. Но наконецъ, по какимъ-то актамъ, онъ привязывался къ сосѣдскому имѣнію, и посреди удачи тяжбныхъ заботъ оставилъ въ покоѣ жену, дѣтей и домочадцевъ; и была въ домѣ тишина ненарушимая и всему воля. Стали даже завидовать счастію Любови Яковлевны, несмотря на то, что по болѣзненному состоянію здоровья она была уже сидѣнь. Она одна, своимъ умомъ и сердцемъ заботилась и о дѣтяхъ.

Естественные и, слѣдовательно, законные гувернёры и гувернантки — сами родители; исключая, разумѣется, неизбѣжныя необходимости замѣненія — смерть и болѣзни; но къ числу болѣзней приписалась и лѣнь и беззаботность, и навѣкъ къ бездѣлю, и привычка загребать жаръ чужими руками, и, наконецъ, пріятность застраховать себя, тысячи за двѣ, за три въ годъ, отъ труда воспитывать дѣтей и наблюдать за ихъ тѣломъ и душой.

Слѣдуя потребностямъ времени, Филиппъ Савичъ, для французскаго языка, принялъ на хлѣбы мадамъ Воже, старую Французенку, болтовню, современницу того времени, когда во Франціи все *загуляло*, перепислось, передралось и все перебило. Но отъ ужасовъ вакханалій она эмигрировала; впечатлѣнія ея сосредоточены были на счастливое время перваго разгула.

Мадамъ Воже также вкусила отъ сладости плода внушающаго побужденіе любить и несмотря на то, что прибыла въ Русь что называется уже подъ всходъ дня, и приняла на свое попеченіе Георгія, не болѣе какъ двѣнадцатилѣтняго, она возчувствовала къ нему особенную нѣжность, и стала откармливать для себя сладкой пищей. Присовѣтовавъ Филиппу Савичу учить и воспитывать сына дома, она угодила этимъ чувству матери, которая, какъ и всѣ, не любила мысли о разлукѣ съ единственнымъ и любимымъ сыномъ. Принявъ всѣ заботы о управленіи воспитаніемъ Георгія на себя, мадамъ Воже постепенно распаяла воображеніе юноши, понятіями о какой-то любви и нѣгѣ. Холодный отецъ не умѣлъ ласкать, болѣзненная Любовь Яковлевна любила сына, но въ ней чувство нѣжности давно завяло; и потому нѣжность и ласки мадамъ Воже, передаваемые ему вмѣстѣ съ французскимъ языкомъ, для него были соблазнительны.

Отец и мать считали Георгія ребенкомъ; но мадамъ Вождь развивала въ немъ чувства возмужалости, льстила самолюбію юноши, и между-тѣмъ искусственнымъ образомъ часть-отъ-часу молодѣла и снова принялась за образованіе своей немного распущенной талии, посредствомъ корсета.

Когда Георгій вступилъ въ возрастъ юноши, мадамъ Вождь приступила къ послѣднему курсу; онъ хорошо уже говорилъ по-французски; но еще не зналъ разговора о любви.

Сначала лаская его страстно, она говорила:

— Вотъ какъ должна тебя любить мать!

Приобрѣтя материнское право цѣловать его, она говорила ему:

— О, какъ ты пламененъ, сколько въ тебѣ нѣжности! Знаешь ли ты, что я сама любима въ первый разъ, такъ какъ ты меня любишь!

И она отирала глаза платкомъ и жаловалась на судьбу, что первая ея молодость погибла въ буряхъ и въ невѣдѣніи истинной любви.

— У меня не было друга; будь ты моимъ другомъ, но тайно, чтобъ никто не позавидовалъ моему счастью.

Эта высокая оцѣнка чувствъ юноши, и вызовъ на таинственную дружбу, пріятно возмутили наклонную къ мечтательности душу Георгія. Не понимая еще вопіющаго неравенства лѣтъ, онъ видѣлъ въ этой дружбѣ сочувствіе душъ.

Возбуждая въ молодомъ сердцѣ Георгія жажду любви, пожилая ея превращалась въ источникъ и выжидала минуты, когда юноша бросится въ него утолить палящую внутренность. Это желаніе было уже въ ней непреодолимой страстью.

Когда въ пылу своихъ замысловъ, она думала, что уже время замѣнить нѣжность дружбы и ласки, нѣжностью любви и корытвищи страсти, Георгій, какъ испуганный, не зналъ куда бѣжать отъ нея.

Природу можно обмануть только одинъ разъ. Этого не рассчитала мадамъ Вождь. Она сначала думала, что только дѣвственная скромность заставляетъ юношу убѣгать отъ нея. Нѣжными и томными взорами покоренной невинности смотрѣла она на Георгія, какъ на побѣдителя, и — казалось говорила: «Я твоя!»

— О, какъ ты хорошъ, мой Георгій! произнесла она однажды, тихо склонясь на плечо Георгія: Георгій, взгляни на меня! прибавила она взявъ его за руку; улыбнись мнѣ... о, какъ ты очарователенъ!

Она хотѣла обвить его рукою; но Георгій вспыхнулъ, оттолкнулъ руку, вскочилъ съ мѣста и вышелъ вонъ.

Это было первое невниманіе къ словамъ воспитательницы и первая дерзость, оказанная ей ученикомъ; но она перенесла ее, пошла вслѣдъ за нимъ, зоветь его къ себѣ. Георгій какъ-будто не слышитъ.

— Это чтò значить, Георгій? За мои попеченія, за мою любовь, ты огорчаешь меня?

Георгій проходитъ мимо.

— Георгій, ты меня терзаешь! ты приводишь меня въ отчаяніе!

Георгій вырвалъ руку, которую она схватила, чтобъ удерживать его.

— Ахъ, умираю! вскричала она наконецъ: Георгій, я умираю! доведи меня....

Но Георгій уже ушелъ.

Всѣ эти сцены происходятъ, какъ говорится, подъ носомъ отца, матери и всего дома; но никто не зналъ объ нихъ.

Мадамъ Вожѣ въ отчаяніи, не понимаетъ причины внезапной переменны въ Георгіи, хочетъ принять тошъ строгой воспитательницы; но боится, что раздраженный молодой человѣкъ откроетъ ея замыслы отцу и матери.

— О, тутъ есть какія-нибудь постороннія причины! думаетъ она: онъ такъ былъ очарованъ, такъ любилъ меня!

И мадамъ Вожѣ начинаетъ замѣчать за Георгіемъ. Одна старая дѣвушка, Юлія Павловна, подруга молодыхъ лѣтъ Любови Яковлевны, часто бывавшая въ домѣ, болѣе всего наводитъ подозрѣніе мадамъ Вожѣ.

— О, не даромъ эта нѣжность къ Георгію и поцѣлуи!... она цѣлуетъ его какъ ребенка!... А между-тѣмъ этотъ ребенокъ очень понимаетъ, чтò такое значать поцѣлуи.... и я такъ была глупа, что меня провѣлъ молокососъ!...

Въ понятіяхъ мадамъ Вожѣ, Георгій представлялся самымъ утонченнымъ демономъ соблазна.

Рѣшивъ такимъ образомъ, мадамъ Вожѣ вспыхнула ревностію къ Юліи Павловнѣ, которая всё-таки была двадцатью годами моложе ея.

Когда Юлія Павловна приходила въ гости или гостила, мадамъ Вожѣ тайно слѣдила за каждымъ шагомъ Георгія, наблюдала взоры, прислушивалась къ разговорамъ; право Юлія Павлов-

ны ласкать Георгія давно уже сердце мадамъ Воже, и она всегда говорила ему, что неприлично позволять себя цѣловать дѣвушкамъ, что онъ ужъ не ребенокъ. Это было причиною, что Георгій, чтобъ избѣжать ласкъ Юліи Павловны, избѣгалъ самой ея. Но когда, напротивъ, по собственному чувству отвращенія, онъ сталъ избѣгать мадамъ Воже, тогда какъ-будто на зло ей онъ радъ былъ присутствію Юліи Павловны и почти не отходилъ отъ нея; то предлагалъ мотать ей шерсть, то предлагалъ читать ей книгу, то звалъ ее играть съ собой въ пикетъ и прочее.

Подобныя небольшія перемѣны погоды въ отношеніяхъ между обычными членами семейства никому не замѣтны, потому что на нихъ не обращаетъ никто вниманія. Нѣтъ опасенія, нѣтъ и стражи. Никто въ домѣ, такъ-сказать, и не чувствовалъ уклоненія четырнадцатилѣтняго Георгія отъ ласкъ Юліи Павловны; только она нѣсколько замѣтила, потому что это до нее касалось, и потому что она любила дѣтей подруги своей молодости, въ которой нѣкогда мечтая о замужствѣ и о будущемъ, условилась — если Богъ дастъ дѣтей — породниться. Оставшись навѣкъ заштатной дѣвой, она любила Георгія, какъ жениха воображаемой своей дочери.

Часто въ бесѣдахъ съ Любовью Яковлевной, она вдругъ прослезится и начинаетъ жаловаться на свою судьбу, что Викторъ Андреевичъ (предметъ ея первой и послѣдней любви) непременно женился бы на ней, если бъ ея папенька принималъ его ласково въ домъ.

— Пришла же охота горевать, Богъ знаетъ о чемъ! говорила ей всегда Любовь Яковлевна.

— Да, хорошо тебѣ, какъ ты за-мужемъ! всегда отвѣчала съ укоромъ Юлія Павловна.

— Чтѣ жъ, счастлива ли я?

— Ты хоть чѣмъ-нибудь счастлива; у тебя дѣти; какое же еще нужно счастье?

— Какое? — произносила вздыхая Любовь Яковлевна: — э-хе-хе! не знаешь ты горя... такъ надо его выкопать изъ-подъ спуду; да добро бы это вѣрно было, что Викторъ Андреевичъ женился бы на тебѣ; а то Богъ знаетъ и думалъ ли онъ.

— Нѣтъ ужъ, очень думалъ! возражало обиженное самолюбіе Юліи Павловны. Я знаю, что думалъ; охота бы ему набиваться на знакомство въ домъ; и лучше бы нашего дома нашелъ, да не хотѣлъ; стало быть было намѣреніе. Да и я, какъ-будто та-

какая еще дура была, что не могла понять намѣренія челоуѣка!... Вольно жъ было папенькѣ отгучить его отъ дому!... Это ужасно!... потому что молодой челоуѣкъ, такъ и никакого вниманія не должно оказывать!... Только и компаніи что старики!... по-неволѣ останешься въ дѣвкахъ!...

— Правда, что онъ очень мало въ этомъ случаѣ былъ расчетливъ.

— Да какъ же, у меня бы тепѣрь непременно была дочь, Людмила.... Невѣста твоему Георгію.... Помнишь, ты сказала: у меня непременно будетъ первый ребенокъ — сынъ Георгій. Ты сдержала свое слово; а я....

Тутъ Юлія Павловна принималась проливать слезы.

Вотъ исторія ея отношеній и ласкъ къ Георгію.

Когда послѣ долговременнаго невниманія, Георгій вдругъ сталъ садиться подлѣ Юліи Павловны, разговаривать съ ней, ходить съ ней по саду, прислуживать, и, словомъ, находить около нея пріютъ отъ преслѣдованій мадамъ Воже; тогда въ мадамъ Воже заговорило чувство изступленной ревности. А Юлія Павловна, замѣчая, что Георгій угождаетъ ей, почти не отходитъ отъ нее, вообразила, что онъ въ нее влюбился.

— Ахъ, Боже мой, думала она: неужели въ немъ такъ рано развилось чувство любви?

Надо замѣтить, что Юлія Павловна провела свою молодость съ старымъ суровымъ отцомъ, и съ-роду не случалось ей испытать на себѣ, какъ любить мужчины и какъ волочутся за дѣвушкой; рассказы и женскія *повѣрья* — не составляютъ опытности. Она была вполне невинна и душой и тѣломъ; но часто мысль о любви тревожила, томила ее, какъ жажда; ей хотѣлось любить. Внезапное вниманіе Георгія и желаніе его быть съ нею, поразило ее своею новостью, тѣмъ болѣе, что впродолженіи двухъ лѣтъ равнодушія, онъ выросъ и далеко ушелъ отъ того Георгія, котораго она на четырнадцатомъ году возраста еще миловала какъ ребенка.

— Боже мой, Боже мой! думала она: это удивительно! Какимъ же это образомъ, вдругъ, такой неожиданный переворотъ?... Онъ только и находить удовольствія что быть со мною.... Кажется, мадамъ Воже это замѣтила... она такъ странно смотреть, улыбается, когда застанетъ Георгія со мною; а онъ поминутно краснѣеть.... Теперь только начинаю я все припоминать.... онъ вѣрно давно влюбленъ въ меня, и скрывалъ, боялся, чтобы не

замѣтили этого, и убѣгаль отъ меня?... Точно!... припоминаю; онъ вдругъ перемѣнился ко мнѣ.... я этого тогда не поняла.... но наконецъ страсть развилась въ немъ.... Бѣдный Георгій!... Ахъ, это предназначеніе! сердце его ищетъ во мнѣ Людмилу.... Когда онъ смотритъ на меня, мнѣ кажется, что глаза его говорятъ: подай мнѣ дочь свою, мою суженую Людмилу, или я влюблюсь въ тебя!....

Чѣмъ болѣе Юлія Павловна думала, тѣмъ болѣе убѣждалась, что Георгій влюбленъ въ нее, и ей стало страшно.

Послѣ этого открытія, при первой встрѣчѣ съ Георгіемъ, она вспыхнула, не знала что говорить, чувствовала неловкость, боялась съ нимъ остаться наединѣ, краснѣла, когда мадамъ Воже входила въ комнату, и, наконецъ, не зная, какъ скрыть свое смущеніе, ушла домой, жалуясь на головную боль.

Постоянно веселое расположение духа Юліи Павловны вдругъ исчезло. Бывало, съ возстаніемъ отъ сна до сна грядущаго, она языка не положить, всѣхъ въ городѣ обойдетъ рундомъ, справится о здоровьѣ и о дѣлахъ каждаго, извѣдаетъ всю подноготную, кто какъ думаетъ, что говоритъ, что всѣ думаютъ и говорятъ объ этомъ, и какъ бы она думала, словомъ—соберетъ пренитересную журнальную мысль, и издаетъ ее изустно въ свѣтъ. Несмотря на строгій критическій взглядъ на предметы, ее всѣ любили, особенно Любовь Яковлевна, и по старой дружбѣ и по удовольствію раздѣлять съ ней свое время.

Состояніе ея заключалось въ оставшемся послѣ отца небольшомъ домикѣ, который она отдавала въ наймы, занимая сама мезонинъ; — небольшого дохода съ дома ей было очень достаточно, тѣмъ болѣе, что она, можно сказать, постоянно жила у Любови Яковлевны; Любовь Яковлевна не могла безъ нее дня провести.

Когда роковая тайна сердца Георгія заставила Юлію Павловну уйти домой, другъ ея передъ вечеромъ прислала къ ней провѣдать о здоровьѣ и просить къ себѣ; но Юлія Павловна, какъ неизможенная, лежала уже въ постелѣ; ее пожирали сладостныя и горестныя думы о любви Георгія.

Старушка Ивановна ужасно какъ надоѣла ей, — не даетъ ни минуты уединенія, все пристааетъ, чтобъ она выпила хоть чашечку липоваго цвѣту.

— Да выкушайте, барышня, пропотѣете немножко и все пройдетъ. Ужъ я вижу, что у васъ лихорадка, вѣрно простудились

какъ-нибудь; вчера ввечеру сыренько было, а вы вѣрно въ саду чай пили. Да выкушайте же, барышня! Какъ рукой сниметь; а то избави Богъ — привяжется....

— Да отстань, Ивановна! Сказала, что не буду пить! Дай мнѣ спокойно полежать, поди-себѣ!

— Тѣ-то и есть, что вы упрямы стали, а ужъ это худой знакъ!

Чтобъ отдѣлаться отъ Ивановны, Юлія Павловна должна была притвориться спящею; но она забылась только передъ сѣвтомъ. Сонъ ея былъ страшенъ; ей снилось, что снова отецъ и мать делятъ ея юность, и она не отходитъ отъ зеркала, всё любитъся на красоту свою и нарядъ невесты. Вдругъ является молодой человекъ, ея женихъ—это Георгій, она хочетъ подойти къ нему, но отецъ въ образѣ мадамъ Вождѣ, говоритъ вдругъ:— «Позвольте! чтѣ это значитъ? извольте садиться по угламъ!» Бѣдная Юлія садится въ уголъ, со слезами украдкой смотритъ на сидящаго въ другомъ углу Георгія и терзается всѣми мученіями страшной разлуки. Но мать сжалилась надъ дочерью, и въ то время, какъ отецъ отвернулся, беретъ руки Юліи и Георгія и соединяетъ ихъ. — «Позвольте, это чтѣ такое?» восклицаетъ отецъ. — Молодые, — отвѣчаетъ мать. — «А, это дѣло другое», говоритъ отецъ, и предлагаетъ Георгію понюхать табачку. Георгій отказывается, увѣряетъ, что не нюхаетъ; но Юлія Павловна шепчетъ ему:—Понюхай, другъ мой, не отказывайся, а нето папешка разсердится и выживетъ тебя изъ дому! — Георгій нюхаетъ. — «Вотъ люблю, говоритъ отецъ: люблю покорность! Если есть носъ, отчего жъ не понюхать, особенно когда старшіе предлагаютъ». Между-тѣмъ собираются со всѣхъ сторонъ гости и поздравляютъ Юлію Павловну, съ счастливымъ вступленіемъ въ бракъ; начинаются танцы съ котильона; молодые танцуютъ вмѣстѣ, и въ то же время поминутно выбираютъ другъ друга. Юлія Павловна счастлива, носится по воздуху. Георгій то и дѣло подходитъ ее ангажировать. Послѣ танцевъ наступаетъ внезапно ночь. Юлія Павловна боится потерять Георгія, крѣпко держитъ его въ объятіяхъ, и съ нетерпѣніемъ ждетъ разсвѣта. Вотъ разсвѣтаетъ, разсвѣло; Юлія Павловна смотритъ—на рукахъ у нея не Георгій, но прелестная дѣвушка, совершенное подобіе Георгія, точно какъ Георгій переодѣтый въ женское платье.

— Ахъ, Боже мой, я тебя не узнала! говоритъ Юлія Павловна, цѣлуя дѣвушку.

- Неужели, маменька, не узнали? свою Людмилу не узнали?
- Людмила! съ содроганіемъ повторяетъ Юлія Павловна:
а гдѣ же Георгій?
- Онъ дома, я сейчасъ была у Любови Яковлевны.
- Вы видѣлись? вскрикиваетъ Юлія Павловна.
- Видѣлись.
- О, Боже мой, что я сдѣлала! зачѣмъ я дала клятву Любенькѣ утвердить нашу дружбу союзомъ Людмилы съ Георгіемъ!... Нѣтъ, это не можетъ быть!...
- Какъ, маменька, вы сами желали....
- Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! это не можетъ быть!
- Да почему же, маменька? я умру, сказала Людмила, залившись слезами.
- Лучше умри! этого не можетъ быть!
- Да почему же? маменька, душенька!
- Это тайна, страшная тайна!

И Юлія Павловна, всплеснувъ руками, бѣжитъ къ Любови Яковлевнѣ; Людмила бѣжитъ вслѣдъ за нею.... Вотъ прибѣжали въ домъ. Любовь Яковлевна и Георгій бѣгутъ на встрѣчу имъ. Георгій бросается въ объятія Людмилы; а Любовь Яковлевна обнимаетъ, цѣлуетъ безъ памяти Юлію Павловну.

— Пустя, пусти меня, я не согласна! этого не можетъ быть! кричитъ Юлія Павловна, вырываясь изъ объятій, но не въ силахъ вырваться; Любовь Яковлевна оковала ее руками; а между тѣмъ Георгій цѣлуетъ, обнимаетъ Людмилу.

— О, пусти, союзъ ихъ не можетъ состояться.... Прочь, Георгій, отъ Людмилы!

— Какъ прочь! говоритъ Любовь Яковлевна: это почему, а клятва?

— Этого не можетъ быть!

— Почему не можетъ быть?

— Это страшная тайна! пусти меня! они уйдутъ! они уходятъ! Георгій! Георгій! Людмила дочь твоя!... Они ушли! О, я погибла!

Юлія Павловна вырвалась изъ объятій Любови Яковлевны, хочетъ бѣжать за Георгіемъ и Людмилой; но ноги ей не служатъ, и она падаетъ на колѣна передъ матерью Георгія и умоляетъ догнать его, вырвать изъ объятій Людмилы.

— Договни, договни! повторяетъ она, ползая на колѣнахъ предъ нею: я тебѣ все открою: твой Георгій мужъ мой, Людмила дочь его!...

— Матушка, барышня, что съ тобой? кричитъ Ивановна, сбѣгая въ комнату Юліи Павловны, и обхвативъ ее руками.

— О, пусть, я сама умру; только догони ихъ, догони! повторяетъ въ бѣду Юлія Павловна.

Ивановна плачетъ надъ ней.

— Говорила я, чтобы выпить липоваго цвѣту!... вотъ и горячка! Барышня! голубушка!

Юлія Павловна вздрогнула, очнулась; холодный потъ покатился по лицу ея, мутный взоръ ходитъ кругомъ.

— Что съ тобой, барышня?... Вотъ, въ ознобъ теперь кинуло!...

Юлія Павловна зарыдала.

Утоливъ безотчетное свое горе слезами, она поуспокоилась; и наконецъ послѣ долгой думы взоръ ея просвѣтлѣлъ.

— Какіе пустяки забрала я себѣ въ голову, думала она, увлекаемая желаніемъ по привычкѣ отправиться къ Любови Яковлевнѣ: право, сама не знаю, чего я испугалась; ну, что за бѣда, что ребенокъ любить меня.... я сама его такъ люблю, какъ своего роднаго сына.... Я увѣрева, что ему надоѣла эта мадамъ Вождѣ съ своимъ французскимъ языкомъ.... Только и разговоровъ, что про грамматику! Не удивительно, что онъ сталъ бѣгать отъ этой грамматики; со мной всё-таки о чемъ-нибудь можно поговорить. Молодому человѣку необходимо разсѣяніе.

Потокъ этихъ успокоительныхъ мыслей оставовленъ былъ прісылкою отъ Любови Яковлевны узнать о здоровьи и просить къ себѣ. Человѣкъ вошелъ такъ неожиданно и такъ крикнулъ, что Юлія Павловна вздрогнула съ испугомъ и въ ней задрожали всё жилки.

— Не могу, не могу, проговорила она: кланяйся Любови Яковлевнѣ.

Человѣкъ ушелъ; а Юлія Павловна, успокоясь, подумала: для чего жъ это я наклепала на себя лихорадку?... Смѣхъ какой! испугалась человѣка! я пойду.

И она, полная мыслей о глупости, которая пришла ей въ голову, надѣла, не замѣчая того сама, новенькое платьѣ, съ шитой пелериночкой, и стоя передъ зеркаломъ, десять разъ передѣлывала прическу волосъ.

Вдругъ входитъ Георгій.

Юлія Павловна такъ и обмерла, завѣтые локоны распустелись отъ страху.

— Ахъ, Юлія Павловна, сказалъ Георгій, цѣлуя по обычаю ея ручку: а мы думали, что вы въ постелѣ!

— Да, я очень нездорова, Георгій, проговорила Юлія Павловна, взволнованная новою неожиданностью, схватившись за руку Георгія.

И она не могла докончить, сѣла, держась за руку Георгія; Георгій сѣлъ подлѣ нее.

— Слабость такая.... всего пугаюсь.... Я не знаю, что со мной дѣлается.

И Юлія Павловна заплакала; Георгій придерживалъ ей голову, которая клонилась, клонилась и, наконецъ, припала на плечо юноши.

— Что это съ вами дѣлается, Юлія Павловна? сказалъ онъ съ чувствомъ.

Юлія Павловна еще сильнѣе зарыдала.

Любовь Яковлевна, разсердясь на человекѣ, который возвратясь отъ Юліи Павловны, не могъ сказать, чѣмъ она больна, хотѣла посылать его въ другой разъ.

— Позвольте, я самъ схожу, маменька, сказалъ Георгій, и побѣжалъ къ Юліи Павловнѣ.

Это слышала мадамъ Вождѣ. Въ ней странно уже кипѣло чувство ревности. Подозрѣвая условленное свиданіе, она не вытерпѣла.

— Бѣдной Юліи Павловна больна, очень больна, сказала она: я пойду сама къ ней.

— Сходите, навѣстите ее, мадамъ Вождѣ.

Мадамъ Вождѣ хотѣлось застать любовниковъ въ-расплахъ; торопливо дошла она до дому Юліи Павловны, тиховько прокралась въ сѣни, на лѣстницу, пріотворила двери въ переднюю, все тихо; подлѣ, въ кухонкѣ никого нѣтъ — Ивановна ушла на базаръ.

Тиховько пріотворила и дверь въ гостиную, пробирается на цыпочкахъ, заглянула въ спальню и вмѣстѣ уборную — тишина. Но какая картина для нея: безмолвно сидитъ Георгій на канapé, къ плечу его припала головою Юлія Павловна, глаза ея закрыты, она, казалось, сладко забылась послѣ горькихъ слезъ, локоны ея распались, щеки горятъ, нарядъ совсѣмъ не говоритъ въ пользу болѣзни.

— Bravo, bravo, Юлія Павловна, у васъ прекрасный болѣзнь! вскричала мадамъ Вождѣ, вбѣжавъ въ комнату съ злобной радостью: мосѣ докторъ у васъ очень хорошей, очень хорошей!

Это былъ третій внезапный приходъ для Юліи Павловны; она вскрикнула и упала безъ памяти.

— Вы испугали ее! вскричалъ Георгій, бросившись помогать Юліи Павловнѣ.

— Monsieur le docteur, извольте идти домой! сказала мадамъ Вождъ гордо, указывая Георгію двери.

— Чтò? сказалъ Георгій съ презрѣніемъ.

— Monsieur George, я вамъ приказываю!

— Прочь! вскричалъ Георгій, оттолкнувъ мадамъ Вождъ, которая схватила его за руку.

— Дерзкой мальчишка! я иду, иду все рассказать отцу и матери!

— Иди, рассказывай, я самъ все расскажу!.... все, до-чиста!

— Георгій, извольте идти домой! закричала во весь голосъ Вождъ. И она, какъ демонъ, изступленная бросилась на безпамятную Юлію Павловну; но Георгій обхвативъ ее, вытащилъ за двери, толкнулъ и приперъ ихъ.

— Постои же, мальчишка! вскричала мадамъ Вождъ, погрозивъ въ дверь кулакомъ.

Бѣгомъ побѣжала она домой, скрежеща зубами.

— Чтò вы бѣжите какъ съумасшедшая, мадамъ Вождъ? спросилъ Филиппъ Савичъ, сидѣвшій у открытаго окна, видя ее бѣгущую мимо дому съ разъяреннымъ лицомъ.

— Я вамъ скажу, я вамъ скажу! вскричала мадамъ Вождъ.

— Чтò тамъ такое? подумалъ Филиппъ Савичъ, выходя на-встрѣчу въ залу: гдѣ жъ она?

Въ нетерпѣніи узнать причину, онъ пошелъ черезъ сѣни въ комнату гувернантки; но раздавшіяся слова на крыльцѣ остановили его.

— Ахъ, старая чертовка, да вѣдь она околѣваетъ!

— Кто околѣваетъ? спросилъ равнодушно Филиппъ Савичъ у вбѣгающей въ сѣни дѣвки.

— Мадамъ, сударь, убилась до-смерти.

— Чтò-о? Какая мадамъ?

— Наша, сударь, убилась до смерти! вонъ лежитъ у воротъ.

Филиппъ Савичъ вышелъ на дворъ. Въ воротахъ лежала распростертая на землѣ мадамъ Вождъ безъ дыханія, съ раскрытымъ лбомъ, пѣна бьетъ изо рта. Вся дворня и народъ собравшійся съ улицы стояли около нея.

— Чтò это съ ней случилось? спросилъ Филиппъ Савичъ.

— Прахъ ее знаетъ, отвѣчалъ одинъ купецъ: подхожу я къ воротамъ вашего благородія, смотрю, бѣжитъ она, да что-то бормочетъ по-свѣму, да какъ слѣпая, какъ хватится въ воротахъ объ запоръ! такъ какъ сношъ и свалилась: ни словечка не молвила!

— Какой запоръ?

— А что ворота запирають, отвѣчалъ конюхъ: вы изволили приказать пустить вороную по двору на травку; такъ, чтобъ не ушла со двора, я и засунулъ запоръ, чѣмъ ворота-то совсѣмъ запирають.

— Дуракъ! для чего ты не заперъ ворота? вскричалъ Филиппъ Савичъ.

— Да какъ же проходить-то сударь; у калитки еще зимой петли сломались, такъ ее покуда заколотили, я докладывалъ тогда еще.

— Когда докладывалъ? врешь!

— Какъ же, сударь, раза три докладывалъ; а вы ничего не изволили сказать.

— Врешь!

Филиппъ Савичъ не любилъ выдавать деньги на разныя требованія своихъ людей, — онъ подозрѣвалъ, что эти мошенники нарочно сломаютъ, да скажутъ въ три-дорого стоить починка, чтобъ выгадать себѣ на вино. Посылать людей своихъ за кузнецами, плотниками, слесарями, онъ также не любилъ, подозрѣвая, что они сговорятся и обмануть его. А потому онъ всегда ждалъ поры и времени, когда накопятся въ домѣ порчи и ломы, и тогда подряжалъ самъ починку гуртомъ. За этотъ, съ позволенія сказать скаредный расчетъ онъ платилъ за все не въ три-дорого, а въ-десятеро; потому что искру тушить не то что пожаръ.

Между-тѣмъ какъ Филиппъ Савичъ спорилъ съ кучеромъ о петляхъ калитки, мадамъ Вождъ лежала на землѣ. Любовь Яковлевна и Георгій стояли также надъ ней, съ ужасомъ.

Наконецъ ее внесли въ ея комнату, призвали медика, который засталъ ее уже въ сильномъ бреду горячки; выпучивъ глаза, она лѣзла съ постели, и уставивъ пальцы когтями, скрежетала. Она была страшна.

Георгій рассказалъ матери, какъ она напугала Юлію Павловну, и Любовь Яковлевна подтвердила его мнѣніе, что болѣзнь

въ ней давно уже скрывалась, и что она только въ безпамятствѣ могла удариться о перекладину.

— Я ее дома лечить не намѣренъ! говорилъ Филиппъ Савичъ: чортъ съ ней! пусть въ больницѣ умираетъ.

— Пошелуй, другъ мой, за чтò жъ мы бросимъ бѣдную женщину, которая у насъ какъ своя въ домѣ уже нѣсколько лѣтъ, говорила чувствительная Любовь Яковлевна.

— Вотъ тебѣ разъ! я занималъ ее для того, чтобъ учить дѣтей; а она тутъ больная лежать будетъ!... Миѣ чтò за дѣло, что она больна! Сама ты говорила, что у ней горячка поутру была; объѣлась, я думаю, чего-нибудь! Я видѣлъ самъ, какъ она бѣжала съ пѣной у рта! Какая это горячка; она просто сошла съ ума.

Убѣжденія Любви Яковлевны лечить больную дома, не подѣйствовали на Филиппа Савича; онъ отправилъ ее въ Кіевъ, въ больницу. Чѣмъ она кончила свои похождения, умерла, больна по сію пору или выздоровѣла и отправилась въ отчизну свою, Францію, Богъ съ ней, не наше дѣло; она, какъ говорится по-турецки, пришла-ушла, а между-тѣмъ это имѣло большое вліяніе на судьбу героевъ нашего сказанія.

Такъ какъ для двѣнадцати-лѣтней дочери Любви Яковлевны нужна была еще мадамъ, и еще такая мадамъ, которая бы кромѣ французскаго языка учила ее и на фортепьянахъ играть, а если можно, и пѣть; то Филиппъ Савичъ, отправляясь на контракты въ Кіевъ, рѣшился, болѣе по просьбѣ дочери, нежели матери ея, пріискать самъ потребную мадамъ, хотя онъ и считалъ, по польскому выраженію, французское воспитаніе непотребнымъ.

IV.

Обратися теперь къ нашей героинѣ, которую, можетъ-быть, читатель успѣлъ уже невозлюбить и согрѣшилъ. Душа человѣка, какъ почва, которую можно не воздѣлывать совсѣмъ, и тогда она будетъ технически называться *пустошью*; можно засѣять пшеницей, и тогда будетъ зависѣть отъ Бога, быть или не быть урожаю; можно засѣять огородными растеніями, но здѣсь нуженъ уходъ за посѣвомъ, и умѣнье ухаживать, до полной зрѣлости;

иначе все доброе заростетъ зельемъ ненотребнымъ. Къ этой старой морали мы можемъ прибавить то, что вся она относится только до привычекъ; но въ природѣ есть соотвѣтствіе: такой-то привычкѣ чувствъ соотвѣтствуетъ такая-то привычка нравственная, или, еслие сказать, *кравная*. А человѣку даѣтъ разумъ и право самому себя воздѣлывать. Онъ и можетъ себя воздѣлывать, преобразовывать къ лучшему. Но каковъ же долженъ быть царь преобразователь въ гомовѣ его? Каково выполоть изъ самого себя какое-нибудь чортово зелье, которое пустило корни во всѣ изгибы сердца? И хочется вырвать, да смерть больно! Каково нужно терпѣнье? А иной невѣрующій разумъ, подумаетъ: да к чему? будетъ ли отъ этого лучше, успѣю ли я выполоть душу, воздѣлать снова, возрастить сладкій и здоровый плодъ, и вкушать отъ него? Подумаетъ-подумаетъ, да такъ и оставитъ. Человѣку нужно *добро*, какъ насущный хлѣбъ. Не имѣя собственнаго добра, онъ непремѣнно *зальтъ* чужое добро. Въ примѣръ ставимъ Дмитрияцкаго и Саломею Петровну, которые скажутъ теперь изъ Москвы, по мыслямъ Дмитрияцкаго въ Кіевъ, а по словамъ его покунуть имѣние на чудныхъ берегахъ Тавриды, и тамъ поселиться.

— О, мы будемъ вкушать тамъ рай! говоритъ Саломея Петровна, пламенно смотря ему въ глаза.

— Какъ же! именно, радость моя; мы тамъ будемъ очастливы, говоритъ Дмитрияцкій про себя: именно, радость моя, ужъ если жить—такъ жить! Однако, что-то теперь подѣлываетъ твой мужъ?

— Ахъ, не напоминай мнѣ объ немъ! произнесла Саломея Петровна съ чувствомъ: если бъ ты зналъ, какія ухищренія были употреблены, чтобъ выдать меня за него замужъ!

— Ахъ, это любопытно; расскажи, пожалуйста, сказалъ Дмитрияцкій зѣвая.

— Я какъ-будто предчувствовала, что мнѣ суждено было встрѣтиться съ тобой, и несмотря на всѣ исканія руки моея, я отказывала....

— А ты вѣрнись предчувствіямъ?

— О, какъ же! а ты?

— О, безъ-сомнѣнія! я по предчувствію ѣхалъ въ Москву.

— Неужели? по какому же?

— Во-первыхъ, я потерпѣлся въ Москву, совершенно какъ-будто влюбленный уже въ тебя; мнѣ казалось, что у меня ничего нѣтъ, кромѣ сладостной надежды, встрѣтиться въ Москвѣ

то, чего душа моя требует.... И вотъ я нашла, что мнѣ нужно было.

И Дмитрицкій приложилъ лѣвую руку къ шкатулкѣ, а другою обнялъ Саломею.

— Это удивительно!

— Чрезвычайно!

Между-тѣмъ наши путешественники прѣехали въ Тулу. Дмитрицкій велѣлъ ѣхать въ гостиницу.

— Въ трактиръ? спросилъ ямщикъ.

— Ну, да!

— Ахъ, пожалуйста, наймѣть лучше квартиру! Какъ можно въ трактирѣ останавливаться, это отвратительно!

— Помилуй, что тутъ отвратительнаго; въ гостиницахъ всё проѣзжіе останавливаются.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ это можно! неравно еще я встрѣчу кого-нибудь изъ знакомыхъ.

— Такъ что жъ такое? тѣмъ лучше! пожелаешь имъ счастливаго пути въ Москву, и велишь кланяться всѣмъ знакомымъ, и извиниться, что уѣхала не простившись съ ними.

— Ахъ, нѣтъ, я не могу перевести стыда!

— Это что такое? стыдъ со мной ѣхать? Этого я не знаю!... Если стыдно ѣхать со мной, такъ зачѣмъ и ѣхать.

Пррр! Карета остановилась подлѣ гостиницы; наемный чело-вѣкъ изъ иностранцевъ отворилъ двери.

— Этого я не знаю! продолжалъ Дмитрицкій: такъ я забавлю васъ отъ стыда ѣхать со мной.

И Дмитрицкій погѣзъ вонъ изъ кареты.

— Николай! вскричала Саломея, схвативъ его за полу сюртука.

— Позвольте мнѣ идти! сказалъ онъ.

— Не сердись на меня! дѣлай какъ хочешь, мой другъ! помоги мнѣ выйти изъ кареты.

— Вотъ это дѣло другое; я противорѣчій не-умѣю переносить; такъ! такъ такъ! а не такъ, такъ — мнѣ все ни вочемъ: у меня уже такой характеръ.

— Ахъ, Николай, какъ ты всныльчивъ! сказала Саломея, когда они вошли въ номеръ гостиницы.

— Отъ этого недостатка или, лучше сказать, излишества сердца, я никакъ не могу отъучить себя. У меня иногда бывають ирраціональные капризы, какія-то требованія самой природы, и

если противорѣчитьъ мнѣ, я готовъ все вверхъ ногами поставитъ.

Дмитрицкій приказалъ подать обѣдать, и между прочимъ бутылку шампанскаго.

— Мы, душа моя, сами будемъ пить за свое здоровье; это гораздо будетъ лучше; ты знаешь, какъ люди желаютъ? на языкѣ: «Желаю вамъ счастья»; а на душѣ— «чтобы чортъ васъ взялъ.» Мы сами себя пожелаемъ счастья отъ чистаго сердца, не правда ли?

— О, конечно!

— Ну, чокнемся и поцѣлуемся; ты моя надежда, я твой другъ!

— За твое здоровье, ты мои желанія знаешь.

— Что жъ, только-то? прихлебнула?

— Я не могу пить, Николай.

— Хмъ! это худая примѣта! сухо сказала Дмитрицкій.

— Ты сердисься, ну, я выпью, выпью!

— Вотъ, люблю! сказалъ Дмитрицкій: для взаимности, душа моя, надо необходимо имѣть одиѣ привычки.

Послѣ обѣда Дмитрицкій вышелъ въ бильярдную. Бильярдъ былъ второкласснымъ его развлеченіемъ; за немѣнимъ партій застольной, онъ любилъ испытывать свое счастье съ кіемъ въ рукахъ, а иногда игралъ такъ, для разнообразія, и даже для мѣщину.

Покуда хватилась и нашла его Саломея, онъ уже успѣлъ вызвать на бой одного ротмистра, по червонцу, и игралъ преннтересную партію. У противниковъ было по пятидесяти-девяти и дѣло было за одной билей, которая долго не давалась ни тому, ни другому.

— Идетъ парі! воскричалъ Дмитрицкій.

— Пожалуй, бутылка шампанскаго.

— И мазу къ ней пятьсотъ рублей; эта биля стѣтъ того.

— Много! сказалъ ротмистръ: господа, отвѣчаете за меня?

— Отвѣчаемъ, воскричали прочіе офицеры, заинтересованные партіей.

— Идетъ! Ну, прищуривай Агашка на лѣвый глазъ! воскричалъ ротмистръ, которому былъ чередъ играть.

Всѣ шары стояли подлѣ борта; ротмистръ рѣшилъ дѣлать желтаго дублетомъ; ударилъ—шаръ покотился къ лузѣ. У Дми-

трицкаго юкнуло сердце, онъ стукнулъ уже ніемъ объ полъ. Но шаръ остановился надъ самой лузою.

— Стой, другъ! Отдаете партію? вскричалъ Дмитрицкій, вида, что ротмистръ съ досады бросилъ кій.

— Извольте играть! сказали офицеры.

— Не вѣрите? да это стыдно играть! сказалъ Дмитрицкій, и намѣтилъ въ шаръ, который стоило только задѣть, чтобы онъ свалился въ лузу.

Въ это самое время Саломея, закрытая воалемъ, взглянула въ двери и не зная, что Дмитрицкій въ такомъ положеніи, когда *подъ руку* опасно звать, крикнула нетерпѣливымъ голосомъ:

— Николай!

— Прوماхъ! партія! вскричали офицеры.

— Пѣфу! вскричалъ Дмитрицкій, швырнувъ кій на бильярдъ.

— Пора ѣхать, сказала Саломея.

— Да что мнѣ пора ѣхать! чортъ знаетъ что! кричать *подъ руку!* Да подите, пожалуйста!

Саломея вздрогнула: такъ крикнулъ на нее Дмитрицкій.

— Эта партія не въ партію, господа, сказалъ онъ: надо переиграть!

— Нѣтъ, очень въ партію, сказалъ ротмистръ: если хотите, новую.

— Извольте! сказалъ Дмитрицкій: на квитъ! Руки его тряслись отъ досады—съ нимъ не опасно было играть.

Онъ проигралъ три раза на квитъ, и явно чувствовалъ, что не можетъ играть, бросилъ кій.

За пазухой у него было только три тысячи, отложенные изъ шкатулки, на дорогу; цѣлой тысячи не доставало. Это для него было хуже всего: ключъ отъ шкатулки былъ у Саломеи, надо было просить у нея денегъ.

— Остальные сейчасъ принесу, господа, сказалъ, онъ уходя въ свою компану.

Саломея сдѣла на диванѣ, закрывъ глаза руками. Въ ней боролись двѣ страсти — молодая любовь съ старой гордостью.

— Помилуй, другъ мой, что ты сдѣлала со мной! сказалъ Дмитрицкій, подходя къ ней.

Саломея ничего не отвѣчала.

— Я, впрочемъ, тебя не виню, ты не знаешь условій бильярдной игры; но ты меня могла осрамить.

— Чѣмъ я васъ осрамила? вы меня осрамили!

— Хмъ! теперь у меня вспыльчивость прошла, и потому я тебѣ объясню, въ чемъ дѣло. Ты не знаешь, что на бильярдѣ есть такая легкая билья, что тотъ, кто не сдѣлаетъ ее, долженъ лѣзть подъ бильярдъ. Ты крикнула подъ-руку, я далъ промахъ, и долженъ за неисполненіе условія или драться на дуэли, или откупиться суммой, которую съ меня потребуютъ. Подъ бильярдъ, разумѣется, я не полѣзу, платить четыре тысячи изъ твоего капитала также не хочу, такъ прощай покуда.

— Николай! Николай! вскричала Саломея, удерживая Дмитрия за руку: я тебя не пушу!

— Нельзя, душа моя, честь выкупается кровью или жизнью.

— Ахъ, ты меня не любишь! ты не считаешь мое своимъ!...

— О, теперь я вижу, что ты моя, что твоя любовь безпредѣльна!... прости же за недовѣрчивость!

— Сколько же тебѣ нужно, другъ мой, денегъ? вотъ ключикъ отъ шкатулки... отдай имъ по-скорѣ!

— Да и поѣдемъ по-скорѣ отсюда! Мерзавцы, право! рады, что получили право содрать съ меня сколько хотятъ! сказалъ Дмитриякій, вынимая изъ шкатулки деньги.

— Это я виновата.

— Полно, пожалуйста; ну чѣмъ ты виновата, что не знала условій; да и такія ли есть; на примѣръ я бы съѣла играть въ карты — а ты, изъ удовольствія всегда быть со мною, вздумала бы съѣсть подлѣ меня, или даже стоять подлѣ стола — просто — бѣда: тотчасъ подумаютъ, что ты пятый игрокъ и крикнутъ: «подъ столъ, сударыня!» Вотъ и причина дуэли.

— Ахъ, я увѣрена, что ты не играешь въ карты!

— Напротивъ, играю и большой охотникъ.

— Нѣтъ, cher, я не вѣрю тебѣ; ты поэтъ, извѣстный литераторъ, ты не бросишь время на карты, ты посвятишь его любви и вдохновенію.

— Нѣтъ, душа моя, объ литературѣ мнѣ больше ни слова не говори; а о поэзіи ни полслова, — я тебѣ запрещаю.

— Почему же, другъ мой?

— Ни почему, такъ, запрещаю безъ причины.

— Это странно! мнѣ ты не хочешь сказать.

— Чтобъ сказать, надо объяснить причину, а причины нѣтъ: что жъ я тебѣ скажу?

— Не понимаю!

— Ну, и слава Богу.

— Такой извѣстный поэтъ и такъ вооруженъ противъ литературы....

— Извѣстный? я? неправда! Ты что читала изъ моихъ сочиненій?

— Ахъ, да мало ли.... я и не припомню заглавій....

— Да, конечно, заглавія произведеній извѣстныхъ сочинителей очень трудно припоминать, потому что у нихъ всегда какія-нибудь мудренныя заглавія; ну, а не помнишь ли такъ что-нибудь, какую-нибудь тираду изъ моей поэмы.

— Ты такимъ тономъ говоришь, сказала Саломея, что я исполняю твое запрещеніе говорить о литературѣ, умолкаю.

— Увертка неподобная, истинно свѣтская! Видишь ли, душа моя, причина сама собой объясняется: ты не читала моихъ сочиненій, потому что я ничего и никогда не сочинялъ.

— Ахъ, оставимъ, пожалуйста, разговоръ о литературѣ!

— И прекрасно: взаимное запрещеніе. Ёдемъ, ёдемъ, путь далекъ!

До Кіева особенныхъ происшествій съ нашими бѣглецами не случилось. Въ Кіевѣ, Дмитрицкіи остановился въ гостинницѣ у Жида. Тутъ онъ дышалъ свободнѣе, какъ человѣкъ свѣтскій, который пріѣхалъ домой, гдѣ имѣетъ уже право сбросить съ себя всѣ одежды приличія и быть тѣмъ, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ есть; сбросить всѣ прикрасы съ грѣшнаго тѣла и посковной души, всѣ чужія перья, несвойственную любезность, принужденную улыбку, терпимость и угодливость, мягкій голосъ, всѣ признаки ума, познаній и свойствъ человѣческихъ, и — явиться въ своихъ четырехъ стѣнахъ, съ успѣхомъ или неуспѣхомъ, съ сытой или проголодавшейся душой. Тутъ ее, какъ ловчаго кречета, кормить онъ сырымъ мясомъ всего окружающаго его. Она клюетъ сердце всѣхъ домочадцевъ и всей челяди. Отъ этого корму ему убытку нѣтъ; сердце каждаго человѣка, какъ у Прометей, выклеванное днемъ, заживаетъ во время ночи. А кто же изъ окружающихъ какого-нибудь жирнаго или желчнаго Юпитера, не Прометей? Кто похитилъ, хоть ненарокомъ, мнѣ его спокойствія, тотъ и Прометей.

У Дмитрицкаго не было ни чады, ни домочадцевъ, у него въ зависимости была только Саломея Петровна; но она была такое грандіозное или, по-русски, великолѣпное существо во всѣхъ своихъ пріемахъ, такое тяжелое, натянутое, надутое, напыщенное, приторное, что Дмитрицкій во время дороги часто вскрикивалъ:

— Фу! какая обуза! мочи нѣтъ! и расправляя свои члены, потягивался.

— Ты усталъ, mon ami, отъ дороги? говорила нѣжнымъ голосомъ Саломея.

— Усталъ, душа моя, всего разломилъ, голова одурѣла!

Пріѣхавъ въ Кіевъ, онъ вскрикнулъ:

— Фу! здѣсь надо отдохнуть; ты покуда распорядись всѣмъ, а я пойду похлопочу о наймѣ дома, потому что дѣйствительно непріятно стоять въ трактирѣ.

— Ты всегда поздно соглашаешься съ моими словами, замѣтила Саломея: но зачѣмъ же тебѣ идти самому, пошли кого-нибудь — я умру со скуки.

— Кстати, я озабочусь о поварѣ, который бы умѣлъ готовить для тебя французскій столъ.

— Ахъ, да, я совсѣмъ не могу кушать того что здѣсь подаютъ.

— Знаю, знаю; я видѣлъ, что ты только изъ угожденія мнѣ не умерла, другъ мой, съ-голоду. Но я распоряджусь, чтобъ сдѣлать твою жизнь раемъ. Прощай, мой ангелъ, на минутку.

Минутка тянулась за полночь. Саломея въ отчаяніи; она разослала всѣхъ факторовъ, состоящихъ при гостинницѣ, и всѣхъ Жидковъ, предлагающихъ путешественникамъ свои услуги съ улицы, черезъ окно.

Жиды-факторы такой народъ — на двѣ моря отыщутъ все что надо и кого надо.

Всѣ они, поочереды, отыскивали Дмитрицкаго въ одномъ изъ номеровъ другой гостинницы, въ честной компаніи; всѣ поочереды докладывали ему, что, дескать, барыня, васа благородзіе, прислала за вами.

Всѣмъ былъ отвѣтъ:

— Убирайся, проклятый Жидъ, да если ты скажешь, что нашелъ меня, такъ я тебѣ вмѣсто вотъ этого полтинника, рожу переверну на затылокъ, слышишь? Ну, пиль, собака!

Жидъ бралъ деньги и возвращался къ Саломеѣ Петровнѣ съ докладомъ, что не нашелъ барина.

Десятому посланцу, прибывшему уже около полуночи, Дмитрицкій велѣлъ сказать барынѣ, что баринъ въ гостяхъ у графа Черномскаго, ужинаетъ и сейчасъ воротится.

Саломея успокоилась; но, вѣрно, ужинъ долго продолжался, потому что Дмитрицкій воротился-передъ разсвѣтомъ.

— Ну, душа моя, сказалъ онъ входя: я здѣсь нашелъ цѣлый полкъ товарищей, сослуживцевъ и тѣмъ знакомыхъ. Графъ Черномскій, старый сослуживецъ, затащилъ къ себѣ, засадилъ въ карты, я отговаривался — куда! Да вотъ чтò хорошо, знаешь ли? Я покупаю въ Крыму Алушту — это рай! Самое лучшее и богатѣйшее имѣніе, приносить доходу отъ однихъ грецкихъ орѣховъ сорокъ тысячъ, да виноградные сады даютъ двадцать пять тысячъ, да крымскихъ яблоковъ тысячъ на десять, не считая апельсины, финшакки, персики, дыни, арбузы, и неподобный меблированный домъ со всѣми принадлежностями.... на самомъ берегу моря.

— Ахъ, какъ это очаровательно!

— И это по случаю; я далъ уже задатку пять тысячъ.

— Но какъ цѣна?

— Милліонъ.

— Милліонъ! помилуй, гдѣ жъ намъ его взять? у насъ только сто тысячъ.

— Помилуй, душа моя, да ты не знаешь, чтò значать сто тысячъ наличныхъ въ рукахъ оборотливаго человѣка. Вѣдь это то же чтò храбрая стотысячная армія, которою можно не только разбить милліонъ войска, но покорить весь свѣтъ.

— Ав, снес, какъ ты поэтизируешь!

— Нѣтъ, пожалуйста, о поэзіи ни слова; ты знаешь, я не люблю противорѣчій; да и вообще теперь ужъ поздно разсуждать о дѣлахъ: утро вечера мудренѣе.... Уфъ! напоилъ меня крымскимъ шампанскимъ разныхъ сортовъ, изъ виноградныхъ лозъ нашего имѣнія, — я пробовалъ-пробовалъ.... пью! кисель виноградъ! покойной ночи, другъ мой.

Исканіе квартиры продолжалось нѣсколько дней; а между-тѣмъ къ Дмитрицкому съ визитомъ являлись разные лица, которыхъ онъ рекомендовалъ Саломеѣ, какъ помѣщиковъ кievской губерніи. Манеры ихъ были не ловки, но смѣлы и безцеремонны; польское нарѣчіе странно; Саломея смотрѣла на нихъ какъ на необразованныхъ провинціаловъ и сохраняла свое достоинство большого

свѣта, обошлась очень сухо, и не могла скрыть неудовольствія, что Дмитрицкій не пощадилъ ее отъ этого знакомства.

Повертѣвшись нѣсколько на стульяхъ и отпустивъ нѣсколько комплиментовъ Саломеѣ въ родѣ: барзо есэмъ сченславы, по мнѣмъ хѳноръ видзецъ така вѣлке дамэ!... — они всѣ заключали прощанье съ Дмитрицкимъ словами: террасъ южъ время до ко-спѣлу; до зобаченья пане, у пана грабе Черномскаго! такъ есть?

— Да, да, да, я надѣюсь, отвѣчалъ Дмитрицкій.

— Я не понимаю, какъ тебѣ вздумалось знакомить меня съ этими уродами!

— Здѣсь ужъ такой тонъ, моя милая: простота и безцеремонность. Тебѣ надо привыкать. Впрочемъ, это чудаки, деревенщина, но я тебя познакомлю съ графомъ Черномскимъ; въ немъ ты увидишь человѣка образованнаго.

— Сдѣлай одолженіе избавь меня отъ всѣхъ знакомствъ; мнѣ нуженъ ты и больше никого!

— Пѣфу, обуза какая! сказалъ Дмитрицкій про себя.

— вмѣсто-того чтобъ отвѣчать на мои ласки, ты молчишь, надулся.... Это меня убиваетъ.

— Да невозможно, милая! ты хочешь все по-своему.

— Чтѣ жъ я хочу по-своему? То, что не желаю никакихъ знакомствъ?

— Я также имѣю отношенія къ людямъ; мнѣ нельзя ихъ разорвать. Взялъ, да поѣхалъ въ Крымъ, поселился на чистомъ воздухѣ, да и правъ, этого нельзя: не орѣхами питаться, надо чѣмъ-нибудь жить.

— У насъ есть средства: будто недостаточно ста тысячъ, чтобъ прожить вѣкъ вдвоемъ счастливо и спокойно.

— Скажи, пожалуйста! сто тысячъ! огромный капиталъ! Въ Крыму, гдѣ на первое обзаведеніе нужно вдвое. Я не могу жить по-татарски, подъ деревомъ, да и ты, я думаю, этого не захочешь.

— Откуда же взять намъ миллионы? Впрочемъ, я не знаю, какъ велико твое собственное состояніе: ты собираешься покупать имѣніе въ миллионъ.

— Тѣ-то и бѣда, что не знаешь, а говоришь; и кушю въ миллионъ! но безъ Черномскаго я не могу этого сдѣлать.

Грабе Черномскій, вѣрно, легокъ на поминѣ.

— Ба! Черномскій! сказалъ Дмитрицкій, увидѣвъ въ окно подъѣзжающія дрожки къ крыльцу. Сдѣлай одоженіе, будь съ нимъ какъ-можно привѣтливѣе; онъ пріятель мой, и одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ; отъ него я надѣюсь получить сумму для покупки имѣнія въ Крыму, которое приноситъ тысячъ сто... виноградныхъ лозъ.... А! графъ, мое почтеніе! очень радъ! Рекомендую вамъ жену мою.

Грабе Черномскій удивился, видя передъ собою статную, прекрасную женщину, богато одѣтую, и что-то въ родѣ Беллоны.

— Я не зналъ, что вы женаты, сказалъ онъ, и что такая прекрасная особа осчастливила васъ. Извините, сударыня, что я явился къ вамъ такъ неавантажно.... это не моя вина.

Саломея сѣла, немножко смутясь, сдѣлала привѣтливое движеніе головы, просила садиться, предложила нѣсколько свѣтскихъ вопросовъ, чтобъ оказать вниманіе гостю, но такимъ тономъ, который воздерживалъ привычное съ женщинами любезничанье Черномскаго и притуплялъ мѣткіе взоры черныхъ его глазъ, привыкшихъ пожирать красоту.

— О, какая строгая! подумалъ онъ: вѣрно въ первомъ еще пылу любви! Я у васъ отниму на сегодняшний день вашего супруга, сказалъ онъ Саломеѣ.

— Вы меня лишаете удовольствія быть вмѣстѣ съ мужемъ, отвѣчала она сухо: каждая минута разлуки съ нимъ для меня потеря.

— Вы очень счастливы, сказалъ Черномскій, обращаясь къ Дмитрицкому.

— Совершенно счастливъ, сказалъ Дмитрицкій, взявъ руку Саломеи: мы живемъ душа въ душу.

— А давно уже женаты? спросилъ значительно Черномскій, устремивъ прищуренный взоръ на Саломею.

Она вспыхнула, съ выраженіемъ негодованія.

— Довольно давно, отвѣчалъ Дмитрицкій, послѣ нашего свиданія у Савицкаго, я вскорѣ поѣхалъ въ Москву, влюбился, и она моя.

— Стало быть около года?

— Да, мѣсяцевъ съ осемь.

Смущенная Саломея хотѣла выйти въ другую комнату, но вдругъ вошелъ офицеръ, произнесъ: «ахъ-съ», и подошелъ къ ручкѣ.

Саломея еще болѣе смутилась.

Этотъ офицеръ незнакомъ читателямъ, но знакомъ былъ уже Саломеѣ Петровнѣ. Это былъ товарищъ мужа ея, Ѳедора Петровича Яликова, казначей полка, въ которомъ онъ служилъ. Въ бытность въ Москвѣ для приѣма комиссаріатскихъ вещей, онъ навѣщалъ Ѳедора Петровича и, слѣдовательно, имѣлъ честь познакомиться и съ его супругой. Робкій отъ природы, онъ всегда смущался передъ новыми лицами и не умѣлъ управлять ни движеніями своими, ни мыслями, ни словами.

— А супругъ вашъ-съ? спросилъ онъ, поцѣловавъ ручку Саломеи.

— Я, къ вашимъ услугамъ, торопливо вызвался Дмитрицкій, видя, что Саломея смутилась.

— Какъ-съ, кажется Ѳедоръ Петровичъ Яликовъ, сказалъ казначей, смутясь и самъ.

— Такъ точно-съ, отвѣчалъ Дмитрицкій.

— Нѣтъ-съ, вы шутите, сказалъ казначей: я знаю ихъ супруга.

— Ахъ, вамъ Ѳедора Петровича, перваго ея мужа! вскричалъ Дмитрицкій, спохватившись: онъ умеръ-съ.

— Умеръ! ахъ, Боже мой! сказалъ горестно казначей: стало быть недавно; потому что не болѣе двухъ недѣль, какъ я получилъ отъ него письмо.

— Да-съ, очень недавно, передъ нашимъ отъѣздомъ, отвѣчалъ Дмитрицкій, сбившись въ свою очередь съ толку.

— Какъ это жалко! сказалъ казначей не зная что болѣе сказать на молчаніе Саломеи и на рѣзкіе отвѣты Дмитрицкаго.

— Да-съ, очень жалко! отвѣчалъ сухо Дмитрицкій, желая скорѣе отдѣлаться отъ гостя, и смотря ему въ глаза, какъ-будто въ ожиданіи, что ему еще угодно будетъ спросить. Панъ грабе также пристально и съ сардонической улыбкой уставилъ на него взоръ. Казначей совсѣмъ потерялся; онъ бросился снова къ ручкѣ Саломеи Петровны, и, по привычкѣ, забывшись, просилъ ее свидѣтельствовать свое почтеніе Ѳедору Петровичу.

Въ смущеніи, въ забывчивости, и она по привычкѣ проговорила: покорнѣйше васъ благодарю.

Казначей отретировался. Панъ грабе, а вслѣдъ за нимъ и Дмитрицкій, захохотали. Саломея Петровна, закусивъ губы, вышла въ другую комнату.

— А цо то за така мизерна гисторія? спросилъ Черномскій.

— А то, пане, не гисторія, а интродукція въ гисторію, отвѣчалъ Дмитрицкій.

— Разумѣмъ, пане, то штука! Я мыслилъ же панья въ самомъ дѣлѣ жѡна пана. Да ходимъ же, ходимъ, южь время!

— Сейчасъ, сказалъ Дмитрицкій.

И онъ вошелъ въ комнату Саломеи. Она лежала на диванѣ, скрывъ лицо свое въ подушкѣ.

— Спать! проговорилъ тихо Дмитрицкій, торопливо выходя изъ комнаты.

— О, нѣтъ, не сплю! сказала Саломея; но Дмитрицкій уже исчезъ.

Саломея въ первый разъ почувствовала тоску разочарованія, и не въ-состояніи была облегчить себя слезами. Плакать казалось ей всегда низко. Она чувствовала, что въ Дмитрицкомъ чего-то недостаетъ для нея; но самолюбіе не дозволяло сознаться ей, что недостаетъ въ немъ любви. Жѡнина съ сердцемъ сказала бы вслухъ сама себѣ: онъ меня не любитъ! и залилась бы слезами. Но Саломея была горда, она терзалась втайнѣ отъ самой себя. Ввечеру вдругъ дверь отворилась, вошелъ Черномскій.

— Извините, сударыня, сказалъ онъ: сажалъ васъ, я пришелъ спасти васъ отъ человѣка, который васъ погубить.

— Отъ какого, сударь, человѣка? гордо спросила Саломея.

— Отъ того, который уже васъ обманулъ мнимой своей любовью, отъ мерзавца, отъ игрока!

Саломея остолбенѣла.

— Я увидѣлъ васъ, и не могъ не пожалѣть объ васъ, вы такъ прекрасны, вы такой ангелъ.... Этотъ подлець, котораго, я увѣренъ, вы не можете любить, проигралъ все и теперь поставилъ васъ на карту.... Я не могъ этого перенести, побѣждалъ къ вамъ, умолять васъ предаться моему покровительству....

— Вонъ! вскричала Саломея, долго молчавшая, и показала рукой двери. Вонъ! покуда я не позвала людей!

Черномскій вышелъ.

Какъ истуканъ просидѣла Саломея весь вечеръ и почти всю ночь, не двигаясь съ мѣста, въ ожиданіи Дмитрицкаго, чтобъ сказать ему что-то грозное; но.... стало разсвѣтать, двери хлопнули, онъ быстро вошелъ, блѣдный, растерзанный. Саломея испугалась.

— Чтò съ тобой? Николай, другъ мой! вскричала она.

Въ другой комнатѣ раздались голоса, дверь пріотворилась, нѣсколько знакомыхъ уже Саломеѣ лицъ показалось въ дверяхъ.

— Прочь отсюда! вскричалъ Дмитрицкій, ухвативъ стулъ.

— Отдавай, любезный, деньги, такъ мы и пойдемъ! сказалъ одинъ высокій здоровякъ, красная рожа, рекомендованный Саломеѣ помѣщикомъ, прекраснымъ человѣкомъ.

— Ждите, собаки! сюда ни шагу! крикнулъ Дмитрицкій, хлопнувъ дверь. Саломея, эти подлецы обьяграли меня! Это шайка мошенника Черномскаго!... Есть у тебя еще деньги?

— Нѣтъ! отвѣчала Саломея трепещущимъ голосомъ, закрывъ лицо руками.

— Нѣтъ? ну, конечно! Денегъ нѣтъ, такъ дудка есть!

И Дмитрицкій схватилъ со стѣны пистолеть.

— Николай! вскричала Саломея, возьми мои брилліанты, возьми все!

— Давай! гдѣ они? скорѣе!

Саломея вынула изъ чемодана ящикъ. Дмитрицкій схватилъ его и выбѣжалъ въ другую комнату.

Саломея слышала только:—«Извольте идти за мной!» Чувства ее оставили.

Когда она очнулась, подлѣ нее была только хозяйка, Еврейка Ганза.

— Куда жъ это вы переѣзжаете, сударыня? спросила она ее.

— Куда я переѣзжаю? Кто переѣзжаетъ? вскричала Саломея, окинувъ взоромъ комнату и не видя ни одной изъ вещей своихъ.

— Вашъ человѣкъ забралъ всѣ вещи и сказалъ, что баринъ за вами пріѣдетъ и расплатится за квартиру и за все; я вошла сюда, а вы почиваете.

— Dieu! je suis trahie! вскричала Саломея, всплеснувъ руками и какъ-будто желая скрыть отъ Еврейки свою несчастную участь.

— Чего жъ вы такъ испугались, сударыня? спросила Ганза.

Саломея закрыла лицо руками и ничего не отвѣчала. Ганза сѣла противъ нее на стулъ, и смотря на безмолвное отчаяніе Саломеи, казалось, попла вѣ чемъ дѣло.

— Мнѣ очень жаль васъ, сударыня, сказала она ей.

Саломея не отвѣчала.

— Вотъ, кажется, кто-то идетъ сюда, не баринъ ли?

Саломея бросила взглядъ на двери; но это былъ не Дмитрицкій, а Черномскій.

— Извините, сказалъ онъ, что я рѣшился посѣтить васъ опять, я хотѣлъ васъ предупредить, вы мнѣ не вѣрили. Теперь все ясно; и, кажется, что Дмитрицкій не воротится, чтобъ испытать ваше презрѣніе къ себѣ.... онъ скрылся.... Осмѣливаюсь повторить вамъ свое предложеніе, чтобъ вы предоставили успокоеніе вашей участи мнѣ, какъ человѣку, который умѣетъ цѣнить вашу красоту.

— Оставьте, сударь, меня! вскричала Саломея: я вамъ повторю то же что давеча!

— Переносу вторично незаслуженный гнѣвъ вашъ, сказалъ зло улыбаясь Черномскій: и думаю, что когда успокоятся ваши чувства, вы обдумаете, что вы брошены безъ покровительства.

Онъ далъ знакъ Гавзѣ, которая вышла вслѣдъ за нимъ въ другую комнату.

— Послушай, милая, постарайся уговорить ее, чтобъ она не отказывалась отъ моего предложенія, слышишь? ты получишь отъ меня хорошій подарокъ.... мнѣ она нравится. Все что удержишь на нее, я плачу вдвое. Она, вѣрно, согласится, но не вдругъ. Вотъ покуда червонный.

— О-го, великіе гроши! добже, пане; а кто жъ заплатитъ мнѣ за постой ихъ почти за недѣлю, за кушанье, за чай и мало ли что брали они?

— А много ли нужно заплатить?

— Червонныхъ десять, а ма быть и больше.

— О! ну, за тѣго вахлака Дмитрицкаго южъ я не буду платити.

— Ну, якъ зволите, пане; а южъ я эту панью Французянку не выпущу съ хаты, покуда не выплатитъ кто, али сама не заработаетъ.

— А она Французянка? а! Ну, я половину заплачу, только уговори ее скорѣй.

— Нѣтъ, не половину, а десять червонныхъ.

— Ну, ну, ну, перестань!

Черномскій ушелъ, а хозяйка вошла опять къ Саломеѣ.

— Жалко мнѣ васъ, сударыня, начала она: да не плакайте, вы такія хороши, ужъ я знаю, что будете и счастливыи.... а

вы ужь знакомы съ паномъ Черномскимъ? онъ такой богатой, щедрый...

— Не говори мнѣ объ немъ! сказала Саломея повелительно.

— Панъ, который васъ привезъ, сударыня, уѣхалъ, а не заплатилъ мнѣ по счету; а панъ Черномскій свои деньги хочетъ заплатить, а вамъ что угодно будетъ потребовать, все заплатитъ.

— Боже, какое несчастіе, какой срамъ! вскричала Саломея по-французски: я тебѣ повторяю: не смѣй мнѣ говорить объ этомъ мерзавцѣ! вотъ въ заплату тебѣ.

И Саломея хотѣла сдернуть съ руки богатый, брилліантовый перстень; но перстня нѣтъ: она вспомнила, что Дмитрицкій, примѣривая его, оставилъ у себя.

— Что, сударыня, и перстень украли у васъ?

Въ Саломеѣ стѣснилось дыханіе отъ ужасу положенія.

— Прошлаго года также одинъ военный привезъ сюда, да и бросилъ панну; молоденькая, да не такъ хороша собой. Я продержала ее съ мѣсяць у себя.

Саломея была въ какомъ-то онѣмѣніи чувствъ; глаза ея были устремлены на Ганзу, но она ее не видѣла. Долго Ганза рассказывала про разные случаи соблазна, но она ничего не слышала.

Кто-то дорожный подѣхалъ къ трактиру. Ганза побѣжала узнать и оставила Саломею одну, въ полномъ samozабвеніи. Но въ эту страшную минуту какъ-будто ожгло въ ней сердце, слезы брызнули изъ глазъ, а душа съ прискорбіемъ и участіемъ спросила: что жъ ты будешь дѣлать теперь? жизнь передъ тобой обнажилась, тебѣ нечѣмъ уже обмануть самое себя. Теперь ты знаешь, что ты такое и нечѣмъ уже гордиться и тщеславиться тебѣ передъ другими!

Пріѣзжій, котораго Ганза побѣжала встрѣчать, былъ нашъ знакомецъ Филиппъ Савичъ, ласковый съ чужими, бирюкъ въ семьѣ.

— А, хозяйшка, здравствуй, душа моя! сказалъ онъ, выгѣзая изъ коляски при помощи двухъ лакеевъ: я ужь такъ къ тебѣ, знаю, что для меня всегда мѣсто есть.

— Есть, сударь, есть, пожалуйста!

Ганза повела Филиппа Савича прямо въ тотъ номеръ, откуда только-что выбрался постоялецъ, забравъ все нужное, и оставилъ только хламъ, въ числѣ котораго была и Саломея.

— Пожалуйте, повторяла Ганза: это самый лучший номеръ только-что очистился.

— Э, тутъ какая-то дама, сказалъ Филиппъ Савичъ, заглянувъ въ другую комнату.

— Это, сударь, иностранка; я отведу ей другой покой. Извините, сударыня, я васъ попрошу перейти, потому что эти комнаты займетъ вотъ этотъ господинъ.

— Это чтò такое? куда я пойду? спросила Саломея, вспыхнувъ и горделиво возвысивъ голову.

— Чтò ты, чтò ты, какъ это можно беспокоить ихъ для меня? сказалъ Филиппъ Савичъ: извините, сударыня, что васъ побеспокоила она; я никакъ на это не соглашусь; сдѣлайте одолженіе не беспокойтесь. Отведи мнѣ другія комнаты.

И Филиппъ Савичъ, поклонившись Саломеѣ, вышелъ.

— Какая прекрасная особа! а ты вздумала ее беспокоить! Кто она такая?

— Французанка, кажется....

— Неужели? ахъ, братецъ, ты мой! да не мадама ли? не пойдеть ли она ко мнѣ жить? мнѣ ужасно какъ нужна мадамъ.

— Ее завезъ сюда какой-то господинъ, да и бросилъ.

— Неужели? ахъ какой каналья, бросить такую прекрасную женщину! чтò жъ это, мужъ ея былъ или....

— А почему я знаю, какой мужъ.

— Ну, да мнѣ чтò жъ до этого за дѣло; кто не грѣшенъ; лишь бы по-французски хорошо говорила съ дѣтьми, я бы съ удовольствіемъ взялъ ее, я бы дорого далъ, чтобъ имѣть такую мадамъ. Поди-ко, поди, спроси ее, предложи ей: скажи, что она у меня на всемъ на готовомъ, какъ водится, экипажъ, все, хорошее жалованье.

— Я скажу ей, только заплатите ли вы все, чтò она захля здѣсь?

— Ужъ разумѣется; ахъ, братецъ ты мой, она мнѣ очень понравилась.

Ганза отправилась къ Саломеѣ.

— Вотъ, сударыня, сказала она: какія вы счастливыя; этотъ господинъ предлагаетъ вамъ наняться къ нему въ мадамы, учить дѣтей по-французскому.

Саломея вздрогнула отъ негодованія.

— Жалованье какое угодно, все предлагаетъ вамъ, вы ему

очень понравились.... Ужъ это такое счастье вамъ.... онъ заплотить и мнѣ за васъ.

— И мнѣ это говорить Жидовка! произнесла горделиво Саломея. Oh, Dieu, Dieu!

— Чтò жъ такое что Жидовка, сударыня, я честная Жидовка! я Жидовка, а вы Францужанка! Угодно вамъ — для васъ же я стараюсь, а не угодно, какъ угодно, вы такія гордыя; не знаю чѣмъ вы заработаете заплатить мнѣ; а этихъ комнатъ я за вами оставить не могу.

— Уйду, уйду! вскричала Саломея.

— Кто жъ васъ пустить уходить, сказала Ганза: заплатите, а потомъ и ступайте куда хотите; а не заплатите, такъ я пошлю въ полицію.... Богъ еще васъ знаетъ, кто вы такія.

— Гдѣ этотъ господинъ? позови его сюда! проговорила изступленно Саломея.

— Вы по-напрасну сердитесь на меня, сударыня; я для васъ же стараюсь, сердиться не приходится, сказала Ганза, выходя отъ Саломеи.

— О, Боже мой, чтò мнѣ дѣлать! сказала бросясь на диванъ Саломея.

Слезы снова брызнули изъ глазъ ея; но едва послышались шаги Филиппа Савича, наружность ея приняла обычную величавость.

Филиппъ Савичъ вошелъ; желчное его лицо оживилось и прикрасилось улыбкой удовольствія.

— Я вамъ имѣлъ честь сдѣлать предложеніе, мадамъ, началъ онъ.

— Милостивый государь, я вамъ не могу рассказать своего несчастія; но я васъ прошу помочь мнѣ, избавить меня отъ униженія, заплатить этимъ Жидамъ все чтò они требуютъ, и дать мнѣ уголь, покуда мои родные мнѣ вышлютъ деньги.

— Сдѣлайте одолженіе, зачѣмъ же вамъ беспокоиться о деньгахъ. Я вамъ предлагаю свой домъ, экипажъ, жалованье какое угодно....

Самолюбіе Саломеи затронулось снова; но она воздержалась.

— У меня, изволите ли видѣть, сынъ, лѣтъ пятнадцати, да дочь, лѣтъ десяти, такъ съ ними по-французски только говорить, для упражненія — больше ничего. Жена у меня очень добрая женщина, но больная; я бы ужъ вамъ весь домъ въ распоряженіе отдалъ, какъ.... какъ хозяйкѣ, если только угодно бы было

вамъ.... а если въ тягость, такъ это будетъ отъ васъ зависть.... деньги ли или экипажъ понадобится, для туалета можетъ-быть что-нибудь.... все къ вашимъ услугамъ.

Саломея слушала всё эти предложенія задумавшись.

— Я согласна! сказала она вдругъ рѣшительно.

— Очень, очень радъ! и счастливъ, что это такъ прекрасно устроилось! сказалъ Филиппъ Савичъ, подходя къ Саломеѣ и цѣлуя ея руку: позвольте же узнать ваше имя и отчество.

— Мое имя.... Саломея.

— Саломея, какое прекрасное имя. Вы изъ какихъ мѣстъ Франція?

— Я.... изъ Парижа.

— Такъ сегодня позвольте мнѣ распорядиться насчетъ нѣкоторыхъ дѣлъ, а завтра мы поѣдемъ; покорнѣйше прошу приказывать здѣсь все что вамъ угодно....

— Мнѣ нужно здѣсь пробыть по-крайней-мѣрѣ еще нѣсколько дней.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ, поцѣловавъ еще ручку Саломеи, Филиппъ Савичъ и вышелъ; а Саломея припала на диванъ и предалась своему отчаянію, которое прерывалось частымъ приходомъ хозяйки съ предложеніями: не угодно ли ей чего-нибудь?

На третій день Филиппъ Савичъ съ своей стороны спросилъ ее не угодно ли ей ѣхать? но она отвѣчала: «ахъ, нѣтъ, я еще чувствую себя не такъ здоровою.» Саломея еще надѣялась, что ея Николай воротится, упадетъ на колѣни, въ объятія, съ раскаяніемъ въ своемъ поступкѣ. Ей казалось, что только одна совѣсть показаться ей на глаза удалила его, но любовь воротить.

— О, я готова жить съ нимъ въ хижинѣ и пытаться трудами рукъ! думала она.

Цѣлуя недѣлю не рѣшалась она ѣхать; наконецъ презрѣніе заступило мѣсто изсякшей надежды, и — Филиппъ Савичъ самъ, своими руками, посадилъ ее въ коляску.

Филиппъ Савичъ впродолженіи дороги безъ-сомнѣнія желалъ научиться по-французски. Онъ всё разспрашивалъ, какъ по-французски: что прикажете, какъ вамъ угодно, мое почтеніе и тому подобное.

Ожесточенныя чувства Саломеи противъ любви, рады были какой-нибудь жертвѣ.

— Хмъ! тебя, старый дуракъ, надо свести съ ума! думала она, злобно улыбаясь на надежды Филиппа Савича: влюбленный старикъ! это должно быть очень забавно! Это меня по-крайней-мѣрѣ разсѣять.... О, я васъ научу, подлыхъ мужичиъ, понимать женщину съ сердцемъ!

— Чудный французскій языкъ, Саломея Петровна! какая пріятность! особенно какъ вы говорите! У насъ жила старая Француженка; да мнѣ не вѣрится теперь, Француженка ли она: со-всѣмъ другое произношеніе. Или она изъ простаго французскаго народа, изъ какого-нибудь французскаго захолустья. Теперь я вижу, какая разница и въ обращеніи, и во всемъ. Клянусь вамъ, что впервые вижу въ васъ настоящую Француженку; что наши русскія женщины!

Саломея невольно забыла и свое горе и свою привычную важность, и засмѣялась на похвалу Француженкамъ.

— Какимъ образомъ сказать, на примѣръ, по-французски: какъ вы милы?

— Je suis un vieux fou.

— Жу сви зынъ ве фу, какъ это прекрасно! а: я васъ люблю?

— Je suis une bête à corne.

— Жу сви зынъ бетакоръ, мадамъ, такъ?

— Совершенно такъ!

— Вотъ видите ли, и я выучился по-французски.

— Ну, Любовь Яковлевна, сказалъ Филиппъ Савичъ, пріѣхавъ домой: я нанялъ такую Француженку для дѣтей, что удивленіе! это ужъ не какая-нибудь прачка мадамъ Вождъ; это, братецъ ты мой, только по счастливому случаю.

Простодушная Любовь Яковлевна испугалась, взглянувъ на вошедшую мадамъ Француженку. Свѣтская важность и какая-то великолѣпная наружность Саломеи смутили ее. Она почувствовала себя такой ничтожной передъ нею, что не знала какъ встрѣтить ее и что начать говорить.

— Извините меня, сказала она, приподнявшись: я не знаю по-французски.

— Я знаю по-русски, отвѣчала Саломея, сѣвъ подлѣ дивана на стулъ.

Всѣ въ домѣ также смотрѣли на нее, какъ на прѣхавшую съ визитомъ, какъ говорится, принцессу нигерманландскую. Только Филиппъ Савичъ не боялся ея важности, потому что онъ никого не боялся, кто хоть сколько-нибудь подпадалъ подъ его зависимость. Онъ боялся только тѣхъ, отъ которыхъ самъ могъ чѣмъ-нибудь зависѣть. Не испугался ее и Георгій, на котораго она бросила плѣнительный взоръ съ чарующей улыбкой, когда отецъ представилъ ей сына.

Покуда Филиппъ Савичъ самъ заботился насчетъ убранства комнаты, предназначаемой для мадамы, Любовь Яковлевна рѣшилась сдѣлать ей нѣсколько вопросовъ, и рада была, когда она наконецъ пошла въ свою комнату.

— Помылуй, Филиппъ Савичъ, откуда ты взялъ такую бонтонную Француженку? Такая важная особа, что это ужасъ!

— А! такую-то я и хотѣлъ имѣть мадамъ для дочери! сказалъ Филиппъ Савичъ: это не изъ простыхъ, а изъ настоящихъ Француженокъ, съ которыхъ берутъ тонъ всѣ наши княгини и графини.

Любовь Яковлевна не умѣла противорѣчить, и замолчала.

Безъ сомнѣнія, не всѣмъ извѣстно, что значитъ «чортова гостя». Подробности значенія этого слова надо спросить въ переднихъ, въ дѣвичьихъ и вообще въ людскихъ. Это вообще гостя, отъ которой бросаетъ всѣхъ то въ потъ, то въ ознобъ. Не прошло недѣли, Саломея прослыла у всей прислуги Филиппа Савича и Любови Яковлевны, чортовой гостей. Филиппъ Савичъ строго наблюдалъ, чтобъ всѣ оказывали новой мадамъ особенное уваженіе. Если Саломея Петровна скажетъ: — Человѣкъ, подай мнѣ воды, всѣ наличные должны были бѣжать за водой, а всѣ прочіе знать, что мадамъ проситъ воды и другъ другу напоминать, что мадамъ проситъ воды! иначе бѣда. До нее за-частую люди ходили безъ перемовій, по-домашнему, замарашками, и подавали все голыми руками. Саломея Петровна только проговори-лась, что не можетъ видѣть человѣка, который похожъ на чумичку, не можетъ смотрѣть безъ отвращенія на лакейскія руки, Филиппъ Савичъ, что называется, оборвалъ всю людскую за малѣйшую нечистоту и неопрятность и приказалъ всѣмъ обвертывать свои скверныя руки въ салфетки. До Саломеи Петровны идетъ-себѣ людской говоръ по дѣловому дому съ раннего утра до поздней ночи. Саломея Петровна спросила раза два-три: гдѣ это такой шумъ? и настала въ домѣ тишина. Никто не смѣлъ гово-

рить между собою вслухъ, а нето Филиппъ Савичъ *заметь* ротъ. Саломея почивала до полудня, иногда отдыхала и послѣ обѣда: во всемъ домѣ знаютъ, что мадамъ почиваетъ. По корридорю, мимо ея комнаты, никто и на цыпочкахъ не ходитъ, изъ дѣвчичей въ переднюю и обратно бѣгаютъ черезъ дворъ.

Если за столѣмъ какое-нибудь блюдо Саломея Петровна попробовала, но не стала кушать, — повара самого жарили. Если прачка худо выпарила бѣлье, дѣвка худо выутюжила, и Саломея Петровна, развернувъ чистый платокъ, посмотритъ и поморщится — прачкѣ быть пареной, а дѣвкѣ утюженой. Если Саломея Петровна подойдетъ къ зеркалу скажетъ: ахъ, какъ я сегодня скверно причесана! — приставленной къ ней горничной не пройдетъ безъ прически.

Любови Яковлевны какъ-будто не существуетъ въ домѣ; на ея попеченіи осталась только выдача прачкѣ чернаго бѣлья, да приемъ чистаго. Во все время замужества она сама заказывала столъ по своему вкусу и Филиппъ Савичъ не причудничалъ, все было и ему по вкусу; но вдругъ то не по вкусу, того недостаетъ, всякой день выговоръ Любови Яковлевнѣ, и при первой ея болѣзни поваръ поступилъ въ распоряженіе Саломеи Петровны.

На сторонѣ начали покачивать головами, а дворян и деревня поняли, что наибольшая въ домѣ Саломея Петровна и къ ней слѣдуетъ ходить съ поклонами, у нее обо всемъ спрашиваться.

Для Любови Яковлевны только и осталось отрады, что Юлія Павловна—шепчутся, шепчутся, наплачутся вдвоемъ, да и разойдутся. У Юліи Павловны, кромѣ горя друга и свое есть горе. Георгій не только что не обращаетъ на нее вниманія, но даже забываетъ иногда и кланяться: такъ пристально занялся онъ французскимъ языкомъ, науками и искусствами—Саломея Петровна его учитъ и рисованью и музыкѣ, географіи, исторіи. Саломея сама все плохо знала и ее учили наукамъ и искусствамъ, но методъ отученія отъ наукъ и искусствъ, посредствомъ учителей, неумѣющихъ учить. Ученіе ея также было нечто иное, какъ сидѣніе за книгой, какъ-будто для того, чтобъ ребенокъ *занимался дѣломъ*, не шалить. Танцы—это дѣло другое, это неизбѣжное познаніе, немножко музыки—также; нельзя въ большомъ свѣтѣ не умѣть стучать по фортепьяно; а французскій языкъ—о, безъ него человекъ, а особенно русскій, совершенно безсловесное существо. Французская мода, французскій тонъ, духъ и духи, жеманство,

Французскія слабости и пороки и, словомъ, всё французскія добродѣтели—необходимы, умѣнье о томъ говорить, чего не знаешь, схватывать верхки—все это надо изучить, перенять, поддѣлаться. Саломей никто не сказалъ: ты, душа моя, человекъ русской, для чего же тебѣ французить; насъ съ тобой перерядили, да не переродили, что жъ толку? не смѣшно ли цѣлый вѣкъ играть чужую роль, быть бездушной копіей живыхъ оригиналовъ. Подумай, о чемъ ты думаешь съ утра до вечера? о томъ, чтобы ожить въ себѣ журнальную моду. Что дѣлаешь цѣлый вечеръ? Тайно сравниваешь себя съ другими. Когда жъ тебѣ подумать о себѣ самой, о внутреннемъ своемъ мірѣ, о душѣ, которая сидитъ въ тебѣ безъ дѣла, голенькая, безъ одежды, безъ прикрасы, молчитъ, не смѣетъ вымолвить ни словечка по-свѣдому.

Георгій очень понравился Саломеѣ Петровнѣ.—Я образую его умъ и душу, я сдѣлаю изъ него образецъ мужчинъ! думала она, смотря на него во время занятій. Эта мысль, какъ сладкое чувство, быстро овладѣла ею; никакое разсѣяніе не помогло бы такъ скоро изгнать изъ памяти Дмитрицкаго, и отвлечь отъ всѣхъ воспоминаній.

Она начала его учить на фортепьянахъ; Георгій страстно любилъ музыку. Фортепьяны изъ залы были перенесены въ комнату Саломей Петровны; во все время уроковъ, такъ же какъ и во время сна, никто не смѣлъ не только войти въ двери, но и пройти по корридору. Георгій и Розалія учились поочередн. Успѣхи Георгія были необычайны. Но вмѣстѣ съ этимъ для чувствъ его настала новая жизнь. Наставница была для него опасна; когда голубые, томные глаза ученика встрѣчались съ ея чернымъ, пасмурнымъ взоромъ, онъ краснѣлъ.

За прилежаніе она цѣловала его въ голову; но какую разницу чувствовалъ Георгій между лаской старой Вождѣ и лаской женщины, пылающей жизнью и еще не испытавшей любви тихой, скромной, возгорающейся отъ взоровъ и постепенно раздуваемой задумчивымъ воображеніемъ! Но у Саломей не чисто было уже воображеніе; она скоро почувствовала жажду приковать Георгія къ себѣ. И не было бы Георгія, гордость ея не перенесла бы ни значительныхъ взоровъ Филиппа Савича, ни многозначительныхъ его намековъ.

Вѣроятно, въ подтвержденіе пословицы: «Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро», Филиппъ Савичъ сталъ сходить съ ума отъ Саломей Петровны, и всѣми возможными неудовольствіями выжи-

вать бѣдную Любовь Яковлевну, если не съ бѣлаго свѣта, такъ изъ дому. О тяжбѣ онъ и думать забылъ.

— Саломея Петровна, сказалъ онъ однажды: вы лучше родной матери для дѣтей монаховъ; съ-тѣхъ-поръ какъ вы здѣсь, весь домъ у меня сталъ на ногу; вы полная хозяйка въ немъ, для васъ у меня нѣтъ ничего завѣтнаго: распорядитесь по вашей волѣ и мной и всѣмъ, что мнѣ принадлежитъ....

— Вы слишкомъ много даете мнѣ правъ, Филиппъ Савичъ: у васъ есть супруга, сказала Саломея голосомъ простоты и великодушія.

Эти слова, сказанныя съ намѣреніемъ только что-нибудь сказать для воздержанія порыва Филиппа Савича, имѣли плохія послѣдствія для Любови Яковлевны. Филиппъ Савичъ понялъ ихъ по-свѣдому. Ему казалось, что Саломея отвѣчала:

— Я бы приняла ваше предложеніе, если бъ у васъ не было супруги.

=

?

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ПИКИЛЬО АЛЛЫАГА,

ИЛИ

МАВРЫ ПРИ ФИЛИПШЪ-ТРЕТЬЕМЪ.

=

РОМАНЪ ЕВГЕНІЯ СКРИБА.

=

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

=

Графиня д'Альтамира, несмотря на свою службу, мало бывала собственно при дворѣ и въ Валадолидѣ жила не во дворцѣ, а въ собственномъ замкѣ, неподалеку отъ Медины, на берегу Дуэро, въ уединенномъ и живописномъ мѣстѣ, которое чрезвычайно понравилось Карменъ и Анхѣ.

Карменъ не имѣла надобности въ занятіяхъ: бродя по аллеямъ большаго парка, она мечтала о Фернандѣ и этого ей было довольно. Анха, которая, вѣроятно, не хотѣла ни о комъ мечтать, ни на минуту не оставалась безъ дѣла. Одно изъ любимыхъ ея раз-

влеченій состояло въ живописи, для которой она со своими карандашами и кистями по цѣлымъ днямъ бродила по гористымъ окрестностямъ отыскивая виды, достойные вниманія. Въ-особенности ее привлекало мѣстоположеніе одной фермы, неподалеку отъ замка, и туда она ходила всего чаще.

Фермерша была женщина довольно бѣдная состояніемъ и богатая дѣтми. Старшая дочь ея выходила замужъ. Анха занялась осуществленіемъ мечты бѣдной дѣвушки, приложила свою долю къ приданому и сама помогала готовить. Эта пыкая и благородная душа, которая считала все возможнымъ для твердой воли, конечно, предчувствовала для себя какое-нибудь несчастье и, рѣшившись побѣдить себя и свои мысли, съ жаромъ принялась за трудъ, за работу, за ученье и за развлеченіе въ благотворительности.

Въ то же время, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мирной фермы, въ валадоландскомъ дворцѣ кипѣли нныя страсти. Герцогъ Лерма съ нѣкоторыхъ поръ примѣтилъ въ королѣ необыкновенное волненіе и лихорадочное безпокойство.

— Что это значитъ? спросилъ онъ у своего сына, Уседы: что сдѣлалось съ королемъ?

— Ничего. Смутное безпокойство, которому нужны воздухъ и движеніе, а король всё сидитъ въ четырехъ стѣнахъ.

— Правда. Нужно устроить....

— Чт ?

— Какую-нибудь процессію, чтобы развлечь его.

— Я бы лучше сдѣлалъ.

— Что же? скажи.

— Я устроилъ бы охоту.

— Пѣтъ, это слишкомъ утомительно. Король не привыкъ.

— Ничего! Мы только послѣдовали бы за охотою въ коляскѣ.

— Ну, это еще можно.

И на другой день охоту устроили. Она кончилась благополучно и король, послѣ трехъ-часовой прогулки въ коляскѣ, воротился въ восхищеніи отъ своей экспедиціи. Онъ видѣлъ, какъ скакали лошади; слышалъ, какъ трубили въ рога, какъ лаяли собаки, и подышалъ чистымъ, свѣжимъ воздухомъ. Послѣ всего этого онъ пообедалъ съ такимъ аппетитомъ, какого давно уже не ощущалъ. Дня черезъ два-три захотѣлось еще.

Первый министръ, по совѣщаніи съ великимъ инквизиторомъ, не нашелъ въ этомъ ничего предосудительнаго, и вторую охоту устроили.

На этотъ разъ королю захотѣлось отправиться верхомъ. Это объявилъ въ самую послѣднюю минуту, такъ, что совѣщаться было нѣкогда. Отправилъ. Охота началась послѣ полудня, потому что утромъ мѣшалъ дождь. Потомъ погода разгулялась, можно было провести на охотѣ часа два или три. Такъ и предполагали, но вышло иначе. Время склонилось къ вечеру, а олень всё-еще не затравилъ. Король съ герцогомъ Уседой нѣсколько удалился отъ своей свиты и сталъ жаловаться на утомленіе.

— Такъ что жъ, ваше величество, сказалъ Уседа: оставимъ охоту. Пусть егеря одни доканчиваютъ.

— Но что жъ мы скажемъ, когда воротимся одни?

— Скажемъ, что заблудились, потеряли слѣдъ. Мы теперь и въ самомъ дѣлѣ далеко отстали: насъ никто теперь не увидитъ. Поидемте сюда, по этой аллеѣ, ваше величество. Черезъ полчаса будемъ во дворцѣ.

— А ты знаешь эту дорогу?

— Знаю, ваше величество. Мы отсюда тотчасъ выйдемъ изъ лѣсу.

Поскакали. Черезъ нѣсколько минутъ герцогъ повернулъ направо, потомъ паправо, потомъ опять направо, а большая дорога всё-еще не показывалась.

— Странно! сказалъ король: мы, кажется, удаляемся отъ Валладолида!

— Не думаю, ваше величество.

— Однако жъ, ты не увѣренъ?

— Увѣренъ, ваше величество. Я хорошо знаю здѣсь мѣста. (Онъ въ самомъ дѣлѣ хорошо зналъ дорогу.) Днемъ я не могу заблудиться. Но теперь вечеръ.... темно.... и.... кажется, я въ самомъ дѣлѣ ошибся.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ король, встревожившись.

— Никого нѣтъ, у кого бы спросить. Охоты давно уже не слышать.

— Но, герцогъ, неужели мы въ самомъ дѣлѣ заблудились? спросилъ король, стараясь улыбнуться.

— Кажется, ваше величество.

— Совсѣмъ заблудились?

— Вѣрно, Богъ хотѣлъ избавить насъ отъ жи.

— Ну, съ этой стороны оно, конечно, хорошо. Однако жъ, я предпочелъ бы ужъ лучше солгать, лишь бы не плутать въ лѣсу.... въ осемь часовъ вечера.

— Теперь больше, ваше величество. Половина девятого.

— Прекрасно! Вотъ исторія! Со мной въ жизнь мою ничего подобнаго не случалось.

— Такъ что жъ, ваше величество! Это по-крайней-мѣрѣ ново. Приключеніе!

— Правда.... однако жъ, я голоденъ, герцогъ.

— А! вотъ ужъ это не романтическое приключеніе.... Но.... посмотрите, ваше величество.... вонъ тамъ, между деревьями.... видите свѣтъ?

— Вижу.

— Отправимся въ ту сторону и мы спасены.

Король развеселился и поскакалъ впередъ по длинной и широкой аллеѣ.

— Ты правъ, герцогъ, говорилъ онъ смѣясь: ты правъ! Это ново! это прекрасно! Да здравствуютъ приключенія! Я очень радъ, что мы заблудились. Этотъ свѣтъ — на какой-нибудь фермѣ, въ какой-нибудь хижинѣ. Мы плохо пообѣдаемъ, но всё-равно.

— Это-то и интересно, ваше величество.

— Правда, и то правда, герцогъ.

— Намъ угостятъ молокомъ и хлѣбомъ.

— О такомъ обѣдѣ я слышалъ, но никогда не пробовалъ.

— Теперь попробуете.

— Кому же фермеръ или поселянинъ не будетъ знать, кто мы.

— Мы будемъ въ совершенномъ никогнито.

— И прекрасно! Мы заставимъ мужика поговорить о твоёмъ отцѣ, о герцогѣ Лермѣ.

— И услышимъ, можетъ-быть, какъ его бранятъ.

— Это будетъ весело! Потомъ мы поговоримъ обо мнѣ, о королѣ.

— И услышимъ, какъ народъ благословляетъ ваше величество, прибавилъ Уседа.

— Я думаю, по-крайней-мѣрѣ, отвѣчалъ король съ довольнымъ видомъ: народъ мой знаетъ, что я всегда желаю ему добра. Это будетъ для меня восхитительный вечеръ!

— Такъ вы не жалѣете, что заблудились, ваше величество?

— Напротивъ, я восхищенъ.... Однако жъ этой аллеѣ нѣтъ конца.

— Скоро, скоро, ваше величество.... Вотъ мы и пріѣхали.

Зданіе, передъ которымъ они остановились, не походило ни на хижину, ни на ферму. То былъ готическій павильонъ, на углу безконечнаго каменнаго забора, который окружалъ паркъ. Почти подъ самымъ окномъ, изъ котораго разливался путеводный свѣтъ, находилась небольшая калитка въ заборѣ. Охотники стали

кликать и стучаться. Никто не являлся и калитка не отворялась. Король, привыкшій къ немедленному исполненію своихъ повелѣній въ подобныхъ случаяхъ, съ изумленіемъ и досадой посмотрѣлъ на Уседу. Это было почти несчастіе для Филиппа, тѣмъ болѣе, что въ лѣсу становилось темно и холодно, набѣгали тучи и сталъ накрапывать мелкій дождь. Король вмѣгъ опять разлюбилъ заключенія.

— Какая досада! вскричалъ онъ: что мы теперь станемъ дѣлать!

Герцогъ сталъ стучать сильнѣе, и самъ, казалось, терялъ терпѣніе.

— Однако жъ, не въ лѣсу же намъ ночевать! сказалъ король почти съ отчаяніемъ: а далѣе ѣхать, не отдохнувши, я не въ состояніи: я смертельно усталъ.

— Позвольте, ваше величество.... Окно, кажется, отворено... Никто не отворяетъ и не отвѣчаетъ, стало-быть, въ павильонѣ никого нѣтъ. Вы можете войти и укрыться по-крайней-мѣрѣ отъ дожда, а я между-тѣмъ поѣду вдоль этого забора и найду же, наконецъ, домъ или людей.

— Прекрасно, но какъ-же я войду въ павильонъ?

— А черезъ окно, ваше величество.

— Да какъ же можно? Высоко!

— Ничего, ваше величество, встаньте на лошадь.... я подержу.... и влѣзете очень удобно.

— На приступъ лѣзть!

— На приступъ, ваше величество, по-военному.

— Вотъ и этого я никогда еще не испытывалъ! вскричалъ король, опять развеселившись: это, право, интересно! Полѣземъ, полѣземъ на приступъ; маршъ!

И король всѣхъ Испаній и Индій, при помощи своего совѣтника, всталъ на лошадь и полѣзъ въ окно.

— Хорошо, хорошо, ваше величество! bravo, вотъ такъ! говорилъ герцогъ: теперь вы въ безопасности, а я поѣду отъискывать людей, узнавать, гдѣ мы и, надѣюсь, скоро ворочусь.

Герцогъ привязалъ королевскую лошадь къ дереву, сѣлъ на свою и ускакалъ.

Король осмотрѣлся въ павильонѣ. Комната, въ которую онъ влѣзъ, представляла нѣчто въ родѣ прихожей, очень изящно убранной и освѣщенной алебастровою лампой, которая стояла на мраморномъ столѣ. По сторонамъ находились двѣ двери изъ дорогаго дерева, съ великолѣпною рѣзною работой. Филиппъ отво-

рилъ одну и его едва не ослѣпилъ свѣтъ отъ множества свѣтъ. Комната, нѣсколько просторнѣе первой, была убрана роскошно: на стѣнахъ обои и зеркала, на плафонѣ живопись; мебель шелковая; въ углу мраморный каминъ и въ каминѣ веселый огонь; посрединѣ комнаты накрытый столъ и на столѣ не хлѣбъ съ молокомъ, а роскошный обѣдъ или ужинъ, для одного, съ однимъ приборомъ, точно какъ-будто для него приготовлено.

Король съ изумленіемъ осмотрѣлся кругомъ, вышелъ назадъ въ прихожую: никого! ни живой души! Онъ отворилъ другую дверь, которая выходила въ садъ. И тамъ никого! Вездѣ тихо, безмолвно, а между-тѣмъ его какъ-будто ждали. И убѣжище было такъ привлекательно, такъ великолѣпно, что Филиппу казалось, что онъ никогда не видалъ ничего подобнаго въ своихъ дворцахъ.

Онъ опустился на мягкій пуховый диванъ и сталъ разсуждать, уживать ему или нѣтъ. Приключеніе до сихъ-поръ было какъ-нельзя болѣе интересно и походило на волшебство....

— Что, если это и въ самомъ дѣлѣ волшебство!...

Вдругъ послышались легкіе шаги. Дверь отворилась и вошла молодая женщина или дѣвушка, красавица, съ чудесными черными глазами и обворожительною улыбкой.

Король всѣхъ Испаній и Индій никогда въ жизнь свою не видывалъ ничего удивительнѣе и прекраснѣе этой дѣвушки. Онъ въ изумленіи и восхищеніи устремилъ на нее глаза и не могъ слова сказать, опасаясь своимъ голосомъ спугнуть, разсѣять призракъ.

— Извините, сеньоръ, что я заставила васъ дожидаться, привѣтливо сказала дѣвушка.

Прибытіе донъ-Фернанда д'Альбайда нѣсколько помѣшало графинѣ д'Альтамира, но не остановило ея дѣйствій. Отецъ Хероме и Эскорбаръ каждый день побуждали ее приступить къ выполненію плана; но это былъ совершенно лишній трудъ, потому что графиня сама больше всѣхъ своихъ сообщниковъ горѣла нетерпѣливымъ желаніемъ осуществить свою мечту. Орудіе было избрано. Оставалось только употребить его кстатѣ, при удобномъ случаѣ. Продавъ такого случая долгое время напрасно, она рѣшилась сама устроить его и сообщила Уседѣ всѣ нужныя наставленія, вслѣдствіе которыхъ король Филиппъ и отправился на охоту.

Главною задачею для нея было показать королю свою племянницу интереснымъ и неожиданнымъ образомъ, такъ, чтобы онъ былъ пораженъ, чтобы онъ влюбился. Остальное все входило въ

разрядъ обыкновенныхъ интригъ. Даже поссорить Кармень съ Фернандомъ для нея ничего не стоило.

Можетъ-быть, она даже примѣтила склонность Фернанда къ Анхѣ. Всѣмъ этимъ можно было воспользоваться, такъ же какъ и ревностью и потчаивіемъ племянницы. Чтò касается до правды и понятій о нравственности, то ихъ можно было побѣдить, если не возбужденіемъ честолюбія, такъ наставленіями Эскобара, который для этого и сдѣлапъ духовникомъ Кармень.

Такимъ образомъ все было готово къ генеральному сраженію, но тутъ пріѣхалъ Фернадъ. Нужно было удалить его. Въ это время въ Португаліи обнаружилась смута. Дѣло было не очень важное, однако требовало присутствія чловѣка мужественнаго, умнаго и уважаемаго. Герцогъ Уседа первый заговорилъ съ министромъ и съ королемъ о Фернадѣ д'Альбайдѣ, который за свои подвиги въ Нидерландахъ имѣлъ право на милость. Такое предложеніе со стороны личного врага дѣлало много чести герцогу Уседѣ. Герцогъ Лерма согласился на назначеніе, сколько затѣмъ чтобы угодить желанію короля, столько же и для того чтобы помочь сыну пріобрѣсть репутацію великодушнаго. Къ счастью, случилось такъ, что и лучшаго выбора сдѣлать было нельзя. Фернанду приказано отправиться въ Лиссабонъ безъ малѣйшаго промедленія.

Успокоенная наконецъ и съ этой стороны, графиня д'Альтамира также немедленно приступила къ выполненію своего плана. Этому способствовало даже счастливое расположеніе другихъ обстоятельствъ. Анха много занималась пейзажемъ, который писала на фермѣ, и сверхъ-того приданымъ фермерской дочери, такъ, что проводила тамъ по цѣлымъ днямъ и, возвратясь домой, почти не выходила изъ своей комнаты, а иногда даже оставалась ночевать на фермѣ, чтобы пользоваться восходомъ солнца для своей картины.

Утромъ того дня, когда король во второй разъ выѣзжалъ на охоту, графиня дѣлала большія приготовленія, особенно въ павильонѣ, на краю парка, подлѣ оранжерей. На вопросы дѣвухекъ, которые сама старалась вызвать, графиня отвѣчала, что ждетъ родственника.

— Кто же это? спросили дѣвухки съ любопытствомъ.

— Двоюродный братъ моего мужа, донъ-Августъ де-Вильяфлоръ. Онъ хотѣлъ провести у меня нѣсколько дней, но сегодня я, къ сожалѣнію, получила письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что пробудеть не болѣе нѣсколькихъ часовъ.

— Отчего же такъ?

— Опъ приѣхалъ сегодня утромъ, но король пригласилъ его съ собою на охоту, а вечеромъ онъ принужденъ отправиться въ Бургосъ, съ важнымъ порученіемъ, такъ что онъ можетъ приѣхать ко мнѣ уже послѣ охоты и то на часокъ.

— Ахъ, какъ жаль! вскричала Анха: стало-быть я вовсе не увижу его. Мнѣ сегодня непременно нужно отправиться на ферму. Впрочемъ, всё-равно: донъ-Августинъ де-Вильяфлоръ пробудетъ здѣсь такъ мало времени, что едва успѣетъ повидаться съ своими родными. Лучше же мнѣ ужъ и не мѣшаться въ новое знакомство.

— Правда, моя милая, подтвердила графиня: зато ты, Карменъ, должна принять моего двоюроднаго брата какъ-можно любезнѣе. Это для меня очень важно, потому что я не совсѣмъ хорошо лажу съ родственниками моего мужа, а кузенъ де-Вильяфлоръ одинъ изъ всѣхъ питаетъ ко мнѣ нѣкоторую привязанность. Я надѣюсь, что ты поможешь мнѣ устроить такъ, чтобы онъ пріятно провелъ у насъ время.

— О! будьте увѣрены, тѣтушка, я сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть.

Послѣ этого окончены приготовленія въ павильонѣ и именно въ павильонѣ, ддятого чтобы кузенъ де-Вильяфлоръ могъ удобнѣе и скорѣе отдохнуть отъ утомленія, не объѣзжая вокругъ, а вошедши прямо изъ лѣсу, черезъ садовую калитку.

Анха отправилась на ферму. Графиня осталась съ Карменъ почти одна въ замкѣ, потому что и людей понадобилось большею частію разослать въ разные концы. Остались всего одна горничная и одинъ лакей.

Сверхъ всего этого сама графиня была не совсѣмъ здорова: съ утра уже у нея болѣла голова и появлялись спазмы. Сначала припадки были такъ слабы, что ни сама она, ни дѣвушки не обращали вниманія, но по уходѣ Анхи болѣзнь вдругъ усилилась. Карменъ хотѣла послать за докторомъ, но графиня не согласилась: она надѣялась, что пройдетъ и такъ, если ляжетъ и отдохнетъ немножко.

Ее раздѣли и положили въ постель. Пробыло осемь.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Карменъ: а донъ-Августинъ де-Вильяфлоръ, котораго вы ждете?

— Ахъ, да, отвѣчала графиня: вообрази, вѣдь я совсѣмъ было забыла.... Ахъ!...

И спазмы усилились.

— Кармень! милая Кармень! ты видишь, я не могу принять его въ такомъ состояніи.

— Конечно, нѣтъ, тѣтушка. Я пошлю сказать ему....

— Черезъ людей! Какъ можно, милая! Нѣтъ, ужъ лучше ты сама ступай.

— Хорошо, тѣтушка, я сама пойду.

— Пойди, душенька, за меня, проведи съ нимъ часъ времени... Онъ, вѣроятно, не долге пробудеть. Извинись за меня.... Этакое несчастіе!.. Въ первый разъ кузень де-Вильяелоръ прїѣзжаетъ ко мнѣ въ этотъ замокъ и я не могу сама встрѣтить его.... Но.... вѣдь и ты ему кузина, Кармень.... Ахъ!... ахъ, Боже мой!... какъ я страдаю!..

Кармень употребила всѣ средства, чтобы успокоить тѣтку и унять припадки, которые возобновлялись при малѣйшемъ противорѣчїи. Больная, утомленная не на шутку, отерла потъ съ лица и закрыла глаза. Кармень тихонько вышла и побѣжала въ павильонъ.

На дорогѣ ее встрѣтила Аиха.

— Откуда ты? спросила Кармень съ удивленїемъ.

— Съ фермы. Я получила записку отъ донъ-Фернанда.

— Отъ донъ-Фернанда?... записку?... на фермѣ!

— Да. Человѣку было приказано отдать записку мнѣ въ руки. Не нашедши меня дома, онъ принесъ на ферму.

— Какая же записка?

— Вотъ, увидишь. Пойдемъ въ твою комнату.

Дѣвушки отправились наверхъ и тамъ Аиха передала подругѣ записку. Она была слѣдующаго содержанїя :

« Сеньора,

« Мнѣ дано порученїе, конечно, очень почетное, но какъ-нелъ-
« за болѣе непрїятное въ настоящую минуту. Я принужденъ не-
« медленно уѣхать и особенныя необыкновенныя побужденїя къ
« поспѣшности порождаютъ у меня подозрѣнїя, которыя еще
« усиливаются отъ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ. Я дол-
« женъ ѣхать. Всѣ думаютъ, что я уже на дорогѣ въ Лисса-
« бонъ, а я еще здѣсь. Мнѣ непремѣнно нужно видѣться съ
« вами, но такъ, чтобы графиня д'Альтамира не знала. Дѣло
« идетъ о чести и спокойствїи Кармень и о моихъ тоже. »

— Чтò же ты отвѣчала? спросила Кармень съ трепетомъ.

— Я отвѣчала, что не могу принять донъ-Фернанда на фермѣ.

— Отчего?

— Оттого что... во-первыхъ, это неприлично; во-вторыхъ... пусть онъ лучше тебѣ самой скажетъ, что нужно... и, наконецъ, онъ и самъ, я думаю, желаетъ проститься съ тобой.

Карменъ пожала подругѣ руку.

— Ступай ты на ферму, Карменъ: я уже сказала посланному, что ты придешь.

— Но какъ же я пойду?... одна!

— Дочь фермерши, Марикита, проводитъ тебя. Она здѣсь. Впрочемъ, если хочешь, и я пойду съ тобой.

— Да, лучше. Пойдемъ вмѣстѣ.

И дѣвушки поспѣшно сошли съ лѣстницы. Но спустившись въ садъ, Карменъ вдругъ остановилась.

— Невозможно! вскричала она: я совсѣмъ забыла о кузинѣ де-Вильяфлорѣ!

И она рассказала, какъ обѣщала принять гостя.

— Да! это задача. Но не могу ли я принять его? спросила Аиха.

— И прекрасно! Прими, Аиха, душенька, прими!

— Вѣдь онъ тебя не знаетъ въ лицо?

— Вовсе нѣтъ. Пожалуйста, умоляю тебя, будь любезна, будь ласкова. Тѣтушка такъ просила.

— Постараюсь, будь спокойна. Ступай только на ферму.

— А ты спиши въ павильонъ. Я боюсь не ждать ли нашъ гость.

Карменъ съ Марикитой побѣжала на ферму. Аиха черезъ минуту была уже въ павильонѣ и извинялась передъ гостемъ, что заставила его ждать.

Необыкновенно ласковый привѣтъ и извиненіе еще больше изумили короля. Онъ совершенно смутился и не зналъ, что придумать и за кого его принимаютъ. Очевидно было только то, что его или кого-нибудь другаго на его мѣстѣ ожидаютъ.

— Садитесь же, донъ-Августинъ де-Вильяфлоръ.

Король узналъ, какъ его зовутъ. Это была важная статья. Онъ сѣлъ и продолжалъ смотрѣть на дѣвушку.

Аиха, принявъ на себя роль Карменъ, объяснила кузеню де-Вильяфлору, въ какомъ больная графиня д'Альтамира отчаяніи, что не можетъ принять его сама и принуждена послать за себя племянницу.

Король вздохнулъ свободнѣе. Онъ узналъ, что находится у

графини д'Альтамира, у одной из придворных дам своей жены, и сверх-того познакомился съ прелестной племянницей этой дамы. Послѣ этого уже безопасно можно было предаться наслажденіямъ никогнито. Онъ охотно принялъ на себя роль двоюроднаго брата милой хозяйки, которая принимала его, и совершенно притворно сожалѣлъ о болѣзни графини, которая, конечно, лишила бы его возможности скрыть свое королевство подъ маской донъ-Августина де-Вильяфлора.

Филиппъ былъ счастливъ какъ освобожденный узникъ, какъ школьникъ въ каникулы. Черноглазая красавица приводила его въ восхищеніе своимъ непринужденнымъ и веселымъ обращеніемъ, которому онъ не зналъ ничего подобнаго при своемъ дворѣ. Онъ забылъ про свой голодъ. Но Анха напомнила.

— Хорошо вы поохотились, донъ-Августинъ? спросила она.

— Какъ, кухня.... вы знаете?

— Да, я знаю, что вы сегодня же отправляетесь въ Бургосью, несмотря на это, всё-таки были на королевской охотѣ.... Какая дѣятельность! Зато вы, я думаю, порядочно устали!

— Да, немножко.

— И проголодались?

— Очень, милая кухня.

— Тѣтушка поручила мнѣ угощать васъ. Не угодно ли покушать?

И Анха исполняла всѣ обязанности гостепріимной хозяйки съ такою прелестію, что король неразъ въ душѣ позавидовалъ родству донъ-Августина де-Вильяфлора съ племянницей графини д'Альтамира.

— Такъ вы были съ королемъ на охотѣ, донъ Августинъ?

— Да; мы не разставались съ нимъ.

— О! поэтому, я думаю, вы порядочно скучали?

— Отчего же вы такъ думаете?

— Оттого, что король не можетъ быть занимателенъ.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Никто. Но онъ, говорятъ, ханжа.

— Онъ только набобожень и благочестивъ, сеньора, возразилъ донъ-Августинъ, опустивъ глаза на тарелку.

— Можеть-быть.... Не прикажете ли вина, донъ-Августинъ?

— Пожалуйте, кухня. Такъ вы не любите короля?

— Котораго, донъ-Августинъ?

— Какъ, котораго? Развѣ въ Испаніи два короля?

— Разумѣется. Такъ по-крайней-мѣрѣ всѣ говорятъ.

— Кто же она? спросилъ донъ-Августинъ съ смущеніемъ.

— Какъ, кто? Филиппъ-Третій и герцогъ Лерма. Одинъ корону носитъ, другой царствуетъ и правитъ. Многіе невидятъ послѣдняго.

— А вы презираете перваго?

— Пѣтъ, я сожалѣю объ немъ. Говорятъ, онъ добръ, но только слабъ....

— Слабость, стало-быть, великое преступленіе? вскричалъ король полунасмѣшливымъ тономъ.

— У частнаго человѣка оно, можетъ-быть и не преступленіе, а только недостатокъ; но у государя — непременно преступленіе.....

— Говорятъ, однако жъ, что у него министръ человѣкъ съ дарованіемъ....

— Да, съ дарованіемъ набивать свой карманъ!

— Онъ старается о славѣ своего отечества, продолжалъ король, оглаживая крыло куропатки : онъ любитъ Испанію....

— Какъ вы любите куропатокъ, донъ-Августинъ, возразила Анха. Но вы не пѣте. Позвольте вамъ палить.

Веселость короля и въ самомъ дѣлѣ немножко померкла. Онъ, было, всей душой предавался удовольствіямъ своего интереснаго положенія и вдругъ ему пришлось совершенно неожиданно выслушать горькую истину, которая поражала тѣмъ болѣе жестоко, что откровенная дѣвушка, очевидно, высказывала ее безъ всякаго намѣренія, безъ предубѣжденія и безъ ненависти, потому что никогда не видывала и не желала видѣть короля.

Однако жъ король мало-по-малу оправился. Глядя на Анху, невозможно было сердиться. Она была мила, она была умна и въ черныхъ блестящихъ глазахъ ея отражался благородный, гордый характеръ. Мало-по-малу ему пришли на мысль идеи отца Хероме и герцога Уседы и, выпивъ въ разсѣянности нѣсколько рюмокъ вина, онъ пришелъ къ такому заключенію :

— Если ужъ мнѣ на роду написано быть управляему, такъ ужъ лучше пусть бы управляла такая черноглазая красавица, чѣмъ несносный старикъ Лерма.

Анха, удивленная молчаніемъ и страннымъ выраженіемъ, съ какимъ гость смотрѣлъ на нее, спросила :

— Чтò съ вами, донъ-Августинъ?

— Вы замужемъ, кузина? спросилъ онъ разсѣянно, повсѣ-таки не покидая своей мысли.

— Нѣтъ, кузенъ. А вы женаты?

— Женатъ, отвѣчалъ онъ съ невольнымъ вздохомъ.

— Отчего же вы вздохнули? Развѣ вы не счастливы?

— Я счастливъ? вскричалъ онъ: я никогда не знавалъ счастья.

— Развѣ ваша жена не молода, не прекрасна, не любезна?...

— О! у нея все это есть, но... но она не любитъ меня.

— Не можетъ быть!... Вы, кажется, такъ добры!

— Не знаю, но... меня никто не любитъ!

Онъ произнесъ это съ такимъ глубокимъ и истиннымъ выраженіемъ, что тронулъ Анху. Кто страдалъ, тотъ для нея уже былъ не чужой. Она взглянула на мнѣшаго брата съ такимъ состраданіемъ, съ такимъ нѣжнымъ участіемъ, что у него сердце затрепетало.

— Какъ жаль, братецъ, что вы такъ скоро уѣзжаете въ Бургось! сказала она.

— Правда... очень жаль....

— Вы провели бы нѣсколько времени съ нами, съ вашими кузинами. Мы постарались бы развлечьъ, развеселить васъ.... утѣшить, можетъ-быть.... Я первая употребила бы всѣ силы и, можетъ-быть, мы успѣли бы. Вѣдь горести наши очень часто только кажутся великими, потому что мы такъ воображаемъ. И ваше горе, не такъ ужасно....

— О!.... если бы вы знали.... У меня много разнаго горя.

— Имѣніе разстроено?

— Нѣтъ, я богатъ и даже очень богатъ.

— Честолюбіе неудовлетворено?

— Нѣтъ, у меня очень хорошее мѣсто.

— Здоровье разстроено?

— Нѣтъ, я здоровъ, несмотря на то, что у меня много домашнихъ докторовъ.

— Такъ что жъ съ вами, кузенъ? Какія же у васъ горести?

— Я скучаю.

— А! вотъ что!

— Я смертельно скучаю.... всегда, исключая сегодня.

— Надобно побѣдить эту болѣзнь, кузень. Говорять, отъ нея умирають.

— Да, я чувствую, что могу умереть, а спасеніе только одно.... по-крайней-мѣрѣ мнѣ совѣтовали только одно средство....

— Такъ употребите его, и чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше!

— На это мало моей воли.

— Чтò жъ это такое? Какое это средство?

Этотъ простодушный вопросъ смутилъ короля. Онъ ни зачтò въ мірѣ не рѣшился бы сказать, чтò совѣтовали ему герцогъ Уседа и отецъ Хероме.

— Видите чтò, кузина, сказалъ онъ потомъ съ замѣшательствомъ: у меня есть мечта.... мечта о счастіи, за которою я гонюсь и не могу достигнуть.... мысль, безъ которой я жить не могу.... мысль, конечно, очень смѣлая....

— Скажите королю, когда вы такъ близки къ нему.

— Это отъ короля не зависитъ. Онъ ничего не можетъ сдѣлать.

— А! понимаю. Это зависитъ отъ министра, а вы съ нимъ не ладите.

— Напротивъ, я друженъ съ министромъ.

— Такъ, стало-быть, это зависитъ отъ великаго инквизитора, Сандовала, и онъ къ вамъ не благоволитъ?

— Напротивъ, инквизиторъ мнѣ ни въ чемъ не отказываетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричала Аиха съ радостью и удивленіемъ: великій инквизиторъ ни въ чемъ вамъ не отказываетъ?

— Ни въ чемъ.

Аиха въ числѣ всѣхъ своихъ добрыхъ качествъ обладала однимъ по превосходству: она никогда не забывала своихъ друзей и занималась ими во всякое время, въ каждую минуту, особенно, когда находила случай оказать имъ услугу. Теперь она вспомнила о бѣдномъ Пикильо, заключенномъ въ темницу инквизиціи, и забыла о воображаемыхъ горестяхъ донь-Августина, чтобы поспѣшить на помощь къ дѣйствительному несчастію.

— Братецъ! сказала она съ самою очаровательною улыбкой:

если у васъ такая сильная протекція, вы, я надѣюсь, не откажетесь оказать мнѣ маленькую услугу.

— Говорите! говорите! вскричалъ король съ радостью.

— Однако жъ.... если это будетъ вамъ въ тягость....

— Нѣтъ, нѣтъ! говорите. Я почту себя счастливымъ, если мнѣ удастся услужить вамъ.

— Одинъ изъ бывшихъ слугъ дона-Хуана д'Агилара....

— А! д'Агилара!... вашего отца!... Знаю, знаю! Чтò же этотъ слуга?

— Его на этихъ дняхъ арестовали и посадили въ темницу инквизиціи.

— А!... Это серіозное дѣло! сказалъ король, смутившись.

— Да, но его схватили ни за чтò.... Впрочемъ, и неизвѣстно еще, дѣйствительно ли онъ въ темницѣ инквизиціи.... Намъ нужно только узнать, гдѣ онъ.

— Ну, я вамъ отыщу это. Я справлюсь.

— Сдѣлайте милость. Больше я и не прошу.

— А если же окажется, что онъ тамъ?

— Тогда я постараюсь освободить его, во чтò бы то ни стало. У меня есть друзья, я попрошу по-крайней-мѣрѣ.... поншу средствъ.

— А я-то чтò же? вскричалъ король: отчего же вы меня не хотите попросить объ этомъ?

— О! этого слишкомъ много будетъ!

— Я, правда, не очень много могу сдѣлать, но.... всё-таки, и у меня есть протекція, вы знаете. Я обѣщаю вамъ сдѣлать, чтò будетъ можно, чтобы спасти вашего.... вашего.... Какъ его зовутъ?

— Пикльо Алъяга.

Король записалъ это имя въ своемъ бумажникѣ.

Аиша, тронутая чистосердечнымъ предложеніемъ услуги, изъ признательности стала еще любезнѣе и внимательнѣе къ гостю, чѣмъ прежде. Аиша всегда привлекала и безъ намѣренія: какъ же она должна была нравиться, когда сама того хотѣла! Бѣдный король былъ виѣ себя отъ вòсхищенія, совсѣмъ потерялъ голову и уже готовился упасть къ ногамъ своей очаровательной кузины и вскричать: Умилосердитесь! пощадите меня!... Я король!

Къ счастью для его величества, послышался сильный стукъ въ садовую калитку, потомъ ржашіе лошадей.

— Что это? спросила Аиха.

— Это мои люди... за мной пріѣхали.

— Такъ поѣзжайте. Вы въ Бургосъ ѣдете?... Прощайте, донъ-Августинъ.

— Да, ѣду, отвѣчалъ король, не трогаясь съ мѣста: скажите моей кузинѣ, графинѣ д'Альтампра, что я глубоко тронуть ея приемомъ... то есть, вашимъ собственно... Скажите ей, что я никогда не забуду этого вечера... вашей бесѣды и... вашихъ добрыхъ совѣтовъ....

— А мою дружбу, братецъ?

— О! да, да!... если вы позволите... По-крайней-мѣрѣ я вѣчно буду питать къ вамъ искреннюю дружбу... Я вамъ докажу это.

— Я увѣрена. Прощайте, донъ-Августинъ.

— Прощайте... Богъ знаетъ, когда я опять увижу васъ!

— Когда воротитесь изъ Бургоса, вѣроятно.

— Да... Я постараюсь скорѣй воротиться. Но, между-тѣмъ.... такъ какъ я отъѣзжаю....

Король смутился, покраснѣлъ и не смѣлъ договорить.

— Что же, такъ какъ вы отъѣзжаете?... Что вы хотѣли сказать, братецъ?

— Я хотѣлъ сказать, что сестрица можетъ мнѣ на прощанье позволить... поцѣлуй.

— О, конечно! весело вскричала Аиха и непринужденно подставила свою розовую, полную щечку.

Король поцѣловалъ и чуть-чуть не упалъ на колѣни. Новый стукъ въ калитку образумилъ его.

— Прощайте, кузина! сказалъ онъ не выпуская ея руку: прощайте.

Аиха вырвала руку и исчезла за дверью. Безъ этого донъ-Августинъ, можетъ-быть, еще не скоро рѣшился бы отправиться въ Бургосъ изъ опаснаго павильона, гдѣ оставлялъ свое сердце и свою свободу.

Аиха побѣжала къ Карменъ, которая только-что воротилась съ фермы, и сестры рассказали другъ другу свои приключенія.

— Что же говорилъ тебѣ Фернандъ? спросила Аиха.

— Онъ говорилъ очень странныя вещи... Не говорить, почему, а только заклинаетъ остерегаться; боится, что на меня

нѣютъ какіе-то честолюбивые и опасные виды; подозрѣваетъ, что насъ хотятъ поссорить и разлучить. Возможно ли это?

— Неужели?... Но какимъ же образомъ?

— Онъ не говоритъ и даже не ручается за справедливость своихъ подозрѣній, но только опасается, что меня хотятъ отдать другому.... Вотъ собственныя его слова.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Анха.

— Онъ совѣтуетъ мнѣ остерегаться отца Хероме, который съ нѣкоторыхъ поръ такъ часто посѣщаетъ нашъ домъ, и Эскобара, котораго мнѣ предложили въ духовники.

— Въ самомъ дѣлѣ.... можетъ-быть, Фернандъ не совсѣмъ не правъ.

— Наконецъ.... Ты не повѣряйшь!... онъ заклиналъ меня остерегаться даже графини д'Альтамира!

— Твоей тѣтки!

— Да. Она и ему тоже тѣтка.

Анха задумалась.

— Я мало изучала графиню, сказала она потомъ: мнѣ не было никакой надобности; но въ томъ, что случилось видѣть, я уже примѣтила нѣсколько довольно странныхъ вещей.... между прочимъ и тѣсная дружба съ герцогомъ Уседой, смертельнымъ врагомъ своего племянника. Но если бы твой женихъ и ошибался, я ни на минуту не усомнилась бы въ выборѣ между графиней д'Альтамира и благороднымъ Фернандомъ д'Альбайдой, котораго отецъ выбралъ тебѣ въ мужья.

— Ты права! ты права, сестрица! вскричала Карменъ, обнимая ее.

Дѣвушки положили наблюдать и остерегаться и въ особенности скрыть отъ графини д'Альтамира свиданіе съ Фернандомъ.

— Теперь, сказала Карменъ, расскажи же мнѣ, какъ ты приняла нашего кузена донь-Августина де-Вильяфлора? Завтра тѣтушка спроситъ, такъ я должна буду рассказывать подробно.

Анха рассказала все, что дѣлалъ и что говорилъ донь-Августинъ де-Вильяфлоръ, какъ онъ ужиналъ, какъ поцѣловалъ ее и какъ отправился въ Бургось.

Между-тѣмъ король скакалъ домой въ сопровожденіи герцога Уседы, исполнявшаго при этомъ случаѣ роль, облагороженную въ его глазахъ званіемъ господина, которому онъ служилъ. Король не думалъ уже ни о сырости, ни о темнотѣ ночи. Онъ былъ веселъ, остроуменъ и храбръ: онъ былъ влюбленъ и счастливъ.

— Прелестно, любезный герцогъ! прелестно! восклицая объ: мое приключеніе похоже на волшебство!

— Я узналъ, ваше величество, что замокъ принадлежит графинѣ д'Альтанира.

— Это я зналъ раньше тебя! возразилъ король съ торжествующимъ видомъ: я провелъ восхитительный вечеръ съ ея племянницей.

— Съ прекрасною Карменъ!

— Ее зовутъ Карменъ?

— Да, ваше величество. Я коротко знаю ее.

— Ты знаешь ее?... Ну, не правда ли, что на свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе и пріятельнѣе?

— Правда, ваше величество, и вы, кажется, порядочно восхищены.

— Признаюсь, восхищенъ.... Если бы ты зналъ, какъ она была мила.... Она мнѣ насказала столько прекрасныхъ вещей.... то есть, не все прекрасныхъ.... но это было невольно, безъ умыслу.... Она помогала, что говорить съ своимъ кузенкомъ Вилья-мюромъ.... Я тебѣ послѣ расскажу.... Это чудо, какъ хорошо.... знакомиться никогда! Я тебѣ расскажу.... Но ты не повѣришь!

— Чтò же такое, ваше величество?

— Я даже поцѣловалъ ее!

— Неужели!

— Право!... И этотъ поцѣлуй теперь еще жжетъ мнѣ губы.... Право, герцогъ, я долженъ.... я непременно долженъ увидѣть ее еще разъ.

— Остерегитесь, ваше величество!...

— Чего остеречься?

— Это можетъ сдѣлаться опаснымъ для вашего спокойствія.

— О! этого я не боюсь! Остеречься нужно только другихъ....

Я только тебѣ могу довѣриться.... только ты можешь доставить мнѣ счастье.

— Это такъ трудно, ваше величество!... Если кто-нибудь догадается....

— Не безпокойся, никто не узнаетъ.

— Ваше величество общаете мнѣ ничего не говорить моему отцу, герцогу Лермъ?

— Ничего не скажу.

— Ни Сандовалю, ни графу Кордовъ?

— Никому на свѣтѣ, клянусь тебѣ! Ты одинъ мой другъ, мой истинный другъ.

И въ самомъ дѣлѣ, король уже не могъ разстаться съ Уседою, съ своимъ повѣреннымъ, съ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ находилъ возможность поговорить о своихъ сердечныхъ дѣлахъ.

Отсутствие короля, который заблудился на охотѣ, впродолженіи двухъ дней составляло предметъ разговоровъ. Потому объ этомъ забыли за другими новостями.

На другой день, утромъ, графиня д'Альтамира встала здоровая и успѣшила разспросить Карменъ, которая по непривычкѣ ко жи не могла рассказывать о своемъ свиданіи съ донъ-Августиномъ не красясь. Въ этомъ графиня видѣла добрый знакъ и осталась совершенно довольна. Потому пріѣхалъ Уседа и сообщилъ о впечатлѣніи, произведенномъ на короля. Король влюбленъ! Только этого и нужно заговорщикамъ.

Теперь нужно искусно распорядить промедленія и отказы именно на столько, сколько требуется для возбужденія страсти, не лишая надежды, и между-тѣмъ пользоваться всѣми выгодами, какія можно взять надъ противною партіей.

Король настоятельно требовалъ вторичнаго свиданія. Для этого сперва нужно приготовить Карменъ. За это графиня взялась. Но и другой подобный выѣздъ представлялъ нѣкоторое затрудненіе: королю невозможно часто заблуждаться въ лѣсахъ. Положили дожидаться возвращенія въ Мадридъ и король понуждалъ такъ нетерпѣливо, что черезъ недѣлю переселился уже въ свою столицу, а графиня д'Альтамира въ свой городской домъ.

Король не давалъ покою Уседѣ и находилъ, что повѣренный слишкомъ медлитъ, а тотъ утверждалъ, что сдѣлалъ уже очень много, что даже склонилъ тѣтку на свою сторону и Флиннгъ, въ порывѣ признательности, отыскивалъ средства, тѣмъ бы наградить графиню, обѣщалъ ей въ чемъ не отказывать ей за эту услужливость. Онъ требовалъ только, чтобы ему показали Карменъ на прогулкѣ съ тѣткою, изъ-дали. Въ этомъ невозможно было отказать ему.

Тайный совѣтъ графини д'Альтамира собрался.

Король желаетъ видѣть Карменъ, не говоря съ нею и такъ даже, чтобы она того не знала. Это очень невинно и легко. Согласится ли?

— Я думаю, согласится, сказалъ герцогъ Уседа.

— И я тоже, сказала графиня д'Альтамира.

— А я нѣтъ, возразилъ отецъ Хероме.

— Я держусь мнѣнія его проподобія, прибавилъ Эскобаръ:

когда хочешь идти скоро, нужно подождать. Чѣмъ меньше мы подвинемся, тѣмъ ближе король подойдетъ къ намъ.

— Не должно ничего уступать безъ обезпеченій, подтвердилъ Хероме, это вѣрнѣе. Король можетъ переѣхаться, обезпеченія останутся.

— Хорошо. Чего же мы потребуемъ? спросила графиня: намъ стѣдуетъ только назначить условія. Король на все согласится.

— Не потребовать ли мнѣ мѣста въ тайномъ совѣтѣ? вскричалъ Уседа: я могъ бы сообщать вамъ обо всѣхъ совѣщаніяхъ.

— Не потребовать ли мнѣ мѣста герцогини Кандія, камеріеры-майоръ? сказала графиня: я была бы ближе и сильнѣе при дворѣ.

Хероме сострадательно пожалъ плечами и отвѣчалъ съ важностью:

— Въ такомъ серіозномъ дѣлѣ не должно помышлять о частныхъ, личныхъ выгодахъ. Онѣ найдутъ свое мѣсто впоследствии. Надобно смотрѣть на дѣла съ высшей точки, надобно подумать о будущемъ. Надобно строить не на песокъ, а на гранитъ, если хотимъ, чтобы наше зданіе не развалилось.

Эскобаръ одобрилъ, кивая головой.

— Въ чемъ состоитъ вопросъ? продолжалъ Хероме: кто настоящіе наши враги? Доминиканцы и инквизиція, потому что герцогъ Лерма важенъ только при содѣйствіи своего брата Сандоवालъ. Поэтому нужно возвысить и укрѣпить единственный орденъ, который въ состояніи бороться съ инквизиціею. Этотъ орденъ нашъ, езуитскій. Онъ погибнетъ, если, какъ намѣрею Сандоवालъ, въ главу общины въ Хенаресѣ поставятъ доминиканца. Опасность велика.

— Правда! подтвердилъ Эскобаръ со вздохомъ: орденъ можетъ погибнуть, тогда какъ онъ во всякое время поддерживалъ бы насъ....

— Скоро онъ принужденъ будетъ самъ совсѣмъ оставить Испанію....

— Нѣтъ! мы не потерпимъ этого! вскричала графиня.

— Что же сдѣлать, чтобы утвѣрдить его? спросилъ Уседа.

— Пусть король назначитъ настоятелемъ монастыря Алькалы Хенаресъ кого-нибудь изъ езуитовъ.

— Кого же именно?

— Всѣ-равно, кого-нибудь, простодушно отвѣчалъ Хероме: лишь бы былъ благочестивъ и преданъ намъ.

— На это, кажется, никто не можетъ быть способнѣе самого преподобнаго отца Хероме, замѣтилъ Эскобаръ.

— Справедливо! вскричала графиня.

И Уседа согласился съ ея мѣнѣемъ.

— Я принялъ бы, возразилъ Хероме: но только съ условіемъ.

— Съ какииъ?

— Чтобы брата нашего, Эскобара, назначили пріоромъ въ томъ же монастырѣ и ректоромъ хенаресскаго университета, гдѣ онъ можетъ оказать намъ важнѣйшія услуги.

— Какимиъ образомъ?

— Своимиъ влияніемъ на сыновей знатнѣйшихъ дворянъ, которые тамъ воспитываются.

— Это я очень хорошо понимаю, возразила графиня: но какая связь между этимъ и нашимъ дѣломъ?

— Очень близкая, очень тѣсная связь, отвѣчалъ Эскобаръ: потребуется направлять мысли и совѣсть сеньоры Карменъ къ цѣлямъ существенно монархическимъ и нужно, чтобы его величество могъ полагаться на усердіе отца Хероме и Эскобара, изъ которыхъ одинъ совѣтникъ, а другой духовникъ вашей племянницы.

— Прекрасно! Заключение вѣрно какъ-нельзя болѣе! вскричала графиня.

— Я думаю по-крайней-мѣрѣ, что аргументъ не лишень основательности, скромно отвѣчалъ Эскобаръ.

Герцогъ Уседа не замедлилъ поставить его на видъ королю, прибавивъ, что послѣ этого уже не будетъ ни какой помѣхи свиданію на прогулкѣ.

— Эскобаръ? спросилъ король, записывая имя: это не тотъ ли монахъ, котораго мы тогда встрѣтили въ саду?

— Тотъ самый, ваше величество. Вы общали ему покровительство.

— И сдержу слово. Онъ человекъ съ дарованіемъ. Мы назначаемъ его.... куда вы сказали?

— Пріоромъ въ монастырѣ и ректоромъ университета въ Хенаресѣ.

— Хорошо, сказалъ король, и записалъ.

На другой день во дворцѣ герцога Лермы и въ палатахъ инквизиціи поднялась большая тревога. Король, никого не спросясь, ни даже своего министра, самъ подписалъ назначеніе отца Хероме настоятелемъ въ Хенаресъ и неизвѣстнаго темнаго монаха Эскобара поставилъ ректоромъ университета.

Министръ отправился къ королю, чтобы потребовать объясненія такого страннаго поведенія.

— Развѣ это такъ важно? спросилъ король очень спокойно.

— Конечно, ваше величество.

— Ну, тѣмъ хуже. Мнѣ было скучно.... нечего было подписывать.... Притомъ.... теперь я вспомнилъ.... вѣдь я это сдѣлалъ для тебя, герцога.

— Для меня, ваше величество?

— Да. Мнѣ показалось, прошедшимъ постомъ, что тебѣ не нравились проповѣди отца Хероме.

— Правда, ваше величество: я не люблю его манеры.

— Ну, вотъ! Я хотѣлъ удалить его изъ столицы, чтобы онъ уже не проповѣдывалъ при дворѣ, и для того далъ ему мѣсто въ Хенаресѣ. Ты видишь, что я хотѣлъ угодить тебѣ же.

— Но, ваше величество.... такое важное мѣсто....

— Когда король даетъ что-нибудь, то долженъ давать по-королевски.

— Если бы, ваше величество, по-крайней-мѣрѣ сказали мнѣ....

— Я исправлю мою ошибку, любезный герцогъ, возразилъ король съ улыбкой: мѣсто командира валлонскаго полка свободно.... Кого ты хочешь назначить?

— Но.... ваше величество....

Камеръ-лакей вошелъ и доложилъ королю, что маркизъ де-Помбаль, командиръ валлонскаго полка, просить аудіенціи.

— А! вскричалъ король съ удивленіемъ: это вакантное мѣсто?...

— Виновать, ваше величество! Я полагалъ, что вы одобрите....

— Не сказавши мнѣ!.... продолжалъ король съ неудовольствіемъ.

Онъ вспомнилъ въ эту минуту, что говорила ему племянница графини д'Альтамира, и въ первый разъ готовъ былъ разсердиться на своего министра. Но день былъ не таковъ. Черезъ нѣсколько часовъ ему предстояло видѣть ту, которую любилъ. Счастіе дѣлаетъ человѣка снисходительнымъ. Король только насмѣшливо посмотрѣлъ на своего министра и сказалъ:

— Ну, хорошо, герцогъ! Я не взыскателенъ. Подѣлился. Я уступаю тебѣ полковниковъ, ты уступи мнѣ аббатовъ.

Другаго объясненія Лерма не могъ добиться. Больше всего его пугало развязное и веселое обращеніе мерала и въ особенности

настѣивавшій тонъ , котораго никогда прежде не бывало у его величества въ бесѣдѣ съ первымъ министромъ.

Онъ сообщилъ свои опасенія брату Сандовало, который тоже не зналъ, что подумать.

Наканунѣ король призывалъ фра Амвросію, секретаря при инквизиціи, и приказалъ справиться, не содержится ли въ темницѣ нѣкто по имени Пикильо Алъиага. У него, очевидно, пробуждалась страсть входить въ мелочныя подробности дѣлъ. Всѣ эти нововведенія до крайности встревожили герцога Лерму; такъ что онъ обратился съ разспросами къ сыну, герцогу Уседѣ.

— Ты бываешь неотлучно при его величествѣ. Скажи, пожалуйста, что это значитъ? что случилось? Не примѣтилъ ли ты чего-нибудь?

— Ничего не примѣтилъ, батюшка, отвѣчалъ предатель.

И Уседа пошелъ къ королю, который готовился къ прогулкѣ инкогнито.

Былъ прекрасный осенній день. Всѣ праздные и все лучшее общество Мадрида собрались на обыкновенномъ своемъ гульбищѣ въ Буэнь-Ретиро, около королевскаго дворца. Графиня д'Альтамира не трудно была сманить Карменъ, но нельзя было исключить Анху и всѣ три дамы сѣли въ коляску и отправились. Пробыло три часа по полудни, когда онѣ вошли въ садъ.

Въ первой боковой аллеѣ, у входу, стояли два кавалера, закутанные въ широкіе плащи. Большіе сомбреро, надвинутые на брови, совершенно закрывали ихъ лица. Они, очевидно, не желали быть узнаваемы. Тотъ изъ нихъ, который былъ помоложе, долгое время обнаруживалъ знаки нетерпѣнія. Но когда подъѣхалъ графиня д'Альтамира, нетерпѣніе его превратилось въ такую радость, что товарищъ долженъ былъ схватить его заруку, чтобы удержать на мѣстѣ.

Дамы вмѣшались въ толпу гуляющихъ и танцовальныя кавалеры также. Графиня не теряла ихъ изъ виду. Она знала, что это король и герцога Уседа.

Король со времени появленія Анхи не говорилъ ни слова своему конѣренному: волненіе его было слишкомъ сильно. Онъ жадными глазами ловилъ всякое движеніе предмета своей страсти, издавна подготовленной и вдругъ разившейся въ полной силѣ. Онъ былъ въ восхищеніи, что могъ видѣть свою обворожительницу хоть изъ-дали, могъ иногда даже пройти мимо и слегка задѣть локтемъ ея мантилью. Онъ былъ счастливъ, но не надолго. Волненіе и жаръ дотога услаивались, что онъ начиналъ забывать

свое никогинто и не разъ едва не заговорилъ съ Анхой среди толпы, гдѣ было множество придворныхъ. Уседа съ трудомъ удержалъ его, увлекъ во дворецъ и проводилъ по потаенной лѣстницѣ до кабинета; умолялъ успокоиться и удовольствоваться на первый разъ; пугалъ неосторожнаго слѣдствіями, которыхъ, конечно, самъ долженъ былъ опасаться больше его, и, чтобы отдѣлаться отъ требованій, убѣжалъ.

Но Филиппъ, поклянутый трусливымъ повѣреннымъ, не утратился. Онъ какъ-будто переродился, сталъ совсѣмъ другимъ человекомъ. Страсть придавала ему отчаянную храбрость. Онъ хотѣлъ поговорить съ Анхой, во чтѣ бы то ни стало, и, когда Уседа ушелъ, онъ подождалъ немножко, и воротился въ садъ.

Наступили сумерки. Гуляющіе расходились. Чтобы увидѣть еще разъ, кого нужно, король побѣжалъ къ воротамъ, продрался въ тѣсотѣ и сталъ подлѣ экипажей. Тутъ, въ суматохѣ производимой отъѣзжающими, ему посчастливилось на мгновение оттереть Анху отъ графини д'Альтамира, которая садилась въ экипажъ. Король тихонько взялъ Анху за руку и приподнял шляпу. Анха хотѣла вскрикнуть. Онъ поспѣшно сдѣлалъ знакъ, чтобы молчала.

— Донъ-Августинъ! сказала она съ удивленіемъ.

— Онъ самъ.

— Ужъ воротились изъ Бургоса?

— Къ вашимъ услугамъ.... Только молчите, ради Бога!...

Онъ сунулъ ей въ руку сложенную бумажку и исчезъ.

Анха въ недоумѣніи сжала бумажку въ рукѣ и промолчала всю дорогу. Пріѣхавъ домой, она ушла въ комнату къ Карменъ и рассказала, чтѣ случилось.

— Чтѣ жъ это за записка? Надо прочитатъ.

— Посмотримъ.

Онѣ развернули и прочитали:

«Милая кузина, Пикильо Алъбаги нѣтъ въ темницѣ инквизиціи. Въ противномъ случаѣ онъ теперь былъ бы уже свободенъ. Употребляйте меня и мое вліяніе. Если мнѣ удастся «услужить вамъ, чтобы доказать мою преданность, счастливымъ шимъ изъ людей будетъ

«вашъ кузенъ

«Августинъ де-Вильяфлоръ.»

— Это странно! сказала Карменъ.

— Да, странно и оригинально! отвѣчала Анха: но въ этомъ такая простота и откровенность, которыя мнѣ нравятся, не го-

вора уже о томъ, что донъ-Августинъ оказалъ мнѣ услугу... и какъ скоро!

— Послушай, сказала Карменъ, покачавъ головой: я думаю....

— Что ты думаешь?

— Я думаю, что нашъ кузенъ Августинъ влюбленъ въ тебя!

— Полно! Какъ можно!... Много ли онъ видѣлъ меня? Какой небудь часъ, не больше.

— Этого слишкомъ много. Одного взгляда, одного слова твоего уже довольно.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричала Анха смѣясь: вотъ фраза!

— Она не моя, Фернандова, а донъ-Фернандъ знаетъ толкъ.

— Вы оба ошибаетесь, возразила Анха краснѣя: донъ-Августинъ женатъ.

— А! это другое дѣло. Я и забыла, что онъ женатъ.

Дѣвушки послали за Хуанитой и сообщили ей полученное извѣстіе. Хуанита написала къ Педральви:

«Нашего бѣднаго друга Никильо нѣтъ въ темницѣ инквизиціи, «это мы знаемъ вѣрно. Гдѣ же онъ? Ищи хорошенько, Педральви.»

И Педральви снова пустился на поискъ.

Король между-тѣмъ воротился домой въ восхищеніи отъ своей сиблюести. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и нетерпѣніе его возрасло до немовѣрной степени. Съ-тѣхъ-поръ какъ онъ вторично увидѣлъ Анху, говорилъ съ нею, пожалъ ей руку, всякое промедленіе становилось ему невыносимымъ.

Филиппъ, доселѣ не имѣвшій никакой воли, вдругъ нашель въ себя волю твердую, непоколебимую: онъ хотѣлъ нравиться Анхѣ, хотѣлъ, чтобы она полюбила его, и съ обыкновеннымъ эгоизмомъ любви пренебрегалъ всѣмъ остальнымъ.

Въ тотъ же вечеръ у королевы было собраніе. И графиня д'Альтамбра была. Король, безъ всякой особенной предосторожности, отвелъ ее въ амбразуру окна и говорилъ съ нею вполголоса, но съ чрезвычайнымъ жаромъ. Графиня между-тѣмъ съ безпокойствомъ видѣла, какъ герцогъ Лерма изъ-дали подстерегаетъ каждое слово короля, какъ-будто могъ слышать глазами.

Король былъ такъ страстенъ, минута такъ рѣшительна и благоприятна, что графиня, слушаясь только голосу собственного сердца, рѣшилась разомъ покончить дѣло. Бываютъ обстоятельства, когда и дерзость — благоразуміе. Притомъ, графиня паходила не малое наслажденіе въ приготовленіи ишенія на глазахъ, въ присутствіи смертельнаго врага, который между-тѣмъ съ безпокой-

ствомъ и бичевствомъ только изъ-дали безсильно грозилъ ей взглядами.

— Да, ваше величество, отвѣчала она: я очень хорошо понимаю. Мою племянницу Карменъ не трудно представить ко двору: дочь дожь-Хуана д'Агилара на это имѣетъ права столько же, сколько всякая другая знатная дама въ Испаніи. Но нишю изъ уваженія къ ея отцу я не хочу подвергать ее злобѣ и интригамъ, которыя ожидаютъ ее здѣсь.

— Чтѣ вы хотите сказать?

— Быть-можетъ, и вашему величеству не безызвѣстно, что здѣсь у меня есть смертельный врагъ, который скоро сдѣлается такимъ же врагомъ моей племянницы.

— Кто же это?

— Благоволите только поднять глаза, ваше величество: вы увидите прямо противъ насъ, за креслами ея величества королевы, челобѣка, который смотритъ сюда съ непритворною яростью и угрозой.

Король взглянулъ по указанному направленію и примѣтилъ герцога Лерму, который то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, догадываясь, что рѣчь идетъ объ немъ.

— Да, правда.... кажется, сказалъ король, самъ испугавшись ужасу своего министра: но, повѣрьте, герцогъ вреданъ мнѣ, любить меня и предметы моей привязанности будутъ для него....

— Предметами зависти и ненависти, подхватила графиня: а вліяніе его таково, что это не можетъ быть безопасно.

— Не беспокойтесь!...

— Нѣтъ, ваше величество, это дотога беспокоитъ меня, что я ни зачтѣ на свѣтѣ не подвергну Карменъ его преслѣдваніямъ.

— Чтѣ вы говорите, графиня!...

— Я говорю, ваше величество, что моя племянница не вступитъ во дворецъ, покуда здѣсь будетъ герцогъ Лерма.

— Чтѣ вы! чтѣ вы, графиня!

— Клянусь вамъ, такъ, ваше величество. Покуда герцогъ Лерма министръ, я ничего не могу сдѣлать для вашего величества.

— Тихе, молчите! Герцогъ идетъ. Послѣ я дамъ вамъ отвѣтъ.

Герцогъ въ самомъ дѣлѣ не выдержалъ и, съ яростью въ сердцѣ, съ улыбкой на губахъ, подошелъ послушать, о чемъ король говоритъ съ графиней д'Альтамира, которая прежде никогда не удостоивалась чести особенной бесѣды съ его величествомъ.

Король замолчалъ и не имѣлъ столько власти надъ собою, ни столько придворной привычки, чтобы скрыть свое волненіе. Онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на великолѣпный занавѣсъ окна.

— Миѣ казалось, что рѣчь идетъ обо мнѣ у вашего величества съ графиней, сказалъ министръ съ пріятною улыбкой: и рѣчь, кажется, очень жаркая?

— Да, герцогъ, отвѣчала графиня д'Альтамира съ такою же пріятною улыбкой: я за васъ держала пари противъ его величества.

— Въ самомъ дѣлѣ! О чемъ же?

— Его величество, разсматривая этотъ занавѣсъ, утверждалъ, что эта зала самая великолѣпная въ мірѣ, а я спорю, что ее даже нельзя сравнивать съ пріемною въ вашемъ замкѣ Лерма.

— Правда, правда, сказалъ король: мы именно объ этомъ спорили съ графиней.

— И ваше величество, разумѣется, не согласились?

— Отчего же не согласиться на убѣдительные доводы.

— Отдѣлка вашего замка, кажется, стоила осмнадцать миліоновъ реаловъ, герцогъ? спросила графиня.

— Возможно ли! вскричалъ король.

— Да, ваше величество. Нѣкоторые говорятъ, только ятѣнадцать. Но при дворѣ, вы знаете, все готово унижить. Я знаю, что осмнадцать.

— Правда это, герцогъ?

— Нѣтъ, ваше величество, напротивъ, все это слишкомъ преувеличено. Я не въ состояніи поддерживать такую роскошь. Невозможно шусу, и только! Притомъ же у меня столько дѣла, что мнѣ некогда заниматься роскошью.

— И я говорила, что дѣла слишкомъ утомляютъ герцога! сказала графиня съ значительнымъ взглядомъ на короля: ему даже некогда присмотрѣть за своимъ домомъ.

Послѣдняя фраза далеко не успокоила герцога. Онъ зналъ, на какую дерзость способна графиня д'Альтамира, и зналъ всю слабость короля. Не зная въ точности, какая опасность угрожаетъ, онъ понималъ, однако жъ, что нужно принять рѣшительныя мѣры къ оборонѣ.

Королева была права, когда говорила герцогу Лермъ: «Король держится за васъ, потому что вы ему необходимы, но онъ не любитъ васъ: онъ никого не любитъ».

Теперь онъ любилъ. Это было еще страшнѣе. Отставна ми-

нистра, которая во всякое другое время ужаснула бы его, теперь казалась ему очень натуральною: этого требовала польза его любви.

Онъ сказалъ графинѣ: «Послѣ вы получите отвѣтъ».

Но въ этомъ отвѣтѣ нельзя было сомнѣваться. Графиня собрала свой совѣтъ, чтобы сообщить о счастливомъ положеніи дѣлъ. Уседа былъ въ восхищеніи; Хероме задумался; Эскобаръ покачалъ головой и нашель, что графиня дѣйствовала слишкомъ поспѣшно и слишкомъ откровенно.

— Чтѣ жъ за бѣда, когда мы увѣрены въ побѣдѣ?

— Конечно, побѣда несомнѣнна! прибавилъ Уседа.

— Въ такомъ случаѣ, герцогъ, возразилъ съ важностью Эскобаръ: когда вы увѣрены въ побѣдѣ, то вы для собственной пользы и для пользы нашей партіи должны тотчасъ же принять рѣшительную мѣру.

— Какую?

— Вы должны увѣдомить вашего отца о заговорѣ.

— Чтѣ вы! чтѣ вы! вскричали вдругъ Уседа и графиня, расхотавшись.

— Господинъ ректоръ заговаривается! прибавилъ Уседа: отъ радости, что получилъ мѣсто, начинаетъ.... фантазировать!

Эскобаръ бросилъ на герцога взглядъ, въ которомъ просвѣчивалось немножко презрѣнія и холодно продолжалъ:

— Если вы во чтѣ-нибудь ставите наслѣдство послѣ человѣка, который, говорятъ, богаче короля испанскаго, и если вы сколько-нибудь уважаете мнѣніе нѣкоторыхъ людей, которые могутъ-быть не совсѣмъ похвалять заговоръ сына противъ отца, то нужно, чтобы герцогъ Лерма, принужденный отказаться отъ власти, самъ принудилъ герцога Уседу принять эту власть, въ надеждѣ возродиться въ лицѣ сына.

Хероме ничего не сказалъ, но только одобрительно кивалъ головой и потомъ съ торжествующимъ видомъ посмотрѣлъ на Уседу и на графиню, которые оба покраснѣли отъ стыда.

— Это ради вашей собственной пользы, продолжалъ Эскобаръ такъ же спокойно: теперь я вамъ скажу, какая намъ будетъ выгода. Сказавъ министру о существованіи заговора, не входя ни въ какія подробности, вы не послужите ему ни къ чему, а между-тѣмъ сохраните всю его довѣренность. Онъ вамъ скажетъ, чтѣ сдѣлать и чтѣ намѣренъ дѣлать. Знать планы своихъ враговъ— всегда полезно. Когда знаешь тайну противника и ему открываешь свою тайну, значить, сражаешься равнымъ оружіемъ.

Хероме вскочилъ и крѣпко пожалъ Эскобару руку въ знакъ уваженія, потомъ обратился къ герцогу и сказалъ:

— Вотъ правила! Помните ихъ и пользуйтесь, молодой человекъ.

— Какъ жаль, почтеннѣйшій отецъ Эскобаръ, что вы не сложите этихъ правилъ въ книгу! вскричала графиня.

— Я этимъ уже занимаюсь и въ Хенаресѣ кончу, отвѣчалъ Эскобаръ.

Уседа послѣдовалъ мудрому совѣту; рано утромъ отправился къ отцу и засталъ его за распоряженіемъ насчетъ большаго бала, который король хотѣлъ дать въ тотъ же вечеръ.

— Что съ тобой, Уседа? спросилъ министръ, примѣтивъ важный и мрачный видъ сына.

— Плохія вѣсти, батюшка!... И тѣмъ хуже, тѣмъ безпокойнѣе и неприятели, что вѣтъ ничего положительнаго, ничего вѣрнаго: только подозрѣнія и предчувствія. Я опасуюсь за васъ. Остерегитесь, пожалуйста.... есть заговоръ.

— Знаю; отвѣчалъ министръ.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Уседа съ ужасомъ.

— Заговоръ графини д'Альтамыры.

— Не можетъ-быть! вскричалъ преступный сынъ, блѣднѣя.

— Полю! полно, сынъ мой! Ты уже и трепещешь. Не бойся.

Я знаю все.... или почти все.

Уседа въ самомъ дѣлѣ немножко успокоился.

— Графиня д'Альтамыры вчера говорила съ королемъ; сказалъ онъ нерѣшительно: по нѣкоторымъ отрывкамъ словъ.... мнѣ показалось....

— А я увидѣлъ ясно и узналъ остальное, возразилъ министръ: графиня хочетъ отдать королю свою племянницу Карменъ.... дочь своего брата, достойнаго и храбраго донъ-Хуана д'Агилара!... Какая низость!

— Подлость! вскричалъ Уседа съ трепетомъ: но это ей не удастся.

— Чуть-чуть не удалось. Она требовала моей отставки и.... ты не повѣришь!... Ты еще не знаешь, до чего можетъ дойти неблагодарность.... Какъ ты думаешь, сынъ мой....

Уседа стоялъ ни живъ ни мертвъ.

— Король согласился! заключилъ министръ.

Уседа ожилъ и такъ взволновался, что отецъ принялъ это за изумленіе.

— Неужели король согласился?

— Согласился и подписалъ. Письмо у меня въ карманѣ.

— Вотъ это странно!.... Какъ же вы.... такъ испуко....

— Это очень просто. Король написалъ записку и послалъ черезъ своего повѣреннаго камердинера и тотъ принесть ко мнѣ. Вотъ она.

Онъ вынулъ изъ кармана записку и прочиталъ вслухъ:

«Графиня, я не забылъ нашего послѣдняго разговора. Если для доказательства моей любви, для приобрѣтенія любви вашей племянницы необходима жертва, которой вы требуете, я сдержу мое слово. Но напередъ вы должны сдержать ваше. Завтра при дворѣ балъ. Привезите вашу племянницу, прелестную Карменъ, и на другой же день, согласно вашему желанію, вашего врага не станеть при дворѣ Филиппа».

Понятно, отчего король ничего не сказалъ своему повѣренному Уседѣ объ этомъ письмѣ. Рѣчь шла объ опалѣ его отца.

— Ну, что ты скажешь объ этомъ? спросилъ министр, смявъ письмо: довольно ли ясно?

— Ясно?.... Но какъ вы думаете теперь поступить?

— Тоже очень просто. Письмо останется у меня. Графиня не будетъ знать объ немъ и не привезетъ своей племянницы. Мы воспользуемся временемъ и, для устранения объясненій, завтра же удалимъ графиню и ея племянницу.

— Какимъ образомъ?

— Не безпокойся. Мы съ братомъ Сандовалемъ беремъ это на себя, а въ случаѣ надобности и королева на нашей сторонѣ. Но это уже послѣднее средство: къ нему можно прибѣгнуть только въ крайности. Довольно того, чтобы Карменъ не являлся на сегодняшний балъ.

— Эскобаръ правъ! Эскобаръ удивительно проникательный человекъ! подумалъ про себя Уседа и поспѣшилъ сообщить графинѣ, что слышалъ.

Времени терять было некогда: его едва ставало на приготовленіе къ балу, которое сверхъ-того еще должно было едѣзять въ тайнѣ, чтобы непріятель оставался въ увѣренности торжества.

— Карменъ, сказалъ графиня д'Альтамира своей племянницѣ: срокъ твоего траура давно уже миновалъ. Хочешь-не-хочешь, а ты должна сегодня ѣхать на балъ ко двору.

— Я, тѣтушка? вскричала Карменъ въ недоумѣніи.

— Король такъ хочетъ, король требуетъ. Онъ сейчасъ объявилъ мнѣ свою волю черезъ нарочно посланнаго. Онъ хочетъ

чтобы дочь донъ-Хуана д'Агилара сегодня же была представлена ему и королю.

— Что же это значитъ?... Вдруг!.... Такъ неожиданно!

— Такъ угодно его величеству. Противъ этого ничего возражать.

Бѣдная Карменъ въ смущеніи побѣжала къ Анхѣ. Явиться въ первый разъ ко двору, и безъ Фернанда, ей казалось ужаснымъ и неловкимъ дѣломъ.

— Конечно, оно было бы лучше послѣ свадьбы, сказала Анха: но въ твои лѣта провести нѣсколько часовъ на балѣ, не такая бѣда, чтобы изъ-за нея стоило отказаться отъ повинненія королю. Ты уже видѣла его?

— Никогда!.... И мнѣ страшно!

— Говорятъ, королева очень добра. Она приметъ тебя подъ свое покровительство.

— Ахъ, если бы ты по-крайней-мѣрѣ поѣхала со мною!

— Это невозможно. Но у меня по-крайней-мѣрѣ тоже будетъ удовольствіе.

— Какое?

— Я займусь твоимъ уборомъ.

Насталъ рѣшительный, великій часъ. Графиня вооружилась всей своей твердостью, какъ полководецъ, который готовится дать генеральное сраженіе. Теперь она трепетала отъ опасенія, что племянница ея будетъ не довольно прекрасна. Король, правда, уже любилъ ее, но нужно было, чтобы эту любовь оправдало всеобщее удивленіе. Въ нетерпѣніи она хотѣла уже идти въ уборную племянницы, но Карменъ сама вышла.

На ней, кромѣ платья, приготовленнаго графиней, былъ великолѣпный брилліантовый уборъ. Голова, шея, руки сіяли отъ дорогихъ ожерельевъ. Графиня вскрикнула отъ удивленія. Только король могъ сдѣлать такой подарокъ. Графиня такъ и подумала, когда спросила:

— Откуда у тебя такой чудесный уборъ?

Карменъ почти стыдилась своей красоты и своей роскоши.

— Это Анха мнѣ одолжила, отвѣчала она краснѣя.

— Подарила! подарила! вскричала Анха, цѣлуя ее: я назначила тебѣ это къ дню свадьбы. Но лучше пусть сегодня пощеголяешь. Лучше понравиться королю. Донъ-Фернанду не нужно: онъ и такъ любитъ тебя.

— Какъ! вскричала графиня съ изумленіемъ, разсматривая дорогой подарокъ: у васъ, сеньора Анха, такой царскій уборъ?

— Да, онъ лежалъ у меня безъ употребленія. Теперь онъ въ первый разъ выглянуть на свѣтъ, прибавила она съ улыбкой, любуясь на свою подругу: посмотрите! посмотрите, графиня, какъ Карменъ прекрасна!...

Раззолоченная, блестящая толпа взволновалась въ обширныхъ залахъ Буанъ-Ретиро. Герцогъ Лерма, гордый и величественный, расточалъ привѣтливые поклоны и покровительственныя улыбки, удвоивалъ предупредительность и внимательность къ друзьямъ, изъ которыхъ, казалось, хотѣлъ составить себѣ укрѣпленный лагерь. Но толкуя о балѣ, о танцахъ, о тысячѣ мелочей и рассылая дамамъ комплименты на счетъ ихъ красоты или, въ крайнемъ случаѣ, только насчетъ нарядовъ, онъ ни на минуту не упускалъ изъ виду короля.

Филиппъ былъ въ такомъ необыкновенномъ состояніи, что удивлялъ всѣхъ. Онъ ни минуты не сидѣлъ смирно, былъ чрезвычайно веселъ, ходилъ изъ залы въ залу, со всѣми разговаривалъ, шутилъ, смѣялся. Никогда онъ не бывалъ такъ занимателенъ и остроуменъ.

— Какъ здѣсь жарко! неправда ли, господа? — Какой прекрасный вечеръ! — Здравствуй, герцогъ. — Здравствуй, графъ. — Здравствуйте, посланникъ....

Однимъ словомъ, король былъ чрезвычайно любезенъ.

Но прошло полчаса и король сталъ уже не тотъ. Лицо его измѣнилось; во всѣхъ движеніяхъ стали обнаруживаться безжизненность и нетерпѣніе. Онъ безпрестанно поглядывалъ то на дверь, то на столовые часы.

Министръ подошелъ и опершись на руку Уседы, шепнулъ ему:

— Посмотри на короля. Какъ онъ тревожится... Жаль его! Напрасно ждать!

— Въ самомъ дѣлѣ жаль! отвѣчалъ Уседа, стараясь улыбнуться насмѣшливо.

— Это чудо, какъ хорошо! неправда ли, сынъ мой?

— Да, это любопытно! отвѣчалъ сынъ.

Но вдругъ министръ вздрогнулъ веѣмъ тѣломъ.

Звоній голосъ камердинера въ дверяхъ громко произнесъ:

— Графиня д'Альтамира и сеньора Карменъ д'Агиларъ!

Герцогъ Лерма не вѣрилъ ушамъ своимъ. Пораженный, оглушенный, уничтоженный, онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается, и, зашатавшись, только могъ выговорить:

— Все погибло, сынъ мой!

Громкій голосъ камердинера произвелъ на короля совершенно противоположное впечатлѣніе. Филиппъ вдругъ опять оживился по-прежнему, глаза у него засвѣтились удовольствіемъ, грудь расширилась и сердце трепетало отъ радости. Онъ съ привѣтливою улыбкой поспѣшилъ принять новую гостью при своемъ дворѣ.

Толпа разступилась, чтобы пропустить короля и всѣ глаза обратилось на вошедшихъ дамъ. Красота и роскошный нарядъ сеньоры Карменъ удостились довольно общаго одобрительнаго говора. Никто кромѣ Уседы не примѣтилъ тревоги министра. Король хотя и трепеталъ отъ удовольствія, однако жъ твердыми шагами пошелъ на встрѣчу къ графинѣ д'Альтамира и ея племянницѣ.

Дамы сдѣлали королю самый почтительный и самый ловкій поклонъ. Но, къ величайшему изумленію графини, король вдругъ измѣнился въ лицѣ. Ему стало дурно. Онъ пошатнулся, схватилъ Уседу за руку и прошепталъ:

— Это не она!

Слова эти слышали только графиня, Уседа и Лерма, который также подошелъ къ королю и, воротивши свое хладнокровіе, громко вскричалъ:

— Это отъ жару, господа!... отъ жару! Его величество чувствуетъ себя не хорошо.... Отворите окна!... или лучше, проводимъ его величество въ другіе покои.... Ничего, ваше величество, прибавилъ онъ обращаясь къ подоспѣвшей съ безпокойствомъ королевы: усойтесь. Я провожу короля и останусь при немъ.

Потомъ наклонившись къ Уседѣ, онъ шепнулъ:

— Ничто не погибло, сынъ мой!

И онъ съ торжествующимъ видомъ проводилъ короля, который поспѣшно ушелъ въ свой кабинетъ.

Уседа ничего не понималъ. Графиня была уничтожена. Карменъ съ недоумѣніемъ смотрѣла на окружающихъ и сожалѣла, что королю сдѣлалось дурно.

Герцогъ Лерма сдержалъ слово, данное королевы: не покидалъ короля ни на минуту. Король отъ сильнаго потрясенія занемогъ и слегъ въ постель, въ сильномъ жару. Лейбъ-медикъ, докторъ Эрикъ Гальяно, креатура герцога Лермы, принялъ нужныя мѣры къ осторожному исцѣленію опасной болѣзни его величества и запретилъ входить въ опочивальню всѣмъ, кромѣ перваго министра.

На слѣдующее утро министръ пришелъ къ своему сыну, герцо-

гу Уседь, съ такимъ сіяющимъ лицомъ, что тотъ затрепеталъ отъ страху.

— Я все знаю! сказалъ министръ: въ домѣ графини д'Альтамира живетъ дѣвушка, по имени Анха; подруга сеньоры Карменъ д'Агиларъ, дочь убитаго въ Ирландіи ошницера, сирота, воспитанная донъ-Хуаномъ д'Агиларомъ. Въ нее-то и влюбленъ король.

— Не можетъ быть! вскричалъ Уседа въ ошолбенѣніи: какъ же это могло случиться?

— Этого я еще не знаю. Я пришелъ тебя попросить, чтобы ты помогъ развѣдать: я слышалъ, что ты друженъ съ графиней....

— Я! батюшка?... Неужели вы можете думать....

— Нѣтъ? Ну, тѣмъ хуже, если я ошибся. Я ненавижу графиню и она меня также. Но тебѣ это не мѣшаетъ поволочиться. Она еще не дурна.... Если ты еще не ухаживалъ за нею, такъ теперь постарайся.... если не для себя, такъ для меня. Это можетъ пригодиться.

— Да, конечно, батюшка.... Я постараюсь.... попытаюсь.

Отецъ признательно пожалъ сыну руку и продолжалъ:

— Постарайся въ-особенности узнать, что за дѣвушка эта Анха; каковъ ея характеръ, какія у нея правила. Чѣмъ можно польстить ей, богатствомъ или почестью....

— Какъ, батюшка! вы хотите?...

— Хочу докончить, что графиня начала и не сдумѣла.

— Вы!... Возможно ли?

— Отчего же нѣтъ? Если король, какъ мнѣ кажется, не шутя влюбленъ, то, конечно, легче и лучше всего уступить чѣмъ бороться съ этою страстью: скорѣе кончится, такъ, что въ нѣсколько дней и помину не будетъ.

— Вы думаете?

— Я увѣренъ. Поди, мой другъ, развѣдай о чемъ прошу, и приходи сказать мнѣ.

Уседа, изумленный и встревоженный, отправился къ графинѣ д'Альтамира, а Лерма къ королю.

Король всё-еще лежалъ въ постелѣ. Онъ провелъ ночь въ лихорадикѣ, послѣ которой наступило такое изнеможеніе, что онъ не могъ двухъ мыслей связать. Событіе прошедшаго вечера оставалось для него неразрѣшенною загадкой.

Лерма сталъ въ ногахъ постели и съ участіемъ, съ прискор-

Сиемъ устремилъ взоръ на своего монарха. Даже слеза, слеза министра прокатилась по щекѣ и упала на одѣяло. Король испугался и счелъ свою болѣзнь смертельною.

— Есть опасность? вскричалъ онъ.

— Есть, государь, есть, когда вы уже не довѣряете своему вѣрному слугѣ, своему лучшему другу. Въ чемъ я провинился, что ваше величество скрываете отъ меня свое горе, которое я обязанъ раздѣлять?

— Что ты.... о чемъ ты говоришь? съ удивленіемъ спросилъ король, приподнявшись.

— Я хочу сказать, что мнѣ грустно и больно, что я черезъ другихъ узналъ о душевномъ страданіи моего государя, а не отъ васъ самихъ.

— Какъ!... Ты знаешь?...

— Знаю, государь, и пришелъ утѣшить, если можно.

— Неужели!... Такъ ты не порицаешь?...

— Мнѣ порицать васъ, ваше величество?... и за что же! За чувство, надъ которымъ человѣкъ не властенъ, отъ котораго оборониться нельзя! Мнѣ ли порицать безпредѣльную любовь, когда я самъ всегда жилъ этимъ чувствомъ къ вашему величеству!... мнѣ, когда я и въ эту минуту готовъ пожертвовать всѣмъ изъ любви къ своему государю, несмотря на то, что государь платитъ мнѣ неблагодарностью!...

— Ахъ, да! вскричалъ растроганный король: ты правду говоришь: я въ самомъ дѣлѣ былъ неблагодаренъ. Мнѣ бы слѣдовало все открыть тебѣ. Но что я теперь открою, когда я самъ не понимаю, что со мной дѣлается?

— Я объясню вамъ, ваше величество, и помогу.

— Другъ мой! спаситель! вскричалъ король: какъ! ты самъ... ты хочешь помочь мнѣ?... ты согласишь?...

— На все на свѣтѣ, ваше величество, лишь бы вы не страдали. Вѣдь это самая священная моя обязанность. Довѣрьтесь мнѣ, ваше величество, прибавилъ онъ отечески-вѣжливымъ тономъ: откройтесь, скажите, въ чемъ затрудненіе?

Король все время скрывался отъ своего министра-наставника потому только, что ожидалъ укоровъ и скучныхъ правоченій, и вдругъ съ радостью увидѣлъ, что страшился совершенно напрасно. Довѣренность къ Лермѣ воскресла со всею прежнею безпредѣльностью. Онъ рассказалъ, какъ, заблудившись на охотѣ, зашелъ въ павильонъ графини д'Альтамира, чтобы укрыться отъ

дожда, между-тѣмъ какъ Уседа отправился отыскивать людей; какъ увидѣлъ тамъ дѣвушку, которую принялъ за племянницу графини и которая сама приняла его за донъ-Августина; разсказалъ, какъ съ той поры не переставалъ думать объ ней и любить ее, какъ ее встрѣтилъ на гуляньѣ и просилъ графиню представить ее ко двору и какое впечатлѣніе произвело открытіе ошибки. Уседу онъ великодушно выгородилъ, такъ, что министръ не могъ ни въ чемъ подозрѣвать сына.

— Такъ вы, ваше величество, вовсе не знаете, кто эта дѣвушка? спросилъ министръ.

— Нѣтъ, не знаю. Въ томъ-то и несчастіе!

— Успокойтесь, ваше величество; я знаю.

— Ты знаешь!... Кто же она, кто? говори!

— Это сирота, которую донъ-Хуанъ д'Агиларъ воспиталъ вмѣстѣ съ своею дочерью и съ которою сеньора Карменъ до-сихъ-поръ живетъ какъ съ сестрою.

— А! вотъ отчего ошибка!... вотъ, отчего онѣ обѣ были на гуляньѣ!... Но какъ же ее зовутъ?

— Анха.

— Анха!... а не Карменъ. Анха!... Но когда же я ее увижу?... Могу ли я видѣть ее?... Не будетъ ли препятствій?

— Будутъ, конечно, препятствія, но если мы не восторжествуемъ надъ ними, то это будетъ значить, что у слугъ вашего величества нѣтъ ни какого усердія, ни искусства.

— Герцогъ! любезный герцогъ!... Такъ мы восторжествуемъ?... Ты моя единственная надежда! Ты мой единственный другъ! Отъ тебя зависить все мое счастье!...

Король выздоровѣлъ.

Уседа между-тѣмъ разсказалъ графинѣ д'Альтампра, какимъ образомъ министръ завладѣлъ ея мыслью и вздумалъ изъ своихъ рукъ дать королю любовницу.

Имя Анхи страшно поразило графиню. Она не могла понять, какимъ образомъ случился этотъ подвѣвъ, но съ бѣшенствомъ поклялась разстроить планъ министра. Времени терять было нечего. Она тотчасъ же побѣжала къ Анхѣ и съ нѣжностью и негодованиемъ разсказала дѣвушкѣ, какой противъ нея куется недостойный замыселъ.

— Не можетъ быть! отвѣчала удивленная Анха.

— Но оно такъ, мой другъ; клянусь вамъ, это правда! Васъ хотятъ обмануть, обольстить, продать. Герцогъ Лерма уже далъ

слово. Но онъ забылъ, что вы у меня на рукахъ, подъ моимъ покровительствомъ, и что я берегу васъ точно такъ же, какъ мою племянницу, какъ мою дочь.

— Объяснитесь, графиня, холодно возразила Анха, не тронутая вѣжностью и благородными правилами добродѣтельной покровительницы: я не такъ ослѣплена самолюбіемъ, чтобы повѣрить въ возможность такой сверхъестественной страсти. Вы говорите, король влюбленъ въ меня? Но какимъ же образомъ это могло случиться?

— Не знаю, но онъ влюбленъ.

— Гдѣ же онъ видѣлъ меня?

— Не знаю. Я у васъ хотѣла спросить или у Кармень. Я не понимаю, какимъ образомъ она вчера не узнала дочь-Августина, съ которымиъ провела цѣлый вечеръ.

— Чтѣ вы говорите, графиня!... Этотъ донъ-Августинъ....

— Самъ король.

— Король!... Вы знаете навѣрное? вскричала Анха съ трепетомъ.

— Ахъ, Боже мой! чтѣ съ вами? вскричала графиня: вы поблѣднѣли!... Отчего вы такъ встревожились?

— Это очень натурально, откровенно отвѣчала Анха: въ нашемъ вальядолидскомъ замкѣ, въ павильонѣ, вашего гостя, донъ-Августина, принимала я, а не Кармень.

— Вы! вскричала графиня, поблѣднѣвъ отъ гнѣву.

— Я.

— Но съ какою же цѣлю, съ какимъ намѣреніемъ?

Анха хотѣла объяснить, но, вспомнивъ Фернандовы намѣтки и подозрѣнія, въ которыхъ сама тоже начинала убѣждаться, холодно отвѣчала:

— У меня ни какой цѣли и ни какого намѣренія не было. Это случилось нечаянно. Но причины я вамъ не могу открыть.

Графиня вскрикнула и ударила себя по лбу.

Этотъ подмѣнъ, котораго Анха не хотѣла объяснить; тайна, которою было окружено происхожденіе и состояніе дѣвушки; ея своеволіе; ея богатство,—все убѣждало графиню, что она напала на таинственную интригу.

— Я узнаю цѣль этой хитрости, этой недостойной измѣны! вскричала она.

— Измѣны, графиня? возразила Анха съ гордостью.

— Да, измѣны!... Мнѣ извѣстны ваши козни. Опасность, отъ

которой я хотѣла защитить, не пугаетъ васъ: вы давно желаете, жаждете ея!

— Что вы хотите сказать этимъ, графиня?

— Я хочу сказать, что вы намѣрены заманить короля въ свои сѣти, очаровать, приковать его, чтобы черезъ это достигнуть власти и царствовать его именемъ!

— А! вскричала Анха съ негодованіемъ: теперь я вижу въ чемъ дѣло! Вы сами измѣнили себѣ, графиня! Вы сами объяснили мнѣ вашъ планъ, посвятили въ тайну вашихъ козней. Вы упрекаете меня въ томъ, что сами хотѣли сдѣлать; вы обвиняете меня въ собственной вашей низости.

— Моей низости!

— Да, вашей низости. Вы, сестра донъ-Хуана д'Агилара, тѣтка сеньоры Карменъ, вы хотѣли продать племянницу, продать ея честь и имя, чтобы черезъ нее достигнуть власти, управлять слабымъ королевемъ.

Графиня сдѣлала гнѣвное движеніе, но Анха не смутилась, поразила ее огненнымъ взглядомъ и съ силою продолжала:

— Вы хотѣли опозорить вашу племянницу, которую отецъ, вашъ родной братъ, на смертномъ одрѣ поручилъ вамъ какъ сокровище.... и для этого вы удалили въ тотъ день всѣхъ вашихъ людей изъ замка, для этого вы захворали и послали Карменъ въ павильонъ, къ вашему гостю, къ королю.

— А вы, какъ великодушная подруга, похитили безчестіе, которое угрожало ей! вскричала графиня: вы рѣшились вмѣсто нея воспользоваться плодами этого позору! Какое дивное самоотверженіе! Какая добродѣтельная спекуляція! Вы сами рѣшились сѣсть на королевскій престолъ, быть могущественною фавориткой!

Анха взглянула на нее съ презрѣніемъ и отвѣчала:

— Я никогда не буду фавориткой короля, въ этомъ вы можете быть увѣрены.

Эти слова бросили въ душу графини такой лучъ надежды, что гнѣвъ ея почти въ ту же минуту разсѣялся.

— Если бы вы знали меня, графиня, продолжала Анха: вы знали бы также, что я привыкла считать позоромъ и униженіемъ то, на что въ вашемъ кругу, при дворѣ, смотрятъ какъ на великую честь. Отъ этой чести я съумѣю остережиться, клянусь вамъ. Но теперь, графиня, благоволите выслушать меня. Изъ уваженія къ крови, которая течетъ въ вашихъ жилахъ, изъ призна-

тельности къ моему покровителю, донъ-Хуану д'Агилару, я никому, ни даже Кармень, не скажу, что открыла. Но если вы осмѣлитесь продолжать вашу интригу; если вы дерзнете похитить Кармень у донъ-Фернанда или какимъ-нибудь образомъ разстроить этотъ бракъ, я все открою, изобличу всю вашу низость. Потребую суда... у королевы, и... у самого короля! прибавила она насмѣшливо: это будетъ первый опытъ моей власти, которую вы у меня предполагаете. Я все сказала и не держу васъ долѣе.

Графиня не нашлась, что отвѣчать, и вышла съ яростью въ сердцѣ и съ мыслью о мщеніи.

Манѣвры приняли совсѣмъ противоположное направленіе. Сколько Лерма прежде старался уберечь короля отъ любовной связи, столько же теперь дѣятельно принялся одобрять страсть, и рѣшился, во что бы то ни стало, привлечь Анху ко двору. Графиня, съ своей стороны, питала только одну мысль, одну надежду: разстроить планъ министра и препятствовать возвышенію Анхи.

Что касается до отца Хероме и Эскобара, то они всегда были готовы помогать графинѣ и, отправляясь управлять великолѣпнымъ генаресскимъ монастыремъ, говорили:

— Не напрасно же мы потребовали ручательства! Безсмѣнный мѣста рѣдки, а милость королевская непостоянна.

Однажды угрозы, послѣ завтрака, Кармень оставалась въ гостиной съ тѣткою и съ Анхой, которая уже не покидала ее ни на минуту, хотя ни однимъ словомъ, ни движеніемъ не давала знать, что имѣетъ особенныя причины стеречь невѣсту донъ-Фернанда.

Молодые подружки разговаривали объ отсутствующемъ и о письмѣ, которое отъ него получили.

Въ это время вошелъ лакей и, къ великому изумленію дамъ, доложилъ о прѣздѣ перваго министра, его свѣтлости герцога де-Лермы.

— Извините, графиня, сказалъ герцогъ, ловко раскланявшись: мое посѣщеніе, конечно, должно показаться вамъ очень дерзкимъ.

— Оно можетъ показаться намъ только пріятнымъ, отвѣчала графиня, которую не столько удивляло неожиданное событіе, сколько мучило любопытство узнать его цѣль.

— Меня извиняетъ непремѣнная воля его величества, продолжалъ Лерма: я отъ имени короля исполняю порученіе и отъ моего имени готовъ загладить нѣкоторую несправедливость.

Онъ обратился къ Анхѣ, остановился на минуту, разсматривая

прекрасныя, правильныя черты ея, блескъ глазъ, горделивость лба, очарованіе, разлитое по всей особѣ и понявъ страсть короля. Чтѣ прежде казалось ему страннымъ и нелѣпымъ, то онъ теперь находилъ совершенно естественнымъ. Онъ опасался только, чтобы такая любовь современемъ не сдѣлалась грозною для него самого.

— Сеньора, вы не имѣете родителей? спросилъ онъ.

— Я сирота, герцогъ, отвѣчала Анха.

— Однако жъ не совсѣмъ одинокая, возразила Карменъ: она моя сестра.

— Вашъ батюшка, Діего Лопесъ, былъ храбрый воинъ и служилъ офицеромъ въ испанской пѣхотѣ.

Анха утвердительно кивнула головою; графиня сдѣлала движеніе удивленной.

— Діего Лопесъ убитъ подъ стѣнами бальтиморскими, во время экспедиціи донъ-Хуана д'Агилара въ Ирландію.

— Точно такъ, герцогъ.

— Его величеству эти обстоятельства были неизвѣстны. Онъ узналъ ихъ черезъ меня. Награда, которую слѣдовало дать храброму вонну, по праву принадлежитъ его дочери, и потому я предложилъ его величеству доставить сеньорѣ Анхѣ достойное положеніе подъ королевскимъ покровительствомъ....

— Какое же это положеніе, если смѣю спросить? насмѣшливо возразила графиня.

— Я предложилъ составить для сеньоры Анхи приличную партію, — выдать ее замужъ.

— Замужъ!... меня? вскричала удивленная Анха.

— Да, сеньора. Герцогъ Сантаремъ, одинъ изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ помѣщиковъ Португаліи, проситъ вашей руки.

— Неужели? вскричала Карменъ съ радостью.

— Дряхлый старикъ! замѣтила графиня: я давно знаю его.

— Нѣтъ, графиня, возразилъ министръ, старикъ, котораго вы знали, — умеръ. Жениться желаетъ его сынъ, молодой герцогъ Сантаремъ, красавецъ, блестящій кавалеръ, который съ рукою предлагаетъ невѣстѣ огромныя имѣнія въ Испаніи и Португаліи, замокъ близъ Толедо, дворецъ въ Мадридѣ, а сверхъ-того титулъ герцогини.

Все это казалось такъ прекрасно, такъ честно, такъ необыкновенно, что графиня не могла вѣрить. Она, привычная къ предерзнымъ интригамъ, видѣла тайную дружину министра, но не по-

нимала, какъ герцогъ Сантаремъ соглашался содѣйствовать такому плану. Герцогъ въ самомъ дѣлѣ принадлежалъ къ первымъ фамиліямъ въ государствѣ и, вышедши за него, Анха заняла бы въ обществѣ такое мѣсто, которое одно способно было озлобить завистливую графиню д'Альтамира.

Анха между-тѣмъ оставалась холодною, не обнаруживла ни радости, ни удивленія.

— Покорно васъ благодарю, герцогъ, сказала она, подумавши: поблагодарите также отъ меня его величество, за то, что онъ удостоиваетъ заботиться о моей судьбѣ. Но на такое важное дѣло нельзя рѣшиться въ одну минуту. Я прошу сроку, подумать.

— Справедливо, сеньора. Сколько времени вамъ нужно?

— Десять дней, герцогъ.

— Невозможно, сеньора! Ни король, ни герцогъ Сантаремъ не могутъ ждать такъ долго. Умоляю васъ....

— Мнѣ нужно десять дней, по-крайней-мѣрѣ, рѣшительно возразила Анха.

— Однако жъ, сеньора, подумайте....

— Не могу, герцогъ.

Лерма почтительно поклонился и вышелъ. Покуда слышался стукъ отъѣзжавшей кареты, графиня д'Альтамира съ удивленіемъ наблюдала за хладнокровіемъ Анхи и съ досадою сказала про себя:

— Право, будь эта дѣвочка султаншей, она не могла бы говорить съ министромъ болѣе надменно!

Анха вышла, ни слова не сказавъ графинѣ.

— Чтѣ ты намѣрена дѣлать? спросила Карменъ, когда онѣ вошли въ свои комнаты.

— Хочу отказаться, отвѣчала Анха.

— А если король оскорбится?.... Какъ же ты намѣрена сдѣлать это?

— Не знаю. Но у меня впереди десять дней. Богъ внушитъ мнѣ добрую мысль.

Анха ушла въ свою комнату, заперлась на ключъ, но не заду-малась, а напротивъ, поспѣшила къ письменному столу и долго чтѣ-то писала.

Посмотримъ между-тѣмъ, какииъ образомъ герцогъ Лерма на-шелъ на мысль выдать ее замужъ. Мы уже сказали, что онъ искалъ средствъ одержать данное королю слово и, во чтѣ бы то

ни стало, представить Анху ко двору, но такъ, чтобы на это не озлобился и не возстали знатные гранды и грандессы.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ получилъ важныя депеши изъ Лиссабона, отъ донъ-Фернанда д'Альбайды, который писалъ, что нѣкоторыя скопища бунтовщиковъ, благодаря удачнымъ мѣрамъ, благополучно разсѣяны; что трое изъ зачинщиковъ и предводителей, графъ Помбаль, маркизь д'Аталая и герцога Сантаремъ схвачены и отправляются въ Мадридъ подъ надежнымъ конвоемъ, и что черезъ это одно уже можно надѣяться на скорое и совершенное потушеніе мятежа.

Молодой герцога Сантаремъ былъ сынъ того самаго знатнаго португальскаго барона, о которомъ мы уже говорили въ началѣ повѣсти, того, который будучи на охотѣ въ горахъ аментехскихъ останавливался у жены контрабандиста, Херонимы, и, по несчастію, оставилъ по себѣ живую память въ лицѣ народившагося капитана Хуанъ-Батисты Бальсейро. Нельзя сказать, чтобы одинаковая кровь необходимо производила одинаковыя явленія. Между законнымъ и незаконнымъ наследниками герцога Сантарема не было никакого сходства. Одного мы знаемъ. Другой, воспитанный въ хорошемъ домѣ, держался очень прилично, былъ храбръ, ловокъ, обладалъ достаточнымъ запасомъ правды, нѣкоторымъ количествомъ тщеславія, не изнемогалъ подъ тяжестью познаній, былъ не изъ геніевъ, однако жъ и не изъ глушцовъ.

Отъ скуки онъ принялъ участіе въ заговорѣ португальскаго дворянства противъ Испаніи или, лучше сказать, противъ герцога Лермы. Онъ плохо понималъ цѣли и планы своихъ сообщниковъ, однако жъ бывалъ на всѣхъ совѣщаніяхъ и очень дѣятельно вооружилъ на свой счетъ вассаловъ и находилъ въ этомъ очень пріятное развлеченіе, покуда не прибылъ донъ-Фернандъ д'Альбайда, который первыми же залпами своихъ мушкетеровъ отбилъ у него охоту бунтовать — для потѣхи праздности. Особенно герцогу не полюбилилось, когда его, безъ малѣйшаго уваженія къ знатному имени и роду, схватили въ собственномъ замкѣ, усадили въ трясскій ящикъ, едва похожій на карету, и подъ конвоемъ помчали въ Мадридъ.

Дордого онъ успѣлъ пораздумать, что богатому молодому человеку, у котораго есть прекрасныя помѣстья и замки въ Португаліи и Испаніи, — хорошо пить, ѣсть, весело охотиться, и жить свои страсти и недостатки, какіе угодно, и наслаждаться жизнью,

было бы лучше чѣмъ отваживать жизнь въ глупыхъ заговорахъ, за которые никто, кромѣ наслѣдниковъ, спасибо не скажетъ! Но бѣда случилась и герцогу Сантарему было не легче отъ запоздалой философіи.

Министръ потребовалъ его къ себѣ для секретнаго допросу.

— Сеньоръ Сантаремъ, строго сказалъ Лерма: вы зачинщикъ заговора противъ вашего короля!

— Я, ваша свѣтлость? Помилуйте! я вовсе не знаю съ чего онъ начался!

— Не старайтесь оправдаться. Мы имѣемъ ясныя доказательства. Они у меня въ рукахъ и будутъ представлены въ государственный совѣтъ. Тогда никакое могущество не спасетъ васъ отъ позорной смерти: ваша голова падетъ подъ свѣкрыю палача.

При этихъ словахъ, произнесенныхъ съ строгою и важною суровостью, у молодого человѣка вся кровь прилила къ сердцу. Онъ не находилъ надежнаго оправданія; ни одно обстоятельство не говорило въ его пользу: онъ совершенно безразсудно, безотчетно, безъ всякаго повода бросился въ эту кутерьму и надѣялся на прощенье, однако жъ склонилъ голову и шепталъ о милосердіи короля.

— Король, конечно, можетъ простить, принявъ въ соображеніе вашу молодость и вѣтренность..... Его величество, можетъ быть, согласится, если я представлю эти выводы, но кто намъ поручится, что вы, воротившись въ свои помѣстья, не начнете снова заводить смуты?

— Никогда! никогда, герцогъ!..... Клянусь вамъ!.....

— Государственные дѣла такъ не дѣлаются. Помилувавъ васъ, намъ нужно принять строгія мѣры осторожности.

— Все, что хотите, ваша свѣтлость! Я покоряюсь всему безпрекословно.

— Во-первыхъ, вы должны будете жить въ Мадридѣ и не выѣзжать безъ позволенія.

— Согласенъ.

— Потомъ, для смягченія нрава и успокоенія пылкихъ страстей, вамъ нужно жениться.

— Очень радъ!

— Погодите. Мы сами беремъ на себя трудъ прискать вамъ приличную партію, потому что мы знаемъ, какое вліяніе умная женщина можетъ имѣть на мужа.

— Я за счастье почту принять жену изъ рукъ вашей свѣтлости.

— Хорошо, я поговорю съ королемъ, сказалъ министръ.

Арестанта опять отвѣли въ темницу, душную, сырую, грязную, которая очень мало соотвѣтствовала изящнымъ привычкамъ герцога Сантарема. Три дня тянулись долѣе трехъ вѣчностей.

— Каковы бы ни были супружескія оковы, а все будутъ, конечно, лучше этого каземата! говорилъ Сантаремъ: я готовъ жениться, пожалуй, хоть на принцессѣ хонгъ-конгской!

Въ такомъ расположеніи духа застало его вторичное приказаніе явиться къ министру.

— Король уважилъ мою просьбу за васъ, сказалъ министръ: онъ даруетъ вамъ свободу жить въ Мадридѣ.

Молодой человѣкъ затрепеталъ отъ радости.

— Сверхъ-того его величество назначаетъ вамъ невѣсту, дочь храбраго офицера, убитаго въ Ирландіи, сеньору Анху Лопесъ.

— Пожилау дѣвицу? спросилъ Сантаремъ нерѣшительно.

— Нѣтъ, очень молодую.

— Но... дурную? продолжалъ молодой человѣкъ.

— Напротивъ, прелестную, но безъ состоянія.

— Только-то! О, это еще не бѣда! Миѣ своего некуда дѣвать.

— Такъ вы согласны? За ваше великодушное безкорыстіе король, я увѣренъ, позволитъ вамъ представить вашу супругу ко двору.

Сантаремъ поклонился.

— Полное помилованіе ваше, продолжалъ министръ, будетъ зависѣть отъ васъ и вашего поведенія. Если оно будетъ скромное и удовлетворительное, то нѣтъ сомнѣнія, что вы снова будете пользоваться милостями его величества; если же вы еще разъ осмѣлитесь воспротивиться властямъ....

— Сохрани меня Боже!

— Доказательства первой вашей измѣны хранятся у меня, на случай, и темница, изъ которой вы сейчасъ вышли, вторично откроется уже только для приговореннаго.

— О! я уже достаточно познакомился съ темницей. Прошу васъ увѣрить его величество, что въ Испаніи нѣтъ подданнаго болѣе ревностнаго и преданнаго.

— Хорошо. Я отдамъ его величеству отчетъ о нашемъ разговорѣ.

Сантарема отвели въ другой покой, болѣе удобный, болѣе изящный и лучше освѣщенный, нежели первая тюрьма, такъ, что онъ терпѣливѣе могъ дожидаться окончательнаго освобожденія.

Герцогъ между-тѣмъ отправился къ Анхѣ и мы видѣли результатъ его посѣщенія.

Король хотя былъ въ отчаяніи отъ проволочекъ, однако жъ не могъ не отдать справедливости искусству своего министра. Этотъ бракъ сначала стоилъ ему дорого, но не было другаго средства къ обезпеченію Анхѣ приличнаго положенія при дворѣ, и онъ утѣшался тѣмъ, что Анха не можетъ любить человѣка, за котораго выходитъ по расчету и котораго никогда не видала; ктому же, этотъ мужъ навсегда оставался подъ грозою уголовного суда, которую можно было во всякое время поднять противъ непокорнаго. Это соображеніе казалось ему великимъ дипломатическимъ подвигомъ и онъ не переставалъ удивляться тонкому уму министра, которому поручилъ судьбу Испаніи.

Однако жъ Лерма не обольщался первымъ успѣхомъ. Онъ всё-еще опасался какой-нибудь неудачи отъ тайныхъ интригъ графини д'Альтамыры и окружилъ ея домъ шпионами, чтобы знать о каждомъ ея словѣ, о каждомъ движеніи.

Десяти-дневный срокъ миновалъ. Графиня д'Альтамыра съ нетерпѣніемъ ожидала министра. Она ни за что на свѣтѣ не отказалась бы отъ присутствованія на этомъ свиданіи. Анха также ожидала гостя.

— Я пришелъ за вашимъ отвѣтомъ, сеньора, сказалъ министръ.

— Мнѣ очень жаль, что я заставила вашу свѣтлость такъ долго дожидаться, но я не могла иначе.

— Ничего, сеньора. Я надѣюсь, что вы сообщите мнѣ добрыя вѣсти.

— Не думаю, ваша свѣтлость, чтобы вы остались совершенно довольны. Зрѣло обдумавъ и разсудивъ, я нашла, что мнѣ невозможно принять вашего предложенія.

— Невозможно принять! вскричала графиня.

— Невозможно, холодно отвѣчала Анха.

Графиня совсѣмъ не этого ожидала и до крайности удивилась. Ей суждено ужъ было не понимать поступковъ этой дѣвушки. Но теперь она видѣла помѣху планамъ Лермы и торжествовала побѣду, не разбирая кто доставилъ ей эту побѣду. Она бросила

на врага злобно-радостный взгляд, который однако тотчас же померкъ.

Герцогъ былъ гораздо меньше смущенъ нежели графиня ожидала. Онъ смотрѣлъ на Анху спокойно и полу-насмѣшливо.

— Я не сомнѣваюсь, сказалъ онъ медленно, что въ продолженіи десяти дней сеньора Анха взвѣсила всѣ выгоды и невыгоды этого брака; но думаю, что она забыла нѣкоторыя обстоятельства.... такія, которыя не позволили бы ей колебаться ни минуты.

— Я не думаю, герцогъ, отвѣчала Анха.

— А я увѣренъ, и если сеньора Анха позволитъ напомнить эти обстоятельства, то, я ручаюсь, рѣшеніе ея тотчасъ же будетъ измѣнено.

— Сеньора Анха не имѣетъ такой привычки, насмѣшливо замѣтила графиня: и несмотря на все ваше искусство, герцогъ, я опасуюсь, что вы проиграете дѣло.

— Я не могу раздѣлить вашихъ опасеній, графиня, съ важностью возразилъ министръ: и если сеньора Анха удостоитъ меня минутнаго разговору наединѣ....

— Какъ, герцогъ! вскричала графиня: свиданіе наединѣ!...

— Мои глѣта дѣлаютъ его довольно безопаснымъ. Впрочемъ, оно продлится не много минутъ. Я напередъ увѣренъ въ согласіи сеньоры Анхи.

Анха съ сомнѣніемъ и нерѣшимостью посмотрѣла на Карменъ. Та вышла и увела съ собой графиню.

Анха осталась одна съ герцогомъ Лермой. Разговоръ въ самомъ дѣлѣ продолжался меньше четверти часа и когда герцогъ вышелъ, самый проникательный взглядъ не открылъ бы на его безстрастномъ лицѣ ни малѣйшаго слѣда испытаннаго пораженія или приобрѣтеннаго торжества. Онъ раскланялся съ дамами и уѣхалъ.

Графиня и Карменъ поспѣшили въ гостиную.

Анха не слыхала, какъ онѣ вошли. Она стояла неподвижно, блѣдная, съ страшно разстроенными чертами.

— Анха! сестрица! что съ тобой? вскричала Карменъ.

— Оставь меня, оставь меня.... умоляю!

— Скажи же, что онъ тебѣ говорилъ?

— Не могу, сестрица, не могу.

И, какъ-будто стараясь разогнать тревожныя мысли, она про-

вела одною рукою по лбу, другую прижала къ груди и сказала съ твердостью:

— Нечего дѣлать, должно! я выйду за Сантарема.

Мы оставили Пикильо Алльягу въ каретѣ, между монахами свиты валенсійскаго архіепископа.

Положеніе молодого человѣка было довольно непріятно. Онъ, разумѣется, не хотѣлъ согласиться на обращеніе и насильственное крещеніе. Онъ уже Анхѣ обѣщалъ не поддаваться такому принужденію, а послѣ того какъ Альберикъ призналъ его за сына и Исидъ назвалъ братомъ, ужъ конечно нельзя было отречься отъ ихъ вѣры и принять вѣру ихъ враговъ.

Онъ полагалъ, что будетъ заключенъ въ темницу инквизиціи, подобно Гонгарелью и Хуанитѣ, однако жъ надѣялся на своихъ друзей, которыхъ Педральви извѣститъ по прибытіи въ Мадридъ. Анха и донъ-Фернандъ найдутъ средство освободить его. Нужно было вооружиться только терпѣніемъ и мужествомъ, а Алльяга имѣлъ и того и другаго довольно.

По направленію, какое принялъ экипажъ, Пикильо догадался, что архіепископъ ѣдетъ въ Валенсію. На разсвѣтѣ онъ примѣтилъ, что своротили съ большой дороги и поѣхали гористымъ просѣлкомъ, по которому грузные экипажи едва подвигались.

Часа черезъ три они остановились совершенно. Рибейра, опираясь на плечо викарія, вышелъ и сталъ подниматься на гору по крутой, извилистой тропинкѣ. Трое вооруженныхъ людей высадили Пикильо и повели влѣдъ за архіепископомъ. Бѣжать нечего было и думать: при первомъ подозрительномъ движеніи, строптивому грозила смерть изъ трехъ карабиновъ, а справа и слѣва или торчали острые, неприступные утесы или зіяли бездонныя пропасти, въ которыхъ глухо шумѣли горные потоки. Такъ они шли около часу. Когда потомъ достигли небольшой платформы, глазамъ ихъ представилось полуразрушенное и частію возобновленное зданіе. Это былъ замокъ, нѣкогда построенный Маврами и потомъ обращенный Рибейрой въ монастырь, котораго настоятелемъ былъ отецъ Ромеро, одинъ изъ самыхъ усердныхъ слугъ и приверженцевъ архіепископа. Съ помощію его Рибейра обращалъ и крестилъ большую часть своихъ

неоситовъ. Айгадорскій монастырь онъ называлъ своимъ виноградникомъ.

Въ этомъ виноградникѣ, сидя въ тѣсной келіи, Пикильо въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, каждый день слушалъ проповѣди и увѣщанія отца Ромеро, который всегда приходилъ за полчаса до обѣда и правильно повторялъ одну и ту же рѣчь, чтобы просвѣтитъ еретика, такъ, что Пикильо, волей-неволей, зналъ проповѣдь наизусть, однако жъ оставался слѣпъ и глухъ. Между тѣмъ дни проходили, терпѣніе молодого человѣка истощалось, надежды разсѣявались. Оставалось одно мужество.

Въ тридцатый день отецъ Ромеро, окончивъ, по обыкновенію, свою проповѣдь, спросилъ :

- Прозрѣлъ ли ты, сынъ мой?
- Нѣтъ, почтеннѣйшій отецъ.
- Ты не хочешь принять крещенія?
- Нѣтъ.

— Ну, да будетъ надъ тобой воля Божія. Я сдѣлалъ все, что могъ. Не святель виновать, что жатва не всходитъ; виновата худо вспаханная нива. Нужно хорошенько вспахать. Завтра мы займемся этимъ. Съ сегодня ты уже не увидишь меня, доколѣ не обратишься.

— Такъ прощайте навсегда, почтеннѣйшій отецъ.

— Можетъ-быть. Но когда вспаханная земля будетъ готова принять сѣмя истины, тебѣ стѣдуетъ только слово сказать и я приѣду.

— Нѣтъ, почтеннѣйшій отецъ, я не намѣренъ утруждать васъ.

— Ну, увидимъ, что скажетъ пахарь, отвѣчалъ Ромеро, и пошелъ обѣдать.

Пикильо ожидалъ слѣдующаго дня съ нѣкоторымъ любопытствомъ и не совсѣмъ спокойно.

Въ назначенный часъ вмѣсто отца Ромеро вошелъ колоссальнаго росту доминиканецъ Акальпухо, человѣкъ съ звѣрскимъ и глухимъ лицомъ и съ длинною плетью, изъ нѣсколькихъ сыромятныхъ ремней, съ желѣзными гвоздями на концахъ.

Это былъ пахарь.

— Братъ мой, сказалъ Акальпухо сладкимъ голосомъ, который странно противорѣчилъ его наружности: отецъ Ромеро посылаетъ меня къ тебѣ. Я каждый день буду навѣщать тебя.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы дать тебѣ сегодня десять ударовъ этою плетью и каждый день прибавлять по одному. Я буду приходить въ то же время, какъ онъ приходилъ. Миѣ жаль тебя, но я принужденъ исполнять свою обязанность. Не моя воля, а твоя: однимъ словомъ ты можешь избавить себя отъ плети, меня отъ лишней работы.

— Какимъ же это словомъ?

— Объяви, что готовъ креститься.

— Ни за что! Скорѣе умру подъ твоими ударами, палачъ!

— Я не палачъ, братъ мой. Спроси у отца Ромеро, онъ тебѣ скажетъ, я пахарь Господень. Я обрабатываю бесплодные нивы, чтобы сдѣлать ихъ способными принять семена истины. Трудъ мой не легокъ. Помни, братъ мой, что ты самъ увеличиваешь миѣ этотъ трудъ противъ моей воли. Не жалуйся же на меня.

И онъ хотѣлъ подойти къ несчастному. Пикильо уже высматривалъ мѣсто на стѣнѣ, о которое намѣревался разбить себѣ голову, лучше чѣмъ еще разъ поддаться такому позорному испытанію, какое уже испыталъ у бандита Бальсейро. Бороться съ колоссальнымъ и дюжимъ доминиканцемъ было невозможно. Холодный потъ выступилъ на лбу у Пикильо. Но вдругъ онъ вспомнилъ, что есть еще одно средство спасенія. Бальсейро, обиживая его, забылъ или не нашелъ одного кармана, въ которомъ еще оставалось нѣсколько монетъ и пистолетъ, къ несчастію, не заряженный. Часто Пикильо, сидя одинъ, поглядывалъ на свое бесполезное оружіе и на деньги, которыхъ было слишкомъ мало, чтобы откупиться не только отъ проповѣдей отца Ромеро, но даже отъ самаго сговорчиваго изъ сторожей. Однако въ послѣднюю минуту опасности онъ рѣшился сдѣлать попытку, выхватилъ пистолетъ и взвелъ курокъ.

— Убью! закричалъ онъ монаху: убью! если ты тронешься съ мѣста.

Акальпухо вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Великанъ былъ не изъ храбрыхъ. Пикильо грозно продолжалъ:

— Бросай оружіе! брось плеть!

И Акальпухо съ покорностью бросилъ свое оружіе къ ногамъ побѣдителя.

Пикильо торжествовалъ. Но мало было испугать противника, который по выходѣ могъ поднять тревогу и жестоко отпла-

титъ за минутный страхъ. Нужно было склонить его на свою сторону.

Арестантъ опустилъ пистолеть и Акальпухо вздохнулъ свободно. На блѣдномъ лицѣ снова появилась краска.

— Ты занимаешься жалкимъ ремесломъ, братъ мой, сказалъ Пикильо.

— Что жъ дѣлать! Не моя воля.

— Дорого тебѣ платятъ за эту работу?

— Какая плата! почти ничего! Весь доходъ получаетъ отецъ Ромеро, а весь трудъ достается намъ.

— И вашимъ арестантамъ.

— Да, правда, достается и арестантамъ. Но вѣдь они сами виноваты. Кто имъ велитъ!... Вѣдь они вольны выйти, когда хотятъ. Имъ стѣнитъ только слово сказать и ихъ отправляютъ въ Валенсію, къ архіепископу. Тамъ ихъ кормятъ, одѣваютъ и вслѣдствіи поблажаютъ до самой Пасхи и потомъ, окрестивши, пускаютъ на всѣ четыре стороны. Вы знаете, что церемонія торжественнаго крещенія всегда бываетъ о Пасхѣ. Тогда новообращенные, одѣтые въ бѣлые балахоны, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ отправляются въ соборъ, чтобы принять крещеніе. Въ прошломъ году нашъ благочестивый епископъ спасъ пятьдесятъ двѣ души. Нынче наберется около шестидесяти.

— И вы всѣхъ такими человѣколюбивыми средствами обращаете на путь истинный? спросилъ Пикильо, указывая на плеть.

— Что жъ дѣлать! Бываютъ такіе, что и этимъ не убѣдишь... особенно Мавры. Жиды, кальвинисты, реформаторы и другіе еретики еще не-что! Иной по убѣжденію, иной отъ страху соглашается. А Мавровъ ни чѣмъ не проймешь.

— Что вы дѣлаете съ тѣми, которые и подъ вашей пыткой не хотятъ креститься?

— Продержимъ мѣсяцъ подъ плетью, потомъ, если не сдадутся, отсылаемъ въ инквизицію.

— А тамъ что же?

— Тамъ ужъ не наше дѣло. Обратятся, такъ ладно, а нѣтъ, такъ и на костеръ, случается, попадають.

— Значитъ, ты еще не настоящій палачъ: настоящіе тамъ, въ инквизиціи. Но скажи же, сколько ты получаешь содержанія за свою душеспасительную должность?

— Да какое наше содержаніе! Постимся какъ отшельники, ѣдимъ хлѣбъ съ лукомъ, а отъ архіепископа идетъ по одному реалу на брата въ день.

— Ну, хочешь, я буду давать тебѣ по три реала въ день?

— Какъ, по три?... Какимъ образомъ?

— Вотъ увидишь. Начнемъ съ сегодня. Вотъ тебѣ три реала. И каждый разъ, когда ты прійдешь, я буду давать тебѣ по три реала, чтобы ты оставлялъ мою ниву невоздѣланною и свой плугъ въ покоѣ.

Акальпухо машинально взялъ поданныя деньги и отъ удивленія разинулъ ротъ.

— Согласенъ ли ты? спросилъ Пикильо.

— А пожалуй, почему жъ не согласиться! Мнѣ же меньше хлопотъ.

— И мнѣ тоже. А когда мѣсяцъ пройдетъ, ты объявишь, что твои старанія обратить меня остались безуспѣшны. Поднимаешь?

— Понимаю. Ну, а тогда что?

— Тогда увидимъ. До-тѣхъ-поръ у меня тридцать дней впе-реди.

— Хорошо. А если же узнаютъ....

— Узнать могутъ только про то, что я тебѣ далъ, а про то, чего ты мнѣ не далъ, никто не узнаетъ.

Акальпухо согласился и съ точностію приходилъ каждый день къ арестанту, получать три реала. Онъ находилъ эту сдѣлку выгодною и Пикильо тоже.

Съ-тѣхъ-поръ какъ палачъ сдѣлался его повѣреннымъ и сообщникомъ, Пикильо часто говорилъ съ нимъ о побѣгѣ и за помощь обѣщалъ богатую награду. Акальпухо радъ былъ согласиться, но выпустить арестанта изъ монастырской крѣпости не было рѣшительно ни какой возможности: для этого слѣдовало подкупить не только всю братію, но и самого отца Ромеро, который свое-ручно отпиралъ и запиралъ тройныя двери даже тогда, когда отпуская кого-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ.

Сколько всякій другой устранился бы, столько же Пикильо нетерпѣливо желалъ и ждалъ своего отправленія въ инквизицію, откуда надѣялся освободиться скорѣе нежели изъ рукъ архіепископа Рибейры и его тайныхъ сотрудниковъ. Дѣло обращенія у нихъ, очевидно, совершалось въ глубокой тайнѣ. Пикильо и думать не хотѣлъ, чтобы друзья покинули его на произволъ судь-

бы. Педральви, конечно, уведомилъ и д'Альбериковъ и Анху и донъ-Фернанда, но они не могли найти его, оттого не могли и освободить.

Второй мѣсяць былъ на исходѣ. Алмиагъ, по расчету, съ ежедневными прибавками, приходилось получить тридцать-осемь ударовъ плетью, а въ карманѣ оставалось ровно девять реаловъ на выкупъ спины отъ пахаря Акальпухо. Наступилъ срокъ отправления въ инквизицію, но Пикильо не радовался. Могло случиться, что и не отправить или испытаютъ надъ законнымъ еретикомъ еще какое-нибудь предварительное средство, отъ котораго уже нечѣмъ будетъ откупиться, а даромъ и Акальпухо ничего не сдѣлаетъ: можно было безошибочно предсказать, что онъ въ тридцать-первый день, если не получитъ своихъ трехъ реаловъ, не задумавшись отпустить ровно столько же плетей, сколько по правилу причтется.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда монастырскій при-вратникъ пришелъ сказать отцу Ромеро, что за воротами стоитъ отрядъ альгуасиловъ, присланныхъ отъ толедскаго коррехидора, донъ Хосе Кальсадо, по приказанію архіепископа Рибейры. Ромеро поспѣшилъ впустить альгуасиловъ. Ихъ было человекъ десять, подъ предводительствомъ сержанта, рослаго, очень смуглаго дѣтины съ преобладающими черными усами.

— Почтеннѣйшій отецъ, сказалъ сержантъ: мы пришли принять заблудшихъ овецъ, которыхъ вы возвратили пастырю. Его высокопреосвященство архіепископъ Рибейра приказалъ немедленно отвести всѣхъ вашихъ арестантовъ къ нему, въ Валенсію.

— А! вы уже пришли за искупленными, за новообращенными? Хорошо, хорошо.... Но гдѣ же сержантъ Бальтасаръ?... Отчего вы, а не онъ пришелъ?... Позвольте узнать ваше имя, сеньоръ кавалеръ?

— Мое имя?... Бальтасаръ.... то есть, сеньоръ сержантъ Бальтасаръ оттого не можетъ исполнить воли его высокопреосвященства, что захворалъ.... при смерти боленъ.... Я за него исправляю должность.... Я его родной племянникъ. Меня тоже зовутъ Бальтасаромъ.

— А!... вотъ чтò! Хорошо, хорошо. Но отчего же его высокопреосвященство прислалъ такъ рано? Онъ хотѣлъ прислать послѣ завтра. У насъ еще не всѣмъ новообращеннымъ вышелъ срокъ.

— Этого мы не можемъ знать, почтеннѣйшій отецъ. Намъ что приказано, то и дѣлаемъ. Видно, его высокопреосвященство изволило раздумать или скоро понадобится. Не наше дѣло разсуждать.... особенно, когда дѣло-то идетъ о спасеніи грѣшныхъ душъ.... вы знаете....

— Знаю, знаю!... Хорошо, хорошо. Пойдемте, я вамъ сдамъ искусленныхъ.

— А сколько ихъ всѣхъ, почтеннѣйшій отецъ?

— Пять человекъ. Всѣ Жиды.... то есть, были Жиды. Теперь они прозрѣли, покинули лжеученіе еретиковъ, жаждутъ свѣту истины и причислятся къ избраннымъ, какъ-скоро изъ рукъ высокопреосвященнѣйшаго пріймутъ крещеніе.

— Всѣ Жиды!... А какъ же коррехидоръ, отдавая приказаніе, формально объявилъ, что есть одинъ какой-то Мавръ?

— Есть, есть Мавръ.... Ужасный еретикъ! Законсѣлый такой, ни какія увѣщанія на него не дѣйствуютъ. Его отправить, еще нельзя: ему срокъ еще не вышелъ.... Три дня остается.

— Какъ нельзя отправить! Вѣдь я же вамъ говорю, что приказано всѣхъ забрать и по-скорѣе, какъ можно, отправить къ его высокопреосвященству.... Особенно Мавра.... этого еретика! Его-то и велѣно стеречь какъ-можно строже.... Архіепископъ, вѣрно, ужъ и самъ знаетъ, что онъ законсѣлый!

— Знаетъ, знаетъ! Я вчера еще объ этомъ писалъ къ его высокопреосвященству.... Стало-быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ хочетъ самъ испытать надъ этимъ еретикомъ силу своего слова?... Ну, ладно, пойдемте, сеньоръ кавалеръ.... какъ-бишь васъ зовутъ?...

— Бальтасаръ.... племянникъ сержанта Бальтасара.

Отецъ Ромеро повелъ альгуасиловъ на второй, внутренней, дворъ и въ нѣсколько минутъ съ рукъ на руки сдалъ имъ своихъ арестантовъ, пятерыхъ Жидовъ и Пикильо Алъягу, который сначала удивился, что неожиданно скоро избавился отъ пахара; потомъ съ сомнѣніемъ и трепетомъ подумалъ о томъ, что ждетъ его впереди. При всей надеждѣ на помощь друзей, одна ния инквизиціи приводило его въ ужасъ и невольный трепеть ледяною струей пробѣгалъ по всѣмъ жиламъ.

Конвой съ новообращенными пошелъ по горнымъ тропинкамъ и дикимъ захоlustьямъ, избѣгая даже большихъ проселочныхъ дорогъ и это не удивляло Алъягу: ему показалось только странно, что альгуасилы чрезвычайно торопятся, по временамъ оглядываются и

немилосердо понукають несчастныхъ Жидовъ, которые тащались въ совершенномъ уныніи, какъ барацы на бойню.

Такимъ образомъ они, пробираясь горами и лѣсомъ, шли около часу времени и вышли на проселочную дорогу, которая извилинами спускаясь съ горы въ нѣкоторомъ отдаленіи перекрещалась съ двумя другими большими дорогами. Тутъ отрядъ остановился.

Сержантъ альгуасильовъ подошелъ къ Жидамъ и сказалъ :

— Теперь, любезные други, вы можете идти куда вамъ угодно. Вы — свободны!

Жиды вытирали глаза.

— Чтò же! продолжалъ съ улыбкою сержантъ : слышите, вы свободны!

— Свободны! свободны! повторяли несчастные, не вѣря своимъ ушамъ.

— Да, вы вольны. Вотъ дорога въ Валенсію, къ архіепископу Рибейръ, а вотъ другія дороги, по которымъ можно дальше уйти.

Жиды поклонились и со всѣхъ ногъ пустились бѣжать въ разсыпную. Ни одинъ не побѣжалъ по дорогѣ въ Валенсію.

Пикильо не зналъ, чтò подумать объ этомъ странномъ поведеніи альгуасила, но не успѣлъ спросить. Сержантъ скинулъ съ себя черный плащъ, широкополую шляпу и длинные усы.

— Педральви!... ты! другъ мой, Педральви! вскричалъ Пикильо, бросаясь къ нему на шею.

Подчиненные мнимаго альгуасила также сбросили свои костюмы и Пикильо узналъ нѣкоторыхъ работниковъ Деласкара д'Альберика и между ними Мавра Сиди-Сагала, котораго кормилъ обѣдомъ въ гостинницѣ «Золотаго Фазана».

— Друзья мои! братья! какъ много я обязанъ вамъ! повторялъ Пикильо, пожимая имъ руки.

— Ты ничѣмъ не обязанъ намъ, возразилъ Педральви: напротивъ, мы еще въ долгу у тебя.... кромѣ-того, что обязаны слушать тебѣ.... какъ сыну Деласкара д'Альберика! прибавилъ онъ шопотомъ на-ухо.

— Но скажи же, какимъ образомъ вы проникли въ мою темницу?

— Расскажу сейчасъ, но прежде всего намъ нужно позаботиться, какъ бы насъ не поймали. Ребята, уберите эти маскарадныя платья куда-нибудь по-дальше, да ступайте домой разными дорогами, чтобы не было ни какого подозрѣнія.

Работники собрали все полицейское платье, бросили въ глубокую пропасть, между утесовъ, и разошлись въ разныя стороны. Педральви развязалъ узелокъ, въ которомъ у него была одежда пильгрима, приготовленная для друга. Пикильо нарядился и могъ такимъ образомъ спокойно продолжать путь, потому что это платье въ Испаніи почиталось такимъ же священнымъ, какъ монашеская ряса.

— Ну, я тебя немножко еще провожу, а потомъ мы разстанемся, сказалъ Педральви: мнѣ нужно воротиться домой, а ты ужъ лучше поспѣшай въ Мадридъ. Тебя тамъ ждутъ.

— Кто же?

— Разумѣется, сеньора Анха.

— Анха!... Кто тебѣ сказалъ?... Почему ты ее знаешь?

— Я знаю ее черезъ горничную королевы.... черезъ Хуаниту.

— А!... Ты видѣлъ Хуаниту?

— Нѣтъ еще!... Два мѣсяца всё искалъ тебя. Но я писалъ къ ней, описалъ наше приключеніе. Она рассказала сеньорѣ Анхѣ и сеньорѣ Карменъ. Онѣ очень беспокоились о тебѣ...

— Мои ангелы-хранители! - вскричалъ Пикильо.

— Онѣ старались отыскать тебя, думали, что ты въ темницѣ инквизиціи, но потомъ узнали что нѣтъ. Обо всемъ этомъ мнѣ писала Хуанита. Но чего онѣ не могли сдѣлать, то сдѣлалъ Исидъ. Онъ говорилъ, что найдетъ тебя, во что бы то ни стало, и нашелъ. Онъ открылъ монастырь, гдѣ Рибейра проповѣдуетъ еретикамъ свою вѣру, и узналъ всѣ подробности. Онъ не жалѣлъ золота.... хотѣлъ купить весь монастырь, а нѣтъ, такъ силой взять и скрыть до основанія. Это, конечно, было бы не безопасно. Я предложилъ воспользоваться изобрѣтеніемъ мошенника Бальсейро и штука, слава Богу, удалась. Исидъ самъ хотѣлъ быть въ этой экспедиціи, но принужденъ былъ поспѣшно отправиться въ Мадридъ, потому что всѣмъ намъ грозитъ какое-то несчастіе.

— Несчастіе! Какое же? говори!

— Не знаю. Исидъ, вѣроятно, скажетъ тебѣ. Онъ былъ вмѣстѣ съ тобой и Деласкаръ тоже. Я слышалъ, какъ онъ торопилъ Исиду и жалѣлъ, что тебя не успѣли раньше освободить. Теперь Исидъ уже долженъ быть въ Мадридѣ. Онъ вчера уѣхалъ. А Хуанита мнѣ пишетъ, что и сеньора Анха тоже въ отчаяніи, плачетъ по цѣлымъ днямъ. Карменъ утѣшаетъ ее и тоже плачетъ.

Не разъ Хуанита слышала, какъ обѣ онѣ вздыхая говорили: «Хоть бы по-крайней-мѣрѣ Пикильо былъ съ нами!»

— Боже мой! вскричалъ Пикильо: всѣ, кого я люблю, всѣ нуждаются во мнѣ, а я сидѣлъ въ темницѣ!... Прощай же, Педральви, прощай! Ступай къ Деласкару, ступай къ моему отцу... Онъ теперь одинъ остался... А я поспѣшу въ Мадридъ къ Иесиду, къ Анхѣ.

Педральви, по порученію Иесида, снабдилъ Пикильо деньгами и оружіемъ, далъ совѣтъ избѣгать большихъ дорогъ и открытыхъ гостинницъ, чтобы опять не попасть въ руки Рибейры, и друзья разстались.

Пикильо въ одеждѣ пильгрима безопасно доѣхалъ до Мадрита; но не нашелъ тамъ ни Иесида, ни Анхи, ни Карменъ. Отъ людей въ домѣ графини д'Альтамира онъ узналъ, что Анха и Карменъ поѣхали въ Толедо. Съ кѣмъ и для чего, никто не зналъ. Но онѣ поѣхали въ Толедо: этого для Пикильо было достаточно, чтобы пуститься вслѣдъ за ними. Въ этихъ разъѣздахъ прошло три дня.

Между-тѣмъ въ Валенсіи и въ Толедо, такъ же какъ въ Айгадорскомъ Монастырѣ, происходила страшная тревога. Отецъ Роме-ро узналъ, что его обманули и получилъ страшную нагонку отъ архіепископа; такъ же какъ и коррехидоръ, у котораго подъ носомъ всякіе бродяги наряжаются альгуасилами и во зло употребляютъ знаки законной власти. Донъ Хосе Кальсадо не хотѣлъ вѣрить, чтобы въ его полиціи могли происходить подобныя безчинства, однако жъ принужденъ былъ принять мѣры къ поимкѣ мнимыхъ альгуасиловъ. Это повело къ несчастнымъ слѣдствіямъ, особенно когда дѣйствительно изловили нѣсколько подозрительныхъ людей въ одеждѣ альгуасиловъ, которые принадлежали къ шайкѣ капитана Бальсейро. Самого капитана чуть-чуть не схватили. Чтобы не попасть на висѣлицу вмѣстѣ съ другими, онъ принужденъ былъ покинуть роль, съ которою уже сроднился-было, но, которая стала уже невыполнимою. Вся полиція въ Толедо и въ Новой-Кастиліи всполошилась: не было возможно-сти отличить мнимыхъ альгуасиловъ отъ настоящихъ, другъ друга не узнавали; на улицѣ эти господа то и дѣло схватывали одинъ другаго за-воротъ, каждый именовъ короля и коррехидора. Совѣтъ ремесло испортилось, хоть брось. Капитанъ Бальсейро такъ и сдѣлалъ, бросилъ роль альгуасила и нарядился на первый случай капитаномъ испанской пѣхоты.

Пиккльо продолжалъ путешествовать въ одеждѣ пильгрима.

Не дождая полу-мили до Толедо, Пиккльо принѣтилъ богатое помѣстье съ замкомъ и деревнею на склонѣ горы. Въ замкѣ, очевидно, происходило что-то необыкновенное, потому что весь народъ изъ деревни стекался туда въ праздничныхъ нарядахъ и дворовые люди чрезвычайно суетились, готовились къ пиру.

Люди, которые веселятся, рѣдко бываютъ опасны. Пиккльо подошелъ къ толпѣ деревенскихъ дѣвушекъ, которыя тотчасъ пригласили его во дворъ, къ большому накрытому столу, гдѣ угощали всѣхъ желающихъ. Пильгримы всегда бываютъ голодны и мучатся жаждою. Пиккльо не могъ отказаться отъ вина, котораго ему поднесла дѣвушка, и усѣлся за столъ съ поселянами.

— Чей это замокъ? спросилъ онъ.

— Герцога Сантарема, португальскаго дворянина, отвѣчала дѣвушка: у него много помѣстевъ въ Испаніи, но онъ никогда прежде у насъ не бывалъ; нынче въ первый разъ прѣхалъ: у насъ свадьбу справляетъ.

— Чью же свадьбу?

— Свою.

— А на комъ онъ женится?

— На какой-то сеньорѣ, изъ Мадрита.

— На богатой?

— Нѣтъ, за нею, говорятъ, ничего нѣтъ.

— Чтò жъ, она хороша, по-крайней-мѣрѣ?

— О! очень хороша.... только блѣдна, очень блѣдна и печальна!... Хоть бы разъ улыбнулась. Чтò это за невѣста! Страшно смотреть. Правда, и баринъ-то нашъ не веселъ. Всѣ поглядываютъ вокругъ, какъ-будто чего боятся, какъ-будто ждетъ бѣды какой-нибудь. Въ томъ, вѣрно, и бѣда, что женится. Невѣста, видно, не любитъ его. Странная свадьба! Ужъ я бы не хотѣла такъ замужъ выходить!

— Неужели? сказалъ Пиккльо, который съ невольнымъ участіемъ слушалъ разговоръ: когда же будетъ свадьба?

— Да сегодня, теперь, сейчасъ. Слышите, звонятъ.... а вотъ и народъ повалилъ въ часовню.

Въ самомъ дѣлѣ, толпа поспѣшно хлынула въ домашнюю церковь, которая примыкала къ главному зданію замка и имѣла два входа, одинъ со двора, другой изъ внутреннихъ покоевъ. Церковь была такъ мала, что не могла вмѣстить всѣхъ любовныхъ. Поселяне болѣею частію принуждены были оставаться на дворѣ

и на паперти, передь отворенною дверью. Алльиэгъ послѣ продолжительныхъ усилій мало-по-малу удалось наконецъ пробраться внутрь, но и тамъ онъ, за тѣснотою, ничего не могъ видѣть. Обрядъ кончился. Толпа заволновалась и, чтобы дать пройти молодымъ, разодвинулась такъ, что Алльиэгъ пришлось стоять почти въ первомъ ряду, подлѣ колонны и онъ держался за спинку скамьи, которая служила ему оплотомъ отъ всеувлекающей массы любопытныхъ. Молодыя пошли. Пикильо взглянулъ на молодого — вздрогнулъ, ужаснулся: ему казалось, что онъ или видитъ призраки на яву или сошелъ съума. Знатный дворянинъ, великолѣпный герцогъ, окруженный своими пажами и вассалами, украшенный нѣсколькими орденами, былъ — капитанъ Бальсейро.... вылитый, живой капитанъ Бальсейро!

=

ПИКИЛЬО АЛЫАГА,

ИЛИ

МАВРЫ ПРИ ФИЛИЦЦЪ-ТРЕТЬЕМЪ.

=

РОМАНЪ ЕВГЕНІЯ СКРИВА.

=

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

=

— Опять онъ! вездѣ онъ! Я вездѣ вижу его! подумалъ Пикильо и закрылъ глаза рукою.

Непонятное для Пикильо, читатели легко поймутъ, когда вспомнить, что отецъ герцога Сантарема былъ въ то же время отцомъ Хуана Батисты Бальсейро. Сходство въ лицѣ было, дѣйствительно, поразительное. Но устыдившись своей слабости, Пикильо поспѣшно отнялъ руку, снова обратилъ глаза на молодую чету и тогда ощутилъ въ сердцѣ еще несравненно сильтѣйшій ударъ: въ десяти шагахъ передъ нимъ, рука въ руку съ герцогомъ Сантаремомъ, прошла единственная его любовь, единственная его

мечта, счастье его жизни, обожаемая его Анха! Анха, блѣдная, съ помутившимся взоромъ, въ пышномъ нарядѣ невѣсты!

Онъ хотѣлъ вскрикнуть: Анха! Анха! я здѣсь! Но языкъ не поворачивался, непослушное горло не издавало звука. Онъ порывался броситься впередъ, толпа не пускала, ноги подкашивались. Наконецъ изъ отягченной груди вырвался стонъ, страшный вопль отчаянія, и Пикильо упалъ въ обморокъ.

Все для него кончилось! Ему казалось, онъ умираетъ. Но и этого счастья не дано было бѣдному Пикильо.

Шумъ выходившей толпы заглушилъ крикъ пилигрима. Никто не примѣтилъ, что онъ безъ чувствъ упалъ на скамью. Черезъ минуту часовня опустѣла. Водворилась мертвая тишина. Прошло нѣсколько часовъ. Когда Пикильо очнулся, его окружалъ мракъ, чуть-чуть проникнутый слабымъ мерцаніемъ лампы передъ престольнымъ образомъ. Пробыло десять. Пикильо долго не могъ собрать своихъ мыслей, но наконецъ, черезъ цѣлый рядъ воспоминаній дошелъ до причины своего обмороку и съ яростью, съ изступленною ревностью бросился къ двери.... Она была заперта.

Въ то же время послышался шорохъ въ противоположномъ концѣ часовни. Отворилась дверь и вошла женщина со свѣчою. Лица Пикильо не могъ распознать, потому что она рукою загроживала свѣчу отъ себя. Она подошла къ престолу, поставила свѣчу и съ теплою молитвой опустилась на колѣни. Пикильо слышалъ, какъ она произнесла имя Анхи.

Это имя всегда производило на Пикильо неизъяснимо чарующее дѣйствіе. Онъ тихонько подошелъ и удерживая дыханіе подслушалъ голосъ, который отгадывалъ его мысли и молился за Анху. Потомъ онъ услышалъ имя Фернанда, а наконецъ и свое, имя Пикильо.... И онъ, который уже преданъ было отчаянію, проклиналъ уже небо и землю, онъ, съ смягченнымъ, отогрѣтымъ сердцемъ упалъ на колѣни и прошепталъ:

— О! да благословить васъ Богъ за эти молитвы! да благословить васъ Богъ, за то, что вы вспомнили о бѣдномъ Пикильо!

Дѣвушка въ испугѣ вскочила, но, узнавъ знакомый голосъ, остановилась и трепеща отъ радости вскричала:

— Кто здѣсь?... кто вы?

— Пикильо.

— Пикильо! вскричала Карменъ.

Это она въ безмолвномъ уединеніи пришла помолиться за своихъ милыхъ.

— Пикильо! продолжала она: ахъ, какое счастье для бѣдной Анхи, которая сейчасъ только говорила мнѣ: Если бы я по-крайней-мѣрѣ могла увидѣть его хоть разъ, хоть одинъ разъ и потомъ умереть!

— Неужели!... Она это сказала? вскричалъ Пикильо, трепеща отъ радости и упоенія.

— Тише! тише! молчите! сказала Карменъ, зажимая ему ротъ: пойдемте со мной.

Она взяла его за руку и повела черезъ длинный корридоръ, который тянулся черезъ весь флигель главнаго зданія. Вдали слышался веселый шумъ поселянъ, которые въ нижнемъ этажѣ пировали и подъ звуки оркестра плясали, такъ, что готическія окна дребезжали. Пикильо молча слѣдовалъ за своей путеводительницей. Наконецъ они пришли въ небольшую, слабо освѣщенную перендюю.

— Подождите здѣсь, сказала Карменъ: я предупрежу Анху, чтобы внезапная радость не повредила ей.

Карменъ ушла. Пикильо вслушивался въ бѣненіе своего сердца и съ трудомъ переводилъ дыханіе.

— Войдите! сказала Карменъ воротившись и уходя въ другіе покои.

Пикильо поспѣшно вошелъ къ Анхѣ. Она вскочила съ кресла и бросилась къ нему въ объятія.

— Пикильо!... ты здѣсь!... наконецъ!

— Да, но я несчастнѣйшій изъ людей... я опоздалъ... я не успѣлъ спасти васъ!

— Но по-крайней-мѣрѣ я вижу тебя! И это уже счастье!

И говоря это она прижимала его къ груди, осыпала поцѣлуями, орошала слезами. Пикильо былъ виѣ себя, изнемогалъ подъ бременемъ счастья, котораго не смѣлъ ни желать, ни повяты, но которое приводило его въ восторгъ, въ обаяніе. Анха, повиснувъ на шеѣ и цѣлуя его, вскричала:

— Братъ мой!... милый братъ мой!

При этомъ словѣ Пикильо вдругъ оттолкнулъ ее и самъ отшатнулся. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть. Чтò происходило въ душѣ его, описать невозможно. Два сильные, непредвидѣнные удара, внезапный переходъ отъ неслыханнаго счастья къ крайнему отчаянію, превозмогли крѣпость его разсудка. Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ словъ, бросилъ на Анху дикій и грозный взглядъ и хотѣлъ уйти.

Это было начало помѣшательства.

— Сынъ Деласкара д'Альберика! братъ мой! что я тебѣ сдѣлала? нѣжно повторила Аиха: зачѣмъ ты бѣжишь отъ меня, когда только ты могъ бы еще утѣшить несчастную сестру?

Очаровательный голосъ произвелъ на Пиккильо обычное свое дѣйствіе. Онъ былъ могущественнѣе испытанныхъ ударовъ и остановилъ отходявшій разсудокъ, разсвѣялъ помѣшательство, возвратилъ жизнь и память о долгѣ и чести. Пиккильо укрѣпился противъ страданія и снова сдѣлался человѣкомъ, нашелъ силу Воли, которая все можетъ побѣдить, даже насъ самихъ.

— Простите мою слабость, сказалъ онъ: но я такъ много страдалъ эти дни.... я уже былъ слабъ.... боленъ.

Онъ говорилъ правду. Аиха схватила его за руку. Она горѣла. Нѣжная сестра усадила брата въ кресло и истощала всевозможныя ласки и попеченія, не примѣчая, что удваиваетъ страданіе, которое хотѣла унять.

— Вы сестра моя! говорилъ Пиккильо дрожащимъ голосомъ: сестра!

И онъ повторялъ это слово, которое сдѣлалось единственнымъ его спасеніемъ, его талисманомъ и щитомъ. Потомъ, обративъ на Аиху печальный взоръ, въ которомъ улыбка старалась пробиться сквозь слезы, онъ продолжалъ:

— Это имя не научить мое сердце ничему новому. Я давно уже питаю къ вамъ нѣжность брата. Но что сердце поняло, того умъ еще не въ состояніи постигнуть.

— Я объясню тебѣ, братецъ! вскричала Аиха и, видя, что онъ оглядывается, прибавила: не безпокойся, герцогъ не войдетъ сюда безъ моего позволенія. Если я не могла уклониться отъ этого роковаго брака, такъ сохранила по-крайней-мѣрѣ мою независимость. Она неприкосновенна.

Она не примѣтила луча радости, который сверкнулъ въ глазахъ Пиккильо, и продолжала:

— Ты знаешь причины и послѣдствія междоусобной войны валенсійскихъ и гренадскихъ Мавровъ съ Филиппомъ-Вторымъ. Ты знаешь, сколько погибло нашихъ за вѣру отцовъ и за сопротивленіе насилію. Ты знаешь, что и Филиппу дорого стоила его побѣда; но онъ одержалъ побѣду и тогда издалъ законъ, которымъ принудилъ Мавровъ окрестить всѣхъ дѣтей, недостигшихъ семилѣтняго возраста, и впередъ крестить всѣхъ, которые родятся. Нарушителей ожидала неминуемая смерть. Но этотъ законъ тогда мало тревожилъ семейство д'Альберика: Иесиду было уже болѣе семи лѣтъ, такъ, что его не могли принудить къ

перемѣнѣ вѣры. Но прошло нѣсколько лѣтъ, и, въ концѣ царствованія Филиппа-Второго, вторая жена Деласкара, Амина, родила меня. Но меня еще не было на свѣтѣ, а родители уже страдали за меня. Они съ безпокойствомъ и отчаяніемъ помышляли, что имъ предстоитъ воспитать на своей груди христіанина, врага своей вѣры, или подвергнуться взысканію инквизиціи, пыткѣ, смерти на кострѣ и Богъ знаетъ чему!.... Ты видѣлъ, чтѣ ожидало бѣднаго Гонгарельо и Хуаниту....

— Знаю, знаю! вскричалъ Пикильо, вспомнивъ, чему подвергался самъ въ Айгадорскомъ Монастырѣ.

— Мать мою эти мысли до такой степени тревожили, что она опасно захворала и чуть не умерла. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній рѣшились наконецъ поступить такимъ образомъ. На второй половицѣ беременности Амина отправилась на нѣсколько мѣсяцевъ путешествовать и, на возвратномъ пути, остановилась въ Гренадѣ у одной бывшей своей невольницы, которая только-что родила и окрестила свое дитя по-христіански. Дочь этой женщины Амина взяла на свое попеченіе, а меня оставила тамъ, на мѣстѣ окрещенной. Паломита, — такъ звали женщину, — часто привозила меня къ настоящимъ моимъ родителямъ и такимъ образомъ я украдкою пользовалась ласками отца и матери. Когда же отецъ лишился своей Амины, любовь его ко мнѣ удвоилась. Онъ самъ сталъ прїѣзжать къ намъ и такъ часто, что каждую минуту измѣнялъ своей тайнѣ. Ко мнѣ онъ былъ такъ нѣженъ и довѣрчивъ, что открылся мнѣ во всемъ, тогда какъ мнѣ было не болѣе пяти лѣтъ отъ-роду. Но въ то же время онъ открылъ мнѣ, что эта тайна можетъ стѣдить жизни ему и Исиду, моему брату. Во всемъ этомъ я тогда хорошо понимала только то, что должна молчать, если не хочу сдѣлаться убійцей отца и брата. И эта мысль укоренилась во мнѣ такъ, что даже Карменъ никогда не слыхала ни слова о моей тайнѣ.

— Но какимъ же образомъ вы попали въ домъ д'Агилара? спросилъ Пикильо.

— Когда мнѣ пошелъ шестой годъ, отецъ разсудилъ, что мнѣ нужно дать воспитаніе, которое было бы несомнѣнно съ званіемъ торговки Паломиты. Тогда онъ открылся своему другу, благородному д'Агилару, которому уже обязанъ былъ спасеніемъ жизни во время междоусобной войны, и который охотно согласился воспитать меня подъ именемъ дочери испанскаго офицера Діего Лопеса. Тамъ тоже отецъ и Исидъ навѣщали меня часто, но въ совершенной тайнѣ, такъ, что ни ты, ни Карменъ и

никто изъ домашнихъ никогда не могъ видѣть ихъ. Впоследствии.... послѣ путешествія королевы Маргариты черезъ Валенсію.... отецъ видѣлся съ королевою, открылъ ей все и просилъ позволенія взять меня домой; но королева не совѣтовала, находила это слишкомъ опаснымъ, потому что на Мавровъ готовились новыя гоненія. Королева знала обо мнѣ, какъ о дочери Деласкара д'Альберика, которому обѣщала всегдашнее свое покровительство. Вотъ почему я осмѣлилась просить за Гонгарелью и Хуаниту.

— А! вотъ въ чемъ причина вашего вліянія, которое мнѣ тогда было такъ непостижимо: вскричалъ Пикильо: но... что же теперь?... Отчего же теперь она не защищала васъ самихъ?

— Теперь она тоже все знаетъ, но, вѣроятно, не можетъ помочь мнѣ. Втеченіи этихъ двухъ мѣсяцевъ, во время твоего отсутствія, мы съ Карменъ подвергались многимъ опасностямъ у этой низкой женщины, графини д'Альтамира...

— Что вы говорите!

— Да, она низкая женщина. У Карменъ еще былъ защитникъ, другъ, женихъ, Фернандъ д'Альбайда. У меня не было никого. Тебя не было, а отецъ и братъ далеко. Однажды къ намъ пріѣхалъ министръ, герцогъ Лерма. Онъ предложилъ мнѣ бракъ съ герцогомъ Сантаремомъ и объявилъ, что король этого желаетъ. Что я могла отвѣчать на это? Я просила сроку, чтобы успѣть посоветоваться съ отцомъ и Исидомъ. Я успѣшила уведомить ихъ о моемъ страхѣ и безпокойствѣ и просила совѣта. Я изала въ этомъ письмѣ всю душу, какъ дочь передъ отцомъ, какъ сестра передъ братомъ. Шпіоны герцога Лермы перехватили его.

— О! вскричалъ Пикильо съ негодованіемъ.

— Да, Лерма не посоветился употребить такое низкое средство. Послѣ этого ему уже не трудно было склонить меня на бракъ съ Сантаремомъ. Онъ предлагалъ или этотъ бракъ или выдачу отца и брата инквизиціи, на вѣчное заключеніе въ темницу, а можетъ-быть и на смерть.

Пикильо въ уныніи опустилъ голову.

— Теперь ты понимаешь, почему я вышла замужъ, продолжала Ашха: но для чего меня выдали, для чего выдали именно за Сантарема, этого я и сама еще не знаю.... Но мы проникнемъ эту тайну. Къ-несчастью, я была одна. Если бы ты по-крайней-мѣрѣ былъ тогда со мною....

— Да! къ-несчастью, къ-несчастью! вскричалъ Пикильо почти съ яростью.

— Ты скрылъ отъ насъ причину своей пѣздки, но, но при-

бытїи твоємъ въ Валенсію, Іесидъ писалъ мнѣ, что нашелъ брата своего и моего брата... котораго я давно уже любила! Я съ нетерпѣніемъ ожидала тебя.

— А я съ нетерпѣніемъ спѣшилъ! вскричалъ Пикильо: я спѣшилъ сообщить мою радость, мое счастье; но тутъ враги задержали меня и засадили....

И онъ въ короткихъ словахъ разсказалъ, какъ подвергался опасности и въ какой опасности находится еще и теперь. Онъ не успѣлъ кончить, какъ въ замкѣ послышался шумъ, тревога; люди бѣгали по корридорахъ, хлопали двери.

— Уйди, братецъ, сказала Анха.

— Да, если меня застанутъ здѣсь.... ты пострадаешь.

— Я? Нѣтъ, отвѣчала Анха рѣшительно: я признаюсь, что ты мой братъ. Карменъ уже знаетъ это. За себя я не боюсь. Но если они тебя преслѣдуютъ, ищутъ, то я не хочу, чтобы тебя видѣли прежде чѣмъ минуетъ опасность.

— Ахъ! что мнѣ теперь опасности! невольно вскричалъ Пикильо и съ уныніемъ опустилъ руки.

— Ты забываешь, братецъ, что теперь мнѣ нужна твоя опора и всегда нужна будетъ твоя дружба.

— Да, да! я виноватъ!... Я былъ эгоистъ, неблагодарный!... вы правы.

— Вы! Почему же ты всё-еще говоришь мнѣ вы?

— Ахъ!... Я такъ уже привыкъ уважать васъ.

— Да, прежде, можетъ-быть.... Но теперь ты обязанъ только любить меня. Не правда ли, братъ мой?

Шумъ въ замкѣ усиливался и, казалось, приближался къ покоямъ Анхи.

— Ступай же, братецъ! вскричала она: уходи скорѣе.

— Иду, иду. Но какъ, куда? спросилъ Пикильо съ волненіемъ, не выпуская ея руки.

Анха указала ему дверь, противоположную той, въ которую онъ вошелъ; дала ключъ и научила, какъ пройти черезъ паркъ.

— Ступай же, ступай! До свиданія, въ Мадридѣ.

Она поцѣловала его, и Пикильо, взволнованный, вѣ себя, выбѣжалъ въ паркъ.

Въ тотъ день, когда герцогъ Лерма вынудилъ у Анхи согласіе на бракъ съ Сантаремомъ, Карменъ, въ отчаяніи отъ несчастія своей подружки, поспѣшила обо всемъ написать въ Лиссабонъ

къ Фернанду; рассказала всё подробности и умоляла спасти Анху, если можно.

Прочитавъ это письмо, Фернандъ пришелъ въ ярость на министра и на Сантарема и жалѣлъ, что отправилъ бунтовщика въ Мадритъ, а не разстрѣлялъ на мѣстѣ. Герцогъ Лерма, неумолимый къ безразсуднымъ или заблудшимъ, миловалъ одного изъ главныхъ зачинщиковъ и предводителей и даже награждалъ его, награждалъ прекраснѣйшею невѣстой въ Испаніи! Это такая вопиющая несправедливость, которой онъ, Фернандъ д'Альбайда, не можетъ допустить. Онъ женится на Карменъ, которая почти сестра Анхѣ. Слѣдовательно, Анха ему родня; слѣдовательно, на немъ лежитъ священная обязанность защищать ее. Всѣхъ этихъ причинъ было слишкомъ достаточно, чтобы вступить въ дѣло. Въ одной только причинѣ Фернандъ не признавался себѣ, — въ самой главной, — въ ревности. Онъ по чувству долга намѣренъ былъ отказаться отъ Анхи, но не хотѣлъ видѣть ее во власти другаго.

Онъ рѣшился ѣхать въ Мадритъ и спѣшилъ окончить дѣла, которыя его задерживали.

Между-тѣмъ герцогъ Лерма тоже спѣшилъ покончить дѣло, отъ котораго зависѣли всё его надежды. Онъ желалъ, чтобы бракъ Сантарема совершился безъ всякаго шума и не привлекъ бы вниманія публики, что въ Мадритѣ, конечно, было невозможно. Поэтому Лерма рѣшился на одну изъ тѣхъ смѣлыхъ мѣръ, какія обыкновенно принимаютъ министры, которые боятся чего-нибудь: онъ рѣшился обдѣлать дѣло въ-тихомолку, какъ государственную тайну.

— У васъ есть имѣніе по близости Толеды? сказалъ онъ Сантареми.

— Есть замокъ.

— Ну, такъ сватьяба ваша будетъ тамъ.

— Отчего же тамъ?

— По причинамъ государственнымъ, съ важностью отвѣчалъ министръ.

— Но я никогда не бывалъ въ этомъ имѣніи. Тамъ ничего не приготовлено.

— Такъ и нужно. У васъ никого не будетъ приглашенныхъ изъ Мадрита. Обрядъ совершится въ присутствіи однихъ вашихъ вассаловъ. Такъ и распорядитесь. Черезъ два дня вы поѣдете. Вечерніи этой недѣли все должно быть покончено. А до-тѣхъ-поръ не говорите никому ни слова объ этомъ.

— Отчего же такъ, ваша свѣтлость?

— Я, кажется, уже имѣлъ честь объяснить вамъ.... по причинамъ....

— Государственнымъ. Понимаю. Будьте увѣрены, что я съ точностью исполню предписанія вашей свѣтлости.

И Сантаремъ тайно сдѣлалъ всѣ распоряженія къ свадьбѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Деласкаръ д'Альберикъ и Исидъ прогуливались по своему саду въ Вальпараисо и соображали средства къ освобожденію Никіель изъ рукъ Рибейры, когда имъ подали слѣдующую записку:

«Анху хотятъ втайнѣ выдать за герцога Сантарема. Если это дѣлается безъ вашего вѣдома и согласія, поспѣшите, не теряйте времени.»

— Откуда это? въ испугѣ вскричалъ Деласкаръ.

Записка была безъ подписи. Исидъ посмотрѣлъ на печать и показалъ отцу. То было арабское слово «всегда», вырѣзанное на бирюзовомъ камнѣ, который Исидъ подарилъ королевѣ.

— Да, этому нельзя не вѣрить! вскричалъ Деласкаръ: надобно спѣшить. Скачи тотчасъ же въ Мадридъ, Исидъ.

Исидъ поручилъ Педральви освободить Алльбагу по плану, который уже былъ придуманъ, а самъ немедленно отправился въ Мадридъ. Но когда онъ пріѣхалъ, Сантаремъ и Анха были уже въ Толедо.

Графиня д'Альтамира предлагала проводить ихъ, съ тѣмъ чтобы быть у невѣсты посаженной матерью, но Анха на-отрѣзъ отказалась отъ этой чести. Она просила только Карменъ и Хуаниту, чтобы не оставляли ея. Анха, хотя съ твердостью покорилась своей судьбѣ, однако жъ не могла не чувствовать себя невыразимо несчастною. Удаленная отъ отца и брата, которымъ даже не могла сказать, какую приносить для нихъ жертву, она находила единственную отраду въ обществѣ Карменъ и доброй, искренно преданной Хуаниты.

На другой день по ихъ отъѣздѣ должностные люди донесли, герцогу Лермѣ, что довь Фернандъ д'Альбайда тайно прибылъ изъ Лиссабона, не останавливаясь въ своемъ домѣ отправился прямо къ герцогу Сантарему, не засталъ его; былъ потомъ у графини д'Альтамиры, съ которою говорилъ около часу, и, наконецъ, поспѣшно поскакалъ по дорогѣ въ Толедо.

Это извѣстіе встревожило министра. Онъ не зналъ что подумать о тайной отлучкѣ д'Альбайды изъ Лиссабона, безъ позволенія и безъ предупрежденія начальства. Черезъ часъ потомъ

министръ получилъ другое донесеніе, еще менѣе понятное. Приѣзжалъ откуда-то изъ-далека, какъ видно было по запыленному дорожному платью, другой всадникъ, который, также нигдѣ не останавливаясь, былъ въ домѣ Сантарема, угрозами вынудилъ у управителя признаніе, гдѣ герцогъ, и въ ту же минуту отправился по слѣдамъ его.

Это стеченіе обстоятельствъ, совершенно сходныхъ, не могло не возбудить подозрѣнія министра. Ясно было видно, что устроенному браку хотѣли воспрепятствовать. Герцогъ тотчасъ же написалъ съ нарочнымъ къ Сантарему, что король, вою по тѣмъ же государственнымъ причинамъ, желаетъ, чтобы бракосочетаніе совершилось днемъ, а если можно, такъ и двумя днями раньше назначеннаго срока, какъ-только успѣетъ прибыть фра Гасперъ Кордова, которому приказано вѣнчаться. Въ видѣ приписки министръ прибавлялъ: если герцогъ Сантаремъ не выполнитъ этого королевскаго повелѣнія, то его въ тотъ же вечеръ мѣстныхъ власти арестуютъ для отправленія въ Мадридъ подъ конвоемъ.

Въ то же время министръ написалъ къ толедскому корректору донъ Хосе Кальсадо, чтобы, во-первыхъ, онъ немедленно извѣстилъ его объ исполненіи данныхъ повелѣній и, во-вторыхъ, строго наблюдалъ бы какъ за поведеніемъ, такъ и за безопасностью герцога Сантарема, за котораго онъ отвѣчаетъ собственною головой.

Сантаремъ плохо понималъ намѣренія министра, и всё подозрѣвая какой-нибудь обманъ, безпрестанно повторялъ себѣ:

— Вотъ нектати я задумалъ бунтовать!

Однако жъ, послѣ того какъ герцогъ провелъ одинъ вечеръ съ Анхой, идеи его приняли другое направленіе. Онъ нашелъ, что Анха прелестна; что она одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ, какихъ онъ видѣлъ. Ея холодность онъ счелъ достоинствомъ и осторожностью съ человѣкомъ еще мало знакомымъ. Словомъ, герцогъ начиналъ находить, что, можетъ-быть, не совсѣмъ нектати задумалъ бунтовать; что вообще въ поведеніи министра есть сторона разсудительная и удовлетворительная, и что непонятны его поступки единственно по причинѣ общаго свойства людей государственныхъ, болѣею частію непостижимыхъ.

Во время этихъ успокоительныхъ размышленій, Сантаремъ получилъ приглашеніе пожаловать къ Анхѣ. Это было утро. Герцогъ въ самыхъ лестныхъ надеждахъ поспѣшилъ окончить начатый туалетъ и отправился. Вечеромъ Анха очаровала его. Ут-

ромъ она показалась ему еще привлекательнѣе и онъ окончательно помирился съ политикомъ министра.

— Извините, герцогъ, что я васъ беспокою, сказала Аиха съ важностью: но я нахожу это свиданіе необходимымъ.

— Не знаю, необходимо ли, но то вѣрно, что оно мнѣ очень пріятно, отвѣчалъ герцогъ съ любезностью.

— Намъ прежде всего необходимо откровенно объявиться, продолжала Аиха: и хотя бы моя откровенность не поправилась вамъ, однако жъ, я почитаю ее долгомъ.

Выраженіе беспокойства заступило мѣсто улыбки на лицѣ герцога.

— Я вчера видѣла васъ въ первый разъ, а завтра выхожу за васъ замужъ. Это значитъ, что мы не можемъ любить другъ друга.

— Однако жъ, вы позволите мнѣ, во-первыхъ, не соглашаться съ вашимъ мнѣніемъ, а потомъ надѣяться, что и вы сами не всегда будете держаться его, возразилъ герцогъ съ ласковою улыбкой.

— Напротивъ, герцогъ, объявляю вамъ, что я никогда не перемѣню его.

— О! это страшное и прискорбное для меня постоянство! Позвольте узнать по-крайней-мѣрѣ, на чемъ оно основано?

— Извольте. Я общала вамъ откровенно высказать истину. Вотъ она. Я противъ воли и желанія выхожу за васъ замужъ.

Герцогъ укусилъ губу и потомъ сказалъ довольно развязно:

— Такъ чтѣ же заставляетъ васъ выходить за меня?

— То, что, отказавшись, я подвергла бы опасности жизнь моего отца и всѣхъ, кто мнѣ дорожъ.

— А! вотъ почему! И нѣтъ никакихъ другихъ причинъ?

— Мнѣ кажется, что это причина достаточна, герцогъ. Но если бы вы отказались, это было бы иное дѣло: министръ не могъ бы тогда принудить меня: я была бы свободна и вы тоже. Вотъ, чтѣ я хотѣла сказать вамъ, герцогъ.

— Покорно васъ благодарю, сеньора. Откровенность моя за это будетъ равна вашей. Я вамъ скажу, что и я тоже женюсь на васъ противъ воли и желанія.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричала Аиха съ радостью: такъ зачѣмъ же вы не откажетесь? зачѣмъ соглашаетесь?

— Зачѣмъ, что меня принуждаетъ министръ; зачѣмъ, что, если я не соглашусь, мнѣ угрожаетъ тюрьма, а можетъ-быть и смерть.

— А! вскричала Анха съ презрѣніемъ: вотъ причина!

— Мнѣ кажется, что это причина достаточная, возразилъ герцогъ: и вы видите, что я столько же властенъ возвратитъ вамъ свободу, какъ вы воротить свою.

— Во всемъ этомъ есть тайна, которой я не понимаю, сказала Анха, помолчавъ: быть-можетъ, вы проникли ее.

— Вовсе нѣтъ, клянусь вамъ.

— Жаль. Но удостойте выслушать меня.... одну минуту только, и тогда вы можете идти.

И, посмотрѣвъ на него съ рѣшительнымъ видомъ, она прибавила:

— Я думала, что выходя за васъ, спасаю только жизнь моего отца, но теперь я вижу, что дѣлаю болѣе.

— Что же, сеньора?

— Спасаю вашу жизнь, герцогъ. Этого уже много. Вы должны довольствоваться этою жертвою и не требовать другихъ. Я хочу сохранить свободу моихъ чувствъ и съумѣю защитить ее, даже цѣною моей жизни.

— Не опасайтесь, сеньора: я буду уважать ваши желанія, клянусь вамъ.

— Я полагаюсь на ваше слово, герцогъ. И теперь, если угодно, я готова исполнить требованіе министра.

Анха съ величіемъ королевы подала рукою знакъ, чтобы герцогъ удалился, и онъ, со стыдомъ, съ бѣшенствомъ, ушелъ къ себѣ бормоча:

— Чортъ меня дернулъ не кстати бунтовать!

Онъ только-что началъ думать, нельзя ли какъ-нибудь отдѣлаться отъ этого нелестнаго брака, какъ изъ Мадрита прибылъ фра Гаспаръ Кордова, съ письмомъ отъ министра. Противъ этого письма, особенно противъ приписки, возраженія были бы напрасны.

— Я готовъ, я готовъ, почтеннѣйшій отецъ, сказалъ онъ фра Гаспару: обратитесь къ моей невѣстѣ, сеньорѣ Анхѣ. Пусть она назначитъ часъ. Мнѣ рѣшительно все - равно.... Чортъ меня дернулъ не кстати бунтовать! прибавилъ онъ про себя.

Вслѣдъ затѣмъ камердинеръ доложилъ, что донъ-Фернандъ д'Альбайда желаетъ видѣть герцога Сантарема.

— Д'Альбайда! подумалъ герцогъ: тотъ самый, который арестовалъ меня въ Португаліи.... Онъ, конечно, посланъ министромъ

чтобы поторопить заключеніе брака. Видно, дѣло въ самомъ дѣлѣ государственное.

Донъ-Фернандъ вошелъ. Герцогъ не далъ ему слова сказать и вскричалъ съ нетерпѣніемъ :

— Я знаю, зачѣмъ вы пожаловали, сеньоръ. Вы напрасно столько беспокоитесь. Я на все согласенъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ съ радостью Фернандъ, который не надѣялся такъ скоро успѣть въ своемъ предпріятіи.....

— Да, сеньоръ, вы будете удовлетворены. Черезъ нѣсколько часовъ бракъ будетъ заключенъ.

— О какомъ бракѣ вы говорите, герцогъ? спросилъ Фернандъ, поблѣднѣвъ.

— О моемъ съ сеньорой Анхой.

— Какъ! вы настаиваете на этомъ?

— Э! чортъ возьми! да какъ же иначе, когда другаго средства нѣтъ! Когда всѣ этого требуютъ, всѣ, начиная съ васъ.

— Я, напротивъ, требую, чтобы [его не было! вскричалъ Фернандъ: я затѣмъ пріѣхалъ, чтобы остановить этотъ бракъ.

— Вы?

— Я самъ.

Сантаремъ остолбенѣлъ. Фернандъ съ важностью продолжалъ :

— Особа, на которой вы предполагаете жениться, подруга, сестра моей невѣсты, слѣдовательно, принадлежитъ къ моему семейству и притомъ кромѣ меня не имѣетъ другаго защитника. А я, съ своей стороны, имѣю причины думать, что бракъ этотъ совершается противъ ея желанія....

— Я самъ увѣренъ въ этомъ. Она мнѣ сама сказала.

— И вы не обращаете на это вниманія! вскричалъ Фернандъ съ гнѣвомъ.

— У меня на это есть свои причины, холодно отвѣчалъ Сантаремъ.

— А я скажу вамъ только одно слово. Если вы женитесь, я убью васъ или вы меня.

— Прекрасно! А если я не женюсь, будетъ почти точно то же.

— Что это значить?

— Значить, что меня преслѣдуетъ какой-то демонъ, что я

попалъ въ лабиринтъ безъ выходу... Чортъ знаетъ, что это значить! вскричалъ Сантаремъ съ гнѣвомъ.

— Объяснитесь, пожалуйста, герцогъ.

— Что тутъ за объясненія! Мнѣ нечего объяснять вамъ! вскричалъ Сантаремъ съ возрастающею запальчивостью.

— Такъ вы хотите жениться?

— Не хочу, а всё-таки женюсь.

— Надѣюсь, однако жъ, что вы не захотите шутить со мною, герцогъ. Я донъ-Фернандъ д'Альбайда.

— Э! помилуйте, донъ-Фернандъ д'Альбайда, есть люди, которые не хуже васъ и надъ которыми всё-таки потѣшаются.

— Они напрасно дозволяютъ это.

— Правда. Зато я и намѣренъ болѣе дозволять, надменно отвѣчалъ Сантаремъ: я женюсь или не женюсь, какъ мнѣ будетъ угодно. Больше я ничего не имѣю сказать вамъ.

— Кромѣ мѣста и часу, когда позволите мнѣ увидѣться съ вами, возразилъ Фернандъ съ поклономъ.

— Вызовъ! вскричалъ Сантаремъ въ восхищеніи, что можетъ наконецъ измѣнить на кого-нибудь свой гнѣвъ: вызовъ! Это первое мое счастье сегодня. Выбирайте сами, донъ-Фернандъ. Мнѣ всё-равно, я на все согласенъ.

— Ваша свадьба назначена, кажется, завтра?

— Сегодня, завтра, какая до этого надобность! Мнѣ совершенно всё-равно.

— Такъ сегодня вечеромъ.

— Хорошо, сегодня вечеромъ, въ восемь часовъ.... на краю парка, у башни.

— Я ожидаю васъ, герцогъ.

— Я васъ предупрежу, сеньоръ.

Они разстались.

— Дернула же меня нелегкая вмѣшаться въ нелѣпный заговоръ! вскричалъ герцогъ: здѣсь, очевидно, всё сговорились противъ меня.... теперь я вижу ясно. Сеньоръ Фернандъ — любовникъ моей жены. Онъ любитъ ее, она его, а я.... Пѣтъ! продолжалъ онъ съ бѣшенствомъ: герцогу Лермѣ я еще позволю шутить надъ собою: онъ министръ.... но другимъ — никогда!

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей онъ отправился въ церковь и бракосочетаніе, какъ мы видѣли, совершилось въ присутствіи однихъ вассаловъ герцога. Коррехидоръ Хосе Кальсадо прибылъ уже тогда, когда выходили изъ церкви. Онъ съ радостью узналъ отъ фра Гаспара Кордовы, что все кончено, и поспѣшилъ до-

сти министру, какъ онъ, Хосе Кальсадо, все это исполнилъ къ удовольствію начальства; потомъ распорядился насчетъ второй статьи своей инструкціи, — приказалъ альгуасиламъ ходить всю ночь дозоромъ около замка и бдительно смотрѣть за благочиніемъ и спокойствіемъ, а самъ съ племянникомъ Пачеко отправился на ночлегъ въ деревенскую гостиницу и заснулъ пріятнымъ сномъ человѣка, который исполнилъ все свои обязанности. Во снѣ ему грезались награды, которыя заслужилъ этимъ у герцога Лермы.

Къ восьми часамъ Фернандъ отправился на мѣсто свиданія. Онъ весь день проводилъ въ городѣ и не хотѣлъ показаться ни Карменъ, ни ея подругѣ, пока не вырветъ Анхи изъ опасности. Онъ рассчитывалъ, что свадьба назначена на другой день, и былъ увѣренъ, что разрушить ее, останется побѣдителемъ въ борьбѣ за правое дѣло. Только, когда сталъ наступать назначенный часъ, ему пришло въ голову, что счастье можетъ измѣнить ему, что онъ можетъ пасть въ поединкѣ. Но тогда онъ утѣшался, что умереть по-крайней-мѣрѣ завидною смертью.... за Анху.... и не увидитъ, какъ она будетъ женою другаго.

Днемъ Фернандъ видѣлъ башню, къ которой хотѣлъ прійти Сантаремъ, но вечеромъ онъ довольно долго бродилъ по парку и, занятый своими мрачными мыслями, едва не заблудился совсѣмъ. Вдругъ онъ услышалъ шаги и увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи прохожаго, въ широкомъ плащѣ и въ шляпѣ съ перомъ.

— Не изъ замка ли вы, сеньоръ кавалеръ? спросилъ Фернандъ.

— Да, конечно.... Я изъ приглашенныхъ и теперь иду туда.

— Вы можете мнѣ указать, въ которой сторонѣ здѣсь башня, на краю парка?

— Вотъ по этой аллеѣ ступайте, отвѣчалъ незнакомецъ и, нахлобучивъ шляпу, поспѣшно пошелъ далѣе.

Фернандъ хотѣлъ поворотить въ указанную аллею, но въ ту минуту луна выглянула изъ-за облаковъ и совсѣмъ въ противной сторонѣ освѣтила башню, которой онъ искалъ.

— Что же вы говорите, сеньоръ кавалеръ! вскричалъ онъ съ нетерпѣніемъ и удивленіемъ.

Но незнакомецъ уходилъ такъ проворно, что Фернандъ видѣлъ только, какъ въ отдаленіи мелькало красное перо и темный плащъ востепенно терялся въ густой тѣни парка. Фернандъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, но потомъ подумалъ, что незнакомецъ, просто, ошибся.

У башни никого еще не было. Фернандъ въ ожиданіи про-

хаживался взадъ и впередъ. Никто не шелъ къ нему. Луна свѣтила ясно, такъ, что онъ могъ видѣть предметы на большое разстояніе. Большіе часы въ замкѣ давно уже пробили осемь. Продавъ около получаса, Фернандъ наконецъ потерялъ терпѣніе и пошелъ черезъ паркъ къ замку, по направленію, по которому могъ встрѣтить Сантарема или узнать, что его задержало. Онъ не прошелъ ста шаговъ, какъ наткнулся на человѣка, лежащаго посреди аллен, по-видимому безъ чувствъ. Около него песокъ былъ взрытъ, какъ-будто тутъ недавно происходила борьба. Фернандъ заглянулъ несчастному въ лицо и содрогнулся. Это былъ герцогъ Сантаремъ, блѣдный, мертвый, съ глубокою раной въ груди. Фернандъ, въ ужасѣ передъ этимъ страшнымъ зрѣлищемъ, терлся въ догадкахъ и не зналъ, на что рѣшиться.

Герцогъ по-видимому, погибъ въ дуэли, но какой же противникъ могъ предупредить его, Фернандъ? Или герцогъ палъ жертвою убійцы?... Фернандъ вспомнилъ о подозрительномъ незнакомцѣ, который послалъ-было его въ другую сторону. Но какъ его отыскать? Кого преслѣдовать? Герцогу, можетъ-быть, еще можно было помочь, но одинъ Фернандъ не могъ поднять его, чтобы нести въ замокъ. Онъ поспѣшно пошелъ отыскивать людей, но долгое время бродилъ по обширному парку, прежде нежели вышелъ въ деревню. Тамъ онъ напрасно стучался у нѣсколькихъ воротъ. Всѣ поселяне были въ замкѣ, на свадебномъ пиру у своего господина.

Переходя отъ дома къ дому, Фернандъ достучался наконецъ у гостинницы. Трактирщикъ отворилъ окно, чтобы спросить, кто свѣтъ такъ поздно тревожитъ сонъ высокороднаго коррехидора донъ Хосѣ Кальсадо.

— У тебя стоитъ коррехидоръ? спросилъ Фернандъ.

— Да, толедскій коррехидоръ донъ Хосѣ Кальсадо.

— Его-то мнѣ и нужно. Скажи ему....

— Да онъ спитъ!

— Если онъ коррехидоръ, такъ ему спать теперь нельзя. Разбуди. Мнѣ непременно нужно видѣть его. Я донъ Фернандъ д'Альбайда.

Трактирщикъ приказалъ мальчику впустить кавалера, а самъ пошелъ будить коррехидора.

Донъ Хосѣ Кальсадо въ эту минуту видѣлъ во снѣ, какъ герцогъ Лерма, въ восхищеніи отъ его расторопности, говорилъ объ немъ королю; какъ его вызвали въ Мадридъ и сдѣлали членомъ государственнаго совѣта; какъ король предлагалъ ему на выборъ

пенсію въ три тысячи червонцевъ или кавалерскій орденъ Алькантары и какъ онъ отвѣчалъ: И то и другое, ваше величество, и то и другое!...

Дверь съ шумомъ отворилась, вошелъ трактирщикъ и вслѣдъ за нимъ донъ Фернандъ д'Альбайда.

— Чтò такое? вскричалъ коррехидоръ, машинально ощупывая шею, чтобы удостовѣриться, тутъ ли орденъ.

— Герцога Сантаремъ убить, отвѣчалъ донъ Фернандъ: онъ лежитъ въ паркѣ, насквозь проколотый шпагою въ грудь.

Коррехидоръ вскрикнулъ отъ ужасу и отчаянія. Этотъ роковой ударъ убилъ и члена государственнаго совѣта и кавалера ордена Алькантары.

— Невозможно! продолжалъ онъ: это ошибка!... Вы ошиблись, сеньоръ кавалеръ!

— Я знаю герцога въ лицо, я видѣлъ его.

— Гдѣ же онъ?

— Въ паркѣ, неподалеку отъ башни.

— Пачеко! Пачеко! вскричалъ коррехидоръ: сзывай альгуасиловъ! Они всѣ должны быть на караулъ... они ходятъ дозоромъ. Собери, отъищи ихъ!... Неужели герцогъ въ самомъ дѣлѣ убить?

— Убить. Я вамъ говорю, что онъ проколотъ насквозь. Нужно скорѣе послать погоню по слѣдамъ убійцы.

— Проколотъ насквозь!... Ахъ, ты, Господи!... Проколотъ насквозь! убить! А я за него головой отвѣчаю передъ министромъ!

— Плохо. Впрочемъ, преступленіе совершилось не больше часу назадъ. Если вы поспѣшно пошлете людей по всѣмъ направленіямъ, то, можетъ-быть, еще поймаете убійцу.

— Правда, правда. Пачеко! это твое дѣло. Бѣги скорѣй, бѣги, распорядись.

— Чтò же вы сами не хотите распорядиться?

— Да я думаю надо прежде всего помочь герцогу.

— Но если онъ ужъ умеръ?

— Это еще не доказано. Мнѣ нужны доказательства. Впрочемъ, будьте спокойны: Пачеко, мой племянникъ, человекъ расторопный и мужественный. Это — второй я! Неправда ли, Пачеко, ты мнѣ за все отвѣчаешь?

Пачеко, несмотря на расторопность, которую въ немъ предполагалъ дядюшка, поворачивался очень лѣниво при мысли о путешествіи по парку среди ночи. Пачеко былъ очень храбръ, но только днемъ. Однако жъ онъ принужденъ былъ итти отыскивать

и чтобы не искать напрасно по парку, отправился прямо въ замокъ, гдѣ они пировали вмѣстѣ съ поселянами.

Коррехидоръ, прождавъ ихъ нѣсколько времени напрасно, отправился съ дошъ Фернандомъ туда же, предупредить герцогиню. Отъ этого произошелъ шумъ, который слышали Пикильо и Анха.

Разсчитавъ, что Пикильо уже долженъ быть въ паркѣ, Анха отворила дверь и очень удивилась, когда увидѣла Фернанда въ сопровожденіи коррехидора. Еще болѣе изумило ее неожиданное извѣстіе, которое они принесли.

— Утѣштесь, сеньора, не отчаявайтесь, говорилъ коррехидоръ молодой вдовѣ: смерть герцога еще не доказана. Можетъ-быть, это еще ошибка или, можетъ-быть, онъ еще живъ.

— Во всякомъ случаѣ мы должны исполнить наши обязанности, сеньоръ коррехидоръ, отвѣчала Анха: если герцогъ пагъ отъ руки разбойника, мы должны преслѣдовать убійцу.

Въ эту минуту прибѣжалъ Пачеко, запыхавшись, едва переводя дыханіе.

— Чтò еще случилось? вскричалъ коррехидоръ: ты видѣлъ герцога? Живъ онъ?

— Не знаю, дялюшка.

— Чтò же такое? Ты нашелъ убійцу, чтò ли?

— Не знаю, онъ ли это, только я, кажется, нашелъ одного.

— Гдѣ же онъ? гдѣ ты его нашелъ?

— Вотъ, какъ это случилось. Отправляясь отыскивать альгуасиловъ, я встрѣтилъ въ деревнѣ мужика, который бѣжалъ домой и несъ перевязки и корню. Я спросилъ, куда онъ и зачѣмъ, онъ отвѣчалъ, что дома у него лежитъ раненый, которому нужно сдѣлать перевязку. Я спросилъ, давно ли раненый пришелъ къ нему. Часа съ два будетъ, говоритъ мужикъ. Я и думаю себѣ, что этотъ раненый долженъ быть тотъ самый, который убилъ герцога, или по-крайней-мѣрѣ свидѣтель, или годится въ свидѣтели; сходилъ за людьми, велѣлъ взять его и вести сюда.

— Хорошо, хорошо, Пачеко, сказалъ коррехидоръ. Теперь ступай въ паркъ, отыщи герцога. Надобно же посмотрѣть, не живъ ли онъ. Пора!... А если онъ умеръ, горе убійцѣ! Худо будетъ, худо! Я за это ручаюсь!

Тутъ альгуасилы подъ руки ввели молодаго человѣка. На плечѣ у него была перевязка, сквозь которую просачивалась кровь. Онъ шелъ съ трудомъ, однако жъ гордо держалъ голову, такъ, что Фернандъ и Анха сразу узнали блѣдное лицо его и ужаснулись: это былъ Исидъ.

Альгуасилы передали коррехидору найденныя при арестованномъ бумаги.

— Пожалуйте сюда, извольте отвѣчать! сказалъ коррехидоръ.

— Отвѣчать! вскричала Анха съ трепетомъ: да вѣдь онъ не можетъ, онъ не въ-состоянн.... это видно!

— Конечно, прибавилъ Фернандъ: онъ утомленъ ходьбой, вы видите.

— Если ему сдѣлается дурно, вы ничего не узнаете, продолжала Анха, подвигая раненому стулъ.

— Справедливо, справедливо, отвѣчалъ коррехидоръ: тогда мы только потеряемъ время.

Пачеко съ альгуасилами снова отправился въ паркъ, а коррехидоръ, оставивъ раненаго на отвѣтственности донъ Фернанда, пошелъ въ другую комнату составить протоколъ, чтобы за накопившимися подробностями не забыть чего-нибудь главнаго. Анха затворила дверь.

— Исидъ! сказала она вполголоса, обратившись къ раненому: Исидъ! братъ мой! какъ ты сюда попалъ?

— Братъ? повторилъ Фернандъ съ удивленіемъ.

— Да, мой другъ, отвѣчалъ ему Исидъ, пожимая Анхѣ руку: она моя сестра, родная и милая сестра. Я пришелъ защищать ее.

— Ты тоже! вскричалъ Фернандъ.

— А! такъ вотъ зачѣмъ вы покинули Лиссабонъ! сказала Анха, краснѣя.

— Да, сеньора.... Я не зналъ, что у васъ есть братъ.... Я думалъ, что жениху Карменъ долгъ велить вступиться за васъ.

— А я прибылъ изъ Мадрита сегодня въ семь часовъ, сказалъ Исидъ: и тотчасъ хотѣлъ видѣть герцога Сантарема. Дѣвушка, къ которой я обратился, сказала мнѣ, что герцогъ никого не принимаетъ. Но въ это самое время кто-то вышелъ изъ зѣйка въ паркъ. «Вотъ онъ идетъ, прогуливаться, вѣроятно» сказала дѣвушка. Я тотчасъ же поспѣшилъ за нимъ и догналъ его въ уединенной аллеѣ. Я объявилъ, кто я. Онъ не хотѣлъ драться, отговаривался другимъ, уже назначеннымъ свиданіемъ но я не пустилъ его, принудилъ, и мы дрались. Онъ ранилъ меня, а я его убилъ. Я исполнилъ обѣщаніе. Ты свободна, сестра!

— А ты погибъ! вскричала Анха съ отчаяніемъ: ты дрался на дуэли и коррехидоръ знаетъ твое имя!

— Я знаю, какъ строго законъ Филиппа-Второго запрещаетъ Маврамъ даже просто носить оружіе, отвѣчалъ Іесидъ: я знаю, что за дуэль съ христіанниномъ Мавру опредѣлена смертная казнь. Я знаю, что герцога Лерма и великій инквизиторъ, конечно, настоятъ на исполненіи.... закона. Но я не могъ поступить иначе.

— Боже мой! неужели нѣтъ ни какого спасенія? вскричала Анха.

— Можетъ - быть.... можетъ - быть, намъ удастся спасти его, успокойтесь! возразилъ Фернандъ: лишь бы только скрыть его теперь, куда мы успѣемъ попросить покровительства.... Прежде всего нужно найти убѣжище, а тамъ...

— Я знаю убѣжище, сказалъ Іесидъ.

— Гдѣ, гдѣ? говори.

— У моего отца. Тамъ инквизиція не нашла бы меня.

— Отсюда мы еще какъ-нибудь тебя выпроводили бы, но какъ ты выдержишь поѣздку въ Валенсію? сказала со страхомъ Анха....

— Тише!... Молчите! Идутъ! перебилъ Фернандъ.

Это былъ племянникъ коррехидора.

— Дядюшка! дядюшка! кричалъ Пачеко.

— Чтѣ такое? спросилъ Фернандъ: чтѣ вы узнали?

— Донъ Хосе Кальсадо правъ, отвѣчалъ Пачеко: герцогъ Сан-таремъ живъ.

При этой вѣсти Анха поблѣднѣла; донъ-Фернандъ невольно схватился за шпагу; Іесидъ привсталъ.

— Вы пашли его въ паркѣ? спросилъ Фернандъ, стараясь скрыть свое волненіе: онъ пришелъ въ себя?

— Нѣтъ, я встрѣтилъ его на лѣстницѣ. Онъ шелъ такъ скоро, что едва не сбилъ съ ногъ меня.

— Стало-быть, это онъ.

— Онъ! Я видѣлъ его только мелькомъ, сегодня утромъ, однако жъ узналъ теперь. Я загородилъ ему дорогу и спросилъ: — Ваша свѣтлость! куда изволите идти? Онъ съ нетерпѣніемъ возразилъ:—Чего тебѣ, болванъ? Какое тебѣ дѣло?...—Извините, ваша свѣтлость, говорю я: мнѣ приказано просить васъ пожаловать наверхъ.—«Я сейчасъ прииду», говоритъ онъ, а я опять: — Нѣтъ, ваша свѣтлость, пожалуйста! очень нужно. Коррехидоръ васъ просить.... И мы волей-неволей воротили его..... вотъ онъ.

Альгуасилы почти втащили челоуѣка въ широкоу черномъ плащѣ и въ сѣрой шляпѣ съ краснымъ перомъ.

— Да это тотъ господинъ, который въ паркѣ указалъ мнѣ ложную дорогу! сказалъ Фернандъ.

Незнакомецъ снялъ шляпу. Анха, Исидъ и Фернандъ вскрикнули отъ изумленія и ужасу.

То былъ герцогъ Сантаремъ.

По-крайней-мѣрѣ съ перваго взгляду всеиъ такъ показалось. Но потомъ Фернандъ прежде всеиъ примѣтилъ, что незнакомецъ гораздо старше и плотнѣе герцога; что лицо его вмѣсто тщеславія и надменности выражаетъ что-то пошлое, дерзкое, безстыдное и низкое.

Когда альгуасилы вышли, Фернандъ съ живостью подошелъ къ нему и подавая кошелекъ съ золотомъ сказалъ:

— Смѣло выдерживайте роль герцога передъ коррехидоромъ, до завтра, и счастье ваше устроено.

Прежде нежели незнакомецъ успѣлъ отвѣчать, вошелъ коррехидоръ съ сіяющимъ отъ радости лицомъ и вскричалъ:

— Ваша свѣтлость! вы живы? Слава тебѣ, Господи!

— Да, сеньоръ донъ-Кальсадо, я, слава Богу, живъ и здоровъ, отвѣчалъ незнакомецъ, съ достоинствомъ подавая коррехидору руку.

Коррехидоръ былъ въ восхищеніи, что его сонъ о государственномъ совѣтѣ и объ орденахъ Алькантары можетъ-таки осуществиться.

— Да, выходитъ, что вы правы, сеньоръ донъ-Кальсадо, сказалъ Фернандъ съ улыбкою: я въ самомъ дѣлѣ ошибся. Герцогъ живъ и здоровъ.

— А кого же убилъ этотъ раненый молодой челоуѣкъ, Мавръ Исидъ д'Альберикъ, какъ видно по бумагамъ? спросилъ коррехидоръ.

— Онъ никого не убилъ. Мертвыхъ никого нѣтъ.

— Однако, кто жъ его ранилъ? Съ кѣмъ онъ дрался?... Въдъ онъ дрался же?

— Дрался, надобно признаться. У него была дуэль съ герцогомъ и герцогъ остался побѣдителемъ. Я его нашелъ въ аллеѣ и счелъ за мертваго. Это онъ самъ..

Во всеиъ этомъ не трудно было увѣрить коррехидора, который не сомнѣвался въ подлинности представленнаго графа Сантарема, потому что самъ очень желалъ составить министру докладъ самый удовлетворительный, самый достойный пенсіи въ

три тысячи червонныхъ и ордена Алькантары большого креста.

Исиду, по распоряженію Алхи, отвели комнату, изъ которой онъ черезъ минуту, вѣжно простившись съ сестрою, вышелъ, сѣлъ съ Фернандомъ въ спокойную дорожную коляску и по скакалъ по дорогѣ въ Валенсію, между-тѣмъ какъ коррехидоръ, послѣ тяжкихъ трудовъ ужиналъ съ мнимымъ герцогомъ Сантаремомъ.

— Вы незавиднымъ ремесломъ занимаетесь, любезный сеньоръ Кальсадо, говорилъ мнимый герцогъ.

— Правда, ваша свѣтлость. Лучше быть герцогомъ чѣмъ коррехидоромъ..... особенно, если есть такая красавица-жена какъ у васъ.

— Да, не худо. А вы не женаты, сеньоръ Кальсадо?

— Нѣтъ. Да и какъ мнѣ можно жениться! Самъ посудите: безпрестанно все въ разбѣздахъ.... ни днемъ ни ночью дома не бываешь.

— У васъ такъ много занятій?

— Ужась, сколько! Когда я управлялъ Пампелунуо, еще нешто было, а теперь, въ Толедо, просто изъ рукъ вонъ, какъ заваленъ хлопотами. Вотъ и нынче отъ министра получилъ повелѣніе наблюдать за безопасностью особы вашей свѣтлости, оберегать васъ отъ всякаго вреда и нападенія.

— Да, я могу засвидѣтельствовать, какъ исправно вы исполнили это порученіе.

— На то служба, ваша свѣтлость, скромно отвѣчалъ коррехидоръ. Впрочемъ, это и дѣло-то не трудное. Но вотъ задача! Отъ архіепископа есть строгое повелѣніе непременно отыскать и изловить одного мошенника, который слыветъ и творитъ разныя безчинства подъ именемъ капитана Хуана Батисты Балсейро.

— Неужели? вскричалъ герцогъ со смѣхомъ.

— Да. И что вы думаете, этого мошенника изволитъ наряжаться въ почтенную одежду блюстителей благочинія, наряжаться альгусиломъ и въ этомъ видѣ врывается въ монастыри!

— Можетъ ли быть! Объясните мнѣ, пожалуйста, что это значить?

— Ужъ что это значить и зачѣмъ онъ такія штуки дѣлаетъ, я не знаю. Извѣстно только, что шайка переодѣтыхъ альгусиловъ ворвалась въ Айгадорскій Монастырь, состоящій подъ особымъ покровительствомъ архіепископа, произвела тамъ похище-

нѣ и увела съ собою нѣсколько еретиковъ, которыхъ слѣдовало представить въ инквизицію.

— И это сдѣлалъ капитанъ Бальсейра?

— Да кому же больше? Мы уже переловили нѣкоторыхъ его сообщниковъ, открыли несомнѣнно, что онъ долгое время уже промышлялъ кражею и грабежомъ подъ личиною альгуасила... Можете ли вы себѣ представить такую дерзость!

— Это оригинально! вскричалъ герцогъ.

— Это неслыханная дерзость! И во все это дѣло замѣшанъ еще какой-то Мавръ, по имени Пикильо Алъяга, негодяй, который убѣжалъ въ ту самую минуту, когда архіепископъ намѣревался крестить его. Миѣ приказано непремѣнно изловить его.

— И хорошо сдѣлаете. Такихъ закоснѣлыхъ еретиковъ не должно отпускать на свободу. Это дурной примѣръ.

— Да, поэтому-то Рибейра и приказалъ представить его не живаго такъ мертваго.

— Хорошо, хорошо; такъ и нужно. Я не обязанъ службою, однако жъ готовъ помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ, сколько могу. Но не утомились ли вы, сеньоръ Кальсадо? Не пора ли вамъ отдохнуть?

— Признаться, пора. Не худо бы соснуть немножко.

Они очень дружелюбно распростились и коррехидоръ пошелъ въ комнату, которая заранѣе была отведена.

Все это происходило въ присутствіи Анхи, въ ея комнатѣ, которая только драпировкой отдѣлялась отъ спальни. По выходѣ коррехидора, мнимый герцогъ Сантаремъ заперъ дверь на ключъ и расположился какъ дома. Анха съ трепетомъ видѣла, что остается наединѣ съ этимъ неизвѣстнымъ и, конечно, очень подозрительнымъ человѣкомъ, но выслать его не было никакой возможности. Надобно было потерпѣть до утра.

— Благодарю васъ, сеньоръ, за оказанную намъ помощь, сказала она.

— Очень радъ, что могъ услужить вамъ, сеньора. Но потрудитесь объяснить миѣ....

— Не требуйте никакихъ объясненій. Вы ничего не узнаете. Исполните ваше обѣщаніе и вы получите болѣе награды, нежели ожидаете.

— Очень хорошо, но....

— Сдѣлайте одолженіе, ни слова больше! Вотъ кресла, въ ко-

торыхъ вы можете провести ночь. Желаю вамъ пріятнаго сна... Удобно ли вамъ тутъ?

— О! что касается до удобства.... удобно, сеньора, очень удобно.

Мнимый герцогъ послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ снова завести разговоръ, наконецъ заснулъ. Анха не смѣла уйти въ спальню. Она усѣлась противъ временнаго мужа, въ другомъ концѣ комнаты, чтобы постоянно имѣть его въ виду. Уснуть она не боялась: у нея было слишкомъ много заботъ и страху, не столько за себя, сколько за Исидра, которому нужно было безопасно доѣхать до дому, и за Пикильо, котораго съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ архіепископъ Рибейра.

Сверхъ этихъ тревожныхъ мыслей ей казалось, что мнимый герцогъ Сантаремъ отъ времени до времени открываетъ глаза. Значитъ, онъ не спитъ.

Анхѣ стало страшно за себя.

Такъ прошло около часу. Шумъ въ замкѣ мало-по-малу затихъ. Люди всѣ улеглись. Воцарилась глубокая тишина. Незнакомецъ, очевидно, только этого и ждалъ. Онъ совершенно открылъ глаза и приподнялся.

— Какъ, сеньора! вы не спите? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сеньоръ. Я дожидалась, чтобы сказать вамъ, что теперь вы можете уйти изъ замка. Оставьте адресъ, по которому бы мы могли отыскать васъ и отблагодарить, какъ слѣдуетъ. Теперь вы можете безопасно выйти. Никто не увидитъ.

— А! вотъ, что! насмѣшливо возразилъ незнакомецъ: мнновала надобность, такъ и гнать изволите! А кто же просилъ меня остаться?

— Безъ-сомнѣнія, мы просили и за это заплатимъ вамъ. Донъ Фернандъ д'Альбайда сказалъ, что счастье ваше будетъ устроено, и онъ сдержитъ свое слово. Чего же вы еще хотите?

— Чего я хочу?... Я не хочу надѣяться на обманчивую благодарность людей, которые не захотятъ узнать меня, когда я буду не нуженъ. Я здѣсь теперь дома. Я герцогъ Сантаремъ.... вашъ мужъ; сударыня, прибавилъ онъ подходя: я хочу воспользоваться всѣми выгодами моего положенія, всѣми моими правами.

— Не смѣйте подходить ко мнѣ! вскричала Анха, бросаясь къ колокольчику.

— Что вы хотите сдѣлать? Позвать людей? Но что же они, помогутъ вамъ? Вы позовете ихъ на помощь противъ нашего

мужа? Если же прійдетъ коррехидоръ и вы отречетесь отъ меня, такъ погубите только своего любовника Иесидъ, котораго я спасъ изъ угожденія вамъ. Вы видите, что тревогу поднимать было бы совершенно напрасно.

— Негодяй! злодѣй!... Если бъ Иесидъ былъ здѣсь, онъ наказалъ бы тебя!...

— Положимъ, что я негодяй; положимъ, что я злодѣй. Но ты моя жена. Я люблю тебя. Ты такъ обворожила меня, что я ни за чтò, ни за какія благополучія въ мѣрѣ не откажусь отъ моихъ правъ....

Онъ быстро подошелъ и хотѣлъ обнять Анху. Та вскрикнула, вырвалась и бросилась къ открытому окну. Еще одно мгновеніе, и она упала бы съ страшной высоты. Но разбойникъ сильною рукою схватилъ ее поперегъ стана и жадно прижалъ къ своей груди.

— Богъ отцовъ моихъ! помоги! вскричала несчастная жертва, теряя послѣднія силы въ напрасныхъ отраженіяхъ звѣрскихъ ласкъ разбойника.

Въ это самое мгновеніе, раздался выстрѣлъ. Разбойникъ вскрикнулъ отъ боли и ярости и выпустилъ свою добычу. Лѣвое плечо его было раздроблено. Передъ нимъ стоялъ Пькильо, блѣдный, страшный, и прицѣливался вторымъ пистолетомъ.

— Богъ послалъ меня отплатить тебѣ старый долгъ, Хуанъ Батиста Бальсейро! говорилъ молодой человекъ.

Анха между-тѣмъ бросилась къ колокольчику. На этотъ звонъ и на выстрѣлъ, всѣ въ замкѣ всполошились. Анха отворила дверь и коррехидоръ первый вбѣжалъ въ комнату.

— Ваша свѣтлость! вы ранены? вскричалъ онъ съ ужасомъ, примѣтивъ кровь на рукѣ Бальсейро.

— Не беспокойтесь, сеньоръ коррехидоръ, холодно возразила Анха: это вовсе не герцогъ Сантаремъ.

— Какъ не герцогъ!... Это не герцогъ? Да гдѣ же герцогъ?

— Въ паркѣ, отвѣчалъ Пькильо. Пошлите вашихъ людей поднять его. Онъ лежитъ, мертвый, въ большой аллеѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда.

— Не можетъ быть! возразилъ коррехидоръ, поблѣднѣвъ: однако жъ, сходи, Пачеко, посмотри, чтò тамъ такое?... А это

то кто же? спросилъ онъ, указывая на Бальсейро: вѣдь этого господина недавно еще всѣ, и мой племянникъ и сама герцогиня, признавали за герцога Сантарема!

— Это самозванецъ, разбойникъ, Хуанъ Батиста Бальсейро, отвѣчалъ Пикильо.

— Бальсейро! вскричалъ коррехидоръ съ изумленіемъ: Бальсейро, котораго епископъ приказалъ изловить! который наряжался альгуасиломъ и подъ такою почтенною наружностью творилъ грабежъ и безчинство!

— Онъ самый.

Бальсейро видѣлъ, что ему не уйти. Зато утѣшался, что успѣеть еще отомстить за себя.

— Ну, да! вскричалъ онъ: я Бальсейро! Я очень сожалею, что не могу задушить всѣхъ васъ, но по-крайней-мѣрѣ и друзьямъ моимъ это пройдетъ не даромъ. Я Бальсейро, а не герцогъ Сантаремъ, котораго убилъ Исидъ д'Альберикъ. Посмотрите, остался ли Исидъ тамъ, куда вы его уложили, почтеннѣйшій коррехидоръ.... А этотъ господинъ, продолжалъ онъ указывая на Пикильо, знаете ли кто? Я вамъ скажу. Это Мавръ Пикильо.

— Пикильо! вскричалъ коррехидоръ.

— Тотъ самый, котораго архіепископъ Рибейра хочетъ окрестить, не живаго, такъ мертваго.

— Неправда! неправда, сеньоръ коррехидоръ! вскричала Анха: этотъ самозванецъ опять лжетъ!... Онъ только хочетъ замутить дѣло.

— А вотъ, увидимъ, увидимъ, отвѣчалъ коррехидоръ въ недоумѣніи, поглядывая то на того, то на другаго.

Недоумѣніе его еще возрасло, когда онъ увидѣлъ разстроенное лицо племянника, который воротился изъ парка.

— Ну, что, Пачеко?

— Правда! правда!

— Что правда?

— Герцогъ-то, видно, было двое! Одинъ лежитъ убитый, въ паркѣ!

— Ну, что? Не правду я говорилъ? насмѣшливо спросилъ Бальсейро.

— Чортъ тутъ разберетъ, что правда, что неправда! вскричалъ донъ Хосе Кальсадо, вышедши наконецъ изъ терпѣнія: прежде всего нужно посмотреть, тутъ ли этотъ повѣса Исидъ, который напуталъ всю эту исторію.... Этого молодца, продолжалъ онъ обращаясь къ альгуасиламъ, заприте въ ту комнату, гдѣ я

опять. Этого Мавра мы запремъ здѣсь. А вы, сеньора, потрудитесь сами проводить насъ въ комнату, которую отвели вашему гостю Исиду.... Чортъ знаетъ, какъ я обо всемъ этомъ донесу министру!

Аиха, разумѣется, была очень рада, что коррехидоръ вздумалъ запереть Пикильо въ ея комнату, изъ которой онъ черезъ потайную дверь могъ опять уйти тою же дорѣгой, какъ пришелъ.

Дверь заперли. Пикильо остался одинъ. Нѣсколько времени онъ стоялъ въ раздумьѣ, обозрѣвая комнату, гдѣ нѣсколько часовъ назадъ былъ такъ счастливъ и вмѣстѣ такъ несчастенъ, гдѣ нашелъ сестру и потерялъ единственную мечту своей жизни. Но теперь онъ уже не проклиналъ своей участи: онъ благословлялъ судьбу, что она дала ему спасти Аиху отъ позору и, можетъ-быть, отъ смерти. Вышедши въ первый разъ отъ нея во время тревоги въ замкъ, онъ не рѣшился удалиться, потому что предчувствовалъ опасность для Аихи. Онъ все время бродилъ по парку и поглядывалъ на окна, въ которыхъ еще оставался свѣтъ. Онъ уже полагалъ, что все миновало благополучно, и хотѣлъ уйти, какъ-вдругъ услышалъ крикъ и увидѣлъ въ окнѣ Аиху и Бальсейро. Меньше нежели въ минуту Пикильо взбѣжалъ по потайной лѣстницѣ и очутился позади смертельнаго своего врага.

Главная опасность для Аихи миновала, однако Алъиагѣ трудно было покинуть ее и не знать, въ какомъ она остается положеніи. Но, вспомнивъ послѣдній ея взглядъ, вспомнивъ, что она можетъ и еще нуждаться въ его помощи, онъ успѣшно отворилъ потайную дверь и выбрался въ паркъ. Когда стало разсвѣтать, онъ былъ уже далеко въ полѣ.

Коррехидоръ между-тѣмъ пришелъ въ комнату, гдѣ предполагалъ найти Исиду и не нашелъ. Комната донъ-Фернанда также была пуста и не оставалось ни какого слѣда. Донъ Хосе Кальсадо, въ досадѣ и недоумѣніи успѣвшимъ назадъ къ Пикильо, который также исчезъ. Тогда коррехидоръ, на послѣдней ступени отчаянія и ярости, погналъ племянника за капитаномъ Бальсейро, чтобы хоть надъ нимъ по-крайней-мѣрѣ излить свое негодование и удовлетворить правосудіе. Черезъ минуту Пачеко воротился и опустилъ руки.

— Ну, что, племянникъ?

— Никого нѣтъ, дядюшка!

Бальсейро, несмотря на рану, оборвалъ у оконъ занавѣсы, связалъ, прикрѣпивъ въ окнѣ и благополучно спустился въ паркъ.

— Никого нѣтъ! вскричалъ съ отчаяніемъ корредиторъ: никого нѣтъ!... О, Господи! что я теперь донесу министру!

Пикильо цѣлый день шелъ пролѣсками и полями и, чтобы не показываться въ Толедо, предпочелъ сдѣлать кругъ, черезъ Араухузъ. На другой день онъ былъ уже въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мадрита, гдѣ намѣренъ былъ тайнѣ дожидаться возвращенія донь-Фернанда, чтобы черезъ него избавиться отъ преслѣдованій Рибейры и узнать чѣмъ и какъ пособить Анхѣ. Чтобы не входить въ Мадритъ раньше вечера, онъ хотѣлъ провести день въ Хенаресѣ и остановился въ гостинницѣ, въ которой всего менѣе могъ ожидать опасности отъ съищниковъ.

Онъ сидѣлъ и ждалъ заказаннаго обѣда, когда вдругъ услышалъ за тонкою перегородкой слѣдующій разговоръ.

— Ты увѣренъ, что это онъ?

— Кажется.

— На томъ вѣдѣ, сказано, было платье пильгрима, а на этомъ нѣтъ.

— Ну, такъ что жъ! Снялъ, стало-быть. А остальные-то прищты всѣ приходятся.

— Правда. Схватимъ его.

— Схватимъ. Онъ собирается обѣдать. Теперь самое лучшее время.

Пикильо посмотрѣлъ въ щель перегородки и увидѣлъ двоихъ купцовъ, которыхъ уже видѣлъ на дорогѣ и которые ему тогда же показались подозрительными, потому что не кстатн старались заводить съ нимъ разговоръ. Теперь онъ увидѣлъ, что подъ купеческими балахонами скрывались полицейскіе мундиры. Этого ему было довольно. Долѣе дожидаться обѣда было бы глупо. Онъ тихонько вышелъ за ворота и пустился бѣжать наугадъ по первой улицѣ, но не успѣлъ отбѣжать ста шаговъ, какъ позади раздался крикъ:

— Держи! держи!

Этотъ крикъ повторила толпа разнаго сброду, который виигъ сбѣжался изъ всѣхъ домовъ.

— Держи! держи! кричали всѣ, указывая на бѣгущаго.

И вся ватага понеслась слѣдомъ вмѣстѣ съ мѣстными альгуасилами, которые подоспѣли на подмогу къ своимъ сослуживцамъ. Пикильо пробѣжалъ нѣсколько улицъ, поворачивая наугадъ, то направо, то налево и уже надѣялся, что спасся, какъ-вдругъ альгуасилы, лучше его знакомые съ расположеніемъ города, отрѣзали ему дорогу и показались впереди его. Онъ съ отчаяніемъ

оглянулся во всѣ стороны и не видалъ ни какого спасенія: ни одной улицы, ни одного переулка, по которому бы можно было уйти. Только одинъ широкій дворъ съ желѣзною рѣшеткой и отворенными воротами, а въ глубинѣ двора большое зданіе езуитской коллегіи.

Пикльо, не разсуждая, что самъ, можетъ-быть, отдается въ руки враговъ и бросается изъ огня въ полымя, вбѣжалъ на дворъ и затворилъ ворота на задвижку. Въ это время нѣсколько езуитовъ переходили черезъ дворъ.

— Спасите меня! спасите! закричалъ Пикльо.

Езуиты съ удивленіемъ остановились, однако, видно, поняли въ чемъ дѣло.

— Не бойся, сынъ мой, сказалъ одинъ изъ нихъ, подходя къ молодому человѣку, съ сладкою улыбкой и хитрымъ, провинцательнымъ взглядомъ: нашъ домъ пользуется правомъ пріюта и аббатъ Эскобаръ не дозволитъ нарушить привилегій своего ордена.

Въ эту минуту толпа народу и альгусилы прибѣжали къ рѣшеткѣ.

— Выдайте намъ арестанта! закричали они.

— Чтѣ онъ сдѣлалъ, братья? спросилъ Эскобаръ.

— Мы не знаемъ, отвѣчали нѣкоторые изъ толпы: но онъ долженъ быть или воръ или убійца.

— Хуже этого! перебилъ сержантъ альгусилловъ: онъ еретикъ, онъ Мавръ некрещеный!

— Однако жъ онъ проситъ пріюта въ обители вѣры, возразилъ Эскобаръ.

— Его требуетъ архіепископъ Рибейра, который хочетъ окрестить его живаго или мертваго и за поимку обѣщалъ намъ сто червонцевъ.

— Мы не выдадимъ его, отвѣчалъ Эскобаръ: во-первыхъ, онъ пользуется правомъ пріюта; во-вторыхъ, мы и сами обратимъ его, если онъ еще не обращенъ.

— Да помиуйте, почтеннѣйшій отецъ! вскричалъ альгусилъ въ досадѣ, что теряетъ свою награду: архіепископъ началъ обращать его.... онъ принадлежитъ архіепископу по праву!...

— Начало безъ конца ничего не значить, сынъ мой, съ важностью отвѣчалъ Эскобаръ: зачѣмъ же архіепископъ не кончилъ своего дѣла?

— Да этотъ еретикъ убѣжалъ!

— Да, я убѣждалъ отъ истязаній, отъ пытки! вскричалъ Пиккльо.

— Слышите, братія! сказалъ съ отеческою кротостью Эскобаръ: если архіепископъ употребляетъ вмѣсто убѣжденія пытки и истязанія, такъ что удивительнаго, что всѣ, кто къ нему попадется въ руки, обращаются! Мы не употребляемъ такихъ насилій. Мы дѣйствуемъ однимъ убѣжденіемъ и у насъ заблудшія овцы добровольно возвращаются къ своему пастырю. И этотъ молодой человекъ самъ пришелъ къ намъ. Мы принимаемъ его съ отверстыми объятіями. Если же онъ хочетъ уйти, мы не держимъ. Пусть съ Богомъ идетъ назадъ къ архіепископу. Мы сейчасъ отворимъ ворота. Пусть онъ самъ выбираетъ.

Пиккльо не желалъ vybrать ни того ни другаго, однако отдаться въ руки същизниковъ Рибейры всё-таки было хуже, и онъ вскричалъ:

— Я хочу остаться! я хочу остаться, почтеннѣйшій отецъ!

Толпа притихла отъ изумленія.

— Видите! продолжалъ Эскобаръ: мы не принуждаемъ его.... мы никого не принуждаемъ. Но и выгнать его мы не можемъ: этого не дозволяютъ намъ наши правила.

— Въ такомъ случаѣ пожалуйте намъ по-крайней-мѣрѣ расписку, что бѣглець находится у васъ, сказалъ сержантъ альгуасиловъ: вы отвѣчаете за него, почтеннѣйшій отецъ, а я тоже долженъ дать отвѣтъ архіепископу.

— Справедливо, сеньоръ альгуасиль, отвѣчалъ Эскобаръ: извольте, мы дадимъ вамъ расписку въ томъ, что, по праву пріюта, задержали принадлежащаго архіепископу еретика, за безопасность котораго отвѣчаемъ и котораго въ свое время представимъ, куда слѣдуетъ, если то окажется необходимымъ.

— Ну, вотъ такъ, пожалуй, оставьте его у себя, сказалъ альгуасиль: такъ по-крайней-мѣрѣ я буду правъ. Мое дѣло сдѣлано.

Эскобаръ повелъ альгуасила въ посѣтительскую, чтобы выдать расписку. Толпа любопытныхъ разошлась по домамъ, а монахи отвели Пиккльо въ опрятную, свѣтлую и удобную келлію.

Отдѣлавшись отъ альгуасила, Эскобаръ обо всемъ донесъ своему начальнику, отцу Хероме, который обрадовался случаю вступить въ борьбу съ валенсійскимъ архіепископомъ и подорвать его славу, восторжествовать тамъ, гдѣ Рибейра испыталъ неудачу. Но для этого нужно было восторжествовать сперва надъ еретикомъ.

— Восторжествуемъ! говорилъ съ улыбкою Эскобаръ.

— Да; но это, кажется, не легко. Онъ устоялъ противъ угрозы, противъ пытки. Это ожесточенный еретикъ.

— Конечно, но и у него найдется слабая сторона.

— Какая, вы думаете?

— Не знаю еще, но мы увидимъ. Я изучу его. У всякаго чело-
вѣка въ глубинѣ души есть какая-нибудь господствующая мысль,
которая подъ-конецъ становится страстью. И тѣмъ болѣе чело-
вѣкъ имѣетъ причинъ скрывать эту страсть, тѣмъ легче управ-
лять имъ посредствомъ ея.

— Правда, правда. Нужно только дознаться, какая у него есть
страсть.

Въ первой бесѣдѣ съ Мавромъ, Эскобаръ къ удивленію своему
нашелъ чело-вѣка необыкновенно образованнаго и умнаго, бога-
таго чрезвычайно разнообразными свѣдѣніями. Это съ одной сто-
роны пугало его большимъ трудомъ въ дѣлѣ обращенія, съ дру-
гой радовало, что трудъ можетъ сдѣлаться не безплоднымъ, если
увѣнчается успѣхомъ.

Онъ отвѣлъ Алъиагѣ келлію подлѣ своей, чтобы постоянно
имѣть его при себѣ, и предложилъ надѣть платье послушника и
обстричь волосы, потому что въ монастырѣ не дозволяютъ жить
носящимъ свѣтскую одежду. Пикильо согласился на первое пред-
ложеніе, но рѣшительно отвергъ второе. Его не стали принуж-
дать. Напротивъ, его окружили всевозможнымъ вниманіемъ и
услугами. Ему предоставили полную свободу заниматься, тѣмъ
угодно, и онъ цѣлые дни проводилъ въ богатой и любопытной
монастырской библіотекѣ. Это была для Пикильо самая прият-
ная, самая отрадная темница, но всё-таки темница. Одно это
слово дѣлало молодого чело-вѣка нечувствительнымъ ко всѣмъ
любезностямъ Эскобара и глухимъ ко всѣмъ его убѣжденіямъ.

— Онъ умень какъ бѣсъ! говорилъ себѣ Эскобаръ: его не
скоро перехитришь. Но у него благородное сердце, слѣдовательно,
его можно провести на откровенности.

— Сынъ мой, сказалъ онъ ему однажды: я вижу, у тебя одна
только мысль: ты думаешь только о томъ, какъ бы уйти отъ
насъ.

— Да, правда, отвѣчалъ молодой чело-вѣкъ.

— А у меня, продолжалъ Эскобаръ, у меня, признаюсь, только
одна цѣль: я хочу обратить тебя къ католической вѣрѣ. Я пла-
менно желаю этого, сколько для своей пользы, столько же и для-

того, чтобы восторжествовать надъ валенсійскимъ архіепископомъ.

— Я знаю, я вижу это.

— Да, мы хотимъ побѣдить твое упорство, сынъ мой, но не такъ какъ Рибейра, не насиліемъ и пыткой, а одною силою разума. Я самъ соглашусь дать тебѣ святое крещеніе тогда только, когда ты по собственному убѣжденію и желанію попросишь. Вотъ, до чего я хочу довести тебя; и доведу.

— Нѣтъ, не доведете, почтеннѣйшій отецъ.

— Доведу! клянусь тебѣ, доведу!

— Почему вы такъ увѣрены?

— Потому что я вполне умѣю цѣнить твой здравый разсудокъ, который не позволитъ тебѣ подражать Рибейрѣ въ томъ самомъ, что ты осуждаешь въ немъ.

— Въ чемъ же это? спросилъ Пикильо съ удивленіемъ.

— Если онъ поступалъ нелѣпо, когда хотѣлъ принудить тебя къ вѣрованію, которое тебѣ незнакомо, то и ты развѣ лучше поступишь, когда отвергнешь истину, не выскнувъ въ нее?

— Что вы хотите сказать, почтеннѣйшій отецъ?

— Я хочу сказать, мы не требуемъ, чтобы ты слѣпо послѣдовалъ нашему ученію и принялъ нашу святую вѣру безосознательно. Мы хотимъ только, чтобы ты выслушалъ и оцѣнилъ ее. Если бы ты такимъ же образомъ говорилъ съ нами, если бы ты доказывалъ намъ истину своей вѣры....

— Вы стали бы слушать меня, почтеннѣйшій отецъ?

— Я по-крайней мѣрѣ обсудилъ бы ее и, можетъ-быть, даже принялъ бы ее, если бы она показалась мнѣ лучше моей. Судить, не видѣвши,—безумно; осудить, разобравши, дѣло мудрое. Больше мы не требуемъ.

Пикильо долженъ былъ сознаться, что монахъ правъ, и, подумавъ, отвѣчалъ:

— Хорошо, я посмотрю.

Это былъ первый шагъ.

Сочиненія езуита Антоніо Эскобара и Мендосы свидѣтельствуютъ о глубокомъ его знаніи, обширной эрудиціи и въ-особенности объ удивительно-богатыхъ средствахъ его тонкаго ума. Эти средства, дотолѣ употреблявшіяся почти исключительно на защиту софизмовъ, онъ тутъ употребилъ на то, чтобы освѣтить передъ глазами Пикильо вѣчныя и высокія истины, никому не извѣстныя лучше того, который цѣлую жизнь спорилъ противъ нихъ.

Пикильо собственно былъ столько же мусульманинъ, сколько

христiянннъ: онъ никогда не читалъ ни Евангелiя ни корана, и едва зналъ наизусть нѣсколько стиховъ, случайно схваченныхъ на лету. Ученiе его никогда еще не обращалось въ эту сторону. Эскобаръ первый познакомилъ его съ обоими текстами. Они вмѣстѣ читали, разбирали, обсуживали и тотъ и другой. Пякильо, при всей провицательности и изворотливости своего ума, напрасно боролся противъ ловкаго ритора и искуснаго богослова и въ особенноти не могъ побѣдить самаго дѣла, которое тотъ отстаивалъ. Сердце невольно трепетало передъ святыми вѣрованiями христiянства, когда онъ сравнивалъ ихъ съ безплодными и мелочными правилами корана. Какъ было отвергать вѣчныя истины, которыя давно сознавалъ уже въ своей душѣ и которыми всегда руководствовался какъ врожденными?

— Да, да! говорилъ онъ просебя: ихъ вѣра, можетъ-быть, истинная. Но Магометова вѣра — вѣра Аихи, вѣра моихъ отцовъ. И умъ и сердце велятъ мнѣ остаться ей вѣрнымъ.

— Ну, что ты скажешь, сынъ мой? спросилъ Эскобаръ, примѣтивъ его колебанiе.

— Я скажу, всѣ эти истины слишкомъ велики, длятого чтобъ быть заключенными въ тѣсной келлиѣ или въ темницѣ. Ихъ должно проповѣдовать подъ открытымъ сводомъ неба. Если бы я былъ свободенъ, если я былъ господинъ моего тѣла и души, можетъ-быть, я наконецъ принялъ бы ихъ, но будучи узникомъ — не могу не отвергнуть.

— Но, къ несчастiю, ты останешься узникомъ, покуда будешь отвергать. Изъ этой темницы, въ которой ты совершенно свободенъ, необращенный еретикъ можетъ выйти только въ темницу инквизициi. Ты знаешь, что мы обязались выдать тебя архиепископу Рибейрѣ, какъ-скоро ты не пожелаешь оставаться у насъ.

— Никогда! никогда!... Лучше умру здѣсь! вскричалъ Пякильо.

Эскобаръ ловко воспользовался этою минутою потрясенiя, чтобы показать Мавру блестящую участь, которая ожидаетъ его при его умѣ, талантахъ и познанияхъ, если онъ приобрѣтетъ право вступить въ государственную службу; старался прельстить его почестями, богатствомъ, всеми наслажденiями жизни. Пякильо оставался непреклоненъ. Ни честолюбiе, ни богатство уже не привлекали его съ-тѣхъ-поръ какъ онъ лишился своей любви. Онъ въ Аихѣ нашелъ сестру, и все-таки считалъ это несчастiемъ, потерю ни чѣмъ не вознаградимую.

— Такъ молодъ и ни одной страсти! Это удивительно! думалъ Эскобаръ. Но если ничѣмъ нельзя прельстить, такъ нужно поставить его въ необходимость пожертвовать собою для какой-нибудь благородной мысли, для кого-нибудь другаго. Тогда удастся навѣрное.

Убѣжденный, но не побѣжденный, Пикильо продолжалъ свое ученье. Не исполняя ни какой службы и не будучи подчиненъ ни какимъ правиламъ въ монастырѣ, онъ имѣлъ довольно времени на то, чтобы читать и мечтать. Читеніемъ онъ занимался въ библіотекѣ, мечтами на прогулкахъ въ обширномъ и тѣнстомъ монастырскомъ саду. У него были только двѣ мечты: свобода и Анха. Вслѣдъ этимъ двумъ предметамъ блуждающая мысль его уносила далеко за предѣлы возможнаго: чтобы быть счастливымъ, чтобы соединиться съ нею, онъ создалъ себѣ самыя невѣроятныя чудеса.

Однажды онъ вдругъ остановился, блѣдный, и ухватился рукою за сердце. Эскобаръ обрадовался бы, если бъ могъ видѣть, что тогда происходило въ душѣ Мавра: то была вспышка слѣпой страсти и именно такой, посредствомъ которой всего легче управлять человѣкомъ.

— Что, если Деласкаръ д'Альберникъ вовсе не отецъ мнѣ? думалъ Пикильо: если я сынъ герцога Уседы? Тогда Анха не сестра мнѣ!... А вѣдь мать сперва посылала же меня къ герцогу. Кто, кромѣ Бога, знаетъ, какая кровь течетъ въ моихъ жилахъ? Изъ того, что герцогъ прогналъ меня, еще не слѣдуетъ, что онъ мнѣ чужой. Я помню его черты; я знаю, что съ перваго взгляду былъ пораженъ сходствомъ между нами.... да, да! продолжалъ онъ съ жаромъ: мнѣ кажется, я теперь вижу его передъ собою....

И, поднявъ глаза, Пикильо въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ за монастырскою рѣшеткой богато одѣтаго господина, который, казалось, со вниманіемъ вглядывался въ него.

Пикильо вскрикнувъ и, протянувъ руки бросился впередъ.

Господь съ презрѣніемъ отвернулся и ушелъ.

Это былъ герцогъ Уседа. Онъ пріѣхалъ къ отцу Хероме, по дѣлу, о которомъ мы узнаемъ послѣ.

Пикильо остался на мѣстѣ. Лобъ его зардѣлся отъ стыда. Рука машинально шаргла въ пазухѣ и какъ будто хотѣла вырвать изъ груди сердце, снѣдаемое угрызениями совѣсти.

— Неблагодарный! говоритъ онъ себѣ, сравнивая герцога Уседа съ Деласкаромъ: ты хотѣлъ отречься отъ того, который призналъ и усыновилъ тебя!... Когда онъ былъ нуженъ тебѣ, когда

онъ осыпалъ тебя своею нѣжностью и своимъ золотомъ, ты называлъ его отцомъ, ты былъ счастливъ; ты гордился, что принадлежишь ему! Когда же твоя выгода.... выгода твоей любви и твоего счастія требуетъ, чтобы ты покинулъ его, ты убѣждаешь себя, что онъ тебѣ ничто, что между тобой и имъ нѣтъ связи, что ты не сынъ ему!... ты предпочитаешь ему холоднаго гордеца, который презираетъ и отвергаетъ тебя!... О! вскричалъ онъ, упавъ на колѣни: Деласкаръ, отецъ мой! Исидъ, благородный братъ мой! простите мнѣ!... Аиха, сестра моя.... сестра, которую я могу и долженъ любить какъ братъ.... всѣ вы единственные друзья мои, родные мои.... какъ бы я ни принадлежалъ вамъ по крови или изъ признательности только, но я уже не могу отречься отъ васъ.

Пикильо тихо ушелъ въ свою келлію и заперся. Онъ былъ такъ удрученъ, такъ несчастенъ, что чувствовалъ необходимость излить свое сердце, высказать горе, и съ отчаяніемъ увидѣлъ, что былъ одинъ. Если бы тутъ случился Эскобаръ, Пикильо признался бы ему во всемъ, высказалъ бы все. Монахъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе пріобрѣталъ его довѣріе.

Чтобы чѣмъ-нибудь развлечься въ уединеніи и тоскѣ, Пикильо взялъ первую попавшуюся книгу. То было Евангеліе. Пикильо развернулъ и увидѣлъ бумажку, на которой дрожащею рукою было написано :

«Берегись почтеннѣйшихъ отцовъ, и въ-особенности Эскобара».

Кто же подаетъ этотъ таинственный совѣтъ? Кто былъ въ его келліѣ, когда въ нее можно проникнуть не иначе какъ черезъ келлію Эскобара? Это, стало-быть, кто-нибудь изъ домашнихъ, а во всемъ монастырѣ Пикильо не зналъ никого, кто бы пожелалъ ему добра, кромѣ Эскобара. Онъ цѣлый день думалъ объ этомъ происшествіи и, наконецъ, подозрѣнія его остановились на служкѣ фра-Амбросіо, который обыкновенно подметалъ и убиралъ его келлію и часто ходилъ во двора на посылки. Вѣроятно, Педральви, увѣдомленный Аихою или Хуайнтою, отыскалъ его слѣдъ, подстерегъ, разспросилъ и подкупилъ фра-Амбросіо, что, конечно, казалось не труднымъ, потому что фра-Амбросіо былъ человекъ очень ограниченный и слылъ въ монастырѣ совершенно тупоумнымъ. Объяснивъ такимъ образомъ происхожденіе записки, Пикильо сталъ обходиться осторожнѣе съ Эскобаромъ и старался сблизиться съ служкой, но не могъ встрѣтить его наединѣ. Полагая, однако жъ, что добрый совѣтникъ

придетъ справиться объ успѣхѣ почты, Пиккльо на то же мѣсто въ книгѣ положилъ другую бумажку, на которой написалъ: «Кто бы ты ни былъ, дай мнѣ вѣсть объ Іесидѣ и Анхѣ».

Пиккльо ушелъ въ библіотеку и потомъ, по обыкновению, прогуливался въ монастырскомъ саду. Время въ этотъ день тянулось безконечно. Воротившись наконецъ въ свою келлію, Пиккльо поспѣшно схватилъ Евангеліе и съ радостью схватилъ новую записку. Но она была ужасна.

«Іесидъ схваченъ и отданъ подѣ судъ. Анха въ темницѣ инквизиціи. Берегись самъ. Молчи и жди».

Эта записка была написана болѣе твердымъ почеркомъ. Видно было, что писавшій на этотъ разъ или имѣлъ больше времени или меньше боялся.

— Жди! вскричалъ Пиккльо съ отчаяніемъ: жди! когда всѣ, кого я люблю, въ опасности!... Нѣтъ, это невозможно! Я убѣгу, во чтѣ бы то ни стало. Хуже того не можетъ быть, что попадусь и раздѣлю участь моихъ милыхъ. Больше мнѣ и не нужно, если я не могу спасти ихъ.

Пиккльо вышелъ на монастырскій дворъ. Тамъ прохаживалось нѣсколько человѣкъ езуитовъ, но онъ не смотрѣлъ на нихъ: онъ смотрѣлъ на стѣны и глазами измѣрялъ высоту. Двадцать пять или тридцать футовъ по-крайней-мѣрѣ, и никакого средства взобраться. Въ одномъ только концѣ двора небольшое окно въ третьемъ этажѣ выходило на крышу пристройки, съ которой можно было слѣзть на гребень забора, если напередъ двадцать разъ не переломашь костей. А потомъ еще оставалось соскочить съ высоты тридцати футовъ на каменную мостовую.

Пиккльо вспомнилъ о гостинницѣ Золотаго Солица, въ Пампелунѣ; вспомнилъ о томъ, какъ Педральви тогда подставлялъ ему лѣстницу.

— Но гдѣ теперь Педральви?... Придетъ ли?... Нѣтъ, это пустая надежда!...

Пиккльо съ уныніемъ осмотрѣлся вокругъ и въ противоположномъ концѣ двора приметилъ служку Амбросіо, который подметалъ крыльцо. Другіе езуиты разошлись. На дворѣ никого не оставалось.

— Небо посылаетъ мнѣ совѣтъ и помощь! подумалъ Пиккльо и подошелъ къ служкѣ.

— Фра-Амбросіо, сказалъ онъ: видишь ты край крыши отъ пристройки, чтѣ спускается къ забору?

— Вижу. Ну, чтѣ жъ?

— Скажи Педральви, что это единственное приступное мѣсто.

— Приступное? Чему? спросилъ Амбросіо.

— Ужъ онъ пойметъ тебя: скажи только. Вѣдь ты знаешь?

Фра-Амбросіо посмотрѣлъ такъ глупо, что слава его въ совершенствѣ оправдывалась.

— Неужели я обманулся? подумалъ Пикильо съ безпокойствомъ.

Въ эту минуту отъ настоятеля, отца Хероме, вышелъ человѣкъ въ зеленомъ бархатномъ камзолѣ, осыпанномъ серебряными пуговицами, такъ же какъ и короткіе штаны. На сѣдоватой головѣ у него была сѣтка. Изъ каждаго кармана выглядывалъ кончикъ бѣлаго платка. Въ рукахъ онъ несъ бритвенный приборъ, мыльницу и сложенное полотенце.

— Гонгарельо! вскричалъ Пикильо и, не разсуждая, что дѣлаетъ, побѣжалъ къ цирюльнику.

Но тотъ не слышалъ или не хотѣлъ слышать и поспѣшно ушелъ въ келлію привратника и оттуда на улицу.

— Это однако жъ былъ онъ, Гонгарельо! подумалъ Пикильо, и тутъ только, догадавшись, что сдѣлалъ глупость, объяснилъ себѣ поспѣшный побѣгъ осторожнаго цирюльника.

Чтобы поправиться и не подать поводу къ большому подозрѣнію, онъ сталъ разспрашивать Амбросіо о цирюльникѣ и узналъ, что Гонгарельо давно уже имѣетъ честь брить почтеннѣйшихъ отцовъ, которыхъ посѣщаетъ всегда въ назначенные часы.

Тутъ все объяснилось. Пикильо потому никогда дотолѣ не видѣлъ цирюльника, что обыкновенно проводилъ время его прихода въ библіотекѣ. Что Гонгарельо зналъ о пребываніи его у езуитовъ, въ этомъ не было ничего удивительнаго, потому что объ этомъ зналъ весь Хенаресъ. Гонгарельо, пришедши брить Эскобара, вѣроятно, нашелъ случай войти въ келлію къ арестанту и вложить записку. Теперь, узнавъ своего охранителя, Пикильо рѣшился, во что бы то ни стало, поговорить съ нимъ. Но для этого нужно было ждать два дня, потому что Гонгарельо приходилъ черезъ день. Пикильо провелъ сорокъ осемь часовъ въ томительномъ нетерпѣніи и не пошелъ въ обычное время въ библіотеку.

Наконецъ Гонгарельо пришелъ. Но, по-несчастію, и Эскобаръ въ то утро не выходилъ изъ своей келліи и, Богъ знаетъ почему, прежде нежели сѣлъ бриться, притворилъ дверь своего духовнаго питомца, такъ что Пикильо только слышалъ, но не видалъ цирюльника. Операція кончилась. Гонгарельо ушелъ, а Эскобаръ всё-еще оставался дома.

Прождать еще двое суток понапрасну и возбудить, быть может, подозрѣніе, Пикильо не хотѣлъ. Онъ рѣшился на крайнюю мѣру.

— Почтеннѣйшій отецъ, сказалъ онъ Эскобару: когда вы мнѣ предлагали, я не соглашался обстричь волосы. Но теперь я передумалъ....

— Неужели? вскричалъ Эскобаръ съ радостію: стало-быть, добрыя сѣмена начинаютъ прозябать? Ты будешь нашъ?

— Не заключайте слишкомъ поспѣшно, почтеннѣйшій отецъ: можете ошибиться.

— Хорошо, хорошо. Я вижу, что это значить.

— Это значить только то, что волосы у меня въ самомъ дѣлѣ слишкомъ длинны и мнѣ жарко.

— А! ты не хочешь сознаться и ищешь предлоговъ! Хорошо, хорошо! Мы на все согласны. Мы знаемъ, какъ трудно вдругъ отказываться отъ мнѣній, которыя защищались довольно упорно. Но сдайся только, сынъ мой, сдайся. Все остальное — пустяки: самъ увидишь. Я надѣюсь, ты скоро совершенно будешь нашъ.

— Я не надѣюсь, почтеннѣйшій отецъ.

— Я говорилъ тебѣ, что ты самъ прійдешь къ намъ, и прійдешь!

— Можетъ-быть, но только еще не скоро. А между-тѣмъ прикажите позвать цирюльника. Пусть прійдетъ обстричь меня.

— Хорошо, сынъ мой. Желаніе твое будетъ исполнено.

Эскобаръ пошелъ отдать приказаніе, чтобы воротили цирюльника, и Пикильо съ радостію разсчитывалъ, что Эскобару настала пора отправиться къ настоятелю и что, слѣдовательно, онъ не будетъ присутствовать при стрижкѣ.

Черезъ полчаса Гонгарелью явился, и Пикильо съ радостію поспѣшилъ ему на встрѣчу. Но лицо его ужасно вытянулось, когда вслѣдъ за цирюльникомъ воротился и Эскобаръ.

— Поспѣшай, любезный, сказалъ онъ цирюльнику и, обратившись къ Пикильо, прибавилъ: черезъ полчаса намъ нужно идти къ отцу настоятелю.

— Это зачѣмъ? спросилъ Пикильо съ удивленіемъ.

— Не знаю. Онъ хочетъ поговорить съ тобою, сынъ мой.

Эскобаръ взялъ книгу и спокойно усѣлся въ кресла.

Пикильо затрепеталъ отъ гнѣву и отчаянія. Гонгарелью также смотрѣлъ уныло и медленно, перѣшительно принимался за дѣло. Облекая Пикильо въ широкій бѣлый пеньюаръ, онъ заго-

родилъ его отъ Эскобара и молодой человекъ съ отчаяніемъ сказалъ глазами :

— Какое несчастіе, что онъ тутъ!

— Онъ не уйдетъ? спрашивали глаза цирюльника.

— Увы! нѣтъ! отвѣчали глаза Пикильо.

Гонгарельо показалъ кончикъ записки, которую держалъ въ рукавѣ, но не смѣлъ отдать. А у Пикильо руки были уже опутаны полотнянымъ балахономъ и Эскобаръ читалъ чрезвычайно невнимательно, безпрестанно взглядывалъ, скоро ли кончится стрижка, которая еще не начиналась.

— Поторопись же, любезный. Насъ ждутъ! сказалъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, почтеннѣйшій отецъ, отвѣчалъ Гонгарельо.

И красивыя кудри Мавра одна за другую стали падать надъ звѣнящими ножницами. Но записка всё оставалась въ рукавѣ. Гонгарельо, какъ извѣстно, былъ большой трусъ и въ такомъ состояніи не могъ похвалиться большою ловкостью. Онъ сознавалъ, что никакъ не найдетъ въ себѣ столько хладнокровія, чтобы подъ носомъ у пріора спроворить такую опасную штуку, и уже рѣшился отложить дѣло. Но тутъ въ встревоженномъ умѣ его родилась новая блестящая и отважная мысль. Онъ бросилъ свою гребенку на столъ и черезъ минуту опять потянулся за нею, притворился, что потерялъ, перерылъ бумаги и сунулъ роковую записку подъ песочные часы. Пикильо не пропустилъ ни одного движенія его. Эскобаръ продолжалъ читать. У Гонгарельо гора съ плечъ свалилась. Онъ нашелъ свою гребенку и въ минуту кончилъ стрижку.

— Готово!

— Пора, пора! Отецъ-настоятель давно уже ждетъ насъ.

— Вы думаете? спросилъ Пикильо.

— Разумѣется. Болѣе получаса уже прошло, отвѣчалъ Эскобаръ протягивая руку къ песочнымъ часамъ.

Пикильо вздрогнулъ.

— Да, да! въ самомъ дѣлѣ.... Пойдемте по-скорѣй, сказалъ онъ торопливо : я готовъ.

Всѣ трое вышли. Гонгарельо отправился домой, а Эскобаръ и Пикильо пошли къ настоятелю.

Отецъ Хероме былъ человекъ средняго роста, но властолюбие и быстро усвоенная привычка повелѣвать необыкновенно возвышала этотъ ростъ. Размышленіе убрало его важный и строгій

лобъ морщинами. Опущенные глаза его выражали смиреніе, но лишь-только онъ поднималъ ихъ, гордость брала верхъ.

Онъ нѣсколько времени съ удовольствіемъ смотрѣлъ на черный кафтанъ молодаго послушника и въ-особенности на только-что остриженную голову.

— Хорошо, сынъ мой, сказалъ онъ медленно: очень хорошо! Но зачѣмъ я къ этой похвалѣ принужденъ прибавить упрекъ или, лучше сказать, наставленіе?

— Какой же упрекъ, почтеннѣйшій отецъ? спросилъ Пиккльо.

— Ты третьяго дня покушался совратить одного изъ нашихъ братій, который, однако жъ, слава Богу, неподкупенъ. Богъ, по милости своей, за тѣмъ и не далъ ему ума, чтобы оградить его отъ искушеній.

— О! фра-Амбросіо худо понялъ меня, клянусь вамъ!

— Онъ ничего не понялъ, сынъ мой. Онъ только пришелъ и пересказалъ мнѣ твои слова. Я увидѣлъ въ этомъ съ твоей стороны замыселъ къ побѣгу.... Желаю, чтобы это была моя ошибка. Но если ты въ самомъ дѣлѣ замышляешь бѣжать, то я долженъ показать тебѣ, какъ это опасно. Члены святой инквизиціи, наши братья и, къ-несчастію, враги, доминиканцы, не удовольствовались нашимъ обѣщаніемъ сберець тебя. Они опасаются, что мы выпустимъ тебя, и поэтому нашъ монастырь постоянно, и днемъ и ночью, окруженъ соглядатаями.... Посмотри самъ, прибавилъ онъ, подводя Пиккльо къ окну, которое выходило на улицу: видишь ли ты патруль альгусасловъ? вотъ онъ идетъ.

Пиккльо вздрогнулъ. Настоятель говорилъ правду. Онъ продолжалъ:

— Надѣюсь, что братъ Эскобаръ исполнилъ мое порученіе. Я велѣлъ сказать тебѣ, сынъ мой, и теперь повторяю, что тебѣ не нужно подкупать никого и не нужно бѣжать тайно. Если ты не хочешь пользоваться у насъ убѣжищемъ, скажи только одно слово и ворота отворятся, ты можешь идти.

— Я это слышалъ, почтеннѣйшій отецъ, отвѣчалъ Пиккльо, но я знаю также, что ожидаетъ меня за воротами этого монастыря, и никогда не намѣренъ промѣнять это убѣжище на темницу инквизиціи. Однако жъ мнѣ было бы пріятнѣе, и съ вашей стороны, кажется, было бы великодушнѣе и достойнѣе, если бы я за это гостепримство не былъ принужденъ платить моею свободой и вѣрой.

— Мы вовсе не принуждаемъ тебя къ этому, сынъ мой! съ живостью вскричалъ Хероме: во славу Божию и ради собствен-

наго твоего блаженства, мы стараемся приобщить тебя къ паствѣ Христовой, но безъ всякаго насилія. Валенсійскій архіепископъ два мѣсяца пыталъ тебя жестокостями. Мы же выпросили столько же сроку, чтобы убѣдить тебя и просвѣтить съ кротостью. Вотъ, половина сроку уже прошла. Когда пройдетъ другая половина и когда мы не успѣемъ убѣдить тебя, ты всё-таки можешь остаться у насъ какъ гость, какъ другъ, доколѣ тебѣ нужно будетъ убѣжище отъ твоихъ враговъ. Будь увѣренъ, что мы ни въ чемъ не станемъ принуждать тебя, сынъ мой.

И сказавъ это, онъ подалъ ему руку. Молодой человекъ схватилъ и съ признательностью поцѣловалъ ее.

— Простите, почтеннѣйшій отецъ, сказалъ Пикльо съ волненіемъ: я ложно судилъ о васъ. Благодарю за великодушное обѣщаніе. Я полагаюсь на ваше слово.

Воротившись въ келлію, Пикльо заперся и поспѣшно схватилъ записку, которую Гонгарельо спряталъ подъ часы. Она начиналась словами:

« Сынъ мой! »

У Пикльо задрожали руки и на глазахъ навернулись слезы. Онъ поспѣшилъ взглянуть на подпись. Тамъ стояло имя Дела-скара д'Альберика.

« Сынъ мой, впервые я пишу къ тебѣ и пишу, чтобы раз-
« дѣлить горе. Насъ постигло великое несчастье. Черезъ Гон-
« гарельо, который передастъ тебѣ это письмо, я узналъ,
« что ты находишься у езуитовъ въ Хенаресѣ. Твой братъ,
« Исидъ, за дуэль и умерщвленіе христіанина, осужденъ на
« смерть. Анха заключена въ темницу инквизиціи, какъ участни-
« ца въ убіеніи герцога Сантарема, и, вѣроятно, раздѣлитъ
« участь брата. Не стану говорить тебѣ обо мнѣ. Смерть моихъ
« дѣтей—моя смерть. Но между-тѣмъ какъ я оплакивалъ ихъ,
« ко мнѣ пріѣзжалъ одинъ изъ враговъ нашихъ, валенсійскій ар-
« хіепископъ Рибейра, котораго ты, какъ видно, жестоко разсер-
« дилъ побѣгомъ. — Я спасу двоихъ дѣтей твоихъ, сказалъ онъ:
« если ты выдашь мнѣ третьяго. Но и третьему не будетъ ни-
« какого вреда. Напротивъ, онъ не только останется живъ, онъ
« будетъ счастливъ. Но я требую, чтобы онъ не только при-
« нялъ христіанскую вѣру, которую отвергъ, но и совершенно
« посвятилъ бы себя служенію Церкви. Я хочу, чтобы онъ по-
« стригся. Вотъ, что Рибейра осмѣлился предложить мнѣ. Я спер-
« ва не хотѣлъ-было сообщать тебѣ этого, но подумалъ, что по-
« слѣ ты, можетъ-быть, будешь недоволенъ, если я скрою.

« Отъ тебя требуютъ болѣе нежели жизни, сынъ мой! Отъ тебя требуютъ свободы совѣсти, отреченія отъ вѣры отцовъ. Тебя хотятъ сдѣлать клятвопреступникомъ. Отецъ твой ничего не можетъ сказать на это: онъ плачетъ и ждетъ!... Но часто, въ отчаяніи своего сердца, онъ спрашиваетъ и своего Бога и Бога христіанъ, не бываетъ ли иногда благословенно на землѣ и прощено на небѣ преступленіе, которое состоитъ въ спасеніи жизни своихъ кровныхъ? »

« Деласкаръ д'Альберикъ ».

Трудно изобразить, что стало съ Пиккльо по прочтеніи этого письма. Блѣдный и бездыханный онъ упалъ на стулъ и долгое время не могъ связать въ головѣ ни одной мысли. Онъ ничего не видѣлъ: передъ глазами у него былъ туманъ; въ сердцѣ страшный мракъ. Онъ даже еще не страдалъ, потому что не жилъ. Наконецъ чувство воротилось и съ нимъ наступило страданіе. Онъ перечиталъ письмо и началъ понимать всю обширность своего несчастія. Разсудокъ выбрался изъ хаоса и мало-по-малу началъ измѣрять глубину пропасти, въ которую сперва не смѣлъ и взглянуть.

Спасеніе Анхи и Иесида зависѣло отъ него! Однимъ словомъ, онъ можетъ спасти ихъ.... Но это слово должно было навсегда погубить его самого. Жизнь онъ охотно отдалъ бы за Анху и Иесида, но отдать душу и совѣсть казалось страшно. Страшно было спасти ихъ и въ то же время сдѣлаться ихъ врагомъ.

Пиккльо схватилъ себя за голову и зарыдалъ. Потомъ, мало-по-малу перебравъ на памяти все бѣдствія, которыя перенесъ съ дѣтства; стыдъ и нищету, на которыя былъ осужденъ со дня рожденія; позорное воспитаніе у разбойниковъ, роковую долю, которая, казалось, преслѣдовала его всюду, онъ вскричалъ.

— Да! на мнѣ тяготѣетъ проклятіе! Я отвергнутъ небомъ!

Едва онъ произнесъ это, ему почувдилось, будто кто подлѣ него сказалъ :

— Неблагодарный!

Пиккльо затрепеталъ и, вслѣдствіе ли сильно возбужденнаго состоянія или въ бреду горячки, но ему показалось, что келья его озаряется яркимъ свѣтомъ. Онъ слышитъ трескъ дерева, свистъ пламени; онъ задыхается отъ дыму; видитъ, какъ огонь обвиваетъ огромный дубъ, и на этомъ дубѣ, на этомъ пылающемъ кострѣ сидитъ мальчикъ, который въ слезахъ простираетъ къ небу руки и говоритъ : « Боже мой! Боже мой! если Ты избавишь меня отъ этой опасности, если Ты вырвешь меня изъ »

«этого пламени, я вѣрую въ Тебя, Боже мой, и буду молиться Тебѣ!... И дни, которые ты сохранишь мнѣ, я посвящу не себѣ, а моимъ друзьямъ и братіямъ. Я сдѣлаю для нихъ, что Ты сдѣлаешь для меня. Я буду жить для счастья и спасенія другихъ, клянусь Тебѣ!»

— Да, да! вскричалъ Пикильо: эти слова я говорилъ!... Это мои слова! эту клятву я далъ. Богъ тогда услышалъ меня и сегодня указываетъ мнѣ мой долгъ. Моя жизнь ничего не значитъ для меня: она не мнѣ принадлежитъ. Иесидъ! Анха! вы будете жить!

За этимъ сильнымъ потрясеніемъ послѣдовало спокойствіе изнеможенія. Потомъ, спустя нѣсколько минутъ, Пикильо съ большимъ хладнокровіемъ разсмотрѣлъ и свое настоящее положеніе и жертву, которую готовился принести. Анха уже не могла принадлежать ему: этому противились узы крови. Что же значили новыя преграды, поставленныя между ними людьми! По-крайней-мѣрѣ черезъ него Анха будетъ жить, черезъ него Иесидъ останется славою и утѣшеніемъ своего отца; по-крайней-мѣрѣ онъ оплатитъ старика, который принялъ его въ отверзтыя объятія и усыновилъ. Онъ возвращалъ болѣе нежели получилъ и, къ тому же, онъ оцѣнилъ вѣрованіе, къ которому его принуждаютъ; сердце и разумъ говорятъ ему, что это вѣра высока, прекрасна, утѣшительна; что она помогаетъ немущему и покровительствуетъ притѣвленнаго. Если его преслѣдуютъ и терзаютъ во имя этой вѣры, то въ этомъ виновна не она сама, а служители ея, и на его долю еще достается благородный подвигъ, борьба съ палачами за невнѣрныхъ. Самъ Богъ, быть-можетъ, посылаетъ его въ ряды враговъ, чтобы внести туда слова мира и милосердія и чтобы служить своимъ братьямъ еще дѣйствительнѣе нежели могъ бы служить, оставшись съ ними.

Поддерживаемый этими предположеніями и въ-особенности мыслью, что исполняетъ долгъ, Пикильо спокойно уснулъ и во снѣ слышалъ голосъ Деласкара, который благодарилъ его за Анху и Иесиду: «Ты искупилъ нашу жизнь цѣною твоего счастья, говорилъ старикъ: но это счастье мы возвратимъ тебѣ любовью.»

На утро Пикильо всталъ блѣдный и слабый; но съ сердцемъ полнымъ надежды и твердости и пошелъ къ настоятелю, гдѣ нашелъ и Эскобара.

— Я хочу быть христіяниномъ, сказалъ онъ съ твердостью.

Езуиты затренивали отъ радости.

— Ну, не правду ли я говорилъ! вскричалъ Эскобаръ: благодать Божія просвѣтила тебя болѣе моихъ убѣжденій, сынъ мой, и ты самъ пришелъ просить святаго крещенія!

— Больше этого, почтеннѣйшій отецъ: я желаю постричься.

— Постричься! вскричалъ съ удивленіемъ настоятель.

— Ты хорошо дѣлаешь, сынъ мой, спокойно продолжалъ Эскобаръ: и Богъ, вразумившій тебя, не оставитъ наградить вѣрнаго слугу. Дорога, которая передъ тобою открывается, ведетъ далеко, и всѣ, у кого есть умъ и дарованіе, поспѣшаютъ обратиться на нее. Со-временемъ, быть-можетъ, настанетъ вѣкъ, теперь еще очень отдаленный, когда познанія и личныя достоинства будутъ давать человѣку право на достиженіе всѣхъ почестей и высокихъ степеней въ обществѣ, а нынче только монахъ можетъ обойтись безъ предковъ и знатнаго имени. Монахъ, сынъ земледѣльца и пастуха, нерѣдко видитъ всѣхъ сильныхъ земли у ногъ своихъ. Монахъ, отличившійся въ своемъ монастырѣ, становится пріоромъ, аббатомъ, кардиналомъ, генераломъ своего ордена, сядетъ въ совѣтъ Кастиліи и можетъ посягать на все. Короли преклоняются передъ нимъ и прибѣгаютъ къ его совѣту. Этотъ путь, эта участь ждетъ тебя! Я предсказываю тебѣ это и ты увидишь, что Эскобаръ никогда не ошибается.

Пикильо едва слушалъ, что говорилъ пріоръ, и, когда онъ кончилъ, холодно сказалъ:

— Я хочу произнести обѣтъ, но только съ условіемъ, чтобы объ этомъ сегодня же, сейчасъ, было дано знать валенсійскому архіепископу Рибейръ.

— Рибейръ! Хорошо, мы сейчасъ же извѣстимъ его, отвѣчалъ отецъ Хероме, восхищенный мыслью, что вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ случай дать архіепископу почувствовать свое превосходство.

Въ эту минуту вслѣдъ за докладомъ вошелъ герцогъ Уседа.

Онъ бросилъ на молодаго послушника злой, презрительный взглядъ. Пикильо на это новое оскорбленіе отвѣчалъ спокойною холодною и, воротившись въ свою келлію, провелъ нѣсколько дней въ совершенномъ уединеніи. Онъ молилъ Бога, чтобы послалъ ему силы выполнить самопожертвованіе.

Когда Пикильо вышелъ отъ настоятеля, герцогъ Уседа обратился къ езуитамъ и съ надменнымъ нетерпѣніемъ спросилъ:

— Ну, что, отцы мои, на чемъ мы остановились? Скоро ли будетъ конецъ?

— Все кончено, ваша свѣтлость! отвѣчалъ настоятель, съ торжествующимъ видомъ потирая руки: мы вамъ обѣщали и сдѣлали, что обѣщали.

— Вы шутите, почтеннѣйшій отецъ!.... возможно ли?

— Нисколько, герцогъ. Вы избавлены отъ сомнительнаго родства. Этотъ мнимый сынъ уже не прійдетъ своимъ присутствіемъ напоминать вашей свѣтлости тягостнаго прошедшаго. Теперь онъ уже не можетъ надѣлать позору, котораго вы опасаетесь. Онъ уже не выйдетъ изъ этого монастыря. Онъ постригается.

— Полноте! возразилъ герцогъ съ сомнѣніемъ: онъ! который устоялъ противъ всѣхъ мѣръ архіепископа!

— Да, онъ уступилъ нашему убѣдительному краснорѣчію и я объ этомъ сейчасъ увѣдомляю его преосвященство, архіепископа Рибейру.

— Кто же совершилъ такое удивительное обращеніе, такое чудо?

Настоятель указалъ на пріора.

— Вы, Эскобаръ! вскричалъ герцогъ съ удивленіемъ и почтеніемъ.

Эскобаръ скромно поклонился и на любопытные разспросы герцога отвѣчалъ, развертывая замысловатый планъ, обдуманнѣйшій, предначертанный и выполненнѣйшій пріоромъ Эскобаромъ во славу Божию и на пользу благочестиваго ордена езуитовъ. Унизить Рибейру, взять надъ нимъ верхъ, обратить еретика Мавра стоило труда, но заставить его постричься.... это походило на чудо. Вотъ зачѣмъ именно искуснѣйшій пріоръ и предпринялъ это дѣло! Кромѣ чести за побѣжденную трудность, это значило пріобрѣсти для ордена примѣчательнаго таланта челоуѣка, который могъ сдѣлаться полезнымъ членомъ. Сверхъ-того этимъ, между-прочимъ, оказывалась и услуга союзнику, герцогу Уседѣ, который такимъ образомъ освобождался отъ притязаній самозванца-сына.

Было время, что Эскобаръ не надѣялся достигнуть своей цѣли. Къ Мавру ни съ которой стороны не было приступа. Но случай, родитель успѣховъ, помогъ езуиту.

Однажды цирюльничъ Гонгарелью, проходя черезъ монастырскій дворъ, пріимѣтилъ молодаго задумчиваго послушника, съ удивленіемъ узналъ его и поспѣшно увѣдомилъ Хуаниту о своемъ открытіи. Хуанита увѣдомила Педральви, Педральви — Дела-

ожара. Въ ожиданіи ихъ отвѣта, Гонгарельо искалъ средства поговорить съ Альягою, но уже не встрѣчалъ его, хотя узналъ, что онъ живетъ почти въ одной келліи съ пріоромъ.

Потомъ однажды, дожидаясь приходу Эскобара, Гонгарельо воспользовался удобнымъ случаемъ, зашелъ въ келлію послушника, поспѣшно написалъ предостереженіе и вложилъ въ книгу. Но Эскобаръ въ тотъ день примѣтилъ, что бритва дрожитъ въ рукахъ цирюльника. Онъ примѣтилъ также, что дверь въ келлію послушника не плотно затворена, тогда какъ за минуту была заперта. Стало-быть, Гонгарельо входилъ туда. Зачѣмъ?

Когда цирюльникъ ушелъ, Эскобаръ отправился въ жилище своего питомца, осмотрѣлъ, разумѣется, прежде всего весь столъ и безъ труда нашелъ записку. Въ первую минуту онъ хотѣлъ разорвать ее, но потомъ разсудилъ, что, оставивши, можетъ со временемъ узнать больше.

Разсужденіе было правильно и выводъ оказался вѣренъ. Пикильо въ такой же запискѣ просилъ вѣстей объ Анхѣ и Иесидѣ.

Эскобару не худо было знать, кто таковы Анха и Иесидъ, о которыхъ Пикильо такъ заботился, о которыхъ помышлялъ больше нежели о себѣ и своей свободѣ? Онъ разспросилъ объ этомъ герцога Уседу и узналъ всю исторію дуэли герцога Сантарема съ Мавромъ Иесидомъ, который неизвѣстно куда скрылся отъ преслѣдованій суда. Свѣдѣнія объ Анхѣ дополнила графиня д'Альтамира, которая не могла объяснить только того, почему именно Пикильо такъ преданъ вдовѣ Сантарема. Но этого и не нужно было. На всякій случай не мѣшало хорошенько испугать строптиваго еретика насчетъ предметовъ его привязанности. Эскобаръ такъ и сдѣлалъ въ ожиданіи болѣе благопріятнаго обстоятельства, которое вскорѣ представилъ Гонгарельо.

Когда цирюльникъ стригъ Альягу, Эскобаръ, для виду занимался чтеніемъ, но слѣдилъ между-тѣмъ за каждымъ движеніемъ обоихъ и очень хорошо видѣлъ, какъ записка укладывалась подъ песочные часы. Проводивъ потомъ Пикильо къ настоятелю, онъ поспѣшно воротился и нашелъ слѣдующее письмо :

« Сынъ мой,

« Впервые я пишу къ тебѣ и, благодаря Бога, могу сообщать « добрыя вѣсти, подать надежду и утѣшеніе. Черезъ Гонгарельо, « который передастъ тебѣ это письмо, мы узнали, что ты находишься у езуитовъ, въ Хенаресѣ; узнали и о козняхъ, которыми тебя окружаютъ. Стой твердо и не бойся ничего. Твоего « брата Иесида, правда, всё-еще ищутъ, но онъ въ безопасномъ

« мѣотѣ. Его не найдутъ и я надѣюсь, что смѣлые покрови-
 « тели скоро избавятъ его отъ преслѣдованій. Твоя сестра Анха
 « вдова и, слѣдовательно, совершенно свободна. Она воротилась
 « въ Мадритъ. Она теперь уже не дочь Мавра, не приемышь
 « донъ Хуана д'Агилара: она герцогиня Сантаремъ, которая мо-
 « жетъ унотребить своихъ друзей и свое вліяніе въ пользу брать-
 « евъ. Она пишетъ мнѣ, что страшнѣйшій твой врагъ — архіе-
 « пскопъ Рибейра, котораго ты до крайности оскорбилъ побѣ-
 « гомъ. Но она не отчаявается въ успѣхъ. За усердіемъ и зо-
 « лотомъ у нея дѣло не станетъ, ты знаешь. Успокойся же.
 « Твои родные не оставятъ тебя. Будь остороженъ; берегись
 « свѣтей, которыя тебѣ разставляютъ; оставайся непоколебимымъ
 « и помни объ отцѣ и другѣ, который благословляетъ тебя.

«Деласкаръ д'Альберикъ.»

Въ этомъ письмѣ, которое, по-видимому, доказывало бесплод-
 ность всѣхъ усилій овладѣть молодымъ Мавромъ, Эскобаръ, на-
 противъ, увидѣлъ новое неожиданное средство къ быстрому
 успѣху. Во-первыхъ, оно открывало ему узы родства, которыми
 опровергались опасенія герцога Уседы. Но онъ не считалъ обя-
 занностью разъяснить вопросъ, котораго не бралась рѣшить сама
 Хиральда. Ему довольно было того, что это мнимое или дѣй-
 ствительное родство питало въ сердцѣ Пикильо нѣжную и глу-
 бокую привязанность, способную на всякую жертву. Во-вто-
 рыхъ, письмо открывало, что Пикильо, недавно принятый въ
 семью Мавра, еще не получалъ отъ Деласкара письма и, слѣдо-
 вательно, могъ не знать его почерка. Воспользовавшись этимъ важ-
 нымъ обстоятельствомъ и опираясь на всѣ пріобрѣтенныя свѣ-
 денія, езуитъ переписалъ письмо, а подлинное положилъ въ кар-
 манъ. Адекая продѣлка удалась. Эскобаръ разсчиталъ ее на
 чести и добродѣтели: Пикильо долженъ былъ вдатся въ об-
 манъ.

Стали дѣлать приготовленія къ обряду, но, по причинамъ, ко-
 торыя легко угадать, все дѣлалось въ тайнѣ: вмѣсто-того чтобы
 шумно праздновать свое торжество и довершить поражение вален-
 сійскаго архіепископа публичностью, езуиты разыгрывали роль
 смирнаго христіанскаго смиренія, за которое рассчитывали воз-
 награждать себя впоследствии.

Пикильо и подавно не желалъ шуму и стеченія свидѣтелей.
 Онъ плакалъ и молился.

Черезъ недѣлю, въ день Святаго Людовика, назначено было
 постриженіе.

Герцогъ Лерма, увѣдомленный толедскимъ коррехидоромъ о смерти Сантарема, пришелъ въ бѣшенство и отчаяніе. Эта смерть опрокидывала все его замыслы. Выдавая Анху за Сантарема, онъ находилъ совершенно преданнаго себѣ и покорнаго мужа, который безусловно исполнялъ бы все, что отъ него потребуютъ, или котораго при малѣйшей строптивости можно было удалить и сослать безъ малѣйшей несправедливости и даже на совершенно законномъ основаніи, потому что въ рукахъ у министра были такіе документы, по которымъ сослать бунтовщика значило еще оказать великую милость.

Но со смертію герцога, Анха становилась еще свободнѣе прежняго. Будучи дѣвушкой, она еще нѣсколько завистѣла отъ графини д'Альтамира. Будучи вдовой, она завистѣла только отъ самой себя.

Лерма сдержалъ свое слово и, въ день свадьбы, черезъ Фра-Гаспара де-Кордову, возвратилъ ей перехваченное письмо, которымъ могъ грозить. Онъ уже не имѣлъ надъ нею ни какой власти и не могъ принудить явиться ко двору, какъ общалъ королю, а король, болѣе нетерпѣливый и болѣе влюбленный чѣмъ когда-либо, безпрестанно повторялъ:

— Когда же герцогиня Сантаремъ представится мнѣ? Я хочу только видѣть ее.... Я хочу только говорить съ нею.... Но этого хочу непременно. Ты общалъ мнѣ....

Нечего было дѣлать, надобно было сказать королю, что это счастье еще отсрочивается, что Анха не можетъ быть представлена ко двору мужемъ, потому что этому препятствуетъ маленькое непредвидѣнное обстоятельство.... смерть мужа.

При этомъ извѣстїи, при мысли, что еще должно ждать, король такъ разгнѣвался на своего министра, что тотъ видѣлъ неизбежную свою гибель, если не выполнитъ даннаго общанія, во что бы то ни стало. Онъ снова поклялся представить Анху ко двору подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и хотя бы все вокругъ нея вымерло. Король опять улыбнулся и погода прояснилась.

Министръ началъ исполненіе клятвы съ того, что отставилъ толедскаго коррехидора и приказалъ строжайшимъ образомъ преслѣдовать убійцу герцога Сантарема.

На полѣ интриги ни чѣмъ не должно пренебрегать, потому что все можетъ вырости и дать плодъ. Герцогъ Лерма вспомнилъ объ участїи, которое въ этомъ дѣлѣ принималъ доиъ Фернандъ д'Альбайда. Онъ зналъ, что Фернандъ женихъ сеньоры Карменъ

д'Агиларъ. Можно было испугать дѣвушку насчетъ ея жениха, который безъ позволенія оставилъ свой постъ, вмѣшался въ темное дѣло и, слѣдовательно, подвергся гнѣву короля, то есть, министра. Можно было потомъ указать сеньорѣ Карменъ условіе прощенія и даже больше: можно было обѣщать новыя милости и отличія, если только Карменъ уговоритъ свою сестру Анху явиться ко двору вмѣстѣ съ нею. Это средство можно было испытать и министръ приваялся.

Между-тѣмъ сестры поспѣшили оставить сантаремскій замокъ и воротиться въ Мадридъ. Насчетъ Фернанда онѣ были спокойны, но трепетали только за Пикельо и за раненаго, страдающаго Иссида. Анха поспѣшила все рассказать королевѣ и просить ея заступничества. Хуанита, разумѣется, воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы исполнить порученіе. Будучи камеріерою, она нерѣдко оставалась одна при королевѣ.

Мargarита слушала рассказъ объ Анхѣ съ такимъ участіемъ, что Хуанита не примѣтила ея смущенія при имени Иссида. Но просить за него министра она не соглашалась.

— Не могу! сказала она съ такимъ выраженіемъ, что Хуанита удивилась и не знала, что подумать.

— Такъ бѣдный молодой человѣкъ долженъ умереть? сказала она съ участіемъ.

— Умереть! вскричала королева съ ужасомъ: вѣдь ты сказала, что онъ скрывается въ безопасномъ мѣстѣ?

— Развѣ это не значитъ умереть, когда не видишь солнца, когда проводишь жизньъ въ темницѣ!... О! я знаю, каково это! И если онъ не выдержитъ, если онъ непремѣнно захочетъ посмотрѣть на свѣтъ, а пуще всего на тѣхъ, кого любить!...

Королева вздрогнула.

— Если онъ осмѣлится выйти изъ своего убѣжища, его схватятъ и онъ долженъ будетъ умереть, а что я тогда скажу сестрѣ его?.. Я скажу, что королева отказалась спасти его, покинула на жертву палачамъ!

— Нѣтъ! нѣтъ! возразила королева, напрасно стараюсь скрыть свое смущеніе: но что мнѣ дѣлать!... я сама не знаю!...

Доложили о герцогѣ Лермѣ.

— Ахъ! вскричала Хуанита: видите, ваше величество, само небо посылаетъ Иссида спасеніе. Министръ не можетъ отказать, если королева скажетъ слово.

Хуанита не понимала, что вся трудность состояла въ томъ, чтобы выговорить это слово.

Министръ вошелъ. Онъ явился за приказаніями королевы насчетъ придворнаго спектакля. Хотѣли дать новую піесу Кальдерона, поставленную на сцену со всевозможнымъ великолѣпіемъ, потому что министръ употреблялъ всѣ средства, для того, чтобы потѣшить короля и хотъ временно отвлечь отъ страсти къ Анхѣ.

Никогда еще королева не бывала такъ внимательна, предупредительна и ласкова къ министру, какъ въ этотъ разъ. Она говорила очень много, однако жъ, къ великому удивленію Хуаниты, не касалась главнаго вопроса, ни слова не сказала о Іесидѣ.

— Я знаю, герцогъ, какъ вы поощряете литературу и искусства, говорила королева: мнѣ пріятно видѣть, какъ много они обязаны вамъ.... Они въ Испаніи никогда еще не процвѣтали такъ какъ подъ вашимъ управленіемъ.

— Ваше величество слишкомъ много изволите приписывать мнѣ, отвѣчалъ министръ съ поклономъ.

— Я хотѣла спросить васъ, герцогъ....

— Наконецъ! слава Богу, о Іесидѣ, подумала Хуанита.

— Я хотѣла спросить васъ, продолжала королева съ замѣшательствомъ: не вы ли.... не вашему ли покровительству мы обязаны развитіемъ таланта Кальдерона де-ла-Барки?

— Да, ваше величество, я смѣю похвалиться этимъ. Я привлекъ его ко двору, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы своей жизни и написалъ лучшія свои произведенія. Наши гранды и придворныя дамы доставляли ему не только образцы для характеровъ, но часто даже самыя сюжеты для піесъ.

— Какую же піесу даютъ завтра? Подъ какимъ заглавіемъ?

— «Огонь подъ золой, или Тайная любовь», отвѣчалъ министръ.

— Новая? спросила королева, смутившись больше прежняго.

— Совершенно новая, ваше величество.

— Благодарю васъ, герцогъ. Но еще.... я хотѣла спросить.....

Хуанита готова была досказать, о чемъ нужно спросить.

— Говорятъ, продолжала королева, что и бѣдный Сервантесъ вамъ обязанъ тѣмъ, что провелъ послѣдніе дни жизни спосиѣе прежнихъ?

— Это правда, ваше величество. Онъ и «Донъ-Кихота» своего посвятилъ моему зятю, графу де-Лемосу.

— Въ самомъ дѣлѣ? Этого я не знала!... Это очень хорошо, очень благородно....

— Не имѣете ли еще что приказать, ваше величество?

— Я?... Нѣтъ, герцогъ, кажется, мнѣ не о чемъ просить васъ.

— А о Іесидѣ! чутъ не сказала Хуанита.

Герцогъ, восхищенный любезностью королевы, не зная чему приписать такую благосклонность, и далъ себѣ слово по возможности поддерживать ее. На случай опалы у короля, Маргарита могла сдѣлаться довольно важною союзницей.

Въ эту минуту вошла графиня д'Альтамира. Она поклонилась министру съ такимъ ласковымъ и довольнымъ видомъ, что не могла не возбудить подозрѣнія. Графиня д'Альтамира обыкновенно была очень ласкова, когда несла досадныя вѣсти.

— Извините, если я помѣшала вамъ, герцогъ, сказала она: вы, кажется, изъявляли ей величеству свою вѣрноподданническую преданность.

— Точно такъ, графиня, я за счастье почитаю всякій случай выразить моей государынѣ свою почтительную и вѣчную любовь.

— Почтительную, можетъ быть! возразила графиня со смѣхомъ: но вѣчную.... это другая статья.

— Что это значить, сударыня? вскричалъ министръ.

— Это значить, что все зависитъ отъ опредѣленія. Что вы разумѣете подъ словомъ вѣчная?

— Вѣчно то, что продолжается всегда.

— Всегда.... То есть, и утромъ и вечеромъ.... то есть, цѣлый день?

— Всегда не значить только одинъ цѣлый день.

— А если у насъ и въ одинъ день утромъ питается одна преданность, а вечеромъ другая, тогда какъ мы это согласимъ... я ужъ не говорю, съ совѣстью, а только съ вашимъ опредѣленіемъ, герцогъ?

— Я не понимаю васъ, графиня.

— Жаль! А вѣдь я рассказываю очень недавній анекдотъ. Предметъ очень интересный. Я отдала бы его Кальдерону, если бы ему позволили обработать, какъ слѣдуетъ.

— Кто же помѣшаетъ? спросила королева.

— Дѣло въ томъ, ваше величество, что герой будетъ тотъ самый, кто даетъ автору тысячу червонцевъ пенсін.

— Какъ же это, герцогъ? спросила королева, обращаясь къ

министру: вы сейчас говорили мнѣ, что вы покровительствуете Кальдерону?

— Оно то и есть роковое покровительство! вскричала графиня: оно лишаетъ насъ превосходной новой комедіи въ трехъ суткахъ! Ваше величество сами можете посудить.... Я въ нѣсколькихъ словахъ расскажу содержаніе, если позволите.

Видя, что министръ началъ тревожиться, она весело продолжала:

— Первые сутки! Театръ представляетъ дворецъ. Въ этомъ дворцѣ есть король, который скучаетъ, хотя у него есть очаровательная супруга, достойная обожанія. Король ищетъ развлеченій и обращается къ своему министру.

— Графиня! вскричалъ герцогъ съ гнѣвомъ.

Но графиня не обратила вниманія и спокойно продолжала:

— Во дворцѣ есть также министръ.... Жаль, но безъ этого обойтись нельзя,—онъ долженъ играть роль... И такъ, король обращается къ министру. Министръ предлагаетъ своему повелителю.... для развлеченія.... одну изъ его подданныхъ.... мѣщанку, которую облагороживаютъ, дѣлаютъ герцогиней, въ ожиданіи лучшаго. Все это затѣмъ, чтобы удобнѣе было представить ее ко двору. Но.... вотъ тутъ-то интрига и завязывается! По капризу ли, или по расчету кокетства, но только новая герцогиня не желаетъ представляться ко двору....

— Вы позволите мнѣ замѣтить вамъ, графиня, что это данья, довольно невѣроятныя! сказалъ министръ, стараясь разсмѣяться.

— Да, конечно, невѣроятныя..... здѣсь, при дворѣ, замѣтила королева.

— Поэтому-то именно оно и интересно! возразила графиня и продолжала тѣмъ же тономъ: сутки вторыя! Чтѣ дѣлать министру въ отчаяніи? У новой герцогини, которая не хочетъ быть фавориткой, есть короткая пріятельница, молодая, прекрасная дѣвушка изъ хорошей фамиліи.... хоть бы, напримѣръ, Карменъ д'Агиларъ, моя племянница.....

Министръ поблѣднѣлъ.

— У этой дѣвушки есть женихъ, за котораго она скоро должна выйти замужъ, женихъ, котораго она очень любить. Въ одинъ прекрасный день министръ предлагаетъ молодой невѣстѣ или возвысить ея жениха и осыпать милостями или совершенно подвести подъ опалу, смотря потому, будетъ или не будетъ невѣста содѣйствовать видамъ его свѣтлости.....

— Не можетъ-быть! вскричала королева.

— Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ ея величества, холодно прибавилъ министръ: молодая, прекрасная невеста, вѣроятно, худо поняла министра, или она имѣетъ какую-нибудь родственницу, напримѣръ, тетку, которая помогла ей ложно перетолковать его рѣчи.

— Вы думаете? съ горечью спросила графиня.

— Или которая, вдаваясь сама въ подобныя интриги, вообразила ихъ тамъ, гдѣ ничего не было.

— Нѣтъ, нѣтъ, герцогъ, предложеніе было сдѣлано очень формально и отчетливо. Дѣвушкѣ предложено склонить, убѣдить свою подругу представиться ко двору.... то есть, въ другихъ словахъ, сдѣлаться любовницей короля, занять мѣсто королевы!.. Погодите, погодите, герцогъ! не перебивайте меня, не освистывайте моей пѣсы: мы еще только на второмъ актѣ.... Сутки третьи!..

— Все это нелѣпо! все это вздоръ! вскричалъ министръ.

— Правда, я ошиблась, сказала графиня съ усмѣшкою, обращаясь къ королевѣ: это еще не третьи сутки, а всё тѣ же вторые, потому что министръ въ тотъ самый день, почти въ тотъ самый часъ пошелъ увѣрять королеву въ *вѣчной* своей преданности. Послѣ этого благоволите рѣшить, ваше величество, какъ должно правильнѣе опредѣлить слово *вѣчная*? Ужъ, конечно, не такъ, какъ опредѣляетъ герцогъ.

Графиня сдѣлала большой реверансъ и ушла, оставивъ герцога въ ошмѣнніи отъ непредвидѣннаго, жестокаго пораженія. Онъ видѣлъ, что гроза разражается надъ нимъ съ такой стороны, съ какой онъ всего менѣе ожидалъ ея. Всѣ замыслы его разрушались и исполнить данное королю обѣщаніе становилось рѣшительно невозможнымъ. Подъ какимъ бы предлогомъ онъ ни выдумалъ теперь представить Анху ко двору, королева воспротивится. Она не захочетъ принять явной соперницы, а слабый король, обремененный справедливыми упреками, за гнѣвъ жены и за потерю любовницы жестоко отомститъ министру, который не сумѣлъ ни сохранить его тайны, ни удовлетворить желанія.

Все это слѣдовало необходимо, неизбѣжно. Министра ожидала вѣрная она. Онъ опустилъ глаза въ землю и на коврѣ, казалось, читалъ свой приговоръ. Наконецъ, рѣшившись выдержать неотвратимую бурю, сколько можно, составивъ себѣ спокойную фантозію, съ улыбкой, — съ придворною улыбкой, которая

значить все и ничего не значить, — онъ осмѣлился взглянуть на королеву.

То, что онъ увидѣлъ, снова сбило его расчетъ и въ-конецъ уничтожило всю пронизательность. Въ-место досады и негодованія, которыя ожидалъ встрѣтить на лицѣ оскорбленной жены и королевы, онъ увидѣлъ что-то похожее на удовольствіе, на торжество. На губахъ Маргариты мелькала полу-веселая, полу-насмѣшливая улыбка. Она смотрѣла на министра молча, но ободрительно. Она ждала, чтобы онъ первый заговорилъ.

Лерма поспѣшилъ воспользоваться предоставленною выгодою.

— Я надѣюсь, что ваше величество не осудите меня, не выслушавши, сказалъ онъ запинаясь: если я и виноватъ въ этомъ случаѣ... если по-крайней-мѣрѣ такъ кажется... то это потому только, что такъ перетолкованъ поступокъ самый невинный.....

— Въ самомъ дѣлѣ? весело возразила королева: такъ растолкуйте же мнѣ это, пожалуйста.

— Кругъ вашего величества достоинъ всякаго уваженія, продолжалъ герцогъ: онъ составленъ изъ прекрасныхъ... изъ женщинъ, которыя признаны и прославлены прекрасными давно... быть-можетъ ужъ слишкомъ давно... и я, безразсудный, не подумавши о смертельныхъ врагахъ, которыхъ могу важить... вздумалъ украсить этотъ вѣчно-свѣжій вѣпокъ нѣсколькими новыми цвѣтками... еще по-свѣжѣе.

— А! понимаю. Вы хотѣли обновить мой дворъ. Вы правы, это не худое дѣло. А эти дамы, начиная съ графини, обвиняютъ васъ, будто бы вы дѣлаете для короля, что дѣлаете собственно только для меня?

— Я надѣюсь, ваше величество, что вы не повѣрите клеветѣ.

— Не бойтесь, не повѣрю, съ важностью отвѣчала королева: вы, герцогъ, въ такихъ лѣтахъ!... человѣкъ такой серьезный, братъ великаго инквизитора!... притомъ же человѣкъ до такой степени занятый!...

У министра было слишкомъ много ума, чтобы вообразить, что королева вдается въ обманъ, и довольно смѣтливости, чтобы понять, что она готова простить, — съ какимъ намѣреніемъ, этого онъ не могъ объяснить себѣ, но въ эту минуту и не заботился. Онъ съ жаромъ продолжалъ:

— Вотъ для чего, ваше величество, я недавно настоялъ на

томъ, чтобы представить дочь донъ-Хуана д'Агиляра, а теперь уговаривалъ ее, чтобы она привезла съ собою и герцогиню Сантаремъ.

— Такъ герцогиня Сантаремъ очень хороша? спросила королева съ коварною улыбкой.

— Да, ваша величество, отвѣчалъ министръ съ смущеніемъ: она не дурна.

— Недурна! этого мало для обновленія нашего вѣнка, герцогъ. Нужно, чтобы она была совершенно хороша.

— Она хороша, ваше величество.

— Я бы хотѣла еще больше. Я бы хотѣла, чтобы она была очень хороша, прекрасна!

— Да... впрочемъ, отвѣчалъ герцогъ, подозрѣвая какую-нибудь западню: многіе, дѣйствительно, находятъ, что она красива... но я...

— О! вы, герцогъ!... Гдѣ же вамъ знать толкъ въ этомъ! Я это понимаю лучше. Я сама хочу видѣть и судить.

— Вы, ваше величество! вскричалъ съ испугомъ министръ.

— Говорятъ, она вдова? продолжала королева, не обращая вниманія на безпокойство герцога.

— Точно такъ, ваше величество.

— Тогда я не вижу, какимъ образомъ она можетъ бывать при моемъ дворѣ безъ всякаго личнаго титула и не занимая ни какого штатнаго мѣста при мнѣ. Это было бы неприлично. Скажите ей, герцогъ, что я принимаю ее въ число моихъ штатсъ-дамъ, если она хочетъ принять этотъ титулъ.

Этотъ новый неожиданный оборотъ, болѣе поразительный нежели всѣ прочіе, привелъ герцога въ совершенное остолебѣніе. Онъ былъ и радъ и удивленъ, но радости еще мѣшало сомнѣніе: онъ не смѣлъ вѣрять тому, что слышалъ. Послѣ совершеннаго изложенія, онъ вдругъ увидѣлъ себя поднятымъ на вершину, и къмъ же? Тою, отъ которой ожидалъ своей гибели.

Все, что онъ обѣщалъ королю; все, чего онъ надѣялся; все, чего онъ добивался неимоверными успѣхами интриги; все это королева сама предлагала ему въ такомъ приличномъ и почтенномъ видѣ, что злословію не доставалось ни малѣйшей пищи.

Но что же у королевы было на умѣ? Что-нибудь необходимо было; но этого ни министръ, ни Хуанита не отгадали.

Министръ поклонился и сказалъ:

— Я сегодня же увѣдомлю герцогиню Сантаремъ о чести, какую вашему величеству угодно оказать ей.

— Да, только въ такомъ случаѣ, если она согласится.... Нужно, чтобы она согласилась. Не забудьте этого. Я никого не хочу принуждать.

Герцогъ вышелъ. Онъ былъ на верху блаженства.

— Хуанита, сказала королева: бѣги сейчасъ къ Анхѣ и скажи, чтобы она отказала.

— Какъ, ваше величество! вскричала Хуанита съ удивленіемъ: герцогъ предложить ей бывать здѣсь, жить подлѣ васъ, видѣть васъ ежедневно.... Вѣдь это счастье, которое превзойдетъ всѣ ея желанія!....

— И въ-особенности всѣ желанія министра.

— Неужели она должна отказаться?

— Непремѣнно. Пусть она согласится только въ такомъ случаѣ, когда министръ подпишетъ прощеніе ея брату, Исиду.

— А! теперь я понимаю! вскричала Хуанита: и вы думаете, что министръ согласится?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— О! это прекрасно! Такъ я сейчасъ побѣгу.

Хуанита въ буквальномъ смыслѣ побѣжала.

Королева, оставшись одна, оглянулась и вполголоса сказала:

— Онъ будетъ свободенъ, онъ будетъ спасенъ.... и не я это го требую!

Невозможно описать бѣшенства и изумленія графини д'Альмира, когда она узнала о развязкѣ сцены, которую такъ прекрасно приготовила. Но несмотря на злость, она не могла отказать ненавистному врагу въ удивленіи. Какъ онъ выпутался изъ такого положенія? И выпутался съ честію! Какою хитростью, какою подостью, какою геніяльною продѣлкой онъ не только доказалъ королевѣ свою невинность, но и заставилъ ее покровительствовать соперницѣ? Это было непостижимо, и графиня въ первый разъ привуждена была сознаться, что герцогъ Лерма— великій министръ. Это сознание удвоило ея злобу и желаніе свергнуть министра. И съ той минуты она выше и дальше стала искать средствъ къ достиженію своей цѣли.

Герцогъ между-тѣмъ торжествовалъ и, подобно многимъ случайнымъ побѣдителямъ, въ упоеніи отъ удачи, которой не понималъ, въ самодовольномъ восхищеніи побѣжалъ къ королю съ извѣстіемъ, что желаніе его исполнено: Анха будетъ при дворѣ не только представлена, но и опредѣлена. Онъ рассказалъ, что

герцогиня Сантареиъ сначала не рѣшалась и предложила усло-
віе....

— Слѣдовало выполнить условіе, успѣшно замѣтилъ король.

— Я и выполнилъ, ваше величество, отъ вашего имени. Оно состоитъ въ прощеніи одного Мавра, Іесида д'Альберика, кото-
рый дрался на дуэли съ христіаниномъ. Я уже приказалъ при-
готовить бумагу объ этомъ. Сеньора Анха желаетъ имѣть ее въ
рукахъ прежде нежели явится ко двору.

— Для чего же прежде?

— Для того, чтобы поблагодарить ваше величество при первой
встрѣчѣ.

И министръ распространился насчетъ ловкости и глубокой
дипломатіи, которую нужно было развернуть, чтобы заставить
королеву самое потребовать Анху ко двору и потребовать ея
опредѣленія въ штатсъ-дамы. Король слушалъ съ удовольствіемъ
и вполне раздѣлялъ мнѣніе графини д'Альтамира.

— Право, у меня великій министръ! думалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ великаго министра, коро-
лю доложили о великомъ инквизиторѣ Роясѣ де-Сандовалѣ и объ
архіепископѣ Рибейрѣ.

Представители духовной власти не могли выбрать болѣе бла-
гопріятной минуты для своего прихода: король былъ въ самомъ
милостивомъ расположеніи.

Великій инквизиторъ успѣшилъ рассказать его величеству,
что всѣ права и преимущества инквизиціи самымъ непозволи-
тельнымъ образомъ нарушены и что особѣ достопочтеннаго ар-
хіепископа валенсійскаго нанесено самое непростительное оскор-
бленіе, и все это причинило и сдѣлало братство езуитовъ, кото-
рое своевольно и незаконно задержало и укрыло у себя неофи-
та, дерзко и неблагодарно отвергнувшаго отеческія попеченія
архіепископа. Неофита этого езуиты укрываютъ въ Хенарес-
скомъ Монастырѣ подъ предлогомъ пріюта. Святая инквизиція
всегда первая признаетъ права пріюта церквей и монастырей,
однако жъ не можетъ допустить, чтобы право это было неогра-
ниченно и употреблялось во зло. На этомъ основаніи совѣтъ ин-
квизиціи опредѣлялъ ограничить право пріюта продолженіемъ
двухъ недѣль и приготовилъ приказъ хенаресскому езуитскому
монастырю немедленно выдать чиновникамъ инквизиціи укрыва-
емаго неофита, изъ Мавровъ, который пользуется пріютомъ уже
болѣе четырехъ недѣль, и такъ далѣе.

Эти двѣ бумаги инквизиторъ принесъ королю къ поднесанію и вмѣстѣ съ архіепископомъ готовился поддерживать всѣми доводами, какіе внушить намѣреніе архіепископа. Но король не далъ имъ долго тратиться на краснорѣчіе.

— Дайте, отцы мои, дайте. Если вы находите, что это справедливо и нужно, такъ я согласенъ. Я подпишу. Первая и священнѣйшая моя обязанность заботиться о пользахъ и ненарушимости правъ Церкви.

Король сталъ искать пера.

— Нашъ король всё тотъ же Филиппъ-Благочестивый-Католическій! сказалъ вполголоса Рибейра, но такъ, чтобы король могъ слышать.

— Всё тотъ же мечъ правды и щитъ вѣры! прибавилъ инквизиторъ.

Филиппъ-Благочестивый-Католическій вовсе не имѣлъ привычки читать скучныя бумаги, которыя подписывалъ для блага своего народа и огражденія Церкви. Глаза его совершенно нечаянно упали на середину листа, который надлежало подписать, и онъ увидѣлъ имя Пикильо Аллыага.

— Пикильо Аллыага!... повторилъ король: это имя чтѣ-то знакомо мнѣ.... Ахъ, да! прибавилъ онъ просебя: это вѣрно, тотъ самый, котораго обѣщалъ отыскать донъ-Августинъ де-Вилламоръ!

— Мы отыскали его, сказалъ Рибейра: онъ находится въ Хенаресскомъ Монастырѣ, у езуитовъ.

— Это тотъ самый, котораго мы хотимъ вытребовать, прибавилъ Сандоваль.

— Для чего? спросилъ король.

— Его нужно наказать, ваше величество. Онъ....

— Наказать? Я не хочу, чтобы его наказали. Я не хочу, чтобы онъ былъ заключенъ въ темницу инквизиціи. Я обѣщалъ освободить его.

— Кому же вы изволили обѣщать, ваше величество?

— Кому?... Мнѣ.... самому себѣ.

— Такъ ваше величество изволите знать этого человѣка?

— Я? нѣтъ.

Эти слова были произнесены такимъ твердымъ, рѣшительнымъ тономъ, какого великій инквизиторъ еще не слыхивалъ у Филиппа-Благочестиваго-Католическаго. Онъ посмотрѣлъ на Рибейру, Рибейра посмотрѣлъ на него и оба глазами говорили другъ другу:

— Я рѣшительно не понимаю, что это значитъ!

— У нашего Филиппа-Благочестиваго-Католическаго начинается проявляться характеръ!

— Это неприятное извѣстіе!

Король между-тѣмъ собственноручно написалъ повелѣніе и позвонилъ.

Каммеръ-лакей вошелъ.

— Есть кто-нибудь изъ офицеровъ въ приемной?

— Есть, ваше величество: довь-Фернандъ д'Альбайда, который пришелъ дать отвѣтъ министру за отлучку безъ позволенія изъ Лиссабона.

— Онъ послѣ отвѣтитъ министру. Пусть сперва повинуется мнѣ. Позвать его.

Сандоваль и Рибейра снова переглянулись и посмотрѣли на короля, чтобы удостовѣриться, не помѣшался ли онъ.

Фернандъ д'Альбайда явился.

— Отправляйся сейчасъ же, немедленно, въ хенаресскій езуитскій монастырь, сказалъ ему король: покажи почтеннѣйшимъ отцамъ это повелѣніе и потребуй, чтобы безъ отлагательства, при тебѣ же освободили означеннаго здѣсь Пикильо Алльагу.

— Пикильо Алльагу! повторилъ Фернандъ съ удивленіемъ.

— Да. Ты знаешь его?

— Знаю, ваше величество.

— Значитъ, ты знаешь больше меня.

— Это прекрасный и достойный молодой человѣкъ, ваше величество: человѣкъ съ благороднымъ сердцемъ и большими дарованіями.

— Слышите, отцы мои? спросилъ король.

— Онъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ покровительства вашего величества.

— Слышите, слышите, отцы мои?... Ступай же, д'Альбайда, отправляйся.... Ахъ!... погоди, продолжалъ король снова принимаясь писать: или нѣтъ.... нѣтъ, эту записку я съ другимъ пошлю.

Фернандъ поклонился и вышелъ.

Король написалъ слѣдующую записку:

« Король спѣшитъ исполнить обѣщаніе, которое далъ прекрасной сеньорѣ Анхѣ довь-Августинѣ де-Вилламоръ. Нынче вечеромъ Пикильо Алльага будетъ свободенъ».

Потомъ, взглянувъ на Сандоваль и Рибейру, которые всё-еще стояли передъ нимъ какъ вкопанные, онъ сказалъ:

— Я васъ не держу, отцы мои.

И представители духовной власти въ Испаніи вышли со стыдомъ и досадой.

На лѣстницѣ они встрѣтили герцога Лерму, которому Сандоваль тотчасъ все разсказалъ.

— Это непостижимо! прибавилъ Рибейра: я рѣшительно не понимаю, что сдѣлалось съ королемъ.

— А я не понимаю, что сдѣлалось съ королевой, отвѣчалъ министръ.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

KOSMOS.

(МИРОЗДАНИЕ.)

=

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Оптическія изслѣдованія надъ различіемъ между свѣтящеюся точкою и дискомъ съ измѣримымъ угломъ, въ которомъ свѣтъ сохраняетъ одинаковую силу на всякомъ разстояніи, помѣщены въ *Analyse des travaux de Sir William Herschel Arago* (Annuaire du Bureau des long. 1842 p. 410, 412 и 441.)

2. Оба Магеллановы облака, *Nubecula major* и *minor* очень замѣчательны. Большее изъ нихъ состоитъ изъ скопленія звѣздныхъ кучъ, неправильнаго вида, изъ шарообразныхъ кучъ и изъ туманныхъ звѣздъ различной величины и плотности. Между ними лежатъ большія, неразлагаемыя на звѣзды, туманные пятна, вѣроятно, — звѣздная пыль (*star-dust*); разсматриваемые даже въ двадцати футовый телескопъ онѣ представляются въ видѣ простыхъ свѣтлыхъ мѣстъ, образующихъ блестящее поле, на которомъ разсыпаны другіе предметы страннаго и необыкновеннаго вида. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ неба на такомъ маломъ пространствѣ не стѣснено такого множества звѣздныхъ и туманныхъ кучъ. *Nubecula minor* гораздо менѣе красиво;

имѣть его туманище и мѣше ясель и оно не представляетъ соединенія такого множества звѣздъ, какъ большое.» Замѣчаніе, заимствованное изъ письма Сира Джона Гершеля. Фельдгуизенъ на Мысь Доброй Надежды, 13-го Юня 1836).

3. При словахъ «небесный садъ» я бы привелъ прекрасное выраженіе «*Xor̄tos our̄wou*», заимствованное Гезихіемъ у неизвѣстнаго стихотворца, если бы слово *Xor̄tos* не означало вообще ограниченнаго мѣста и слѣдовательно «небесное пространство.» Сродство этого слова съ нѣмецкимъ *Garten* (по Якову Гримму, готское *garda* происходитъ отъ *gairdan, singere*) ясно видно; также и сродство съ Славянскимъ градъ, городъ, и какъ замѣтилъ Поттъ, (*Etymologische Forschungen*, Ч. I, стр. 144), съ Латинскимъ *chor̄s* (откуда *cor̄te, cour̄t.*) и съ Оссетинскимъ *kbart*. Сюда еще относятся Норманское *gard, gärd* (ограда или дворъ, усадьба) и Персидское *gerd, gird*, округъ, кругъ или царская резиденція, замокъ или городъ; какъ на примѣръ въ старинныхъ названіяхъ мѣсть въ Шахнаме Фирдуси: *Silvak-girdъ, Дарабгирдъ* и тому подобное.

4. Для α Centauri по измѣреніямъ Меклира, (результаты 1839 и 1840 годовъ) въ *Transact. of the astron. Soc. Vol. XII pag. 370*, вѣроятная средняя погрѣшность паралакса, $0'',0640$; для β Cygni см. Бесселя въ *Jahrbuch Шумахера. 1836, стр. 47 — 49* и въ *Astronomische Nachrichten Шумахера, часть 17, стр. 401—402*, средняя погрѣшность = $0'',0141$. Касательно относительной отдаленности звѣздъ различныхъ порядковъ, того, что звѣзды третьей величины, вѣроятно, втрое болѣе отдалены, и того, какимъ образомъ должно представлять себѣ стереометрическую фигуру звѣздныхъ пластовъ, въ *Epitome Astronomiæ Copernicanæ 1618. T. I. lib. 1. p. 34—39*. Кеплеръ говоритъ: «*Sol hic noster nil aliud est quam una ex fixis, nobis, major et clarior visa, quia propior quam fixa. Pone terram stare ad latus uno semidiametro viae lacteae, tunc hæc via lactea apparebit circulus parvus, vel ellipsis parva, tota declinans ad latus alterum; eritque simul uno intuitu conspicua, quæ nunc non potest nisi dimidia conspicit quovis momento. Itaque fixarum sphaera non tantum orbe stellarum, sed etiam circulo lactis versus nos deorsum est terminata.*»

5. «*Si dans les zones abandonnées par l'atmosphère du soleil, il s'est trouvé des molécules trop volatiles pour s'unir entre elles ou aux planètes, elles doivent en continuant de circuler autour de cet astre, offrir toutes les apparences de la lumière zodiacale, sans opposer de résistance sensible aux divers corps du système planétaire, soit à cause de leur extrême rareté, soit parce que leur mouvement est à fort peu près le même que celui des planètes qu'elles rencontrent.*» Laplace. *Exp. du Syst. du Monde* (éd. 5), p. 415.

6. Laplace, тамъ же, стр. 396 и 414.

7. Littrow *Astronomie*, 1825, часть II, стр. 107. *Müller Astr.* 1841, стр. 212. *Laplace*, стр. 210.

8. Кеплерово мнѣніе объ уменьшеніи плотности и увеличеніи объема планеты по-мѣрѣ отдаленія ихъ отъ солнца, гдѣ принимается, что центральное тѣло, солнце, — самое плотное небесное тѣло, помѣщено въ *Britome Astron. Opera*, in VII libros digesta 1618 — 1622, p. 420. Лейбницъ держался мнѣнія Кеплера и Оттона Герике, что планеты увеличиваются по-мѣрѣ удаленія своего отъ солнца. См. письмо его къ Магдебургскому бургомистру (Майницъ, 1671), въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ Лейбница, изданныхъ Гуттауеромъ. Часть I, стр. 264.

9. О сравненіи (супоріа) массъ: Энке въ *Schumacher's Astr. Nachr.* 1843, № 488, S. 114.

10. Если, по Буркгарду, радиусъ луны $= 0,2725$ и ея объемъ $= \frac{1}{40,00}$ то ея плотность $= 0,5596$, почти $\frac{5}{9}$. Сравни также сочиненіе Вильгельма Бера и Медлера «*der Mond*», стр. 2 и 10, также «*Astronomie*» Медлера, стр. 157. По Гавзену объемъ луны составляетъ почти $= \frac{1}{64}$, (по Медлеру $\frac{1}{40,4}$) объема земли, ея масса $= \frac{1}{81,73}$ массы земли. Отношеніе объема самаго большаго, третьяго спутника Юпитера, къ главной планетѣ $= \frac{1}{13370}$, массы, $= \frac{1}{11300}$. О сплюснутости Урана. См. *Schum. Astron. Nachr.* 1843, № 493.

11. Беръ и Медлеръ въ «*der Mond*», § 185, стр. 208 и § 347, стр. 332. Смотри ихъ же сочиненіе «*Phys. Kenntniss der himml. Körper*», стр. 4 и 69, Tab. I.

12. Четыре древнѣйшія кометы, которыхъ орбиты можно было опредѣлять, во наблюденіяхъ Китайцевъ, — кометы въ 240 года (при Гордіанѣ-Третьемъ), 539 года (при Юстиніанѣ), 565 и 837 годовъ. Между-тѣмъ какъ Людовикъ Набужный, испуганный послѣднею изъ этихъ кометъ, находившосою по Сомуру, вирожденіемъ цѣлыхъ сутокъ, только въ пятьсотъ тысячъ миляхъ разстоянія отъ земли, думалъ о построеніи монастырей, китайскіе астрономы по всѣмъ правкамъ науки изслѣдовали орбиту звѣзды, которой хвостъ, длиною въ 60° , представлялся то раздвоеннымъ, то цѣльнымъ. Первая комета, которой орбита была опредѣлена европейскими наблюденіями, появилась въ 1456 году, именно, комета Галлея. *Agago* въ *Annuaire* 1836, p. 204. Смотри ниже, прилѣжаніе 26.

13. *Agago* въ *Ann.* 1832, p. 209 — 211. Комета 1402 года была видна при солнечномъ свѣтѣ, подобно кометѣ 1843, которую 28-го февраля между 1 — 3 часами пополудни, въ Соединенныхъ штатахъ видѣлъ Кларкъ. Можно было точно измѣрить разстояніе между краемъ солнца и очень плотнымъ ядромъ. Хвостъ и ядра походила на бѣлое, очень чистое облако; только между хвостомъ и ядромъ было темное пространство. *Amer. Journ. of Science*, vol. XLV, № 1, p. 229. (*Schum. Astr. Nachr.* 1843, № 491, стр. 175).

14. *Philos. Transact. for 1808*, стр. II, стр. 155 и *for 1808*, стр. I, стр. 188-Диаметры ядеръ, опредѣленные Гершелемъ, равнялись 538 и 428 английскихъ мильнъ. Смотри у *Arago* въ *Annuaire pour 1832*, стр. 203, касательно объема кометъ 1798 и 1805 годовъ.

15. *Arago, des changements physiques de la Comète du Halley du 15 — 23, Oct. 1835*, въ *Annuaire* 1836, p. 218—221. Обыкновенное направление хвостовъ было уже замѣчено при Неронѣ. «*Comae radios solis effugiunt*». говоритъ Сенека въ *Nat. Quaest. VII*, 20.

16. Бессель въ *Astron. Nachr.* 1836, № 300—302, стр. 188, 192, 197, 200, 202, 230. Онъ же въ *Jahrb. Shum.* 1837, стр. 149—168. Вилляимъ Гершель полагаетъ, что прекрасная комета 1811 года, представляетъ доказательства обращенія хвоста и ядра около оси. (*Philos. Transact. for. 1812*, p. I, p. 140); тоже замѣтилъ и Дунлопъ въ третьей кометѣ 1825 года, въ *Параматтѣ*.

17. Бессель въ *Astron. Nachr.* 1836, № 302 стр. 231. (*Schnm. Jahrb.* 1837, стр. 175). Смотри *Леманна über Kometenschweife* въ *Astron. Jahrb.* Боде 1826, стр. 168.

18. *Arist. Meteor. I*, 8, 11—14 и 19—21. (Изд. Иллера, Т. I, p. 32—34) *Бизе. Phil. des Aristoteles.* Часть II, стр. 86. Вліяніе, которое Аристотель имѣлъ на всѣ средніе вѣка, заставляетъ сожалѣть зачѣмъ онъ вооружался противу великихъ и близкихъ къ истинѣ взглядовъ на мірозданіе древнѣйшихъ Пифагорейцевъ. Онъ говоритъ, что кометы — проходящіе метеоры, принадлежащіе нашей атмосферѣ, въ той же книгѣ, гдѣ онъ приводитъ мнѣніе Пифагорейской школы, (*Aristot. I*, 6, 2), по которому кометы — планеты долгаго обращенія. Такое ученіе Пифагорейцевъ, которое по свидѣтельству Аполлонія Миндійскаго, явилось прежде всего у Халдѣйцевъ, перешло послѣ къ Римлянамъ. Аполоній говоритъ, что орбиты кометъ простираются далеко въ верхнія небесныя пространства. Поэтому и Сенека говоритъ (*Nat. Quaest VII*, 177): «*Cometes non est species falsa, sed proprium sidus sicut solis et lunae: altiora mundi secat et tunc demum apparet quum in imum cursum sui venit; и (VII, 27): Cometas aeternas esse et sortis ejusdem cujus caetera (sidera), etiamsi faciem illis non habent similem*». Плиній (II, 25) также нагѣкаетъ на Аполлонія Миндійскаго, говоря: «*Sunt qui et haec sidera perpetua esse credant suoque ambitu ire, sed non nisi relicta a sole cerni*».

19. Ольберсъ въ *Astron. Nachr.* 1828, стр. 157 и 184. *Arago de la constitution physique des comètes*, въ *Annuaire de 1832*, p. 218—208. Уже древніе находили страннымъ, что сквозь кометы можно видѣть предметы такъ же ясно, какъ сквозь пламя. Древнѣйшее наблюденіе надъ звѣздами, видными черезъ кометы — свидѣтельство Демокрита (*Aristot. Meteor. I*, 6, 11). Этотъ фактъ привелъ Аристотеля къ неважному замѣчанію, что онъ видѣлъ покрытіе одной изъ звѣздъ Ближнецовъ Юпитеромъ. Сенека

только упоминаеть о прозрачности хвоста; онъ говоритъ: «Звѣзды видѣются за кометами, какъ будто за облакомъ (Nat. Quaest. VII, 18), но онѣ видны только за хвостомъ, а не за ядромъ: non in ea parte qua sidus ipsum est spissi et solidi ignis, sed qua rarus splendor occurrit et in erines dispergitur; per intervalla ignium, non per ipsos vides», (VII, 26). Последнее прибавленіе излишне, потому что, какъ уже замѣтилъ Галлеи, (Lettera a Monsignor Cesarini 1619), предметы видны сквозь пламя тогда, если оно не слишкомъ густо.

20. Бессель въ *Astron. Nachr.* 1836, № 301, стр. 204—206. Струве въ *Resueil des Mém. de l'Acad. de St. Pétersb.* 1836, p. 140—143, и *Astron. Nachr.* 1836, № 303, стр. 238. Въ Дерптѣ звѣзда находилась въ разстояніи только 2", 2 отъ самаго свѣтлага мѣста кометы. Звѣзда оставалась видимою и свѣтъ ея незаметно уменьшился, между-тѣмъ какъ казалось, что ядро кометы затускнѣло отъ блеска маленькой звѣзды (9-й — 10-й величины).

21. Первые опыты изслѣдованія свѣта кометъ посредствомъ поляризаціи, были произведены Араго 31-го іюля 1819 года, вечеромъ, при внезапномъ появленіи большой кометы. Я находился въ то время на обсерваторіи и удостовѣрился вмѣстѣ съ Матьё и астрономомъ Буваромъ, что свѣтвые изображенія въ полярископѣ не были одинаковы сильны, если инструментъ получалъ свѣтъ отъ кометы. Изображенія Капеллы, находившейся вблизи кометы и на одинаковой съ нею высотѣ, имѣли одинаковую силу. Во время появленія кометы Галлея въ 1835 году, весь приборъ былъ такъ устроенъ, что на основаніи хроматической поляризаціи, открытой Араго, производилъ два изображенія дополнительныхъ цвѣтовъ (зеленаго и краснаго). *Annales de Chimie*, T. XIII, p. 108. *Annuaire* 1832, p. 216. «On doit conclure» говорить Араго «de l'ensemble de ces observations que la lumière de la comète n'était pas en totalité composée de rayons doués des propriétés de la lumière directe, propre ou assimilée: il s'y trouvait de la lumière réfléchie spéculairement ou polarisée, c'est à dire venant du soleil. On ne peut assurer d'une manière absolue que le comètes brillent seulement d'un éclat d'emprunt. En effet, en devenant lumineux par eux mêmes, les corps ne perdent pas pour cela la faculté de réfléchir des lumières étrangères».

22. Араго въ *Ann.* 1832, p. 217 — 220. Сиръ Джонъ Гершель, *Astron.* § 488.

23. Энке въ *Astron. Nachr.* 1843, № 489, стр. 130 — 132.

24. Laplace *Exp. du Syst. du monde*, p. 216 и 237.

25. Littrow, *Beschreibende Astron.* 1835, № 274. См. Schum. *Astron. Nachr.* 1844, № 495. О внутренней кометѣ, открытой недавно господиномъ Фаёе съ парижской обсерваторіи, которой эксцентриситетъ = 0,551, перигелия 1,690 и афелия 5,832, см. Шумахера *Astron. Nachr.* 1844, № 495. О предполагаемой тождественности кометы 1766 года, съ третьею кометою 1819 года, см. *Astron. Nachr.* 1833, № 239. О тождественности ко-

ноя 1743 года, съ четвертою кометою 1819 года, смотри тамъ же, стр. 237.

26. *Loge* въ *Comptes rendus des Séances de l'Academie* 1843, Т. XVI, р. 1006.

27. *Fries*, *Vorlesungen über die Sternkunde* 1833, стр. 262 — 207. Неудачное доказательство существованія кометъ, приносящихъ благополучіе, находится у *Севеки* (*Nat. Quæst.* VII, 17 и 21); философъ говоритъ о кометѣ: «*Quem nos Neronis principatu lactissimo vidimus et qui cometis detrahit infamiam.*»

28. Одинъ изъ моихъ друзей, человѣкъ чрезвычайно искусный въ тригонометрическихъ измѣреніяхъ, замѣтилъ въ Полявѣ, городѣ находящемся подъ 2° 26' сѣверной широты и 5520 футовъ надъ поверхностью моря, около полудня и при ясномъ небѣ, въ 1788 году, что его комната освѣтилась свѣтлымъ огненнымъ шаромъ. Онъ въ это время стоялъ спиною къ окну и обернувшись, успѣлъ еще замѣтить большую часть орбиты огненного шара въ полномъ блескѣ.

29. По извѣстіямъ, сообщеннымъ *Денисономъ Олмстетономъ*, профессоромъ въ *Yale-College*, въ Нью-Гавѣ, (Коннектикутѣ). См. *Poggend. Annalen der Physik*, Bd. XXX, стр. 194. Кеплеръ, который изгоняетъ изъ астрономіи огненные шары и падающія звѣзды, потому что, по его мнѣнію, это метеоры, образующіеся изъ земныхъ испареній и смѣшивающіеся съ плавающимъ въ высотѣ зенронъ, вообще судить объ нихъ очень осторожно. *Stellæ cadentes*, говоритъ онъ, *sunt materia viscida inflammata.* *Barum aliquæ inter cadendum absumuntur, aliquæ vere in terram cadunt, pondere suo tractæ.* *Nec est dissimile vero quasdam conglobatas esse ex materia foeculenta in ipsam aëram ætheream immixta: exque ætheris regione, tractu rectilineo, per ærem trajicere, seu minutos cometas, occulta causa motus utroque.* Кеплеръ, *Epit. Astron. Copernicanae*, Т. I, р. 80.

30. *Relation historique*, Т. I, р. 80, 213 и 527. Если принять, что падающія звѣзды, подобно кометамъ, имѣютъ голову (ядро) и хвостъ, то по продолжительности и силѣ блеску хвоста, можно судить о прозрачности атмосферы тропическихъ странъ. Изъ того, что явленіе можетъ быть удобнѣе и долѣе видимо тамъ, нежели въ другихъ мѣстахъ не должно заключать, чтобы оно случалось чаще. Вліяніе, которое состояніе атмосферы оказываетъ на падающія звѣзды въ нашей умѣренномъ полѣ, обнаруживается при очень незначительныхъ расстояніяхъ. *Вартманъ* рассказываетъ, что при одномъ ноябрьскомъ феноменѣ, отношеніе между числомъ сочитанныхъ метеоровъ, которые были видны въ Женевѣ и въ *Planchettes*, составляло 1 : 7. (*Вартманъ*, *Mém. sur les étoiles filantes*, р. 17.) Хвосты падающихъ звѣздъ, надъ которыми *Брандесъ* произвелъ такъ много точныхъ и тонкихъ наблюденій, нельзя считать простымъ слѣдствіемъ продолжительности раздраженія слѣточной оболочки глаза. Хвостъ остается виднымъ

цѣлую минуту; въ рѣдкихъ случаяхъ долге, нежели свѣтъ ядра, и тогда свѣтящаяся орбита обыкновенно бываетъ неподвижна. (Gilb. Ann. Ч. XIV, стр. 251). И это обстоятельство доказываетъ аналогію между большими падающими звѣздами и огненными шарами. Адмиралъ Крузенштернъ, во время своего путешествія вокругъ свѣта, видѣлъ, что хвостъ давно исчезнувшаго огненного шара, оставался въ полномъ свѣтѣ втеченіи цѣлаго часу и не замѣчалъ въ немъ сильнаго движенія. (См. путешествіе его. Ч. I, стр. 58). Сэръ Александръ Борнессъ, прелестно описываетъ прозрачность сухой атмосферы въ Бохарѣ, находящейся въ 1200 футовъ надъ поверхностью моря и подъ 39° 43' широты. «There is a constant serenity in its atmosphere and admirable clearness in the sky. At night the stars have uncommon lustre, and the milky way shines gloriously in the firmament. There is also a neverceasing display of the most brilliant meteors, which dart like rockets in the sky: ten or twelve of them are sometimes seen in an hour assuming every colour; fiery, red, blue, pale and faint. It is a noble country for astronomical science and great must have been the advantage, enjoyed by the famed observatory of Samarkand». Burnes, Travels into Bokhara. Vol. II (1834), стр. 158. Нельзя упрекнуть одинокаго путешественника за то, что онъ называетъ многочисленными 10—12 падающихъ звѣздъ въ часъ; тщательными наблюденіями доказано, что на полѣ зрѣнія одного человѣка въ Европѣ, въ часъ, среднимъ числомъ, является осемь метеоровъ. (Quetelet, Congres. mathém. Nov. 1837, p. 447); несмотря на то, что такой наблюдатель какъ Ольберсъ (Schum. Jahrb, 1838, стр. 325), допускаетъ не болѣе пяти или шести.

31. О метеорной пыли, см. Arago, Annuaire pour 1832, p. 254. Въ одномъ изъ моихъ послѣднихъ сочиненій (Asie centrale, Т. I, p. 408), я старался доказать, что скиское преданіе о священномъ золотѣ, упавшемъ въ раскаленномъ состояніи съ неба и оставшемся во власти золотой орды Паралатовъ (Herod. IV, 5—7), вѣроятно, произошло изъ темнаго воспоминанія о паденіи аэролитовъ. Отъ древнихъ дошло къ намъ нѣсколько баснословныхъ преданій (Dio Cassius LXXV, 1259) о серебрѣ, упавшемъ съ неба, которымъ хотѣли посеребрить бронзовыя медали во время императора Севера; впрочемъ древнимъ было извѣстно, что въ метеорѣ заключается металлическое желѣзо (Plin. II, 56). Часто встрѣчаемое выраженіе lapidibus pluit, однако жъ не всегда можетъ быть относимо къ аэролитамъ. (У. Liv. XXV, 7). Оно относится къ изверженіямъ пемзы (garilli) еще не совсѣмъ погасшимъ вулканомъ Mons Albanus, нынѣ Monte Cavo; см. Гейне Opuscula acad., Т. III, p. 261 и мои Relat. hist., Т. I, p. 394). Къ совершенно другому кругу идей относится борьба Геркулеса съ игицами на пути его отъ Кавказа къ Гесперидамъ; эта попытка объяснить мифически происхожденіе круглыхъ кварцовыхъ гольшей въ *ливійскомъ полѣ при устьѣ Роны*. Аристотель полагаетъ, что эти камни были извержены изъ тре-

щины во время землетрясенія, а Посидоній — валамъ древняго внутренняго моря. Въ отрывкахъ Эсхилова «Освобожденнаго Прометея», совершается тоже что происходитъ при паденіи аэролитовъ: «Юпитеръ образуетъ облако и осыпаетъ землю дождемъ круглыхъ камней». Уже Посидоній позволилъ себѣ осмѣивать геогностическій мнѣзъ голышей и скаль. Впрочемъ, древніе вѣрно описали ливійское поде. Онѣ теперь называется la Crau. См. Guérin, *Mesures barométriques dans les Alpes et météorologie d'Avignon*. 1829, chap. XII, p. 115.

32. Специфическій вѣзъ аэролитовъ колеблется между 1,9 (Alais) и 4,3 (Tabor). Обыкновенная плотность ихъ = 3, принятая плотность воды = 1. Что касается до диаметровъ огненныхъ шаровъ, приведенныхъ въ текстѣ, то эти числа относятся къ немногимъ довольно-вѣрнымъ измѣреніямъ, какіе можно было сдѣлать. Изъ этихъ измѣреній слѣдуетъ, что огненный шаръ вестонскій (Коннектикутъ, 14-го декабря, 1807) имѣлъ 500, шаръ, описанный le Roi, 1000 (10-го іюля, 1771), а шаръ, измѣренный сэромъ Чарльсомъ Бледеномъ (18-го января, 1783) около 2600 футовъ въ діаметрѣ. Brandes (*Unterhaltungen*. Т. I, стр. 42) полагаетъ, что падающія звѣзды имѣютъ отъ 80-ти до 120-ти футовъ въ діаметрѣ, а съ своими свѣтящимся хвостомъ имѣютъ длины отъ 3-хъ до 4-хъ миль. Нѣкоторые оптическія причины заставляютъ думать, что истинный діаметръ огненныхъ шаровъ и падающихъ звѣздъ слишкомъ преувеличенъ. Однако жъ нельзя сравнивать ихъ объема съ объемомъ Цереры, (если она въ самомъ дѣлѣ имѣетъ не болѣе «70-ти англійскихъ миль въ діаметрѣ»). См. сочиненіе: *On the Connexion of the Physical sciences* 1835, p. 411, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ очень точное и хорошее. Для объясненія того что сказано о большомъ, еще не отысканномъ аэролитѣ, упавшемъ въ ложбину при Нарни, я приведу здѣсь мѣсто изъ *Chronicon Benedicti, monachi Sancti Andreae in Monte Soracte*, документа, принадлежащаго десятому столѣтію, хранящагося въ библиотекѣ Chiegi, въ Римѣ, и изданнаго Перцомъ. Мы сохраняемъ варварскій языкъ того времени: «Anno — 921 — temporibus domini Johannis decimi papa, in anno pontificatus illius 7, visa sunt signa. Nam juxta urbem Romam lapides plurimi de coelo cadere visi sunt. In civitate quae vocatur Narnia tam diri ac tetri, ut nihil aliud credatur, quam de infernalibus locis deducti essent. Nam ita ex illis lapidibus unus omnium maximus est, ut decidens in flumen Arnus ad mensuram unius cubiti super aquas fluminis usque hodie videretur. Nam et ignitae faculae de coelo plurimae omnibus in hac civitate Romani populi visae sunt, ita ut pene terra contingeret. Aliae cadentes, etc.» (Перцъ, *Monum. Germ. hist. Scriptor.* Т. III, p. 715). Объ аэролитѣ при Эгоспотамосѣ. паденіе котораго, по Парроской хроникѣ, случилось въ первый годъ 78 олимпиады. (Бекъ, *Corp. Inser. graec.* Т. II, p. 302, 320 и 340), см. Аристотеля *Meteor.* I, 7. (Ideler. *Comm.* Т. I, p. 404—407); *Stob. Ecl. phys.* I, 25, p. 508, Heeren; *Plut. Lys.* c. 12; *Diog.*

Laert. II, 10, (см. ниже замѣчанія 39, 57, 58 и 59). По монгольскому преданію, въ западномъ Китаѣ около истоковъ Желтой рѣки, упала съ неба черная скала, имѣвшая въ вышину 40 футовъ. Abel Rémusat, вѣ Lamétherie Journ. de Phys. 1819 mai, p. 264.

33. Biot, *Traité d'astronomie physique*, (3-me éd.) 1841, T. I, p. 149, 177, 238 и 312. Пуассонъ всячески старается разрѣшить трудный вопросъ о самовоспламененіи метеоровъ въ высотѣ, гдѣ плотность атмосферы почти равна нулю: «A une distance de la terre où la densité de l'atmosphère est tout-à-fait insensible, il serait difficile d'attribuer, comme on le fait, l'incandescence des aërolithes à un frottement contre les molécules de l'air. Ne pourrait on pas supposer que le fluide électrique, à l'état neutre, forme une sorte d'atmosphère qui s'étend beaucoup au-delà de la masse d'air; qui est soumise à l'attraction de la terre, quoique physiquement impondérable; et qui suit, en conséquence, notre globe dans ses mouvemens? Dans cette hypothèse, les corps dont il s'agit, en entrant dans cette atmosphère impondérable, décomposeraient le fluide neutre, par leur action sur les deux électricités, et ce serait en s'électrisant qu'ils s'échaufferaient et deviendraient incandescents.» (Poisson, *Rech. sur la Probabilités des jugements*, 1837, p. VI).

34. Philos. Transact. Vol. XXIX, p. 161 — 163.

35. Первое изданіе важнаго сочиненія Хладни: *Ueber den Ursprung der von Pallas gefundenen und anderen Eisenmassen*, появилось за два мѣсяца до паденія каменнаго дождя въ Сіенѣ и за два года до обнаруженія мѣтня Лихтенберга, въ гёттингенскомъ альманахѣ: «Что камни поступаютъ въ нашу атмосферу изъ пространствъ вселенной.» См. письмо также Ольберса къ Бенценбергу, 18-го ноября 1837 года, въ сочиненіи послѣдняго о падающихъ звѣздахъ, стр. 186.

36. Энке въ *Poggendor. Annalen*, ч. XXXIII (1834), стр. 213. Arago въ *Ann. pour 1836*, стр. 291. Два мои письма къ Бенценбергу отъ 19-го мая и 22-го октября 1837, о вѣроятномъ подвиганіи узловъ въ орбитѣ періодическихъ потоковъ падающихъ звѣздъ (Benzenberg, *Sternschn.* Стр. 207 и 209). Впослѣдствіи и Ольберсъ принялъ это мнѣніе о постепенномъ опаздываніи ноябрьскаго феномена (*Astron. Nachr.* 1838, № 372, стр. 180). Если позволено связать два случая паденія звѣздъ замѣченныхъ арабами, съ эпохою паденія звѣздъ въ 14-мъ столѣтіи, найденною Богуславскимъ, то у меня выходятъ слѣдующія элементы для подвиганія узловъ:

Въ октябрѣ 902 года, въ ночь смерти султана Ибрагима-бей-Ахмета: большое паденіе звѣздъ «подобное огненному дождю». Поэтому этотъ годъ называется *годомъ звѣздъ*. (*Compte Hist. de la domie de los Arabes*, стр. 346).

19-го октября 1202 года, звѣзды мелькали цѣлую ночь «они падали какъ

саранча. (Comptes rendus 1837, Т. I, стр. 294 и Fraehn, в Bull. de l'Acad. de St. Pétersbourg, Т. III, р. 308.)

21-го октября, по старому стилю 1366 года, die sequente post festum XI millia virginum, ab hora matutina usque ad horam primam, visæ sunt quasi stellæ de coelo cadere continuo et in tanta multitudi-
ne, quod nemo paritare sufficit. Это любопытное замѣчаніе, о которомъ впоследствии будетъ говорено въ текстѣ, найдено Богуславскимъ Младшимъ въ Chronicon Ecclesie Pragensis, стр. 389. Benefse (de Horowie) de Weitmil или Weitmühl. Хроника эта находится также во второй части Scriptorum rerum Bohemicarum; Пелцеля и Добровскаго, 1784. (Schum. Astron. Nachr., декаб. 1839).

Въ ночи съ 9-го на 10-е ноября 1787, въ южной Германіи, особенно въ Мангеймѣ, были видны многія падающія звѣзды (Кемпъ, Meteor. Ч. III, стр. 237).

12-го ноября, по полуночи, 1799 года, происходило огромное паденіе звѣздъ въ Куманѣ; ово описано мною и Бонпланомъ, и было замѣчено на большей части земли. (Relat. hist. Т. I, стр. 519—527).

Съ 12-го на 13-е ноября 1822, Кледенъ въ Потсдамѣ, видѣлъ много падающихъ звѣздъ, смѣшанныхъ съ огненными шарами. (Gilbert. Ann. Ч. LXXII, стр. 219).

13-го ноября 1831 года, въ четыре часа утра, было паденіе звѣздъ, замѣченное капитаномъ Бераромъ, на испанскомъ берегу, на высотѣ Картагены. (Annuaire 1836, стр. 297).

Въ ночи съ 12-го на 13-е ноября 1833 года, знаменитое явленіе, замѣченное въ Сѣверной Америкѣ и превосходно описанное Денисономъ и Ольмстетомъ.

Въ ночи съ 13-го на 14-е ноября 1834 года, то же явленіе, только не въ такой силѣ, въ сѣверной Америкѣ. (Poggend. Ann. Часть XXXIV, стр. 129).

13-го ноября 1835 года, упалъ одинокій огненный шаръ, bolide и зажегъ сарай около Belleu, въ департаментѣ de l'Ain. (Ann. 1836, р. 296).

Въ 1838 году, звѣздный дождь очень ясно былъ виденъ въ ночи съ 13-го на 14-е ноября. (Astron. Nachr. 1838, № 372).

37. Мнѣ извѣстно, что нѣкоторыя изъ 68-ми падающихъ звѣздъ, замѣченныхъ въ 1823 году, въ Силезіи, профессоромъ Брандесомъ, двигались въ высотѣ $45\frac{4}{10}$, 60 и даже 100 миль. (Брандесъ, Unterhaltungen für Freunde der Astronomie und Physik, тетрадь I, стр. 48), но Ольберсъ думаетъ, что по причинѣ малости паралакса, всѣ опредѣленія, превосходящія 30 миль въ высоту — сомнительны.

38. Меркурій движется по своей орбитѣ съ быстротою = 6,6, Венера 4,8, Земля 4,1 миль въ секунду.

39. Хладни нашелъ, что о возможности паденія аэролитовъ съ луны, первый началъ говорить итальянскій физикъ Паоло Марія Терзаго, въ

1660 году, по случаю паденія въ Миланъ аэролита, который былъ убитъ францисканскій монахъ. «*Labant philosophorum sententiae*», говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи (*Musaeum Septalianum, Manfredi Septalæ, Patricii Mediolanensis, industrioso labore constructum, Tortona 1664, стр. 44*), *sub horum lapidum ponderibus: ni dicere velimus, lucam terram alteram, sive mundum esse, ex cujus montibus divisa frusta in inferiorem nostrum hunc orbem delabantur.* Не зная ничего объ этомъ мнѣніи, Ольберсъ, въ 1795 году, послѣ паденія камней въ Сіенѣ (16-го іюня 1794 года) занялся разрѣшеніемъ вопроса, какова должна быть сила верженія, чтобы масса, брошенная съ луны, могла дойти до земли. Такая баллистическая проблема занимала десять или двѣнадцать лѣтъ Лапласа, Біо, Брандеса и Поассона. Господствовавшее въ то время мнѣніе о существованіи на безвоздушной и безводной лунѣ дѣйствующихъ вулкановъ, была поводомъ къ тому, что публика смѣшивала математически возможное съ физически вѣроятнымъ. Ольберсъ, Брандесъ и Хладни, старались найти доказательство несправедливости мнѣнія о лунномъ происхожденіи метеорныхъ камней въ относительной скорости движенія, отъ 4-хъ до 8-ми миль въ секунду, съ которою огненные шары входятъ въ нашу атмосферу». Камни сброшенные съ луны могли бы по вычисленіямъ Ольберса, достигнуть до Земли, если бы первоначальная скорость ихъ движенія была 7780 футовъ въ секунду, не считая противодѣйствія атмосферы (по Лапласу 7377, по Біо 7771, по Поассону 7123 футовъ). Лапласъ считаетъ, что эта первоначальная скорость только въ 5-ть или 6-ть разъ болѣе скорости движенія пушечнаго ядра; но Ольберсъ доказалъ, что аэролиты, сброшенные съ луны, при первоначальной скорости, отъ 7500 до 8000 футовъ въ секунду, не иначе достигли бы земли, какъ подвигаясь со скоростью только 35000 футовъ (1,53 географической мили въ секунду). Но какъ скорость движенія аэролитовъ среднимъ числомъ равняется 5-ми географическимъ милямъ, то есть 114,000 футамъ въ секунду, то первоначальная скорость при лунѣ должна равняться почти 110,000 футамъ, то есть быть вчетверо болѣе, нежели какъ ее опредѣляетъ Лапласъ. (Ольберсъ, въ *Schum. Jahrb. 1837, стр. 52—58* и въ *Neues physikalisches Wörterbuch von Gehler. Ч. VI, отдѣл. III, стр. 21, 29, 21, 36*). Если принять, что на Лунѣ находятся еще дѣйствующие вулканы, то по недостатку атмосферы, они должны дѣйствовать гораздо сильнѣе земныхъ; къ несчастію намъ даже неизвѣстна сила послѣднихъ. Очень вѣроятно, что ее преувеличиваютъ. Докторъ Петерсъ, очень точный наблюдатель явленій Этны, нашелъ, что величайшая скорость движенія камней, выброшенныхъ изъ жерла этой горы, составляетъ только 2500 футовъ въ секунду. Наблюденія, произведенные около Тенерифскаго Пика, въ 1798 году, дали въ результатъ 3000 футовъ въ секунду. Если Лапласъ и говоритъ въ концѣ своего *Exp. du Syst. du Monde, éd. de 1824, p. 399*, объ аэролитахъ: «*que selon toutes les vrais semblances elles*

viennent des profondeurs de l'espace céleste», то изъ другого мѣста этой же книги (chap. VI, p. 233) видно, что онъ, вѣроятно, не будучи знакомъ съ огромною планетарною скоростью метеорныхъ камней, нѣсколько склонился на сторону селенитической гипотезы, но всегда предполагалъ, что камни, брошенные съ луны: «*diviennent des satellites de la terre, décrivant autour d'elle une orbite plus ou moins allongée, de sorte qu'ils n'atteignent l'atmosphère de la terre qu'après plusieurs et même un très grand nombre des révolutions*». Какъ Италіанецъ Терцаго думалъ, что аэролиты прілетаютъ изъ луны, такъ и греческіе естествоиспытатели полагали, что они происходятъ изъ солнца. О такомъ мнѣніи касательно происхожденія массы, упавшей около Эгосъ-Потамоса (см. выше, примѣчаніе 32), упоминаетъ Діогенъ Лаерцій. Ничего не упускающій изъ виду Плиній (II, 58), приводитъ у себя мнѣніе это и осмѣиваетъ его потому, что онъ съ предшественниками (Diog. Laert. II, 3 и 5, p. 99, Hübner) обвиняетъ Анаксагора зато, что будто онъ предсказалъ паденіе аэролита изъ солнца: «*celebrant Græci Anaxagoram Clazomenium Olympiadis septuagesimæ octavæ secundo anno prædixisse celestium litterarum scientia, quibus diebus saxum casurum esse e sole, idque factum interdū in Thraciæ parte ad Aegos flumen. Quod si quia predictum credat, simul fateatur necesse est majoris miraculi divinitatem Anaxagoræ fuisse, solvique rerum naturæ intellectum, et confundi omnia, si aut ipse Sol lapis esse aut unquam lapidem in eo fuisse credatur; decidere tamen crebro non erit dubium*». Говорятъ, будто Анаксагоръ предсказалъ также паденіе небольшого камня, сохранявшагося въ гиввазіи, въ Абидѣ. Паденіе аэролитовъ при солнечномъ свѣтѣ когда луны не бываетъ видно, вѣроятно навели на мысль о паденіи ихъ съ солнца. Судя по одному изъ физическихъ догматовъ Анаксагора, за которые онъ былъ преслѣдуемъ жрецами, онъ считалъ солнце «расплавленной огненною массою» (*μίδρος διάτυρος*). Въ Фазтонѣ Эврипида солнце называется «золотою глыбою», то есть, огненною свѣтлою матеріею, на основаніи догмата Анаксагора; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы аэролиты были золотые солнечные камни (см. выше замѣчаніе 31). Смотри Валкенера, *Diatribes in Eurip. prod. dram. Reliquias* 1767, p. 30. Diog. Laert. II, 10. Слѣдовательно, у греческихъ естествоиспытателей было четыре гипотезы: одни считали эти метеоры образованными изъ поднимающихся съ земли паровъ; другіе, за поднятые ураганами (у Аристотеля *Meteor. lib. I, cap. IV, 2 — 13* и *cap. VII, 9*); третья гипотеза — происхожденіе ихъ изъ солнца; четвертая — происхожденіе ихъ изъ небесныхъ пространствъ, гдѣ эти небесныя тѣла долго оставались невидимыми. Касательно этого послѣдняго мнѣнія, совершенно сходнаго съ нашимъ, принадлежащаго Діогену Аполлопейскому, см. въ текстѣ, и замѣчаніе 58. Странно, что въ Сиріи еще и теперь, какъ увѣрялъ меня ученый ориенталистъ, Авдреа де-Персія, простой народъ въ очень свѣтлыя лунныя ночи ожидаетъ паденія камней изъ воздуха. Древніе, напротивъ

того, всегда ожидали паденія метеорическихъ массъ во время затмѣннй луны. См. Plin. XXXVII, 10, стр. 164. Solinus cap. 37. Salm. Exerc., стр. 531 и мѣста въ «Географіи Грековъ и Римлянъ», собранныя Укертомъ. Часть II, 1, стр. 131, примѣчаніе 14. О невѣроятности образованія метеорныхъ массъ чрезъ внезапное ступленіе металловъ, газовъ, которые по Фузшнери, находятся въ самыхъ высшихъ слояхъ нашей атмосферы въ парообразномъ состояніи, и размѣщенны на огромномъ пространствѣ, такъ же какъ и о пронцаемости и способности газовъ сѣшиваться, см. мою Relat. hist. T. I, стр. 525.

40. Бессель въ Schum. Astron. Nachr. 1839, № 380 и 381, стр. 222 и 246. Въ концѣ сочиненія повѣщенъ сводъ аеелій и сравненіе ихъ съ ноябрьскими явленіями, со времени ихъ перваго наблюденія въ Куманѣ, въ 1799 году.

41. Докторъ Томасъ Форстеръ (The pocket Encyclop. of Natural Philosophy 1827, стр. 17) говоритъ, что въ Кембриджѣ, въ Christ Church College, сохраняется манускриптъ подъ заглавіемъ «Ephemerides rerum naturalium», приписываемый монаху прошлаго столѣтія. Въ этомъ манускриптѣ для всякаго дня назначены явленія природы: начало цвѣтенія растений, возвращеніе птицъ и такъ далѣе, 10-е августа означено словомъ meteorodæa. Эта замѣтка и преданіе объ огненныхъ слезахъ Святаго Лаврентія, заставили Форстера обратить особенное вниманіе на августовскій феноменъ.

42. Humb. Rel. hist., T. I, стр. 519—527. Эликотъ, въ Transact. of the American Soc. 1804, Vol. VI, стр. 29. Араго говоритъ о ноябрьскомъ феноменѣ: «Ainsi se confirme de plus en plus l'existence d'une zone composée de millions de petits corps dont les orbites rencontrent le plan de l'écliptique, vers le point que la terre va occuper tous les ans du 11 au 13 Novembre. C'est un nouveau monde planétaire qui commence à se révéler à nous». (Annuaire 1836, стр. 296).

43. Сравни Muschenbrök, Introd. ad Phil. Nat. 1762, T. II, стр. 1061. Говарда, Climate of London. Vol. II, p. 23. Наблюденія въ 1806 году, то есть черезъ семь лѣтъ послѣ первыхъ наблюденій Брандеса, (Banzenberg, über Sternschauerren, стр. 240—244); наблюденія Фомы Форстера надъ августовскимъ феноменомъ, см. у Кетле, стр. 438—453; Адольфъ Эрманъ, Богуславскій и Крейль, въ Schum. Jahrb. 1838, стр. 317—330. О началѣ явленія въ Персеѣ, 10-го августа 1839 года, смотри точныя измѣренія Бесселя и Эрмана (Schum. Astron. Nachr., № 385 и 428); кажется, что 10-го августа 1837 года, теченіе по орбитѣ не было обратное. См. Араго, въ Comptes rendus 1837, T. II, p. 183.

44. 25-го апрѣля 1095 года, многія лица видѣли, что во Франціи звѣзды падали съ небесъ, какъ градъ (ut grando, nisi lucerent, pro densitate putaretur; Baldr. p. 88). На клермонскомъ соборѣ это явленіе

было признано предвѣстникомъ великаго переворота въ христіанскомъ мірѣ (Wilken, Gesch. der Kreuzzüge, Bd. I, S. 75), 22-го апрѣля 1800 года, великое паденіе звѣздъ было замѣчено въ Виргиніи и Массачусеттѣ; это былъ «фейерверкъ, продолжавшійся два часа». Араго первый сдѣлалъ намекъ на то, что это «*grainée d'asteroïdes*» возвращается (Annuaire 1836, p. 297) періодически. Также замѣчательны паденія аэролитовъ въ декабрѣ. Старинное наблюденіе Брандеса, въ ночь съ 6-го на 7-е декабря 1798 года (когда онъ насчиталъ до двухъ тысячъ падающихъ звѣздъ), и можетъ-быть паденіе огромнаго аэролита 11-го декабря 1836 года, въ Бразиліи на берегахъ Рио-Аззу, около деревни Макао (Брандеса, *Unterhaltungen für Freunde der Physik* 1825, тетрадь I, стр. 65 и *Comptes rendus*, T. V, p. 211), говорятъ въ пользу періодическаго возвращенія метеорическихъ потоковъ. Капоччи открылъ съ 1809 до 1839 года 12-ть дождей падающихъ камней между 27-мъ и 29-мъ ноября и нѣсколько другихъ 13 ноября, 10-го августа и 17-го іюля. (*Comptes rendus*, T. XI, p. 357). Странно, что до сихъ не замѣчено періодическихъ метеоровъ въ той части земной орбиты, которая соответствуетъ январю, февралю, а можетъ-быть и марту; но я замѣтилъ въ Тихомъ океанѣ, 15-го марта 1803 года, очень много падающихъ звѣздъ. Въ городѣ Кито, не задолго передъ ужаснымъ риобамскимъ землетрясеніемъ, было замѣчено паденіе звѣздъ, (4-го февраля 1797 года). Поэтому, особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія эпохи :

22-го — 25-го апрѣля.

17-го іюля (17-го — 26-го іюля)? (Кетле, *Согг.* 1837, стр. 435).

10-го августа.

12-го — 14-го ноября.

27-го — 29-го ноября.

6-го 12-го декабря.

Какое бы различіе не находилось между изолированными кометами и кольцомъ, наполненнымъ астероидами, частое повтореніе «явленийъ падающихъ звѣздъ» не можетъ удивить насъ, если мы представимъ себѣ, что всемірное пространство наполнено мириадами кометъ.

45. Ferd. v. Wrangel, *Reise längs der Nordküste von Sibirien im dem Jahre 1820 — 1824*. Часть II, стр. 259. О періодическомъ возвращеніи густыхъ кучъ ноябрьскихъ потоковъ, черезъ тридцать-четыре года, смотри Ольберса въ *Jahrb.* 1837, стр. 280. Мнѣ сказывали въ Куманѣ, что не задолго передъ ужаснымъ землетрясеніемъ 1766 года, то есть за тридцать-три года до паденія звѣздъ, въ ночь съ 11-го по 12-е ноября 1799 года, былъ замѣченъ на небѣ такой же фейерверкъ. Но землетрясеніе случилось не въ началѣ ноября, а 21-го октября 1766 года. Желательно, чтобы путешественники въ Кито постарались узнать въ какой именно день, во время Каимбе былъ цѣлый часъ какъ бы одѣтъ въ падающія звѣзды. (*Relat. hist.* T. I, chap. IV, p. 307, chap. X, p. 520 и 527).

46. Изъ письма ко мнѣ, 24-го ноября 1838 года. Огромная масса падающихъ звѣздъ, въ ноябрѣ 1799 года, была видна только въ Америкѣ, отъ Неп-Геригута, въ Гренланди, до экватора. Потокъ 1831 и 1832 годовъ, были видны только въ Европѣ; массы 1833 и 1834 годовъ — въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

47. *Lettre de Mr. Eduard Biot à Mr. Quetelet, sur les anciennes apparitions d'étoiles filantes en Chine*, въ *Bullet. de l'Acad. de Bruxelles* 1843, Т. X, № 7, стр. 8. О замѣчаніи въ *Chronicon Ecclesiae Pragensis*, смотри Богуславскаго Младшаго въ *Poggend. Annalen*, часть XLVIII, стр. 612. Къ 12-му замѣчанію нужно прибавить, что орбиты четырехъ кометъ (568, 574, 1337 и 1385 годовъ), вычислены единственно по наблюденіямъ Китайцевъ. См. Джона Русселя Tunda, въ *Schum. Astron. Nachr.* 1844, № 498.

48. «Il paraît qu'un nombre, qui semble inépuisable, de corps trop petits pour être observés, se meuvent dans le ciel, soit autour du Soleil, soit autour des planètes, soit peut-être même autour des satellites. On suppose que, quand ces corps sont rencontrés par notre atmosphère, la différence entre leur vitesse et celle de notre planète est assez grande, pour que le frottement qu'ils éprouvent contre l'air, les échauffe au point de les rendre incandescents, et quelquefois de les faire éclater. Si le groupe des étoiles filantes forme un anneau continu autour du Soleil, sa vitesse de circulation pourra être très-différente de celle de la Terre; et ses déplacements dans le ciel, par suite des actions planétaires, pourront encore rendre possible ou impossible, à différentes époques, le phénomène de la rencontre dans le plan d'écliptique». Poisson, *Recherches sur la probabilité des jugements*, стр. 306—307.

49. Гумбольдтъ, *Essai politique sur la Nouv. Espagne* (2 édit.) Т. III, стр. 310.

50. Уже Плиній (II, 56 и 58) обращалъ вниманіе на цвѣтъ коры аэролитовъ: *colore adusto*; выраженіе *lateribus pluisse* указываетъ на обгорѣлый внѣшній видъ аэролитовъ.

51. Гумб. *Relat. hist.* Т. II, chap. XX, стр. 229 — 302.

52. *Gustave Rose, Reise nach dem Ural.* Часть II, стр. 202.

53. Олъже въ *Poggend. Ann.* 1825, Часть IV, стр. 173—192. *Rammelsberg, Erstes Suppl. zum chem. Handwörterbuche der Mineralogie* 1843, No. 102. Олъберсъ говоритъ: «чрезвычайно замѣчательно, что вездѣ не было найдено ископаемыхъ метеорныхъ камней, подобно ископаемымъ раковинамъ, въ переходныхъ и третичныхъ формаціяхъ. Должно ли изъ этого заключать, что до нынѣшняго окончательнаго образованія земной поверхности, на землю не упало ни одного метеорнаго камня, между-тѣмъ, какъ въ настоящее время, по увѣренію Шрейбера, ежегодно упадаетъ на землю около семи сотъ аэролитовъ? (Олъберсъ въ *Schum. Jahrb.* 1838, No. 329). Загадочнаго происхожденія массы самороднаго желѣза, содержащаго въ се-

бъ никель, найдены въ Сѣверной Азiи (золотоносные пески въ Петропавловскѣ, въ двадцати миляхъ къ юго-востоку отъ Кузнецка), въ глубинѣ тридцати-одного фута, и въ новѣйшее время въ западныхъ Карпатахъ (въ горахъ Магура при Сланитчѣ). См. Эрмана, *Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland*. Часть I, стр. 315 и Гейдингера *Bericht über die Splanziger Schärfe in Ungarn*.

54. Берцелиусъ, *Jahresber.* Часть XV, стр. 217 и 231. *Rammelsberg, Handwörterbuch*. Отдѣл. II, стр. 25—28.

55. Sir Isaac said, he took all the planets to be composed of the same matter with this earth, viz. earth, water and stones, but variously concocted. Турнеръ, *Collections for the hist. of Grantham, cont. authentick Memoirs of Sir Isaac Newton*, стр. 172.

56. Адольфъ Эрманъ, въ *Poggend. Ann.* 1839, Ч. XLVIII, стр. 582—601. Уже Био обнаружилъ сомнѣнiе о вѣроятности (*Comptes rendus* 1836, Т. II, р. 670) возвращенiя ноябрьскаго потока въ маѣ. Медлеръ изслѣдовалъ среднее пониженiе температуры трехъ майскихъ дней 11-го, 12-го и 13-го, сравненiемъ 86-ти лѣтнихъ берлинскихъ наблюденiй (*Verhandl. des Vereins zur Beförd. des Gartenbaus* 1834, стр. 377) и нашелъ, что температура въ эти дни понижается на 1°, 22; именно въ такое время, когда теплота вообще очень быстро возрастаетъ. Желательно бы было, чтобъ опыты надъ такимъ пониженiемъ температуры, котораго причину отчасти приписываютъ талнiю льдовъ на сѣверо-востокѣ Европы, были повторены въ отдаленныхъ пунктахъ Америки или южнаго Полушарiя. См. *Bull. de l'Acad. Imp. de St. Pétersbourg* 1843, Т. I, No. 4.

=

ГАСПАРЪ СПОНТИНИ.

Этотъ знаменитый композиторъ, авторъ «Весталки» и другихъ превосходныхъ произведеній, родился семнадцатаго ноября 1778, въ деревенькѣ Миолатти, близъ мѣстечка Джизи, въ Папской Области. На четырнадцатомъ году вступилъ онъ въ консерваторію della Pietà, въ Неаполѣ, и черезъ годъ получилъ званіе di primo maestro. Въ 1795 году (семнадцать лѣтъ) онъ поставилъ на сцену первую свою оперу: *I puntigli delle donne*. Въ 1796 онъ отправился въ Римъ и написалъ тамъ: *Gli amanti in cimento*; потомъ былъ отозванъ въ Венецію писать *Amor segreto*. Возвратившись въ Римъ, въ 1797 году, онъ написалъ *Isola disabitata*, для пармскаго театра, но не могъ самъ ѣхать, чтобы поставить ее тамъ на театрѣ, потому что въ то же время его ангажировали капельмейстеромъ въ Неаполь, гдѣ вскорѣ дана была его опера *l'Egoismo ridicolo*. Отозванный на время во Флоренцію (1798), онъ далъ тамъ *Teseo riconosciuto*, а по возвращеніи въ Неаполь поставилъ *la Finta filosofia*, и въ 1800 *la Fuga in maschera*. Втеченіи 1800 и 1801 годовъ Спонтини написалъ въ Палермѣ, для неапольскаго двора, имѣвшаго тамъ тогда свое мѣстопробываніе, двѣ оперы-буффы:

I quadri parlanti, и *Il finto Pittore*,—и оперу-серію *Gli Elisi delusi*. По возвращеніи на твердую землю, онъ написалъ въ Римѣ: *Il geloso e l'Audace*, потомъ въ Венеціи *Le metamorphosi di Pasquale*; *Chi piu guarda meno vede*, и *la Principessa d'Amalfi*. Это послѣднія оперы, поставленныя имъ въ Италіи.

Въ 1803 году Спонтини отправился въ Парижъ, гдѣ сначала занимался преподаваніемъ музыки, а въ 1804 году поставилъ на Италіянскомъ Театрѣ старую свою оперу: *la Finta filosofa*, которая принята была хорошо, и выдержала болѣе десяти представленій. Но ему не посчастливилось съ новой его оперою, «Юлія», которую онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ написалъ вдвоемъ съ Фемъ (Fay) для парижскаго театра Комической Оперы. Черезъ годъ эта же опера, значительно передѣланная, дана подъ другимъ названіемъ: *Le pot de fleurs*,—но опять безъ успѣху. Въ іюнѣ 1804 Спонтини поставилъ комическую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ: *La petite maison*, во время представленія которой актеръ Эллевиу, посмѣявшись на сценѣ надъ неудовольствіемъ публики, подагъ поводъ къ самой неприятной сценѣ, какая когда-либо видана въ театальной залѣ. Разъяренные зрители оставили партеръ, вскочили на сцену, изломали лавки, кресла, разбили инструменты въ оркестрѣ, люстры.... пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ для очищенія залы.

Слабыя до-сихъ-поръ произведенія Спонтини ни мало не предвѣщали его будущаго генія. Есть люди, которые еще въ дѣтскихъ лѣтахъ выказываютъ необыкновенныя дарованія, но впоследствии не оправдываютъ надеждъ, которыя подали сначала: таковы были Гуго-Гроціусъ, Пикъ-дела Мирандолъ, Анна-Марія Шурманъ и другія; но есть и такіе, которые не только до взрослыхъ лѣтъ не выказываютъ своихъ способностей, но даже не подають рѣшительно никакихъ надеждъ: таковы были Карлъ XII, Мильтонъ, Глюкъ, Спонтини, Ньютонъ, и даже самъ Шекспиръ.

Для біографической полноты и вѣрности мы должны назвать еще нѣсколько твореній Спонтини, принадлежащихъ къ первому періоду его артистической жизни, и доставившихъ ему такъ же мало славы, какъ и первыя его произведенія.—«Мильтонъ», опера въ одномъ дѣйствіи, дана въ декабрѣ 1804 года и знаменитое *L'ecceisa Gaga*, италіянская интермедія, игранная въ театрѣ Лувуа въ 1806, и Ораторія, исполненная безъ успѣху на томъ же те-

атрѣ, ничего не прибавили къ славѣ композитора. Но хорошія связи въ высшемъ кругу общества доставили ему скоро мѣсто директора музыки императрицы Жозефины. Это отличное положеніе должно было вознаграждать его за долги неудачи и за нападенія недоброжелательныхъ артистовъ. Притомъ это мѣсто дало ему возможность побѣдить всякія препятствія къ приведенію въ исполненіе главнѣйшаго предпріятія въ его жизни, именно — къ постановкѣ на сцену его «Весталки».

Авторъ либретто, Жуи, отдалъ сначала свое сочиненіе Мегилю, потомъ Керубини, но оба возвратили его, говоря, что невозможно написать занимательной музыки на такой сухой предметъ. Жуи, огорченный отзывомъ двухъ великихъ композиторовъ, послѣ долгаго размышленія, обратился наконецъ къ Спонтини, хотя безъ большой надежды на его силы и способности. Спонтини самъ говорилъ мнѣ, что онъ тутъ въ первый разъ нашелъ сюжетъ, понравившійся ему, и исполнившій его истиннымъ усердіемъ къ труду и вдохновеніемъ. Завистники болѣе чѣмъ когда-либо принялись унижать славу Спонтини, и всѣми средствами мѣшали представленію его новой оперы. Спонтини окончилъ свою оперу посреди всѣхъ этихъ непріятностей. Приказаніе двора устранило всѣ затрудненія недоброжелательной дирекціи, и тотчасъ начались репетиціи. Но тутъ возникли новыя препятствія, новая брань. Онъ принужденъ былъ помишутно уступать требованіямъ и капризамъ пѣвцовъ, занимавшихъ первыя партіи, на каждомъ шагу поправлять и измѣнять фразы, иногда даже совершенно передѣлывать многія мѣста своего сочиненія, и потому репетиціи оперы тянулись болѣе года; а безчисленныя перемѣны въ партитурѣ довели расходъ копировки до невѣроятной суммы—десяти тысячъ франковъ. Если бъ не высокое покровительство, поддерживавшее постоянно усилія композитора, то, можетъ-быть, его «Весталка» вовсе не была бы играва *! Наконецъ наступилъ долго жданный день представленія (15 декабря 1807), и блестящій успѣхъ увѣнчалъ труды композитора! Несмотря на насмѣшки членовъ оркестра, учителей и учениковъ консерваторіи, несомнѣнные достоинства, являющіяся въ этомъ гениальномъ твореніи, восхитили, очаровали всю публику, и вполнѣ оправдали высокое покровительство,

* Эти подробности рассказывалъ мнѣ самъ Спонтини.

дарованное композитору. Успѣхъ былъ всеобщій; опера эта держится болѣе тридцати лѣтъ, а французскій институтъ упрочилъ ея успѣхъ, единогласно пазначивъ этой партитурѣ десятилѣтнюю премію, установленную Наполеономъ.

Съ этого времени начинается второй періодъ жизни и трудовъ Спонтини, — періодъ великій, свѣтлый, утверждающій славу его въ потомствѣ.

Вскорѣ послѣ «Весталки» явился «Фернандо Кортесъ» (1809), опера, заключающая въ себѣ много замѣчательныхъ красотъ, исполненная сильныхъ и истинно-драматическихъ положеній. Всѣ дуэты и тореах d'ensemble, особенно сцена бунта, и мѣсто взрыва кораблей, производятъ удивительный эффектъ. Речитативы Спонтини истинно-драматическіе, сильные, полные энергіи; нѣкоторые можно смѣло поставить на ряду съ речитативами Глюка. Инструментовка необыкновенно искусства.

Въ 1810 году Спонтини принялъ мѣсто директора парижской италянкой оперы, или оперы-буффы, какъ ее тогда называли. Слава его росла съ каждымъ днемъ. Казалось, счастье вело его за руку; отсюду сыпалась на него почести. Спонтини, предавшись новымъ трудамъ, и предавшись имъ съ усердіемъ и любовью, или не могъ, или не хотѣлъ заниматься исключительно администрацію италянкой оперы; несмотря на то, что подъ его управленіемъ были знаменитѣйшіе пѣвцы, Гарсія, Кривелли, Такиннардъ, Барилли, Ангрисани, Феста, Корреа, Сесси, — онъ однако же въ 1812 году долженъ былъ сложить съ себя званіе директора.

Въ 1816 году написалъ онъ прекрасную свою партитuru *Les Danaïdes*, исполненную великихъ достоинствъ. Вакханалія въ третьемъ дѣйствіи принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ лучшимъ его твореніямъ. — Черезъ два года поставилъ онъ большую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ, «Олимпія», которая имѣла такой же успѣхъ, какъ «Фернандо Кортесъ». — Это послѣдняя его опера, написанная для французскихъ театровъ.

Въ 1820 году, по приглашенію короля прусскаго, Спонтини поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ назначенъ первымъ придворнымъ капельмейстеромъ и директоромъ королевской оперы, съ жало-

важною въ тридцать шесть тысячъ франковъ, кромѣ другихъ выгодъ, предоставленныхъ ему по контракту. Всѣмъ извѣстно пребываніе Спонтини въ Берлинѣ и привязанность къ нему покойнаго короля, который всегда защищалъ его своею высокою дружбою. Первая опера Спонтини, игранная въ Берлинѣ, была «Олимпія», которой третье дѣйствіе передѣлано извѣстнымъ литераторомъ-музыкантомъ Гофманомъ. Зимой 1821 года Спонтини написалъ, по случаю какого-то праздника, при дворѣ, оперу-балетъ «Лалла-Рукъ», изъ извѣстной поэмы Томаса Мура. Впослѣдствіи онъ воспользовался нѣкоторыми мѣстами этой партитуры для новой своей оперы «Нурмагалъ», данной на королевскомъ-театрѣ.

Въ 1825 году представлена въ первый разъ его большая волшебная опера «Альсиндоръ», а черезъ четыре года большая опера-серія «Агнеса фонъ-Гогенштауфенъ», которую онъ цѣнитъ выше всѣхъ своихъ произведеній.—Подъ желѣзнымъ управленіемъ такого директора, берлинская опера заняла первое мѣсто во всей Германіи; оркестръ довелъ онъ до non plus ultra совершенства. «Выраженія: нельзя, невозможно, я исключилъ изъ моего словаря въ Берлинѣ», говорилъ мнѣ Спонтини: «во время моего управленія, когда я говорилъ пѣвцамъ и оркестру: я такъ хочу, такъ должно быть — такъ и дѣлаюсь.» Правда, что весь театръ чувствовалъ его власть; музыканты и пѣвцы неразъ громко жаловались на его тиранство; но, надѣясь на доброе расположеніе короля, онъ не обращалъ на это вниманія, и по-прежнему дѣйствовалъ по принятымъ правиламъ. Въ Берлинѣ меня увѣрили, что Спонтини такое имѣлъ вліяніе на музыкантовъ и пѣвцовъ однимъ своимъ орлинымъ взглядомъ, что оркестръ дрожалъ отъ страха, когда онъ приходилъ на пробу. И было чего бояться: Спонтини былъ хозяиномъ, царемъ въ своемъ оркестрѣ; отъ него одного зависѣло удаленіе кого бы то ни было изъ театра, и принятіе на незанятое мѣсто. Не удивительно, что несмотря на многочисленныхъ почитателей, которыхъ Спонтини нашелъ въ Германіи, несмотря на милость и привязанность короля Фридриха-Вильгельма-Третьяго, онъ имѣлъ также множество враговъ, старавшихся уронить его славу. Не только возставали противъ достоинства его новыхъ твореній, но даже выражали сомнѣніе, точно ли Спонтини — авторъ «Весталки»!... — Самымъ явнымъ врагомъ его былъ Рельштабъ, который печаталъ про-

тивъ него множество статей въ разныхъ журналахъ. Оскорбленный Спонтини прибѣгнулъ къ суду; но осужденіе его противника на нѣсколько мѣсяцевъ на тюремное заключеніе не только не помогло ему въ общественномъ мнѣніи, а еще увеличило число его враговъ. Явились новыя обвиненія. Какой-то Мюллеръ напечаталъ брошюрку: «Спонтини и Рельштабъ»; а рижскій капелмейстеръ Дорнъ написалъ книжечку: *Spontini in Deutschland, oder unparteiische Würdigung seiner Leistungen während seines Aufenthalts daselbst in den letzten zehn Jahren.* Неразъ Спонтини принужденъ былъ самъ защищаться въ журналахъ противъ такого роду нападеній; ссора его съ генеральнымъ смотрителемъ королевскихъ театровъ, барономъ фонъ-Редерномъ, была также источникомъ безпрестанныхъ непріятностей. Этими причинами, можетъ-быть, должно приписать его поѣздку въ Италию и въ Парижъ. Въ Парижѣ было вакантное мѣсто въ Королевскомъ Институтѣ, на которое онъ и збранъ съ условіемъ, оставить Берлинъ и жить въ Парижѣ. Спонтини не могъ тотчасъ рѣшиться; дружба, связывавшая его съ королемъ, уваженіе и милости, которыми онъ пользовался при дворѣ, на-время изгладили изъ его памяти непріятности, которыя недавно еще встрѣчалъ онъ въ Берлинѣ. Онъ возвратился въ Берлинъ, гдѣ между-тѣмъ смерть Фридриха-Вильгельма-Третьяго въ одно мгновеніе измѣнила положеніе его при дворѣ. Неосторожное письмо, напечатанное имъ въ одномъ журналѣ, показалось слишкомъ оскорбительнымъ для новаго монарха. Нѣмцы, болѣе чѣмъ когда-либо, возстали на него. Спонтини позванъ къ суду, для объясненія по письму; но король остановилъ дѣло, и не только освободилъ его отъ обвиненія, но еще увеличилъ милости, оказанныя Спонтини покойнымъ родителемъ его величества. Тутъ начинается третій періодъ жизни Спонтини,—періодъ торжества и наградъ. Новый король назначилъ ему за его великія заслуги пожизненную пенсію, съ дозволеніемъ ѣхать, куда пожелаетъ. Спонтини отправился въ Парижъ, гдѣ избранъ въ члены Королевскаго Института. Въ 1844, взявъ отпускъ на лѣто, онъ пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ его встрѣтили съ музыкою и съ радостными криками; король посѣтилъ его. Всѣ недоразумѣнія, всѣ неудовольствія Берлинцевъ на Спонтини, возбужденныя прежде интригами нѣсколькихъ враговъ Спонтини, можетъ-быть, и оскорбленныхъ имъ, рѣшительно прекратились. Всѣ Пруссакки, самыя

пламенные его почитатели и въ послѣднее его пребываніе въ Германіи не разъ выказывали ему свое уваженіе.

Недавно скончавшійся папа Григорій Шестнадцатый далъ Спонтини титулъ графа ди-Санто-Андреа (Sant'Andrea), въ награду за многія его богоугодныя учрежденія въ Италіи. Онъ украшенъ орденами: почетнаго легіона; прусскими *Pour le mérite*, краснаго орла, папскимъ Святаго Григорія и многими другими.

Спонтини теперь около семидесяти лѣтъ. Я видѣлъ его въ Германіи въ 1844 году. Лицо у него прекрасное, но холодное и суровое; глаза небольшіе и всегда почти закрыты, когда онъ молчитъ; когда же говорить, въ-особенности объ искусствѣ, глаза его блестятъ, они полны огня и выраженія; — онъ говорить свободно, но важно и степенно; рѣдко улыбка оживляетъ его мертвую, но величавую фizioномію. Бываютъ однако жъ минуты, когда, увлеченный разговоромъ, онъ забывается, приходитъ въ восторгъ, говорить съ одушевленіемъ и жаромъ юноши. Мнѣ удалось видѣть его въ одну изъ этихъ минутъ. Спонтини былъ въ Берлинѣ, — когда я пріѣхалъ изъ Дрездена навѣстить его и рассказалъ ему подробно съ какимъ восторгомъ Глюкова *Армида* была принята въ столицѣ Саксоніи; Спонтини задумался, глаза старца наполнились слезами, онъ всталъ и пожавъ мнѣ руку, сказалъ съ жаромъ: «Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не поблагодарить театральной дирекціи за то, что она, давая нынче такія оперы, не для какихъ-нибудь денежныхъ расчетовъ, поддерживаетъ тѣмъ священный огонь искусства и по-крайней-мѣрѣ, предохраняетъ вкусъ публики отъ совершенной порчи, не давая ей слушать, какъ въ Парижѣ, исключительно произведенія новѣйшихъ композиторовъ, которые почти всѣ такимъ жалкимъ образомъ употребляютъ во зло данныя имъ отъ природы способности, и дотого отвращаютъ публику отъ истинно-изящнаго, что она уже и не знаетъ, чтò хорошо, чтò дурно, — потому что дурное стало прекраснымъ.... И чтò за адскій, неумолкаемый громъ мѣдныхъ инструментовъ, которыми только прикрываютъ слабую обработку квартета (струнныхъ инструментовъ)! Чтò бы ни говорилъ, а повѣрьте, что самые сильные, самые блестящіе и самые разнообразныя эффекты заключаются въ струнныхъ инструментахъ; въ нихъ истинная сила! Шумъ и стукотня вовсе не сила!.. И они это знаютъ, эти господа, облачившіеся въ реческое платье,

и обманывающіе и обольщающіе другихъ своимъ пагубнымъ примѣромъ! Религія музыки осквернена и попрана ногами, храмъ Эвтерпы сталъ синагогою! Истинное преставленіе свѣта!.... Никогда не забуду бы этихъ словъ тотъ, кто подобно мнѣ видѣлъ бы дивное выраженіе его лица, когда онъ ихъ произнесъ!

ВИКТОРЪ КАКШЕНСКІЙ.

=

KOSMOS.

(МИРОЗДАНИЕ.)

=

ПРИМѢЧАНІЯ.

57. Плутархъ, *Vitæ par. in Lysandro*, cap. 22. Разсказъ Дамаха (Damaschos) объ огненномъ облакѣ, которое оставалось на небѣ втеченіи 70-ти дней сряду, сыпало искры, похожія на падающія звѣзды, и наконецъ, опустившись, извергло камень Эгоспотамосекій, «составлявшій только малую часть облака»,—очень невѣроятнѣй, потому что въ такомъ случаѣ направленіе и скорость шара втеченіи столькихъ дней должны были бы оставаться равными направленію и скорости Земли, что во время явленія шара описаннаго Галлсемъ (*Transact. Vol. XXIX*, стр. 163) 19-го іюля 1686 года, продолжалось только нѣсколько минутъ. Впрочемъ неизвѣстно, составлялъ ли Дамахъ, сочинитель *περί ἐβσεβείας*, одно лицо съ Дамахомъ Платейскимъ, котораго Селевкъ посылалъ въ Индію къ сыну Андрокотта и который называлъ Страбона «лунонъ». Судя по другому мѣсту у Плутарха, *Compar. Solonis c. Por. cap. 4*, это можно предполагать; впрочемъ, это — разсказъ писателя, который жилъ полтора столѣтія спустя послѣ извѣстнаго паденія еракійскаго аэролита, въ правдивости котораго Плутархъ очень сомнѣвается. (См. выше замѣч. 32.)

58. *Stob. ed. Heeren I*, 25, стр. 508. Плутархъ *de plac. Philos. II*, 13.

59. Это замѣчательное мѣсто у Плутарха *de plac. Philos. II*, 13, — слѣдующее: «Анаксагоръ учитъ, что окружающій Землю эфиръ по своимъ свойствамъ огненный; силою обращенія онъ отрываетъ скалы отъ Земли, зажигаетъ ихъ и обращаетъ въ звѣзды». Говорятъ, что Анаксагоръ это обращеніе (центробѣжную силу) считаетъ причиною паденія Немейскаго Льва съ Луны въ Пелопоннесъ, пользуясь стариннымъ мифомъ для до-

казательства физической теоремы. (Aelian. XII, 7; Plut. de facie in orbe lunæ, cap. 24; Schol. ex eod. Paris, in Apoll. Argon., lib. I, стр. 498, 6d. Schaf. T. II, стр. 40. Meisecke, Annal. Alex. 1836, стр. 85). Следовательно, мы видимъ здѣсь вѣсто лунныхъ камней, лунное животное. По остроумному замѣчанію Бека, древній мифъ о немецкомъ лунномъ дѣвѣ имѣеть астрономическое происхождение и связь въ хронологіи съ высокоснымъ цикломъ луннаго года, съ поклоненіемъ Лунѣ въ Немѣ и съ таинскими праздничными играми.

60. Слѣдующее замѣчательное мѣсто, въ которомъ Кеплеръ высказалъ одну изъ вдохновенныхъ идей своихъ объ излученіи теплоты неподвижными звѣздами, о горѣніи и о жизненномъ процессѣ, встрѣчается въ Paralipom. in Vittel. Astron. pars optica 1604. Propos XXXII, стр. 25 : «Lucis proprium est calor: sydera omnia calefaciunt. De syderum luce claritatis ratio testatur, calorem universorum in minore esse proportione ad calorem unius solis, quam ut ab homine, cujus est certa caloris mensura, uterque simul percipi et judicari possit. De circindularum lucula tenuissima negare non potes, quin cum calore sit. Vivunt enim et moventur, hoc autem non sine calefactione perficitur. Sed neque putrescentium lignorum lux suo calore destituitur; nam ipsa putredo quidem lentus ignis est. Inest et stirpibus suus calor». См. Кеплера Epit. Astron. Copernicanæ 1618. T. I, lib. I, p. 35.

61. «There is another thing, which I recommend to the observation of mathematical men: which is, that in February, and for a little before, and a little after that month (as I have observed several years together) about 6 in the evening, when the Twilight hath almost deserted the horizon you shall see a plainly discernable way of the Twilight striking up toward the Pleiades, and seeming almost to touch them. It is so observed any clear night, but it is best illac nocte. There is no such way to be observed at any other time of the year (that I can perceive), nor any other way at that time to be perceived darting upels ewhere. And I believe it hath been, and will be constantly visible at that time of the year. But what the cause of it in nature should be, I cannot yet imagine, but leave it to further inquiry». Чильдери, Britannia Baconica. 1661, стр. 183. Вотъ первый взглядъ и простое описаніе явления (Кассини, Découvertes de la lumière céleste qui paraît dans le zodiaque. Mém. de l'Acad. T. VIII. 1730, p. 276. Меранъ. Traité phys. de l'aurore boréale 1754, p. 16). Въ замѣчательной книгѣ Чильдери встрѣчаются очень умныя замѣтки на эпохи полнаго максимума и минимума въ распредѣленіи годовой теплоты (р. 91), на ходъ суточной температуры; замѣчанія объ омазмываніи крайностей эфектовъ максимума и минимума въ метеорологическихъ процессахъ. Къ сожалѣнію, канцеляръ лорда Генри Сомерсета, послѣдователь беконической философіи (р. 148), (также какъ и Бернадотъ де-Сенъ-Пьеръ) говорятъ, что Земля испытываетъ

при полюсахъ. Земля, говорить онъ, сначала была шарообразна; но безпрестанное увеличеніе льдовъ на обояхъ полюсахъ изгибаетъ ея фигуру; а такъ какъ ледъ образуется изъ воды, то масса воды безпрестанно уменьшается.

62. Доминикъ Кассини (*Mém. de l'Acad. T. VIII, 1730, p. 188*) и Меравъ (*Aurore bor. p. 16*), утверждали, что явленіе видѣнное въ 1668 году въ Персіи было зодіакальнымъ свѣтомъ. Деламбръ (*Hist. de l'Astron. moderne, T. II, p. 742*) рѣшительно приписываетъ открытіе этого свѣта известному путешественнику Шардену; но, какъ въ *Souvenir de Soliman*, такъ и во многихъ мѣстахъ описанія своего путешествія (изд. Langlès, T. IV, стр. 326, T. X, стр. 97) Шарденъ именно говоритъ, о *platonk* (пукек) или *petite lance*. Только: «la grande et fameuse comète qui parut presque pas toute la terre en 1668 et dont la tête étoit cachée dans l'horizon de sorte qu'on ne pouvoit en rien apercevoir sur l'horizon d'Ispahan». (*Atlas du voyage de Chardin, Tab. IV, къ наблюденіямъ въ Ширазѣ*) Голова или ядро кометы было видно въ Бразиліи и Индіи (*Pingté, Cosmographie, T. II, p. 72*). Относительно предположенія, что послѣдняя большая комета 1843 года—та самая, которую Кассини принималъ за зодіакальный свѣтъ, см. *Schum. Astron. Nachr. 1843, No. 476 и 480*. По-персидски *nixehi ateschta* (огненные концы или пики) означаетъ также лучи восходящаго солнца; по-арабскому лексикону Фрейтага, *rayâzik* значитъ *stellae cadentes*. Впрочемъ, сравненіе кометъ съ копьями и мечами было въ обыкновеніи у всѣхъ народовъ среднихъ вѣковъ. Даже большая комета, которая была видна отъ апрѣля до іюля въ 1500 году, у итальянскихъ писателей того времени всегда называется «il Signor Astore» (см. мое «*Vuamen critique de l'Hist. de la Géographie, T. V, стр. 80*). Часто повторяемое мнѣніе, будто уже Декарту (Кассини стр. 203. Меравъ стр. 16) и даже Кеплеру (Деламбръ T. I, p. 601) былъ известенъ зодіакальный свѣтъ, нѣтъ кажется, ни на чемъ не основано. Декартъ (*Principes III art 136; 137*) очевидно только говоритъ объ образованіи кометныхъ хвостовъ: «par des rayons obliques qui, tombant sur diverses parties, des orbes planétaires, viennent des parties latérales à notre oeil par une réfraction extraordinaire», также что хвосты кометъ видны утромъ и вечеромъ, «comme une longue route», если солнце находится между Землею и кометою. Это нѣсто такъ же мало можно отнести къ зодіакальному свѣту, какъ и то, что Кеплеръ говоритъ о существованіи солнечной атмосферы (*Brit. Astron. Soc. Mémoires, T. I, p. 57 и T. II, p. 893*) (*Limbus circa solem, coma lucida*), которая препятствуетъ тому, «чтобы при полнолуніи солнечномъ затмѣніи сдѣлалось совершенно темно.» Еще ненадежно и неправильное мнѣніе, будто, «*trabes quas domos vocant.*» (*Plin. II 26 и 27*) есть намѣкъ на зодіакальный свѣтъ нѣтъщій видъ зигзага, какъ предполагаютъ Кассини (p. 231, art. XXXI) и Меравъ (стр. 15). У древнихъ звездъ *trabes* соединяются съ болами (метеор-

ранн похожими на горящую свѣчу *ardores et faces*) и другими огненными метеорами, даже и съ долгохвостыми кометами. (Касательно *doxos, doxias, doxitis*, см. Шефера *Schol. Par. ad. Apoll. Rhod. 1813, Т. II, p. 206*). *Pseud-Aristot. de mundo 2,9; Comment. Alex. Joh. Philop. et Olymp. in Aristot. Meteor. lib. I, cap. VII 3 стр. 195.* Иделера изд.; Селека, *Nat. Quaest. I, 1*).

63. Гумбольдтъ, *Monumens des peuples indigènes de l'Amérique, Т. II, стр. 301.* Рѣдкій манускриптъ, принадлежащій архіепископу реймскому Лелю, содержитъ въ себѣ различные отрывки изъ духовной книги Азтековъ, изъ астрологическаго календаря и изъ историческихъ лѣтописей съ 1197 по 1549 годъ. Въ послѣднихъ находятся замѣчанія о явленіяхъ природы, эпохахъ землетрясеній, появленіи кометъ, напримѣръ кометъ 1490 и 1529 года, и затмѣній солнца, замѣчанія важныя для мексиканской хронологіи. Въ рукописной *Historia de Tlascalala*, свѣтъ, восходящій на востокъ почти до зенита, называется довольно странно: «блестящимъ и усяяннимъ частыми звѣздами.» Описаніе сорокадневнаго явленія, вовсе не соотвѣтствуетъ изверженію Попокатепетля, находящагося вблизи на юго-востокъ. (Прескотъ, *Hist. of the Conquest of Mexico. Vol. 1, стр. 284*). Новѣйшіе комментаторы смѣшали это явленіе, принятое Монтедуюой за худое предвѣщаніе съ «*estrella que humeava*» собственно: которая струилась (по-мексикански *choloa*, значитъ прыгать и струиться). Относительно связи между этимъ паромъ и звѣздой Цитлаль Холоса (Венерою) и горою звѣздъ (Цитлаль тепетль, вулканъ въ Оризабѣ) см. мою *Monumens Т. II, p. 303*.

64. Лапласъ, *Expos. du Syst. du Monde, стр. 270; Mécanique céleste Т. II, стр. 169 и 171. Schubert. Astron. Bd. III § 206.*

65. Араго въ *Annuaire 1842, стр. 408.* См. наблюденія сэръ Джона Гершеда надъ объемомъ и свѣтомъ планетарныхъ облачностей въ сочиненіи ледя Сомервилля *Convexion of the Phys. Sciences. 1835, p. 108.* Мнѣніе, что солнце—туманная звѣзда, которой атмосфера производитъ явленіе зодіакальнаго свѣта, принадлежитъ не Доминику Кассини, а Мерану, который изложилъ его въ 1731 году (*Traité de l'Aurore bor. стр. 47 и 265. Араго въ Annuaire, 1842, стр. 412*). Оно было возобновленіемъ кеплерскихъ понятій.

66. Уже Доминикъ Кассини и впоследствии Лапласъ, Шубертъ и Поесонъ, для объясненія виду зодіакальнаго свѣта, допускали гипотезу существованія отдѣльнаго кольца. Кассини утвердительно говоритъ: «*si les orbites de Mercure et de Venus etaient visibles (matériellement, dans toute l'étendue de leur surface) nous les verrions habituellement de la même figure et dans la même disposition à l'égard du Soleil et aux mêmes temps de l'année que la lumière zodiacale*» (*Mém. de l'Acad. Т. VIII,*

1730, стр. 218 и *Bio* въ *Comptes rendus*, 1836, Т. III, стр. 666). Кассини думалъ, что паробразное кольцо зодіакальнаго свѣту, состоитъ изъ множества маленькихъ планетообразныхъ тѣлъ, обращающихся вокругъ солнца. Онъ самъ почти былъ убѣжденъ въ томъ, что паденіе огненныхъ шаровъ зависитъ отъ прохожденія Земли сквозь зодіакальное туманное кольцо. Ольмстедтъ и особенно Біо (тамъ же стр. 673) старались изслѣдовать связь эту съ ноябрьскимъ феноменомъ, связь, которую отвергаетъ Ольберсъ. (*Schum. Jahrbuch* 1837, стр. 281.) Касательно вопроса совпадаютъ ли площадь зодіакальнаго свѣту съ площадью солнечнаго экватора, см. Узо (*Houssan*) въ *Schum. Astr. Nachr.* 1843. No. 492, стр. 190.

67. Сэръ Джонъ Гершель *Astron.* 487.

68. Араго въ *Annuaire* 1832, стр. 246. Многіе физическіе факты по видимому доказываютъ, что, при механическомъ раздѣленіи матеріи на малѣйшія частички, когда масса дѣлается очень незначительною въ отношеніи къ поверхности, электрическое заряженіе можетъ возвыситься до проявленія свѣту и теплоты. Опыты, производимыя посредствомъ большого вогнутаго зеркала, до сихъ поръ не доказываютъ рѣшительно существованія лучистой теплоты въ зодіакальномъ свѣтѣ. (*Lettre de Mr. Matthiessen à Mr. Arago* въ *Comptes rendus* Т. XVI 1843 Avril стр. 687).

69 (Стр. 147). «То, что вы мнѣ пишете объ измѣненіяхъ въ зодіакальномъ свѣтѣ и о причинахъ, которыми вы приписываете это измѣненіе между тропиками, обратило на себя мое особенное вниманіе. Я уже съ давняго времени каждую весну наблюдаю это явленіе въ нашемъ сѣверномъ полушаріи. Я всегда думалъ, что зодіакальный свѣтъ имѣетъ круговое движеніе; но я принимаю, что оно постоянно возрастаетъ до самаго солнца (противно мнѣнію Поассона, которое вы мнѣ сообщаете). Я считаю самую блестящую часть зодіакальнаго свѣту, свѣтлый кругъ, видимый при полномъ затмѣніи солнца. Я удостовѣрился, что этотъ свѣтъ въ различныя годы бываетъ очень разнообразенъ, иногда по нѣсколько лѣтъ сряду силенъ и великъ, въ другіе же годы вовсе не замѣтенъ. Первый слѣдъ знанія о существованіи зодіакальнаго свѣту я нахожу въ письмѣ Ротмана къ Тихову Браге, гдѣ онъ пишетъ, что по его замѣчаніямъ весною конецъ сумерекъ наступаетъ въ то время, когда солнце находится 24° ниже горизонта. Вѣроятно, Ротманъ окончаніе зодіакальнаго свѣту въ паряхъ вечерняго горизонта смѣшалъ съ дѣйствительнымъ концомъ сумерекъ. Я никакъ не могъ замѣтить вспыхиванія, вѣроятно, по причинѣ слабости, съ которою является въ нашихъ странахъ зодіакальный свѣтъ. Но вы правы, приписывая такое скорое измѣненіе свѣту небесныхъ предметовъ, замѣченное вами въ тропическомъ климатѣ, нашей атмосферѣ, особенно же высшимъ ея областямъ. Это ясенѣ всего видно въ хвостахъ большихъ кометъ. Часто, особенно въ одну по-

году, въ этихъ хвостахъ замѣчаются пульсаціи, которыми начинается отъ ядра кометы, какъ съ самой нижней точки, и въ одну или двѣ секунды проходятъ по всему хвосту; причѣмъ хвостъ, повидному, то удлиняется, то укорачивается на нѣсколько градусовъ. Что эти вспыхиванія, которыя обратили на себя вниманіе уже Роберта Гука, и въ новѣйшее время Штретера и Хладни, не происходятъ въ самомъ хвостѣ кометы, а только образуются въ нашей атмосферѣ, это тотчасъ становится ясно, если сообразить, что отдѣльныя части кометныхъ хвостовъ (визюющихъ въ длину нѣсколько миллионovъ миль) находятся отъ насъ въ очень различныхъ разстояніяхъ, и что свѣтъ отъ нихъ доходитъ до насъ въ такіе періоды времени, между которыми разница простирается на нѣсколько минутъ. Я не берусь рѣшить, было ли явленіе, которое вы видѣли при Орионѣ, въ продолженіи не секунды, а нѣсколькихъ минутъ, истиннымъ молніемъ зодіакальнаго свѣту, или только принадлежностью высшихъ областей нашего свѣтотварнаго круга. Я также не знаю, какъ объяснить себѣ столь замѣчательную свѣтлость цѣлыхъ ночей, неуравновѣшенное усиленіе и увеличеніе сумерекъ въ 1831 году, особенно съ-тѣхъ-поръ какъ стали замѣчать, что самое свѣтлое мѣсто этихъ удивительныхъ сумерекъ не совпадаетъ съ мѣстоположеніемъ солнца надъ горизонтомъ. (Изъ письма, которое Ольберсъ писалъ ко мнѣ изъ Бремена, 26 марта 1833 года.)

70. *Bio, Traité d'Astronomie physique* (3-ше éd.) 1841. T I, стр. 171, 296, 312.

71. Бессель въ *Schum. Jahrb. für 1839*, стр. 51. Можеть-быть миллионъ миль ежедневно, относительная скорость = 834000 миль, следовательно, болѣе чѣмъ вдвое быстрее движенія Земли вокругъ солнца.

72. О движеніи солнечной системы по Брадли, Тоби, Мейеру, Ламберу, Лаланду и Вильяму Гершелю, см. Араго въ *Annuaire* 1842, стр. 388—399. Аргеландеръ въ *Schum. Astron. Nachr.* No 363, 364, 398 и въ сочиненіи *Von der eigenen Bewegung des Sonnensystems* 1837, стр. 43; относительно Персея, какъ центрального тѣла всего звѣзднаго слоя, Отте Страве въ *Bull. de l'Acad. de St. Pétersb.* 1842, T. X, No 9 стр. 137—138. Последній нашелъ, что направленіе движенія солнечной системы — 261° 23', П. В. + 37°36' скл. сблизилъ эти выводы съ выводами Аргеландера, очетаніемъ 797 звѣздъ: 259°9' П. В. + 34°36' скл.

73. *Aristot. de Caele* III, 2 стр. 301. Беккеръ, *Phys.* VIII 5, стр. 256.

74. Савари въ *Connaissance des tems* 1830, стр. 66 и 163. Энке *Nachr. Jahrb.* 1832, стр. 253 и слѣд. Араго въ *Annuaire* 1834, стр. 260 — 295. Джонъ Гершель въ *Mem. of the Astron. Soc.* Vol. V, стр. 171.

75. Бессель, *Untersuchungen des Theils der planetarischen Störungen, welche aus der Bewegung der Sonne entstehen.* *Abh. der Berl. Acad. der Wissensch.* 1824. (Mathem. Classe) стр. 2—6. Вопросъ этотъ предложенъ

Иоанномъ Тебласомъ Мейеромъ въ *Comment. Soc. Reg. Gotting. 1804—1808* Vol. XVI, стр. 31—68.

76. *Philos. Transact. for. 1803*, стр. 225. Араго въ *Annuaire 1842*, стр. 375. Чтобы легче представить себѣ отдаленность неподвижныхъ звездъ, о которой говорится въ текстѣ, должно вспомнить, что, принявъ разстояніе отъ солнца до Земли за футъ, Уранъ будетъ отстоять на 19 футовъ, а Вега въ Лирѣ на $34\frac{1}{2}$ географическія миль.

77. Бессель, въ *Schum. Jahrb. 1839*, стр. 53.

78. Медлеръ. *Astr. стр. 476*. Онъ же въ *Schum. Jahrb. 1839*, стр. 95.

79. Сэръ Вильямъ Гершель въ *Philos. Transac. for. 1817* Т. II.

80. Араго въ *Annuaire 1842*, стр. 459.

81. Сэръ Джонъ Гершель въ письмѣ изъ Фельдгуйзена, 13 января, 1836 года. Николь, *Archit. of the Heavens. 1838*, стр. 22. (См. также Записки Сира Вильяма Гершеля о беззвездномъ пространствѣ, которое насъ отдѣляетъ отъ млечнаго пути, въ *Philos. Trans. for 1817* Т II, стр. 328).

82. Сэръ Джонъ Гершель, *Astron. § 624*: Онъ же въ *Observations of Nebulae and Clusters of Stars (Transact. 1833, Т. II, стр. 479, fig. 25)* «we have here a brother System bearing a real physical resemblance and strong analogy of structure of our own».

83. Сэръ Вильямъ Гершель въ *Transact. for 1785, Т. I, стр. 267*. Сэръ Джонъ Гершель, *Astr. § 616*. («The nebulous region of the heavens forms a nebulous milky way, composed of distinct nebulae as the other of Stars». Онъ же въ письмѣ ко мнѣ марта 1829 года.

84. Джонъ Гершель, *Astron. § 585*.

85. Араго въ *Annuaire 1842*, стр. 282—286, 409—411 и 439—442.

86. Ольберсъ о прозрачности всемірнаго пространства въ *Hodes Jahrbuch 1826*, стр. 110—121.

87. «An opening in the heavens». Вильямъ Гершель въ *Transact. for. 1785. Vol. LXXV, TI, стр. 256*. Лаландъ въ *Connaissance des tems pour l'an VIII, стр. 383*, Араго въ *Annuaire 1842*, стр. 425.

88. *Aristot. Meteor. II, б. 1. Сенска Natur. Quaest. I, 14. I. Caelum discussisse* у Цицерона de *Divin. I 43*.

89. Араго въ *Annuaire 1842*, стр. 429.

80. Въ декабрѣ 1837 года, сэръ Джонъ Гершель замѣтилъ, что звезда η Аргонавтовъ, которая до того времени была звездой второй величины, быстро перешла въ звезду первой величины. Въ январѣ 1838, она свѣту сравнялась съ свѣтомъ Кентавра. По новѣйшимъ новостямъ Мемлуръ нашъ въ мартѣ эту звезду такою же блестящею, какъ Канопусъ; а креста казалось туманною въ сравненіи съ η Argo.

91. Hence it follows that the rays of light of the remotest nebulae

must have been almost two millions of years on their way, and that consequently, so many years ago, this object must already have had an existence in the sidereal heaven, in order to send out those rays by which we now receive it. Вильямъ Гершель въ *Transact. for 1802*, стр. 498 Джонъ Гершель *Astron.* § 590. Араго въ *Annuaire 1842*, стр. 334, 359 и 382—385.

92. Изъ прекраснаго сочиненія моего брата: *Freiheit und Gesetz*. (Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, *Gesammelte Werke*. Часть IV, стр. 358, No. 25).

93. *Otfried Müller, Prolegomena*, стр. 373.

94. Глубина, на которой во внутренности земли люди работают — двоякая: глубина абсолютная (отъ поверхности земли на томъ мѣстѣ, гдѣ начато рыть) и относительная (отъ поверхности моря). Величайшая относительная глубина, до которой доселѣ достигли люди, есть глубина артезианскаго колодца въ Ней-Зальцѣ около Миндена; въ июнѣ 1844 года, она равнялась $1873\frac{1}{2}$ пар., футамъ (607,4 т.); абсолютная глубина = $2094\frac{1}{4}$ футамъ (680 т.) Температура воды въ глубинѣ доходила тогда до $32^{\circ}7$ по стоградусному термометру, что при средней температурѣ $9^{\circ}6$, даетъ увеличение 1° на каждыя 29,6 т. Артезианскій гренелскій колодець въ Парижѣ имѣетъ только 1683 футовъ (547 т), абсолютной глубины. По извѣстиямъ миссионера Имбера изъ Китая, глубину нашихъ Артезианскихъ колодцевъ превышаетъ глубина отенныхъ колодцевъ, Но-ising, просверленныхъ для добыванія водорода, употребляемаго для варки соли. Говорятъ, что въ китайской провинціи Дзы-Чуанъ, обыкновенная глубина этихъ огненныхъ колодцевъ простирается отъ 1800 до 2000 футовъ; при Тзеульеу-тзанигъ (мѣсто всегдашняго теченія) находится просверленный, въ 1812 году, огненный колодець, котораго глубина = 3000 футовъ. (Гумбольдтъ, *Asie centrale T. II*, стр. 521 и 525. *Annales de l'Association de la Propagation de la Foi*. 1829, № 16, стр. 369). Относительная глубина, до которой достигли въ Монте-Масси въ Тосканѣ, къ югу отъ Волтерры, равняется, по Матеуччи, только 1175 футамъ (382 т.). Вѣроятно, по относительной глубинѣ, ближе всѣхъ къ китайскому сверленому колодцу приближается угольная ломка въ Апендадѣ близъ Ньюкестля (Штаффордшейръ). Работы тамъ производятся 725 ярдами или 2045 парижскими футами ниже поверхности земли. (Тонасъ Смитъ. *Miner's Guide 1836*, стр. 160). Къ несчастію мнѣ не извѣстна въ точности высота помоста на верхнемъ шахтномъ венцѣ, надъ уровнемъ моря. Относительная глубина копи Monk Wearmouth, близъ Ньюкестля составляетъ только 1404 футовъ (Филлипсъ, въ *Philos. Magaz. Vol. V*. 1834, стр. 446). Липттихской каменно-угольной копи *Espréance* при Серенъ, по фонъ-Дехену 1271 футъ, каменноугольной копи *Maribaye* при Вальсецѣ Ламбергъ, въ долинѣ Меза по Жернаеру, 1157 футовъ. Наибольшія абсолютныя глубины, до которыхъ достигли люди, находятся по большей части на такихъ высокихъ горахъ или долинахъ, что они либо вовсе не доходятъ до уровня моря, либо бывають не много ниже его. Такихъ

образомъ, эссельская шахта въ Куттенбергѣ въ Богеміи, нынѣ оставленная, имѣла некогда огромную глубину 3545 футовъ (Fr. A. Schmidt Berggesetz der österr. Monarchie. Отд. I, Часть I, стр. XXXII). При Сень-Даніелѣ и при Гейсѣ, въ 16-мъ столѣтіи работы производились въ глубинѣ 2916 футовъ. Еще сохраняются планы работъ произведенныхъ при Репенбухелѣ въ 1539 году. (Joseph von Sparger. Tyroler Bergwerksgeschichte стр. 121, см. также Гумбольдтъ, Gutachten über herabtreibung des Meissner Stollens in die Freiburger Erzrevier, перепечатано въ Herder, über den jetzt begonnenen Erzstollen 2838, стр. CXXIV). Извѣстіе объ ужасной глубинѣ этихъ рудниковъ, рано пришло въ Англію, потому что въ Жильбертовомъ de Magnete, сказано, «человѣкъ проникъ въ землю уже до глубины 2400 или 3000 футовъ». («Exigua videtur terrae portio, quae unquam hominibus spectanda emerget aut eruitur, cum profundius in ejus viscera, ultra efflorescentis extremitatis corruptelam, aut propter aquas in magnis fodinis, tanquam per venas scaturientes, aut propter aeris salubrioris ad vitam operariorum sustinendam necessarii defectum, aut propter ingentes sumptus ad tantos labores exantlandos, multasque difficultates, ad profundiores terrae partes penetrare non possumus, adeo ut quadringentas, aut (quod rarissime) quingentas orgyas in quibusdam metallis descendisse, standus omnibus videatur conatus.» Guilelmi Gilberti Colecestrensis de Magnete Physiologia nova. Lond. 1600, стр. 40). Абсолютныя глубины рудниковъ въ саксонскихъ горахъ при Фрейбергѣ = 1824 и 1714 футамъ. Относительныя глубины доходятъ только до 626 и 260 футовъ, принимая, для нахождения высоты каждаго верхняго шахтнаго вѣнца надъ уровнемъ моря, высоту Фрейберга по новѣйшимъ опредѣленіямъ Рейха въ 1191 футъ. Абсолютная глубина богатаго рудника въ Іоахимталѣ въ Богеміи простирается до 1989 футовъ, слѣдовательно, выше уровня моря, потому что по измѣреніямъ фонъ-Дехена верхній вѣнецъ шахты находится на высотѣ 2260 футовъ надъ уровнемъ моря. Абсолютная глубина рудника Самсонъ на Андреевой горѣ на Гарцѣ = 2062 футамъ. Въ прежней Испанской Америкѣ я не знаю болѣе глубокаго рудника какъ рудникъ Валенціана при Гавахуато въ Мексикѣ, гдѣ абсолютная глубина Placer de San Bernardo равняется 1582 футамъ. Но всё-таки они лежатъ еще 5582 футами выше поверхности моря. Сравнивая глубину прежнихъ Куттенбергскихъ рудниковъ, (глубину, которая превышаетъ высоту Брокена и меньше высоты Везувія только двумя стами футовъ) съ величайшими зданіями (съ пирамидой Хеопса и со Страсбургскою колокольнею) мы найдемъ, что они относятся какъ 8 къ 1. Неопредѣленность данныхъ, испорченныхъ кромѣ-того невѣрнымъ приведеніемъ во французскую мѣру, обезображивающая до-сихъ-поръ наши геогностическія книги, побудила меня собрать въ этомъ замѣчаніи все, что я могъ найти вѣрнаго о величайшей абсолютной и относительной глубинѣ рудниковъ и артезианскыхъ колодезей.

На пути отъ Иерусалима къ востоку, изъ Мертвому Мору, представляется зрѣлище, котораго по нашимъ извѣщеніямъ гисометрическимъ снѣденіемъ ϕ поверхности Земли, не можно представить ни какою другою страню; приближаясь къ раздѣлищю, въ которой течеть Иорданъ, мы находимъ на поверхности Земли такіе пласты, которые по барометрическимъ измѣреніямъ Бергу и Русснера обшлагомъ лежать въ 1,800 футовъ ниже поверхности Средиземнаго Моря. (Гумбольдтъ, *Asie centrale*. Томъ II, стр. 329.)

95. Колообразно-вогнутыя пласты, которые опускаются и въ известномъ отдаленіи снова поднимаются, (хотя горныя работы и не достигли до глубочайшихъ изъ точекъ) даютъ намъ чувствительныя понятія объ устройствѣ земной коры въ большихъ разстояніи отъ поверхности. Слѣдовательно дѣлнымъ такого рода извѣстіямъ важныи геогностическій интересъ. Слѣдователи снѣденіи и обзавъ превосходному геогносту Фоль-Делюну. Она пишетъ: «Глубина каменно-угольнаго корыта около Латтика при Mont St. Gilles, по измѣреніямъ Монъ и моего друга Эйхаузена, простирается до 3650 футовъ подъ поверхностью земли, и находится, въ 3250 футовъ ниже уровня моря; потому что самая гора St. Gilles имеетъ не болѣе 400 футовъ абсолютной высоты; каменноугольное корыто въ Mons, 1750 футовъ ниже этого. Но всѣ эти глубины незначительны въ сравненіи съ каменноугольными пластами въ Сааръ-Брокъ. Изъ многократныхъ наблюденій я вывелъ, что нижній угольный пластъ въ окрестностяхъ Дуттвейлера, около Воттингена, къ сѣверо-востоку отъ Саръ-Луи, простирается на 19,406 и 20,656 футовъ ($\frac{2}{15}$ географической мили) ниже поверхности моря. Этотъ результатъ превышаетъ 8000 футовъ, глубину принятую мною въ текстѣ Космоса для одного корыта двонскихъ пластовъ. Пласты каменнаго угля въ окрестностяхъ Дуттвейлера простираются подъ поверхностью моря, на такое же пространство, на какое Чимберазо поднимается надъ горизонтомъ океана. Они лежатъ слѣдовательно въ глубинѣ гдѣ температура земли должна быть до 224°. Слѣдовательно, перпендикулярное разстояніе между высочайшими вершинами Гиммалая и двонъ этихъ корытъ, которые содержатъ въ себѣ растительность допотопнаго міра, равняется 45,000 футовъ $\frac{1}{15}$ земнаго радіуса.

96. Платонъ, Федонъ стр. 97 (Аристотелъ. *Mitah.* стр. 987) см. Герцель, *Philosophie der Geschichte* 1840 г. стр. 16.

97. Basel, *allgemeine Betrachtungen über Gradmessungen nach astronomisch-geodäsischen Arbeiten*, въ концѣ Бесселя и Бейера, *Gradmessung in Ostpreussen* стр. 427. (Объ упомянутомъ въ текстѣ склоненіи матеріи на той половинѣ луны, которая обращена къ намъ. См. Лапласъ *Expos. du Syst. du Monde* стр. 308).

98. Памп. II. 68. Сенска. *Nat. Quaes. Praef.* с. II *El Mundo es poco* (земная мада) пишетъ Колонбъ изъ Ямайки 7-го Іюля 1503 года къ королеви Изабеллѣ, не потому что онъ слѣдовалъ бы философскимъ взглядамъ

обонхъ Ринландъ, но потому что ему было выгодно утверждать, будто путь коротокъ, «если искать востокъ на западъ отъ Ионанін», См. мой Вжашен orig. de l'hist. de la Géogr. du 16-me siecle T. 1. стр. 83. и Т. II стр. 327; гдѣ я доказалъ также, что мѣряніе, защищаемое Деландемъ, Фрере и Гаселенемъ, по которому чрезвычайное различіе въ опредѣленіяхъ земнаго периметра у Грековъ есть только мнимое и основывается на различіи стадій, было обнаружено уже въ 1495 г. Ферреромъ въ опредѣленіи павской демаркаціонной линіи.

99. Брюстеръ, Life of sir Isaac Newton 1831. стр. 162: «The discovery of the spheroidal form of Jupiter by Cassini had probably directed the attention of Newton to the determination of its cause and consequently to the investigation of the true figure of the earth». Кассини объявилъ сплюснутость Юпитера ($\frac{1}{17}$) правда, только въ 1691-мъ году. (Anciens Mémoires de l'Acad. des Sciences. Т. II стр. 108); но мы находимъ у Лалаанда, (Astron. 3-me éd. Т. III стр. 935), что Маральди имѣлъ у себя нѣсколько печатныхъ листовъ латинскаго сочиненія, начатаго Кассини: «О пятнахъ планетъ» изъ которыхъ видно, что Кассини зналъ о сплюснутости Юпитера до 1666 года, следовательно двадцать однимъ годомъ ранѣе появленія Ньютоновыхъ Principia.

100. По произведенному Бесселемъ изслѣдованію десяти измѣреній градусовъ, въ которыхъ была вапта къ соображенію погрѣшность найденная Дирсанномъ въ измѣреніи градуса французскими учеными (Schumacher, Astron. Nachr. 1841 г. Nr. 438. стр. 116), половина большой оси эллиптического оверанда вращения фигуры, къ которой болѣе всего подходитъ неправильная фигура земли, равняется 3272077 14; туазамъ, половина меньшей оси = 3,261,139, 33, туазамъ, сплюснутость = $\frac{1}{175 \frac{1}{2}}$; величина средняго градуса меридіана = 57 013,109 туазамъ, съ погрѣшностью 2 8403 м: откуда слѣдуетъ, что величина географической милы = 3807 23. туаза. Прежніе результаты измѣреній градусовъ, колебались между $\frac{1}{175}$ и $\frac{1}{177}$; Вальбекъ, de forma et magnitudine telluris in demensis agribus meridiani definiendis, принимаетъ ее въ $\frac{1}{175 \frac{1}{2}}$ въ 1819 г. Эд. Шмидтъ (Lehrbuch der mathem. und phys. Geographie Т. V.) въ $\frac{1}{177 \frac{1}{2}}$ въ 1829 году основывался на семи измѣреніяхъ градусовъ. Относительно вліянія наибольшей разности долготы на сплюснутость у полюсовъ, см. Bibliothèque universelle Т. XXXIII стр. 181. и Т. XXXV стр. 56, также Connaissance des tems 1829 года стр. 290. — Лалаасъ нашелъ (Expos. du Monde стр. 229) сначала изъ однихъ лунныхъ уравненій по древнимъ таблицамъ Бюрга $\frac{1}{175 \frac{1}{2}}$; потомъ по луннымъ наблюденіямъ Бурггардта и Бувара $\frac{1}{175 \frac{1}{2}}$, (Mécanique céleste. Т. V стр. 13 и 43).

1. Величины сплюснутости выведенныя изъ наблюденія надъ колебаніями маятника: результатъ экспедиціи подъ начальствомъ полковника Себина (1822 и 1823 года отъ экватора до 80° сѣв. шир.) $\frac{1}{175 \frac{1}{2}}$; по Фрейссине, если исклю-

чить наблюдёнія въ Иль де-Франсъ, Гванъ и Мови, $\frac{1}{348,2}$; по Фостеру $\frac{1}{17,7}$; по Дюперре $\frac{1}{38,7}$. по Литке (Partie nautique 1836 года, стр. 232) изъ 11 станцій $\frac{1}{8,5}$. Напротивъ изъ наблюдёній между Форментерой и Дюнкиркеномъ (Compaiss. des tems стр. 330) по Матъе $\frac{1}{37,2}$ и между Форментерой и островомъ Увстъ, по-Бю $\frac{1}{34,7}$. См. Baily, Report on Pendulum Experiments въ Memoirs of the Royal Astron. Society. T. VII стр. 96; также Бореліусъ въ Bulletin de l'Acad. de St. Petersburg 1843 года. T. I стр. 25 Первое предположеніе принять длину секунднаго маятника за основаніе системы измѣренія и сдѣлать третью часть секунднаго маятника (какъ будто бы она вездѣ равна), за *pes horarius*, встрѣчается въ Гюнгенса. *Horologium oscillatorium* 1673 Prop. 25. Такое предложеніе снова выразилось въ памятникѣ поставленномъ въ 1742 году подъ экваторомъ, Буге, Ла Кондаминномъ и Годеномъ. На прекрасной мраморной доскѣ, которую я видѣлъ еще въ прежней езуитской коллегіи въ Киото, начертано: *Penduli simplicis aequinoctialis utrius minuti secundi archetypus, mensurae naturalis exemplar, utinam universalis!* Изъ того что говоритъ Кондаминъ въ своемъ *Journal du Voyage à l'Equateur* 1761 стр. 163 о недополненныхъ мѣстахъ въ надписи и о небольшомъ спорѣ съ Буге, я думалъ что найду значительную разницу между числами на мраморной доскѣ и надписью, известною въ Парижѣ; но я нашелъ только двѣ вовсе незначительныя, *ex arq. gradum 3*; вмѣсто *ex arq. gradum plus quam trium* и вмѣсто 1742 года 1745 годъ. Последнее число странно, потому что Ковдаминъ возвратился въ Европу въ ноябрѣ 1744 года, Буге въ июлѣ того же года, а Годанъ оставилъ Южную Америку даже въ июлѣ 1744 года. Необходимѣйшая и полезнѣйшая поправка въ числахъ надписи, была бы поправка астрономическаго меридіана города Киото. (Гумбольдтъ, *Recueil d'Observ. astron.* T. II стр. 319—354). Широты, вырѣзанныя Нуэ (Noue) на египетскихъ памятникахъ служатъ примѣромъ опасности, представляемой торжественнымъ увѣковѣченіемъ, невѣрно или неосторожно вычисленныхъ результатовъ.

2. Относительно увеличенія силы притяженія на вулканическихъ островахъ. (Св. Елены, Уалавъ, Фернандо де-Норовха, Иль де-Франсъ, Гаханъ Мови и Галлонахось) за исключеніемъ острова Равакъ, можетъ-быть (Лютке стр. 246), по причинѣ его близости къ матеріку Новой Гвиней, см. Матъе въ Делабровой *Hist. de l'Astronomie au 18-me siècle* стр. 701.

3. Многочисленныя наблюдёнія показываютъ неправильность длинъ маятниковъ, даже посреди материковъ, и это явленіе приписываютъ истиннымъ притяженіямъ. (Dalambre, *Mesure de la Meridienne.* T. III стр. 546; Biot въ *Mém. de l'Académie des Sciences.* T. VIII 1829 года, стр. 18 и 23.) Въ южной Франціи и въ Ломбардіи въ направленіи отъ запада на востокъ, въ Бордо встрѣчается наименьшая сила притяженія; но это притяженіе быстро увеличивается въ восточныхъ мѣстахъ, Фижакъ, Клермонъ-Ферракъ, Миланъ и Падуѣ. Въ Падуѣ является максимумъ притяженія. Вліяніе южна-

го склона Альповъ не только должно приписывать общей величинѣ ихъ объема, но какъ думаетъ Эли де-Бомонъ (*Rech. sur les Révol. de la surface du Globe*, 1830 года, стр. 728) болѣе всего горнымъ породамъ, змѣнику и мелафиру, изъ которыхъ состоитъ горная цѣпь. На склонѣ Арарата, который вмѣстѣ съ Кавказомъ, составляетъ какъ-будто центръ тяжести древняго материка, состоящаго изъ Европы, Азии и Африки, точныя наблюденія Федорова, обнаруживаютъ не пустоты, а плотныя вулканическія массы. (Шарротъ, *Reise zum Ararat*. Т. II стр. 143). Во время геодезическихъ работъ, произведенныхъ Карлини и Плана, въ Ломбардіи, между непосредственными наблюденіями широтъ и результатами сихъ работъ обнаружилась разниа отъ 20" до 47"8 (напримѣръ въ Андратѣ и Мондови, Миланѣ и Падуѣ въ *Opérations géodés. et astron. pour la mesure d'un arc du parallèle moyen*. Т. II, стр. 347; *Effemeridi astron. di Milano* 1842 стр. 57). Миланъ, въ-отношеніи къ Берну, какъ это видно изъ французской триангуляціи, лежитъ подъ широтою $45^{\circ} 27' 52''$, между-тѣмъ какъ изъ непосредственныхъ астрономическихъ наблюденій выходитъ $45^{\circ} 27' 35''$. Такъ какъ нарушенія простираются въ Ломбардской равнинѣ до Пармы, довольно далеко къ югу отъ По (Шюна, *Opérat. géodés.* Т. II, стр. 847.) то можно предположить, что даже въ устройствѣ почвы равнины скрываются отклоняющія причины. Подобныя наблюденія дѣлалъ Струве въ плоскихъ частяхъ сѣверной Европы. (Schumacher, *Astron. Nachrichten* 1830 № 164, стр. 399). О вліяніи плотныхъ массъ, которыхъ существованіе предполагается на незначительной глубинѣ, равной средней высотѣ Альповъ, см. аналитическія формулы (по Госсару и Розе) въ *Comptes rendus* Т. XVIII 1844. стр. 292, которыя должно сравнить съ Пуассономъ, *Traité de Mécanique* (2 éd.) Т. I, стр. 482. Первые указанія на вліяніе горныхъ породъ на колебанія маятника помѣщены Томасомъ Юнгомъ въ *Philosoph. Transact.* for 1819 стр. 70—96. При заключеніяхъ изъ данных маятника о кривизнѣ земной поверхности, нельзя не брать въ соображеніе того, что земля вѣроятно отвердѣла прежде нежели металлическія базальтовыя массы выстругались черезъ открытыя трещины и дошли до поверхности.

4. Лапласъ *Expos. du Syst. du Monde* стр. 231.

5. Измѣренія маятника, произведенныя La Caille на Мысѣ Доброй Надежды, которыя были вычислены Матьё съ большимъ стараніемъ. (*Delambre, Hist. de l'Astr. au 18-me siècle* стр. 479) показываютъ сплюснутость $\frac{1}{175}$; но по многократнымъ сравненіямъ наблюденій подъ одинаковою широтою въ обоихъ полушаріяхъ (въ Новой Голландіи и на Малунскихъ Островахъ въ сравненіи съ Барцеллоной, Нью-Йоркомъ и Дюнкеркеномъ). До-сихъ-поръ вѣтъ причины принимать, чтобы сѣверное полушаріе было болѣе сплюснуто нежели южное (Бю въ *Mém. de l'Acad. des Sciences* Т. VIII 1829 стр. 39 — 41).

6. Наблюденія, произведенныя по тремъ методамъ дали слѣдующіе ре-

зультаты: 1) Отклонение отвѣса вблизи горы Шехалиенъ (по-галльски Thschallin) въ Нертшейрѣ, по Маскелейну, Гуттову и Плайшбру (1774 — 1776 и 1810) по методу предложенной уже Ньютономъ 4,713. 2) колебанія маятника на вершинѣ горъ и на равнинѣ — 4,837 (наблюдения Карлинга на Мон-Сеніс. сравнительны съ наблюдениями Био въ Бордѣ, *Vierteljahr. astr. di Mittau* 1824, стр. 184); 3) коромысло Кавендиша, аппаратъ, изобрѣтенный собственно Мичелемъ, — 5,48 (по повѣркѣ Гутова 5,32; по повѣркѣ Эдуарда Шиндта 5,52. *Lehrbuch des math. Geographie.*); коромысло Рейха — 5,44. Въ численіи этихъ наблюденій, сдѣланныхъ съ примѣрною точностью профессоромъ Рейхомъ, первоначальный средній результатъ былъ 5,43 (съ вѣроятною погрѣшностью 0,0233.); будучи увеличенъ на количество уменьшенія силы тяжести, происходящаго отъ центробежной силы земли этотъ результатъ долженъ обратиться для широты Фрейберга ($50^{\circ} 55'$) въ $5',44$. Употребленіе чугуна вмѣсто свинцу, не обнаружило заметной разницы въ притяженіи, которую можно было бы приписать погрѣшностямъ наблюденія и не обнаружило слѣдовъ дѣйствія магнетизма. (Рейхъ, *Versuche über die mittlere Dichtigkeit der Erde* 1838 стр. 60, 62 и 66.) Принимая слѣдующую малую сплюснутость земли, и не определяя вѣрно плотности горныхъ породъ на поверхности, прежніе физики считали плотность земли, при наблюденіяхъ на горахъ и окологоръ на одну шестую менѣе настоящаго 4,761. (Лапласъ, *Mécan. céleste* T. V. стр. 46). или 4,785 (Эдуардъ Шиндт *Lehrb. der math. Geogr.* Часть I. § 397 и 418). Касательно гипотезы Галлея, приведенной ниже, что земля пустой шаръ (зародыша Франклинскихъ идей о землетрясеніяхъ) см. *Phil Transact. for the year 1693. Vol XVII* стр. 563. (On the structure of the internal parts of the Earth and the probable habitated arch of the shell) Галлей думаетъ, что устроить землю, какъ домъ въ нѣсколько этажей и населить его внутри и снаружи болѣе согласно съ достоинствомъ творящей силы и что нашлось бы средство произвести внутри этого пространства свѣтъ (стр. 576).

7. Сюда относятся превосходныя аналитическія работы Фурье, Био, Лапласа, Пуассона, Дюгамеля и Ламе. Въ своихъ сочиненіяхъ: *Théorie mathématique de la Chaleur*, 1835: стр. 3, 428 — 430; 436 и 521 — 524 (смъ также извлеченіе Ла Рива въ *Bibliothèque universelle de Genève* T. LX стр. 415) Лапласъ изложилъ гипотезу совершенно несогласную съ гипотезою Фурье (*Théorie analytique de la Chaleur*). Пуассонъ не принимаетъ, чтобы земное ядро находилось нынѣ въ жидкомъ состояніи; онъ полагаетъ: «что при охлажденіи черезъ излученіе къ среднѣй, окружающей землѣ, появились сперва части остывшія на поверхности и что посредствомъ двойнаго тока, идущаго съ низу къ верху и обратно, уменьшилось неравенство, которое должно было бы имѣть мѣсто при твердомъ, охлаждающемся отъ поверхности тѣлѣ.» Великому геометру кажется болѣе вѣроятнымъ, что охлажденіе началось въ среднихъ частяхъ, лежащихъ ближе къ цент-

ру, что основанъ увеличиванія теплоты по мѣрѣ углубленія не простирается на всю земную массу, а есть только слѣдствіе движенія нашей планеты во всемірномъ пространствѣ, котораго части по причинѣ теплоты излучае (Chaleur stellaire) имѣютъ очень различную температуру. По мнѣнію Поассона теплота воды нашихъ артезіанскихъ колодезь, есть теплота проникшая въ землю извнѣ: землю можно сравнить съ камнемъ, который перенесенъ отъ экватора къ полюсамъ въ такое короткое время, что онъ не могъ совершенно охладиться. Увеличеніе температуры посредствомъ солнечныхъ лучей въ этомъ утѣхъ, не простиралось бы на его внутренніе слои. Физическія соображенія, изъясненныя въ этой странной космологической гипотезѣ (гипотезѣ, приписывающей небесному пространству то, что принадежитъ скорѣе первому переходу склublывающейся матеріи изъ газообразно-жидкаго состоянія въ твердое) можно найти въ Roggen-dorf's Annales des Physik und Chemie. Часть XXXIX стр. 93 — 100.

8. Смотри выше, стр. 27, 42 и 48. Увеличеніе теплоты найдено въ Нарвижѣ въ Puits de Grenelle на глубинѣ 98½ фута (32 метра): въ колодезѣ въ Ной-Зальвертѣ около Миндена почти на 91 футѣ (29 метровъ 6), въ Преннѣ близъ Женевы, хотя тамъ отверстія колодезя лежатъ въ 1510 футовъ надъ поверхностью моря, по Огюсть де ла Риву и Марес тамъ же 91 футѣ (29 метровъ, 6). Такое согласіе между результатами въ методѣ продолженной въ 1821-мъ году Араго (Annuaire du Bureau des Longitudes 1826 стр. 234) очень странно, и замѣчается въ трехъ сверленныхъ колодезяхъ, которыхъ абсолютная глубина 1683 футовъ (547 м.), 2004 ф. (609 м.) и 680 ф. (221 м.). Двѣ точки на землѣ, выходящіяся въ небольшомъ перпендикулярномъ разстояніи, другъ отъ друга и которыхъ годовая температура опредѣлена очень точно — безвѣрнаго соображенія температура вѣтшиго воздуха на башнѣ парижскихъ обсерваторій и температура Caves de l'Observatoire подъ землей обсерваторіи. Первая равняется 10°,822, вторая — 11°,834, разность 1°,012 на 86 футовъ (28 м.) глубины. (Поассонъ, Théorie math. de la Chaleur стр. 415 и 462). Конечно въ послѣдніе годы, не не разгаданными еще причинами, если возвысился не температура, то крайній-мѣрѣ термометра началъ показывать на 0°,210 болѣе. Въ Артезіанскихъ колодезяхъ приточеніе водъ изъ боковыхъ расщелинъ производитъ иногда измѣненія въ температурѣ воды; въ рудникахъ другія охлаждающіяся воздухъ причины преобладаютъ еще болѣе закъшателства въ результатахъ извѣдыванія температуры, собранныхъ съ такими усиліями. Общій результатъ обширныхъ изиснаній Рейха надъ температурою рудниковъ въ саксонскихъ рудныхъ горахъ тотъ, что температура увеличивается тамъ въ среднемъ на одинъ градусъ на каждые 126½ фута (41, м. 83). Reich, Beob. über die Temperatur des Gesteins in verschiedenen Tiefen 1834, стр. 134). Фаллисъ нашель, что въ шахтѣ плоскоугольной мѣни: Монж-Вермюутъ, близъ Ньюкастля, гдѣ какъ я уже замѣтилъ, работы

производятся на глубинѣ 1404 фут. (456 м.) ниже уровня моря, температура возвышается однимъ градусомъ на каждые $96\frac{2}{3}$ фут. (32, м. 4), почти столько же какъ и въ Puits de Grenelle, какъ замѣтилъ Arago. (Poggend. Ann. Часть XXXIV, стр. 191). Буссенго, Sur la Profondeur à laquelle se trouve la couche de Température invariable entre les tropiques, въ Annales de Chimie et de Physique, 1833, Т. LIII, стр. 225—247.

10. Лапласъ, Exp. du Syst. du Monde, стр. 229 и 263. Mécanique cel. Т. V, стр. 18 и 72. Надобно замѣтить, что дробь $\frac{1}{270}$ градуса стоградуснаго ртутнаго термометра, принятая въ текстѣ за предѣлъ постоянства земной теплоты, со времени Гиппарха, основывается на томъ, что расширеніе тѣлъ, изъ которыхъ состоитъ земля, равна расширенію стекла, то есть, $\frac{1}{100000}$ для одного градуса теплоты. Смотри объ этомъ предположеніи Arago въ Annuaire pour 1834, стр. 177—190.

11. Уже Вильямъ Джильберъ Кольчестерскій, называемый Галилеевъ-великимъ до такой степени, что возбуждаетъ зависть, говорить: «*magnus magnus est ipse globus terrestris*». Онъ смѣется надъ магнитными горами, магнитными полюсами Фракастора, великаго современника Колумба: «*regi-scenda est opinio de montibus magneticis aut pure aliqua magnetica aut polo phantastico a polo mundi distante*». Онъ думаетъ, будто отклоненіе магнитной стрѣлки одинаково на всемъ земномъ шарѣ (*variatio unius cujusque loci constans est*); и объясняетъ кривизну изогоническихъ линій изъ формы материковъ и относительнаго положенія морскихъ водовѣстницъ; производящихъ слабѣйшее магнетическое притяженіе, чѣмъ болѣе возвышенныя надъ Океаномъ массы. (Джилберъ, de Magnete, éd. 1633, стр. 42, 98, 152 и 155.)

12. Gauss, Allgemeine Theorie des Erdmagnetismus, въ Resultaten aus den Beob. des magnet. Vereines im Jahre 1638, стр. 41—56.

13. Есть еще и другія нарушенія, происходящія отъ мѣстныхъ причинъ, не простирающіяся далеко и имѣющія не столь глубокія причины. Рѣдкій примѣръ такихъ нарушеній, выданный въ Фрейбергскихъ рудникахъ, но не въ Берлинѣ, указавъ мною уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ моемъ Lettre à S. A. R. le duc de Sussex, sur les moyens propres à perfectionner la connaissance du magnétisme terrestre; въ Traité expérimental de l'Electricité, Бекереля. Т. VII, стр. 442). Магнетическія бури, чувствуемыя въ одно время въ Упсалѣ и Сиднѣи, не достигли до Альтона (Gauss и Weber, Resultate des magnetischen Vereins 1839, стр. 128; Bleyd въ Comptes rendus de l'Academie des Sciences. Т. XIII, 1843. Séan. II, стр. 725 и 827). Изъ множества нарушеній, открытых въ новѣйшія времена и распространившихся на большія пространства, собранныхъ въ важномъ сочиненіи Себина (Observ. on days of unusual magnetic disturbance 1843), одно изъ самыхъ замѣчательныхъ то, которое было замѣчено 25-го сентября 1841 года, въ Торонто, въ Канадѣ, на Мысѣ Доброй-На-

дежды, въ Прагѣ и частію въ Фандинновой землѣ. Англичане празднуютъ воскресенье съ такою строгостью, что у нихъ считается грѣхомъ смотрѣть въ теченіе этого дня на термометръ и слѣдить за великими явленіями природы во всемъ ихъ развитіи: и какъ по причинѣ разности долготы магнетическая буря произошла въ Фанъ-дженовой землѣ, въ воскресенье, то благодаря этому странному обыкновению, случай наблюсти этотъ феноменъ былъ здѣсь пропущенъ безвозвратно. (Observ. стр. XIV, 78, 85 и 87).

14. Способъ опредѣленія широты мѣстъ на берегу идущемъ съ юга на сѣверъ, который какъ навигаторъ Хильскій и Перуанскій въ некоторую часть года, бываетъ покрытъ туманомъ (garga), посредствомъ наклоненія магнитной стрѣлки, изложенный въ текстѣ, публикованъ въ *Journal de Physique par Lamétherie* 1804, Т. LIX, стр. 449. Этотъ способъ на такія мѣстахъ тѣмъ важнѣе, что мореплаватели теряютъ много времени, если при сильномъ теченіи съ юга на сѣверъ до Мыса Парина, приближаются къ берегу съ сѣвера отъ искомаго гавани. Въ южномъ Океанѣ на разстояніи $3^{\circ}75'$ широты между гаванью Callao de Lima и Truxille я нашелъ, что магнитное наклоненіе наизмѣнилось 9° по стоградусному дѣленію, и отъ Callao до Quasquil на разстояніи $9^{\circ}50'$ широты, — $23^{\circ},05$ (см. мою *Relation Historique*, Т. III, стр. 622). Отъ Guamey (шир. $10^{\circ}4'$). Нуауга (шир. $11^{\circ}, 3'$) до Chancaу (шир. $11^{\circ}, 32'$), наклоненіе магнитной стрѣлки — $6^{\circ},80'$; $9^{\circ},00'$ и $10^{\circ},35'$ по стоградусному дѣленію. Способъ опредѣленія мѣста посредствомъ магнетическаго наклоненія тамъ, гдѣ направленіе корабля перерѣзываетъ изоклиническія линіи почти перпендикулярно, имѣетъ то значительное свойство, что при употребленіи его не нужно опредѣлять времени и слѣдовательно, можно обойтись безъ солнца и звѣздъ. Недавно я нашелъ, что уже въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, то есть двадцатью годами спустя послѣ изобрѣтенія Робертомъ Норманомъ инклинаторія, Джилльберъ въ своемъ большомъ сочиненіи «de Magnete», предлагаетъ опредѣлять широту посредствомъ наклоненія магнитной стрѣлки. Джилльберъ (*Physiologie nova de Magnete*, lib. V, cap. 8, стр. 200) говоритъ, что этотъ способъ можно употреблять «aëre caliginoso.» Эдуардъ Райтъ въ предисловіи къ сочиненію своего великаго учителя, называетъ это предложеніе «стоющимъ много золота». Такъ какъ онъ ошибочно принималъ вмѣстѣ съ Джилльберомъ, что изоклиническія линіи совпадаютъ съ географическими параллельными кругами, также какъ и магнетическій экваторъ и математическимъ, то онъ не замѣтилъ, что упомянутый методъ можетъ имѣть только мѣстное ограниченное употребленіе.

15. Gauss и Weber, Resultate des magnetischen Vereins im Jahre 1838, § 31, стр. 46.

16. По мнѣнію Фараде (*London and Edinburgh Philosophical Magazin* 1836. Vol. VIII, стр. 178), чистый кобальтъ неимѣетъ совершенно магнетическихъ свойствъ. Мнѣ извѣстно, что другіе знаменитые химики (Геррихъ

Розе и Вёлеръ) считаютъ не совсѣмъ вѣрнымъ этотъ приговоръ: если изъ двухъ кусковъ кобальта, совершенно очищенныхъ отъ никеля одинъ не обнаруживается вовсе магнетизма, то всё-таки подозрѣнiе что другой кусокъ обязанъ своимъ магнетизмомъ нечистотѣ, мнѣ кажется вѣроятнымъ и, следовательно мнѣнiе Фараде вѣрнымъ.

17. Arago въ *Annales de Chimie*, Т. XXXII, стр. 214. Брюстеръ въ *Treatise of Magnetism* 1837, стр. 111. Баумгартнеръ въ *Zeitschrift für Phys. und Mathem.*, часть II, стр. 419.

18. Гумбольдтъ, *Examen critique de l'hist. de la Géographie*, Т. III, стр. 36.

19. *Asie centrale*, Т. I. Introduction, стр. XXXVII — XLII. Западные народы, Греки и Римляне, знали, что желѣзу можно сообщить постоянный магнетизмъ («*sola hæc materia ferri vires a magnete lapide accipit, retinetque longo tempore*». Plin. XXXV, 14). Великое открытiе земнаго магнетизма следовательно могло бы быть сдѣлано и на западѣ не случайно, если бы кому-нибудь пришло въ голову кусокъ магнита или намагниченнаго желѣза, прикрѣпить къ дереву плавающему на водѣ или повѣсить на ниткѣ.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ЭКОНОМІЯ

ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

и

СОСТОЯНІЕ ФИНАНСОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

БЫВШАГО МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

=

XIX. О ДЕНЬГАХЪ И О ДРУГИХЪ ЗНАКАХЪ ЦѢННОСТИ.

Мы уже говорили вообще о происхожденіи и о необходимости знаковъ цѣнности, имѣющихъ всеобщее обращеніе. Здѣсь намъ предстоитъ разсмотрѣть разныя особенности этихъ знаковъ.

Въ настоящее время знаки цѣнности большаго или меньшаго хода раздѣляются на слѣдующіе четыре разряда:

1. Собственно деньги, то есть, звонкая монета.
2. Кредитныя деньги.

Т. LXXVI. — Отд. IV.

3. Государственные бумаги.

4. Облигаціи.

1. Звонкая монета.

Въ первобытномъ своемъ состояніи, общество употребляло цѣнности чуждыя, какъ то: раковины, шкуры и тому подобное; но это продолжалось не долго и скоро люди дошли до настоящихъ денегъ. Народы, не имѣвшіе звонкой монеты, при первомъ столкновеніи тотчасъ переняли ее у другихъ. Первоначально употребляли просто металлъ; потомъ дѣлали изъ него куски опредѣленной величины и вѣсу, что до нашихъ временъ удержалось въ Китаѣ; послѣ на куски же начали налагать штемпель, для доказательства ихъ законности, наконецъ стали чеканить собственно звонкую монету.

Наименованія звонкой монеты происходятъ по большей части отъ ея вѣсу: *ливръ* (*livre*) означалъ первоначально во Франціи фунтъ; названіе *талеръ* имѣетъ различное происхожденіе; многія наименованія монетъ перешли до насъ еще отъ Римлянъ. Это составляетъ очень любопытный предметъ разысканій, но мы не можемъ имъ увлекаться.

Что касается до выбора металловъ на монету, то это зависѣло первоначально отъ металловъ, которыми изобилывалъ каждый народъ. Римляне въ началѣ имѣли только мѣдные деньги; но ихъ тяжесть и измѣчивая цѣнность въ торговлѣ заставили въ скоромъ времени прибѣгнуть къ благороднымъ металламъ: къ золоту, серебру; а въ новѣйшее время употребили даже платину, безъ особенной потери или прибыли.

У большей части народовъ, исключая Англій, нормальная цѣнность основывается на серебрѣ. Оно находится вездѣ въ большихъ массахъ и потому цѣнность его не легко измѣняется, притомъ же оно не слишкомъ удобопереносимо; а всего болѣе публичное мнѣніе присвоило ему твердую, неизмѣнную цѣнность. Впрочемъ можно этому удивляться.

Напротивъ того, золото, при своей удобопереносности, скорѣе можетъ увеличиться или уменьшиться въ какомъ-либо государствѣ, и также легче можетъ пересылаться въ уплату и это производить въ его цѣнности перемѣну, которая хотя и весьма

мало значительна, но всё-таки сносѣшествуетъ развитію спекуляціи. Золото имѣетъ тоже въ нѣкоторыхъ государствахъ, по разнымъ причинамъ, различную цѣнность въ-отношеніи къ серебру. Опасенія Англіи, чтобы не было вывозимо слишкомъ много золота, ясно доказываютъ, что металлъ этотъ не годится для нормальной цѣнности. Напротивъ того, серебряная монета весьма выгодна для большихъ оборотовъ, особенно тамъ, гдѣ только принимается звонкая монета и по этому самому необходима.

Во Франціи золотая монета не держится потому, что въ крупномъ видѣ клонитъ къ промѣну, а въ мелкомъ превышаетъ свое нормальное достоинство; не будемъ упоминать о другихъ причинахъ.

Мѣдь годна только для мелкой разнѣнной монеты.

Слѣдующія обстоятельства подлежатъ вопросу: нужно ли или нѣтъ взимать пошлину за издержки чеканки, и какъ поступать съ цѣнною мелкою монетою?

Первый вопросъ дотого входитъ въ составъ монетнаго производства, что мы здѣсь не можемъ заняться имъ во всей подробности. Вообще кажется, что было бы весьма естественно взимать известную, хотя весьма умѣренную, плату за чеканку. Въ Россіи это не существуетъ, и тѣ, которые доставляютъ въ монетный дворъ металлы, получаютъ полную ихъ цѣну вычеканенною монетою. Напротивъ того, владѣтели золотыхъ рудниковъ,—ибо всё другіе не принадлежатъ частнымъ лицамъ,—обязаны весь металлъ ими добываемый отдавать на монетный дворъ и уплачивать умѣренную таксу за чеканку.

Второй вопросъ весьма разностороненъ. Во Франціи и Россіи, напримѣръ, самая малая серебряная монета, пять су, то есть двадцать пять *сантимовъ*, и пятачекъ, чеканятся той же пробы и вѣсу какъ и самая крупная: это хорошо противъ поддѣлки, но такимъ образомъ монета эта должна непремѣнно быть слишкомъ мала и для простыхъ людей неудобна. Въ германскихъ владѣніяхъ чеканятся *биллоны*; они бываютъ двухъ родовъ: 1) большіе, достоинства двадцати пяти *крейцеровъ*, имѣютъ почти полную цѣнность употребленнаго на нихъ металла, только объемъ ихъ больше, по причинѣ лигатуры изъ мѣди; и такимъ образомъ они собственно не *биллоны*; 2) малые, имѣющіе больше лигатуры, не заключаютъ цѣнности металла и поэтому не могутъ на-

зваться монетою, а представляють только знаки монетной дѣльности. Они очевидно весьма удобнымъ; доставляютъ прибыль монетному двору, но поддѣлка такой монеты легче, если даже не совсѣмъ фальшивой, то по крайней мѣрѣ въ той степени, что будетъ хуже пятнадцатью или двадцатью процентами и такимъ образомъ ее трудно распознавать отъ настоящаго биллона. Монета, которой только объемъ увеличенъ, ходитъ, какъ извѣстно по опыту, безъ большаго убытку; но монета малаго объема и притомъ не соответствующая настоящему достоинству, была уже часто поддѣлываема и ввозима въ большомъ количествѣ. Въ обыкновенномъ ежедневномъ употребленіи, это не обращаетъ на себя вниманія, но въ массѣ наноситъ большой ущербъ народу. Впрочемъ монета, имѣющая большую лигатуру, гораздо прочнѣе.

По нашему мнѣнію, монету перваго рода должно удержатъ тамъ гдѣ она существуетъ уже, а монету втораго роду чеканить не слишкомъ въ маломъ видѣ.

Обыкновенно биллоны ниже двадцати крейцеровъ, то есть, пяти грошей, не считаются собственно деньгами, то есть никто не принуждается принимать ихъ въ большой массѣ.

Мѣдная монета должна бы служить только для размѣна самыхъ мелкихъ серебряныхъ монетъ и, считаясь просто монетнымъ знакомъ, чеканиться не въ большомъ количествѣ. Во время нужды, чеканили когда-то въ Швеціи большіе четырехугольные талеры изъ мѣди съ пятью штемпелями. Это не принесло никакой пользы.

То же, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при исключительныхъ обстоятельствахъ, чеканили медали съ особеннымъ штемпелемъ, которыя могли имѣть ходъ въ Россіи, напримѣръ медаль на Александровскую колонну и тому подобное, и многія въ Баваріи.

Говоря о звонкой монетѣ, особенно о мелкой, не должно упускать изъ виду переплавку, порчи, истиранія. Тамъ, гдѣ не взимаютъ платы за чеканку, должно непремѣнно запрещать переплавку; но даже и тамъ, гдѣ такая плата взимается, запрещеніе это полезно тѣмъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ произойти недостатокъ въ звонкой монетѣ, и притомъ же чеканеніе монеты было бы не нужно, если бы позволено было переплавлять ее; серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера могутъ и безъ этого получать слитки металла для своей работы.

Въ Россіи переплавка запрещена; во Франціи нѣтъ на это закона, но его желаютъ. Въ этомъ государствѣ каждому позволено чеканить монету и при условіи, которое заключается по этому предмету съ директорами монетнаго производства, каждый владѣлецъ металла получаетъ выгоды отъ чеканки. Чеканка монеты во Франціи составляетъ частное дѣло директоро́въ, однако жъ подѣ правительственнымъ контролемъ. Поэтому въ этомъ государствѣ чеканятъ столь много монеты и такое огромное количество ся обращается во всей Европѣ. Во Франціи тоже переплавляютъ и разлагаютъ великое множество монеты; съ недавняго времени это производится въ большомъ объемѣ со старою монетою, потому что процессъ разложенія весьма упрощенъ, а черезъ это получается часть золота, служащая платою работникамъ. Старинныя русскія серебряныя монеты заключаютъ въ себѣ тоже частицы золота, но я ввелъ новый процессъ разложенія металловъ.

Порча монеты происходитъ отъ обрѣзыванія, испливанія, продавливанія для украшеній и отъ стиранія. Самый опасный родъ порчи производится на новыхъ золотыхъ монетахъ посредствомъ синильной кислоты, съ цѣлю отдѣлать малую часть золота, чрезъ что штемпель почти нисколько не измѣняется. Во время послѣдней французской войны, Евреи платили тѣмъ людямъ, которые доставляли въ армію большія суммы червонцами, зато, чтобы они позволяли имъ пересчитать одинъ разъ золото на особенномъ для того приготовленномъ сукнѣ. Нигдѣ вообще я не замѣчалъ столь много испорченной серебряной монеты, какъ въ Нидерландахъ.

Монета истирается значительно, и даже весьма значительно въ своемъ оборотѣ; тогда она должна быть перечеканена съ убыткомъ. Убытокъ въ-особенности значителенъ въ малыхъ монетахъ, которыя чеканятся по одной пробѣ съ большими. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, находились въ Россіи монеты въ пятнадцать копѣекъ серебромъ, со времени Екатерины-Второй, которыя дотога были истерты, что подозрѣніе на польскихъ Евреяхъ, будто бы они искусственно ихъ стирали, могло казаться весьма основательнымъ. Нынѣ монета эта уже перечеканена.

Изъ всего сказаннаго видно, что звонкая монета тоже имѣетъ свои убытки. О достоинствѣ благородныхъ металловъ, будемъ говорить ниже.

Токи, или металлическіе обязательныя значки, имѣютъ свою особенность; они означаютъ, что известная сумма звонкой монеты должна быть уплачиваема предъявителю этихъ значковъ. Если хорошо помню, то англійскій банкъ употребилъ эти *токи*, когда ему когда-то недостало звонкой монеты.

Уменьшеніе доброты монеты было въ прежнія времена весьма обыкновеннымъ средствомъ, употребляемымъ правительствами, чтобы приобрести нужныя суммы; это еще недавно происходило въ Турціи. Средство это самое зловредное: порождаетъ безконечныя смуты, а государственной казнѣ вредитъ другимъ образомъ; въ особенности наноситъ ущербъ государственнымъ чиновникамъ, если только ихъ жалованье, несмотря на то, производится по прежнему окладу.

2. Кредитныя деньги.

Кредитныя деньги, или фактивные знаки цѣнности, вообще называемыя ассигнаціями, суть изобрѣтеніе новѣйшихъ временъ и послѣдствіе великаго развитія образованности. Но неоспоримо, что къ изобрѣтенію ассигнацій привелъ недостатокъ въ звонкой монетѣ, и онѣ, какъ всѣ знаютъ, при образованіи французскихъ ассигнацій, были распространены до такой неимоверной степени, что нужно было наконецъ отдавать тысячи бумажныхъ франковъ за одну звонкую *луидоръ*, и дошло до того, что достоинство ассигнацій упало совершенно, несмотря на издаваемые въ ихъ защиту постановленія. Впослѣдствіи это былъ неограниченный налогъ на народъ, тѣмъ болѣе жестокий, что нельзя было назначить его предѣловъ и что онъ выражалъ огромную несоразмѣрность. Звонкая монета совершенно скрылась. Директорія французская, высылая Бонапарте командовать италійскою арміею, могла ему дать на дорогу только нѣсколько, какъ помню, *луидоровъ*.

Другія государства тоже употребляли во зло ассигнаціи, но сохранили известную мѣру, и онѣ въ самыхъ великихъ государствахъ упали только въ четвертой или пятой доли своего нормальнаго достоинства.

И прежде еще происходило много злоупотребленій касательно ассигнацій, въ особенности при системѣ Ло; но это дѣлалось

противъ намѣреній первыхъ учредителей этого роду кредитныхъ денегъ. Государственныя облигаціи переходили и прежде изъ рукъ въ руки; но собственно ассигнаціи получили начало тогда, какъ учредились билеты на опредѣленные, малыя суммы и получили ходъ насильственный: — первыя были только эффеками.

Ассигнаціи могутъ быть раздѣлены на обезпеченныя и не обезпеченныя.

Необезпеченныя, основываются единственно на государственномъ кредитѣ и на обѣщаніи вымѣна на звонкую монету, по востребованію, во всѣхъ публичныхъ кассахъ. Но обѣщаніе это, по самому существу своему, при возрастающей массѣ ассигнацій, должно быть непременно ненадежнымъ. Поэтому пытались учредить ассигнаціи на заклады духовныхъ, государственныхъ имуществъ и тому подобное, но напрасно: гипотeka нераздѣльная, не распадающаяся на малыя участки, не можетъ быть поручительствомъ для лицъ частныхъ; однако жъ мѣнѣе этихъ лицъ образуетъ кредитъ.

Собственно обезпеченныя ассигнаціи имѣютъ особый, ненарушимый для другаго употребленія, размѣнный капиталъ въ наличной звонкой монетѣ, или по-крайней-мѣрѣ въ слиткахъ. Капиталъ этотъ долженъ пополняться по-мѣрѣ своего уменьшенія; его необходимо раздѣлять на мелкіе капиталы, разослать въ разныя мѣста и употреблять безъ остановки для вымѣна представленныхъ ассигнацій. Если такія ассигнаціи исходятъ отъ правительства, то кредитъ увеличивается, когда правительство ручается за нихъ и позволяетъ вымѣнивать во всѣхъ, или по-крайней-мѣрѣ въ малыхъ кассахъ, потому что главныя размѣнныя кассы не всякому близки и доступны.

Величина обезпечивающаго ассигнаціи капитала зависитъ отъ обстоятельствъ, не подлежащихъ положительному опредѣленію. Вообще однако жъ можно принять крайнимъ числомъ для размѣннаго фонда, третью или четвертую долю выпущенныхъ ассигнацій. Основная разница заключается здѣсь въ томъ, будутъ ли ассигнаціи государственными деньгами, принадлежать ли независимому, но состоящему подъ контролемъ правительства, банку публичному, или же составляютъ достояніе частнаго банка? Въ послѣднемъ случаѣ, если только такіе банки могутъ быть допускаемы, — что мы ближе рассмотримъ въ отдѣленіи объ искусственныхъ капиталахъ, — размѣнный капиталъ не долженъ быть болѣе третьей доли выпущенныхъ ассигнацій.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ, народъ по особеннымъ причинамъ имѣетъ непреодолимую недовѣрчивость и отвращеніе къ ассигнаціямъ, какъ напримѣръ во Франціи, гдѣ по причинѣ несчастій отъ нихъ происшедшихъ, дошло до того, что, несмотря на всѣ старанія, невозможно было раздробить билетовъ французскаго банка въ пятьсотъ и тысячу франковъ на билеты двухъсотъ-пятидесяти франковые, хотя даже ассигнаціи на столь большія суммы мало удобны; вообще же ассигнаціи французскаго банка имѣютъ ходъ только въ Парижѣ.

Въ другихъ государствахъ, ассигнаціи имѣютъ значительный вѣсъ по причинѣ удобности пересылокъ и уплаты ими. Въ Пруссіи, напримѣръ, онѣ въ большемъ значеніи, но въ Россіи въ чрезвычайномъ ходѣ; такъ, что при появленіи депозитныхъ билетовъ на серебро, въ продолженіи пяти или шести мѣсяцевъ, частныя лица внесли слишкомъ сорокъ милліоновъ рублей серебромъ, звонкою монетою, за депозитные билеты, а вымѣтъ на серебро былъ несравненно меньше. Когда въ 1838 году, въ Россіи, по системѣ весьма солиднаго обезпеченія на чистомъ капиталѣ шестой доли, привели въ дѣйствіе планъ, состоящій въ томъ, чтобы постепенно вымѣнивать ассигнаціи, состоявшія тогда въ отношеніи $3\frac{1}{2} : 1$, къ государственнымъ кредитнымъ билетамъ на серебро, и такимъ образомъ изъять первыя изъ обращенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, для упрощенія, переобразовать въ одинъ составъ денежные и кредитные билеты, то планъ этого оборота не только имѣлъ самый желанный успѣхъ, не только кредитные билеты вымѣнивались на звонкую монету весьма рѣдко, но еще миліоны рублей звонкою монетою были внесены *à pari* за банкнотные билеты.

Пруссія и Австрія пользуются еще тѣмъ преимуществомъ, что ихъ ассигнаціи имѣютъ незатруднительный ходъ въ сосѣднихъ государствахъ; такимъ образомъ значительное ихъ количество не тяготитъ на собственномъ народѣ. Но обратное ихъ стремленіе къ упадку было бы весьма сильно, если бы случайно онѣ потеряли часть кредита. Въ 1814 и 1815 годахъ русскія ассигнаціи охотно принимались въ Парижѣ.

Впрочемъ специальное развитіе и подробности учрежденій ассигнацій въ различныхъ государствахъ не составляютъ цѣли нашего сочиненія.

Ассигнаціи должны непременно находиться въ соразмѣрности

съ потребностью въ ходячей монетѣ, принимая въ расчетъ и звонкую монету.

Если замѣтенъ недостатокъ въ ходячей монетѣ, ассигнаціи могутъ съ начала получать *ажіо*; то же самое случится, если онѣ служатъ для удобства, какъ напримѣръ, русскія ассигнаціи въ первыя времена своего существованія.

Если ассигнаціи нарушаютъ соразмѣрность, то начинаютъ падать: пока существуетъ фондъ ихъ, онѣ какъ-нибудь держатся; но если фондъ истощился, всякій вымѣнъ дѣлается невозможнымъ. Такъ случилось во время войнъ французской революціи: англійскій банкъ принужденъ былъ, послѣ неудачныхъ попытокъ разнаго рода, прекратить уплату своихъ билетовъ звонкою монетою.

Пониженіе ассигнацій представляетъ особенные феномены. Оно основывается не только на однихъ числительныхъ обстоятельствахъ, которыя извѣстны малому числу людей. Съ начала ассигнаціи держатся въ первобытномъ своемъ достоинствѣ, определенномъ соразмѣрностью числительною; послѣ рождается въ народѣ какое-то неопредѣленное предчувствіе; поговариваютъ: ассигнацій слишкомъ много, и всеобщая недовѣрчивость понижаетъ ихъ всё болѣе и болѣе, ниже всякой соразмѣрности; и болшею частію однимъ ударомъ. Между-тѣмъ цѣны не слѣдуютъ за пониженіемъ ассигнацій; онѣ долгое время остаются низкими и все это порождаетъ много замѣшательства и ущербовъ въ обществѣ. Всего болѣе теряютъ довѣрчивые, которые съ начала отдали свои деньги въ звонкой монетѣ; займы прекращаются на долгое время, въ-особенности несутъ ущербъ тѣ, которые внесли въ банкъ свои деньги. Правительство принижаетъ различныя средства поддержанія банковыхъ билетовъ; дѣлаетъ попытки, ошибается, прибѣгаетъ къ временнымъ средствамъ, — все тщетно; наконецъ оно принуждено преобразовать ассигнаціи тѣмъ или другимъ образомъ.

Въ случаѣ пониженія ассигнацій, кажется, было бы самымъ естественнымъ средствомъ прекратить дальнѣйшій ихъ выпускъ; оставить ихъ въ первобытномъ курсѣ и выжидать возможности вымѣнять ихъ на серебро. Самое же неловкое, что можно сдѣлать въ этомъ случаѣ, это перемѣнить ассигнаціи въ долгъ, погашаемый процентами; зло уже существуетъ и нельзя даже думать объ его исправленіи; кчему же обременять народъ новыми процентными налогами?

На случай пониженія ассигнацій, неразъ уже были предпринимаемы дурныя мѣры; вообще задача поддержанія, и улучшенія ассигнацій неудоборѣшима, а онытъ могъ уже выправить идеи правительство въ этомъ отношеніи. По той же причинѣ, какъ мы уже сказали выше, французскія ассигнаціи потеряли весь ходъ, потому что сдѣлались страшилищемъ и превратились въ ничтожество.

Впрочемъ нельзя слишкомъ порицать правительства за преувеличенное умноженіе ассигнацій, если только при этомъ не было злоупотребленій; потому что иначе какимъ же бы образомъ правительства могли избѣгнуть великихъ катастрофъ?

Повышеніе ассигнацій, послѣ ихъ упадка, можетъ произойти самымъ естественнымъ образомъ, не нуждаясь въ какихъ-либо мѣрахъ, когда при возрастающемъ довѣрїи дѣлается очевиднымъ, что народъ нуждается въ ходячей монетѣ, и это онъ чувствуетъ самъ, а не иначе. Такимъ образомъ возвысились русскія ассигнаціи, несмотря на огромное умноженіе наличныхъ денегъ, постепенно болѣе чѣмъ на седьмую долю, то есть, на пятнадцать процентовъ. Повышеніе это въ послѣднее время было столь сильно, что должно было принять вышеупомянутыя мѣры, чтобы преобразовать сполна денежную систему. Къ тому присоединилось весьма удивительное обстоятельство, что мелкіе мѣшалы ассигнацій и звонкой менеты тоже возвысили курсъ, такъ, что, хотя осталась соразмѣрность съ биржевымъ курсомъ, но по причинѣ возрастающаго повышенія обоихъ сортовъ денегъ, произошли прибыли при уплатѣ за товары, взятые въ кредитъ на продолжительный срокъ; эти минимые курсы имѣли ходъ даже въ частной жизни. Это, столь удивительное явленіе, многимъ можетъ показаться немнѣвернымъ, но было причиною великихъ несчастій.

Повышеніе ассигнацій, по приведенному образцу, безъ сомнѣнія, происходитъ постепеннѣе и соразмѣрнѣе, нежели ихъ упадокъ; но ущербы неминуемы для должниковъ только въ противоположномъ порядкѣ.

Притомъ надобно замѣтить, что существо ассигнацій весьма различно отъ государственнаго долга, и неосновательно было бы называть ихъ именемъ послѣдняго: онѣ скорѣе способъ неизменнованныхъ налоговъ особаго роду; подобно портѣ монеты, посредствомъ которыхъ правительство присвоиваетъ себѣ часть имущества членовъ государства; ассигнаціи во зло употребленныя — скорѣе родъ грабежа, который долженъ существо-

вать и не можетъ быть вознаграждёнъ, потому что невозможно свести счетовъ ущербамъ лицъ частныхъ.

Особенный родъ ассигнацій, имѣющихъ тоже фонды, составляли билеты русскаго казначейства, приносящіе проценты и выпускаемые на срокъ. Сочинитель этой статьи долженъ былъ цѣлѣмъ такіе билеты въ обращеніе во время войны. Проценты, считая по денно, составляли за триста-шестьдесятъ пять дней немного болѣе четырехъ со ста и уплачивались ежегодно; на оборотной сторонѣ билета, года обозначены были квадратами и, при уплатѣ процентовъ, на таковомъ квадратѣ прикладывалась печать. Эти, болѣею частью и нынѣ ходящіе, билеты, встрѣтили такое одобреніе въ низшихъ классахъ отдѣльныхъ провинцій и въ Сибири, что совершенно исчезли изъ главныхъ городовъ и очень рѣдко возвращались въ казначейства; денежное же существо этихъ билетовъ основывалось именно на томъ, что они были учреждены на извѣстное только количество, *minimum*, на двадцать пять рублей серебромъ. Во время выпуска этихъ билетовъ, невозможно было сдѣлать займа на такіе проценты. Мы считаемъ билеты эти хорошимъ учрежденіемъ Государственнаго Казначейства, но, разумѣется, выпускъ ихъ долженъ производиться только помѣрнѣе того, какъ этого требуютъ обстоятельства государства.

3. Государственныя бумаги.

Государственныя бумаги состоятъ изъ фонда или займовъ государственныхъ, городскихъ и тому подобныхъ, изъ различнаго роду акцій, каждая въ опредѣленную сумму; далѣе изъ билетовъ наличнаго депозиціоннаго банка, земскихъ товариществъ, первые по болѣею части на неопредѣленныя суммы, и изъ тому подобнаго.

Тамъ, гдѣ эти бумаги могутъ быть продаваемы, онѣ замѣняютъ во многихъ случаяхъ деньги. Билеты по предъявленіи на русскіе банки, то есть, квитанціи вкладчикамъ на проценты отъ внесенныхъ суммъ различнаго количества, имѣютъ такой всеобщій ходъ, что огромные обороты совершаются по болѣею части посредствомъ этихъ билетовъ, а кассы составляются отчасти изъ нихъ. Между тѣмъ, такъ какъ капиталы и акціи возвышаются и понижаются, а никто вообще не обязанъ принимать этихъ бумагъ въ уплату, то онѣ не имѣютъ собственно денежнаго

свойства, тѣмъ болѣе что для ближайшаго употребленія должно перемѣнять ихъ на деньги.

Поэтому фонды и акціи допускаютъ биржевыя спекуляціи, эту несчастную страсть нашего вѣка, которая немного лучше азартной игры. Самыя большія спекуляціи дѣлаются на невѣрные фонды, вѣрные же остаются въ маломъ оборотѣ; фонды не имѣющіе собственно никакого достоинства, всего болѣе допускаютъ биржевые обороты. Спекулянтъ не на то рассчитываетъ, чтобы фондъ былъ вѣрный, ему нужно чтобы акціи и фонды падали и возвышались въ продолженіи нѣкотораго времени, чтобы разница доставила ему прибыль: онъ по-возможности распускаетъ ложные слухи для достиженія своей цѣли. Банкиръ, предпринимающій заемъ, также же мало заботится объ его будущей судьбѣ, если только можетъ впередъ получить свои барыши.

Самый жаркій ажіотажъ производится акціями; потому что онѣ не только основываются на чистыхъ процентахъ, но еще стремятся къ прибыли. Отдѣльные случаи, напримѣръ ассальтовыя акціи, уступаютъ немного сумасбродству системы Ло и въ послѣдніе годы на желѣзныя дороги назначены столь невозможныя суммы, что покрыть ихъ или совершенно невозможно, или только посредствомъ капиталовъ, отнятыхъ отъ полезнѣйшихъ отраслей промышленности. Притомъ акціи возвысились выше всякихъ разумныхъ предположеній, и даже происходили многіе беспорядки отъ обѣщаній акцій такихъ обществъ, которые еще не были основаны. Многія правительства воспретили крайней-мѣрѣ продажу на срокъ; многія дѣйствовали нерѣшительно, по причинѣ своей слабости, или изъ опасенія надѣлать себѣ враговъ.

4. Облигаціи.

Звонкая монета и ассигнаціи имѣютъ собственно денжное свойство; кредитные билеты замѣняютъ иногда деньги и обезпечиваютъ капиталы кредитомъ государства, банковъ или обществъ на акціяхъ; облигаціями же мы называемъ такія бумаги, которые основываются единственно на частномъ кредитѣ, какъ-то: векселя, заемныя письма, счета, или же имѣютъ матеріальное обезпеченіе и такимъ образомъ приближаются къ кредитнымъ билетамъ, какъ-то: частныя закладныя; однако жъ онѣ менѣе годны къ оборотамъ,

потому что при денежномъ ихъ осуществленіи могутъ случиться трудности, процессы, потеря времени. Между-тѣмъ облигаціи служатъ часто, посредствомъ перевода, для уплаты вмѣсто денегъ, но всегда только въ случаѣ необходимости. Первое мѣсто въ отдѣленіи облигацій занимаютъ векселя, порицаемые такъ строго, справедливо или неосновательно; по отношенію къ нимъ учетъ такъ сильно распространился въ нынѣшнее время.

Хиросграфическій частный кредитъ весьма много зависитъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: можетъ ли должникъ уплатить, захочетъ ли, и какъ его къ этому принудить законными средствами? Тамъ, гдѣ не ясны первыя два обстоятельства, немного помогаетъ третье, хотя бы допустить самыя лучшія узаконенія; арестъ за долги и тюремное заключеніе не возвращаютъ денегъ, а служатъ только мощнымъ средствомъ устраненія легкомысленныхъ или злостныхъ должниковъ. Извѣстно, что Увраръ выдержалъ тюремное заключеніе за долги, чтобы приобрести нѣсколько милліоновъ, которые онъ, быть-можетъ, могъ уплатить. Въ этомъ отношеніи нельзя быть снисходительнымъ.

Впрочемъ, векселя бываютъ честныя, которые выдаются за наличныя деньги; но бываютъ тоже недѣйствительныя, когда вексель покрывается векселемъ, или даже такіе, которые пишутъ по предварительному условію два лица, одно на другое, чтобы производить по нимъ учеты или же отдавать ихъ въ уплату. Это зло весьма значительно.

Вексельный учетъ основывается на свойствѣ векселя, по-крайней-мѣрѣ на свойствѣ подразумеваемомъ. Частный человекъ по большей части знаетъ лицо, съ которымъ имѣетъ дѣло; публичныя банки стараются обезпечить себя насчетъ векселедателей, забирая свѣдѣнія у директоровъ изъ купечества; но все это не охраняетъ отъ неоднократныхъ убытковъ.

Великое развитіе учетовъ—есть особенность нашего времени; это безпредѣльная антиципація капитала для предпріятій, на которыя не имѣютъ достаточныхъ своихъ суммъ. Такимъ образомъ учетъ принадлежитъ къ непрерывнымъ стремленіямъ нашего времени, имѣющимъ основаніе частію въ преувеличеніи средняго сословія, частію въ духѣ безпокойства и неумѣренности, который заставляетъ всѣхъ стремиться выше и выше. Но какъ каждая антиципація нерѣдко сопряжена съ потерями, то и неудивительно, что число банкротовъ сильно увеличилось.

XX. ОБЩИЙ ОБЗОРЪ ЗНАКОВЪ ЦѢННОСТИ.

Исчисливъ такимъ образомъ различные знаки цѣнности въ отдѣльности, мы должны теперь представить въ связи разные общія замѣчанія.

Деньги, а именно звонкая монета, имѣютъ одинаковое достоинство во всѣхъ государствахъ, по-крайней-мѣрѣ въ европейскихкихъ, но въ частности происходитъ различіе, основывающееся на цѣнѣ предметовъ, о чемъ мы будемъ говорить впоследствии. И не можетъ быть иначе, потому что тогда серебро должно было бы имѣть тоже различное достоинство, и перемѣнилось бы отношеніе серебра къ золоту. Понятно, что мы не говоримъ здѣсь о необразованныхъ внѣ-европейскихъ народахъ; колоніи получили уже характеръ Европы и въ различныхъ великихъ азіатскихъ державахъ, напримѣръ въ Остѣ-Индіи, европейское начало получило совершенную силу. Въ Китаѣ золото имѣетъ болѣе достоинства чѣмъ серебро, потому что въ этой занертой Поднебесной державѣ золота находится весьма немного: однако же сибирскія золотыя промысловыя воспламенили Китайцевъ къ старательнѣйшему занятію этою отраслею. Нѣкоторые промысловыя существовали у нихъ и прежде. Можно сомнѣваться, останется ли отношеніе золота на прежней степени, когда сибирскія промысловыя столь умножаются и когда его будетъ болѣе? Разрѣшеніе этого вопроса было бы преждевременнымъ, тѣмъ болѣе, что вѣрное вычисленіе, въ какомъ отношеніи удержится всеобщее приращеніе золота къ наличной его массѣ и къ безпрестанно увеличивающемуся употребленію золота, почти невозможно, по причинѣ сомнительныхъ чиселъ. Но кажется, что настоящее мнѣніе о достоинствахъ золота можетъ еще долго господствовать, какъ это часто случается въ дѣлахъ этого міра.

Что бы ни говорили, а звонкая монета составляетъ истинное богатство, а потому и истинный капиталъ. Металлъ или добывается изъ собственныхъ рудниковъ и можетъ быть вымѣниваемъ на товары иностранные, если его не требуютъ на чеканку денегъ, или же онъ самъ вымѣнивается изъ-за границы за товары, которые могли бы быть истреблены. Металлъ нельзя назвать капиталомъ мертвымъ; онъ находится въ безпрерывномъ обращеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ двойственное свойство, по тому что если нѣтъ нужды въ деньгахъ, его можно употребить

какъ продуктъ на вымѣнъ другихъ продуктовъ. Если металлъ переходитъ въ товаръ, то имъ можно располагать только для иностранныхъ земель. Это случается тогда, когда по причинѣ изобилія рудниковъ или стеченія торговыхъ обстоятельствъ, накопляется въ какомъ-либо государствѣ болѣе денегъ, чѣмъ нужно для оборота и увеличенія капиталовъ.

Весьма важенъ вопросъ о величинѣ объема монеты: нельзя считать за одно и то же, будетъ ли монета велика или мала, потому что опытъ доказываетъ, что тамъ, гдѣ монета крупнѣе, цѣна предметовъ становится выше, гдѣ же она слишкомъ мала, то происходятъ неудобства особеннаго рода. По моему мнѣнiю, *рубли* и *талеры* слишкомъ велики, *гульдены* лучше, *франки*, *марки* и прежнiе русскiе *рубли ассигнацiонные* самые удобные. Я тоже замѣтилъ, что послѣ увеличенiя серебряныхъ рублей, трудно было свыкнуться съ ними. *Доллары* еще больше и неудобнѣе. Въ Англiи *шиллингъ* составляетъ собственно монетную единицу для общежитiя, счетъ же на *фунты стерлинговъ* затруднителенъ и, въ нѣкоторомъ отношенiи это счетъ безсмысленный. Далѣе, счетъ еще неудобнѣе на *мильрейсы* и *контосы*. Турецкiй *пиастръ* упалъ на пять *су*, а греческiя *драхмы* тоже слишкомъ малы. Между тѣмъ существующая монетная единица измѣняется съ большимъ затрудненiемъ, потому что перечекавка монеты требуетъ издержекъ и времени, а между тѣмъ порождаетъ замѣшательство.

Путешественники легко могутъ замѣтить, что вышензложенныя нами замѣчанiя основаны на опытѣ и относятся къ трудностямъ примѣненiя монетнаго масштаба къ цѣнѣ предметовъ; однако жъ поясненiе этого оставимъ другимъ. Также замѣчено, что при введенiи серебряной монеты намѣсто ассигнацiй, цѣны повысились, по той причинѣ, что продавцы воспользовались новымъ расчетомъ, чтобы округлить цѣну въ свою пользу.

Децимальное раздѣленiе денегъ, хотя очень удобно для употребленiя въ большой массѣ, но, по причинѣ происходящихъ отъ него дробей, не годится для общежитiя, которое нуждается въ сексагезимальномъ раздѣленiи.

Кромѣ уже приведенныхъ случаевъ, наличныя деньги иногда исчезаютъ совершенно особымъ образомъ, тамъ, гдѣ ассигнацiи принимаются за действительныя деньги и весьма распространились. Утверждаютъ, что ассигнацiи выводятъ звонкую монету изъ государства. Это справедливо только въ извѣстной степени:

и за что же звонкая монета должна выходить? Вѣрно ввезено было болѣе товаровъ, но к чему же? звонкая монета не печатается, а скрывается только; я самъ видѣлъ время, когда внутри Россіи можно было почти помереть голодною смертію, имѣя только серебряные рубли, которыхъ никто не бралъ въ общежитіи и почти не зналъ. Но когда выпускъ ассигнацій прекратился, серебро вошло вскорѣ во всеобщее обращеніе при мелкихъ уплатахъ и у народа показались большія массы серебряной и золотой монеты. Вскорѣ начали жаловаться на недостатокъ ассигнацій, происшедшій отъ того, что онѣ употреблялись исключительно для большихъ оборотовъ. Существо денегъ имѣетъ ту особенность, что по всѣмъ теоріямъ кажется такъ, а при ближайшемъ разсмотрѣніи предмета, иначе, потому что здѣсь перемѣшиваются ложныя и справедливыя мнѣнія публики, и порождаютъ одно мнѣніе, котореодерживаетъ верхъ, или же представляется какимъ-то среднимъ числомъ между идеями. Естественно, что публичныя бумаги весьма полезны въ этомъ отношеніи. Во Франціи тоже, послѣ катастрофы ассигнацій, появилась звонкая монета въ весьма достаточномъ количествѣ.

Заведеніе денегъ и ихъ дополненіе по мѣрѣ потребности въ обращеніи и по мѣрѣ ихъ убыли, чрезъ зарываніе въ землю, потерю и истребаніе въ оборотѣ, представляетъ важную задачу для государства. Въ наше время высокой образованности, когда потребность въ представительныхъ знакахъ цѣнности столь велика и безпрестанно возрастаетъ, такъ, что, наконецъ, угрожаетъ превзойти доходы отъ рудниковъ, рождается вопросъ: не нужно ли часть звонкой монеты замѣнить ассигнаціями, и по-крайней-мѣрѣ дополнить количество тамъ, гдѣ онѣ еще не существуютъ?

Намъ кажется, что это можетъ и должно быть, если даже прежде не принуждаютъ къ этому особенныя обстоятельства; въ наше время, я думаю, всѣ убѣдились въ этой потребности. Во всякомъ случаѣ можно сдѣлать сильныя противъ этого возраженія, наприимѣръ слѣдующія: опытъ доказалъ, что всѣ ассигнаціи были во зло употребляемы; не должно открывать шлюзовъ правительства, потому что за этимъ слѣдуетъ неукротимое стремленіе; гдѣ легко добываются деньги, тамъ онѣ легко издерживаются; невозможно найти справедливыхъ отношеній и, хотя бы ассигнаціи оставались свачала въ благоразумныхъ предѣлахъ, однако жъ отдавать въ руки правительства готовое, заученное

средство, чтобы оно заняло все ассигнаціи, если не въ обыкновенное время, то вѣрно на случай войны или при другихъ трудныхъ для него обстоятельствахъ; гдѣ находятся ассигнаціи, тамъ не только нужно оставить ихъ, но необходимо вводить новыя, хотя бы онѣ были величайшею несоразмѣрностью,—и много подобныхъ возраженій.

Возраженія эти чрезвычайно важны, но опровергаются опытомъ. Между-тѣмъ разсуждая о правительствѣ, основываясь на изученіи его посредствомъ опыта, необходимо принимать хотя бы ограниченный оптимизмъ, и, слѣдовательно быть убѣжденнымъ, что отъ правительствъ нельзя ожидать злоупотребленій въ обыкновенное время; въ необыкновенныя же эпохи они всегда имѣютъ право выпустить ассигнаціи. Спрашивается, к чему оно должно прибѣгнуть для своего спасенія, если займы невозможны, если налоги военные трудно удовлетворяютъ потребностямъ значительной войны? Упастъ оно не точетъ и не должно. Притомъ надобно надѣяться, что будутъ искать средствъ для избѣжанія этихъ случаевъ; теперь въ Европѣ говорятъ только о мирѣ, но, конечно, нельзя предвидѣть, какъ долго это продолжится.

Поэтому, несмотря даже на перемѣнчивые случаи, нераздѣльные съ человѣческими дѣлами, полагаемъ, не совѣтуя однако жъ прямо, что было бы полезно для государства имѣть ассигнаціи при звонкой монетѣ, только при извѣстныхъ условіяхъ, а именно:

1. Не должно вводить ассигнацій, или же вводить постепенно, тамъ, гдѣ въ народѣ существуетъ къ нимъ недовѣрчивость и отвращеніе.

2. Ассигнаціи должны быть единственно только вспомогательнымъ средствомъ для звонкой монеты.

3. Ассигнаціи должны быть основательно обезпечены неприкосновеннымъ, хотя и умѣреннымъ, размѣннымъ капиталомъ; принимаемы во всѣхъ публичныхъ кассахъ и размѣниваемы въ нихъ по-крайней-мѣрѣ въ опредѣленной степени; правительство должно ихъ обезпечить и предоставить имъ ходъ монетный наравнѣ съ другими деньгами.

Впослѣдствіи мы займемся разсмотрѣніемъ ноть частныхъ банковъ.

4. Ассигнаціи должны находиться въ вѣдомствѣ государственнаго отвѣтственнаго мѣста, которое не имѣетъ права позволять никакихъ тайныхъ выпусковъ.

5. Масса ассигнацій, предназначенная къ выпуску или къ вымѣну, должна быть строго опредѣлена. При введеніи новыхъ

ассигнацій, выпускъ опредѣленнаго количества долженъ производиться постепенно, причемъ должно быть обращено бдительное вниманіе на ходъ ихъ, чтобы можно было прекратить выпускъ въ свое время.

6. Дополненіе ходящихъ знаковъ цѣнности, должно сначала производиться звонкою монетою, болѣе для вознагражденія недостатка, чѣмъ по причинѣ усиленнаго требованія циркуляціи.

7. Если бы по простествіи даннаго времени, по ходу дѣлъ или по желанію публики, оказалось, что хорошо было бы умножить немного опредѣленное въ началѣ количество ассигнацій, то это умноженіе должно быть произведено послѣ зрѣлаго разсмотрѣнія, въ умѣренной суммѣ, непременно публично, чтобы послѣ могло постепенно уменьшаться.

8. Избѣгать по возможности войны, когда же она непременно должна наступить,—прибѣгать къ займамъ, къ выпуску билетовъ государственнаго казначейства, военной подати. Если же эти средства окажутся неудовлетворительными, и если бы въ величайшей нуждѣ, должно было прибѣгнуть къ ассигнаціямъ, то это необходимо сдѣлать явно, посредствомъ воззванія къ народу; тайна же принесетъ никакой пользы, а ассигнаціи почти невозможно удержать иначе, даже выше приведенными средствами*.

9. Если уничтоженіе негодной къ употребленію и не вымѣненной ассигнаціи, произойдетъ такъ, что нельзя имѣть въ томъ сомнѣнія, то уничтоженная ассигнація должна быть вновь выдана. Требуется особенной усмотрительности въ отношеніи заемнаго, размѣннаго капитала, назначеннаго для замѣна старыхъ билетовъ на новые.

10. Ассигнаціи должны быть такъ составлены, чтобы трудно было поддѣлать ихъ и поддѣлку необходимо предупреждать всѣми возможными средствами **.

* Здѣсь между прочимъ надобно замѣтить, что величайшія нужды происходятъ почти всегда и отъ вины правительствъ. Французы въ войнахъ революціи не достигли бы никогда такого могущества, если бы другіе народы, подстрекаемые Англіею, которая при этомъ погрузилась въ бездну долговъ, не возобновляли всегда войны, хотя не было никакой надежды на успѣхъ; или по-крайней-мѣрѣ если бы общими силами лучше противодействовали напору, какъ это произошло въ позднѣйшее время.

** Какъ бы ни были недостаточны нѣкоторыя административныя англійскія учрежденія, все же трудно постигнуть, какимъ образомъ поддѣльные билеты казначейства могли распространяться впродолженіи нѣкотораго времени посредствомъ одного главнаго лица изъ самого же банка.

Новыя русскія ассигнаціи въ главномъ своемъ основаніи учреждены по вышеизложеннымъ нами началамъ.

Между-тѣмъ, говоря объ этомъ, мы очень чувствуемъ, что касаемся важнаго и опаснаго предмета; мы уже сказали, что не только не совѣтуемъ, но и сами всегда удерживались отъ умноженія ассигнацій. Впрочемъ, такъ-какъ ассигнаціи существуютъ уже почти вездѣ, даже въ Турціи, то можно сказать, что здѣсь дѣло идетъ не только о ихъ введеніи, сколько о разумномъ государственномъ ихъ управленіи.

При строго опредѣленной суммѣ ассигнацій дѣло находится въ надлежащемъ порядкѣ и должно, по нашему мнѣнію, оставаться при этомъ сколько возможно, а увеличеніе потребности въ ходячей монетѣ покрывать только звонкою монетою. Если ея будетъ слишкомъ много, то вредъ не большой; она превратится въ товаръ. Противъ постепеннаго даже дополненія недостатка въ ходящей монетѣ возстаютъ, говоря, что справедливая мѣра потребности въ циркуляціи можетъ-быть опредѣлена только посредствомъ весьма далекой вѣроятности и поэтому, дополняя недостатокъ, можно легко перейти предѣлы соразмѣрности и недостатка. Между-тѣмъ въ обширныхъ государствахъ, — какъ на примѣръ, Сѣверо-Американская Россія, внутри которыхъ связь еще не велика, и вексельное дѣло и купеческій кредитъ не вездѣ образовались и учредились, дополненіе посредствомъ звонкой, неудобной къ перевозу, монеты, не можетъ имѣть желаемаго успѣху.

Неразъ уже было замѣчено, что оборотъ денегъ бываетъ иногда сильнѣе, иногда слабѣе, помѣръ-того какъ умножаются или останавливаются общественныя сдѣлки. Причины этому слѣдующія: благоприятныя или неблагоприятныя торговыя обороты войны, дороговизна, или же чрезмѣрная дешевизна предметовъ, великія предпріятія, нравственное и умственное направленіе эпохи, внутреннія, политическія отношенія народа и все тому подобное, — что весьма легко можно замѣтить. Но при этихъ фазахъ денежнаго оборота весьма трудно разунать, существуетъ ли дѣйствительный недостатокъ временный, или продолжительный въ средствахъ циркуляціи. Ближайшія подробности этого предмета не могутъ быть изложены въ опредѣленіяхъ положительной науки. Это было причиною того, что начали вѣрить, будто бы частныя ассигнаціонныя банки поддерживаютъ справедливое отношеніе ходящихъ средствъ въ государствѣ; касательно этого вопроса мы распространимся впоследствии.

Подражаніе или поддѣлываніе звонкой монеты, ассигнацій, век-

селей, происходитъ часто, поддѣлываніе кредитныхъ билетовъ и облигацій гораздо рѣже. Предметъ этотъ заслуживаетъ старательнѣйшей бдительности правительствъ. Однако жъ, несмотря на всѣ изобрѣтенія и ловкость нашего времени, несмотря на стремленіе къ средствамъ жизни и къ богатству, поддѣлка денегъ не столь опасна, какъ повидимому кажется. Если бы даже отпечатывали на билетахъ гравировку величайшихъ художниковъ, если бы по нимъ писалъ самъ Рафаэль, если бы ихъ разрисовывали труднѣйшими узорами и употребляли для нихъ самымъ искуснымъ образомъ отдѣланную бумагу, всё-таки билеты могутъ быть поддѣланы, хотя и не въ полномъ совершенствѣ: но въ состояніи ли вся публика разсуждать и разузнать то, что будетъ ясно только для знатоковъ дѣла *.

Однако жъ самое поддѣланіе не представляетъ столько затрудненій, сколько выпускъ поддѣланныхъ билетовъ. Если даже можно легко обмануть народъ поддѣльными малыми билетами при ежедневныхъ издержкахъ, то это не вознаградитъ ни труда, ни опасности. Напротивъ того, чтобы удобно пустить въ ходъ поддѣльные билеты въ большихъ массахъ, нужно имѣть сообщниковъ и помощниковъ, которые, производя великіе обороты, могутъ вмѣшивать по частямъ поддѣльные билеты между подлинными. Но люди, имѣющие какое-либо имущество, не пускаются легко на подобныя трудныя и строго наказываемыя предпріятія; да притомъ трудно не быть открытымъ, если мы только довѣряемся третьему лицу.

Поэтому, при бдительности правительства, всѣ подобныя поддѣлыванія всегда почти открывались. Въ Англіи находились фабрики поддѣлыванія банковыхъ билетовъ, но малое число ихъ дошло до государствъ, для коихъ они были назначаемы. Нужно только исключить изъ этого единственный случай, единственное неимовѣрное публичное предательство, именно, когда повелитель Французовъ приказалъ поддѣлывать и пускать въ ходъ въ 1812 году русскія ассигнаціи, которыя къ тому еще весьма удобно распознавались, потому что подписи были напечатаны, когда на подлинныхъ онѣ отчасти писались.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія можно замѣтить, что при вы-

* На новыхъ русскихъ банковыхъ билетахъ, на оборотной сторонѣ напечатаны главные о нихъ узаконенія шестью различными, отъ части весьма мелкими шрифтами особеннаго роду; въ Россіи по-крайней-мѣрѣ это представляетъ великую трудность въ поддѣлываніи.

мѣнѣ ассигнацій въ Россіи на новоустроенные билеты, нашлось только весьма умеренное число поддѣльныхъ.

Вообще менѣ поддѣлывали кредитные билеты и облигаціи, хотя при благоприятныхъ обстоятельствахъ билеты банковъ на неопредѣленные суммы могутъ быть пускаемы въ ходъ въ большомъ количествѣ. По большей части не стоить поддѣлывать такіе билеты; часто особенный фасонъ ихъ для нѣкоторыхъ случаевъ представляетъ слишкомъ много затрудненій, а что болѣе, както не принимаетъ ихъ отъ неизвѣстнаго человѣка и во всякомъ случаѣ съ величайшею осторожностью, между-тѣмъ непосредственный арестъ всегда ожидаетъ предъявителя поддѣльнаго билета. Въ продолжительной моей практикѣ, я помню только единственный случай такой поддѣлки.

Звонкая монета легче поддѣлывается, по причинѣ своей формы и матеріала, но изготовленіе большого выпуска требуетъ заведеній, которыя весьма ускоряютъ открытіе. Распространеніе фальшивой монеты такого роду такъ же трудно, или еще труднѣе чѣмъ выпускъ поддѣльныхъ ассигнацій. Сколько намъ извѣстно, поддѣльная звонкая монета никогда очень не распространялась, только поддѣльные биллоны, постепенно выпускаемые, возросли до огромнаго количества. Самая ловкая поддѣлка звонкой монеты состоитъ въ томъ, чтобы снявъ ея край, распилить и наполнить платиною, а потомъ вновь все соединить; но это весьма трудно. О стравливаніи мы уже говорили.

Предлагали чеканить монету съ величайшимъ искусствомъ, чтобы затруднить поддѣлку. Мы не думаемъ, чтобы отъ этого произошло много пользы, потому что и такую поддѣлать можно, хотя бы и немного хуже; но кто сьумѣетъ отличить настоящую съ поддѣльной? Между-тѣмъ издержки на чеканку подобной монеты будутъ значительно больше, особенно если нужно часто перебивать штампеля. Наконецъ изображеніе изотрется, а и такую монету можно поддѣлать. Трудность. еще состоитъ въ томъ, что безъ слишкомъ рѣзкаго изображенія, которое неудобно для звонкой монеты, ничего особеннаго нельзя ожидать отъ улучшенной чеканки монеты.

Въ древнія времена чеканили монету молотомъ, послѣ, особеннаго роду щипцами, которые мы видѣли въ весьма замѣчательномъ парижскомъ монетномъ музеѣ. Нынѣ, для чеканки монеты, употребляются весьма сложныя машины, цилиндрическія, цѣдильныя, чертительныя, большія чеканныя пневматическія машины,

и тому подобныя, которыхъ ближайшее разсмотрѣніе не принадлежитъ нашему предмету.

Въ наше время монета составляетъ достояніе государственное и не допускается въ частной промышленности; прежде же была дозволена, что производило значительный вредъ.

Полагаемъ, что въ Россіи, Франціи и въ другихъ государствахъ, хорошо было бы бить медали, изъ предосторожности, только въ публичныхъ монетныхъ дворахъ.

Обыкновенно монета производится только монетнымъ управленіемъ государства и въ последнее время весьма ограничили число монетныхъ дворовъ, въ-особенности по причинѣ большихъ издержекъ на машины. Между-тѣмъ во Франціи, монетные дворы, которыхъ есть нѣсколько, составляютъ собственность публичную, но, какъ уже сказано, изготовленіе монеты считается частнымъ дѣломъ монетныхъ директоровъ, однако жъ подѣ строгимъ контролемъ. Но какъ все это препятствуетъ приобрѣтенію усовершенствованныхъ, драгоценныхъ машинъ и поэтому чеканить монету старымъ способомъ, то и возродился еще колеблющійся проэктъ, основать одинъ только монетный дворъ въ Парижѣ. Это произвело бы отчасти уменьшеніе слишкомъ большой выдѣлки монеты, но противъ этого проэкта возстаютъ, говоря, что будто бы свозъ металловъ въ одно мѣсто будетъ весьма затруднителенъ, а дѣло въ томъ, что многіе лишались бы прибыли отъ чеканенія монеты.

ЭКОНОМІЯ

ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

■

СОСТОЯНІЕ ФИНАНСОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

БЫВШАГО МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

=

XXI. О БАНКАХЪ.

Банковья заведенія, такъ тѣсно связанныя съ монетнымъ дѣломъ, кредитными постановленіями, съ торговлею и промышленностью, раздѣляются по существу своему на такія, которыя дѣлаютъ обороты свои, или чужими, отдаваемыми на проценты, капиталами и называются « Депозиціонные Банки » и на « Ассигнаціонные и Эффективные » Банки. Смотри по образу ихъ дѣйствованія, они суть: 1) Жиро-Банки, 2) Территоріальные Банки, 3) Коммерческіе и Промышленные Банки, 4) такъ называемыя Сохранныя Кассы, 5) Ассигнаціонные Банки, и 6) Ломбарды или Заложныя Банки.

Въ отношеніи административномъ, банки зависятъ или отъ правительства или отъ обезпеченныхъ общественныхъ учрежденій или отъ необезпеченныхъ, или же суть собственно частныя

учрежденія. Всѣ эти главныя категоріи переимѣняются однако жъ въ дѣйствительности различнымъ образомъ. Чистые банкирскіе обороты не составляютъ собственно банка; они зависятъ отъ произвольныхъ частныхъ распоряженій. Разсмотримъ все это подробно.

Въ чистые Жиро-Банки вносятся суммы, служащія для торговли, съ тѣмъ, чтобы при уплатѣ причитался или вычитался. Вносъ дѣлается по большей части слитками. Банки Жиро весьма удобны для оптовой торговли; они уничтожаютъ трудности пересылки денегъ, хлопоты расчетовъ и потерю времени на расчетъ ходячей и часто поврежденной монеты. Эти банки выпускаютъ банковыя деньги, напримѣръ, маркъ-банки и маркъ-ходячіи. Гдѣ есть въ обращеніи ассигнаціи или банковыя билеты, какъ напримѣръ въ Россіи, тамъ Жиро банки не нужны. Важное значеніе имѣютъ также большія денежныя *депо*, соразмѣрныя потребности, на время войны, на случай пожаровъ и наводненій. Иногда банкъ Жиро соединяется съ другимъ банкомъ, въ Россіи съ Коммерческимъ; но въ такомъ случаѣ не имѣетъ успѣху, потому что существуютъ средства гораздо удобнѣе для денежныхъ оборотовъ, а именно ассигнаціи и банковыя билеты съ процентами, какъ мы уже говорили.

Территоріальные или Заемные Банки даютъ деньги взаемъ на долгіе сроки, подъ залогъ земель, помѣстьевъ, построекъ и даже машинъ. Сельскія банковыя учрежденія составляютъ, безъ сомнѣнія, въ нѣкоторомъ отношеніи, отрасль территоріальныхъ банковъ.

Когда чисто Заемные Банки даютъ свои деньги на продолжительный срокъ, соразмѣрный вообще природѣ вещей, и, кромѣ соответствующаго капитала, выпускаютъ билеты на суммы, внесенныя въ эти банки на проценты, то они или принуждены оставлять у себя съ убыткомъ, безъ употребленія, большія суммы, на случай усиленныхъ требованій уплаты, или же впродолженіи времени должно образоваться извѣстное равновѣсіе, между уплатою, входящими процентами и нововносимыми капиталами. Это равновѣсіе образовалось именно въ большихъ русскіихъ Территоріальныхъ Банкахъ, и вносы сильно увеличились.

Сельскія банковыя учрежденія образовались по большей части по случаю войны, или отъ обремененія долгами поземельныхъ собственниковъ и по другимъ причинамъ; они обыкновенно не дѣлаютъ денежныхъ оборотовъ, только выпускаютъ облигаціи съ

процентами на законченную сумму, чтобы сумму эту дать иъ заемъ, подъ закладъ поземельной собственности, впрочемъ, по ея оцѣнкѣ, съ платою умѣренныхъ процентовъ и сверхъ-того процентовъ погашенія. Подобныя учрежденія находятся въ остзейскихъ провинціяхъ Россіи и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ началѣ своего существованія они должны имѣть запасъ въ наличныхъ деньгахъ, чтобы выкупать возвращающіяся облигаціи; послѣ оиѣ переходятъ изъ рукъ въ руки и даже легко приобрѣтаютъ ажіу. Проценты, доставляемые имѣніямъ, служатъ для уплаты процентовъ владѣтелямъ облигаціи; тамъ же гдѣ имѣніе приносятъ проценты выше, и даже доставляетъ возможность погашенія долга, то эту лишнюю сумму употребляютъ на него и на издержки содержанія. Подобное учрежденіе естественно нуждается въ позволеніи правительства, и всѣ въ немъ участвующіе должны быть солидарно отвѣтственны. Многіе народы и провинціи вышли изъ весьма затруднительнаго положенія посредствомъ такихъ сельскихъ учрежденій, или охранили себя отъ лихвы и отъ разоренія, не прибѣгая къ несвоевременной продажѣ имущества; между-тѣмъ они имѣютъ такіе же недостатки, какъ и всѣ вообще банковыя учрежденія, о чемъ мы вскорѣ будемъ говорить. Несмотря на то весьма полезно, когда поземельныя владѣнія посредствомъ продажи переходятъ изъ слабыхъ въ сильныя руки; но это правило не можетъ имѣть примѣненія тамъ, гдѣ правительство поддерживаетъ классъ землевладѣльцевъ, на чтѣ могутъ быть весьма основательныя причины.

Чтобы уничтожить вышеупомянутый недостатокъ банковъ, мы считаемъ необходимымъ правиломъ ввести, какъ это было введено мною въ Россіи, проценты погашенія, кромѣ обыкновенныхъ процентовъ, взимаемыхъ во всѣхъ учрежденіяхъ, дающихъ деньги въ займы подъ залогъ имѣній. Это произведетъ не только нравственное направленіе, которое возвыситъ существо предмета; но даже почти невозможно, чтобы по истеченіи срока значительный долгъ могъ быть вдругъ уплаченъ безъ помощи новаго займа; въ постепенной же уплатѣ по частямъ можно полагаться на весьма немногихъ.

Территориальный Банкъ перваго рода можетъ быть совмѣстенъ съ Ассигнаціоннымъ Банкомъ и такимъ образомъ держать только небольшой запасъ готоваго капитала, а особенно, когда ему предоставлена возможность значительнаго выпуска билетовъ.

Коммерческіе Банки вспомошествуютъ собственными или по-

сеными капиталами, или же какъ Ассигнаціонныя Банки, торговымъ и промышленнымъ дѣламъ, посредствомъ ссуды денегъ подѣ векселя, учетомъ, ссудою подѣ залогъ товаровъ, ассигновкою денегъ на зависящія отъ нихъ банковыя конторы, покупкою векселей, пособіемъ для фабрикъ и тому подобное.

По самому существу предмета, можно заключить, что дѣла и обороты такого банка должны совершаться въ возможно короткіе сроки; однако жъ иногда, но только по-необходимости, дѣлаютъ отсрочки, посредствомъ принятія новыхъ векселей вмѣсто старыхъ и тому подобное.

Большая часть дѣлъ Коммерческаго Банка основывается на одномъ только кредитѣ; поэтому они подлежатъ большому или меньшему риску и не удивительно, что ищутъ разныхъ средствъ обезопасенія въ поручительствѣ, въ своихъ привиллегіяхъ, позволяющихъ имъ наложить арестъ на имѣніе банкрота и по-возможности стараются ограничить кредитъ его; такимъ образомъ всѣ дѣла Коммерческаго Банка отличаются предусмотрительностью. Въ странахъ, гдѣ образованіе сильно развилось, гдѣ все находится въ соразмѣрности и купеческая честность прочнѣе укоренилась, гдѣ почти всѣ предпріятія пачинаютъ люди знающіе дѣло, гдѣ законное попеченіе бдительнѣе, потери соразмѣрно вознаграждаются и банкъ получаетъ значительныя прибыли. Въ государствахъ же, въ которыхъ недостаетъ вышеупомянутыхъ условій, не должно основывать коммерческихъ банковъ, потому что они приносятъ тамъ убытокъ или самую несоразмѣрную, ничтожную прибыль, вредятъ зажиточнымъ купцамъ, равно какъ и всѣ банки вообще, и причиняютъ правительству хлопоты.

Переводъ денегъ изъ Коммерческаго Банка въ отдѣльныя его конторы и обратно, считается плохимъ оборотомъ, особенно въ большихъ государствахъ, гдѣ перевозъ денегъ труденъ, потому что тогда вездѣ нужны были бы большія кассы и проценты отъ капиталовъ, въ нихъ лежащихъ, должны пропадать.

Это было бы весьма дурнымъ направленіемъ, если бы Коммерческій Банкъ занимался спекуляціями коммерческими, банковскими оборотами, предпріятіями публичныхъ работъ, комиссіонерскими дѣлами и тому подобными: такія предпріятія соединяются по большей части съ рискомъ, а учрежденіе въ подобномъ родѣ какъ Коммерческій Банкъ должно давать помощь частнымъ лицамъ, а не отнимать у нихъ средствъ существованія.

Ассигнаціонныя Банки выдаютъ билеты на опредѣенныя сум-

мы, съ цѣлю пустить ихъ въ ходъ какъ наличныя деньги. Мы уже говорили объ ассигнаціяхъ государственныхъ: здѣсь займемся дозволенными правительствомъ товариществами и собственно частными банками.

Дозволенные правительствомъ товарищескіе банки, или имѣютъ дѣло только съ ассигнаціями правительства, какъ Вѣнскій, Банкъ или выпускаютъ подъ надзоромъ правительства билеты, замѣняющіе государственныя ассигнаціи и притомъ занимаются другими оборотами, какъ Англійскій, Банкъ или же выпускаютъ билеты просто отъ себя, какъ отъ банка, какъ Французскій Банкъ, и занимаются учетомъ и другими оборотами, а притомъ суть вмѣстѣ съ тѣмъ и Депозиціонныя Банки. Англійскій Банкъ есть агентъ правительства при сборѣ податей; это можетъ считаться не весьма одобрительнымъ исключеніемъ.

Англійскіе банки, по большей части товарищескіе, выпускаютъ ассигнаціи, какъ частныя предпріятія, съ дозволенія правительства или и безъ того, даютъ въ займы деньги подъ залогъ, или на частный кредитъ, на проценты, вымѣниваютъ свои ассигнаціи по востребованію на звонкую монету, также принимаютъ денежные вклады, уплачивая проценты, и тому подобное.

Всѣ эти банки должны имѣть достаточныя фонды въ слѣдующей мѣрѣ: банки, обезпеченныя правительствомъ и производящіе большіе обороты, не нуждаются въ большомъ запасномъ фондѣ; банки частныя требуютъ фонда значительнѣе. Однако жъ банкъ не долженъ отлагать болѣе третьей доли, потому что проценты съ другой доли покрываютъ убытки отъ лежащаго фонда; такимъ образомъ въ прибыли для банка остается только третья доля.

Частныя банки составляютъ весьма замѣчательное учрежденіе, частію по отношенію къ убыткамъ причиняемымъ искусственнымъ капиталамъ,—упомянутыя двѣ трети составляютъ собственно искусственный капиталъ, о которомъ будемъ говорить ниже,—частію по причинѣ шаткости этихъ банковъ и потому, что мѣра умноженія средствъ оборотовъ легко можетъ быть превышена, а тогда банковые билеты возвращаются для вымѣна и, если на то нѣтъ фонда, они совершенно теряютъ свое достоинство; или же нужно дѣлать ссуды чистыми деньгами, что сопровождается упадкомъ билетовъ и множествомъ затрудненій. Хотя болѣею частію, опредѣлено, чтобы всѣ лица участвующія въ таковомъ банкѣ солидарно отвѣчали на всю сумму выпущенныхъ билетовъ,

но несмотря на то, это облегчение мало помогаетъ въ случаѣ несчастнаго стеченія обстоятельствъ: понятно, что лица эти не захотятъ или небудутъ въ состояніи доставить въ надлежащее время требуемыя суммы.

Говорятъ, что частныя банки чувствуютъ всего болѣе справедливую мѣру требовацій постепеннаго увеличенія средствъ оборота, а потребность публики и отъ этого происходящій кредитъ банковъ, полагаетъ справедливыя предѣлы выпуску билетовъ. Но, принявъ въ соображеніе все то, что неразъ уже случилось, мы можемъ возразить, что стремленіе банковъ къ прибыли, что присоединяющееся къ этому корыстолюбіе людей обогатиться посредствомъ новыхъ предпріятій, доказываютъ совершенно противное. Напротивъ, публичнымъ гарантированнымъ банкамъ можно напередъ опредѣлить кругъ дѣятельности.

Частныя банки, можно сказать, вкравшись въ Англію и на нихъ стали обращать вниманіе тогда только, когда было уже слишкомъ поздно. Само министерство настояло на томъ, чтобы прибыль отъ производительности сохранялась по большей части въ частныхъ банкахъ. Однако жъ зло, при круговомъ народномъ обезпеченіи, при его дѣйствительно великихъ вспомогательныхъ средствахъ, остается до-сихъ поръ въ ограниченныхъ предѣлахъ. Напротивъ-того въ Сѣверной Америкѣ, отъ народной страсти къ богатству, по причинѣ сумасбродныхъ направленій нѣсколькихъ лицъ, зло это дошло до степени, которая произвела извѣстную катастрофу. Мы еще разъ возвратимся къ этому предмету.

Но нашему мѣянію, основанному на приведенныхъ примѣрахъ, частныя банки не должны быть допускаемы, тѣмъ болѣе, что весьма легко замѣняются государственными банками, или общественными, которые не только состоятъ подъ строгимъ контролемъ, но еще правительство принимаетъ въ нихъ значительное участіе. Въ противномъ случаѣ, государству, при настоящихъ трудностяхъ въ полученіи доходовъ, угрожаютъ всегда катастрофы, или по-крайней-мѣрѣ зловредныя обстоятельства. Надобно сожалѣть, что невозможно закрыть прямо и вдругъ частныя банки тамъ гдѣ они существуютъ и гдѣ народъ уже привыкъ къ нимъ. Банки же имѣютъ единственное хорошее свойство, — могутъ удобно распространяться по мѣрѣ надобности.

Весь-общій, весьма благородная мысль была причиною учрежденія банковъ, въ которые бы могли быть вносимы на проценты самыя малыя сбереженія низшихъ классовъ народа и обра-

щаться въ небольшіе капиталы, или по-крайней-мѣрѣ служить запасомъ на случай нужды. Но эти банки имѣютъ то неудобство, что всегда нужно держать въ кассахъ большія суммы въ наличныхъ деньгахъ и, такимъ образомъ, терять проценты съ внесенныхъ капиталовъ. Примѣромъ можетъ служить Парижъ, гдѣ правительство принуждено было принять суммы, хранящіяся въ Сохранныхъ Кассахъ (Caisse d'Épargne) въ Государственный Банкъ и отвѣчать за Сохранныя Кассы. Такимъ образомъ, однако жъ, легко образуется долгъ удобовозрастающій и, если случится, что, по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, многіе потребуютъ вдругъ выдачи капитала, а между-тѣмъ и само правительство будетъ находиться въ затруднительномъ положеніи, тогда рождается великое, а можетъ-быть неотклонимое несчастіе — невозможность удовлетворенія бѣднѣйшаго класса народа, угнетеннаго величайшею нуждою.

При всемъ томъ Сохранныя Кассы имѣютъ большое достоинство; но если уже рѣшились гдѣ-нибудь учредить ихъ, то необходимо, чтобы онѣ составляли только отрасль какого-либо банка, который бы самъ по себѣ дѣлалъ большіе обороты и, чтобы таковымъ вкладовъ было самое малое, какъ это мы сдѣлали во время нашего управленія. Въ парижскую Сохранную Кассу одно лицо можетъ вносить въ продолженіи недѣли триста франковъ, а таковымъ его вклада двѣ тысячи франковъ: это чрезвычайно много. Въ такомъ случаѣ, это уже не Сохранная Касса, а просто банкъ, но безъ оборотовъ, которыми, между прочимъ, и Французскій Банкъ не слишкомъ изобилуетъ. Теперь во Франціи занимаются преобразованіемъ Сохранныхъ Кассъ.

При томъ же необходимо строго разсмотрѣть мѣстныя и государственныя обстоятельства, чтобы рѣшить, могутъ ли вклады въ Сохранную Кассу превзойти надлежащую мѣру. Наконецъ, кто желаетъ сберегать, тотъ можетъ самъ это сдѣлать и такія, такъ сказать, опекунскія учрежденія подлежатъ во всякомъ случаѣ общественному одобренію.

Если, впрочемъ, Сохранныя Кассы желаютъ имѣть успѣхъ, то должны форму вкладовъ сдѣлать самую простую, и облегчить возможности выниманіе денегъ.

Ломбарданъ, *Monts de Piété*, называются заведенія, въ которыхъ нуждающійся въ деньгахъ, можетъ заложить свои вещи и выкупить ихъ по истеченіи срока, или же продлить этотъ срокъ на извѣстное время. Но и эти заведенія, придуманныя для помо-

женія преграды лпхонмству христiанскнхъ и иудейскнхъ Жидовъ, нмѣють тоже вѣкоторыя неудобства. Если ломбардъ будетъ заведенiемъ государственнымъ, то нуждается въ извѣстныхъ формахъ и не можетъ заниматься мелочами; если же будетъ привилегированнымъ заведенiемъ частнаго предпрiятiя, то требуетъ строгаго надзора; нмѣ самому извѣстны случаи значительныхъ злоупотребленiй. Притомъ же ломбардъ можетъ не принимать мелкихъ малоцѣнныхъ вещей, а это необходимо для массы нуждающихся. Такимъ образомъ вещи эти непременно перейдутъ въ руки тайныхъ ростовщнковъ-закладчнковъ.

Принимая все это въ соображенiе, кажется, было бы всего лучше предоставить ломбарды частнымъ лицамъ: естественно, что при этомъ оцѣнка вещамъ закладываемымъ должна быть возможно низкая и проценты самые малые. Но такъ какъ при продажѣ невыкупленныхъ на срокъ закладчнковъ вещей, нѣкоторыя изъ нихъ совершенно не продаются, а деньги вырученныя за другiя, могутъ не покрывать выданной на нихъ суммы, то и проценты, взимаемые ломбардами, должны быть немного выше обыкновенныхъ или банковыхъ: это будутъ проценты риска.

Мы уже замѣтили, что элементы отдѣльныхъ банковъ соединяются иногда въ дѣйствительности различнымъ образомъ. Не считаемъ нужнымъ представлять здѣсь статистическаго обзора разныхъ банковъ: предоставляя это читателю, мы удовольствуемся только общимъ изложенiемъ.

Вообще читатель можетъ замѣтить, что мы стараемся основывать всѣ наши положенiя на примѣрахъ; они поясняютъ дѣло. Мы это дѣлаемъ, отчасти желая достигнуть предположенной намъ цѣли, частiю же для того, чтобы устранить всякую полемику и избѣгнуть заблужденiй; кто можетъ все знать безошибочно? а мы пишемъ только то, что помнимъ.

Главные соединенiя и отношенiя банковъ зависятъ, во-первыхъ, отъ ихъ капитала, во-вторыхъ, отъ его употребленiя. Въ первомъ отношенiи банки основываются или на неприкосновенныхъ депозитахъ — какъ банкъ Жирò, или на собственныхъ капиталахъ, или на взносахъ на проценты, которые возвращаются, какъ банкъ депозицiонные, или же на банковыхъ билетахъ и тому подобномъ. Разумѣется, что при банкѣ, выпускающемъ ассигнацiи, Жирò было бы излишнимъ. Далѣе очевидно, что банкъ, дѣйствующiй только своимъ собственнымъ или внесеннымъ наличнымъ капиталомъ, гораздо тверже въ своемъ осно-

ваніи, нежели банкъ ассигнаціонный, но зато легче можетъ прийти въ затрудненіе. Наконецъ естественно, что Ассигнаціонныя Банки, принимая, кромѣ собственнаго фонда, еще и взносы, безсомнѣнія дѣлаются болѣе сложными, но вмѣстѣ съ тѣмъ приобретаютъ большую силу.

Когда банкъ, дѣлающій обороты собственнымъ и внесеннымъ капиталомъ, выпускаетъ притомъ еще билеты, уплачиваемые по предъявленію, то имѣетъ большія выгоды. Вообще говоря, взносы дѣлаются весьма бережливо. Надобно замѣтить, что обыкновенно банкъ предпринимаетъ предусмотрительныя мѣры на случай усиленнаго предъявленія билетовъ къ уплатѣ. Къ такимъ мѣрамъ принадлежитъ постановленіе, что капиталъ не пролежавшій три, шесть или болѣе мѣсяцевъ, не приноситъ процентовъ; между тѣмъ общество въ своемъ кругу принимаетъ въ зачетъ проценты. Еще сильнѣе мѣра, предоставляющая банку право уплачивать требуемую сумму только по истеченіи извѣстнаго срока со дня предъявленія билета, соразмѣрно величинѣ суммы. Однако жъ банки отступаютъ иногда отъ этого правила, — какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и положительные законы отступаютъ отъ своихъ правилъ, и уплачиваютъ сумму немедленно по востребованію; не дѣлая этого, банкъ могъ бы легко имѣть видъ начинающаго банкротства; что породило бы смуты и безпокойства. Между тѣмъ все это зависитъ большею частію отъ образа мыслей народа, какъ мы это выше замѣтили. Казенныя суммы должны быть уплачиваемы безъ всякаго сомнѣнія въ назначенный срокъ. Впрочемъ, мы совѣтовали бы выдавать билеты, уплачиваемые по востребованію, только на довольно значительныя суммы, около ста тысячъ франковъ; — выше этого количества выдавать только на срокъ, но не на слишкомъ продолжительный.

Когда случается усиленное требованіе уплаты билетовъ, то ассигнаціонныя частныя банки находятся въ большой опасности; круговая порука участвующихъ въ этомъ банкѣ не устраняетъ большихъ затрудненій, какъ это мы выше видѣли.

По отношенію къ употребленію капиталовъ, то есть, по отношенію къ банковымъ оборотамъ, обороты эти или производятся на короткіе сроки, какъ въ Коммерческомъ Банкѣ, или же могутъ соединяться съ оборотами продолжительныхъ сроковъ, какъ нацрѣмѣръ, ссудъ денегъ подъ залогъ недвижимаго имѣнія; но по непостоянству существа дѣла, всего лучше учредить отдѣльно Коммерческій и отдѣльно Заемный Банки съ тѣмъ, однако жъ, чтобы на случай нужды они помогали другъ другу.

Когда въ какомъ либо банкѣ скопленіе капиталовъ дойдетъ до такой степени, что нельзя придумать для нихъ оборотовъ, то остается только, чтобы спасти его отъ погибели, отдавать капиталы въ займы Правительства и употреблять ихъ на полезныя предпріятія. Ассигнаціонныя Банки въ такихъ обстоятельствахъ прекращаютъ выпускъ билетовъ и уменьшаютъ ихъ количество.

Мы уже упоминали выше о поземельныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ банками; но они выпускаютъ только закладныя, а поэтому эффекты, которые уплачиваются медленно и не всегда въ опредѣленномъ порядкѣ и на строго означенные сроки, и такимъ образомъ, заведенія эти составляютъ почти отдѣльное видоизмѣненіе публичнаго долга.

Опредѣляя вообще пользу банковъ для общества, мы скажемъ, что хорошо было бы не вводить ихъ, а предоставить это натуральному ходу вещей, естественному умноженію капиталовъ и частной промышленности: тогда дѣла общества получили бы болѣе твердости и обезпеченія и не заключали бы въ себѣ столь много неестественнаго. Ассигнаціонныя Банки порождаютъ явственно опасныя искусственныя капиталы. Гдѣ легко пріобрѣтать деньги, тамъ слишкомъ много предпримчивости и истребленія капиталовъ. Коммерческія Банки клонятъ къ смѣлымъ, необдуманнѣйшимъ спекуляціямъ. Территоріальныя Банки къ излишнему обремененію долгами имѣній и не только способствуютъ, но даже подстрекаютъ къ угнетенію процентами; особенно если примемъ въ соображеніе измѣнчивые доходы отъ земледѣлія.

Когда же, съ другой стороны, примемъ въ соображеніе направленіе народонаселенія, умножаться всё болѣе и болѣе, когда, въ слѣдствіе этого, содержаніе отдѣльныхъ лицъ народонаселенія становится постепенно труднѣе и невѣрнѣе и, притомъ, средніе классы умножаются до невѣроятности, то должно прибавить, что банки необходимы при нынѣшнемъ состояніи образованнаго міра.

Но кажется справедливымъ и то, что люди склонны вводить новосты въ общественныя учрежденія и основали банки прежде времени, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ во многихъ государствахъ; это ускорило переполненіе народонаселенія, и увеличило трудности въ присканіи средствъ существованія. Однако жъ, при всемъ томъ, стремленіе къ новостямъ имѣетъ болѣе хорошихъ, чѣмъ худыхъ сторонъ: оно порождаетъ улучшенія и изобрѣтенія.

Что касается до нашего собственного мнѣнія о банкахъ, по отношенію къ нывѣшнимъ обстоятельствамъ общества, то чтобы высказать его, мы должны раздѣлѣть народы на слѣдующіе классы:

1) Въ государствахъ, которыя мы назовемъ территоріальными или земледѣльческими, заключающихъ въ себѣ значительное, твердое пространство почвы, имѣющихъ обширное хлѣбопашество и внутреннюю и даже вѣшнюю торговлю, только чтобы послѣдняя не превышала первой, полагаемъ: первое, что должны находиться только государственныя ассигнаціи въ опредѣленномъ количествѣ, но увеличивающіяся въ случаѣ надобности, и что ихъ соединеніе съ собственными банками было бы излишне и даже вредно; второе, что поэтому не надобно допускать большихъ общественныхъ и частныхъ банковъ съ правомъ выпуска своихъ билетовъ; третье, напротивъ, могутъ существовать Территоріальныя и Коммерческіе Банки, хорошо устроенныя и производящія обороты изъ своихъ или изъ внесенныхъ капиталовъ; четвертое, что земскія кредитныя общества возможны, если этого требуетъ необходимость.

II) Вопросъ совершенно измѣняется, если будемъ говорить о древнихъ, высокообразованныхъ, твердо упроченныхъ государствахъ, гдѣ при обширной промышленности господствуетъ, если не исключительная, то по-крайней мѣрѣ стоящая на высокой степени торговля, въ-особенности вѣшняя. Въ такихъ торговыхъ государствахъ можетъ существовать банкъ, въ-особенности такой какъ англійскій, когда онъ возбуждаетъ довѣріе въ торговомъ классѣ, несмотря на всѣ его недостатки, когда напередъ удовлетворяетъ весьма измѣчивой потребности въ ходячихъ знакахъ цѣнности и можетъ ихъ увеличивать, смотря по признакамъ потребности; при чемъ однако жъ преувеличеніе имѣетъ столь же вредныя послѣдствія, какъ и въ государственныхъ ассигнаціяхъ. Кредитныя отрасли этого банка должны распространяться по мѣрѣ надобности; притомъ банкъ этотъ имѣетъ обязанность заиматься дѣлами Коммерческаго и Территоріальнаго Банка, отдѣляя эти роды занятій. Частныя банки не должны быть допускаемы, а если уже существуютъ, по силѣ какихъ-либо временныхъ узаконеній, то нужно подчинить ихъ непрерывному контролю и препятствовать ихъ распространенію.

III) Въ новообразованномъ государствѣ, какъ напримѣръ Сѣверо-Американскіе-Штаты, гдѣ весьма нуждаются въ большихъ капиталахъ для воздѣлыванія почвы, для разнаго рода построекъ,

для каналовъ, для дорогъ и тоже для торговли очень обширной, гдѣ жизнь государственная слабая, а напротивъ-того сильныя движенія народа и республиканскія направленія, и поэтому трудно сохранить порядокъ; въ такихъ государствахъ вопросъ о банкахъ принимаетъ совершенно другой видъ. Банкъ исключительно государственный, если жъ публичныя банки за поручительствомъ правительства, были бы недостаточны, поэтому частныя банки необходимы. Правда, они должны быть устроены какъ-возможно лучше и состоять подъ строгимъ, непрерывнымъ контролемъ. Первое возможно; второе же не принесетъ пользы, иногда потому, что правительству недостаетъ силы, иногда потому что всегда и во все будетъ вмѣшиваться духъ партіи. И такъ должно довольствоваться тѣмъ, что существуетъ, но не надобно слишкомъ расхваливать мнимо-дешевыхъ правительствъ.

=

V.

КРИТИКА.

=

АТЛАСЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ, *составленный Л. Самойловымъ. Изданъ изъдвѣніемъ московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта. Москва. 1845.*

ОБЗРѢНІЕ ГЛАВНѢЙШИХЪ ОТРАСЛЕЙ МАНУФАКТУРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ РОССІИ. *С. П-бургъ. 1845.*

Важность и польза статистическихъ свѣдѣній несомнѣнны. На нихъ основываются важнѣйшія государственныя мѣры; они служатъ исходною точкою для сужденій о современныхъ успѣхахъ государства; по нимъ другъ человечества составляетъ выводы свои объ усовершенствованіи общественной жизни. Кажется, довольно правъ на значительность въ кругу свѣдѣній человѣческихъ. Но есть особенно устроенныя головы, которыя никакъ не хотятъ смотреть на предметы обыкновенными глазами. Вы помните Хемницерову басню «Метафизикъ»? Отчего она такъ вразительна хороша? Оттого, что живо и вѣрно изображаетъ тотъ неугомонный родъ людей, который хочетъ изъ всего дѣлать науку, или по крайней-мѣрѣ на все глядѣть *учеными глазами*, то есть, приводить въ схемы каждый клочокъ нравственнаго и вещественнаго міра, онутывая его терминологіей своего надьялія. Человѣкъ упалъ въ яму: надобно вытащить его оттуда, говорить прямой, здравый разумокъ. Нѣтъ: отчего упалъ онъ? какая сила увлекла его?... И цѣпляясь за такіе вопросы, готовы составить вамъ особую науку *надьялія въ яму и оымаскированія изъ оной* (NB. Книжный языкъ необходимъ при
Т. LXXVII. — Отд. V.

составленіи наукъ,) а между-тѣмъ бѣднѣй упавшіи въ яму будетъ всё-еще оставаться тамъ. Почти такъ въ Германіи, гдѣ издавна и съ особенною силою свирѣпствуетъ *наукоманія*, изобрѣли еще одну лишнюю науку, подъ названіемъ статистики. Напрасно станете говорить защитникамъ этой науки, что для нея нѣтъ предмета, что свѣдѣнія статистическія непрерывно, ежеминутно измѣняются, и, слѣдовательно, въ сущности никогда не бываютъ вѣрны, особливо если включить въ нихъ всё мелочи, ускользающія отъ самыхъ тщательныхъ исчисленій, а на невѣрныхъ данныхъ могутъ основываться только приблизительныя свѣдѣнія, пособія для другой, важнѣйшей науки — нѣтъ!... Построены цѣлыя системы, испечатааны тысячи книгъ съ великолѣпнымъ заглавіемъ — статистики! Поспѣшимъ сказать, что съ самаго изобрѣтенія этой невозможной науки и донынѣ, Англичане и Французы не приняли даже самаго названія статистики, хотя у нихъ есть своего рода статистическіе фанатики, которые хотятъ исчислить сколько въ годъ пчелы приготавливаютъ меду во Франціи и въ Англіи, и сколько яицъ несутъ куры. Эти люди, собравъ свѣдѣнія, по сущности своей невѣрныя, почитаютъ ихъ неоспоримымъ подтвержденіемъ выводовъ, какіе угодно имъ извлекать изъ нихъ. Къ числу такихъ статистиковъ во Франціи принадлежитъ баронъ Дюпенъ, который собираетъ числа, вѣритъ только въ числа, и, наконецъ, избралъ себѣ девизомъ: *Les nombres régissent le monde!* Числа управляютъ міромъ! Много разъ былъ онъ смѣшонъ съ ними самымъ торжественнымъ образомъ. Во время министерства Мартиньяка, онъ на депутатской кафедрѣ разговаривалъ о состояніи французскаго флота и началъ ссылаться на свои статистическія числа, когда морской министръ, Гидъ де-Нёвилль, остановилъ оратора простыми словами: «Ни одно изъ свѣдѣній, на которыхъ основывается краснорѣчивый господинъ Дюпенъ, не вѣрно!» И доказалъ ему слова свои. Статистикъ-баронъ умолкъ, къ досадѣ своихъ приверженцевъ, и въ толпѣ которыхъ вырвалось восклицаніе: «Проклятыя числа!» Франція расхохоталась, а это смерть ученаго вывода. Такъ съ самымъ искреннимъ желаніемъ добра можно вре-

дти своему предмету, если станемъ увлекаться за границы, указываемыя благоразуміемъ.

Бываютъ ли вѣрны такъ называемыя статистическія свѣдѣнія? Да, въ известной степени. Они могутъ быть вѣрны въ общихъ указаніяхъ своихъ, и никогда не бываютъ вѣрны въ подробностяхъ; вѣрны въ настоящую минуту, и будутъ невѣрны черезъ двѣ минуты, въ которыя курица снесетъ новое яйцо, человѣкъ умретъ, фабрика обрушится, а корабль взлетитъ на воздухъ. Дѣтельность природы и человеческого общества неисчислима и неуловима, и соображая статистическія цифры должно привязывать бажность не къ нимъ, а къ нравственному выводу изъ нихъ. И въ этомъ отношеніи надобно быть очень осторожнымъ, чтобы не впасть въ новую крайность, какою прославился тотъ же баронъ Дюпенъ. Онъ собралъ свѣдѣнія о числѣ учащихся во Франціи, съ подраздѣленіями ихъ по департаментамъ, составилъ изъ этого знаменитую *солтлую и телнкую карту Франціи*, показалъ варварское состояніе многихъ областей мнимаго средоточія просвѣщенія, и всѣмъ этимъ оказалъ большую услугу своему отечеству и даже человечеству; но распространяя свои выводы дальше, онъ наконецъ сдѣлалъ исчисленіе, во сколько лѣтъ вся Франція сдѣлается просвѣщенною, когда старыя поколѣнія перемрутъ, а новыя, въ которыхъ постепенно прибываетъ число учащихся, заступятъ ихъ мѣсто. Основываясь на этомъ, онъ восхищался смертью всякаго старика, разсчитывая, что вмѣсто него уже есть новый, просвѣщенный дѣйствитель, и разсматривая таблицы умирающихъ стариковъ, съ статистическимъ эгоизмомъ восклицалъ: «*Ils meurent, ils meurent!* Они умираютъ, умираютъ!» Но вскорѣ ему доказали вѣльность его восторга, потому что общество человеческое идетъ впередъ не отъ возобновленія поколѣній, а отъ благо направленія, даннаго ему, и если дѣти уклонятся отъ этого направленія, то они будутъ гораздо хуже и ниже своихъ отцовъ. Исторія представляетъ тысячи примѣровъ тому, и христіанская нравственность убѣждаетъ насъ въ этомъ окончательно.

И такъ, остережемся отъ статистическихъ умствования, увлеченій и восторговъ. Будемъ смотреть на статистику не какъ на науку, а какъ на важное и необходимое пособіе для многихъ соображеній и выводовъ политической экономіи и исторіи. Будемъ не совсѣмъ полагаться на ея цифры, но видѣть въ нихъ неоспоримое и лучшее свидѣтельство объ общемъ состояніи государства или какой-нибудь его частности. Наконецъ, не станемъ ослѣплять себя статистическими мечтами и основывать на нихъ дюпеневскія утопіи, но порадуемся, если встрѣтимъ утѣшительные выводы.

А какой удивительный случай къ статистической радости! Передъ нами книга господина Самойлова, одинъ изъ тѣхъ добросовѣстныхъ трудовъ, которые требуютъ цѣлыхъ годовъ работы, тысячи разнородныхъ изысканій и соображеній, и всего больше — любви въ своему предмету. Все это находимъ мы въ книгѣ господина Самойлова. Какъ знатокъ и любитель своего предмета, онъ соединилъ въ «Атласѣ промышленности московской губерніи» все, чего только можетъ ожидать ученый и государственный изслѣдователь отъ статистической книги, обнимающей не какой-нибудь мелочной предметъ, а важнѣйшую отрасль промышленности въ самомъ средоточіи ея. Все повторяютъ, что Москва — средоточіе русской промышленности; но какимъ образомъ, почему, давно ли? Вотъ вамъ краснорѣчивый отвѣтъ: рассмотрите книгу господина Самойлова. Если вамъ лѣнь или недосугъ заниматься этимъ пріятнымъ трудомъ, мы услужливо предлагаемъ вамъ наши замѣтки и извлеченія, которыя могутъ познакомить васъ съ богатствомъ свѣдѣній, собранныхъ въ «Атласѣ» господина Самойлова.

Надобно сказать прежде всего, что едва-ли кто-нибудь могъ бы лучше его составить такую книгу. Господинъ Самойловъ много лѣтъ живетъ въ Москвѣ, по порученію высшаго начальства, для наблюденій надъ московскою промышленностію. Онъ имѣлъ средства не только ознакомиться со всеми отраслями этой промышленности, но и видѣть начало и постепенный ходъ множества изъ ея заведеній. Годы его наблюденій были именно тѣ, когда наша промышленность, **Вос-**

близо фабричная, выросла многовѣтвистымъ деревомъ изъ незанятаго дерева. Безпрерывные и, можно сказать, безпримѣрные успѣхи ея находили въ немъ самаго ревностнаго и самаго усерднаго наблюдателя, и, не нарушая скромности, можемъ думать, что глядя на эти богатые произведенія трудолюбивыхъ пчелъ, онъ съ самосознаніемъ добраго дѣла можетъ иногда повторить, что

.... въ нихъ и моего хоть капля меду есть!

Москва оставалась главнымъ средоточіемъ русской дѣятельности, и въ то время, когда уже процвѣталъ Петербургъ. Только со времени царствованія Екатерины-Великой, съверная столица наша перестала казаться какимъ-то отдаленнымъ, недоступнымъ городомъ, для внутреннихъ областей Россіи. Но даже и въ началъ царствованія Императора Александра, Петербургъ еще мало сближался съ общою жизнью Россіи, отчего даже портовая торговля его находила сильное соперничество въ Ригѣ и Архангельскѣ. Въ то же время, по вѣковой привычкѣ обращались въ Москву за всѣмъ, что можетъ доставлять столица провинціальнымъ и отдаленнымъ жителямъ государства, и оттого Москва была главнымъ мѣстомъ дѣятельности промышленной и торговой. Сочлененіе съ Петербургомъ, не только изъ отдаленныхъ городовъ, но даже изъ Москвы, были гораздо затруднительнѣе нежели въ наше время сообщенія съ Парижемъ и Лондономъ. Поездка изъ Москвы въ Петербургъ напоминала патриархальныя времена: къ ней приготовлялись какъ-будто къ путешествію за тридевять земель, запасались на дорогу съѣстными припасами, страшились трудностей переѣзда черезъ Валдайскія Горы, черезъ пески между Тверью и Вышнимъ-Волочкомъ, и по бревенчатой или каменной мостовой между Новгородомъ и Петербургомъ. Въ Петербургъ провинціалъ терялся и не находилъ тѣхъ удобствъ, какія встрѣчалъ въ Москвѣ. Да и что сталъ бы онъ покупать или заказывать въ Петербургъ? Зачѣмъ провезъ бы онъ все это до Москвы (по патриархальной дорогѣ), когда находилъ все то же въ Москвѣ, за одинаковую цѣну, а многое и дешевле? Вотъ причины, по которымъ Москва была исключительнымъ средоточіемъ внутренней

торговли и промышленности. Она была и оставалась главнымъ рынкомъ русской торговли, куда стекались продаватели съ заграничными товарами и съ произведеніями всѣхъ странъ Россіи, и покупатели изъ всѣхъ краевъ неизмѣримой имперіи. Такъ шла дѣла до страшнаго переворота въ Европѣ, который отразился и у насъ сначала стѣсненіемъ торговли, а накопецъ нашествіемъ Наполеона съ полумилліономъ войскъ, которыя всюду оставляли пепель и пустыни по дорогѣ своей. Москва отъ появленія ихъ превратилась въ груды развалинъ, и, казалось, навсегда утратила свои богатства и значительность. Но жизненная сила народовъ не умираетъ отъ разоренія нѣсколькихъ областей и городовъ. Нашъ юный, бодрый народъ, внимая голосу великаго Монарха своего, вытѣснилъ безразсуднаго завоевателя изъ предѣловъ Россіи, и совершилъ освобожденіе Европы. Покуда происходила эта борьба народовъ, Москва быстро возникала изъ своего пеплу и разрушенія. Удивительна сила великаго народа! Чтѣ оставалось въ Москвѣ послѣ нашествія Французовъ? Одна идея Москвы; но такъ могущественна эта идея, что черезъ нѣсколько лѣтъ почти не оставалось слѣдовъ бѣдствія. Все возродилось съ изумительною быстротою, въ новой силѣ и съ новой дѣятельностью. Тысячи народа непрерывно стремились на пепелище своего *вѣчнаго* города, возобновляли, строили дома даже въ ту зиму, когда еще Французы замерзали въ предѣлахъ Россіи, свозили всѣ потребности для возвращавшихся и вновь пріѣхавшихъ въ Москву, и древняя столица почти тотчасъ заняла прежнее свое мѣсто среди русскихъ городовъ, мѣсто средоточія жизни цѣлаго народа. Торговля возобновилась съ непримѣрною силою и дѣятельностью! Ей надобно было вознаградить все истребленное нашествіемъ Французовъ и возстановить все задержанное остановкою въ дѣлахъ. Открылись и новые способы отъ свободнаго сообщенія съ торговыми народами. Богатства лились рѣкою въ Москву. Но отчего же возобновилось все это въ Москвѣ, вдругъ сдѣлавшейся-было пустынею? Отчего не перебилъ у нея роли ея какой-нибудь другой русскій городъ, гдѣ, можетъ-быть, нашлись бы и легчайшія сообщенія, то-

гда какъ въ Москвѣ почти нѣтъ судоходной рѣки, а дороги къ ней были не лучше чѣмъ къ другимъ городамъ? Здѣсь видимъ великое нравственное значеніе Москвы, и доказательство, что она живетъ не *старою*, а *современною* жизнью; что она была и есть средоточіе русской жизни, русской дѣятельности, не только по своему географическому положенію, но и по вѣковымъ, историческимъ событіямъ. Когда не стало Москвы въ 1812 году, осиротѣла вся Россія, и дѣятельность ея не имѣла пріюта. Подите, укажите вѣрованію и убѣжденію цѣлаго народа! Прекратились сообщенія съ Москвою, и государство не имѣло соединительной точки, оставалось въ ожиданіи, и, при первой возможности, все вновь хлынуло въ Москву. Современники вспоминаютъ съ умиленіемъ объ этой славной эпохѣ! Не груда каменьева, не боярскія палаты, не роскошь соединяли въ Москвѣ жителей и привлекали туда народъ изъ всѣхъ предѣловъ царства, а жизнь, дѣятельность, необходимость общаго сходбища, и соединеніе промышленныхъ и всякихъ выгодъ неизмѣримаго государства. Москва необходима для Россіи, и, прибавимъ — возможна только въ Россіи. Столица обыкновенно бываетъ средоточіемъ всѣхъ силъ государства, но у насъ столица — Петербургъ, а Москва — средоточіе, сердце соединенія жизни именно такого государства какъ Россія, гдѣ сто разныхъ народовъ живутъ одною жизнью, гдѣ необъятныя пространства требуютъ одной соединительной точки, и гдѣ существуетъ эта точка уже нѣсколько столѣтій. Въ Москвѣ вся исторія и вся внутренняя жизнь Россіи. Если Наполеонъ, по выраженію поэта, *указалъ высокій жребій русскому народу*, то онъ завѣщалъ Москвѣ жизнь, и подтвердилъ истребленіемъ ея, что въ старыя времена испытывали надъ Москвою Тахтамышъ, Эдигей и польскіе наездники. Москва неистребима; потому что нужна для жизни Россіи.

Усиленная торговля послѣ 1812 года привлекла въ Москву великія богатства, и каждый, кто занимался какою-нибудь промышленностью, скоро дѣлался богатымъ человекомъ. Говоря про то время, Москвичи до-сихъ-поръ употребляютъ очень вѣрное выраженіе: «Тогда лѣнивый не наживалъ де-

негь!» Въ самомъ дѣлѣ, безграмотные мужички сдѣлались милліонщиками, оттого единственно, что смѣло, бойко покупали и продавали, безъ дальнихъ соображеній пускались въ предпріятія, и все оправдывалось успѣхомъ! Что ни купи, сколько ни купи, все продается съ тройнымъ барышомъ! Исключенія изъ этого общаго правила были рѣдки. Таюю ходъ дѣлъ не могъ быть продолжителенъ, но онъ утвердилъ за Москвою преимущество перваго торговаго города, и съ того времени она приняла рѣшительный характеръ города промышленнаго, особенно когда предшествовавшія событія разсылали высшее общество, придававшее искусственный и заимственный блескъ своей старой Москвѣ. Съ 1817 по 1822 годъ, до изданія охранительнаго тарифа, торговыя дѣла колебались; много было и бѣдственныхъ случайностей; но съ 1822 года, настала новая эпоха для русской промышленности, и, слѣдовательно, для Москвы. Охранительный тарифъ далъ средства возникать русскимъ фабрикамъ, и смѣливость народа вскорѣ открыла въ этомъ источникъ новыхъ богатствъ. Но отчего же именно въ Москвѣ началась и такъ гигантски распространилась фабричная промышленность? Отчего не въ другихъ мѣстахъ Россіи, при большихъ судоходныхъ рѣкахъ, при многихъ другихъ преимуществахъ, какъ-то дешевизнѣ горючихъ матеріаловъ, лѣсу, работниковъ? Причина очень простая и естественная: фабрики всегда и вездѣ возникаютъ близъ мѣстъ сбыта производимыхъ ими предметовъ, и какъ-можно ближе къ средствамъ для своего производства, въ числѣ которыхъ гораздо важнѣе механическая часть, дорогіе матеріалы, необходимыя для производства, и умственные силы просвѣщенія, а не дрова, не лѣсъ, и не пути отправленія для выдѣлываемыхъ предметовъ. Гдѣ же найдетъ вся умственная и главныя вещественныя пособія фабричная промышленность въ Россіи? Нигдѣ болѣе какъ въ Москвѣ! Петербургъ имѣетъ всю умственную и механическую пособія, но не будучи рынкомъ для сбыта выработываемыхъ на фабрикахъ товаровъ, не можетъ соперничать съ Москвою; о другихъ городахъ, гдѣ нѣтъ ни средствъ для производства, ни рынка для сбыта, нечего и говорить. Беремъ нѣсколько под-

твердительныхъ указаній изъ *Атласа промышленности* господина Самойлова :

— Не только въ Россіи, но и во всѣхъ другихъ государствахъ Европы, мануфактурная промышленность для своей осядлости не всегда избираетъ мѣста, обилующія горючими матеріалами. Большая часть фабрикъ Великобританіи находится въ округахъ Манчестра, Глазго и Эбердина, куда каменный уголь доставляется по каналамъ, нарочно длятого устроеннымъ, между-тѣмъ какъ мануфактурность Эдинбурга, города, лежащаго близъ обильныхъ жѣзъ этого топлива, остается весьма незначительною. Изъ числа тысячи паровыхъ машинъ, дѣйствующихъ въ пятидесяти-четыре-хъ мануфактурныхъ департаментахъ Франціи, большая часть находится именно въ двухъ департаментахъ, Сѣверномъ и Сенскомъ, долженствующихъ доставать каменный уголь изъ Бельгіи и Англіи. Въ Бельгіи, гдѣ, при сравнительной соразмѣрности народонаселенія и пространства земли, находится болѣе паровыхъ машинъ, чѣмъ въ Англіи и во Франціи (двадцать тысячъ силъ), мануфактурная промышленность сосредоточена не въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ добывается каменный уголь (то есть, въ окрестностяхъ Литтля), но въ провинціи Геннегау и въ округахъ Вервье и Гента, куда каменный уголь доставляется водою и по желѣзнымъ дорогамъ. У насъ въ Россіи, фабричныя заведенія, требующія большаго количества топлива, возникли втеченіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій. Учредители этихъ заведеній, богатые купцы и помѣщики, предпочитая Москву и ея губернію мѣстамъ дальнимъ, обилующимъ лѣсами, имѣли въ виду выгоды техническія, административныя и торговыя, которыя въ совокупности несравненно важнѣе экономіи, происходящей отъ дешевизны топлива. Москва и нѣмѣ, при распространеніи вспомогательныхъ средствъ химіи и механики, сдѣлалась средоточіемъ всѣхъ началъ, для укорененія мануфактурной промышленности необходимыхъ. Гдѣ заказываютъ иногородные фабриканты и помѣщики нужные имъ жакардовыя снаряды, суконные аппараты и даже агрономическія орудія? Въ Москвѣ. Откуда выписываютъ стеариновыя заведенія внутреннихъ губерній потребную имъ сѣрную кислоту? Изъ Москвы. Куда обращаются шуйскіе и ивановскіе фабриканты за покупкою всѣхъ нужныхъ имъ первообразныхъ, полуобработанныхъ и химическихъ матеріаловъ? Въ Москву. Кто снабжаетъ фабрики близкихъ и дальнихъ губерній мастерами, колористами, подмастерьями и даже иностранными механиками? Москва. Словомъ сказать, Москва заключаетъ въ себѣ всѣ отрасли искусствъ и ремеслъ, всѣ основныя и вспомогательныя начала мануфактурной дѣятельности, и если подробно исчислить затрудненія, потерю времени, провозныя расходы и лишнюю мастеровъ плату, чему подвержены фабричныя

заведенія другихъ губерній сравнительно съ московскою, окажется, что послѣдняя представляетъ гораздо больше выгодъ нежели первая.

Вопросъ о топливѣ, то есть о великомъ истребленіи на московскихъ фабрикахъ дровъ, служитъ обыкновеннымъ возраженіемъ противъ всей фабричной промышленности въ Москвѣ. Безпрестанно говорятъ, что скоро около Москвы истребятся послѣдніе лѣса, которыхъ и безъ того остается очень мало, и что бѣдные жители не будутъ имѣть ничего для отапливанія своихъ домовъ. «Посмотрите и теперь — говорятъ еще съ прошедшаго столѣтія — вокругъ Москвы голая степь! Прежде, бывало, ѣдешь лѣсами до самой заставы столичной, а теперь все вырублено и сожжено! Дрова нестерпимо дороги, а скоро ихъ и вовсе не будетъ!» Замѣчательно, что эти *скоро* и *теперь* повторяются съ незапамятныхъ временъ! Слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ, Карамзинъ, въ своемъ *Путешествіи къ Троицъ*, писалъ: «Глѣ размножаются люди, тамъ (особливо въ сѣверныхъ земляхъ), исчезаютъ лѣса; нѣкоторые боятся того, думая, что потомкамъ нашимъ со-временемъ нечѣмъ будетъ согрѣвать домовъ своихъ: страхъ напрасный! Во первыхъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, изсушенія болотъ, и другихъ успѣховъ гражданской дѣятельности, климатъ становится теплѣе; во-вторыхъ, деревья растутъ у насъ скоро, наконецъ, въ случаѣ нужды, немощные слои земляныхъ угольевъ ожидаютъ въ Россіи только заступа, чтобы пылать въ нашихъ печахъ и каминахъ.» Вотъ доказательство, что еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія думали и рассуждали объ истребленіи лѣсовъ вокругъ Москвы, и даже придумывали средства отвратить недостатокъ въ дровахъ. Недавно, одинъ почтенный старецъ (осьмидесяти-лѣтній князь В.), говоря съ нами о томъ же предметѣ, замѣтилъ очень остроумно: «Ужъ лѣтъ по-больше шестидесяти я помню такія сожалѣнія и воздыханія объ истребленіи лѣсовъ: и тогда еще опасались, что нечѣмъ будетъ топить печей; а, слава Богу, дровъ всегда у насъ изобильно, и, при сравнительной цѣнности денегъ, они не дороже чѣмъ за пятьдесятъ лѣтъ.» Причина очень понятная: лѣса истребляются, и вырастаютъ вновь. Ни въ одномъ об-

разованномъ государствѣ нѣтъ непроходимыхъ лѣсовъ, и не должно быть ихъ, потому что гражданскому обществу нужны просторъ, воздухъ и обработанныя земли, а не лѣса неизвѣримыя. Во всякомъ сельскомъ хозяйствѣ, всегда оставляется соразмѣрное количество земли подъ лѣсомъ, и эти-то участки лѣсовъ поддерживаютъ довольство въ лѣсныхъ матеріалахъ. Иначе, какъ могли бы мы прожить шестьдесятъ лѣтъ, въ которые на памяти современниковъ нашихъ, (а вѣроятно и гораздо прежде), безпрестанно опасаются, что у насъ скоро нечѣмъ будетъ отапливать домовъ? Въ утѣшеніе людей боязливыхъ напомнимъ еще, во-первыхъ, что правительство наше неусыпно заботится о сбереженіи не только лѣсовъ, но и всякаго роду топлива, и еще не такъ давно въ столицахъ сдѣлано постановленіе, чтобы народныя бани, безпутно истреблявшія огромное количество дровъ, были топимы только четыре раза въ недѣлю. Въ самомъ дѣлѣ: въ эти четыре дни перебываютъ въ баняхъ всѣ, кому нужно или угодно, потому что имъ всё-равно идти въ баню сегодня или завтра: она удовольствуется въ день триста человекъ, такъ же какъ двѣсти; а черезъ это сохраняются въ годъ тысячи сажень дровъ, гибнувшихъ бесполезно. Подобныхъ распоряженій правительства есть множество, и при его заботливости мы не можемъ опасаться недостатка въ дровахъ. Во-вторыхъ, у насъ начинаютъ замѣнять дрова каменнымъ углемъ и торфомъ, и при усовершенствованіи и распространеніи торфяной и каменно-угольной промышленности, вѣроятно, современемъ половина дровъ будетъ замѣняема ихъ произведеніями. Въ-третьихъ, улучшение путей сообщенія, и особливо желѣзные дороги сближаютъ и сближаютъ насъ не только съ заповѣдными лѣсами сѣверныхъ губерній, но и съ непроходимыми, гніющими на корнѣ лѣсами Сибири! Огнедышашіе драконы принесутъ ихъ изъ-за двухъ тысячъ верстъ дешевле, нежели теперь изъ-за ста верстъ на крестьянскихъ клячахъ. Словомъ, промышленность открываетъ вездѣ и всюду новыя средства: дайте только ей сообразиться, одуматься. Можемъ надѣяться, что при соединеніи исчисленныхъ нами средствъ, дрова и вообще лѣсные матеріалы будутъ въ Москвѣ дешев-

ле нежелан теперь. Если бы, отъ стеченія какихъ-нибудь постороннихъ обстоятельствъ, они временно сдѣлались дороже, то вспомнимъ русское присловье: «Дорогой товаръ изъ земли растеть.» Громады дровъ будутъ свезены со всѣхъ сторонъ, и малѣйшая заботливость со стороны помѣщиковъ нашихъ, черезъ двадцать, тридцать лѣтъ, отънять ненужныя имъ поля могущественными рощами. Наконецъ, соображаютъ ли вздыхающіе о лѣсахъ, отчего въ Англіи, Франціи, даже въ Германіи нѣтъ лѣсовъ, подобныхъ нашимъ Сибирскимъ, и тамъ не заботятся разводить ихъ? Неужели тамъ не умѣли бы выростить ихъ? Совсѣмъ нѣтъ; но земля въ западной Европѣ употребляется на гораздо полезнѣйшіе предметы, и жители многочисленныхъ государствъ предпочитаютъ покупать недостающее имъ количество лѣсныхъ матеріаловъ, дорожа всего больше землею, которой у нихъ мало, такъ что едва достаточно для другихъ потребностей гражданской жизни. Порадуемся, что мы въ иномъ положеніи: у насъ такъ много земель запасныхъ, что мы можемъ еще только придумывать, на что бы намъ употребить ихъ выгодно, и не находя выгодъ разводить лѣса вокругъ столицы; руководствуемся въ томъ народною расчетливостію.

Надобно было *исчерпать* вопросъ о дороговизнѣ, и, Боже сохрани, недостатокъ дровъ, чтобы это важное возраженіе противъ учрежденія фабрикъ въ Москвѣ и ея уѣздахъ могло быть оценено по достоинству. Мы доказали, что опасенія за Москву, и даже за Россію вообще, въ этомъ отношеніи напрасны, и принадлежать къ разряду пошлыхъ мыслей, какія любятъ повторять, особливо о нашемъ любезномъ отечествѣ, люди, такъ хорошо знающіе театры и закоулки Парижа и сѣзды на минеральныхъ водахъ Германіи, а о Россіи разсуждающіе по стародавнимъ слухамъ и разсказамъ. Господинъ Самойловъ дополнитъ наши доказательства неоспоримыми свидѣтельствами о томъ, что учрежденіе множества фабрикъ въ московской губерніи, почти не имѣло вліянія тамъ на цѣну дровъ. Вотъ слова его:

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что быстро, втеченіи послѣднихъ десятилѣтій, развитіе всѣхъ отраслей руководимаго трудолюбія въ Москвѣ и ея губер-

ция, содействовала ковенно иному возвышенно цѣль на дрова, единственное топливо, до 1841 года въ Москвѣ извѣстное; но главную и первую причину этой дороговизны должно искать, во-первыхъ, въ необходимость скорой вырубкѣ близъ Москвы лѣсовъ послѣ пожара 1812 года, для возстановленія этого громаднаго города, возродившагося изъ пеплу своего въ немногѣрно-короткое время и, во-вторыхъ, въ томъ, что по непостоянству водянаго сообщенія по Москвѣ-рѣкѣ, представляющей весьма часто въ лѣтние мѣсяцы неодолимыя затрудненія судоходству, и по неприведенію еще къ концу нѣкоторыхъ улучшеній, предпринятыхъ правительствомъ въ послѣднее время по разнымъ ведущимъ въ Москву сухопутнымъ трактамъ, доставка дровъ изъ тѣхъ уѣздовъ, которые еще обилуютъ лѣсами, обходится внятѣро дороже цѣнности ихъ на мѣстахъ. Изъ Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества видно, что въ концѣ прошлаго столѣтія, то есть, когда въ Россіи не было ни ситцевыхъ фабрикъ, ни химическихъ заведеній, ни паровыхъ машинъ, дороговизна дровъ въ Москвѣ заставляла мѣстное начальство озабочиваться принсканіемъ способовъ къ уменьшенію этой дороговизны. Уже тогда цѣна за аршинныя березовыя дрова доходила до шести рублей за сажень, что составляло, при тогдашнемъ достоинствѣ ассигнаціоннаго рубля, шесть рублей серебромъ, или двадцать одинъ рубль нынѣшнихъ ассигнацій; слѣдовательно, въ концѣ прошлаго столѣтія, несмотря на изобиліе лѣсовъ близъ Москвы, дрова продавались если не дороже, то по-крайней-мѣрѣ не дешевле нынѣшняго. Это весьма понятно, потому что тогдашнее дурное состояніе всѣхъ ведущихъ къ Москвѣ дорогъ представляло провозу тяжестей, даже на близкихъ разстояніяхъ, такія трудности, какихъ нынѣ, по шоссе санктпетербургскому, ярославскому и владимирскому, вовсе нѣтъ.

Все это понималъ, не *мудрствуя лукаво*, смысленный русскій народъ. Не сталъ бы онъ заводить фабрики, если бъ не чѣмъ было на ней топить печи. Но дрова дороги сносно, товаръ требуется—давай заведемъ станъ, веретена, котель! Какой товаръ требуется? Ситцы? Мастеръ бѣжить въ гостинный дворъ, кланяется благодѣтелю Д. И. С., вымаливаетъ у него на полукредитъ пол-кипы бумаги, ткѣтъ миткаль, набиваетъ на немъ небывалыя въ природѣ цвѣты, продаетъ съ такимъ барышомъ, что ужъ некупаетъ у благодѣтеля цѣлую кипу бумаги и посмотрите, черезъ годъ, ужъ благодѣтель *навязываетъ* ему въ кредитъ лишнихъ кипы двѣ-три, справедливо разсуждая: «Мужикъ идетъ въ гору; теперь-то и брать съ него двойные барыши; обзаведется

дешевыми, плутъ, пойдетъ не ко мнѣ, а въ нѣмецкую контору». Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ уже великокопные иностранные негоціанты жмутъ руку *Герентыю Прохоровичу* (еще недавно бывшему ткачу Терѣхъ), и съ улыбкой упрасиваютъ его не забыть ихъ конторы, которая отпускаетъ ему на десятки тысячъ пряденой бумаги. Такова исторія почти всѣхъ, или самой бѣльшей части нашихъ фабрикантовъ. Богъ умудряетъ ихъ! Чуть Нѣмецъ какой-нибудь заводитъ фабрику, небывалую у насъ — и черезъ нѣсколько лѣтъ работники дѣлаются его соперниками. Самое большое развитіе получила такимъ образомъ хлопчатобумажная промышленность во всѣхъ ея видахъ; но и другіе, почти всѣ роды фабрикаціи, распространились отъ огромнаго требованія именно въ Москвѣ, а не въ Вологдѣ, не въ Смоленскѣ, не въ Тамбовѣ. Для чего стали бы тамъ заводить фабрики? Кто придетъ или пріѣдетъ туда покупать ситецъ, сукно, шелковыя ткани? Можно было бы возить ихъ оттуда въ Москву, гдѣ вѣчная ярмарка и рынокъ всей Россіи; но фабрики наши еще такъ новы, такъ мало капиталны, что имъ необходимъ быстрый оборотъ, необходимы безпрерывныя свѣдѣнія о томъ, что и сколько чего требуется, а заготовлять товары безъ спросу на нихъ онѣ не могутъ. Какимъ же образомъ станетъ дѣйствовать фабрикантъ въ Вологдѣ и Тамбовѣ? Куда онъ дѣнется съ товаромъ, хотя бы товаръ обходился ему и дешевле чѣмъ московскимъ фабрикантамъ? Но въ Москвѣ, всегда или есть заказы отъ торговцевъ, или по-крайней-мѣрѣ извѣстно что требуется. Тутъ сколько успѣлъ сдѣлать, столько можетъ и продать. Оттого въ московской губерніи распространилось безчисленное множество фабрикъ и фабричекъ, а нѣкоторыя изъ нихъ разрослись до испѣльскихъ размѣровъ..... Но такое быстрое и огромное развитіе фабричной промышленности необходимо повело къ соперничеству между фабрикантами, и, къ сожалѣнію, многіе стали соперничать другъ съ другомъ не въ усовершенствованіи своихъ произведеній, а въ пониженіи цѣвъ ихъ. Начали наконецъ работать только для поддержанія своихъ фабрикъ, и тутъ-то оказалось ясно истинное до-

стоинство некоторых начавших одерживать верх над своими соперниками добротой своих произведений, и добросовестностью въ своих сношеніяхъ съ торговцами. Такіе фабриканты утвердили за собою первенство, и побудили другихъ заботиться объ улучшеніи какъ товаровъ, такъ и самаго производства фабричнаго. Даже закоснѣлые простолюдины поняли, что не всегда можно наживать деньги, работая какъ-нибудь, а надобны для успѣховъ свѣдѣнія, ученіе, просвѣщеніе. Выводъ утѣшительный, и повторяющійся вездѣ при успѣхахъ промышленности, которая необходимо ведетъ къ просвѣщенію. Теперь на всѣхъ главнѣйшихъ фабрикахъ, мастера и распорядители — иностранцы: это уже большой шагъ, потому что фабриканты наши сознаются въ томъ, что не довольно одного грубаго ихъ навыка къ фабричному дѣлу; но гораздо важнѣе будетъ шагъ, когда мѣсто иностранцевъ займутъ дѣти самихъ хозяевъ, или крайней-мѣрѣ Русскіе. Мы покажемъ далѣе, какія средства представляетъ для этого Москва, и какіе виды можно имѣть для образованія нашего промышленнаго класса; но скажемъ, что и теперь Москва прежде всѣхъ поняла необходимость въ усовершенствованіяхъ фабричной промышленности, и превосходитъ въ томъ передъ всѣми другими мѣстами Россіи. Приводимъ нѣсколько примѣровъ изъ книги господина Самойлова:

«....Успѣхи и улучшенія принадлежатъ также преимущественно Москвѣ. Доказательствомъ этого служатъ ситцевыя фабрики владимірской губерніи, которыя при всей ихъ отдѣльной значительности и многочисленности, не могутъ равняться, относительно усовершенствованій, съ ситцевыми заведеніями Москвы. То же самое можно сказать о шелковыхъ фабрикахъ Ярославля и суконныхъ фабрикахъ внутреннихъ и западныхъ губерній, при сравненіи ихъ съ шелковыми и суконными фабриками Москвы*. Несмотря на дальнее разстояніе Москвы отъ западной Европы, всѣ улучшенія, всѣ

* За исключеніемъ однако фабрикъ *Вермана* и *Ретсена*, близъ Пернова, и *Заларна* въ Бѣлостокѣ, которыя, работая съ самаго начала существованія своего мастерами, переселенными изъ Царства Польскаго, и машинами новѣйшей конструкціи, упредили московскихъ фабрикантовъ въ производствѣ тонкихъ суконъ. То же самое можно сказать и о фабрикѣ господина *Пельмооскаго*, въ кіевской губерніи.

повидны въ области механики и химіи, походятся въ ней прежде чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи, даже прежде чѣмъ въ Петербургѣ, потому именно, что въ древней столицѣ сосредоточены всѣ стихіи высшей мануфактурной дѣятельности, служащія, такъ-сказать, магнитомъ для привлеченія заграничной изобрѣтательности. Чудное изобрѣтеніе московскаго фабриканта, Іосифа Жакара, устранившее всѣ трудности прежнихъ становъ съ переборани для производства узорчатыхъ тканей, благодаря предприимчивости братьевъ Рогожиныхъ, существовало на многихъ московскихъ фабрикахъ, когда еще и не было извѣстно въ другихъ мѣстахъ Россіи. Послѣ прекращенія привилегіи Вебера, система цилиндрической набивки ситцевъ, со всѣми принадлежаними къ ней *молоты* и *молотворы* машинани, водворилась въ самое короткое время на всѣхъ набивныхъ фабрикахъ московскихъ, тогда нѣкыя шуйскіе и ивановскіе фабриканты еще долго производили набивку даже рубашечныхъ ситцевъ ручными досками. Приготовительныя машины изъ части пряденія хлопчатой бумаги, извѣстныя подъ названіемъ *банъ-а-бромъ*, и нынѣ призванныя необходимыми для регулярнаго приготовленія ровницы, уже давно дѣйствовали на Горенской мануфактурѣ Н. А. Волкова, когда не только въ Петербургѣ, но и почти во всѣхъ бумагопрядильняхъ Германіи придерживались еще прежнихъ приготовительныхъ машинъ, *tub-frames*. Примененіе машинъ *мюль-джерми* и непрерывной скалки (*boquette-continue*) къ пряденію шерсти, было извѣстно московскимъ суконнымъ фабрикантамъ прежде, нежели фабрикантамъ Царства Польскаго. Устроеніемъ фабрики для приготовленія стеарина и стеариновыхъ свѣтъ, Москва, послѣ Париза, опередила всѣ столицы и мануфактурныя города Европы. Скороспѣлое производство уксусу введено было извѣстнымъ химикомъ нашимъ І. Н. Шлиппе въ 1826 году, такъ же какъ и добываніе сѣрной кислоты по способу непрерывнаго сжиганія сѣры, производилось у него же, годошь раньше полученія въ Россіи извѣстія объ усовершенствѣ этой мотоды во Франціи. Въ настоящее время, одна изъ главнѣйшихъ бумагопрядильнь въ Россіи, Вознесенская мануфактура компаніи совѣтника С. Л. Лепешкина, въ динтровскомъ уѣздѣ, московской губерніи, производитъ большую часть тонкопряденія своего на самопрядильныхъ машинахъ (*self-acting*), которыя, независимо отъ вопроса о полезности ихъ для Россіи, считаются однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нововведеній въ Англіи.

Такое направленіе къ непрерываному улучшенію самаго производства фабричнаго, и чрезъ то къ усовершенствованію произведеній его, имѣло слѣдствія благотворныя.

«Сравнимою возрастающія годъ-отъ-году потребности образованнѣйшаго сословія съ постепеннымъ уменьшеніемъ притока къ нему изъ-за границы

товаровъ обработанныхъ, нельзя не убѣдиться, что главная часть этихъ потребностей удовлетворяется уже произведеніями русскихъ фабрикъ; обращая же къ общей массѣ потребителей, незнающихъ другихъ издѣлій кромя русскихъ, найдемъ, что независимо отъ постепеннаго усиленія ихъ потребностей, проявляется уже и у нихъ умѣнье цѣнить, если не различіе въ изяществѣ, то по-крайней-мѣрѣ различіе въ добротѣ покупаемыхъ предметовъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ, *заварные* ситцы были еще предметомъ роскоши для простаго народу внутреннихъ губерній; нынѣ, первое условіе для безостановочнаго сбыта ситцевъ, даже самыхъ обыкновенныхъ; есть прочность красокъ и безпрестанное видоизмѣненіе узоровъ. До 1830 года, такъ называемые *кустарники* богородскаго уѣзда, и мелкіе фабриканты вообще, ограничивались производствомъ легкихъ шелковыхъ и полупшелковыхъ издѣлій, отличавшихся отъ произведеній самостоятельныхъ фабрикантовъ легкостью цвѣтовъ, неровностью тканья, и какинъ-то особеннымъ отпечаткомъ несовершенства; нынѣ и имъ уже не чужды улучшенія въ качествѣ матерій узорчатыхъ и гладкихъ, и многіе изъ нихъ, наравнѣ съ фабрикантами, первенствующими въ своемъ дѣлѣ, уже пользуются удобствомъ отдѣльныхъ красильныхъ и аппретурныхъ заведеній, въ послѣднее время въ Москвѣ учрежденныхъ, коимъ шелковое производство древней столицы обязано преимущественно своимъ успѣхамъ.

Господинъ Самойловъ приводитъ даже доказательство, что наши фабриканты вышли «изъ прежней неподвижности успѣховъ», слѣдуя за всѣми требованіями измѣняющагося вкуса публики, что свидѣтельствуетъ о технической возможности удовлетворять ему. Мода и требованіе высшихъ и среднихъ сословій въ западныхъ государствахъ налагаютъ родъ изгнанія на ситцы и набивныя кисеи, замѣняя ихъ шерсто-бумажными набивными тканями разныхъ наименованій; на это мода, перешедшая къ намъ въ 1843 году, ни мало не затрудняла нашихъ первенствующихъ ситцевыхъ фабрикантовъ: многіе изъ нихъ, точно какъ фабриканты Мюльгаузена, Парижа, Хемница, Берлина, обратили большую часть своего производства на приготовленіе новыхъ, любимыхъ публикою издѣлій, отличающихся мягкостью ткани и живостью красокъ. У многіхъ московскихъ фабрикантовъ безпрестанно являются новыя ткани, подъ новыми, большею частью иноземными названіями *крепъ-рашель*, *гро-д'африкъ*, *муселинь де лень* и тому подобными — стало-быть они слѣдуютъ

за видоизмѣненіями у своихъ учителей Франнузовъ, и—что всего важнѣе для насъ — уже владѣютъ техническими способами исполнять требованія потребителей.

При выводѣ этой важной истины изъ безпристрастныхъ и постоянныхъ наблюденій своихъ, господинъ Самойловъ говоритъ нѣсколько истинъ инаго рода, и мы почитаемъ не лишнимъ повторить слова его, какъ дополненіе къ характеристикѣ нашихъ фабрикантовъ: «Отдавая справедливость большей части московскихъ фабрикантовъ (слова господина Самойлова), не могу однако жъ не сознаться, что относительно желаемого распространенія между всеми производителями не только основательныхъ техническихъ свѣдѣній, безъ которыхъ никакое фабричное дѣло укорениться не можетъ, но даже приемовъ практическихъ, составляющихъ типъ независимаго фабриканта—остается поле открытое еще на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Не касаясь химіи и технологіи, у насъ нѣкоторые купцы, владѣющіе или управляющіе обширными фабричными заведеніями, еще долго будутъ въ зависимости у иностранныхъ механиковъ, колористовъ, аппретеровъ и прочихъ, если не посвятятъ себя, сыновей или родственниковъ своихъ, исключительно мануфактурному дѣлу. Долго они будутъ испытывать неудачи, влекущія за собою убытки и неудовольствія, если не станутъ различать фабричнаго дѣла отъ торговаго. У насъ многіе капиталисты, которымъ фортуна изстаря улыбалась въ торговыхъ оборотахъ, полагаютъ, что достаточно имѣть много денегъ, чтобъ быть хорошимъ фабрикантомъ, но пора имъ убѣдиться, что если свобода въ деньгахъ доставляетъ несомнѣнныя выгоды, относительно своевременнаго и дешеваго заготовленія матеріаловъ, и возможности продавать приготовляемые товары въ дальніе сроки, не стѣсняясь учетомъ векселей, то знаніе дѣла необходимо въ отношеніи къ скорости, совершенству, и дешевизнѣ самаго производства. Которое изъ этихъ двухъ преимуществъ важнѣе, доказывается тѣмъ, что свѣдущіе русскіе фабриканты, и иностранцы, переселившіеся въ Москву, однимъ знаніемъ дѣла приобрѣли и продолжаютъ приобретать значительные капиталы, между-тѣмъ какъ нѣ-

которыя русскіе капиталисты, предпринявшіе фабричныя дѣла безъ знанія, приходили въ упадокъ. *Урусовы, Кондрашевы, Гучковы, Прохоровы, Сипожниковы, Крюковы, Голубятниковы, Четвериковы*, и множество другихъ московскихъ фабрикантовъ, занимающихъ нынѣ первыя ступени на лѣстницѣ отечественной мануфактурной промышленности, начали не капиталомъ, но знаніемъ дѣла, и процвѣтають. Изъ числа иностранцевъ, нажившихъ значительное состояніе въ послѣднія двадцать лѣтъ, я назову только всѣмъ извѣстныхъ: *Бухера, Штейнбаха, Шубута, Шарца, Мейера*, и прочихъ, которые проживаютъ нынѣ за границею доходы съ денегъ, нажитыхъ въ Россіи, не говоря о множествѣ иностранцевъ, продолжающихъ съ успѣхомъ трудиться по разнымъ отраслямъ московской мануфактурности, каковы напримѣръ: *Штейнбахъ-второй, Бернгардъ, Кенеманы, Цюбержиллеръ, Далже, Стефко, Эмме, Крюмбигель и Шенфельдъ, Невиль, Вильденъ, Кнерцеръ, Остерридь*, и другіе. Что же касается до капиталовъ, утраченныхъ у насъ въ мануфактурномъ производствѣ именно по причинѣ незнанія дѣла, то можно было бы привести множество примѣровъ.... да чтобъ гусей не раздразнить. Справедливо, что было въ Москвѣ время (особенно въ первые годы послѣ изданія охранительнаго тарифа 1822 года), когда люди, вовсе не знавшіе фабричнаго дѣла, наживали значительные капиталы по разнымъ отраслямъ мануфактурнаго производства, дѣйствуя чужимъ умомъ. Но это благоприятное время, остановившее однако жъ умственное развитіе производителей, прошло — и слава Богу! Нынѣ, новое поколѣніе фабрикантовъ, уже не пренебрегаетъ знаніемъ и счастливы изъ нихъ тѣ, которые съ знаніемъ соединяють возможность въ отношеніи вещественномъ.»

Таково состояніе и направленіе фабричной промышленности въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, то есть въ средоточіи и не-премѣнномъ, главномъ мѣстѣ дѣятельности этой важной промышленности. Мы показали причины тому, и, опираясь на очевидности и самыхъ событіяхъ, подтверждаемъ, что говорить о русской промышленности и торговлѣ во всѣхъ видахъ и измѣненіяхъ ихъ, значитъ говорить о промышленности и тор-

говль Москвы. Простирая отрасли свои на всю имперію и даже на самыя отдаленныя области государства, онъ только въ Москвѣ имѣютъ характеръ общій, государственный, по которому наука можетъ дѣлать свои заключенія и выводы. Фабрики и заводы есть во всѣхъ русскихъ губерніяхъ, но онѣ или существуютъ только для небольшого круга своего города, своей области (каковы винокуренные, мыловаренные, кожевенные, и тому подобные заводы), или составляютъ исключенія, по какимъ-нибудь частнымъ причинамъ, и всё-таки имѣютъ цѣлю своего производства Москву. Здѣсь настоящая оцѣнка и средства ихъ существованія. Такъ, напримѣръ, сахарные заводы существуютъ почти исключительно въ Петербургѣ; но гдѣ главнѣйшій сбытъ ихъ произведеній? Въ Москвѣ! Почти единственная въ Россіи игольная фабрика господина Полторацкаго, продаетъ все свои произведенія въ Москвѣ. Ивановскіе фабриканты въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Москвою, какъ для покупки нужныхъ имъ матеріаловъ, такъ и для сбыта своихъ произведеній. Даже стеклянные и хрустальные, мѣдные и желѣзодѣлательные заводы имѣютъ главную торговлю свою въ Москвѣ, и если эти заведенія, существующія съ давнихъ лѣтъ на занимаемыхъ ими мѣстахъ, не могутъ приблизиться къ ней сами, то *жизнь, душа* ихъ въ Москвѣ.

К. П.

=

АТЛАСЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ, *составленный Л. Самойловымъ. Изданъ издѣніемъ московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта. Москва. 1845.*

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ОТРАСЛЕЙ МАНУФАКТУРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ РОССИИ. *С. Ш-бургъ. 1845.*

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

При всеильномъ обладаніи торговлею и промышленностью Россіи, о которой говорили мы въ первой нашей статьѣ, Москва должна болѣе другихъ мѣстъ чувствовать потребность въ образованіи фабрикантовъ и даже мастеровыхъ людей. Изъ наблюдений и указаній господина Самойлова мы видѣли, что сами обстоятельства привели къ сознанію въ томъ даже самыхъ упрямыхъ и закоснѣлыхъ людей. Дѣйствительно, никогда еще не было такъ сильно чувствуема потребность въ образованіи промышленнаго класса, какъ въ наше время, и всего болѣе видно это въ Москвѣ. Людямъ мало наблюдательнымъ кажется, что у насъ все идетъ по старому, тогда какъ и въ этомъ отношеніи сдѣланы шаги исполнскіе! Вольно же намъ не видѣть того, что дѣлается вокругъ насъ и посреди насъ. Но въ статистическихъ изслѣ-

дованіяхъ восклицанія и восторги не значать ничего: надобны положительныя доказательства — и мы представляемъ ихъ.

До 1812 года, въ Москвѣ существовали только два заведенія, предназначенныя собственно для образованія купцовъ: Коммерческое Училище, открытое въ 1804 году, и Практическая Коммерческая Академія, основанная въ 1806 году, оба, и особливо послѣдняя, чрезвычайно разстроена нашею несправедливою политикою. Въ настоящее время, они существуютъ, приведенныя въ новый порядокъ и устройство; но, кромѣ того, возникли слѣдующія учебныя заведенія, для образованія промышленнаго и фабричнаго класса: 1) реальная третья гимназія, 2) двѣ московскія рисовальныя школы; 3) нѣсколько частныхъ фабричныхъ школъ; 4) ремесленное учебное заведеніе императорскаго воспитательнаго дома; 5) московское мѣщанское училище. Не къ учебнымъ, а къ вспомогательнымъ для промышленности заведеніямъ должно причислить ежегодныя курсы или чтенія технической химіи, учрежденныя при лабораторіи московскаго университета. Упомянутая о нихъ и о другихъ учебныхъ пособіяхъ промышленности московской, господинъ Самойловъ ни слова не сказалъ о ремесленномъ заведеніи воспитательнаго дома и о мѣщанскомъ училищѣ, тогда какъ оба они устроены съ прямою цѣлю способствовать образованію юношей, назначенныхъ для промышленности и фабрикъ, и оба принесли уже неоспоримую пользу въ нѣсколько лѣтъ своего существованія. Что бы ни было причиной такого пропуска или просмотра, мы указываемъ на него особенно для подтвержденія нашей мысли, что статистическія свѣдѣнія могутъ быть вѣрными не больше какъ приблизительно! Статистикъ, много лѣтъ наблюдающій московскую промышленность, просмотрѣвъ въ обзорѣннѣ учебныхъ заведеній ея, чуть-ли не важнѣйшія два, въ которыхъ обучается больше пятисотъ мальчиковъ! А всѣ-то учебныя заведенія по этой части въ Москвѣ исчисляются единицами!... Выводите изъ такихъ данныхъ науку и законы науки!

Желая дать понятіе обо всѣхъ исчисленныхъ нами учеб-

ныхъ заведеніяхъ, мы укажемъ на цѣль и объемъ дѣятельности каждаго изъ нихъ.

Коммерческое училище существуетъ уже такъ давно, что цѣль его должна быть вообще извѣстна. Это не иное что, какъ полный курсъ воспитанія для образованія купца самаго высшаго разряда. *Московская практическая коммерческая академія*, основанная послѣ него, имѣетъ такую же цѣль и почти такой же курсъ, съ нѣкоторыми частными измѣненіями. Вся разница между ними въ томъ, что первое основано и поддерживается отъ всего сословія московскаго купечества и нѣсколькихъ благотворителей, а вторая (Академія), основана и поддерживается капиталами и пожертвованіями частныхъ благотворителей.

Съ скромностью, приличною опытности, сознаемся, что въ учрежденіи обоихъ этихъ прекрасныхъ учебныхъ заведеній, видно больше желаніе дать общую, даже блестящую образованность купеческому юношеству, а не отчетливое намѣреніе, не практическая цѣль, какими отличаются учебныя заведенія для промышленнаго класса нашего времени. Изъ коммерческаго училища и изъ академіи выходятъ очень образованные, даже ученые юноши, но не прямо приспособленные къ торговымъ и фабричнымъ занятіямъ, такъ что многіе изъ нихъ поступаютъ въ государственную службу или переходятъ къ занятіямъ ученымъ, педагогическимъ, адвокатскимъ, потому что у нихъ больше свѣдѣній вообще для какого-нибудь образованнаго занятія, но не примѣняющихся къ промышленности собственно.

Учрежденная съ 1839 года *Реальная Гимназія* направлена къ образованію болѣе практическому. Изъ ея курса исключены излишніе иностранные языки и предметы, отнимающіе время у главныхъ занятій, которыми остаются: математика съ ея примѣненіями къ другимъ наукамъ, черченіе, рисованіе и техническія знанія. Ученикъ, окончившій курсъ въ Реальной Гимназіи, не годится ни въ ученые, ни въ юристы, но онъ, при хорошей нравственности, будетъ лучшимъ ученикомъ и помощникомъ въ самомъ обширномъ торговомъ домѣ и на всякой фабрикѣ. Въ годъ, въ два го-

да практическихъ занятій тамъ, онъ сдѣляется истинно-образованнымъ купцомъ или фабрикантомъ.

Но русская торговля и промышленность нуждаются не столько въ людяхъ способныхъ къ обширнымъ торговымъ занятіямъ, сколько въ скромныхъ, образованныхъ сидѣльцахъ, мастерахъ, механикахъ, и для приготовленія такихъ-то безцѣнныхъ тружениковъ возникло въ Москвѣ нѣсколько заведеній, истинно полезныхъ.

Двѣ московскія рисовальныя школы должны быть названы прежде всѣхъ, даже по старшинству ихъ учрежденія. Ими обязаны Россія просвѣщенной мысли графа Сергія Григорьевича Строгонова, который еще въ 1824 году основалъ частную рисовальную школу и содержалъ ее собственно отъ себя втеченіи девятнадцати лѣтъ. Не щадя издержекъ для учебныхъ пособій и для привлеченія молодыхъ ремесленниковъ, графъ довелъ свою школу до большаго совершенства и заслужилъ тѣмъ искреннюю благодарность отечества. Множество образовавшихся въ его школѣ учениковъ послужили къ успѣхамъ нашихъ фабрикъ, потому что образованіе ихъ было примѣнено къ дѣлу.

Въ 1833 году, по Высочайшей волѣ Его Императорскаго Величества, основано въ Москвѣ другое подобное заведеніе при дворцовомъ архитектурномъ училищѣ, подъ названіемъ *Мѣщанскаго отдѣленія технического рисованія*. Предназначенное исключительно для образованія изъ бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣтей фабричныхъ рисовальщиковъ, оно состояло первоначально изъ двадцати-пяти учениковъ, но впоследствии число учениковъ увеличилось до пятидесяти. Они получаютъ, для поощренія въ ученіи и обезпеченія своего существованія, отъ пяти до десяти рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Мысль, достойная Великаго Петра! Вотъ вамъ деньги, ребята: только учитесь! «Даютъ деньги, зато что ихъ же учать!» повторяютъ съ удовольствіемъ русскіе люди.

Въ 1843 года оба эти заведенія поступили въ вѣдѣніе министерства финансовъ и вмѣстѣ съ воскресными рисовальными классами и женскимъ рисовальнымъ отдѣленіемъ, состоятъ подъ попечительствомъ предсѣдателя московскаго

отдѣленія мануфактурнаго совѣта, барона А. К. Мейендорфа. Мѣщанское отдѣленіе техническаго рисованія наименовано *Первою рисовальною школою*, а заведеніе графа Строгонова *Второю рисовальною школою, учрежденною графомъ С. Строгоновымъ*. Въ 1844 году составлены для нихъ отъ министерства финансовъ слѣдующія правила:

Въ Первой рисовальной школѣ, имѣющей цѣлю образованіе рисовальщиковъ для ткацкихъ и набивныхъ заведеній, слѣдующихъ притомъ въ счетной части, преподаются Законъ Божій, русскій языкъ, ариметика, геометрія, счетоводство, рисованіе вообще, чистописаніе, черченіе, перспектива, техническое рисованіе съ практическими объясненіями, и впоследствии введены технологія, товаровѣдніе и химія, въ отношеніи къ ткацкому и набивному дѣлу. Въ 1844 году было въ школѣ учениковъ, получавшихъ пособіе—пятьдесятъ, сверхъ—платныхъ девять; посѣщавшихъ воскресный классъ сто сорокъ два, и малолѣтнихъ учениковъ воскресной школы сорокъ восемь, всего двѣсти сорокъ девять человѣкъ.

Во Второй рисовальной школѣ, учрежденной графомъ Строгоновымъ, и назначенной для образованія рисовальщиковъ, лѣпщиковъ и чертежниковъ для искусствъ и ремеслъ, преподаются: общее рисованіе карандашомъ, тушью, акварелью, гуашью, писаніе масляными красками, рисованіе техническое, перспектива, ариметика, практическая геометрія, черченіе, чистописаніе и лѣпка. Въ 1844 году было въ этой школѣ: учениковъ платящихъ — осемьдесятъ пять; не платящихъ—тридцать семь; ученицъ женскаго отдѣленія тридцать семь; учениковъ гальванопластическаго отдѣленія двадцать два; приготовляемыхъ въ учителя рисованія девять; посѣщавшихъ воскресный при школѣ рисовальный классъ сто двѣнадцать, и малолѣтнихъ учениковъ воскресной школы семьдесятъ пять; всего триста семьдесятъ семь человѣкъ.

Кромѣ-того, рисовальные воскресные классы, учрежденные при реальной гимназій и второмъ уѣздномъ училищѣ, были

посъщаемы въ 1834 году двумя стами семьюдесятью-тремя ремесленниками и работниками, которымъ нѣтъ времени учиться въ рабочіе дни.

Такимъ образомъ около девятисотъ человекъ разнаго званія и возрасту фабричныхъ, пользуются ученіемъ соответствующимъ ихъ предназначенію! Это говоритъ такъ ясно о неисчислимой пользѣ, зрѣющей въ настоящемъ и будущемъ, что излишне было бы ее доказывать. Даже смѣшно повторять, что днемъ бываетъ свѣтлѣе нежели ночью.

Но мало всего этого: частные люди, фабриканты, соревнуютъ одинъ передъ другимъ въ учрежденіи школъ для малолѣтнихъ фабричныхъ. Первый примѣръ кому подали мануфактуръ-совѣтники Тимоѳеи и Константина Васильевичи Прохоровы. У нихъ уже давно существовалъ, при фабрикахъ ихъ, школы для первоначальнаго обученія. И другіе фабриканты, по совету и внушенію барона А. К. Мейендорфа, стали заводить такія же школы и онѣ уже заведены при фабрикахъ *суконныхъ* и *шерстяныхъ*—братьевъ Катовыхъ, А. Кенемана, М. В. Новикова, господъ Моженскаго, Музиля, Курдюкова, братьевъ Гучковыхъ; *шелковой*—мануфактуръ-совѣтника Рошфора; *ситцевыхъ*—Титова, Штейнбаха, Финка, Остеррида; *бумаго-ткацкихъ*—коммерціи совѣтника Молчанова и купца Щапова; при ткацкомъ заведеніи Герасимова. Можно полагать, что во всѣхъ этихъ частныхъ школахъ въ Москвѣ и ея округѣ, обучаются до тысячи пятисотъ мальчиковъ. Въ другихъ уѣздахъ начинается такое же соревнованіе, и школы открыты: при шелковой фабрикѣ мануфактуръ-совѣтника И. М. Кондрашева, (богородскаго уѣзда, въ селѣ Щелковѣ), на ситцевой мануфактурѣ Царевскаго Общества и на вознесенской мануфактурѣ С. Л. Лепешкина (въ дмитровскомъ уѣздѣ); на компанейской бумагопрядильной мануфактурѣ господъ Скуратова и Лукина (въ верейскомъ уѣздѣ). Мы указали здѣсь только на тѣ фабричныя школы частныхъ заведеній, которыя вообще извѣстны; но благое стремленіе къ учрежденію такихъ школъ распространяется больше и больше, такъ что число ихъ даже ускользаетъ отъ наблюдателя. Мы ни мало не боимся впасть въ статистиче-

скую ошибку, заключаю по приведеннымъ нами событіямъ, что вскорѣ всѣ фабриканты, достойные этого имени, убѣдятся въ пользу и необходимости учрежденія фабричныхъ школъ, и школы, сообразныя съ ихъ средствами, будутъ заведены при каждой значительной фабрикѣ.

Вотъ выводъ, дѣлающій честь настоящему времени, и указывающій на прекрасную будущность нашей промышленности!

Въ томъ еще больше убѣждаетъ насъ учрежденное въ 1834 году московскимъ купеческимъ обществомъ *Мѣщанское училище*. Мыслью о немъ одушевилось купеческое общество въ годъ счастливаго для Россіи событія: совершеннолѣтія Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича Наслѣдника. Желая выразить свою вѣрноподданническую радость, общество, съ Высочайшаго соизволенія, учредило на свои капиталы, подъ названіемъ *Мѣщанскаго училища*, воспитательное заведеніе для бѣднѣйшихъ мѣщанскихъ дѣтей, и для нѣсколькихъ пансіонеровъ изъ купеческаго сословія. Въ немъ преподаются только необходимые для всякаго предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, чистописаніе, рисованіе, ариметика, географія, счетоводство. Мальчики остаются въ училищѣ четыре года, и выходятъ оттуда столько обученными и образованными, что немедленно поступаютъ къ торговымъ и фабричнымъ дѣламъ, такъ что еще прежде выпуска бываютъ всѣ пристроены. Это показываетъ съ одной стороны довѣренность къ хорошему образованію, какое получаютъ они въ училищѣ, и съ другой потребность въ грамотныхъ и благонравныхъ помощникахъ, которую чувствуютъ теперь всѣ торговцы и промышленники. Въ настоящее время *Мѣщанское училище* постепенными успѣхами и благотвореніями, распространилось дотого, что въ немъ находится около двухъ-сотъ шестидесяти учениковъ, изъ которыхъ четвертая часть, ежегодно, по окончаніи курса и выходѣ изъ училища, поступаютъ въ купеческіе дома къ дѣламъ. Усладительно думать, что эти мальчики, болѣею частью бѣдные, безпріютные, получаютъ теперь нравственное и умственное образованіе и увеличиваютъ число полезныхъ

дѣйствователей на помощь промышленности, когда оставшись безъ образованія и пріюта, они увеличили бы собою число уличныхъ бродягъ, обременительныхъ и даже вредныхъ для общества. Честь и слава купеческому сословію, которое такъ хорошо понимаетъ благо образованности и соединяетъ въ подвигахъ своихъ благотвореніе и пользу!

Съ целью болѣе обширною и практическою учреждено *Ремесленное учебное заведеніе московскаго воспитательнаго дома*, и отъ него можно ожидать самыхъ счастливыхъ послѣдствій для ремесленной и фабричной промышленности. Оно не ограничивается однимъ общимъ, первоначальнымъ образованіемъ мальчиковъ, но имѣетъ целью приготовить въ нихъ хорошихъ практическихъ ремесленниковъ и искусныхъ мастеровъ съ теоретическими свѣдѣніями. И какими средствами располагаетъ оно, состоя подѣ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы! Можно сказать, что это истинно европейское заведеніе! Туда поступаютъ, на казенное содержаніе, питомцы воспитательнаго дома, въ комплектъ двухъ-сотъ-пятидесяти человекъ, и сверхъ-того пансіонеры изъ свободныхъ состояній въ числѣ пятидесяти человекъ. Предметы теоретическаго ученія ихъ: Законъ Божій, чистописаніе, русскій и нѣмецкій языки, арифметика, геометрія, алгебра, плоская тригонометрія, начертательная геометрія, приложенная къ рисованію и перспективѣ, практическая механика, физика, химія, приложенная къ ремесламъ, географія, рисованіе, черченіе. Практическое обученіе составляютъ мастерства: кузнечное, слесарное, токарное, столярное, рѣзное, граверное, чеканное, модельное, жестяное, малярное, футлярное и переплетное, литейное для чугуна, мѣди и олова, рисованіе узоровъ и приготовленіе формъ для набивки матерій: Начальству заведенія разрѣшено по надобности открывать и другія мастерскія. Свидѣтельствомъ успѣховъ этого заведенія служатъ выставки предметовъ, приготовляемыхъ въ немъ. На бывшей недавно, посѣтители тысячами стекались любоваться множествомъ превосходныхъ вещей. Мебель, достойная Гамбса, машины, не уступающія

въ отѣлкѣ иностраннымъ, литье всякаго роду, которое доведено у насъ до совершенства, рисунки и узоры, которые сдѣлали бы честь иной академіи, безчисленное множество мелочей, отѣланныхъ красиво, прочно, изящно, все показываетъ совершенство обученія, и даже числомъ и громадностью своей удостоверяетъ, что это не образчики только, сдѣланные на показъ: нѣтъ, таково все приготовляемое здѣсь и не для выставки. На экзаменахъ воспитанники показали также основательныя свѣдѣнія. Словомъ, одно это заведеніе, кажется, могло бы распространить и, конечно, оно распространяетъ, много усовершенствованій въ ремесленной и фабричной промышленности. Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ говорить о немъ подробно; но мы надѣемся въ другомъ мѣстѣ дать болѣе полное понятіе объ этомъ образцовомъ заведеніи, которое, повидимому, мало извѣстно, если о немъ не упоминаютъ даже въ статистикахъ промышленности! Но такихъ полезныхъ и образцовыхъ заведеній не должны скрывать никакая скромность, никакое забвеніе наблюдателей.

Нѣтъ надобности прибавлять, что во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, каковы бы ни были ихъ цѣль и объемъ, существуетъ строжайшій порядокъ, чистота, благоправіе. Приближаясь къ какому бы то ни было училищу, вы можете всегда надѣяться, что васъ встрѣтятъ порядокъ и образованность, конечно, соразмѣрныя средствамъ заведенія. Сердце радуется за юношей, которые воспитываются въ такой благотворной сферѣ!

Теперь сравните нынѣшнее состояніе учебной части нашего торговаго и промышленнаго класса въ Москвѣ, съ тѣмъ какъ было оно до *Французовъ*, или даже ближе, за двадцать лѣтъ — разница неимоверная, и здѣсь-то цифры служатъ лучшимъ подтвержденіемъ выводовъ. Кромѣ коммерческаго училища и практической коммерческой академіи, которыя существуютъ какъ и прежде, въ настоящее время обучаются:

Въ реальной гимназiи.....	60	учениковъ.
— рисовальныхъ школахъ.....	900.	»
— частныхъ фабричныхъ школахъ....	1,500.	»
— мѣщанскомъ училищѣ.....	260.	«
— ремесленномъ заведенiи.....	300.	«

Всего 3,020 человекъ.

Болѣе трехъ тысячъ человекъ получаютъ правильное, сообразное съ цѣлью каждаго, и потому основательное образованiе, исключительно для занятiй торговлею и промышле- ностью во всѣхъ ея видахъ! Это въ одной Москвѣ, съ ея округомъ!.... Вотъ, какъ говорится, *краснорѣчивыя цифры!* Вотъ права Москвы на обладанiе первенствомъ въ торговлѣ и промышленности, которыхъ не можетъ оспаривать у нея ни- какой другой городъ въ Россiи, и которыя, упрочивая за нею первенство ея, показываютъ неоспоримо, что здѣсь жизнь и убѣжденiе слились съ выгодами, побуждающими первоначаль- но ко всякому матерiальному занятiю.

Москва, въ настоящее время, городъ по преимуществу торговый и фабричный, и, какъ мы доказали, фабричный именно потому, что торговый. Здѣсь средоточiе всей русской промышленности, и съ каждымъ годомъ она является въ новыхъ, разнообразныхъ и самыхъ блестящихъ видахъ. Для упроченiя своего она начинаетъ опираться на главную опору всякой силы — образованность. При такомъ направленiи можно съ увѣренностью ожидать отъ нея только новыхъ успѣховъ, и не бояться какихъ-нибудь случайныхъ, времен- ныхъ колебанiй и отступленiй. При усиленiи, какого достигла промышленность въ Москвѣ, она всегда найдетъ средства и новые пути, новые стороны для своего развитiя. Такъ изъ чисто торговой, она сдѣлалась вмѣстѣ фабричною, и твердо выдерживаетъ борьбу съ усовершенствованiями загранич- ныхъ фабрикъ. При какомъ-нибудь новомъ направленiи, она опять найдетъ средства къ новому обороту, потому что уже не одна случайность, но и просвѣщенiе служатъ ея основою. Еще много усовершенствованiй ожидаютъ ее впереди, но все- му сдѣлано начало, основательное и прочное.

Подтверженіемъ выводовъ нашихъ о Москвѣ, какъ средоточіи русской торговли и промышленности, служить кромѣ «Атласа» господина Самойлова, еще другая книга, также изданная полуофициально отъ Министерства Финансовъ: это «Обозрѣніе главнѣйшихъ отраслей мануфактурной промышленности въ Россіи (СП.-бургъ 1845)». Оно составлено изъ отдѣльныхъ замѣчаній на главнѣйшіе предметы, бывшіе на московской выставкѣ произведеній мануфактурной промышленности въ 1843 году. Составители этихъ замѣчаній не ограничивались мануфактурами Москвы; но по-необходимости Москва играетъ тутъ главную и первую роль! Почти по всемъ отраслямъ фабрикаціи, все главное — въ Москвѣ. Даже первообразные матеріалы, привозимые изъ другихъ губерній и изъ-за границы, какъ-то шерсть, глуховская глина, хлопокъ, и прочая, имѣютъ главнѣйшій сбытъ и обрабатываются въ Москвѣ и ея губерніи. Взлѣвшись за «Обозрѣніе мануфактурной промышленности Россіи», мы съ любопытствомъ искали чего-нибудь общаго, намъ неизвѣстнаго, и опять-таки встрѣтили Москву и только подтверженіе нашихъ изученій и убѣжденій. Всякій ошибается въ своемъ ожиданіи такъ же какъ мы, если ожидаетъ въ обозрѣніи русской мануфактурной промышленности найти что-нибудь многое кромѣ Москвы. Можно замѣтить только, что въ названной нами книгѣ, нѣкоторые предметы рассмотрѣны основательно и довольно подробно, такъ что эта книга, любопытная для статистика и наблюдателя, можетъ быть поучительною и для многихъ нашихъ фабрикантовъ. Вмѣстѣ съ «Атласомъ» господина Самойлова она представляетъ самыя новыя свѣдѣнія о русской фабричной, или, если угодно, мануфактурной промышленности Россіи.

Основываясь на цифрахъ этихъ двухъ важныхъ пособій, намъ остается, послѣ общихъ соображеній и выводовъ нашихъ, обозрѣть главнѣйшія отрасли мануфактурной промышленности въ Москвѣ.

Изъ подробныхъ общихъ и частныхъ таблицъ «Атласа» видимъ, что въ 1843 году было въ полномъ дѣйствіи :

Фабрикъ. Становъ и набивъ становъ	Рабочаго народу.	Сработано разныхъ това- ровъ на сумму.
--------------------------------------	---------------------	---

Въ Москвѣ съ уездомъ.....	787 23,829	49,808	26,569,706 р. 18 к.
Въ прочихъ 12- ти уездахъ.....	496 30,236	56,994	15,613,900. » 78 »

Итого 1,283 54,065 106,402 42,183,606 » 96 »

Причисляя къ тому 28,524 человека ремесленниковъ съ ихъ учениками въ Москвѣ, и полагая производимую каждымъ изъ нихъ работу по-крайней-мѣрѣ во сто рублей ежегодно, находимъ сумму 2,852,400 рублей. Слѣдовательно, число рабочаго народа по фабрикамъ и ремесламъ въ московской губерніи простиралось до 134,926 человекъ, а общая сумма производства составляла не меньше 45,036,000 рублей серебромъ. Находя эту сумму, господинъ Самойловъ прибавляетъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что при неохотѣ большей части фабрикантовъ показывать истину въ подаваемыхъ градскимъ и земскимъ полиціямъ вѣдомостяхъ, эти цифры, несмотря на всѣ мои старанія, должно почесть только приблизительными къ истинѣ. По моимъ соображеніямъ, основаннымъ на количествѣ первыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ, ежегодно поглощаемыхъ московскою мануфактурною производимостью, общая сумма годоваго производства составляетъ не меньше пятидесяти милліоновъ рублей серебромъ».

Не только вѣроятно, но непременно должно быть такъ, потому что ни одинъ фабрикантъ не показываетъ истины, оттого, что не можетъ показать ея. Тутъ любопытнѣе всего, что ошибка выходитъ въ *десятькахъ милліоновъ* рублей, а это лучшее доказательство, до какой громадности достигла наша фабричная промышленность, когда въ ней возможны такія ошибки!

Разсмотримъ выводы понѣкоторымъ главнѣйшимъ частямъ фабрикаціи.

шелковыя и полшелковыя издѣлія.

Эта фабрикація, древнѣйшая въ Россіи, сосредоточена нынѣ въ Москвѣ и богородскомъ уездѣ. Главнѣйшіе успѣхи

сдѣланы въ производствѣ парчей, газетовъ, мебельныхъ штофовъ, атласовъ, узорчатыхъ матерій, и издѣлій, смѣшанныхъ съ шерстью или бумагою. Учрежденіе отдѣльныхъ красильнъ и аппретурныхъ заведеній подвинуло къ совершенству даже производство мелкихъ фабрикантовъ и сельскихъ ткачей, неговоря уже о тѣхъ фабрикахъ, гдѣ соединены всѣ части шелковаго дѣла, какъ, напримѣръ, на фабрикѣ первенствующаго у насъ по этой части И. М. Ковдрашева. Соображая количество и цѣнность италіанскихъ, греческихъ, персидскихъ и закавказскихъ шелковъ, продаваемыхъ въ Москвѣ, должно полагать съ достовѣрностью, что шелковыхъ и полшелковыхъ товаровъ готовится въ московской губерніи, ежегодно, не меньше какъ на *осемь милліоновъ* рублей серебромъ. Изъ нихъ два милліона можно полагать на мелкихъ ткачей богородскаго уездъ. Изъ числа стапятидесяти-осми шелковыхъ фабрикъ въ Москвѣ и ея губерніи, *одна* (Я. П. Ромфора) производитъ ежегодно издѣлій суммою до пяти-сотъ тысячъ рублей серебромъ; *шесть* отъ двухъ-сотъ до трехъ-сотъ тысячъ рублей; *пять* отъ ста до ста-шестидесяти тысячъ рублей; *однанадцать* отъ пятидесяти до ста-тысячъ рублей серебромъ каждая; всѣ прочія меньше, отдѣльно каждая.

ШЕРСТЯНЫЯ ИЗДѢЛІЯ.

Въ Москву привозится ежегодно до четырехъ-сотъ тысячъ пудовъ мериносовой шерсти; въ томъ числѣ до ста-шестидесяти тысячъ пудовъ мытой и до двухъ-сотъ пятидесяти тысячъ пудовъ перегонной. Четвертая часть этого количества отправляется черезъ петербургскій портъ за границу, остальное расходится по фабрикамъ московской и смежныхъ съ нею губерній. Кромѣ того, фабрики, приготовляющія сукна для арміи, употребляютъ шерсть шпенскую и донскую въ значительныхъ количествахъ.

Надобно замѣтить, что для нашихъ суконныхъ фабрикантовъ представляетъ большое удобство требованіе на сукна въ Кяхту и въ сѣверо-восточныя губерніи, особливо въ Сибирь, гдѣ распространяется потребленіе ординарныхъ суконъ. За-

кавказскій край потребляетъ также отъ десяти до двѣнадцати тысячъ половинокъ сукна средняго и высшаго достоинства. Если бы не существовало этихъ путей сбыта—едва-ли существовала бы и наша суконная фабрикація въ нынѣшнемъ ея развитіи. Тонкихъ суконъ для внутренняго употребленія готовится у насъ мало, да и тѣ имѣютъ сбытъ только по необходимости, за неимѣніемъ лучшаго.

Въ 1843 году было въ полномъ ходу суконныхъ и шерстяныхъ фабрикъ, въ Москвѣ и ея губерніи сто тридцать двѣ, которыхъ общая сумма производства простиралась до десяти милліоновъ рублей серебромъ. Въ томъ числѣ работали: двадцать одна фабрика для обмундированія гвардіи и арміи, и одиннадцать фабрикъ для Кяхты. Отдѣльныхъ шестопрядильныхъ было десять, шерстокрасильныхъ четыре, шерстоотдѣлочныхъ или аппретурныхъ одиннадцать, шерсто-сортировальныхъ двѣ. Фабрикъ, производившихъ шерстяной казинетъ, трико, флацель и безворсную матерію—семь; драдедамъ, полусукно и драдедамовые платки—девятнадцать; ковры—четыре. Остальныя заняты были исключительно приготовленіемъ суконъ средней и низшей доброты. На двухъ фабрикахъ: *Осипова* и *Устинова* и *Гречушкина*, готовится суконъ самыхъ дешевыхъ на огромную сумму семисотъ семидесяти семи тысячъ рублей серебромъ: у перваго на четверста семьдесятъ пять тысячъ, а у послѣднихъ на тристадвѣ тысячи рублей серебромъ.

ШЕРСТО-БУМАЖНЫЯ ИЗДѢЛІЯ.

Сочинитель *Атласа* сознается, что этотъ родъ издѣлій—неуловимъ какъ мифологическій Протей, и что самыя тщательныя наблюденія надъ нимъ не даютъ вѣрныхъ выводовъ. На многихъ бумаго-ткацкихъ и даже на нѣкоторыхъ набивныхъ фабрикахъ Москвы выдѣлываются уже всѣ сорта шерсто-бумажныхъ издѣлій, извѣстныя подъ благозвучными именами: *муслинь-лень*, *крепъ-рашель*, *крѣкъ-шинуа*, *шерсто-бумажный казинетъ*, *шерсто-бумажная термолама*, *ковровые* и *полуковровые платки*, *набивные муслинь-леневые платки*, и множество подобныхъ прелестей — *ограда* и му-

ченье дамъ средняго класса! Пестро, дешево, и звучить, какъ будто по-французски, а потому въ московскомъ магазинѣ русскихъ издѣлій отбою нѣтъ въ той комнатѣ, гдѣ продаются эти *французскія* ткани. Знаменитѣйшая въ Россіи мануфактура братьевъ Гучковыхъ, нынѣ обращена исключительно на выдѣлку мериносо и полумериносо; но въ 1843 году, она больше всего занималась *муслинь-ленями* и подобными шерсто-бумажными издѣліями. Она и показана въ «Атласѣ» въ числѣ шерсто-бумажныхъ заведеній, тогда какъ другія, нынѣ шерсто-бумажныя, показаны въ числѣ бумаготкацкихъ. Сочинитель самъ указываетъ на эту неточность, прибавляя, что вообще производство на московскихъ фабрикахъ бумажныхъ и шерсто-бумажныхъ издѣлій перемѣняется такъ часто, что онъ принужденъ былъ слѣдовать безусловно свѣдѣніямъ, собраннымъ имъ за 1843 годъ. Тогда было шерсто-бумажныхъ заведеній: въ Москвѣ девятнадцать, въ ея уѣздѣ одно и въ Серпуховѣ одно, всего двадцать-одно, съ тысячею осмьюстами девяносто-шестью ткацкими станками, съ двумя-тысячами четыреста тридцатью девятью рабочими, и производствомъ на сумму одинъ милліонъ тридцать шесть тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ семь рублей серебромъ. Ясно, что это указаніе идетъ только за-урядъ — оно уже древняя исторія.

БУМАГОПРЯДЕНІЕ.

Наполеонъ истреблялъ, преслѣдовалъ, жегъ англійскую прядильную бумагу, какъ страшную контрабанду, и обѣщалъ милліоны въ награду тѣмъ, кто сдумаетъ замѣнить ее льняными нитками. Онъ очень хорошо понималъ, какое могущество составляла бумага въ рукахъ Англичанъ! Усилія властителя полуміра имѣли только частныя слѣдствія, и послѣ его паденія Англія господствовала надъ всею торговою и мануфактурною Европою, больше всего своею пряденою бумагой. Она подъ смертною казнью запрещала вывозъ бумагопрядильныхъ машинъ. Эта ничтожная и жалкая мѣра, которая не удалась всемогущему Наполеону, когда онъ шелъ противъ общаго направленія, не удалась и Англіи. Машины вывозились въ другія государства, несмотря ни на какія за-

прешения, и въ то же время знатоки-механики, посылавшіе Англию, и сами англійскіе механики, переселившіеся на европейскій материкъ, споспѣшествовали постепенному переходу во Францію, Бельгію, Швейцарію и Россію главнѣйшихъ улучшеній бумагопряденія. Англія увидѣла наконецъ, что другія государства, усиливая у себя бумагопряденіе, останавливаютъ сбытъ англійской пряденой бумаги, а исполнскія ея машинныя заведенія, стѣсненныя запрещеніемъ вывоза ихъ произведеній, приходятъ въ упадокъ, и многіе владѣльцы ихъ готовы переселиться за Ламаншскій Пролівъ; она рѣшилась, въ 1842 году, уничтожить запрещеніе вывоза машинъ.

Съ-тѣхъ-поръ началась новая эпоха для механическаго бумагопряденія Европы вообще и Россіи въ-особенности. Прѣжнія трудности въ выпискѣ машинъ не существуютъ болѣе, а между-тѣмъ, благодаря предприимчивости тѣхъ капиталистовъ, которые при всѣхъ затрудненіяхъ учреждали у насъ бумагопрядильни съ 1828 года, устраненъ недостатокъ въ мастерахъ и прядильщикахъ. Настоящее время должно упречить у насъ бумагопряденіе, и освободить насъ въ этомъ отношеніи отъ зависимости Англій.

Въ 1843 году, въ Москвѣ и ея губерніи было двадцать двѣ бумагопрядильни, гдѣ работали осемь тысячъ триста сорокъ осемь и сто пятьдесятъ пять тысячъ четыреста четыре веретена. Бумажной пряжи приготовлено на четыре милліона семьдесятъ одну тысячу сто девяносто одинъ рубль серебромъ. Съ-тѣхъ-поръ учреждена вновь огромная бумагопрядильня почетнымъ гражданиномъ Мазуринымъ на десять тысячъ веретенъ, и прибавлено на вознесенской бумагопрядильнѣ почетнаго гражданина Лепешкина три тысячи веретенъ, такъ что по послѣднимъ исчисленіямъ въ Москвѣ было двадцать три бумагопрядильни, работающія сто-шестьюдесятью-осемью тысячами веретенъ. Вся оная, за исключеніемъ двухъ громаднѣхъ мануфактуръ почетнаго гражданина Симона, производятъ работу день и ночь, и тѣмъ объясняется необыкновенное количество бумажной пряжи, приготовляемой въ московской губерніи: съ достовѣрностью можно полагать, что

оно простирается до ста-семидесяти тысячъ пудовъ. Присовокупляя къ тому количество пряжи, приготовляемой на шести санктпетербургскихъ бумагопрядильняхъ, учрежденныхъ въ большихъ размѣрахъ (со включеніемъ александровской мануфактуры), всего сто тридцать пять тысячъ пудовъ; на оставшейся мануфактурѣ братьевъ Савиныхъ семь тысячъ пудовъ; боровской почетнаго гражданина Запѣгина девять тысячъ пудовъ, и въ казанской, тульской и симбирской губерніяхъ (низкихъ нумеровъ пряжи) до пятнадцати тысячъ пудовъ — находимъ, что въ Россіи приготовляется нынѣ бумажной пряжи болѣе трехъ-сотъ тридцати тысячъ пудовъ, то есть болѣе трети всей потребности и около двухъ привоза изъ Англіи. Вотъ какіе исполинскіе шаги сдѣланы у насъ въ немного лѣтъ, по одной изъ самыхъ трудныхъ частей фабричной промышленности, которая приводила въ отчаяніе даже могучій геній Наполеона!

БУМАГОТКАЦІЯ И НАБИВНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Все количество бумажной пряжи, обращаемой въ издѣлія на русскихъ фабрикахъ, составляетъ въ годъ не менѣе осьмисотъ осмидесяти тысячъ пудовъ, въ томъ числѣ до пяти-сотъ тысячъ англійской, триста тридцать тысячъ русской и до пятидесяти тысячъ бухарской и хивинской. Вычитая угаръ отъ размотки куфть и ткачества издѣлій до трехъ процентовъ, выходитъ, что бумажныхъ товаровъ, ткачныхъ и набивныхъ всѣхъ наименованій, приготовляется нынѣ въ Россіи, вѣсомъ до осмисотъ пятидесяти тысячъ пудовъ. По соображенію цѣнности миткалей, каленкоровъ, ситцевъ, кисей, нанки, плюсовъ, китайки, холстинки, и прочая, сложная цѣна каждаго пуда бумажныхъ издѣлій составляетъ не менѣе сорокапяти рублей серебромъ, следовательно, общая цѣнность бумаготкацкихъ и набивныхъ произведеній въ Россіи простирается до огромной суммы тридцати-осми съ половиною миліоновъ рублей серебромъ.

Шуйскій, суздальскій и александровскій уѣзды во владимірской, и кинешемскій въ костромской губерніяхъ, играютъ важную роль въ бумажно-ткацкомъ и набивномъ производ-

ствахъ Россіи. Собразая количество пряжи, ежегодно поглощаемой тамошними фабриками, можно полагать достоверно, что цѣнность бумажныхъ издѣлій, вырабатываемыхъ ими, простирается до двѣнадцати съ половиною милліоновъ рублей серебромъ, то есть, равна суммѣ того же производства въ московской губерніи. За губерніями владимірской и костромской идутъ въ дѣль ткачества казанская, ярославская, рязанская, калужская, и Петербургъ, отличающійся своими набивными фабриками.

Господинъ сочинитель «Атласа» удивляется, *во-первыхъ*, что общая сумма привоза въ Россію бумажныхъ издѣлій (четыре милліона триста пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ), относится къ суммѣ внутренняго нашего производства какъ одинъ къ девяти, и *во-вторыхъ*, что сумма привоза по-азиатской границѣ (три милліона тридцать тысячъ рублей серебромъ) превышаетъ почти втрое привозъ по границѣ европейской. Признаться, мы, съ своей стороны, вовсе не удивляемся и сердечно радуемся *первому*, видя, что намъ почти нѣтъ надобности вывозить изъ Европы набивныхъ бумажныхъ тряпокъ; удивляемся, *чего* бумажнаго привозятъ къ намъ оттуда и на 1,320,000 рублей серебромъ, по указанію *Атласа*? По *второму* пункту удивленія господина сочинителя, дѣло объясняется очень просто: гдѣ *Азія* — тамъ и надобны азіятскія, варварскія ткани. И въ Москвѣ, и въ Петербургѣ еще есть люди, которые не могутъ жить безъ татарскаго халата, ахалуха, даже безъ татарскаго одѣяла, и этими драгоценностями снабжаютъ ихъ бывшіе завоеватели наши, потомки Тамерлановы. Чтò же въ Оренбургѣ, въ Казани, въ Астрахани, въ Уральскѣ? Да тамъ увѣрены, что безъ Татаръ и жить нельзя на свѣтъ, какъ въ Кяхтѣ увѣрены, что нельзя жить безъ Китайцевъ; а что Китайцы, мудрѣйшій народъ въ мірѣ — объ этомъ въ Кяхтѣ никто и не спорить. И вотъ, за халаты и за всякую гадость азіятскую мы переплачиваемъ въ годъ 3,000,000 рублей серебромъ! Сочинитель *Атласа* самъ поясняетъ это, говоря, что въ одну Грузію, съ за-кавказскими областями, вывозится бумажныхъ издѣлій на 1,400,000 рублей серебромъ.... Нѣтъ, воля ваша! въ Европѣ

жить всё-таки благороднѣе: по-крайней-мѣрѣ мы не такъ пристрастны къ татарскимъ халатамъ! Намъ остается одержать послѣднюю побѣду надъ Тамерлановыми потомками: прогнать въ недоступную Азію ихъ халаты и одѣяла, и посылать къ нимъ армію своихъ бумажныхъ издѣлій. Оно уже и начинается: по цифрамъ, показаннымъ въ «Видахъ внѣшней торговли,» въ Азію уже вывозится на 2,200,000 рублей русскихъ бумажныхъ издѣлій. Правда, изъ этого числа приходится на долю невинныхъ и премудрыхъ Китайцевъ до милліона рублей серебромъ, а мы особенно сердиты на Татаръ, Бухарцевъ и Персіянъ; но зато, тифлисскіе Армяне вывозятъ изъ Москвы и нижегородской ярмарки, въ закавказскія области, слишкомъ на 600,000 рублей серебромъ бумажныхъ товаровъ, и, конечно, не все для себя. Чтò бы имъ брать отъ насъ и еще на 1,400,000 рублей, которые они переплачиваютъ въ Азію? Господинъ сочинитель *Атласа* сердится вмѣстѣ съ нами на Азію, и приводитъ не очень утѣшительныя указанія на нашу торговлю съ Азіятцами.

Другіе предметы русской или, всё-равно, московской фабрикаціи, не такъ важны какъ исчисленные нами, и мы не почитаемъ необходимымъ изъяснять ихъ отдѣльными рубриками. Упомянемъ о самомъ любопытномъ.

Сочинитель *Атласа* съ какимъ-то восторгомъ говоритъ объ умноженіи нашихъ писчебумажныхъ фабрикъ. Вотъ слова его: «Это есть слѣдствіе потребности просвѣщенія, и заведенныя въ новѣйшее время въ губерніяхъ московской, «санктпетербургской, ярославской, калужской, владимірской и кievской *одинадцать* самочерпальныхъ машинъ, которыя «заготавливаютъ ежедневно отъ двухъ тысячъ до двухъ тысячъ «пятисотъ стоць бумаги, могутъ служить доказательствомъ «усугубленія и у насъ печатныхъ и письменныхъ потребностей образованнаго общества.» Мы думаемъ иначе. Намъ кажется, что господинъ сочинитель сдѣлалъ свой выводъ слишкомъ по-дюпеневски. Письменность есть признакъ просвѣщенія; для писанья необходима бумага; слѣдовательно, гдѣ умножается потребность въ бумагѣ, тамъ это доказываетъ увеличеніе просвѣщенія. Точно такъ сдѣлалъ Дюпентъ

своей выводъ, радуясь смерти стариковъ!... Но, говоря о бумагахъ, не надобно ли спросить прежде всего, что у насъ пишутъ на ней? Приличныхъ и всякихъ форменныхъ бумагъ, правда, много, больше чѣмъ прежде, и для нихъ, конечно, потребовалось нѣсколько лишнихъ бумажныхъ фабрикъ; но приказныя бумаги и формы не принадлежатъ къ доказательствамъ народной образованности. Печатную бумагу, для литературныхъ потребъ, дѣлають у насъ только по заказу: доказательство, что она вовсе не предметъ торговли, то есть не необходимая потребность общежитія, какъ писчая бумага; печатной не отыщете готовой и сотни стопа, кромѣ какой-нибудь завали, оставшейся отъ заказа! Выводъ господина сочинителя основанъ на увеличеніи потребности въ писчей бумагѣ! Да спросите сначала: что пишутъ на ней?

Гораздо любопытнѣе слѣдующія свѣдѣнія о нашихъ писчебумажныхъ фабрикахъ, безъ всякихъ выводовъ:

Первенство между ними принадлежитъ фабрикѣ мануфактуръ-совѣтника В. Усачова: на ней прежде всѣхъ другихъ частныхъ фабрикъ была поставлена, выписанная изъ Англіи, машина безконечной бумаги, и прежде всѣхъ другихъ эта фабрика стала выдѣлывать превосходную бумагу всѣхъ сортовъ. И нынѣ произведенія ея отличаются добротою, дешевизною, и требованіе на нихъ такъ велико, что В. Усачовъ иногда не можетъ удовлетворить даже заказы, несмотря на обширность своихъ заведеній. Опъ доставляетъ Императорской Александровской мануфактурѣ часть бумаги, употребляемой для заготовленія игральныхъ картъ. Всѣ другія фабрики съ самоочерпальными машинами устроились по его примѣру; дай только Богъ, чтобы онѣ сравнялись съ его фабрикою въ искусствѣ и тщательности отдѣлки, и въ истинно-англійской точности во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ московской губерніи существуетъ теперь девять писчебумажныхъ фабрикъ и на нихъ выдѣлывается бумаги писчей на 415,000 рублей серебромъ (приблизительно); а всего, съ привозною, продается въ Москвѣ писчей бумаги болѣе нежели на три милліона рублей серебромъ въ годъ.

Бумаготабакерочное производство не важно по объему своему, но достойно вниманія, потому что произведенія одного изъ фабрикантовъ, П. Лукутина съ сыномъ, идутъ за границу, въ Италію, во Францію, и продаются въ Парижъ въ первѣйшихъ магазинахъ! Лукутинская табакерка почитается щегольствомъ и въ столицъ модъ и вкуса. Другія фабрики и фабрички замѣчательны тѣмъ, что произведенія ихъ продаются неизмѣримо дешево: можно купить за полтину серебромъ дюжицу порядочныхъ на видъ бумажныхъ подъ лакомъ табакерокъ.

Изъ фабрикъ, посвященныхъ разнымъ металлическимъ издѣліямъ, особенно замѣчательны въ Москвѣ *золотопрядильныя* и *канительныя* фабрики. Двадцать два заведенія въ разныхъ частяхъ Москвы приготавливаютъ почти на миллионъ рублей серебромъ канители, позументовъ, и прочаго. Важнѣе всѣхъ изъ нихъ фабрика почетной гражданки В. Алексеевой, гдѣ обрабатывается литры, площенки, биты и прочаго на 500,000 рублей серебромъ. Издѣлія этой фабрики съ давнихъ лѣтъ занимаютъ почетное мѣсто въ торговлѣ Константинополя, гдѣ продаются дороже австрійскихъ отъ десяти до пятнадцати процентовъ, и первенствуютъ на всѣхъ рынкахъ восточной Азіи. Такую же славу имѣютъ издѣлія почетнаго гражданина П. Вишнякова и купца П. Арбузова. Имя этихъ фабрикантовъ лучшая похвала у азіатскихъ купцовъ.

Серебряная посуда и церковная утварь приготавливаются въ Москвѣ съ большимъ совершенствомъ. Особенно замѣчательно заведеніе купца Сазикова съ сыномъ, обогащенное выпиванною изъ Франціи гильоширъ-машиною. Ихъ издѣлія отличаются также изяществомъ формъ и рисунка: они извѣстны въ цѣлой Россіи.

Фабрики накладнаго серебра утвердились въ Москвѣ и довольствуютъ всѣ области прекрасными и дешевыми своими произведеніями.

Заводы собственно химическихъ произведеній, необходимыхъ для многочисленныхъ фабрикъ, окружающихъ Москву

и ея губернію, находятся теперь на высокой степени совершенства.

Мы не могли написать полной картины русской промышленности, торговой и фабричной, но старались въ очеркѣ нашемъ означить главное и больше разительное. Вотъ наши выводы, приведенные въ нѣсколько строкъ:

Необъятное царство Русское имѣетъ постоянный и всепоглощающій рынокъ въ Москвѣ. Вся промышленность, въ окончательныхъ и главныхъ дѣйствіяхъ своихъ, сосредоточена у насъ въ Москвѣ. Одна отрасль ея — фабрики, по неизбежному закону въ промышленности, должны были возникнуть вокругъ главнаго мѣста для сбыта ихъ произведеній, и въ продолженіи двадцати лѣтъ онѣ сдѣлали исполнскіе, изумительные успѣхи. Прочность ихъ должна утвердиться на искусствѣ и образованности отечественныхъ мастеровъ, къ чему уже стремятся фабриканты наши, и въ этомъ поддерживаются благодѣтельнымъ покровительствомъ и примѣромъ правительства. Самые успѣхи торговли и фабрикъ привели къ сознанію въ необходимости ученія, образованности, и заря просвѣщенія является блистательно надъ этою частью государственныхъ силъ.

Выводы наши основаны на цифрахъ и указаніяхъ статистики; но мы не безусловно вѣримъ имъ и даже старались исправить въ нихъ нѣкоторыя упущенія, округлить единицы и десятки, потому что не единицы и десятки важны для нравственныхъ выводовъ. Неоспоримо то, что промышленность у насъ въ сильномъ и богатомъ будущемъ ходу, фабрики процвѣтаютъ, и все это утверждается на самомъ прочномъ основаніи, на просвѣщеніи, къ которому ведетъ правильная промышленность. Дай Богъ, чтобы статистика всегда приводила къ такимъ выводамъ.

К. И.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

І Ю Н Ъ .

СТИХОТВОРЕНІЯ Юліи Жадовской. *СП.-бургъ, 1846, въ тил. Э. Праца, въ-8., стр. 63.*

Отчего у насъ нѣтъ поэзіи? отчего такъ мало пишутъ стиховъ? ужели это тоже одно изъ условій нашего *современнаго* направленія? У насъ такъ много молодыхъ литераторовъ, а молодость всегда и вездѣ такъ богата поэтическими вдохновеніями. Чтѣ же ихъ удерживаетъ, этихъ молодыхъ литераторовъ, когда они, подѣ влияніемъ чистаго глубокаго чувства, уже готовы облекать его въ прекрасный стихъ? или они боятся *несовременности*? или думаютъ, что человѣческое чувство, что веселая пѣсня радости или болѣзненный крикъ страждущаго сердца, не принадлежатъ равно каждому времени, каждому вѣку? Но поэзія разнообразна, какъ природа и не всѣ же поэты въ мірѣ вдохновляются чиновниками четырнадцатаго класса. У каждаго истиннаго поэта — свои убѣжденія, которыя онъ свято хранитъ, свой характеръ, которому онъ никогда не измѣняетъ. Его нельзя подчинить тѣсному и одностороннему взгляду на современную жизнь или случайной модѣ на дѣтскія и пошлыя понятія объ этой жизни. Каждый поэтъ — сынъ своего времени и потому всѣ его вдохновенія, всѣ мысли и чувства принадлежатъ тому вѣку, въ

который. Онъ родился и до-тѣхъ-поръ будутъ находить живой отголосокъ, пока сердце волнуется страстями, пока уму человѣческому доступно чувство прекраснаго. Но жалкія понятія о современности уничтожили нашу поэзію и она укрывалась въ женское сердце и въ этомъ чистомъ святилищѣ иногда еще находятъ свои потерянные пѣсни.

Да, эта тихая, чистая поэзія чувства, которая боится и чуждается грязныхъ явленій жизни,—есть и такая поэзія, — нынче на Руси перелеталась въ богатое сердце женщины. Но хотите ли знать, какова эта женщина? и какъ она сама себя описала, насколько не думая, что пишетъ собственный портретъ?

..... Она любила,
 Когда тоска ей душу таячила,
 Одна остаться, погрузиться въ думу;
 Съ отрадою она внимала шуму
 Густыхъ деревъ и птицъ весеннихъ пѣнью;
 Въ волнахъ любила неба отраженье;
 Невольную слезу и треметь груди
 Она всегда старалась скрыть.... и люди
 Ея не понимали! И случалось,
 Когда о лучшемъ въ жизни ей мечталось,
 Свою головку оперши на руки,
 Она въ думѣ вдругъ обрѣтала звуки
 Чуждые; ихъ выравнять желала;
 Но, посмотрѣвъ вокругъ, воядыкала и молчала.

Разумѣется, что въ сердцѣ такой женщины, всѣ вдохновенія должны быть чисты и цѣломудренны. Но и страданія не чужды этого сердца; она сама говоритъ

Я, жалкое и слабое созданье,
 Люблю мое безумное страданье.

Часто грустные мысли волнуютъ эту душу; часто смущаютъ ее женскія думы; тяжелый вздохъ вырывается изъ больной груди; пускай же буйный вѣтеръ снесетъ его къ другу милому. Но вѣтеръ затихъ, не волнуешь моря синяго, не вздымаетъ пылаи по дороженькѣ

Знать не въ мочь тебѣ, моя посылочка,
 Не подь силу знать мой глубокой вздохъ!

На всі эти страданія не оставляють горькаго, безутѣшнаго впечатлѣнія ; онѣ всегда изглаживаются тихимъ и сладкимъ примиреніемъ — и женщина поэтъ съ вѣрой и любовію преклоняется передъ образомъ Бога-Спасителя и тихо молится :

Исцѣли меня, Благодать прегрѣшца!
Исцѣли мои раны сердечныя!
Предъ Тобою я въ прахъ лежу,
И небесной отрадою прошу.

О, возьми Ты всѣ блага наружныя,
Улади мою душу недужную,
И божественной силой любви
Благотворно меня оживи.

Уничтожь во мнѣ, силой чудесною,
Все земное; пошли мнѣ небесное!
О небесномъ молю я въ тиши —
Не отвергни моленій души!

Вотъ характеръ и душа женщины, вотъ эти чистыя и тихія пѣсни, которыя навели меня на разные груетныя мысли о нашей поэзіи. Въ этихъ немногихъ стихотвореніяхъ госпожи Жадовской видно сильное дарованіе ; вездѣ проглядываетъ глубокое чувство или замѣчательная мысль ; она пишетъ не по заказу, не отъ нечего дѣлать, а по неодолимому влеченію души, по глубокому поэтическому призванію. Но она сама въ прекрасномъ стихотвореніи выразила мысль, что только сильное чувство должно увлекать и вдохновлять поэта.

Лучшій перлъ таится
Въ глубинѣ морской;
Зрѣть мысль святая
Въ глубинѣ души.
Надо сильно бурѣ
Море взволновать,
Чтобъ оно въ бореньи
Выбросило перлъ;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она въ восторгѣ
Выразила мысль.

Мѣстами видно, что поэтъ еще не вполне подчинилъ себя формѣ;

иногда стихъ упрямится, рима не слушается мысли; но это первые опыты, первые произведенія, богатый задатокъ на будущее время. Нѣтъ сомнѣнiя, что такое замѣчательное дарованіе одолѣетъ всѣ механическія трудности стиха и вполне усвоитъ себѣ поэтическую форму, достойную такихъ прекрасныхъ вдохновеній. Въ поэзіи форма должна соотвѣтствовать мысли; и та и другая должны быть равно прекрасны. Кто не умѣетъ подчинить себѣ эту форму, тотъ пускай не ищетъ стиховъ. Это удѣлъ жалкой посредственности или совершенной бездарности. Но дарованіе госпожи Жадовской такъ сильно, она такъ хорошо управляетъ языкомъ, что со временемъ непременно одолѣетъ всѣ трудности стиха, страшныя для другаго, ничтожныя для нея. Въ этихъ стихотвореніяхъ видны не только глубокія чувства, но и умѣніе рисовать искуснымъ карандашомъ самыя трудныя картины. Для доказательства этого пластическаго дарованія автора, я выпишу еще одно стихотвореніе, которое называется «Русалка»:

Робко къ рѣчкѣ дѣвушка
 Подошла съ вѣнкомъ
 И гадала-думала:
 Поплыветъ, иль нѣтъ?
 И вѣночикъ трепетно
 Поднесла къ водѣ.
 Вдругъ русалка рѣзвая
 Ручкой бѣлоснѣжною,
 Ничего не думая,
 Унесла вѣнокъ.
 И напрасно дѣвушка
 Съ тайнымъ ожиданіемъ
 На воду глядѣтъ:
 Солнце золотое въ ней
 Чудно отражается —
 Будто бы другія въ ней
 Небеса красуются.
 Но вѣночка нѣтъ, какъ нѣтъ!
 И печально голову,
 Преклонивъ къ груди,
 Вотъ, садится дѣвушка
 На берегъ крутой:
 Оспрачались скорбію
 Ясные глаза,

И алмазомъ чистымъ въ нихъ
 Свѣтится слеза;
 У другаго жъ берега
 Въ тростникъ густомъ
 Голова видѣется
 Съ новымъ вѣнкомъ —
 Кудри золотистыя
 Тихо вѣтръ струитъ
 И холодный взоръ очей
 Радостью блеститъ;
 Солнце отражается
 Въ голубой рѣкѣ
 И смѣется съ злобой
 Голова въ вѣнкѣ.

МОСКОВСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И УЧЕНЫЙ СБОРНИКЪ. *Москва, 1846 въ тип. А. Семена, въ-8, стр. 579.*

Наконецъ вышелъ и «Московский Сборникъ». Я это предчувствовалъ, я всегда говорилъ, что Москва не отстанетъ, что послѣ Петербургскаго Сборника не миновать и Московскаго, что безъ этого дѣло не обойдется, и что отъ такого соревнованія русская литература обогатится толстыми книгами. Все это зная, говорилъ и предчувствовалъ я, *хорошо зная современную литературу*, какъ выражается одинъ молодой философъ, который по-даетъ большія надежды. Мое предчувствіе оправдалось, толстая книга явилась — и «Московский Сборникъ», по-крайней-мѣрѣ по наружности, ни въ чемъ не уступаетъ Петербургскому; одна толщина, одинъ форматъ; недостаетъ только иллюстрацій, но эта *западная* выдумка въ Москвѣ еще не принялась. Зато по содержанию между этими двумя книгами нѣтъ ничего общаго; это два непримиримые врага; это литературный поединокъ между Петербургомъ и Москвою; страшный поединокъ, въ которомъ много было пролито чернилъ. Первый выстрѣлъ раздался съ береговъ Невы; съ шумомъ и трескомъ вылетѣлъ Петербургскій Сборникъ и разсыпался подъ кремлевскими стѣнами современными вопросами, европейскими тенденціями, помѣщиками и чиновниками отъ четырнадцатаго до девятого класса. Нѣсколько мѣсяцовъ прошло; очередь оставалась за Москвою; она медлила, отдыхала и отряхивалась отъ этихъ чиновниковъ; она работала, трудилась, отливала пулю, прицѣливалась и наконецъ выпалила — «Московскимъ Сборникомъ».

На этихъ двухъ книгахъ самымъ яснымъ образомъ отпечатался

характеръ двухъ городовъ, въ которыхъ они родились. Петербургской Сборникъ молодъ и неопытенъ, какъ Петербургъ. Какъ молодой человекъ — онъ горячится, увлекается и иногда нѣсколько заговаривается; одной ногой онъ стоитъ уже за границей, а другую слегка поднимаетъ надъ русской землей, чтобы окончательно перенести ее туда же; онъ бредитъ современными вопросами и его второе слово — Европа, что на московскомъ нарѣчїи называется Западъ, а иногда даже больной и зараженный Западъ. Молодые петербургскіе литераторы держатся на европейскую ногу; это все очень хорошіе молодые люди и притомъ прекрасной нравственности; но у нихъ есть одна маленькая слабость — имъ всё хочется быть такими злыми, оказать что-нибудь ѣдкое, казаться такими желчными, такими неутомимыми бичами человечества, чтобы всё ихъ болалось; имъ смерть какъ этого хочется. Они тоже терпѣть не могутъ добродѣтели и на словахъ ее ужасно преслѣдуютъ; имъ бы также хотѣлось казаться такими злодѣями, настоящими извергами; но это они такъ только, по молодости на себя напускаютъ, а на дѣлѣ всё они предобрѣйшіе, преблагоуравненные молодые люди; мухи не обидятъ; и сердце у нихъ доброе. Кто-то шутя далъ имъ замысловатое названіе натуральной школы, вѣроятно, принимая школу въ смыслѣ собранія школьничковъ; это названіе имъ очень понравилось, и они, какъ-будто нехотя, а съ большимъ удовольствіемъ его приняли и теперь иначе себя никогда не величаютъ.

Изъ трудовъ этихъ молодыхъ натуралистовъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ статей, составился «Петербургскій Сборникъ», отъ котораго теперь московскіе литераторы въ свою очередь отстрѣливаются Московскимъ Сборникомъ. Тутъ совсѣмъ другое дѣло. Москва питаетъ глубокую ненависть къ Европѣ; она не иначе какъ съ омерзѣніемъ произноситъ это собирательное имя той части свѣта, на которой, по-крайней-мѣрѣ по географіи, сама къ несчастію находится. Московскіе литераторы съ крайнимъ прѣзрѣніемъ отзываются о Западѣ; онъ у нихъ какъ было въ глазу; они держатся за старину; имъ хочется оживить то, что давно умерло, ввести славянскія моды, что нынче было бы нѣсколько неудобно; они бы рады были ходить безъ сюртуковъ и носить бобровыя шапки; второе слово у нихъ — Славяне, что по-московскому — Востокъ. Но отчего же такая ненависть къ Европѣ? что она имъ сдѣлала? Не оттого ли, что петербургскіе литераторы, нѣсколько дней раньше ихъ, получаютъ иностранныя газеты, на-скоро вычитываютъ всё заграничныя новости, и, по-

молодости, немилосердно выжидают и застают своими познаниями перед московскими литераторами, учить их тому, что дается въ Европѣ, говорить имъ, что они отъ насъ отстали, что ничего не знаютъ, да и гдѣ имъ знать, и откуда? Московскимъ литераторамъ, разумеется, это крайне обидно; а горю почти желая; почти всё-таки ходить черезъ Петербургъ; и европейскими новостями блеснуть передъ нимъ нельзя. Можетъ-быть они поэтому возненавидѣли Европу и рѣшились, ничему не удивляться, что отсюда придать, новое ли это открытіе науки, блестящее ли созданіе искусства, живописи, музыки, поэзіи. Они ничего не признаютъ, все отвергаютъ, все бранятъ и называютъ лютюшнымъ, негоднымъ, дряхлымъ, устарѣлымъ, больнымъ, словомъ сказать—западнымъ. А можетъ-быть и потому Москва такъ упорно держится за старину, что сама она, какъ думаютъ петербургскіе литераторы, отжила уже свое время, что досадно ей смотрѣть впередъ, когда вся ея слава, вся сила назадъ, когда окружена она и живетъ одними воспоминаніями прошедшаго, между-тѣмъ какъ тамъ, на берегахъ Невы, молодой ея братъ, растетъ и крѣпнетъ и мужаетъ не по днямъ, а по часамъ.

Несмотря на это славянское направленіе, вы прочтаете въ Московскомъ Сборникѣ нѣсколько очень замѣчательныхъ статей. Въ самомъ началѣ этой книги помѣщено изслѣдованіе о современномъ направленіи искусствъ пластическихъ, въ которомъ авторъ очень яснымъ и удовлетворительнымъ образомъ излагаетъ нынѣшнее состояніе искусства въ Европѣ. Вслѣдъ за этой статьей, и очень кстати, О. В. Чижевъ описываетъ работы русскихъ художниковъ въ Римѣ и посвящаетъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ подробному разбору превосходной, но еще не конечной картины господина Иванова, *Явленіе Мессіи на проповѣдь*.

Въ *Мнѣніи русскихъ объ иностранцахъ*, авторъ самымъ ученымъ образомъ ополчается противъ Западу; ему очень хотѣлось бы оградить Россію отъ всякаго западнаго вліянія; ему досадно, что она училась у Европы, а не у Славянъ; онъ говоритъ, что это привитое образованіе ни къ чему не поведетъ, что оно мертво и безжизненно; что Россіи предстоитъ великое поприще самобитной умственной дѣятельности, но что она должна учиться у самой себя, а не у чужаго народа, да еще ктому же и западнаго.

«Наша жизнь не перекипѣла и наши духовныя силы еще боры и свѣжи. Дѣйствительно единственное, высокое, современ-

«ное, художественное явленіе (въ художествѣ слова) принадле-
 «жить намъ. Этою радостію подарила насъ Малороссія, мѣсто
 «средней Россіи принявшая въ себя наплывъ чужеземныхъ на-
 «чалъ. Между-тѣмъ какъ Западная (Бѣлая) Россія сокрушена
 «была ими, или обезсилѣла, повидимому на долго, какъ Мало-
 «россія мало ими потрясена въ своей внутренней жизни; соб-
 «ственно Средней или Великой Руси предстоитъ борьба съ ино-
 «земнымъ просвѣщеніемъ и съ его рабскою подражательностію.
 «Принявъ въ себя познанія во всей ихъ полнотѣ, она должна
 «достигнуть и достигнетъ самобытности въ мысли. Къ счастью,
 «время не ушло, — и не только борьба возможна, но и побѣда
 «несомнѣнна. Впрочемъ, такія переходныя эпохи не совсѣмъ бла-
 «гопріятны для искусствъ.

Статья эта, какъ видите, совершенно славянская, и въ ней бѣд-
 ному Западу не на шутку достаётся. Автору очень хочется по-
 вернуть Россію назадъ, надѣть на нее бобровую шапку, и огра-
 дить подъ этой шапкой отъ *наплыва* чужеземныхъ началъ, пустить
 ее по-свѣту въ такомъ удивительномъ нарядѣ. Не знаю, согла-
 сится ли только Россія на его милыя и обязательныя предложе-
 нія. *Краледворская рукопись*, переведенная господиномъ Бергомъ,
 найдена въ 1817 году бібліотекаремъ чешскаго музея В. Ганкою.
 Она по всей вѣроятности принадлежитъ къ исходу тринадцатаго
 столѣтія и состоитъ изъ лирическихъ и эпическихъ стихотворе-
 ній. Всѣ эти пѣсни отличаются силой и простотой. Вотъ одна
 изъ нихъ, которая называется «*Жаворонокъ*»:

— Конопю, красна дѣвица,
 Въ огородѣ барскомъ полеть.
 «Что смутна ты, что печальна?»
 Дѣвъ жаворонокъ молвилъ.

— Какъ могу я жить весельемъ,
 Птица-жаворонокъ малый?
 Моего милова друга
 Посадили въ крѣпкій замокъ!

Кабы мнѣ перо, бумаги, —
 Написала бы я къ другу,
 И съ тобой бы въ ту сторону
 Я письмо свое послала.

— Нѣтъ пера и нѣтъ бумаги! —

— Такъ лети жь одишь отсюда:

Спой ты гдѣсь дорогому

Про мою тоску-кручину!

Въ статьѣ *Вукъ Стефановичъ Караджичъ*, авторъ даетъ полную біографію этого замѣчательнаго человѣка, рассказывая простую и занимательную исторію его ученыхъ трудовъ и ихъ постепеннаго развитія.

Не знаю, по какому праву попала въ «Московскій Сборникъ» повѣсть казака Луганскаго о томъ «Какъ мужику Богъ далъ троихъ сыновей, да двухъ дочерей, какъ онъ всѣхъ было-растерялъ, да всѣхъ опять Господь-Богъ свелъ вмѣстѣ, и всѣ, почитай, господами подѣлялись, а были такіе же мужички, какъ мы, грѣшныя». Это одна изъ тѣхъ простыхъ повѣстей, которыя казакъ Луганскій такъ хорошо рассказываетъ. Но я долженъ признаться, что не замѣтилъ въ ней никакихъ славянскихъ началъ и поэтому удивляюсь, какъ эта петербургская статья попала въ «Московскій Сборникъ».

Между стихотвореніями, которыя помѣщены въ этой книгѣ, большую часть занимаютъ труды господина Аксакова. Они составляютъ истинное украшеніе «Московского Сборника» по своему славянскому направленію, и потому ихъ настоящее мѣсто тамъ, а не въ какомъ-нибудь другомъ журналѣ. Господинъ Языковъ помѣстилъ два стихотворенія, одно на объявленіе памятника историографу Николаю Михайловичу Карамзину, въ которомъ попадаются прекрасныя стихи, и другое, подъ названіемъ *Самсонъ*. Вотъ оно:

На праздникъ стеклися въ божицу Дагона
Народъ и князя филистинской земли,
Себѣ на потѣху они — и Самсона
Въ оковахъ туда привели,

И шумно ликуютъ. Дуна въ негѣ уныла,
Онъ думаетъ думу; давно ли жила,
Кипѣла въ негѣ дивная, страшная сила, —
Израила честь и хвала!

Давно ли, дрожа и блѣдная, толпами
Враги передъ нимъ повергались во прахъ,
И львиную пасть раздиралъ онъ руками,
Ворота носилъ на плечахъ!

Его соблазнили Давидом пристрастной
 Коварным ласком, вырвали отей,
 И пыльное лоно, — и звук любово-страстной
 Нравительныхъ, женскихъ рѣчей;

Въ обмѣтливъ нѣги его уснигла
 Давида, и кудри остригла ему:
 Заме въ нихъ была его дивная сила,
 Какой не дано никому!

И Бога забылъ онъ, — и надшаго взял
 Самсона враги, и лишили отей,
 И грозныя руки ему заковали
 Въ иждивую тяжесть цѣпей.

Жестоко поруганъ и презрѣтъ, томился
 Въ темницѣ, и немилую дивгаль Самсона;
 Не спросилъ кудри его; не сдѣрмиса
 И Богу возмалася онъ.

На праздникъ Дагона его изъ темницы
 Враги привели, — и потѣха онъ имъ!
 И старый, и малый, и жены — блудницы,
 Дикую, сибѣются надъ нимъ.

Возмущены бросите свое ликование!
 Не смѣйтесь, смотрите, душа въ немъ мнѣнито:
 Возможно ему отъ прогнѣвъ поруганье,
 Онъ гибельно вамъ отонститъ!

Незрѣтѣ очи онъ къ небу возводитъ,
 И змѣлется грудь его, гнѣвомъ полна,
 Онъ слышитъ: бывалая сила въ нескъ бродитъ,
 Могучи его рамена.

О, дай имъ погибнуть съ конни врагами!
 Всемли, о, мой Боже, послѣдней мольбѣ
 Самсона! и крѣпко схватилъ онъ руками
 Столбы и позвалъ ихъ къ себѣ.

И вдругъ оглянулись враги на Самсона,
 И страхомъ и трепетомъ обдало ихъ,
 И мала божица... и праздникъ Дагона
 Подъ грудой развалилъ утѣхъ....

Но лучшее стихотвореніе, полнее глубокаго чувства и просто-

ты, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежить клязо П. А. Високому. Въ наше время, Общое поэтичною поэзію, такіе стихи ставятся рѣдки, и потому ихъ не грѣхъ перенести, откуда бы то ни было.

-Предъ Господомъ Богомъ я грѣшю,
И кто же не грѣшю предъ Нимъ?
Но тѣмъ я хоть мало утѣшю,
Что братъ я всѣмъ братьямъ моимъ;

Что слезы мнѣ всѣ симпатичны,
Что съ плачущимъ плачу и я,
Что въ сердцѣ есть отголосокъ привычный
На каждую скорбь бытія;

Что духъ мой окрыль подъ небастьемъ,
Что въ лезвяхъ созрѣла душа,
Что жизнь мнѣ не блескомъ и счастьемъ,
А тайной тоской хороша;

Что въ ширь и его обаянья
Недолго вдаваться я могу,
Но всё его понимая страдающа
И чувство для нихъ уберечь;

Что тайная есть мнѣ отрада
Внезапно войти въ Божій домъ,
И тамъ гдѣ мерцаютъ лампады
Съ молитвой поникнуть челомъ;

Что дня не проходитъ ни часу,
Чтобъ внутреннимъ слухомъ не слышалъ
Я смерти призывному глазу
И слухъ отъ него уклонялъ.

Что въ самой житейской тревогѣ
Сей голосъ не чуждъ для меня;
И мыслямъ стою при порогѣ
Послѣдняго, страшнаго дня.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВЕРШИНЫ, описанныя Я. Бутковымъ. Книга вторая. СПб.-бургъ, 1846, въ тип. Н. Греча, въ-12., стр. 194.

Авторъ занимается описаніемъ петербургскихъ чердаковъ, онъ хорошо знакомъ съ жильцами этихъ высокихъ мѣстъ и рассказываетъ о нихъ очень много занимательныхъ подробностей. Дѣ

ло, обыкновенно, идетъ о маленькихъ чиновникахъ, на которыхъ нынче въ русской литературѣ пошла такая мода. Господинъ Бутковъ знаетъ этихъ чиновниковъ не хуже другаго и, стало-быть, можетъ говорить о нихъ точно такъ же, какъ и другіе. У него есть дарованіе — и вторая книга петербургскихъ вершинъ еще лучше первой; слѣдовательно, дарованіе автора развивается. Его можно обвинить въ недостаткѣ вкусу, который тѣмъ ниже и обыкновеннѣе содержаніе его книги. Но это вѣчный камень преткновенія въ русской литературѣ.

Можно безъ всякаго вкусу говорить о Бельведерскомъ Аполлонѣ и о Медицейской Венерѣ, и можно съ большимъ вкусомъ описывать грязные углы Петербургской Стороны. Въ этомъ заключается трудная задача для таланта.

Вторая книга петербургскихъ вершинъ состоитъ изъ трехъ повѣстей. Одна изъ нихъ называется *Первое Число*. Вотъ герои этой повѣсти :

« Когда-то были въ Петербургѣ коллежскіе секретари Евтѣй « Евсѣевичъ и Евсѣй Евтѣевичъ. Они жили *по-поламъ* въ одномъ « изъ тѣхъ превыспреннихъ помѣщеній, которыя устроиваются « между карнизомъ и крышею пяти-этажныхъ домовъ, въ рав- « номъ разстояніи отъ земли и луны. Человѣколюбивая изобрѣта- « тельность архитекторовъ и домохозяевъ раздѣлила эти помѣ- « щенія многими хитрыми перегородками на тѣсныя и темныя « клѣтки, гиперболически называемыя комнатами. Старыя вдовы, « губерискія секретарши и даже титулярныя совѣтницы, обы- « кновенно занимаютъ цѣлое отдѣленіе такихъ клѣтокъ, и отъ « себя уже пускаютъ въ каждую клѣтку жильцовъ, исключительно « благороднаго званія и жилищъ, вдовствующихъ и дѣвствующихъ, « занимающихся работою для магазиновъ. Такую же клѣтку, подъ « именемъ особой комнаты съ дровами, водою и мебелью, зани- « мали и коллежскіе секретари Евтѣй Евсѣевичъ и Евсей Евтѣо- « вичъ, за три цѣлковыхъ въ мѣсяць. »

« Эти коллежскіе секретари были права тихаго и нравствен- « ности неукоризненной. Одинъ изъ нихъ, Евтѣй, служа чиновни- « комъ для письма, получалъ каждый мѣсяць по десяти рублей « серебромъ, а другой, Евсѣй, занималъ должность помощника « столоначальника, и въ этомъ качествѣ пользовался большимъ « противъ своего товарища окладомъ — именно двѣнадцатю цѣл- « ковыми въ мѣсяць. »

« Въ квартирѣ ихъ царствовала всегда, кромѣ первыхъ чл-

« селъ, глубочайшая тишина. Хотя они вообще питали одинъ
« къ другому дружескія чувствованія, однако различныя мнѣнія
« неудобства, нераздѣльныя съ важными выгодами житья по-по-
« ламъ, и томительное однообразіе ихъ существованія, обремене-
« ннаго копѣчными нуждами, канцелярскими страстями и убій-
« ственною необходимостью строгой и постоянной расчетливости
« въ издержкахъ, произвели въ нихъ мудрое нерасположеніе ко
« всякимъ разговорамъ и объясненіямъ, изъ которыхъ ничего не
« выходитъ. Притомъ же оба они были поражены особеннымъ
« несчастіемъ по службѣ.»

« Евтѣй, получившій университетское образованіе, былъ писецъ
« по должности и глубокій мыслитель по душѣ. Переписываніе
« онъ считалъ тяжкою для себя обидою. Напрасно просилъ онъ
« для себя занятія нѣсколько благороднѣе, увѣряя, что можетъ
« сочинять бумаги самъ не хуже, а можетъ-быть и лучше столо-
« начальника, напрасно онъ употреблялъ въ защиту своихъ при-
« тязаній неотразимый аргументъ, что онъ въ состояніи произ-
« водить таковыя сочиненія въ потребномъ количествѣ «съ важ-
« ною для казны выгодой», ничто не помогало! Въ канцеляріи
« считали его, какъ выше сказано, глубокимъ мыслителемъ, и въ
« этомъ качествѣ не находили его способнымъ даже къ должно-
« сти помощника столоначальника!

« Евсѣй, напротивъ, еще въ дѣтствѣ, сидя за азбукою, мечталъ
« о блаженствѣ переписыванія. Сама судьба готовила его къ этому
« званію, давъ ему весьма красивый почеркъ и отказавъ даже въ
« малѣйшей частицѣ дѣлопроизводительной способности; но тотъ
« же рѣшитель человѣческаго жребія — слѣпой случай, который
« сдѣлалъ Евтѣя писцомъ, далъ Евсѣю, недоучкѣ приходской
« школы, важную должность помощника столоначальника, возла-
« гавшую на него обязанность *сочинять* отношенія и рапорты.
« Тщетно онъ съ глубокимъ смиреніемъ доказывалъ кому слѣ-
« дуетъ, что ему было бы очень лестно переписывать гото-
« вое, что онъ учился только въ приходской школѣ, да и отецъ
« его былъ сенатскій копистъ, сорокъ лѣтъ упражнявшійся въ
« подшивкѣ старыхъ бумагъ, или, говоря канцелярскимъ слогомъ,
« въ «пріобщеніи ихъ къ прочимъ таковымъ же»,—на эти объяс-
« ненія не обращалось вниманія. Въ качествѣ помощника столо-
« начальника онъ долженъ былъ сочинять *самъ*, и, покоряясь
« обстоятельствамъ, сочинялъ, правда, нескладно, съ тяжкимъ
« трудомъ, но сочинялъ, и былъ очень несчастливъ.

«Такого образа каждый из друзей, отлично замороженный «визинными обстоятельствами», сосредоточился въ самомъ себѣ, «не позволялъ вырываться наружу ни сѣтованіямъ на случай, «располагающій модой, ни замѣчаніямъ о людяхъ, располагаю- «щихъ повышеиіями, ни предположеніямъ объ улучшеніи своего «днаго существованія, зависящаго отъ повышеиіей. Только пер- «вое число своимъ чародѣйственнымъ вліаніемъ пробуждало ихъ «отъ взаимной безчувственности, оживляло ихъ, вызывало на «разговоры и разсужденія.»

Оба пріятели, расположенные благотѣльнымъ вліаніемъ пер- «ваго числа къ откровенности, передаютъ другъ другу свои тай- «ныя мечты и предположенія. Оба рѣшились, для поправленія сво- «ихъ малюнькихъ дѣлъ, — жениться, одинъ на Аннѣ Алексѣевнѣ, «другой на Каролинѣ Ивановнѣ. Эти дамы, неизвѣстно по какимъ «причинамъ, пользуются особеннымъ покровительствомъ двухъ на- «чальниковъ Евтія Евфемича и Евсѣя Евтѣевича; и малюнькіе «чиновники не безъ основанія надѣются пріобрѣсти женитьбой «самосходительное вниманіе своихъ начальниковъ.

«Евтіей былъ простой малый, всегда, кромѣ первыхъ чиселъ. «Въ эти дни присутствіе рублей внушало ему чувство собствен- «наго достоинства, и онъ не любилъ разговаривать съ пустыми «людьми.

Въ эти дни онъ предавался всякъ наслажденіямъ, посвящая «кандитерскія, ѣлъ пироженъ и увлекался ликерами; зато онъ поч- «ти всегда возвращался домой, едва-ли не съ пустымъ кошелекомъ, «а иногда у него недоставало даже денегъ на уплату хозяйнѣ за «бѣдный уголь его квартиры.

Пріятель его, Евсѣй Евтѣевичъ, отличался совершенно другими «качествами.

«Этотъ коллежскій секретарь былъ рѣзко противоположенъ «своему товарищу. Природа, выпуская его въ свѣтъ, отнесла «физиономію его съ особенною тщательностью: онъ имѣлъ пра- «вильныя, благообразныя черты лица, встрѣчаемыя рѣдко въ «дѣловыхъ и ученыхъ людяхъ и часто — въ хорошихъ лакеяхъ. «Неподвижность и солидность этого благообразнаго лица еще «болѣе оправдываетъ приведенное сравненіе; но съ другой сто- «роны, необыкновенная мраморная блѣдность его, отсутствіе «рѣзкихъ морщинъ на лбу, неизбѣжныхъ на челѣ людей мысля- «щихъ и даже ходящихъ за барынями, отличала лицо Евсѣя

«Евѣсента отъ лица какого-нибудь лекаря, которое всегда сіловъ
«розовымъ румянцемъ, слѣдствіемъ хорошаго житія и милости
«господской. Эта блѣдность, въ глазахъ многихъ петербургскихъ
«женщинъ, знающихъ толкъ въ мужчинахъ, была несравненно
«выгоднѣе, чѣмъ для Евѣя его игривая, выразительная, но ря-
«бая фнзиономія, его сверкашіе огнемъ и чувствомъ сѣрые гла-
«за. Евѣй однако не пользовался выгодою своею «интересною
«блѣдностію» и даже не замѣчалъ ее.

«Переходя къ нравственному отличію Евѣя отъ его товарища,
«прежде всего должно замѣтить, что онъ никогда, ничему, кромѣ
«россійской азбуки не учился, и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія
«ни о желѣзной волѣ, ни о ясномъ разумѣ. Самый родъ службы
«его не требовалъ отъ него этихъ понятій, и чиновники-това-
«рищи и, отчасти, начальники его были всё люди практическіе,
«образованные, проученые и прошколенные житейскими потреб-
«ностями.

«Но хотя онъ не имѣлъ и понятія о волѣ и разумѣ, считая
«ихъ за техническіе термины какой-нибудь таинственной «нѣмец-
«ской» науки, хотя, сколько ему ни толковалъ объ этомъ Евѣй,
«онъ никакъ не могъ постигнуть, въ чемъ заключается воля и
«къ чему ведетъ разумъ, — онъ, однако, былъ снабженъ этими,
«самому ему невѣдомыми качествами, въ страшномъ размѣрѣ.
«Дѣло въ томъ, что Евѣй учился волѣ и разуму въ универси-
«тетѣ, и не обладал ими, только *зналъ* ихъ и безпрерывно то-
«ковалъ о нихъ своему товарищу. Евѣй, напротивъ, стиснутый
«при самомъ сознаніи своего бытія мелкими, но свирѣпыми обсто-
«ятельствами жизни, былъ весь проникнутъ ея условіями и на-
«чалами, и не мысля о волѣ и разумѣ, жилъ по мудрому уна-
«занію неизслѣдующихъ своихъ отвѣтовъ на свои же вопросы.

«*Первый вопросъ:* Если я каждый мѣсяцъ буду издерживать все
«свое жалованье, что изъ этого выйдетъ? — *Отвѣтъ:* Весь вѣкъ
«буду нищимъ. *Второй вопросъ:* Если я буду жить какъ-нибудь
«и чѣмъ-нибудь, откладывая каждый мѣсяцъ половину и даже
«двѣ трети жалованья, недовѣряя то ни кому — ни Банку, ни
«Ломбарду, и сохраняя при себѣ въ извѣстныхъ мѣстѣхъ
«болѣе надежныхъ мѣстахъ такъ, чтобы ни одна душа въ свѣтѣ
«не знала того, что я коплю рубли — изъ этого что выйдетъ?
«*Отвѣтъ:* Я современемъ скоплю двухъ годовое жалованье на-
«личными рублями, а съ такою кучею денегъ можно жениться
«на благородной дѣвицѣ съ хорошимъ приданымъ, или на благо-

« иральной вдовѣ изъ купческаго званія, съ опасаемыми дѣтьми
« и дошани.

« Слѣдствіемъ этихъ мудрыхъ вопросовъ и еще болѣе мудрыхъ
« отвѣтовъ была колоссальная, чудовищная рѣшимость жить, нѣ-
« сколько лѣтъ сряду, въ тѣсныхъ предѣлахъ самаго неумолимаго
« воздержанія — рѣшимость, которой не могли поколебать ни ка-
« кіе соблазны, бывшіе искустельными, потому что они всегда
« стояли лицомъ къ лицу съ нестерпимыми лишеніями; ни горь-
« кія вужды, для перенесенія которыхъ требовался необычайный,
« мощный, почти нечеловѣчскій духъ; ни саркастическія выходы
« товарищей противъ его отчужденія отъ всѣхъ развлеченій, отъ
« всѣхъ удобствъ, покупаемыхъ хотя дешево, но — покупаемыхъ.
« Трудно ему было сначала переносить все, къ чему осуждала
« его мудрая, практическая, даже, можно сказать, героическая рѣ-
« шимость; но мало-по-малу торжествуя надъ вошіющими потреб-
« ностями, одолевая животныя страсти расчетомъ, онъ преобра-
« жался, перерождался. Съ каждымъ первымъ числомъ капита-
« лецъ его увеличивался; самоотверженіе, надежды, расчеты рас-
« ширялись; духъ стяжанія и отчужденія отъ всего, требующаго
« издержекъ, разрушалъ въ немъ всѣ страсти, свойственныя мо-
« лодости, всѣ искушенія, свойственныя Петербургу.

Евтій Евсѣевичъ получивъ перваго числа обычное жалованье,
завернулъ въ кондитерскую и, по слабости человѣческой природы,
выпилъ нирожковъ и напился ликеровъ. Эта несчастная страсть
одолевала его каждого перваго числа. Выходя изъ кондитерской, онъ
съ ужасомъ замѣтилъ, что кошелекъ его значительно опустѣлъ.
Это навело его на разныя грустныя мысли и между прочимъ
объ Аняѣ Алексѣевнѣ, мысль, въ которой соединились всѣ
его надежды на будущее. И онъ рѣшился зайти къ ней, « чтобъ
« засвидѣтельствовать ей, по-прежнему, глубочайшее почтеніе
« и сказать, по обычаю, установленную формулу: «не отклады-
« вайте далѣе моего счастья! Каждая минута разлуки съ вами—
« для меня годъ адскаго мученія!

« Передняя не была заперта, и Евтій вошелъ въ квартиру
« Анны Алексѣевны, не позвонивъ въ колокольчикъ. Его встрѣ-
« тила Фекла, кухарка, она же и горничная.

« Дома Анна Алексѣевна?

« — Дома-съ.

« — Одна?

« — Нѣтъ-съ.

« — Кто у нея?

« — Не знаю-съ.

« — Самъ?

« — Нѣтъ-съ.

« — Кто же?

« — Баринъ.

« — Какой, какъ его зовутъ?

« — Не знаю-съ.

« — Ты или дура, или плутовка, сказалъ Евтѣй, смущенный и взволнованный неопредѣлительностію отвѣтовъ Феклы, и пошелъ въ гостиную.

« Тамъ огня не было, только изъ кабинета Анны Алексѣевны въ полуотворенныя двери лежала свѣтлая полоса. Евтѣй остано- вился въ нерѣшимости, идти ли далѣе и поразить невѣрную впе- запностью своего появленія, или возвратиться домой и прислать ей учтивую записку.... Шаги его, поглощаемые мягкимъ ков- ромъ, не были слышны въ кабинетѣ, гдѣ продолжался разго- воръ, который Евтѣй невольно долженъ былъ слушать....

« — Я вамъ только скажу, говоритъ мужской голосъ, что мнѣ покамѣсть, удалось скопить всегдашнюю бережливостію тысячу рублей.... это, правда, небольшая сумма, но для семейнаго чело- вѣка — если вы позволите мнѣ имѣть счастье....

« Громкій женскій смѣхъ прервалъ его объясненіе, и въ то же время Евтѣй вздрогнулъ, будто отъ электрическаго удара. Муж- ской голосъ былъ знакомъ ему, несмотря на необыкновенно вѣжное выраженіе....

— « Извините, Евсѣй Евтѣевичъ! сказалъ женскій голосъ: сколько я васъ ни люблю, ни уважаю, но эти тысяча рублей, которые вы скопили въ нѣсколько лѣтъ невообразимыми ли- шеніями для будущей семейной жизни, рекомендуютъ васъ *очень ужасно* экономическимъ супругомъ.

« Новый смѣхъ, громче перваго, заключилъ слова Анны Алек- сѣевны. Евтѣй не вѣрилъ самому себѣ, думая не помѣшался ли онъ! такъ странно, неожиданно, необъяснимо было для него это явленіе. А между-тѣмъ разговоръ его невѣсты съ его то- варищемъ и другомъ еще раздавался у него въ ухахъ, и онъ видѣлъ обоихъ — *ее* и *его* своими глазами. Прійдя нѣсколько въ себя отъ сильнаго потрясенія, онъ приложилъ руку къ го-

« ричему лбу, можетъ-быть, отыскивая *начала* страшнаго, чело-
« вѣческаго космополитизма.

« Болѣе ничего не могъ онъ видѣть, ни слышать. Предметы и
« идеи перемѣшались въ его воображеніи. Сознавая въ эту роко-
« вую минуту рѣшительную опасность для своего разсудка, онъ
« машинально и тихо вышелъ изъ комнаты Анны Алексѣевны.

« Идя съ лѣстницы, онъ горько заплакалъ. Сердце его сжалось
« мертвящею тоскою, душа была поражена совершеннымъ уни-
« ніемъ. Внизу, въ корридорѣ, имъ овладѣло неудержимое бѣшен-
« ство. Кстатн у дверей стоялъ полушьяный и полузамерзшій из-
« возчикъ. Евтѣй далъ ему такой толчокъ, какой можетъ дать
« только челоѣкъ бѣшеный. Это спасло обояхъ: извозчикъ пере-
« кувырнувшись со ступеней подъзда на тротуаръ и съ троту-
« ара на мостовую, бодро вспрянулъ въ рукахъ двухъ будочни-
« ковъ, совершенно трезвый и отогрѣтый; Евтѣй, встрѣтясь ли-
« цомъ къ лицу съ благочяніемъ, присмирѣлъ и не вѣбсьлся
« окончательно.

Оказывается, что Анна Алексѣевна и Каролина Ивановна одно и
то же лицо и повѣсть оканчивается картиной à la Hoffmann.

Вторая повѣсть, подъ названіемъ *Хорошее мѣсто*, рассказы-
ваетъ исторію Терентія Якимовича, который успѣлъ себя, обез-
печить на счетъ жены. Эта исторія можетъ служить дополненіемъ
первой повѣсти. Тамъ женитьба была блистательнымъ предпо-
ложеніемъ, послѣдней, несбывшейся надеждой двухъ бѣдныхъ
чиновниковъ, а здѣсь она осуществилась на-дѣлъ и устроила пре-
краснымъ образомъ судьбу Терентія Якимовича.

Послѣдняя повѣсть называется *Портикулярная пара*. Въ ней
очень много хорошихъ подробностей. Герой повѣсти бѣдный чи-
новникъ Петръ Ивановичъ, челоѣкъ очень изобрѣтательный;
онъ дѣлаетъ конверты, разувѣтся, изъ казенной бумаги и снаб-
жаетъ своими издѣліями магазинъ богатаго нѣмецкаго купца
Гельдзака. Но у Петра Ивановича есть тоже маленькая слабость
и очень разорительная для бѣднаго чиновника. Онъ страстно лю-
битъ отечественный театръ и тратитъ на него скудные плоды
своихъ торговыхъ оборотовъ. Однажды, онъ шелъ изъ театра по
Невскому Проспекту, подъ вліяніемъ самыхъ сладостныхъ впе-
чатлѣній :

« Хотя онъ свѣшилъ въ ближайшій трактиръ поужинать, одна-
« ко не могъ воздержаться отъ удовольствія заглядывать въ лицо

« женщинамъ, встрѣчавшимся по пути, или возвращавшимся так же изъ театра. Впрочемъ не одинъ онъ доставлялъ себѣ это удовольствіе: были такіе странные мужчины, которые обращались даже съ разговоромъ къ незнакомымъ женщинамъ, и были такія, еще болѣе странныя женщины, которыя отвѣчали незнакомымъ мужчинамъ съ необыкновенною любезностью. Петръ Ивановичъ разсчиталъ, что въ этотъ вечеръ онъ будетъ только ужинать, и не будетъ разговаривать съ женщинами, потому что это лишняя роскошь, которую можно позволить себѣ въ наступающее первое число.

« Онъ уже хотѣлъ уклониться въ трактиръ, когда маленькая сцена обратила на себя его вниманіе. Кто-то, въ соболѣемъ бекешѣ, вооруженный чудовищными усами, преслѣдовалъ двухъ дамъ, шедшихъ изъ театра, обычною въ такихъ случаяхъ фразою: «Мое почтеніе, сударыня! Позвольте васъ проводить».

« Дамы остановились, пристально посмотрѣли на вѣжливаго кавалера, и не сказавъ ему ни слова, торопливо пошли далѣе; но онъ слѣдовалъ за ними, повидному, съ твердымъ намѣреніемъ заставить ихъ принять его услуги. Петръ Ивановичъ, понимая затруднительность положенія этихъ женщинъ, обратился къ бекешу съ рѣшительною просьбою оставить ихъ въ покоѣ. Бекешъ отвѣчалъ ему: «А! извините!» и повернувъ въ сторону запѣлъ къ совершенному соблазну мимошедшаго помощника квартальнаго надзирателя.

« Петръ Ивановичъ подошелъ къ смущеннымъ дамамъ и смутясь самъ, пробормоталъ что-то въ родѣ предложенія услугъ. При свѣтѣ гасоваго фонаря, онъ могъ ясно рассмотреть обѣихъ дамъ: одна изъ нихъ была женщина пожилая, другая казалась ея дочерью, имѣя одинаковыя съ нею прекрасныя черты лица и ту выразительность и живость въ глазахъ, ту свѣжесть въ лицѣ, которыя свойственны одной молодости и проходятъ вмѣстѣ съ нею.

« — Благодарю васъ, отвѣчала пожилая дама, успокоенная благовидною наружностью Петра Ивановича: и съ удовольствіемъ пользуюсь вашимъ предложеніемъ. Мы живемъ недалеко....

« Все трое шли по Невскому въ направленіи къ Морской, продолжая разговоръ.

« — Какъ видно, сказалъ Петръ Ивановичъ, обращаясь къ старшей изъ своихъ дамъ: вы, сударыня, вовсе не знаете Невского

« Проспекта, если рѣшились идти въ такую пору одиѣ.... Здѣсь
« бываютъ страшныя сцены....

« — Но представьте себѣ наше положеніе: по выходѣ изъ
« театра мы полчаса стояли въ корридорѣ, ожидая своего эки-
« пажа; человекъ, котораго мы послали отыскать его, тоже не
« возвращался къ намъ. Поэтому мы рѣшились идти домой
« одиѣ, не думая впрочемъ встрѣтиться съ какимъ-нибудь на-
« халомъ.

« — Если вамъ угодно, я теперь же, проводивъ васъ до кварти-
« ры, «наведу справку» о вашѣмъ экипажѣ, и завтра буду имѣть
« честь представить ее вамъ.

« — Не трудитесь, прошу васъ; но завтра всё-таки доставьте
« намъ удовольствіе видѣть васъ.... Вѣдь вы позволите намъ узнать
« кому мы обязаны?...

« — Я чиновникъ, губернской секретарь, Петръ, Ивановъ сынъ,
« Шляпкинъ.

« — Намъ очень пріятно будетъ познакомиться съ вами и бла-
« годарить васъ у себя, если вы пожелаете завтра въ квартиру
« негоціанта Гельдзака, въ Большой Морской....

« — Гельдзака? воскликнулъ Петръ Ивановичъ: я бываю тамъ,
« нельзя сказать, чтобы въ его домѣ, но въ его конторѣ....

« — Слѣдовательно, вы съ нимъ уже знакомы? Я жена его, а
« эта дѣвица, Марія Гельдзакъ, дочь наша.

« Петръ Ивановичъ, поклонясь какъ могъ учтивѣе, отвѣчалъ:—
« Не смѣю сказать, что я знакомъ съ такимъ важнымъ лицомъ,
« какъ господинъ Гельдзакъ.. Онъ, однако, знаетъ меня... по дѣ-
« ламъ.... Я нѣсколько разъ, «наводилъ справки», по дѣламъ.

« — Тѣмъ пріятнѣе будетъ ему благодарить васъ за новую
« услугу, которую вы оказали намъ....

« — О, помиуйте! Чтѣ это за важная услуга такая, это про-
« сто.... Петръ Ивановичъ едва не сказалъ «дрянь». Это выра-
« женіе онъ считалъ очень сильнымъ и благопрістойнымъ, потому
« что многократно слышалъ его произносимымъ на сценѣ, для
« эстетическаго наслажденія слушателей, и читалъ многія длин-
« нья критики въ защиту необыкновенной благозвучности его
« въ разговорѣ и литературномъ произведеніи; онъ, однако, по
« внезапному чувству не произнесъ этого слова, и заключилъ
« свое возраженіе слѣдующею фразою: «всякій, и лучше меня, за
« счастье сочтетъ возможность оказать вамъ какую бы то ни бы-
« ло услугу.

« — Такъ ваше имя, Петръ Ивановичъ Шляпкинь? снова спросила госпожа Гельдзакъ.

« — Точно такъ-съ. Я, знаете, хотѣлъ, было называться Выжигинымъ, но разсудилъ, что лучше быть Шляпкинымъ. Такъ я и въ канцеляріи числюсь: Петръ, Ивановъ сынъ, Шляпкинь, изъ дворянъ смоленской губерніи, рославльскаго уѣзда... Отецъ мой былъ въ тамошнихъ мѣстахъ помѣщикомъ и капитапъ-исправникомъ, да вышла окказія по причинѣ луны....

« Петръ Ивановичъ произнесъ эти слова скороговоркою, самъ не понимая, что и для чего онъ говорить. Подвигнутый великодушіемъ къ защитѣ этихъ дамъ, онъ потомъ растерялся, узнавъ, что онѣ *мадамъ и демазель* Гельдзакъ, существа высокошаго коммерческаго свѣта, имена которыхъ всѣ конторщики, знакомцы его, даже самъ *перъ-прокура* произносили съ благоговѣніемъ! Всего болѣе смущала его мысль, что онѣ могутъ навести о немъ «справку» въ конторѣ и узнають, что онъ фабрикантъ конвертовъ изъ казенной бумаги, безъ всякаго возмездія за нее въ пользу казны. Въ этомъ непріятномъ положеніи онъ почти безсознательно началъ разсказъ о своемъ высококомъ происхожденіи отъ дворянина, помѣщика и капитапъ-исправника.»

Не знаю, подѣйствовало ли это высокое происхожденіе Петра Ивановича на госпожу Гельдзакъ, только на другой день она приняла его очень ласково и даже пригласила остаться къ обѣду. Но бѣдный Петръ Ивановичъ долженъ былъ отказаться отъ этого заманчиваго приглашенія. Ему нельзя же было сѣсть рядомъ съ этими богатыми людьми въ старомъ изношенномъ вицмундирѣ, а другаго платья у него было. Но съ-этихъ-поръ началась для Петра Ивановича другая жизнь; онъ слишкомъ засмотрѣлся на Марью Карловну, прекрасную дочку богатаго купца. Она была съ нимъ такъ мила, такъ добра, что Петру Ивановичу всегда было весело на нее любоваться.

Разъ она застала его въ магазинѣ своего отца, побранила за то что онъ никогда къ нимъ не ходитъ и пригласила на вечеръ, на свои мясины, даже предложила ему, танцовать съ ней мазурку. Это приглашеніе совершенно уничтожило Петра Ивановича. Онъ еще въ пансіонѣ учился танцовать и танцевалъ хорошо; онъ могъ бы не хуже другаго играть порядочную роль на этомъ вечерѣ, а какъ ему ѣхать? у него нѣтъ платья, нѣтъ чернаго фрака; гдѣ купить? откуда взять столько денегъ? и бѣдный

Петръ Ивановичъ кидается изъ угла въ уголъ, ищетъ денегъ, просить въ займы—но кто же бѣдняку повѣритъ въ долгъ?

«Гдѣ бы достать партикулярную пару? думалъ онъ во весь вечеръ этого дня. Ее можно купить въ *одномъ мѣстѣ* даже за «двадцать рублей серебромъ»? Нынче всѣ люди лицемѣры: пока «не просишь у нихъ денегъ въ заемъ, они хороши съ тобою, «ласкаютъ тебя, предлагаютъ тебѣ свою дружбу.... а вдругъ случись несчастье, когда понадобится партикулярная пара, никто «гроша не дастъ!»

Между-тѣмъ наступилъ вечеръ; пробило десять часовъ; Петръ Ивановичъ расхаживаетъ большими шагами по Морской, мимо ярко-освѣщеннаго дому. Онъ поглядѣлъ на верхъ; онъ слышитъ звуки бальной музыки; ему показалось, что *она* ждетъ его у окна и сердится, что онъ опять не сдержалъ обѣщаніе. Петръ Ивановичъ вздохнулъ; ему сдѣлалось тяжело; онъ перешелъ черезъ улицу, вышелъ на Мойку, и опротивѣвъ побѣжалъ къ плоту.

«Въ то же мгновеніе нѣмецкій шарманщикъ, возвращавшійся съ семьей изъ долгаго музыкальнаго странствованія по петербургскимъ улицамъ на свой убогій чердакъ, въ Глухомъ переулкѣ, заигралъ, для собственнаго удовольствія, любимую обывателями петербургскихъ вершинъ пѣсню Торопки: «Ужъ какъ вѣтетъ вѣтерокъ!» Его жена, высокая и тощая Нѣмка, ведшая «на суркѣ десятокъ голодныхъ собаченокъ, драпированныхъ ветхими доскутьями краснаго сукна, запѣла эту пѣсню произвольнымъ голосомъ. За ними безмолвно шли четверо оборваныхъ мальчиковъ, каждый съ двумя учеными обезьянами на плечахъ.»

«Извозчики, стоявшіе у моста и негоціанты, торговавшіе тамъ «же сайками и спичками, невѣвшіе въ этотъ день ни малѣйшаго способа къ пріятному препровожденію времени въ «сѣстныхъ заведеніяхъ», развлеклись этою сценою, забыли свое горе, и дружно принялись смѣяться надъ бѣдными артистами.»

«Петръ Ивановичъ, такъ философически рѣшившійся отправиться изъ сего міра, ночнымъ путемъ черезъ Мойку, въ міръ «лучшій, внезапно потерялъ свою рѣшимость, когда слуху его «коснулись рѣзвый «вѣтерокъ» и смѣхъ извозчиковъ. Бросивъ «взглядъ на живую картину нищеты, переносимой терпѣливо, по-крайней-мѣрѣ, безъ неистовыхъ порывовъ отчаянія, онъ былъ

«отвлеченъ отъ собственнаго горя къ филантропическому сочувствію толпѣ музыкантовъ, олицетворявшихъ пословицу: «Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ.» Потомъ, возвращаясь къ самому себѣ, онъ вспомнилъ, что мучимый заботою о партикулярной парѣ, онъ не обѣдалъ два дня сряду, и что по этой причинѣ не худо бы зайти куда-нибудь; а когда, произведя въ карманахъ тщательный розыскъ, онъ нашелъ въ одномъ изъ нихъ трехрублевый и четыре копѣйки, забылъ и партикулярную пару, и балъ, демазель Гельзакъ, и мазурку. Въ радостномъ предчувствіи ужина, онъ снова сталъ доволенъ и счастливъ, и торопиво идя по Вознесенскому Проспекту въ трактиръ, думалъ: «Какъ мало нужно человѣку для счастья!»

ЧУДЕСА ВЪ РЕ(Ъ)ШЕТЬ, или похожденія купеческихъ сынковъ, съ купеческими приказчиками, на нижегородской ярмаркѣ. Русскія народныя сцены, въ трехъ частяхъ и восьми картинахъ. Сочиненіе В. Потапова. Съ десятью новыми, цыганскими и хоровыми пѣснями. Москва, 1846, въ тип. Смирнова, въ-12., стр. 216.

Книги этого роду не принадлежатъ къ литературѣ, а составляютъ товаръ, заготовляемый для нижегородской ярмарки. Бумага, печать, орфографія и заманчивыя заглавія подобныхъ книгъ всегда принаровляются къ тому кругу читателей, для которыхъ онѣ назначаются. Магазины этой выгодной торговли помѣщаются на терпѣливой спицѣ разнозчиковъ, которые съ необыкновеннымъ искусствомъ сбываютъ этотъ дешевый товаръ любознательнымъ читателямъ Нижняго-Новгорода. Господинъ Василій Потаповъ принадлежитъ къ числу самыхъ дѣятельныхъ поставщиковъ этой литературы и пользуется лестною извѣстностью между покупателями этого роду товара. Господинъ Василій Потаповъ очень хорошо это знаетъ и потому не безъ основанія заставляеть говорить одно изъ дѣйствующихъ лицъ своего новаго произведенія: провалъ его возьми—этого сочинителя. Я увѣренъ, что это восклицаніе списано съ натуры.

Искусство толковать сны. Подробное изъясненіе вѣсхъ сновъ, видный, привидный, съ приложеніемъ исторіи знаменитыхъ сбывшихся сновъ. Украшенное 120 политипажками, гравирован-

ными въ Парижѣ. *СП.-бурж.*, 1846, въ тип. Жернакова, въ-18., стр. 125.

Вотъ прекрасная книга, изданная на пользу и въ назиданіе страждущему человечеству. Мало ли сновъ, которые могутъ васъ беспокоить, а вы не будете знать, что съ ними дѣлать, что они означаютъ. Вы, напримѣръ, увидѣли во снѣ — сыръ; вѣдь это можетъ съ вами случиться; мало ли, что во снѣ пригрезится! А между-тѣмъ, это можетъ вамъ быть непріятно; вы станете ломать себѣ голову, переспросите всѣхъ своихъ знакомыхъ: я видѣлъ сыръ во снѣ, что бы это значило? А ваши знакомые тоже ничего не знаютъ и не могутъ вамъ отвѣчать на такой затруднительный вопросъ. Но теперь возьмите же *Искусство толковать сны*, сыщите букву С. и посмотрите слово — сыръ. Тутъ вы и узнаете, что это значить — непріятности; а это васъ и успокоитъ, вы возьмете свои предосторожности и дѣло съ концомъ!

ВЕКФИЛЬДСКІЙ СВЯЩЕННИКЪ. *Романъ Оливера Гольдсмита. Перевелъ съ англійскаго Яковъ Гердъ, съ политипажами. СП.-бурж.* 1846, въ тип. Э. Праца, въ-12., стр. XVI и 303.

Романъ Оливера Гольдсмита принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя никогда не теряютъ своей цѣны и читаются нѣсколькими поколѣніями съ равнымъ удовольствіемъ. Этотъ романъ, какъ двѣ капли воды похожъ на своего автора. Тутъ вся его безпечность, довѣрчивость и простодушіе, его доброта и сострадательность. Ничто не можетъ сравниться съ простотой его разсказа и потому такъ трудно хорошо перевести эту книгу.

Русскій переводчикъ исполнялъ свое дѣло добросовѣстно, и можетъ быть не его вина, если онъ не умѣлъ сохранить всей простоты своего оригинала. Какъ Англичанинъ, онъ понималъ всѣ его тонкости, но не всегда умѣлъ ихъ передавать на русскій языкъ; зато переводъ отличается необыкновенною точностью и даетъ самое вѣрное понятіе о знаменитой книгѣ Гольдсмита. Изданіе русскаго перевода очень красиво и обогащено политипажамн.

РУССКІЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ЗА ГРАНИЦЕЮ. *Приготовленія къ дорогѣ. Германія. Поездка въ Парижъ. Железныя дороги. СП.-бурж.*, 1846, въ тип. Фишона, въ-12.; стр. XX, 486 и 94.

Русскій путеводитель заключаетъ въ себѣ всѣ нужныя свѣдѣнія для благополучнаго отправленія за границу. Книга начинается

ея съ общихъ приготовленій къ дорогѣ. Здѣсь разсматривается предварительная публикація въ газетахъ, полученіе паспорта, правила для размѣна денегъ, приблизительная смѣта и разнаго роду тада за границу, моремъ и сухимъ путемъ, въ длижансахъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Виѣстѣ съ тѣмъ означено нѣсколько маршрутовъ, по которымъ вы можете уѣхать изъ Россіи. Послѣ этого слѣдуетъ подробное описаніе путешествія по Германіи, съ ея монетами, вѣсами и таможенными правилами, указанія на всѣ достопримѣчательности, на главные города, на гостинницы и помѣщенія для путешественниковъ. Въ этомъ видѣ изложена поѣздка въ Пруссію, Саксонію, Австрію, Баварію и Виртембергъ, и во всѣхъ подробностяхъ описано плаваніе по Рейну.

Поѣздка въ Парижъ составляетъ особенное отдѣленіе этой книги, которое тоже начинается съ первыхъ приготовленій къ дорогѣ и съ изложенія различныхъ маршрутовъ. Послѣ этого слѣдуетъ общее обозрѣніе Парижа, пріѣздъ путешественника, гостинницы, квартиры, закупки, обѣды, кофейные дома, и наемные экипажи.

Отсюда путеводитель переходитъ къ описанію достопримѣчательностей Парижа, его церквей и бульваровъ, театровъ и академій, памятниковъ, фонтановъ, библіотекъ и кабинетовъ для чтенія; конецъ этого отдѣленія составляетъ подробное описаніе всѣхъ замѣчательныхъ окрестностей Парижа.

Въ заключеніе Русскаго путевателя представляется полная перечень всѣхъ существующихъ въ Европѣ желѣзныхъ дорогъ. Эта книга составлена опытнымъ путешественникомъ и можетъ служить хорошимъ указателемъ въ дорогѣ для человѣка, незнакомаго съ заграничною жизнію.

руководство къ вытапливанію и очищенію сала, дѣланію сальныхъ, стеариновыхъ, восковыхъ и другихъ свѣчей и варенію всѣхъ сортовъ мыла. Составилъ А. А.—въ. Съ чертежами, СПбурга, 1846, въ тип. Фишера, въ-12., стр. IV и 169.

Книга раздѣлена на три отдѣленія. Въ первомъ разсматривается сало, его свойство, качество и первая обработка. Здѣсь обращено вниманіе на общее добываніе сала и на приготовленіе его для производства свѣчей и мыла. Второе отдѣленіе занимается приготовленіемъ разнаго роду свѣчъ, сальныхъ, стеариновыхъ и восковыхъ. Здѣсь изложены лучшіе способы этого приготовленія и различные усовершенствованія. Наконецъ третье отдѣле-

ніе заключаетъ въ себѣ руководство къ мыловаренію; тутъ разсматривается какъ приготовленіе обыкновенныхъ, такъ и производство благовонныхъ мылъ. Въ этой книгѣ нѣтъ ничего новаго, но она во всякомъ случаѣ можетъ служить полезнымъ руководствомъ для сельскихъ хозяевъ, которые занимаются приготовленіемъ свѣчь и мыла.

СОКРАЩЕННАЯ НАУКА ПРАКТИЧЕСКАГО ПЧЕЛОВОДСТВА, СОЧИНЕННАЯ Н. Витвицкимъ. *СП.-бургъ, 1846, въ тип. СП.-бургскаго Губернскаго Правленія, въ-12., стр. XII и 240.*

Авторъ сочинилъ науку; правда это только наука практическаго пчеловодства, но всё-таки наука, всё-таки великая заслуга. По словамъ почтеннаго автора, « Всевышнему угодно было пред- назначить на его долю заботу о поддержаніи общаго пчело- водства. По возможности силъ его и средствъ онъ старался содѣйствовать къ возстановленію этой неоцѣненной промысле- ности. Втеченіе тридцати двухъ лѣтъ издалъ онъ въ свѣтъ нѣсколько разъ полный о ней курсъ; сверхъ-того помѣ- стилъ онъ около двухъ-сотъ статей въ повременныхъ газетахъ и журналахъ ». Послѣ этого и говорить нечего. Двѣсти статей и нѣсколько полныхъ курсовъ, — кажется этого довольно, чтобы имѣть право сочинить новую науку. Авторъ самыми убѣдитель- ными доводами старается воскресить эту упавшую промышлен- ность нашихъ предковъ; онъ хлопочетъ всѣми силами о возста- новленіи пчельниковъ, высчитываетъ огромныя выгоды, предлага- етъ новыя правила и улучшенія, съ увѣренностью и знаніемъ чловѣка, который написалъ двѣсти статей и нѣсколько пол- ныхъ курсовъ объ этомъ предметѣ. Я увѣренъ, что книга поч- теннаго автора произведетъ глубокое впечатлѣніе на русскихъ читателей и оживитъ эту сладкую промышленность новыми, не- ожиданными успѣхами; медъ потечетъ по землѣ русской; ма- ленькія неудачи, которыя соединяются со всякимъ новымъ пред- пріятіемъ никого не остановятъ и весь православный людъ, съ сокращенной наукой практическаго пчеловодства въ рукахъ, утѣшится и ободрится эпиграфомъ почтеннаго автора:

Не будь самъ плохъ,

Дастъ меду Богъ.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

ДВА СЛОВА ПРОСТОМУ НАРОДУ, на новый годъ и воскресный день, говоренныя священникомъ Іоанномъ Лукьяновымъ. Сп.-бургъ, 1846. — Два слова простому народу, говоренныя въ храмовые праздники, священникомъ Іоанномъ Лукьяновымъ. Сп.-бургъ, 1846. — мысли о постѣ. Сочиненіе благочиннаго, священника Іоанна Лукьянова. Сп.-бургъ, 1846. — Нѣсколько назидательныхъ проповѣдей, назначенныхъ для простаго народу и приравненныхъ къ его понятіямъ. Такія брошюры приносятъ несомнѣнную пользу, дѣйствуя на развитіе нравственности простаго народа, который привыкъ съ уваженіемъ принимать всѣ наставленія своихъ духовныхъ пастырей. Благоговѣніе къ святымъ составляетъ отличительную черту въ характерѣ каждаго Русскаго, и потому религіозное образованіе въ высшихъ сословіяхъ развивается безъ всякаго затрудненія, съ необыкновенною простотою, при благотворномъ и усердномъ содѣйствіи православныхъ служителей церкви. 1

ЗАПИСКИ О СМОЛЕНСКѢ, составленныя П. Никитинымъ. Москва, 1849. — Въ этихъ запискахъ заключается краткое описаніе Смоленска, въ историческомъ и статистическомъ отношеніи, начиная отъ основанія города до нашего времени. Въ «Библиотекѣ для Чтенія» уже говорено было о пользѣ и важности такихъ Записокъ, которыя мало-по-малу могутъ служить къ составленію полной исторіи русскихъ губернскихъ городовъ. Сколько иногда мѣстныхъ преданій и другихъ драгоценныхъ свѣдѣній теряется, потому что никто на нихъ не обращаетъ вниманія, никто ихъ не собираетъ; а между-тѣмъ въ этихъ преданіяхъ нерѣдко заключаются объясненія, важныя для исторіи. «Записки о Смоленскѣ» очень удовлетворительно составлены.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБУЧЕНІЮ ДѢТЕЙ ЧТЕНІЮ. Сп.-бургъ, 1846. — ДѢТСКАЯ АЗБУКА. Составлена для сельскихъ школъ Дм. Д. Сп.-бургъ, 1846. — Эти двѣ брошюры составляютъ одно цѣлое. Первая назначена для наставниковъ, а вторая для учениковъ. У автора самыя похвальныя намѣренія, только я не думаю, чтобы наставники очень нуждались въ его руководствѣ; они вѣроятно, и безъ автора знаютъ то, что онъ имъ такъ добродушно объясняетъ. И что въ самомъ дѣлѣ найдутъ они новаго въ такихъ правилахъ :

« 1) Не смѣшать въ преподаваніи: каждую букву заставлять

« произносить до-тѣхъ-поръ, покамѣсть ученикъ будетъ выговаривать ее правильно; отъ одного отдѣленія буквъ переходитъ къ другому тогда только, когда ученикъ будетъ знать твердо произношеніе всѣхъ буквъ предъидущаго отдѣленія.

« 2) Какъ-можно больше разнообразить вопросы.

« 3) Первые уроки продолжать не болѣе получаса.

« 4) Каждый урокъ начинать повтореніемъ изъ пройденнаго.

« 5) Строчными буквами заниматься тогда только, когда ученикъ узнаетъ всѣ прописныя буквы, — показывая ихъ сначала подѣ съ соответствующими прописными, а потомъ отдѣльно.

хромой въ сѣ. *Волшебная сказка, въ двухъ частяхъ, сочиненіе Василья Потапова, Автора сказки: Мужичокъ съ ноготокъ, Борода съ локотокъ. Москва, 1846.* — тайны нижегородской ярмарки, нравственно-сатирическая панорама, въ четырехъ картинахъ, въ стихахъ, сочиненіе Василья Потапова. Москва, 1846. — Вотъ еще два произведенія нижегородской словесности. Господинъ Василій Потаповъ неутомимо трудится надъ произведеніями этой промышленности, съ приближеніемъ каждой ярмарки. Я даже опасуюсь, что вся эта нижегородская литература обратится въ монополию; по-крайней-мѣрѣ въ настоящее время господинъ Василій Потаповъ стоитъ рѣшительно въ главѣ сочинителей, работающих по этой части. Всѣ остальные ослабли и воотстали. Никто не выдумываетъ такихъ заманчивыхъ и длинныхъ заглавій, никто не умѣетъ писать такъ проворно на сѣрой бумагѣ и украшать свои писанія такими щегольскими эпитетами. На заглавіи одной изъ этихъ брошюръ господинъ Василій Потаповъ называетъ себя авторомъ сказки: *Мужичокъ съ ноготокъ*; изъ чего я заключаю, что это сочиненіе удостоилось особенной извѣстности на нижегородской ярмаркѣ.

СЦЕНЫ ПРЕФЕРАНСА. *Римотвореніе Н**.* Сп.-бургъ, 1846.

Авторъ полагаетъ, что онъ не обязанъ

« Лишь размышлять о мнѣхъ

« Для взрыва крѣпости,

« О пользѣ. . . о мужинахъ. . .

« О женской прелести, — »

и что имѣетъ полное право написать какой-нибудь вздоръ о преферансѣ. Въ этомъ ему, разумѣется, никто мѣшать не можетъ. Описывая благотворное вліяніе этой прекрасной игры, авторъ приводитъ нѣкоторые поразительные примѣры изъ своего семейства. Разъ у сестры его такъ сильно заболѣла голова, что

Бѣда; хоть вонъ изъ дому

Бѣги отъ Анненки

Сестрицы. А ниому,

Особо Машенькѣ

Такъ круто приходилосьъ,

что должны были послать за барономъ, за Петромъ Петровичемъ и за Викштейновичемъ. Викштейновичъ, который всегда очень горячится, сдѣлалъ реновъ, а сестрица отъ этого выздоровѣла. Другой примѣръ кузина автора. Это—свѣтская женщина, которая съ графинями знакома и съ одной изъ нихъ поѣхала даже за границу, чтобы

«Прослыть богинею

Изящества и моды.»

Теперь вообразите же себѣ, чтò она для этого дѣлала и какимъ образомъ думала прослыть богиней изящества и моды? Она съ утра до ночи играла въ карты, и ни о чемъ другомъ не говорила и не думала; даже къ автору изъ Германіи она писала: «*Sois-
« vin, imaginez, въ червяхъ самъ-шость король вчера пришелъ
« ко мнѣ. Даю вамъ та parole, что я съ двумя тузами ремизъ
« поставила.»* Изъ чего я заключаю, что кузина рѣшительно играть не умѣетъ; и очень мудро, чтобы она съ такими ничтожными способностями когда-нибудь прослыла законодательницей модъ.

Для доказательства поэтическаго дарованія автора и для удовольствія читателей я выпишу еще отрывокъ:

«Меня разъ пригласили

Педагоги къ себѣ:

Потолковать просили

О юношахъ, о злѣ

Различныхъ книгъ безсвязныхъ,

О воспитаніи,

Да о занятяхъ классныхъ —

И я, въ желаніи

Быть юности полезень,

Вхожу въ собраніе:

И полощю домъ и тѣсень....

Сидятъ въ молчаніи, —

Да такъ-то козыряютъ

Всѣ воспитатели,

Тузами такъ швыряютъ

Глупцовъ каратели;

Что, право, страшно стало:

Не станутъ ли учить
 (Чего хоть не бывало)
 Какъ съ картою говорить.

—

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Изданіе *Исторіи Консульства и Имперіи*, въ переводѣ господина Кони, продолжается; до-сихъ-поръ вышло три тома; къ нимъ приложено нѣсколько прекрасно гравированныхъ портретовъ.

— Въ Москвѣ господинъ О. П. Вейнтраубъ издалъ *«Взглядъ на животный магнетизмъ въ-отношеніи къ леченію бользней»*.

Вышелъ *Критическій разборъ мнѣній ученыхъ объ условіяхъ плодородія земли*, разсужденіе, писанное господиномъ Ярославомъ Липовскимъ, на полученіе степени магистра сельскаго хозяйства и лѣсоводства.

=

І Ю Л Ъ .

Н О В Ы Я К Н И Г И .

ИМѢТЬ И БЫТЬ. Романъ. Сочиненіе Мосго Знакомаго. Москва, 1846, въ тип. Семена, въ-16. Двѣ части. стр. 250—154.

Русская литература отдыхаетъ лѣтомъ, ддятого чтобы зимой—ничего не дѣлать. Это старыи заведенный порядокъ. Поэзиі совсѣмъ нѣтъ; стиховъ не пишутъ и не печатаютъ; все что въ прозѣ выходитъ—никуда не годится. Романъ, подъ великолѣпнымъ заглавіемъ: *Имѣть и быть*, принадлежитъ къ произведеніямъ лѣтней литературы. Онъ написанъ съ большими притязаніями на философію, но зато безъ всякой претензіи на грамматику. У него совсѣмъ особенное правописаніе, особенные знаки препинанія, которые вамъ часто попадаются въ глаза безъ великой надобности и даже вопреки здравому смыслу; это, видно, отъ жару. Попадаются и ошибки, но онѣ исправлены съ большимъ стараніемъ въ опечаткахъ; тамъ вы, напримѣръ, узнаете, что на страницѣ тридцать-второй напечатано: увидать, тогда какъ слѣдуетъ читать: увидить. Романъ написанъ отрывистымъ слономъ, и притомъ самымъ отрывистымъ, какой только когда-нибудь существовалъ на свѣтѣ, ужасъ, какой отрывистый. А между-тѣмъ дѣло простое и писать такимъ языкомъ очень легко; надобно только наставить побольше точекъ, вотъ такъ, напримѣръ: « Безъ памяти бросился онъ на подушки. Цѣдовалъ ихъ.

« Прижималъ къ груди. Какъ единственныхъ друзей, оставшихся послѣ прекрасной. Упрямовъ посмотрѣлъ на Марію. Она на него. Обрядъ совершился. Марія стала матерью. Упрямовъ отцомъ. Какая збивчивая мысль! » но зато, какой отрывистый слогъ и съ какими ничтожными издержками — всего только нѣсколько лишнихъ точекъ—а какъ отрывисто выходитъ! Но всего удивительнѣе то, что авторъ этого романа терпѣть не можетъ сокращеній и безъ всякой надобности растягиваетъ русскія слова, гдѣ только можно. Онъ ни за что не скажетъ: возвратились и принялись за обѣдъ; а говоритъ: возвратились и принялись за обѣдъ. Это, вѣроятно, для плавности. Герой романа, господинъ Упрямовъ—человѣкъ нерѣшительный, который вездѣ влюбляется, ищетъ невѣсть, а никакъ не можетъ жениться. Въ первый разъ, почти еще ребенкомъ, онъ влюбился въ Марію Гордееву, которая кокетничала съ нимъ самымъ убійственнымъ образомъ, или говоря отрывистымъ языкомъ этого романа: « Когда онъ хотѣлъ былъ открыть ей свою любовь. А она будто предвидя его намѣреніе, холодною отравляла и воспоминаніе о происшедшемъ. » Для дополненія характера Маріи, авторъ романа говоритъ очень коротко и ясно: « Мысли недоставало Маріи ». По моему мнѣнію, это ужъ слишкомъ рѣзко, слишкомъ отрывисто сказано, потому что черезъ нѣсколько страницъ, Марія очень умно разсуждаетъ о своемъ обращеніи съ Упрямовымъ; она говоритъ, что съ нимъ можно еще пококетничать, только осторожнѣе, что « такъ можно дѣйствовать еще годикъ, и если въ это время не представится выгодной партіи, а вы сударь между тѣмъ преобрѣтѣте (орфографія подлинника), извѣстность, тогда... тогда я ваша. » По моему мнѣнію, это совсѣмъ не глупо и нисколько не доказываетъ, что у Маріи недоставало мысли. Послѣ этихъ неудачныхъ похожденій, Упрямовъ, вѣроятно съ досады, принялся за литературу; молва о новомъ сочинителѣ скоро распространилась между сосѣдами. Онъ началъ имъ читать свои сочиненія и по желанію одной дѣвицы въ большомъ домѣ, составилъ даже на заказъ описаніе деревенскаго бала. Похвалы невзыскательныхъ помѣщиковъ вскружили господину Упрямову голову, такъ что онъ началъ даже бредить и, наконецъ, понесъ слѣдующую гиль :

« Италія, Швейцарія, Парижъ! Германія, Данія, Англія! я увижу васъ. Я увижу ваши галереи, пантеоны, академіи, театры, маскарады, балы, гулянья. Услышу музыку, пѣвцовъ, пѣвицъ.

« Изучу искусство. Нагляжуся на изящество. Надышуся ароматнымъ воздухомъ. Нанѣжуся подъ тѣнью благовонныхъ растений. « Наслажуся, уморюся, и плотно набитой познаніями, на воздухомъ аэростатѣ перелечу изъ заморскихъ странъ, въ край родной, упаду на родную землю, и отъ радости лопну: сколько мелодическихъ звуковъ, исторгнется изъ меня; сколько выйдеть картинъ, видовъ; вытечетъ морей, выростетъ дѣсовъ; я вздуюся горой, раскинуся цвѣтистою долиной, превращуся въ пастушка, разурмянюся красавицею, прикинуся кокеткою; какъ левъ замахаю длинною гривой, какъ пасторъ стану проповѣдывать».

Къ-счастью, это было только пустое хвастовство; господинъ Упрямовъ не вздулся горой, не лопнулъ отъ радости Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ влюбился въ Катеньку. Эта Катенька была родственница его сосѣдей, Доброхотовыхъ, и дѣвушка съ состояніемъ. Упрямовъ готовъ былъ на ней жениться; но на его бѣду разъ за обѣдомъ случилась непріятная исторія, которая разстроила всѣ его желанія.

« Изъ дамъ обѣдать пришли только хозяйка, да Катенька, другіе постычались, кажется это была пятница. Хозяинъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ, хозяйка на своемъ. Катенька подѣ хозяйки. Упрямовъ послѣдній подошелъ къ столу, и вида много не занятыхъ приборовъ, хотѣлъ помѣститься за ближайшимъ къ нему, но слуга проворно выдвинулъ стулъ сосѣдній съ Катенькинымъ, приглашая этимъ какъ обыкновенно водится, тутъ садиться. Не поправилось Упрямову это распоряженіе, однако изъ деликатности онъ сѣлъ на немъ».

Сѣлъ, посидѣлъ, а потомъ всталъ, поѣхалъ къ Верхоглядовымъ и влюбился въ двухъ сеѣтръ разомъ, въ Клавдію и въ Аграфену. Аграфена очень хорошо пѣла разныя штучки изъ оперы «Русланъ», а Клавдія больше любила книжки читать. Дѣла пошли было очень хорошо. Упрямовъ посвящалъ свои сочиненія Клавдіи и наслаждался прекраснымъ голосомъ Аграфены; но судьба, кажется, подрядилась мѣшать ему вездѣ и всегда. Этого человека рѣшительно преслѣдовала неудача за неудачей; вообразите себѣ, какой странный случай вышелъ съ нимъ у Верхоглядовыхъ :

« Смеркалось. Въ домѣ кой-гдѣ показывались огни. Упрямовъ во-

« шель въ кабинетъ Верхоглядова. Едва отыскали они предѣтъ
 « къ разговору, какъ шумъ женскаго платья послышался въ со-
 « едней съ кабинетомъ комнатѣ, и она освѣтилася. За этия
 « чья-то рука упала на дремавшія клавиши рояля. Струны затря-
 « сались, застонали, и звучно вылились въ стройной аккордъ. Кто-
 « то сдѣлалъ руладу, еще, еще, и голосъ вторя себѣ запѣлъ арію
 « изъ оперы Русланъ. Разумѣется разговоръ прекратился, и Упря-
 « мовъ ушелъ слушать.

« Предъ роялемъ были обѣ дѣвнцы Верхоглядовы.

« Когда Упрямовъ подошелъ къ нимъ, Аграфена перестала пѣть,
 « и съ живостью оборотившись къ нему, сказала: мы читали
 « ваше сочиненіе.

« Упрямовъ поклонился молча.

« Отчего вы не хотѣли дать прямо намъ?

« Я не зналъ угодно ли вамъ это.

« Съ-тѣхъ-поръ Клавдія потеряла свою откровенность; сдѣла-
 « лась съ Упрямовымъ не свободною. Аграфена напротивъ, ста-
 « ла любезнѣе. Часто говорила объ его сочиненіи. Хвалила его
 « мысли. Пѣла при немъ лучшія піесы, которымъ Упрямовъ от-
 « давалъ полную справедливость. И скоро сочувствіе мысли къ
 « руладѣ, началось между ими. Но Клавдія не всегда была та-
 « кою. По временамъ природный ея характеръ возвращался. И
 « одинъ разъ съ свойственною ей простотою просила описать
 « балъ, на которомъ Упрямовъ хотѣлъ быть. Упрямовъ испол-
 « нилъ ея желаніе, и отослалъ къ ее отцу, прося ея пере-
 « дать.

« Всѣ длинныя..... длинныя лица.... нашелъ Упрямовъ въ домѣ
 « Верхоглядовыхъ. Статью приняли за откровеніе въ любви.

« Не легко было Упрямову безъ словъ, однимъ поведеніемъ,
 « доказать ошибку Верхоглядовымъ. Не легко простила ему сдѣ-
 « санное предпочтеніе сестрѣ, и Аграфена. Она долго мстила
 « ему то гордымъ словомъ, то подговаривала своихъ родныхъ
 « сдѣлать надъ нимъ какую нибудь школьную штуку въ танцахъ.
 « Но слова онъ принималъ равнодушно, штука ни одна не уда-
 « лася, пришлось ей успокоиться.

« Не входя въ подробности, довольно сказать, что изъ опро-
 « метчиваго сужденія Верхоглядовыхъ, Упрямовъ сдѣлалъ три
 « заключенія: что старшая сестра управляетъ слабою волею мень-
 « шей сестры, что сама имѣетъ дурной нравъ, и что за нимъ

«наблюдали. Почувствовавъ себя будто связаннымъ по рукамъ «и ногамъ, у Верхоглядовыхъ, и сократилъ свои посѣщенія».

Послѣ этого Упрямовъ, разумѣется, не захотѣлъ жениться, еще разъ вернулся къ Маріи Гордеевой, потомъ мимоходомъ попробовалъ, нельзя ли устроить дѣло съ Катенькой и кончилъ тѣмъ, что ни на комъ не женился, а сдѣлался сочинителемъ романа, подъ заглавіемъ: *Имѣть, и быть*, котораго слогъ, грамматика и правописаніе изъ вышеписаннаго явствуютъ.

моя — или ничья! или. *Клятва двухъ соперниковъ. Повесть* (1769 — 1772). Сочиненіе О. Г. Ш.-бургъ, 1846, въ тип. Губернскаго Правленія, въ-16., двѣ части, стр. 208, 173.

Въ этой повѣсти дѣйствующія лица — всё графы, да князья, Суворовъ, Дюмурье и другія историческія лица; всё они выражаются самымъ отборнымъ, высокимъ слогомъ, даже лакеи и Жиды говорятъ не иначе, какъ среднимъ слогомъ, съ разными приличными украшеніями. Содержаніе повѣсти взято изъ войны польскихъ конфедератовъ. Героиня этого романа — панна Марія, дочь графа Бржечинскаго, «юная, свѣжая, благоуханная, роскошная, какъ только-что распустившаяся роза, упительная, какъ поцѣлуй любви». Въ благоуханную Марію влюбленъ одинъ изъ ея родственниковъ, графъ Левшинскій, человекъ ужасный, «который не вѣровалъ ни во что, ни въ какое чувствованіе». Благоухающая Марія, которая не отвѣчала этой любви, разъ отправилась, по своему обыкновенію, къ бѣдному и большому подкоморію «съ намѣреніемъ помочь несчастному». Злодѣй Левшинскій, который не вѣровалъ ни въ какое чувствованіе, узнавъ объ этомъ, *быстрые ласточки*, полетѣлъ за своей жертвой. Но вдругъ «въ ту самую роковую минуту съ шумомъ и трескомъ отворилась дверь — и изумленнымъ взорамъ похитителя предсталъ неожиданно русскій офицеръ». Это былъ князь Чергальскій. Онъ спаетъ благоухающую дѣву изъ рукъ разъяренного и благородный *владѣтель Бржечина* предложилъ ему свою дружбу. Панна Марія и Москаль скоро полюбили другъ друга, за что владѣтель Бржечина назвалъ Москаля соблазнителемъ и выгналъ его изъ дому.

Въ домѣ графа Бржечинскаго шруютъ конфедераты. Въ саду стоитъ таинственный незнакомецъ, томимый лпхорадочнымъ ожиданіемъ. Къ нему выходитъ Марія. Владиміръ, воскликнула она, и упала на грудь своего любезнаго. Ангелъ мой небесный, от-

вѣчаетъ князь Чергальскій. Послѣ этого вѣжные любовники заговорили между собой такимъ высокимъ слогомъ, что обратили на себя вниманіе двухъ измѣнниковъ, уже готовыхъ поразить прекрасную чету. Но «въ эту самую минуту прекрасный, мужественный юноша, какъ ангелъ смерти, предсталъ изумленному предательству. Молніей сверкнула стальная полоса — и отвратительная голова, свалившись съ широкихъ плечъ предателя, уже обагрила зеленую мураву.... Не медлилъ юноша; съ легкостію быстроногой лани пустился онъ за другимъ предателемъ, который успѣлъ убѣжать». Этотъ быстроногіи юноша — былъ панъ Владиславъ Слупинскій, который спасъ Марію и уводитъ ее черезъ потаенный ходъ отъ князя Чергальскаго. Князь, провожая ее взоромъ, говорить :

« — Иди, прелестная дѣва! и какъ далеко, и гдѣ не будешь ты, ты всегда останешься у моего сердца! Такъ при закатѣ солнца, прибавилъ Чергальскій, накинувъ на плеча плащъ, — «тѣнь огромнаго дерева бѣжитъ вдаль по долигѣ, но крѣпко «остается при корнѣ его.

О мужественный всадникъ! о храбрый, русскій офицеръ! Онъ и въ эту страшную минуту выражается такимъ высокимъ слогомъ, что у самаго хладнокровнаго читателя волосъ становится дыбомъ.

Между-тѣмъ злодѣй Левшинскій, отправляется за совѣтами къ езуиту Елковичу, человѣку умному и коварному, настоящему Родену въ маленькомъ видѣ. Къ нимъ присоединяется жидъ Израиль, который приноситъ извѣстіе о ночномъ посѣщеніи князя Чергальскаго. Левшинскій не вѣритъ Жиду, но страшное появленіе князя разрушаетъ его сомнѣнія. Соперники вступаютъ въ кровопролитный бой; Левшинскій повалился, Елковичъ кричитъ: «Гей! хлопцы, сюда! Вдругъ какъ-бы волшебною силою, въ стѣну образовалась дверь и изъ нея, подобно духамъ тѣмы, выско- «чло нѣсколько человѣкъ вассаловъ съ обнаженнымъ оружіемъ». Чергальскій побиваетъ вассаловъ езуита и выскакиваетъ въ окно. Левшинскій испускаетъ яростный крикъ и голосомъ, отъ котораго стѣны задрожали, восклицаетъ: «Крови не вижу! Крови дайте!» Сцена ужасная и сплошь написанная высокимъ слогомъ.

Послѣ этого владѣтель Бржечина предлагаетъ своей благоухающей дочери въ женихи стараго пана Лыцкаго; но благовонная

Марія отказывается; открываетъ своему благородному родителю, что безъ памяти любить неустрашимаго русскаго воина и произносить слѣдующую рѣчь:

«Могла ли я не желать безпрестанно видѣть того, который спасъ мнѣ жизнь — честь мою? Могла ли быть равнодушна къ словамъ его, безъ участія смотрѣть на глубокую печаль, выражавшуюся на его лицѣ, и слыша его вздохи, когда онъ сморѣлъ на меня, могла ли не сказать: «что могу я для тебя сдѣлать, другъ мой? для тебя, которому столькимъ обязана?» — «Полюби меня, ангелъ мой, Марія!» сказалъ онъ мнѣ однажды на эти слова. И я, вмѣсто отвѣта, склонила голову свою ему на грудь, — и первый поцѣлуй любви запылалъ на нашихъ устахъ. «О! теперь ты моя! моя—или ничья!» воскликнулъ онъ потомъ, крѣпко прижавъ меня въ свои объятія, какъ бы кто хотѣлъ оторвать меня отъ его груди. «Ты моя,» сказалъ онъ мнѣ еще,—хотя бы весь свѣтъ сталъ между мной и тобою, ты моя! моя — или ничья!» — «Я твоя! твоя — или ничья!» отвѣчала я ему, — и одна лишь смерть можетъ насъ разлучить!

«Открывая тайну начала своей любви съ этимъ простымъ, не притворнымъ краснорѣчіемъ, Марія, казалось, все забыла; въ эту минуту въ глазахъ ея все исчезло: одинъ только Владиміръ, какъ путеводная звѣзда, сіялъ передъ нею въ полномъ блескѣ своей красоты.

По этимъ словамъ читатель легко убѣдится, какія понятія имѣеть авторъ романа о высококомъ слогѣ, когда онъ даже эту торжественную рѣчь называетъ простымъ, непритворнымъ краснорѣчіемъ. Ему все кажется мало; онъ рѣшительно не находитъ достойныхъ выраженій для юной графини. А между-тѣмъ всѣ дѣйствующія лица объясняются только самыми отборными словами; мужъ и жена иначе не говорятъ другъ другу какъ: мой супругъ, моя супруга. Никто не скажетъ ротъ, лобъ, губы, щеки. Фи! какъ это можно! всѣ говорятъ: уста, очи, чело, ланиты. Но несмотря на краснорѣчіе автора, владѣтель Бржечина не обращаетъ вниманія на признаніе Маріи; онъ уже готовъ ее проклинать, но еще удерживается и уходитъ, «не оглядываясь backward». Юный Владиславъ Слупинскій утѣшаетъ несчастную Марію.

Между тѣмъ злодѣй Левшинскій, при содѣйствіи гнусныхъ по-

мошннковъ во второй розъ похищаетъ благоухающую дѣву. И вотъ она передъ нимъ; въ его объятяхъ; но Марія гнушается его ласками и съ презрѣнiемъ отвергаетъ постыдныя предложенiя Левшинскаго.

« Какъ змiя могучими кольцами, страсть обвивала все существо « его; онъ чувствовалъ ея могущество надъ собою и, не въ-си-
« лахъ будучи ей противиться, съ безумiемъ обхватилъ обѣими
« руками колѣна прекрасной, — и поцѣлуп, какъ раскаленное же-
« лѣзо, жгилъ невинность.

« О! прочь отъ меня, прочь, ради самого Создателя! восклик-
« нула Марія, испуская отчаянные вопли. « Оставь меня, ужасный
« человѣкъ!

« — Скажи, что ты не ненавидишь меня; скажи мнѣ одно слово
« ласки; скажи одно только слово — и если уже не ласки — то
« хотя слово надежды, сомнѣнiя, страху, только—о! не отчаянiя;
« скажи мнѣ, что вѣкогда ты можешь любить меня!

« Прочь.... о! прочь отъ меня!... я чувствую.... охъ! кровь сты-
« нетъ въ моихъ жилахъ.... зрѣнiе мое меркнетъ! — Боже, защити
« меня!...

« Сраженная ужасомъ и отчаянiемъ, Марія опустила въ кре-
« сло, безсильная, чтобъ еще стоять на ногахъ; голова ея скло-
« нилась назадъ, а шаль, скатившись съ плечъ, открыла глазамъ
« Левшинскаго всю ихъ ослѣпительную бѣлизну и прелесть рос-
« кошную.

« — О! я укушачу тебя моими палящими поцѣлуями! вскри-
« чалъ графъ, пожраемый изступленною страстию.

« И преступныя горячiя уста жадно впились въ открытую
« часть прелестнѣйшаго тѣла.

« Великiй Боже! Будь милосердъ ко мнѣ! слабымъ голосомъ
« молила несчастная.

« Она не въ-состоянiи была уже противиться изступленнымъ
« ласкамъ графа; но, по возможности, старалась прикрыть свою
« дѣвственную грудь, которую пожиралъ уже глазами дерзкiй
« сластолюбецъ.

« — Марiя! ангелъ мой! полюби меня; спаси меня отъ ужа-
« совъ отчаянiя, сумасшествiя, самоубiйства!.. О! неужели такая
« моя любовь не трогаетъ тебя?...

« Проклинаю любовь твою, хищникъ, злодѣй!

« Подобно разъяренному тигру, вскочилъ Левшинскiй; яростно
« засверкавъ глазами, онъ громкимъ голосомъ вскричалъ:

« — Кляни, кляни любовь мою! — но твоє проклятія ни на во-
 « дось не отодвинуть меня отъ цѣли, непреклонная Марія! И ты
 « узнаешь, что значитъ оскорбленная любовь. Участь твоя ужъ
 « рѣшена, и ты сдѣлаешься моею невольной....

« Сказавъ послѣднія слова, Левшинскій подошелъ къ Маріи въ
 « намѣреніи схватить ее; но та съ быстротою молніи отскочила
 « отъ него въ самый отдаленный уголъ комнаты.

« Боже праведный и милосердый! воскликнула она сложивъ
 « крестомъ руки: — «Твоей благодати остается теперь пощадить
 « меня, несчастную. Къ Тебѣ одному взываю; къ Тебѣ, защит-
 « ннику невинности, прибѣгаю: спаси меня! — Графъ! обратилась
 « она потомъ къ Левшинскому: — ужели душа ваша не знаетъ
 « чувствъ добродѣтельныхъ и не вѣдаетъ, что значитъ такое со-
 « страданіе или справедливость?

« — Кромѣ гласу любви, ничему я не внемлю, рѣшительнымъ
 « голосомъ отвѣчалъ графъ. Покорись: сопротивленіе бесполезно;
 « рѣшеніе неизмѣнно; напрасно вздумала бы ты кричать, про-
 « тивиться: никто не услышитъ твоего голоса!...

« Левшинскій вѣсколько подався впередъ.

Но Марія съ мужествомъ защищается противъ жестокаго Лев-
 « шинскаго, который продолжаетъ кипятить поцѣлуями открытую
 « часть прелестнѣйшаго тѣла. Она не переживаетъ этой минуты;
 « она требуетъ смерти.

« Блеснулъ булатъ въ рукахъ Левшинскаго. Марія, готовая
 « принять роковой ударъ.... открыла грудь. При видѣ прелестей
 « еще болѣе роскошнѣйшихъ, сталъ вдругъ недвиженъ гордый
 « сластолюбецъ; съ минутой походилъ онъ болѣе на статую изъ
 « мрамора, чѣмъ на живое существо. Какая картина!...

« — Нѣтъ! нѣтъ! клянусь небомъ и адомъ — ты такъ не ум-
 « решь! — нѣтъ! — ты моя, Марія, — тѣломъ и душою!...

« Подобно голодному барсу, бросился графъ на беззащитную
 « жертву, схватилъ ее могучими руками!...

« Вдругъ, дверей — какъ не бывало. Съ обнаженнымъ мечомъ
 « въ рукахъ, какъ ангелъ мщенія, влетѣлъ Владиміръ. Не вы-
 « пуская изъ рукъ безчувственной Маріи, голова которой опусти-
 « лась на шпирокія плеча графа и кудри волосъ разсыпались по
 « его груди, подобно дикой лозѣ винограда, поддерживаемой ду-
 « бомъ утеса, Левшинскій невольно взглянулъ на мстителя, не-
 « бомъ, казалось, самнитъ испосланнаго, и глаза его налились

« кровью при видѣ ненавистнаго имъ соперника. Пораженный
 « этой внезапною сценою, Чергальскій вдругъ, какъ бы окаменѣ-
 « лый, остановился, и остріе его меча, по невольному движенію
 « державшей руки, устремилось внизъ. Слѣдовавшіе за Владими-
 « ромъ — Евгений и нѣсколько солдатъ, не менѣе пораженные
 « этою неожиданностію, съ чувствомъ негодованія наложили руки
 « свои на оружіе. Опять какая картина!

« — Адъ! съ скрежетомъ зубовъ произнесъ про себя Лев-
 « шинскій.

« — Владимиръ! спаси меня! — воскликнула Марія, придя въ
 « чувство; но, безсильная, чтобъ держаться на ногахъ, пала къ
 « ногамъ Чергальскаго.

« Вдругъ адская улыбка исказила черты лица Левшинскаго.
 « Обращаясь къ Владимиру, онъ сказалъ ему:

« — Еще привѣтствую тебя, панъ Чергальскій, защитникъ не-
 « винности. Ты опоздалъ уже; часомъ бы раньше—такъ; а те-
 « перь — возьми эту дѣвчонку — теперь мнѣ ея не нужно: я на-
 « конецъ достигъ того, что такъ долго волновало мои желанія.

« Съ послѣднимъ словомъ Левшинскій съ быстротою молніи
 « бросился въ альковъ; Евгений быстро за нимъ послѣдовалъ; но,
 « альковъ, къ общему удивленію, былъ уже пустъ, и не было
 « даже ни малѣйшаго признака, куда бы графъ могъ скрыться.

« — Онъ лжетъ! кричала въ отчаяніи Марія:—не вѣрь ему Вла-
 « димиръ! Я невишна по-прежнему; онъ клевететь на меня!...

« Мечъ выпалъ изъ рукъ Владиміра, блѣднаго въ ту минуту,
 « какъ полотно....

« Марія вскочила — подошла къ Владимиру — посмотрѣла на
 « него — и.... вдругъ захохотала.... хохотомъ невстывимъ и див-
 « нымъ.

« Ужасная мука сжала сердце Чергальскому; все вокругъ него
 « какъ-будто завертѣлось и запырало.... онъ зашатался.... Марія
 « всё смѣялась....

« Прекрасная дѣва сошла съ ума. Графъ Бржечинскій приводитъ
 « ней храбраго Чергальскаго и говоритъ ему: « Спасите ее —
 « она будетъ ваша. » Благородный витязь съ силою выдернулъ
 « убійственное оружіе и громкимъ голосомъ восклицаетъ:

« — Марія! клянусь тебѣ моею любовью, что я не вложу сабли
 « моею въ ножны до-тѣхъ-поръ, пока не напою ее дѣсыта кровью
 « злодѣя, а она жадна и не утолится до послѣдней капли. О! не

« измѣни и ты мнѣ, старинный товарищъ, присовокупилъ Владиміръ, прижимая къ устамъ своимъ стальную полосу: какъ « измѣнили мнѣ всѣ надежды и желанія!

« Быстро махая въ воздухѣ саблею и съ крикомъ: — мщеніе и « смерть ужасная злодѣю! Чергальскій, какъ серна, летѣлъ изъ « замка, скорѣе похожій на отчаяннѣйшаго изъ головорѣзовъ, « нежели на защитника угнетенной невинности.

Такимъ образомъ неустрашимый воинъ, какъ серна, долетѣлъ до Сталовичей, сразился съ конфедератами, высадилъ графа Левшинскаго изъ сѣдла и раненный имъ рухнулъ на землю. Послѣ этого читатель встрѣчаетъ храбраго русскаго воина въ темницѣ его соперника. Извергъ Левшинскій, « какъ настоящій убійца, « вѣтъ! какъ палачъ, какъ дьяволъ, воплощенный соблазнитель « рода человѣческаго, » грозитъ ему смертью; но въ эту роковую минуту является другъ Владиміра, Евгений и « пуля вырываетъ « изъ рукъ злодѣя кинжалъ. » Освобожденный Чергальскій отправляется къ Маріи, которая къ этому времени, слава Богу, выздоровѣла и, наконецъ « сопрягается » съ нею узамъ законнаго брака. На свадьбѣ князя присутствовали « самъ Суворовъ, который, про- « щаясь съ любезными хозяевами замка, устремилъ глаза свои « на прекрасную княгиню и прибавилъ, что если присутствіе его « здѣсь еще продолжится, то онъ будетъ находиться въ опасно- « сти потерять совершенно свою свободу, потому что, присово- « купилъ еще Суворовъ: Je ne me vens pas assés fort pour « ma défendre contre vos chormes. » Сказавъ эту любезность и не заботясь о французскомъ правописаніи, Суворовъ раскланялся.

Если благосклонный читатель воображаетъ, что тѣмъ наконецъ и кончились всѣ несчастія храбраго Чергальскаго, то онъ непростительно ошибается. Злодѣй Левшинскій не спитъ; онъ выдумываетъ съ гнуснымъ езуитомъ Елковичемъ новыя злодѣянія. Судьба войны на время удалила Владиміра отъ Маріи. Вдругъ на берегахъ широкой Вислы, по наущеніямъ коварнаго Левшинскаго къ нему подходитъ злокачественный егеръ Ягелло. Сей безчеловѣчный извергъ увѣряетъ князя, что прекрасная Марія, въ его отсутствіе, принимаетъ вѣжныя посѣщенія Владислава Слупинскаго. Благородный воинъ восклицаетъ: « никто въ мірѣ не « дерзнетъ въ глазахъ моихъ опровергать добродѣтель моей су- « пруги! » Онъ принимается хохотать « хохотомъ неистовымъ « и дикимъ », и безъ замедленія отправляется къ Маріи. Увы!

несчастный князь застаётъ недостойную супругу въ объятіяхъ юнаго Слупинскаго.

« Сабельный ударъ ускорилъ паденіе Маріи.

« Слупинскій съ бѣшепствомъ кинулся на Чергальскаго.

« Сабли заасверкали.

« Вдругъ остріе убійственной стали вонзилось въ грудь Владимира. Онъ открылъ глаза, положилъ руку на сердце Маріи и съ словомъ: ничья! закрылъ ихъ потомъ на вѣки ».

Но по происшествіи этихъ вѣковъ, неустрашимый Чергальскій снова открываетъ глаза и прекрасная Марія тоже послѣдовала его примѣру.

Владимиръ узнаетъ, что Владиславъ Слупинскій никто иной, какъ братъ его жены. Старая владѣтельница Бржечлева, въ молодости своей предалась одному французскому офицеру и отъ него родила юнаго Владислава. Послѣ этого объясненія Владимиръ « клялъ часть своего рожденія, клялъ сердце подъ которымъ лежалъ еще безчувственный, клялъ первый ударъ пуляса всеобщей жизни; клялъ и любовь и надежду; быстро кинулся къ оружію и схвативъ его въ руки, съ дикою радостью присвокупилъ: — Сталь благодатная! дай мнрѣ моему сердцу, погрузившись въ него спасительно!» Но Владиславъ и Марія не захотѣли, чтобы благодатная сталь погрузилась въ его сердце — и Владимиръ остался живъ.

Между тѣмъ злодѣй Левшинскій, какъ прямой наследникъ Маріи, успѣлъ уже занять замокъ графа Бржечлевскаго. Въ обширной и великолѣпной залѣ онъ пируетъ съ своими пріятелями. Тутъ и пронипательный патеръ Елковичъ, и коварный Ягелло, и хитрый жидъ Израиль. Пиръ идетъ горой; гости шумнымъ но не менѣе высокими слогомъ бесѣдуютъ о смерти Владимира и Маріи. Но дверь открывается и прекрасная чета, въ бѣлыхъ саванахъ, какъ привидѣнія, является на порогѣ. Ужасная картина! Благородный Евгенийъ « вонзаетъ холодную сталь въ грудь коварнаго егеря Ягелло», злодѣй Левшинскій съ дикимъ хохотомъ хватаетъ пронипательнаго патера Елковича за горло; Жидъ Израиль отравляетъ папа Левшинскаго.

« Картина была ужасна! — Здѣсь графъ Левшинскій со всклоаченными волосами, въ великолѣпно-красной, но измятой одеждѣ, въ изступленія кидующійся на стѣны! — тамъ — въ своемъ езуитскомъ нарядѣ — распростерты на полу, патеръ Елковичъ

« съ пѣною во рту и закатившимися за лобъ зрачками: тутъ егеръ
« Ягелло, истекающій кровью; далѣе — два живые мертвеца! А
« за ними — три воина съ обнаженными оружіемъ!

« Картина эта, по всей справедливости, достойна была кисти
« искусѣйшаго живописца».

Авторъ этого романа сохранилъ ее для потомства.

Спустя два мѣсяца послѣ этого событія, Чергалскій, вѣз-
жая въ петербургскую заставу, сказалъ Маріи:

« — Ты моя..... моя!

Подорожную прописали; унтеръ-офицеръ закричалъ часовому:
Подвысь! — «А Марія, обративъ къ небесамъ свои чистые глаза,
вкругомъ разливавшіе миръ и свѣтъ, отвѣчала ему:

«Я твоя.... твоя!.....»

дѣвица отшельница, *водевиль* господина Григорьева 1-го.
Два рода безумія, *драматическія сцены въ двухъ отдѣленіяхъ*
А. П. Славина. *СП.-бургъ, 1846, въ тип. военноучебныхъ заведе-*
ній, въ-16., стр. 153.

«Дѣвица-отшельница» — переводъ французскаго водевиля *La*
chanoinesse, который имѣлъ большой успѣхъ на Михайловскомъ
театрѣ. Переводъ удостоился такой же чести на русской сценѣ.
Возлѣ этого скромнаго водевиля помѣщены драматическія сцены
господина Славина, съ свѣтскими женщинами, съ сумасшедшимъ
художникомъ и съ раздвѣряющими эффектами. Бѣдная вдова, Марья
Петровна Холмина, послѣ трехлѣтней разлуки, является къ доче-
ри своей, которая вышла за богатаго и знатнаго человѣка. Софья
Александровна Дольская очень недовольна посѣщеніемъ бѣдной
матери, которая не имѣетъ никакого понятія о деликатности свѣт-
скаго обращенія. Марья Петровна, убитая грубымъ обращеніемъ
дочери, сходитъ съ ума; Александръ Павловичъ Дольскій въ
страшномъ негодованіи на гнусный поступокъ жены; Софья
Александровна раскаивается; Марья Петровна приходитъ въ себя;
докторъ говоритъ, что она черезъ недѣлю будетъ здорова и дра-
матическія сцены господина Славина, къ общему удовольствію,
оканчиваются примиреніемъ всѣхъ дѣствующихъ лицъ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕПЛЫЕ РЕЗЬЯТА. *Не романъ и не повѣсть, а*
такъ небольшая парижская сказочка. Пародія Алексѣя Пого-
лова. Москва, 1846, въ тип. Лазарев. инстит. восточ. языковъ,
въ-12., въ двухъ частяхъ; стр. 29, 56.

Содержаніе взято изъ маленькой французской статейки, въ ко-

торой очень мило рассказывается повѣсть о томъ, какъ мошенники въ Парижѣ пользуются простодушіемъ неопытныхъ провинціаловъ. Переводъ разведенъ и приправленъ русскимъ, домогощеннымъ остроуміемъ господина Алексѣя Поспѣлова и изданъ на сѣрой бумагѣ, въ маленькой книжечкѣ, которая безъ всякой надобности раздѣлена на двѣ части, для удовольствія и соблазна любителей сѣрой, оберточной литературы.

ПРАВЫ, ОБЫЧАИ И ПАМЯТНИКИ *всѣхъ народовъ земнаго шара*. Изданіе А. Семена и А. Стойковича. *Индустанъ, Заганскій полуостровъ*. Москва, 1846, въ тип. Семена, въ-8., стр. IV и 470.

Вотъ начало прекраснаго и полезнаго предпріятія, достойнаго общаго участія и полнаго успѣху. Первый томъ этого изданія заключаетъ въ себѣ подробное описаніе Остѣ-Индіи, раздѣленное на Индустанъ и Заганскій полуостровъ. Описаніе Индустана принадлежитъ господину Тютчеву; статья о Заганскомъ полуостровѣ составлена господиномъ Стойковичемъ. Это добросовѣстный трудъ, который отличается полнотою и разнообразіемъ свѣдѣній; это не сухой переводъ, а полная сводная книга, составленная по лучшимъ, новѣйшимъ сочиненіямъ, богатая живыми и занимательнымъ разнообразіемъ содержанія. Издатели не щадили издержекъ и украсили книгу свою прекрасными художественными приложеніями, большею частью заимствованными изъ иностранныхъ сочиненій; типографическая роскошь изданія вполне соответствуетъ занимательности его содержанія. Эта книга дополняетъ важный недостатокъ въ русской литературѣ, столь бѣдной хорошими географическими сочиненіями. Второй томъ долженъ заключать въ себѣ описаніе Китая и Японіи; онъ будетъ украшенъ такими же богатыми художественными приложеніями. Продолженіе этого прекраснаго и полезнаго предпріятія будетъ зависеть отъ успѣха первыхъ двухъ томовъ; но въ успѣхѣ сомнѣваться нельзя, потому что всякая хорошая книга и на Русь находитъ читателей.

ЗАПИСКИ РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. *Книжка I. СПб.-бургъ, 1846, въ тип. И. Академіи Наукъ, въ-12., стр. 145.*

До-сихъ-поръ Россія еще очень бѣдна хорошими географическими свѣденіями, несмотря на то что содѣйствіе правительства, труды и пожертвованія частныхъ людей всегда поддерживали каждое полезное предпріятіе этого рода. Много было отдѣльныхъ

трудоѣ, много было собрано матеріаловъ, но всѣ они разбросаны по архивамъ, или остаются неизданными въ рукахъ частныхъ людей. Всѣмъ этимъ трудамъ недоставало средоточія; для науки они остались мертвымъ капиталомъ. Недостатокъ свѣдѣній по географіи, статистикѣ и этнографіи, и потребность общаго средоточія для всѣхъ отдѣльныхъ трудовъ этого рода, послужили основаніемъ русскаго географическаго общества, котораго первые труды изложены въ этой книжкѣ. Въ самомъ началѣ помѣщены: составъ географическаго общества, его временный уставъ, основаніе и кругъ будущихъ его занятій.

Послѣ этого слѣдуютъ статьи, читанныя въ первыхъ собраніяхъ общества. Въ *обзоръ географическихъ работъ въ Россіи*, академикъ Струве описываетъ во всей подробности нынѣшнее состояніе географическихъ изслѣдованій въ европейской Россіи. Въ *историческо-статистическомъ обзорѣ монетнаго дѣла въ Россіи*, дѣйствительный членъ К. П. Арсеньевъ изобразилъ состояніе нашего монетнаго дѣла до временъ Екатерины-Второй. Статья господина Савича заимствована изъ отчета господина Фреймана о владѣніяхъ Гудсонбейской Компаніи. Дѣйствительный членъ А. П. Болотовъ представилъ отчетъ *о современномъ состояніи географическихъ и топографическихъ дѣйствій*.

Въ прекрасной и занимательной статьѣ ученаго академика Бера, излагается важность этнографическихъ изслѣдованій въ настоящее время. Эти изслѣдованія, столь необходимыя для будущей исторіи народа, одни не подвергаются измѣненію и навсегда остаются живымъ и вѣрнымъ памятникомъ его прошедшей жизни. Древніе не заботились объ особенностяхъ другихъ народовъ. Греки, гордые собственнымъ образованіемъ, называли ихъ варварами и первое сколько-нибудь полное этнографическое сочиненіе заключается въ знаменитомъ произведеніи Тацита: *De situ et moribus Germaniæ*. Это равнодушіе или гордое пренебреженіе къ такъ-называемымъ варварамъ, лишило насъ свѣденій, столь необходимыхъ для полной исторіи народовъ; многіе изъ нихъ сошли съ лица земли, не оставивъ никакого слѣда о своемъ существованіи. Наше время убѣдилось въ важности этнографическихъ изслѣдованій и въ необходимости сохранять для потомства матеріалы, которые съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изглаживаются. Далѣе слѣдуютъ мысли знаменитаго академика о различіи челоувѣческой породы, о причинахъ племенныхъ особенностей, о вліяніи мѣстности на характеры и развитіе народовъ. Конецъ

этой превосходной статьи заключается въ разсказѣ нѣсколькихъ случаевъ изъ жизни этого благороднаго ученаго, которые находятся въ тѣсной связи съ главными идеями его разсужденія. Читатели «Библиотеки для Чтенія» съ удовольствіемъ прочтутъ этотъ занимательный отрывокъ.

« Во время посѣщенія мною Новой Земли для изученія тамошнихъ произведеній, я былъ пораженъ строгостью, съ кою промышленники слѣдуютъ правиламъ, введеннымъ обычаемъ. Эти правила исполняются точнѣе, чѣмъ писанные законы во всѣхъ государствахъ. Всеобщее въ русскомъ народѣ обыкновеніе устраивать артели для общихъ промысловъ, здѣсь доведено до высшей степени. Всѣ промышленники одного судна составляютъ артель, въ коей меня удивляла власть хозяина, ибо хотя прежде плаванія всѣ промышленники равны ему и дѣлаются опять равными по возвращеніи съ промысла, но въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ морѣ, я не видалъ ни одного случая неповиновенія волѣ хозяина нашего судна и даже не слышалъ малѣйшаго противорѣчія. Хозяинъ же этотъ былъ притомъ только половнищикомъ. Другой участникъ находился также съ нами, но пачальство предоставлено было первому, какъ болѣе опытному моряку и потому товарищъ его вовсе не вмѣшивался въ распоряженія, а напротивъ-того удалялся всякій разъ, когда требовалось рѣшиться на что-нибудь важное. Когда нѣсколько судовъ сходятся въ одной бухтѣ, они никогда не мѣшаютъ другъ другу въ промыслѣ. Хозяинъ послѣдне-пробывшаго судна, немедленно по положеніи якоря, объявляетъ, желаетъ ли онъ составить одну артель съ прочими и сколько человекъ отправить на промыслъ, ибо добыча дѣлится поголовно, или остается отдѣльной артелью. Въ первомъ случаѣ хозяева составляютъ общій планъ промысла, а въ послѣднемъ сговариваются, какимъ образомъ отправить своихъ людей по различнымъ заливамъ. Никто одинъ другаго не обманываетъ ложными вѣстями, но каждый поступаетъ честно, ибо промышленникъ, незвѣстный за честнаго, не въ состояніи составить артели и не можетъ быть принятъ въ нее. Я никогда не слышалъ, чтобъ на Новой Землѣ въ похвалу кою-либо называли добрымъ, какъ бываетъ часто въ Россіи, но всегда честнымъ. Только объ исправникѣ Кольскаго уѣзда говорили, что онъ добрый человекъ. Это значило, что онъ не исполнѣтъ правдыю не-

«полнял свои обязанности относительно выдачи паспортовъ въ Норвегію. Нашъ хозяинъ вступилъ въ артель съ двумя другими. Я купилъ у нихъ часть добычи, но такъ какъ ловъ былъ вообще неудаченъ, то послѣдніе пойманные звѣри продавались по весьма высокой цѣнѣ. Такъ, напримѣръ, за морскаго зайца назначено было сорокъ рублей. Я согласился дать эту цѣну, но съ тѣмъ, чтобъ мой хозяинъ и люди его получили двадцать рублей, а другія два судна по десяти, потому что наши люди работали больше. Но онъ тотчасъ же возразилъ мнѣ, что этого сдѣлать совершенно невозможно, ибо они уговорились быть въ одной артели, а сдѣланный здѣсь уговоръ долженъ исполняться, безъ исключеній.» — Мы видѣли на Новой Землѣ мышей, но долго не могли поймать ихъ. Тогда я обѣщалъ пятнадцати-лѣтнему сыну хозяина одинъ рубль серебромъ за первую мышъ, которую онъ мнѣ принесетъ, пятьдесятъ копѣекъ серебромъ за вторую и по рублю мѣдью за слѣдующихъ. Вскорѣ Александръ Аванасьевичъ принесъ мнѣ мышъ, но отвѣдая всторону убѣждалъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, чтобы, если я точно хотѣлъ дать ему деньги, не говорить о томъ его отцу, потому что и онъ состоитъ въ артели. Я возражалъ ему, что ловля мышей, конечно, не относится къ ихъ промыслу, и что хотя морскіе звѣри, птицы и самыя перья идутъ въ дѣлежъ, но что за мышей съ Новой Земли, конечно, съ сотворенія міра никто еще не далъ копѣйки. Я говорилъ это съ полнымъ убѣжденіемъ. Это все такъ, отвѣчалъ онъ, но отецъ не дозволитъ мнѣ оставить себѣ деньги. Получивъ деньги, честный мальчикъ не выдержалъ до вечера и рассказалъ отцу о полученномъ рублѣ. Этотъ рубль принадлежитъ артели, сказалъ отецъ, и долженъ быть раздѣленъ такъ же, какъ и тѣ, которые еще получишь. Послѣ онъ считалъ въ Архангельскѣ, въ числѣ добычи отъ промысла, и пойманныхъ мышей. Хозяинъ нашъ получалъ притомъ не много прибыли, ибо ловъ не былъ изобиленъ въ этотъ годъ. Не менѣе удивила меня въ этой странѣ всеобщая безопасность и неприкосновенность собственности при совершенномъ отсутствіи полиціи и правителей. Избы, въ коихъ укрываются временные жители Новой Земли, не имѣютъ замковъ. Обыкновеніе это имѣеть по видимому силу закона. Но изъ такой избы никогда и ничто не пропадало и если бъ вся артель вымерла, то и тогда наследники получили бы слѣдующее имъ. Я самъ видѣлъ избу, коей всѣ жители померли

« отъ цыгги. Это было известно и многіе промышленники хо-
« дили въ нее, но вещи лежали тамъ въ томъ же порядкѣ, какъ
« ихъ оставилъ хозяева; только сихъ послѣднихъ уже не было.
« Вещи эти состояли въ мѣбахъ, которые въ той странѣ равно-
« цѣнны деньгамъ; сверхъ-того тамъ былъ сундукъ съ мелкими
« вещами и вмѣсто замка съ надписью: « *Этотъ сундукъ при-*
« *надлежитъ работнику Нестору.* » Въ концѣ лѣта отправились
« бывшіе тамъ промышленники въ избу, чтобъ вмѣстѣ пересчи-
« тать все, чтò въ ней оставалось и доставить наследникамъ. На
« вопросъ: отчего происходитъ на Новой Землѣ такая вѣрность
« собственности? — получаешь одинъ отвѣтъ: *здесь не украдутъ.*
« Но законъ обычая, препятствующій красть, простирается тамъ
« еще далѣе. Если убитаго звѣря, по отдаленности отъ избы,
« не удобно тотчасъ же отнести туда, то промышленникъ вты-
« каетъ возлѣ него палку, чтò и служитъ доказательствомъ, что
« звѣрь кому-то принадлежитъ, что онъ оставленъ съ умысломъ
« и потому неприкосновененъ. Я самъ видѣлъ лодку, привязан-
« ную на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за три года предъ тѣмъ оста-
« вилъ ее штурманъ Пахтусовъ, который не могъ взять ее съ
« собой, потому что его судно расколотило льдомъ. Слѣдователь-
« но, онъ бросилъ ее, но такъ какъ стоялъ еще шесть, къ кото-
« рому лодка была привязана, то никто и не смѣлъ взять ее.
« Вещь съ подобнымъ знакомъ считается неприкосновенною.
« Какъ-то на берегахъ Лапландіи я нашелъ лодку съ сѣтями и
« разными рыболовными орудіями и возлѣ наклонно воткнутое
« весло. Я хотѣлъ было опереться на него, какъ-вдругъ нѣ-
« сколько промышленниковъ бросились ко мнѣ и просили не тро-
« гать весла, потому что *это грѣхъ.* Только впослѣдствіи объ-
« яснили мнѣ эти слова и увѣрили, что если бъ я оставилъ на
« Новой Землѣ часы, воткнувъ возлѣ нихъ палку, то ихъ, конеч-
« но, никто бы не тронулъ. Неудивительно посему, что такіе
« обычай имѣютъ тамъ силу закона при спасеніи погибающихъ
« и погребеніи умершихъ. Напримѣръ, кто найдетъ умершаго,
« тотъ долженъ немедленно похоронить его, хотя бы терялъ
« чрезъ это благоприятное время для промысловъ. Обыкновеніе
« сіе достойно полного уваженія въ странѣ, гдѣ все удобное для
« промысловъ время не продолжается долѣе шести недѣль, изъ
« числа конхъ половиной нельзя пользоваться по причинѣ дурной
« погоды. Такимъ образомъ едва выдаются двадцать дней,
« втеченіи коихъ должно добыть на цѣлый годъ пропитаніе для

« многихъ семействъ. Тотъ самый промышленникъ, о честности
« коего я выше говорилъ, за три года передъ моимъ прїѣздомъ
« сопровождалъ казеннаго штурмана Пахтусова въ плаваніи дале-
« ко на сѣверъ отъ Новой Земли. Нѣсколько большихъ льдинъ,
« сопровождаемыхъ туманомъ, раздѣлили ихъ. Когда туманъ раз-
« сѣялся, промышленникъ Ереминъ былъ въ большомъ безпокой-
« ствѣ, ибо не видѣлъ болѣе судна Пахтусова и хотя онъ не
« былъ связанъ съ штурманомъ никакимъ условіемъ, но пошелъ
« искать его и, наконецъ, нашелъ на небольшомъ островѣ. Судно
« Пахтусова было расколочено льдами. Люди спаслись на льдинѣ
« и могли взять съ собою только небольшое количество съест-
« ныхъ припасовъ и небольшую лодку. Лыдина пристала къ
« острову, но до Новой Земли они не могли добраться. Радостно
« принялъ ихъ промышленникъ къ себѣ и раздѣлилъ съ ними
« съѣстные припасы свои. Пахтусовъ, желая воспользоваться
« остаткомъ лѣта, просилъ Еремина уступить ему судно его со
« всѣмъ экипажемъ за двѣ тысячи рублей ассигнаціями. Ереминъ
« согласился и въ началѣ зимы Пахтусовъ возвратился въ Ар-
« хангельскъ, гдѣ вскорѣ умеръ. Тогда Ереминъ обратился
« съ просьбой къ начальству о выдачѣ ему двухъ тысячъ рублей.
« Его спросили, было ли заключено имъ съ Пахтусовымъ пись-
« менное условіе? Онъ съ гордостью отвѣчалъ, что не подумалъ
« объ этомъ, когда, найдя Пахтусова на пустынномъ островѣ,
« принялъ къ себѣ его и всѣхъ людей съ нимъ, кормилъ ихъ,
« служилъ имъ и лишился добычи отъ цѣлаго лѣтнаго промысла,
« что, впрочемъ, многіе изъ нихъ живы и находятся въ Петер-
« бургѣ и Архангельскѣ. Еремину отказали по закону, что пре-
« тензіи на казнѣ должны быть подтверждаемы безспорными
« доказательствами. Впослѣдствіи, по новому представленію, что
« казенные люди могутъ погибать прежде, чѣмъ промышленники
« на Новой Землѣ выучатъ законы и что тамошніе обычаи не
« дозволяютъ имъ лгать, Еремину велѣно было выдать деньги,
« но не въ видѣ должнаго, а какъ награду.

« Можно представить себѣ въ какомъ восхищеніи, видѣвъ про-
« мышленниковъ Новой Земли, я прибылъ потомъ къ поморцамъ
« Бѣлаго Моря. Но здѣсь меня увѣрили, что тѣ же люди, столь-
« ко честные, вѣрные и безкорыстные далеко на сѣверѣ, дѣла-
« ются хитрыми и лукавыми въ сношеніяхъ съ полицейскими
« властями. Тамъ они почитаютъ свои обычаи необходимою,

« здѣсь же видятъ въ законахъ только препоны, которыя надобно
 « обойти. Не знаю, справедливы ли жалобы Архангелогородцевъ,
 « но они рѣзко выражаютъ разницу между *законами писанными*
 « и *законами обычая*. Впрочемъ, законы обычая основаны не
 « только на общей необходимости. Они зависятъ также отъ при-
 « родныхъ свойствъ человѣка. Такъ напримѣръ Арабъ считаетъ
 « кровавую мечь священнымъ долгомъ, но обязанности госте-
 « принмства ограждаютъ на время отъ оной и каждый, кто вой-
 « деть въ жилище его, пользуется защитой хозяина, хотя бы она
 « стоила жизни сему послѣднему. Если же случайный пришлецъ
 « есть злѣйшій врагъ хозяина, которому онъ долженъ отомстить
 « кровью, то къ чему обязываетъ Араба честь? Онъ долженъ
 « убить врага, но обязанъ служить гостю. Посему Арабъ даетъ
 « ему лучшаго коня своего и совѣтуетъ спѣшить, ибо едва онъ
 « скроется изъ виду, какъ гостепринимный хозяинъ отправится за
 « нимъ въ погоню. Бурхардъ рассказываетъ, что воръ, который
 « обкрадывалъ жилище Араба и выбѣжалъ оттуда, услышавъ при-
 « ходъ хозяина, получалъ право на гостепринимство и освобож-
 « дался отъ наказанія, если только успѣвалъ прицѣпить къ себѣ
 « веревку, привязанную къ шатру хозяина, ибо тогда онъ почи-
 « тался подъ кровомъ этого шатра. »

МЫСЛИ ИЗРАИЛЬЯНИНА. *Сочиненіе Еврея Абрама Соломонова. Вильно, 1846, въ тип. М. Зимеліовича, въ-12., двѣ части, стр. 86, 38.*

Книга, написанная съ прекраснымъ намѣреніемъ, уничтожить рѣзкіе предрасудки, отдѣляющіе Евреевъ отъ Христіанъ. Авторъ убѣждаетъ своихъ единовѣрцевъ къ различнымъ преобразованіямъ, которыя не противорѣчатъ ихъ религіознымъ постановленіямъ. Онъ разбираетъ положеніе еврейскаго народа въ разныя эпохи его исторіи и отношеніе его къ Россіи въ нынѣшнее время; онъ доказываетъ, что собственная польза Евреевъ требуетъ согласія и сближенія ихъ съ другими народами и поясняетъ многими текстами изъ Талмуда, что такое сближеніе не можетъ противорѣчить ихъ кореннымъ религіознымъ постановленіямъ. Книга написана простымъ языкомъ, который иногда грѣшитъ противъ русской грамматики, но зато и не имѣетъ притязанія на литературное достоинство.

О ПОЛЕЗНЫХЪ И ВРЕДНЫХЪ СВОЙСТВАХЪ ПИЩИ И НАПИТКОВЪ. *Сочиненіе Д.....ра Гайна. Перевелъ В.....ръ Х.....нъ. СП.-бургъ, 1846, въ тип. Жернакова, въ-12., стр. XII и 228.*

Хорошій обѣдъ въ жизни человѣческой великое дѣло; но кому изъ насъ приходитъ въ голову пофилософствовать о томъ, что мы ѣдимъ? Кто станетъ разбирать влияніе того или другаго блюда? А между-тѣмъ тутъ есть о чемъ подумать, и вотъ цѣлая книга, которая во всей подробности разсуждаетъ о полезныхъ и вредныхъ свойствахъ пищи и напитковъ, о влияніи разныхъ питательныхъ веществъ на организмъ человѣческаго тѣла. Прочтавъ эту книгу, мы можемъ покойно приниматься за нашъ обѣдъ; мы уже будемъ знать, что полезно и что вредно. А если насъ соблазнить гастрономическое блюдо, приготовленное руками великаго кухоннаго артиста, если слабость человѣческой природы не устоитъ противъ искушенія избалованнаго желудка и намъ суждено умереть прекрасною гастрономическою смертію, мы по крайней-мѣрѣ будемъ знать положительно настоящую причину нашихъ страданій; намъ останется утѣшеніе, по этой книжкѣ предать великолѣпному проклятію тѣ вредныя вещества, которыя довели насъ до этого несчастнаго положенія.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

МЕТОДИЧЕСКІЯ ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЯ ТАБЛИЦЫ, *составленныя* Евгеніемъ Добронравовымъ. *СП.-бургъ, 1846.* Эти таблицы составлены для приготовленія къ экзаменамъ: на полученіе класнаго чина, въ юнкера на службу и въ разныя учебныя заведенія. Въ первомъ выпускѣ заключаются таблицы исторіи и географіи; онѣ очень хорошо составлены, даютъ полный и ясный обзоръ этихъ предметовъ и безъ всякаго сомнѣнія во многихъ отношеніяхъ облегчатъ ихъ изученіе.

Основныя формы уголовныхъ слѣдствій, *собранныя* Д. Долговымъ. *СП.-бургъ, 1846.* Въ этой брошюрѣ изложены всѣ основныя формы слѣдственнаго дѣла. Въ самомъ началѣ указано, какъ приступить къ пропзводству уголовного слѣдствія и какія при этомъ встрѣчаются формы; послѣ этого помѣщены общія свѣденія, которыя входятъ въ составъ уголовного слѣд-

ствія; дальше излагаются обязанности слѣдователя во время производства и по окончаніи слѣдствія, а въ концѣ помѣщены всѣ письменныя формы, которыя встрѣчаются при этомъ производствѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Вышла вторая часть *Беспѣвъ русскаго купца о торговлѣ*.

— Императорское московское общество исторіи и древностей руссійскихъ издало *Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи профессора Погодина о русской исторіи*.

VII.

С М Ъ С Б.

=

**ПРЕВРАЩЕНІЕ ПОЛИПОВЪ. НОВЫЕ ФАКТЫ, ПОДТВЕРЖДАЮЩІЕ
ТОЩЕСТВО ЖИЗНИ РАСТИТЕЛЬНОЙ И ЖИЗНИ ЖИВОТНОЙ. —
Наблюдения Сибольда, Ванъ-Бендгена, Левена, Сарà и Дюжардена.**
Жизнь и организація животныхъ, обитающихъ на поверхности
земнаго шара, поражаютъ насъ своимъ разнообразіемъ. У однихъ
проявленія этой жизни очень малочисленны, сфера ихъ физиологи-
ческой дѣятельности ограничена; другія животныя напротивъ,
представляютъ различныя способности, ихъ жизнь обнаружи-
вается въ многообразныхъ явленіяхъ. Чтобы выразить эти из-
мѣненія въ природѣ животныхъ, натуралисты принимаютъ въ
организаціи и въ жизни ихъ разныя степени совершенства; та-
кимъ образомъ рыба — животное болѣе совершенное, нежели
устрица, потому что организмъ рыбы сложнѣе и жизнь разнооб-
разнѣе; но рыба не такъ совершенна какъ собака; а человѣкъ
совершеннѣе и этого послѣдняго животнаго.

Животныя, которыхъ жизнь проста, представляютъ въ своемъ

организмъ однообразное строеніе, всѣ его части одинаковы между собою; всѣ онѣ исполняютъ одни и тѣ же отправленія и жизнь всего животнаго слагается изъ одинаковыхъ явленій, которыя только повторяются въ различныхъ его органахъ. Это такъ справедливо, что есть животныя, которыхъ организмъ можно раздѣлить, разорвать на множество кусковъ, не уничтожая его жизни; напротивъ, каждый кусокъ продолжаетъ жить и нерѣдко преобразуется въ животное подобное тому, котораго онъ былъ составною частью.

Удивительныя созданія, извѣстныя въ естественной исторіи подъ именемъ гидръ или прѣсноводныхъ полиповъ, представляютъ намъ это необыкновенное явленіе. Если разорвать ихъ на части, то каждая часть преобразуется въ новое животное и продолжаетъ жить или, точнѣе сказать, начинаетъ жить новою самостоятельную жизнью.

Чтобы понять это явленіе, столь мало согласующееся съ фактами, которые представляетъ намъ жизнь высшихъ животныхъ, необходимо прежде всего изслѣдовать организацію прѣсноводныхъ полиповъ. Микроскопъ открываетъ намъ, что составъ организма ихъ вездѣ совершенно однообразенъ: это студенистая масса, заключающая въ себѣ зернышки микроскопической величины и въ которой не замѣчаютъ никакого особеннаго органа. Но, какъ мы сказали, однообразіе въ строеніи организма предполагаетъ тождество въ его жизненныхъ отправленіяхъ; то отсюда слѣдуетъ непремѣнно, что всѣ части полиповъ должны исполнять одни и тѣ же отправленія; всѣ они принимаютъ совершенно одинаковое участіе въ общей жизни животнаго; и потеря одной или многихъ изъ этихъ частей не прерываетъ однообразныхъ явленій этой жизни. Мало того, если каждая часть организма этихъ животныхъ можетъ чувствовать, двигаться, питаться и воспроизводить существа себѣ подобныя, то очень понятно, что они также при благоприятныхъ обстоятельствахъ могутъ существовать самостоятельною жизнью.

Впрочемъ, очень немногія животныя представляютъ такое однообразное строеніе; подымаясь выше въ ряду органическихъ существъ и ближе подходя къ человѣку, мы будемъ встрѣчать организаціи болѣе и болѣе сложныя и сначала каждое отправленіе, потомъ каждый актъ отправленія совершаются въ особомъ органѣ; организмъ животный представляетъ части разнородныя и по-

мѣръ-того какъ машина животная усовершенствуется, физиологическая или жизненная работа болѣе и болѣе раздѣляется на отдѣльные самостоятельныя отправленія.

Послѣдній отдѣлъ царства животнаго содержитъ въ себѣ преимущественно организмы несовершенныя, которые носятъ общее названіе — животныхъ лучистыхъ. Натуралисты въ этомъ отдѣлѣ давно принимали двѣ различныя группы полиповъ, о которыхъ мы говорили, и акалеѣ или морскихъ крапивъ; къ этой послѣдней группѣ относится семейство медузъ.

Натуралисты назвали медузами животныхъ преимущественно морскихъ, имѣющихъ сходство съ опрокинутымъ колоколомъ, или, лучше еще, съ грибомъ, у котораго вмѣсто одной ножки находятся нѣсколько длинныхъ прибавковъ. Иногда этотъ необыкновенный организмъ бываетъ совершенно безцвѣтенъ и прозраченъ какъ хрусталь, иногда же онъ бываетъ разукрашенъ самыми яркими красками. Долгое время эти удивительныя созданія не обращали на себя вниманія натуралистовъ, которые видѣли въ нихъ одинъ оживотворенный студень; такого мнѣнія былъ Реомюръ; но наука новая, болѣе наблюдательная, успѣла проникнуть тайную организацію этихъ созданій. Дюмериль первый помощію молочныхъ впрыскиваній нашелъ, что внутри этой студенистой массы находятся каналы, расположенные съ математическою правильностью. Эренбергъ, знаменитый берлинскій микрографъ, открылъ даже у медузъ органы чувствъ, именно глаза.

Впрочемъ семейство медузъ состоитъ изъ созданій, которыя въ организаціи представляютъ различныя степени совершенства и рядомъ съ родами, имѣющими организацію довольно сложную, стоятъ роды, которые не представляютъ прибавковъ, органовъ хватанія, и къ которымъ по всей справедливости можетъ быть приложено названіе оживотвореннаго студеня.

Между этими двумя группами отдѣла лучистыхъ животныхъ, между полипами и медузами, недавно найдено новое удивительное соотношеніе: — именно открытія Сара, Лёвена, Ванъ-Бенгдена, Сибольда и въ-особенности Дюжардена, которому мы обязаны послѣдними наблюденіями, показываютъ, что полипы прѣсноводныя представляютъ только переходныя формы и что въ эти формы облекаются нѣкоторыя медузы, прежде нежели достигнуть своего полнаго развитія, то есть, короче сказать, наблюденія по-

именованныхъ натуралистовъ открываютъ намъ, что полипы превращаются въ медузъ.

Но превращенія полиповъ не имѣютъ никакого отношенія, ни чего общаго съ метаморфозами насѣкомыхъ. У насѣкомыхъ изъ cadaго зародыша, cadaго яичка выходитъ личинка, которая и въ состоянн червь, куколки и бабочки сохраняетъ свойственную себѣ самостоятельность. У лучистыхъ животныхъ эти явленія представляютъ большую сложность. Яйцо медузы производитъ прежде всего овальную личинку, покрытую рѣсничками и очень похожую на нѣкоторыхъ инфузорій. Потомъ, послѣ известнаго промежутка времени жизни свободной, жизни самостоятельной, эта личинка прикрѣпляется къ какому-нибудь предмету, перемѣняетъ форму, удлиняется и переходитъ въ стебелекъ рѣсноводнаго полипьяка, на которомъ вырастаютъ, какъ листья, неопредѣленное количество полиповъ. Далѣе, по прошествн известнаго времени, на этомъ самомъ полипьякѣ образуются новыя почки, которыя не представляютъ формы полиповъ, но принимаютъ постепенно характеры медузъ. Эти почки въ заключенн отрываются отъ полипьяка или стебля и, превратившись въ акалефъ, начинаютъ двигаться; напротивъ, полипьякъ, который произвелъ ихъ, продолжаетъ расти и образовывать новыя полипы.

И такъ у лучистыхъ животныхъ, которыя занимаютъ насъ теперь, одинъ и тотъ же зародышъ, послѣ перваго преобразованн, производитъ животныхъ совершенно разнородныхъ, изъ которыхъ одни всю жизнь бываютъ привязаны къ мѣсту своего происхожденн, другн же напротивъ, живутъ жизнью независимою, самостоятельною. Кто бы не удивился, если бы изъ птичьаго, курнаго, напримѣръ, яйца, вышло земноводное, которое бы потомъ породило изъ всѣхъ своихъ частей неопредѣленное количество рыбъ и птицъ? Развнтіе медузъ въ свою очередь такъ же чудесно, какъ невѣроятенъ фактъ, приведенный нами въ примѣръ.

Явленія эти, хотя происходятъ только у животныхъ высшихъ, несовершенно организованныхъ, имѣютъ однако же общій интересъ въ естественной исторн.

Дюжарденъ выводитъ, какъ первое заключеніе изъ своихъ наблюденн, что до-сихъ-поръ понятіе о видѣ въ Зоологн не точно. Законодатели науки опредѣленн и разграниченн видовъ ос-

новываютъ преимущественно на сходствѣ недѣлимыхъ; мы видѣли сейчасъ, что въ семействѣ медузъ это сходство не существуетъ ни между потомствомъ и родителями, ни между братьями, или членами одного потомства.

Такимъ образомъ для опредѣленія дѣленія вида должна быть взята за основаніе идея біологическая наслѣдственности вмѣсто морфологической идеи тождественности характеровъ.

Къ этимъ результатамъ, которые касаются основнѣйшихъ вопросовъ зоологіи, присоединяются еще болѣе общныя результаты. Ученые и неученые долго думали и думаютъ, что царства животное и растительное раздѣлены рѣзкими границами. Современныя естество-историческія изслѣдованія стремятся измѣнять эту вѣковую идею. Чѣмъ болѣе ученые стараются опредѣлить границы между обоими царствами, тѣмъ болѣе находятъ они связи, соотношенія и однородности между этими двумя главными отдѣлами живой природы.

Всѣмъ извѣстны, я думаю, такъ-называемыя цвѣтки или плесень—растительные организмы, которые покрываютъ гнилое дерево въ темныхъ влажныхъ мѣстахъ.

Дютрошѣ, одинъ изъ немногихъ ученыхъ, понимающихъ какъ доходить до великихъ результатовъ, наблюдая мелкія явленія, открылъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ изъ плесени образуется грибокъ обыкновенный. Это явленіе такъ же необыкновенно, какъ если бы на дубѣ выросла малина.

Открытіе Дютрошѣ совершенно однородно съ фактами, замѣченными Дюжарденомъ. Грибокъ отдѣляется точно такъ же, какъ и медуза, часть воспроизводящую — зеринку или личко, которое преобразуется въ инфузорию. Эта инфузорія дѣлается неподвижною, производитъ полиппъ; точно такъ же зеринка, развиваясь, образуетъ плесень. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, оба созданія сохраняютъ свою самостоятельность и только увеличиваются въ объемъ; но измѣните обстоятельства, изъ плесени возродится грибокъ; а полиппъ производитъ медузу. И такъ если въ самомъ дѣлѣ грибокъ есть цвѣтокъ плесени, то мы имѣемъ полное право согласиться съ мнѣніемъ Дюжардена, что медуза есть животный цвѣтокъ или плодотворное состояніе полиппа.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ДВИЖЕНІЕМЪ РЫБЪ.
Юганна Мюллера. Рыбы, подобно всѣмъ животнымъ, чувствуютъ превосходно равновѣсіе своего организма; и каждое малѣйшее измѣненіе этого спокойнаго состоянія онѣ стремятся исправить движеніями произвольными, то есть зависящими отъ ихъ воли и произвола и движеніями инстинктивными, бессознательными. Движенія бессознательныя, особенно обнаруживаются въ глазахъ и они бываютъ такъ постоянны, такъ ясны у рыбъ живыхъ, что можно даже судить о смерти этихъ животныхъ, по прекращенію этихъ движеній.

Равновѣсіе организма рыбы не зависитъ отъ плавательнаго пузыря; этотъ органъ даже можетъ вредить имъ въ отношеніи равновѣсія. Равновѣсіе рыбы, ея горизонтальное положеніе спинною вверхъ, зависитъ исключительно отъ дѣйствія плавниковъ и преимущественно отъ плавниковъ вертикальныхъ.

Плавательный пузырь можетъ служить рыбѣ для увеличенія и уменьшенія ея тяжести. Рыба, выдавливая воздухъ, который находится въ этомъ пузырьѣ, опускается на дно воды; когда же она хочетъ подняться, она выпрямляетъ только мускулы, которые служили для сжатія пузыря; впрочемъ, подобное же дѣйствіе можетъ происходить и отъ одного давленія воды на воздухъ, заключенный въ пузырьѣ.

Сжимая различнымъ образомъ переднюю или заднюю часть пузыря, рыба можетъ сдѣлать относительно легче, по своему произволу, переднюю или заднюю половину своего тѣла; рыба также помощью плавательнаго пузыря, можетъ принять косвенное положеніе, которое помогаетъ ей опускаться и подыматься въ водѣ. Карпы и харацины имѣютъ два пузыря, изъ которыхъ одинъ лежитъ впереди другаго, и которые сообщаются узкимъ перешкомъ. Передній пузырь имѣетъ значительную упругость и гораздо большую нежели задній, и когда рыба подымается, тогда пузырь передній, какъ болѣе упругій, увеличивается въ объемъ и рыба идетъ головою вверхъ. Обратное явленіе происходитъ, когда рыба опускается внизъ.

РЫБЬИ ГНѢЗДА. *Наблюденія Коста.* «Я помѣстилъ въ Французскомъ Коллегіумѣ, въ пруду, пишетъ господинъ Костъ въ доносеніи своемъ парижской академіи наукъ: нѣсколько хахалчей (га-

sterusius aculeatus) именно въ то время, когда эти рыбы мечутъ икру. Нѣсколько дней спустя, я замѣтилъ, что нѣкоторые самцы выбрали мѣсто своего пребыванія на днѣ пруда, гдѣ между ними обнаруживалась необыкновенная дѣятельность. Я принялся наблюдать за ними, чтобы опредѣлить, какая могла быть цѣль ихъ безпрестанныхъ движеній взадъ и впередъ и замѣтилъ, что они собирали матеріалы для устройства себѣ жилища, къ созданію котораго они прилагали всѣ механическія средства своего инстинкта.»

Всѣ самцы сносили въ многія мѣста траву и песокъ и изъ этихъ двухъ матеріаловъ первоначально образовали полъ или основаніе жилища, связывая ихъ особою клейкою жидкостью, которую выпускали они изъ своей кожи. Далѣе точно такимъ же образомъ трудолюбивые самцы выводятъ стѣны и потолокъ или кровлю. Чтобы своему жилищу придать болѣе прочности, они безпрестанно ползаютъ на немъ и отдѣляютъ такимъ образомъ изъ своей кожи большое количество связывающей клейкой жидкости.

Когда гнѣзда построены, каждый самецъ бросается въ стадо самокъ, чтобы обратить на это вниманіе самки, которая чувствуетъ потребность класть икру, и предлагаетъ ей убѣжище для ея потомства. Самка узнаетъ тотчасъ самца по блестящимъ цвѣтамъ кожи и выражаетъ различными кокетливыми движеніями готовность слѣдовать за нимъ. Тогда самецъ бросается къ гнѣзду своему, расширяетъ въ немъ приготовленное уже отверстіе и выпускаетъ туда самку, которая оставляетъ тамъ икру и выходитъ въ новое отверстіе.

Пока самка сидитъ въ гнѣздѣ, самецъ помогаетъ ей, гладитъ ее своей мордою и потомъ заступаетъ ея мѣсто.

Самецъ такимъ образомъ приглашаетъ въ свое гнѣздо нѣсколько самокъ, которыя кладутъ здѣсь яички особыми кучками.

Самецъ остается единственнымъ стражемъ своего потомства и сберегаетъ его отъ нападенія прожорливыхъ матокъ и другихъ самцовъ.

Когда развитіе яичекъ значительно подвинулось, самецъ проветриваетъ въ гнѣздѣ новыя отверстія, чтобы вода свободно протекала въ него. Наконецъ, когда дѣтеныши вылупятся изъ яицъ, самецъ держитъ ихъ въ гнѣздѣ, пока они войдутъ совершенно въ силу, чтобы доставать себѣ пищу и защищаться.

НЕДЕЛЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ПАРИЖСКОЙ РАБОТНИЦЫ. *Статья Так-сма Делара.* Бѣдняки, воспитавшіе меня, не могутъ долѣе держать меня въ ученьи. Дѣла идутъ плохо, имъ надо кормить дѣтей; они дали мнѣ ремесло въ руки, какъ говорятъ; я уже въ такихъ лѣтахъ, что могу сама искать себѣ хлѣба. Нечего дѣлать, стану работать. Навозчикъ довезетъ меня нынче вечеромъ: онъ обѣщаль дать мнѣ мѣсто въ своей телѣгѣ; онъ такъ добръ, и знавалъ меня еще ребенкомъ!

Сегодня я еще ребенокъ, а завтра уже буду работницею. Въ городѣ рѣкъ мало, большая прядильня опять пошла въ ходъ; какъ я буду счастлива въ Парижѣ!... Чу! кажись мнѣ слышится нашъ сельскій колоколъ? отчего же онъ наводитъ тоску на мою душу?

Вотъ подружки мои идутъ къ обѣднѣ, въ своихъ нарядныхъ праздничныхъ платьяхъ. Вечеромъ будутъ плясать подъ липами, и я буду плясать — въ послѣдній разъ.... Нѣтъ, лучше останусь здѣсь, буду молиться Богу, чтобы Онъ не оставилъ бѣдной сиротки.

Слышу скрипъ колесъ, извозчикъ хлопаетъ бичомъ, чтобы увѣдомить меня. Какъ я долго молилась! Прощай, ты, замѣнявшій мнѣ отца; Жакъ и Жакелина, поцѣлуйте сестру; а ты, матушка, не плачь: я буду тебѣ писать, а тамъ мы опять увидимся. Не бойся за меня, — я тверда и мужественна: небо защититъ меня!

Катитъ телѣга, вотъ мы ѣдемъ мимо лицъ, я слышу звуки скрипокъ; вотъ я мельница, шумъ воды наводитъ мнѣ слезы на глаза. Какъ мы тихо ѣдемъ, ямщикъ! А, вотъ, сѣрый конь прибавляетъ шагу, пустился рысью; деревня уже далеко, далеко; на сердцѣ не такъ тяжело, глаза смыкаются. Я у нашей приходской церкви; нашъ приходскій священникъ сидитъ на своей лавкѣ, онъ подзываетъ меня, онъ что-то говоритъ и грозитъ мнѣ пальцомъ. «Нѣтъ, батюшка.... ей Богу, Петруша».... Въ эту минуту я проснулась. «Гдѣ мы?» — Въ Парижѣ, отвѣчаетъ извозчикъ. «Мы уже въ Парижѣ!»

Добрая старушка, къ которой писали обо мнѣ, ждала меня у заставы. Мнѣ надо сейчасъ же идти на прядильню; завтра, можетъ-быть, уже будетъ поздно; вмѣсто недостатка въ рукахъ, будутъ лишнія. Уже виднѣется черный столбъ дыму отъ паровика; вотъ и верота. Это не то, что скромная прядильня у насъ въ деревнѣ: какъ тутъ все огромно, какое движеніе, какой шумъ!

Вотъ бѣгутъ толпою молодые мальчишки и дѣвушки; но какъ они, кажется, печальны и несчастны; блѣдность ихъ напоминаетъ мнѣ свѣжія краснощекія лица брата моего Жака, и сестры Жакеллины.

Приказчикъ, кажется, добрый толстякъ. Покровительница моя рекомендовала меня ему; нынче вечеромъ она зайдетъ за мною, и отведетъ меня домой; прощаясь, она сказала мнѣ, чтобы я хорошо себя вела, если желаю, чтобы она показала мнѣ всѣ парижскія диковины. Нѣтъ! меня не нужно уговаривать къ трудолюбію!

Другія работницы смѣются и поютъ; не знаю почему, но радость ихъ наводитъ на меня тоску. Ихъ блѣдныя и изчахлыя, или красныя и угреватые лица, потухшіе или нахальные глаза, ихъ голоса, движенія, все въ нихъ пугаетъ меня. Вдругъ, веселость стала шумнѣе, всѣ громко захохотали; десятилѣтняя дѣвочка, работавшая съ нами, пропѣла пѣсню на какой-то страннѣйшій голось. Спросили меня зачѣмъ я не смѣюсь съ другими.

— Я не понимаю этой пѣсни, отвѣчала я: у насъ въ деревнѣ не такъ поютъ.

— погоди, послѣ будешь понимать! послышалось со всѣхъ сторонъ. Въ то же время, болѣе кроткій голось сказалъ мнѣ тихо: «Будешь понимать!»

Я взглянула на ту, которая мнѣ это говорила: то была моя соседка, которая работала подлѣ меня. Она казалась моложе, чѣмъ можно бы полагать по ея увядшимъ чертамъ; голубые глаза и улыбка ея дышали кротостію. Я долго со вниманіемъ разсматривала ее, но она этого не замѣчала. Мысли ея блуждали далеко отъ насъ, въ лицѣ ея не было никакого движенія, одно тѣло ея слѣдовало за движеніемъ работы.

Работа сейчасъ кончится; пробилъ шабашъ; всѣ разошлись изъ мастерской. Старуха отвела меня въ комнатку, которую наняла для меня. Я узнала, что приказчикъ доволенъ моимъ искусствомъ, я буду зарабатывать по двадцати су въ день. Спасибо ей за эту добрую вѣсть; но к чему было портить ее извѣстіемъ, что ей надо отлучиться на нѣсколько дней изъ Парижа! Добрая старушка, я было ее уже полюбила! Вотъ и прошелъ первый день; теперь пора немолиться Богу. Отъ чего это, собирался уснуть, я нѣволью припоминаю слова соседки: «Придетъ время, будешь понимать!»

Противъ меня живетъ молодая дѣвочка; нынче утромъ изъ

дѣла я у нея на рабочемъ столѣ множество цвѣтовъ, на которыхъ играли лучи солнца. Между прочими видѣла я много скороспѣлокъ и могильницъ, и это напомнило маѣ нашу деревенскую пѣсню, въ которой о нихъ говорится.

Слезы навернулись у меня на глазахъ. — Полно, к чему тосковать! взгляну еще разъ на цвѣты. Та, которая ихъ дѣлаетъ, должна быть очень счастлива! Сидитъ себѣ одна въ своей горенкѣ, цѣлый день работаетъ, и списываетъ Божія лиліи и маргаритки; а я... Зачѣмъ родные не научили меня этому ремеслу? Увы! у меня нѣтъ родныхъ, а воспитавшіе меня были слишкомъ бѣдны. Въ деревнѣ цвѣточницы не нужно.

Когда я шла сюда, мнѣ такъ пріятно было вдыхать въ себя свѣжій утренній воздухъ; въ мастерской тяжело и душно. Сосѣдка еще не приходила; хотя я ее не знаю, а всё-таки мнѣ безъ нея грустно. Другія смотрятъ такъ холодно, такъ равнодушно. Между тѣмъ какъ я здѣсь передъ станкомъ, что дѣлается у насъ дома? Брюно въ полѣ, Матюринна придетъ, Жакелинна завладѣла моею самопрялкою: вѣдь она уже въ лѣтахъ зарабатывать деньги; Жакъ въ школѣ, или прислуживаетъ за обѣдню, съ приходскимъ священникомъ. Добрый священникъ! только разъ въ жизни побранилъ онъ меня, въ тотъ день какъ ему показалось, что Петруша поцѣловалъ меня; а я утверждала что, нѣтъ. О, онъ простилъ бы мнѣ эту ложь: вѣдь Петруша обѣщалъ жениться на мнѣ, когда будетъ богатъ. Задумавшись, я запѣла нашу деревенскую пѣсню, въ которой говорится о цвѣтахъ и миломъ дружкѣ.

— Что она тамъ поетъ, наша мужичка?

— Эй, деревенская красавица, повтори-ка свою пѣсню!

— Скажи-ка, мужичка, кто тебя выучилъ этой пѣснѣ: пусть пропоютъ ее, какъ понесутъ меня на кладбище.

Всѣ смѣются надо мною, даже самыя маленькія дѣвочки и мальчики; а я краснѣю и робѣю. Не пѣть мнѣ тебя болѣе, моя дорогая пѣсенка!

Если бы не приказчикъ, не знаю чѣмъ бы все это кончилось; къ счастью, онъ вошелъ и защитилъ меня; всѣ ушли по мѣстамъ, и оставили меня въ покоѣ; и уже во весь день мнѣ ничего не говорили. Одна только работница, выходя изъ прядильни въ одно время со мною, шепнула своей подругѣ, указавъ на меня: «Теперь онъ за нее пришелся.» Что она разумѣла подъ этимъ?

У приказчика доброе сердце; я въ немъ не ошиблась. Вечеромъ,

пока я печально сидѣла одна за ужиномъ, кто-то постучался въ дверь.

— Кто тамъ?

— Отворите, это я.

Я узнала голосъ приказчика, и впустила его.

— Моя милая, сказалъ онъ, та, которой родные препоручили тебя, просила меня заступитъ ея мѣсто. Я охотно согласился потому что ты мнѣ кажешься добронравною дѣвушкою...

— Постараюсь быть такою всегда.

— И притомъ ты такъ хороша!

И онъ вперилъ въ меня глаза. Я потушила глаза, не отвѣчая ни слова.

— Эта квартира для тебя неудобна, продолжалъ онъ: постараемся поискать другую; если работа тебя утомляетъ, ты ею не стѣсняйся...

— О, нѣтъ, мнѣ надо работать для своего пропитанія!

— Стоитъ захотѣть, и тебѣ не будетъ никакой надобности работать для этого.

И онъ снова взглянулъ на меня такъ живо, что я смутилась, сама не зная отъ чего; но онъ это, вѣроятно, замѣтилъ, потому что продолжалъ болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Ты права, моя милая, но не должно себя убивать работою. Ты найдешь во мнѣ друга, который предохранитъ тебя отъ такой безразсудности, и будетъ заботиться о тебѣ. Прощай, покуда; я вижу, ты устала; но я буду навѣщать тебя.

И онъ вышелъ; посѣщеніе его удивило и взволновало меня.

Вотъ уже третій день какъ я въ Парижѣ. Нынче утромъ окно у моей сосѣдки было затворено, я не видѣла цвѣтовъ. Солнца не видать, по крышѣ тлется сѣрый туманъ. Вчера я была одна, теперь я встрѣтила человѣка, который принимаетъ во мнѣ участіе; а между-тѣмъ у меня на сердцѣ еще тяжелѣе обыкновеннаго. Авось-либо работа разгонитъ всѣ мои грустныя предчувствія.

Мѣсто моей сосѣдки до-сихъ-поръ не занято. Ужъ не больна ли она, бѣдняжка! Я спрашивала отъ чего не видать ея въ мастерской, не знаютъ ли что съ нею сдѣлалось. Та, къ которой я обратилась съ этимъ вопросомъ, отвѣчала мнѣ разсѣянво, и будто бы съ удивленіемъ:

— Вотъ еще что выдумала? да если Марья нѣтъ, такъ видно она гуляетъ!

Я не посмѣла болѣе разспрашивать; надо мною стануть, пожалуйста, смѣяться, что я ничего не понимаю.

Но вдругъ въ заднемъ концѣ мастерской послышался шумъ. Дѣти вскочили на лавки, чтобы посмотрѣть что такое; работницы одна за другою отходятъ отъ станковъ; тѣснятся, толкаются, будто хотятъ по-скорѣе насладиться любопытнымъ зрѣлищемъ. Собралась толпа вокругъ какой-то женщины; всѣ вокругъ нея кричатъ и хохочутъ; она оглядывается вокругъ себя, и будто ничего не видитъ; на устахъ безжизненная улыбка; она едва держится на ногахъ, и кричитъ задыхающимися голосомъ: «Гдѣ мой станокъ? пора мнѣ на работу!» Хочетъ идти, но силы ей измѣняются и она падаетъ безъ движенія на полъ.

Я узнала сосѣдку.

Вмѣсто-того чтобы помочь ей, всѣ работницы еще болѣе стали кричать и хохотать; пуще прежняго посыпались на нее со всѣхъ сторонъ насмѣшки.

— Какъ она еще нашла дорогу въ мастерскую, эта пьяница, бездѣльница? Ну, прочитай-ка намъ наставленіе, Марья; два дня гуляла, каково!

Несчастная между-тѣмъ всё лежала, растянувшись на полу; никто и не думалъ поднимать ее. Я подошла къ ней, приподняла ее отяжелѣвшую голову. Глаза ея мало-по-малу открылись, она будто узнала меня; медленно поднялась на ноги; я отвела ее на мѣсто. Мнѣ послышалось, будто она поблагодарила меня.

Весь день Марья была предметомъ всѣхъ разговоровъ и насмѣшекъ работницъ. Она не обращала на нихъ вниманія. Собравъ всѣ свои силы, она съ лихорадочною поспѣшностью вертѣла свой станокъ. «Завтра мнѣ нечего будетъ ѣсть, шептала она; нечего ѣсть: пряди, пряди, горемычная пряха....»

Когда мы вышли изъ мастерской, Марья пошла за мною.

— У тебя доброе сердце, сказала она: мнѣ надо поговорить съ тобою. Я расскажу тебѣ свои несчастія; то же будетъ и съ тобою, если у тебя есть сердце. Не избѣгнуть ихъ ни тебѣ, ни твоимъ дѣтямъ, если у тебя когда-нибудь будутъ дѣти. И я была молода какъ ты, и хороша, и невинна: посмотри, что я теперь, а мнѣ нѣтъ еще и тридцати лѣтъ! Когда отецъ и мать умерли, я была въ ученьи. Некому было платить за мое содержаніе; мнѣ велѣли самой искать хлѣба. Я поступила на эту проклятую фабрику. Я была хороша, приказчикъ сталъ смотрѣть на меня какъ на свое добро; обѣщанія, угрозы, все употребилъ онъ для того,

чтобы обольстить меня. Я сопротивлялась, потому что любила одного такого же бѣдняка, какъ я сама, солдата, который убить къ Африкѣ. Когда я это узнала, приказчикъ удвоилъ свои преслѣдованія; но я хотѣла оставаться честною дѣвушкою, и отошла отъ фабрики. За что я не принималась для своего прокормленія? Я умѣла шить,—я принялась шить рубашки, рубить тряпичи и простыни, пришивать петли къ помочамъ. Я работала хорошо, дожила до позднѣе, вставала рано, а все-таки не могла спивать въ день болѣе двухъ рубашекъ, или болѣе двухъ паръ съ половиною простынь, и потому зарабатывала не болѣе пятнадцати или восемнадцати су въ день; и еще изъ этихъ же денегъ надо мнѣ было покупать нитки и бумагу. Часто случалось, что у меня не было работы; когда же я просила ея, мнѣ отвѣчали, что въ тюрьмахъ и монастыряхъ работаютъ гораздо дешевле, и что потому вся работа отдана туда. Къ мѣсту опредѣлиться я не могла, потому что некому было сказать кто я такая, и поручиться за меня. Наступилъ страшный день; я очутилась безъ хлѣба, безъ надежды, одна лицомъ къ лицу съ отчаяніемъ. Я склонилась на мрачные совѣты безнадежнаго сердца: зажгла жаровню съ угольемъ, и уснула, въ надеждѣ никогда не просыпаться. Зачѣмъ небо опредѣлило иначе? Приказчикъ не терпѣлъ меня изъ виду: онъ подкарауливалъ свою добычу, надѣясь на нищету; онъ слѣдилъ за мною, а я этого совѣмъ не знала. Не знаю какъ онъ открылъ мое отчаянное намѣреніе; на другой день, я очутилась не въ рукахъ Божіихъ, а въ незнакомой комнатѣ; въ головахъ у меня сидѣлъ врачъ. Первое слово, поразившее мой слухъ, было: — « Спасена! » Напротивъ, это была моя гибель. Чего не выманнло отъ меня обольщеніе, тѣмъ я пожертвовала состраданію: я повѣрила, что онъ меня любитъ, и сама полюбила его. Черезъ три мѣсяца, другая несчастная заступила мое мѣсто. Первая попытка истощила мои силы; я уже не нашла ея въ отчаяніи, на которое надѣялась какъ на вѣрнаго друга. Я сочла счастіемъ, что могла найти мѣсто на этой фабрикѣ, куда прихожу каждый день зарабатывать хлѣбъ, орошенный многими слезами. Мало-по-малу я переняла образъ жизни тѣхъ, съ которыми живу. Чего ты еще не понимаешь, я понимаю; покрытая стыдомъ и безчестьемъ, я ищу утѣшенія въ порокѣ. Ты видѣла сегодня какую цѣною я покупаю забвеніе своихъ несчастій. Берегись, моя милая, берегись; тебѣ грозитъ та же опасность. Ты поправилась ему: посмотри, что случилось со мною, и учись не вдаваться въ искушеніе.

Марья оставила меня; я отерла слезы, катившіяся изъ глазъ моихъ.

У воротъ я встрѣтила цвѣточницу; она рассказывала, что ей заказано много работы. Она взяла свѣчу, и весело и легко побѣжала по лѣстницѣ. Она сейчасъ же сядетъ за работу. «Славная дѣвушка», сказала мнѣ дворничиха, между тѣмъ какъ я слѣдила за нею глазами; «всегда за работою, только по воскресеньямъ ходитъ со двора съ своимъ женихомъ, который долженъ на ней жениться, какъ-скоро оба скопятъ довольно денегъ, чтобы завестись хозяйствомъ».

У меня также женихъ, съ которымъ я ходила по воскресеньямъ въ лѣсъ за цвѣтами. И я снова зашла свою деревенскую пѣсенку.

Мнѣ надо молиться, а я пою. Мнѣ такъ грустно нынче вечеромъ! Слова Марьи тяжелымъ камнемъ лежатъ у меня на сердцѣ. Нѣтъ, нѣтъ, я не подвергнусь той же участи. Я увижу Петрушу, и деревню, и стараго священника, и своихъ воспитателей. Буду плясать подъ липами, гулять по лугамъ, усѣяннымъ весенними фиалками; услышу звонъ нашихъ колоколовъ, и стукъ мельницы; оставлю Парижъ, фабрику и приказчика. Мнѣ еще можно быть счастливою. Боже мой!

Письмо Розы къ Матюринѣ.

Парижъ, четвергъ, 16 февраля 1844.

«Добрая матушка,

«Надѣюсь, что вы всё были въ добромъ здоровѣи послѣ моего отъѣзда, и ты, и Брюно, и дѣти. Я все исполнила, что ты мнѣ совѣтовала. Я работаю прилежно, веду себя хорошо, и молюсь Богу; но я не могу долге оставаться въ Парижѣ. Я страдаю, я несчастна, я не могу все тебѣ разсказать въ письмѣ, но я боюсь, что если останусь здѣсь, то непремѣнно погибну. Въ деревнѣ я стану дѣлать все что ты захочешь; буду обрабатывать землю, если нужно, только бы мнѣ не жить болѣе въ разлукѣ съ тобою. Если бы ты только знала, какъ мнѣ здѣсь тяжело! Скажи перевозчику, чтобы онъ заѣхалъ за мною: онъ отвезетъ меня на своей телегѣ, и я скоро увижусь съ тобою, и обниму тебя.

• Покорная твоя дочь

«Роза.»

Тоска моя отлетѣла съ письмомъ; я веселѣе иду въ мастерскую. Увидавъ меня изъ окошка, цвѣточница улыбнулась мнѣ; никогда еще цвѣты ея не казались мнѣ такъ хороши и такъ свѣжи. Это къ добру.

Приказчикъ остановилъ меня на дорогѣ, и спросилъ, каково мнѣ въ Парижѣ.

— Очень хорошо! отвѣчала я съ откровенностью, которая ободрила его.

— И такъ ты позволишь мнѣ заступить мѣсто твоей покровительницы, и показать тебѣ Парижъ въ воскресенье?

— Очень охотно.

Этотъ отвѣтъ привелъ его въ восторгъ.

Въ воскресенье я буду на дорогѣ въ деревню, и извозчикъ будетъ хлопать бичомъ и рассказывать мнѣ про нашу сторону.

Проснувшись нынче, я прежде всего принялась укладывать все свое добро; мнѣ хочется быть совсѣмъ уже готовою, когда придетъ за мною извозчикъ. Потомъ я отправилась на работу; но прядильня была заперта, толпа работниковъ стояла у воротъ. Всѣ ворчали про торговый кризисъ, о прекращеніи работъ; на всѣхъ лицахъ выражалось глубокое уныніе. Триста несчастныхъ стояли на улицѣ, не зная гдѣ имъ добыть насущный хлѣбъ.

Марья сидѣла на землѣ, закрывъ лицо руками. Я подошла къ ней, она подняла голову.

— Ты видишь, сказала она печально: мы безъ работы. Я привыкла къ этому несчастію, но что будетъ съ тобой? Сегодня начнется для тебя борьба съ нищетою; жаль мнѣ тебя, бѣдняжка!

— Успокойся, я въ воскресенье ѣду въ деревню. А ты?

Она горько улыбнулась.

— Я стану просить милостыни, меня посадятъ въ тюрьму; по-крайней-мѣрѣ будетъ мнѣ чѣмъ жить, не осквернилась подобно многимъ другимъ. Ты избѣгаешь разомъ нищеты и стыда. Благодарю за то Бога!

Въ это время послышался колоколь; въ сосѣдней церквѣ благовѣстили къ обѣднѣ; я вошла въ церковь, стала на колѣни и молилась:

« Будь милосердъ, Боже, къ бѣдной Марьѣ, и ко всѣмъ согрѣшившимъ подобно ей. Ея проступокъ, можетъ-быть, былъ бы и моимъ; благодарю Тебя за то, что внушилъ мнѣ желаніе ѣхать отсюда. Эта недѣля останется незабвенною въ моей жизни; вѣчно

буду помнить ее, для того чтобы благословлять Тебя и молить за тѣхъ несчастныхъ, которые не могли выдержать искушенія.»

Приказчикъ ждалъ меня у воротъ. Не знаю, воспоминаніе ли о Маріи было тому причиною, но я нашла въ его лицѣ какое-то выраженіе отвратительнаго лицемѣрія. Онъ сказалъ мнѣ ласковымъ голосомъ:

— Не пугайся извѣстія, которое получила нынче утромъ: шашъ будетъ не надолго, ктому же я позабочусь о твоихъ нуждахъ. Ты скоро выѣдешь изъ этого сквернаго дому. Между тѣмъ вотъ, возьми до воскресеня.

И онъ хотѣлъ вложить мнѣ въ руку деньги.

— Нѣтъ, никогда! отвѣчала я съ негодованіемъ.

— Не сердись, возразилъ онъ: я это сдѣлалъ для твоего же добра: я считалъ себя твоимъ другомъ. Ты применишь, когда лучше узнаешь меня; но мнѣ некогда долге съ тобой разговаривать, я долженъ тебя оставить. До воскресеня.

Онъ хотѣлъ взять мою руку....

Да, выѣду изъ этого сквернаго дому, но не затѣмъ, чтобы идти за тобою; ворочусь къ себѣ въ деревню, въ свою горенку съ бѣлыми занавѣсками. Какъ тянется время! Вотъ наконецъ и ночь. Завтра суббота, я получу отвѣтъ отъ матушки. Меня клонитъ сонъ; хотѣлось бы мнѣ, чтобъ уже было завтра!

Дворничиха разбудила меня словами. « Письмо къ вамъ! » Я взяла письмо и приложила его къ губамъ. Я распечатала его и прочитала вслухъ.

« Милая Роза,

« Много несчастій носѣтило насъ послѣ твоего отъѣзда! Брюно ходилъ въ лѣсъ нарубить дровъ, и больно ушибся; Жакеліна больна; надо жить и платить лекарю, и все это изъ того что зарабатываетъ Жакъ; онъ наядся въ работнику къ камельщикамъ. Священникъ прочиталъ намъ твоѣ письмо; онъ говоритъ, что всѣ молодыя дѣвушки точно такъ же страдаютъ въ деревнѣ; что тебѣ надо работать, потому что ты ужъ въ лѣтахъ, и что если ты будешь хорошо себя вести, то Богъ тебя не оставитъ: на Него надѣйся.

« Вѣчно любящая тебя мать

« Матюрна. »

Я въ отчаяніи упала на постель. И такъ нѣтъ мнѣ ни каковъ

надежды! въ этой недѣлѣ заключится вся моя жизнь! Нѣтъ мнѣ защиты отъ стыда! что будетъ со мною?

А! я и забыла Марьину жаровню!

Умереть въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, ужасно! А всё-таки смерть лучше жизни, которая предстоитъ мнѣ. Да, я умру!

Я всю ночь промолилась. Нынче утромъ при свѣтѣ восходящаго солнца я замѣтила двѣ головы за занавѣсами цвѣточницы; сегодня воскресенье, она ѣдетъ за-городъ съ женихомъ; она будетъ счастлива весь день, и воротится съ чистою совѣстью.

Но стучатся ко мнѣ въ дверь; идутъ за мною. Онь! Воспоминаніе о Маріи да защититъ меня! Милосердый Боже, дай мнѣ смѣлу не отворить двери.....

БАГАТОВЫЕ ШАРЫ. *Отрывки изъ дневника неизвестнаго. Статья Евгенія Сю.*

17-го іюня, 1844.

....Дѣвушка давеча опять проходила мимо рѣшетки моего сада, пока я срѣзывалъ лишніе побѣги съ своихъ розовыхъ кустовъ.

Въ своемъ бѣдномъ платьѣ, эта молодая дѣвушка всё-таки прелестна. Какихъ она можетъ быть лѣтъ? едва четырнадцати; отъ-роду, кажется, я не видалъ болѣе чистаго просяня, такихъ румяныхъ щечекъ, такихъ чудныхъ бѣлокурыхъ волосъ; толстая коса съ трудомъ вмѣщалась въ плохомъ ея черномъ чепчикѣ; поношенное траурное платье обрисовывало изящный, хотя нѣсколько сухощавый станъ, потому что она едва выходитъ изъ дѣтства.

Она въ траурѣ....

По комъ? Она уже сирота, видно.... сирота! и такъ бѣдна.... такъ хороша.... такъ молода.... грустно....

Она шла медленно, призадумавшись, отъ времени до-времени останавливалась и смотрѣла то всторону огромнаго пустаго мѣста, идущаго вдоль моего сада, то въ улицу Тампльскаго Предмѣстія. На лицѣ ея выражалось нетерпѣніе и безпокойство, будто она кого ждала. Меня скрывала шпалера, она не могла меня видѣть; мнѣ показалось, будто по щекѣ ея течетъ слеза.... но вдали пробило четыре часа, и дѣвушка поспѣшно удалилась.

Физиономія этой дѣвушки уже поразила меня, два два или три назадъ, когда она также проходила мимо моего сада, и я тогда уже написалъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько словъ объ этой встрѣчѣ.

Впрочемъ, чѣмъ же мнѣ и наполнять эту памятную книжку, если не безчисленными мелкими случаями моей спокойной и одинокой жизни? Прошли времена, когда спѣшный рассказъ столькихъ событій и всякаго рода воспоминаній, каждый день наполнялъ страницы этой *лоховой книги*, какъ мы называли ее на кораблѣ «Громоносный».

Увы! наступаетъ старость, и грустное спокойствіе заступаетъ мѣсто бури страстей.

18-го іюня, 1844.

Видъ этого человѣка возмутилъ и опечалилъ меня.

Я можетъ-быть ошибаюсь, но мнѣ кажется, что между этимъ человѣкомъ и милою, бѣлокурою дѣвушкою, есть что-то общее, какая-то связь; подобно ей, онъ пришелъ въ три часа; повидному нетерпѣливо ждалъ кого-то (не ее ли?); а когда прошло четыре часа, подобно ей, онъ ушелъ; но въ чертахъ его выразился звѣрскій гнѣвъ, и я ясно слышалъ нѣсколько словъ, въ которыхъ высказывалась его подлая и безстыдная досада. Я спрятался за шпалерою, желая видѣть, придетъ ли бѣлокурая дѣвушка; и такимъ образомъ немногія грубыя слова, произнесенныя имъ, легко могли дойти до моего слуху.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати; довольно правильныя черты его, казалось, изнурены неумѣреннымъ образомъ жизни; лицо у него блѣдное, безцвѣтное, щеки впалыя, взглядъ дерзкій; начальная его физиономія выражала вмѣстѣ подлость и развратъ.

Въ нарядѣ его была какая-то смѣсь ложной роскоши, съ нищетою: вытертая, сѣрая шляпа была надѣта на бекрень на черные, длинные и вьющіеся волосы; воротникъ отъ рубашки, сомнительной бѣлизны, отгибался на красный галстухъ, подвязанный жгутомъ; на синемъ бархатномъ жилетѣ съ модными пуговицами висѣла толстая мѣдная, золоченая цѣпочка; руки были опущены въ карманы клѣтчатыхъ брюкъ, а на ногахъ сапоги съ оттоптаннвыми пятками и съ носками, загнутыми вверхъ, какъ коньки.

Это подозрительное лицо показалось мнѣ подлымъ типомъ изъ

вѣстныхъ продавцовъ цѣпочекъ для часовъ, или покупателей контрамарокъ, которыхъ такъ много у входа въ театры.

Между безстыдною и подлою фizioноміею этого человѣка, и чистосердечными чертами молодой дѣвушки, была такая противоположность, что я сначала никакъ не могъ остановиться на мысли, что между двумя такими существами можетъ быть какая-нибудь симпатія; но потомъ я съ горестью и почти со страхомъ подумалъ о странной, почти роковой силѣ очарованія, какую дерзость и развратъ нерѣдко имѣютъ надъ чистыми, невинными и робкими существами. Увы! не каждый Донъ-Жуанъ одаренъ обворожительнымъ голосомъ, ловкостью вельможи, одѣвается въ золото, живетъ въ царскихъ хоромахъ. Есть Донъ-Жуаны всякаго сословія и разряда, есть Донъ-Жуаны въ лохмотьяхъ; но всѣ равно наглы и безжалостны въ обольщеніи. Но всѣ, и каждый по-свѣдому, равно умѣютъ забавлять, нравиться и убѣждать лживыми рѣчами, то шутивными, то сладкими или страстными; всѣ они умѣютъ, дерзкими словами, произнесенными вполголоса, пламенными, сладострастными взглядами, смущать душу и помыслы невинности, всѣ, наконецъ, пользуясь временемъ, умѣютъ мольбами, силою, выразительнымъ огнемъ желанія побуждать упорство простодушной, довѣрчивой жертвы, любящей и увлеченной....

.....

Завтра я поговорю съ бѣдной дѣвушкой; надо предупредить ее; по всему видно, что ей угрожаетъ опасность.

19 іюля 1844.

Я не видалъ ни молодой дѣвушки, ни того подлаго лица...

13 декабря 1844.

Я возвращаюсь домой съ стѣсненнымъ сердцемъ; рассказъ этотъ растерзалъ мнѣ душу; какое горькое поученіе!

Ахъ!... есть нѣчто еще ужаснѣе древняго рока, неволью влекашаго къ преступленію цѣлые роды.... это нищета!

Нищета.... этотъ ужасный рокъ новыхъ временъ.

Вотъ чтò сегодня случилось; сейчасъ мнѣ рассказали въ одномъ оживленномъ кругѣ, къ которому я подошелъ, возвращаясь домой, удивившись безпокойству, показывавшемуся въ нашемъ обыкновенно столь мирномъ кварталѣ.

Недалеко отъ моего дому живетъ одна женщина, вдова и мать семейства; по ремеслу она прачка: съ утра уходитъ на рѣку, и возвращается только вечеромъ, послѣ работъ. У нея трое дѣтей, два мальчика, одинъ пяти, другой семи лѣтъ и дочь лѣтъ четырнадцати или пятнадцати. Бѣдная вдова, работая цѣлый день на плоту для прокормленія семейства, не можетъ присматривать за дѣтьми. Меньшія въ дѣтскомъ приютѣ; но такъ какъ, къ сожалѣнію, приюты эти открываются двумя или тремя часами позднѣе чѣмъ начинается день у рабочихъ людей, и закрываются за два часа до окончанія его, то родители принуждены или вовсе не посылать въ нихъ тѣхъ изъ дѣтей, которые еще слишкомъ малы чтобъ ихъ пускать однихъ, или нанимать кого-нибудь, чтобъ ихъ водили туда и назадъ: расходъ, разумѣется, небольшой, но всё-таки слишкомъ тягостный для немущихъ.

Вдова для избѣжанія этого расхода (почти равнаго тому, что стоило прокормленіе одного изъ дѣтей) поручила старшей дочери водить братьевъ по утрамъ въ приютъ и во время закрытія его отводить ихъ домой. Молодая дѣвушка была въ обученіи у башмачника. Такъ какъ утромъ ей должно было оставлять работу, чтобы идти домой за братьями и вести ихъ въ приютъ, находившійся довольно далеко отъ лавки и потомъ опять ходить за ними послѣ обѣда, то она проводила почти столько же времени на улицѣ, какъ и у хозяина, который сердился на это и обращался съ нею довольно сурово, говоря, что эти отлучки въ послѣдніе два, три мѣсяца, становились всё продолжительнѣе.

Давеча, когда бѣдная дѣвушка подходила къ дому матери съ дѣтьми, два полицейскіе служителя схватили ее у входа, обвиняя въ покражѣ, въ четвертый разъ, агатовыхъ бильярдныхъ шаровъ въ лавкѣ, мимо которой она ходила каждый день. Скоро пришелъ самъ хозяинъ и подтвердилъ обвиненіе, прибавляя, что повтореніе проступка вывело его изъ терпѣнія.

Бѣдняжку объяскали, и, дѣйствительно, нашли у ней три агатовые шара. Слыша обвиненіе въ воровствѣ, несчастная заплакала, увѣряла, что она взяла шары не затѣмъ, чтобы украсть или, точнѣе, продать ихъ, и что остальные спрятаны въ постелѣ, на которой она спитъ съ братьями.

Пошли въ бѣдную каморку, служившую жилищемъ этому бѣдному семейству, и въ постелѣ нашли съ дюжину агатовыхъ бильярдныхъ шаровъ.

— Зачѣмъ же ты взяли эти шары? стали спрашивать ее: они тебѣ ни на что не годятся, да и цѣнность ихъ небольшая!

Она сначала только рыдала, не рѣшаясь отвѣчать, наконецъ на усиленные допросы бѣдняжка призналась, что эти гладкіе, блестящіе пестрые шары всегда привлекали ея вниманіе, когда она проходила мимо лавки, и что, наконецъ, она не могла противостоять искушенію взять эти игрушки..... *потому что она беременна.....*

...Отчего мнѣ приходитъ въ голову бѣлокурая дѣвушка съ ея простодушнымъ личикомъ..... Она жила въ здѣшнемъ околоткѣ...
Надо узнать...

14 декабря.

Это она....

По описанію сосѣдей, выдавшихъ какъ ее схватили, нельзя и сомнѣваться..... это она.....

Ее зовутъ Арсеною Ремі.

Любовникъ ея, говорятъ, какой-то трактирный герой, который уже нѣсколько мѣсяцевъ безпрестанно былъ съ нею.... Мнѣ описали и этого негодая; это то самое подлое лицо, которое уже поразило меня.

И это еще не все.

Когда Арсену Ремі увели какъ воровку, братьевъ ея отдали на попеченіе сосѣдки, а вечеромъ, когда бѣдная вдова, возвратившись домой послѣ тяжелой работы, спросила гдѣ дочь.... ее такъ неосторожно увѣдомили о задержаніи и безчестіи молодой дѣвушки, что она упала какъ убитая.... Ее отнесли въ больницу.... Нѣтъ надежды спасти ее....

Сосѣди по бѣдности не могли принять двухъ сиротъ; начальство велѣло отвести ихъ въ заведеніе малолѣтнихъ арестантовъ!... Въ тюрьму! одному пять лѣтъ, другому семь; законъ считаетъ ихъ бродягами!

Вѣроятно, въ эту минуту матери ихъ уже нѣтъ въ-живыхъ....

Какая будущность этимъ сиротамъ!.... и несчастной юной матери!.... И несчастному младенцу, который долженъ родиться въ тюрьмѣ!.... Какая будущность!... Боже мой!

Въ ту самую минуту какъ я выходилъ изъ этого дому, у входа въ темную аллею явился человѣкъ, едва стоявшій на ногахъ отъ пьянства и хриплымъ голосомъ спросилъ:

— Арсена Ремй?...

Я узнаю этого мерзавца, уличнаго Донъ-Жуана.... обольстителя той несчастной!

Кровь вскипѣла во мнѣ отъ негодованія. Я поспѣшно вышелъ и пользуясь тѣмъ, что онъ меня слегка толкнулъ, схватилъ его за воротъ и бросилъ на мостовую; голова его ударилась о тумбу. Я удался медленнымъ шагомъ, и слышалъ какъ онъ осыпалъ меня ругательствами, въ которыхъ выражалось подлое бѣшенство.

Повторимъ еще разъ, ничета — ужасный рокъ нашего времени!

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *La Vestale, Весталка*, трагедія въ пяти актахъ, въ стихахъ, господь *Ellie Sauvage'a* и *Duhomme'a*.

Дѣйствіе этой трагедіи, разумѣется, происходитъ въ Римѣ. Гдѣ же быть весталкамъ, какъ не въ Римѣ! Ликторы ведутъ карфагенскаго плѣнника Аздрувала на казнь. Къ-счастью, ему встрѣчается весталка, которая, въ силу привилегіи своего званія какъ извѣстно, имѣетъ право миловать осужденныхъ преступниковъ, если встрѣтится съ ними нечаянно. Цѣпи съ Аздрувала спадаютъ. Аздрувалъ въ пылу признательности умоляетъ избавительницу показать ему свое лицо, чтобы помнитъ черты благодѣтельницы. Фауста откидываетъ покрывало и.... Аздрувалъ влюбленъ, какъ слѣдуетъ. Фауста—дочь консула Валерія и нѣкоей Сильвіи, женщины, какъ по взрослой дочери, можно судить, уже не очень юной, но еще очень страстной, которая помимо своего супруга Валерія пламенно любитъ Аздрувала. Находя въ своемъ обожаемомъ недостатокъ огня, она подозрѣваетъ существованіе соперницы; начинаетъ присматривать за поведеніемъ милаго; подкарауливаетъ его въ храмѣ Весты, поднимаетъ тревогу и узнаетъ въ изблеченной преступной весталкѣ и своей соперницѣ родную дочь. Страшно! Преступную весталку, по извѣстному обычаю, закладываютъ въ глухую темницу, на голодную смерть. Ужасно! Сильвія уже совсѣмъ готова умереть въ душевной могилѣ, какъ-вдругъ камень приподнимается и на солнечномъ лучѣ въ могилу спускается Аздрувалъ. О, восторгъ! Онъ пришелъ спасти свою милую. О, восхищеніе! Но онъ забылъ подперѣть камень: обдумалъ, какъ влѣзть, но не обдумалъ, какъ вылѣзть, и попался какъ козелъ въ колодець. Камень упалъ,

отвертіе захлопнулось. Оба остались въ могилѣ. Ужасъ и отчаяніе! Но по крайней-мѣрѣ они умрутъ вмѣстѣ. Они умрутъ скоро и достаточно эффектно, въ отличныхъ судорогахъ. Аздрубаль, какъ человѣкъ предусмотрительный и запасливый, принесъ съ собою стекляночку яду, котораго принимаетъ самъ и даетъ принять своей милой. Но тутъ камень опять поднимается. Сильвія пришла спасти дочь, но, увы! все кончено! Смерть не отдаетъ своихъ жертвъ. Страшно!... Страшно было смотрѣть, какъ всѣ зрители зѣвали на первомъ представленіи. Однако жъ нельзя сказать, чтобы пьеса совсѣмъ упада. Судороги были такъ хороши, что будь это опера, а не трагедія, ихъ непременно заставляли бы повторять.

2. *Echec et mat, Шахъ и матъ*, драма въ пяти актахъ, господъ *Fenillet* и *Vocage'a*.

Эта драма или, лучше сказать, комедія, своимъ содержаніемъ немножко напоминаетъ «Донъ-Цезаря де-Базъ», а формою — «*Mademoiselle de Belle-Ile*» и «*Le Verge d'eau*», но это во-все не укорь. Умныя вещи позволительно напоминать даже не одинъ разъ, потому что умныя вещи вообще довольно рѣдки. Дѣло дѣлается въ Испаніи, при Филиппѣ-Четвертомъ. При дворѣ носятся обидные слухи насчетъ молодой герцогини Сидоніи. Чтобы обрубить злословію языкъ, герцогъ д'Альбукеркъ, старый воинъ и истинный рыцарь, дерется съ нѣкимъ капитаномъ Риубосомъ и укладываетъ его на три мѣсяца на койку. Мало этого, благородный герцогъ женится на бѣдной герцогинѣ Сидоніи, чтобы навсегда составить для нея законный щитъ отъ всѣхъ злоязычныхъ нападеній. Судите, нуженъ ли такой щитъ, когда самъ король влюбленъ въ герцогиню, король, который такъ ослѣпленъ страстью и министромъ Оливаресомъ, который ему помогаетъ, что не примѣчаетъ заговора своей супруги съ нѣкимъ графомъ Медіана противъ собственной его королевской чести. Почтенный герцогъ д'Альбукеркъ все это видитъ и въ самый день свадьбы увозитъ жену въ отдаленное помѣстье, да между-прочимъ, кстати, совѣтуетъ своему другу Медіанѣ быть осторожнѣй. Отъѣздъ молодыхъ, разумѣется, очень не нравится королю, который затѣмъ и выдалъ предметъ своей страсти за стараго д'Альбукерка, чтобы удобнѣе восторжествовать надъ нѣкоторыми пренятствіями. Онъ надѣется, по-крайней-мѣрѣ, что молодыя по минованіи медоваго мѣсяца воротятся ко двору. Но

мѣсяць проходить, а они не возвращаются. Нужно воротить, да что бы то ни стало. Герцогу д'Альбукерку даютъ приказаніе сдѣлать смотръ полкамъ въ Алькалѣ и въ тотъ же день герцогиню приглашаютъ отъ имени королевы ко двору. Но д'Альбукеркъ разстраиваетъ эту интригу тѣмъ, что оканчиваетъ смотръ и прѣзжаетъ раньше нежели нужно королю. Герцогъ спасаетъ свою голову и мимоходомъ спасаетъ графа Медіану, противъ котораго свидѣтельствуетъ вишневаго цвѣту бантъ отъ шпаги, найденный подъ окнами королевы. Альбукеркъ мѣняетъ свой бантъ, зеленый съ серебромъ, на вишневый и отклоняетъ подозрѣніе отъ неразумнаго молодаго человѣка, но тѣмъ самымъ лично подвергается обвиненію въ смѣшной и незаконной сентиментальности и даетъ Филиппу-Четвертому средство побѣдить непреклонность герцогини. Остается только удалить герцога на нѣкоторое необходимое время. — Почему жъ не удалить, говоритъ министръ: арестуемъ его и дѣло съ концомъ. Въ самомъ дѣлѣ, капитанъ Ріубосъ, исцѣлившійся отъ раны, является къ Альбукерку съ повелѣніемъ объ арестѣ. Но герцогъ въ это самое время перелистываетъ очень любопытную записную книжку, которую нашелъ на лѣстницѣ во дворцѣ и которая принадлежитъ капитану Ріубосу. Книжка яснѣ солнца доказываетъ, что капитанъ Ріубосъ — негодяй: онъ шпионъ министра при королѣ, соглядатай королевскій при министрѣ и лазутчикъ инквизиторскій при томъ и другомъ. Онъ служитъ всѣмъ противъ всѣхъ. — Я имѣю въ рукахъ три способа повѣсить тебя, говоритъ герцогъ; но вотъ мое предложеніе: за каждую услугу, которую ты мнѣ окажешь, я возвращаю тебѣ одинъ листокъ твоей записной книжки. Капитанъ, натурально, соглашается. — Вотъ первая услуга, продолжаетъ герцогъ: ступай, вмѣсто меня арестуй графа Медіану и держи до такого-то часу.... Герцогъ знаетъ, что если не удержитъ молодаго человѣка силою, онъ пойдетъ на свиданіе и будетъ схваченъ тѣми, которые его подстерегаютъ, потому что обмѣнъ левтъ не обманулъ министра Оливареса. Капитанъ идетъ исполнить условіе, а король между-тѣмъ спѣшитъ къ герцогинѣ и съ удивленіемъ находитъ стараго герцога. Оливаресъ не можетъ въ толкъ взять, что это значить. Надобно же удалить его! Министръ беретъ и придумываетъ отчаянное средство. Черезъ нѣсколько минутъ въ отдаленіи, надъ городомъ, является зарево пожара, въ городѣ роковой зловѣщій шумъ. — Что горитъ? спрашиваетъ герцогъ у капитана Ріубоса. — Несчастіе! ваша свѣтлость. Ванъ

домъ горить! — А! я понимаю. Ну, мы съ королемъ дозволюмъ богатъ. Мы можемъ себѣ позволить такую шуточку. Вотъ тебѣ, капитанъ, два листа изъ твоей книжки. Сожги ихъ у этой стѣны. Обои старыя: пора ужъ имъ сгорѣть. — Но какъ же можно, ваша свѣтлость? Вѣдь, пожалуй, весь дворецъ королевскій сгоритъ! — Повинуйся! Я приказываю.... И надъ городомъ встаетъ второе зарево. Дворецъ горить. Во дворцѣ страшная тревога. Графъ Медіана спасаетъ королеву, выноситъ на рукахъ изъ покоевъ, гдѣ не было ни какой опасности. Прикоснуться къ королевѣ значитъ заслужить смерть. Медіана заслуживаетъ смерть еще и потому, что оказывается настоящимъ владѣльцемъ вишневаго банта. Министръ обвиняетъ его передъ королемъ, а король подписываетъ смертнѣйшій приговоръ и послѣ этого отправляется къ женѣ герцога Альбукерка и опять находитъ самого герцога, который однакожъ успѣваетъ испросить у короля прошеніе графу. На бѣду въ эту самую минуту смертнѣйшій приговоръ исполняется: слышенъ ружейный залпъ. Но, успокойтесь. Приговоръ исполняетъ капитанъ Рубосъ, которому нужно выручить у герцога Альбукерка еще листокъ своей записной книжки. Заряды были холостыя. Графъ Медіана ускокалъ за границу.

3. La Comité de lecture, *Комитетъ для чтенія*, комедія въ трехъ актахъ, въ стихахъ, господина Фердинанда Дюгѣ.

При всѣхъ парижскихъ театрахъ, какъ извѣстно, существуютъ комитеты, составленные изъ директора, актеровъ и акціонеровъ, которые напередъ выслушиваютъ каждую новую пьесу и рѣшаютъ, принять или не принять, поставить на сцену или нѣтъ. Господинъ Фердинандъ Дюгѣ, молодой драматическій писатель, удачно поставившій въ прошломъ году одно изъ своихъ произведеній на второстепенномъ театрѣ, нѣсколько времени тому назадъ предложилъ другую Театру Французскому и пьеса его была отвергнута. Нынче онъ опять явился передъ тѣмъ же комитетомъ Театра Французскаго, съ третьемъ нѣсоей и каково же изумились господа члены, когда молодой авторъ, занявъ позицію за пюпитромъ съ класенчскимъ стаканомъ воды, громогласно возвѣтилъ заглавіе: «Комитетъ для чтенія, комедія въ трехъ актахъ!» Ясно, что онъ посягаетъ на священнѣйшій ковчегъ: намѣренъ злобно колоть и язвить дирекцію Театра Французскаго, его актеровъ и актрисъ и весь достопочтеннѣйшій комитетъ, не въ бровь, а прямо въ глазъ! Хотя мѣсто дѣйствія перенесено въ

Мюнхенъ, однако жъ нагѣки такъ прозрачны, что нѣтъ средствъ остаться въ пріятномъ заблужденіи. Каждый стихъ возбуждалъ ренють; каждая стрѣла попадала въ какое-нибудь самолюбіе; всѣ портреты узнаны и въ достопочтенномъ комитетѣ вспыхнуло страшное негодованіе съ половины перваго же акта. Но авторъ предвидѣлъ бурю и не устранился ея, а храбро дочиталъ свою пьесу до послѣдняго стиха. Казимиръ Делавинъ, чтобы отомстить за отвергнутую пьесу, представилъ драматическій памфлетъ на другомъ театрѣ. Господинъ Дюгё поставилъ своихъ судей въ положеніе еще болѣе затруднительное: онъ отважно сразился съ ними грудь съ грудью. Къ-несчастью для нихъ, они не могли не признаться, что пьеса остроумна, однако жъ отвергли ее. Авторъ воленъ представить свою комедію на другомъ театрѣ или, въ крайнемъ случаѣ, просто напечатать. Говорятъ, будто нѣкоторые члены комитета упрасивали его не дѣлать ни того ни другаго. Фельетонисты, напротивъ, увѣряютъ, что пьеса его вещь очень любопытная, и убѣждаютъ непремѣнно напечатать. Доселѣ еще не извѣстно, чѣмъ кончится. Этимъ происшествіемъ можетъ еще воспользоваться другой какой-нибудь отвергнутый авторъ, для новой комедіи. Однимъ словомъ, мы предвидимъ въ этой исторіи цѣлый потокъ комедій.

4. *Le Gant et l'Eventail*, *Перчатка и вѣеръ*, комедія въ трехъ актахъ, съ кушетами, господъ Бааръ и Соважа.

Нѣкоторые свидѣтели показываютъ, что эта новая французская пьеса — старая нѣмецкая и когда-то прозывалась «Тайна вслухъ.» Есть и такіе, которые утверждаютъ, будто она по первоначальному своему автору — испанская. Но господа Бааръ и Соважъ торжественно объявили, что она — ихъ собственность и, следовательно, новая, французская. Остается вѣрить и слушать. Дѣйствіе происходитъ въ нѣкоторомъ царствѣ или герцогствѣ. Принцесса Амалія, по смерти дяди, призвана на престолъ. Министры хотятъ выдать ее замужъ и, разумѣется, ищутъ жениха въ Готскомъ Альманахѣ, но Амалія воспитывалась въ монастырѣ и непремѣнно хочетъ быть любима за личное свое достоинство, а не за дядину корону. Къ такой чистой и безкорыстной любви, по ея мнѣнію, никто не способенъ лучше ея домашняго секретаря Рингберга. Секретарю, какъ видите, открывается блестящая карьера, но онъ, несчастный, влюбленъ въ графиню Ма-

тыльду, скромную монастырку, подругу и любимицу принцессы Амаліи. Любовники, разумѣется, принуждены скрывать свою страсть. Они видятся только въ присутствіи своей повелительницы, однако жъ нашли средство разговаривать при всѣхъ свидѣтеляхъ такъ, что никто не подозрѣваетъ ихъ связи. Они условились, что всякій разъ, когда Рингбергъ будетъ, говоря что-нибудь, держать въ рукѣ перчатку, слова его будутъ относиться къ Матильдѣ, а когда Матильда будетъ говорить, распутивши вѣеръ, слова ея имѣютъ быть отнесены на счетъ Рингберга. Такимъ образомъ перчатка съ вѣеромъ безнаказанно бесѣдуютъ подъ самымъ носомъ у ревнивой принцессы, которую нѣсколько разъ предупреждаютъ протівъ секретаря и которая всё-таки, благодаря ловкости невинной монастырки, никакъ не можетъ избличить преступника. Дѣло кончается тѣмъ, что принцесса рѣшается наконецъ выйти за какого-то принца, а секретарь женится на комъ слѣдуетъ.

5. *Juanita, Хуанита*, комедія въ двухъ актахъ, господъ *Балра* и *Comberousse*'а.

Мосъе де-Шарансѣ, плѣнный французскій офицеръ, въ Вилляреалѣ, давно преслѣдуетъ своею любовью сеньору Хуаннту, жену донъ-Лопеса. Онъ забирается къ ней черезъ садовую стѣну, но его скоро спроваживаютъ. На обратномъ пути онъ подвергается нападенію гверильсовъ и проситъ убѣжища у самого донъ-Лопеса, который и приказываетъ принять его. Хуанита закликаетъ своего любезнаго уйти, потому что мужу уже извѣстна ихъ тайна. Шарансѣ соглашается бѣжать, но только съ тѣмъ, чтобы Хуанита проводила его. Онъ будетъ дожидаться ея у садовой калитки. Между-тѣмъ донъ-Лопесъ напоминаетъ плѣвному, что спасъ ему жизнь въ сраженіи. Плѣнный приноситъ свою любовь въ жертву признательности, а передъ Хуанитой притворяется кутилой и игрокомъ, чтобы испугать ее. Но скоро страсть увлекаетъ его и онъ во всемъ признается Хуанитѣ. Хуанита мирится съ нимъ, но, съ своей стороны, рѣшается послѣдовать примѣру самоотверженія и уѣзжаетъ съ мужемъ въ Мадридъ.

Эта пьеса несомнѣнно оригинальная, новая, французская, — несмотря на испанскія имена, — но господинъ Баяръ потратился на нее еще меньше, нежели на предыдущую.

6. *Le Veuf du Malabar, Малабарскій вдовецъ*, комическая

опера въ одномъ актѣ; слова господь *Sirandin*'а и *Adrien Robert*'а; музыка господина *Dozza*.

Эта комическая опера ничѣмъ не хуже водевиля. Она устроена съ тѣмъ, чтобы напугать одного почтеннаго французскаго негоціанта, будто бы существующимъ на малабарскихъ берегахъ обычаемъ всѣхъ вдовъ и вдовцовъ хоронить вмѣстѣ съ покойными супругами. Мосьё Лавердюретъ не подозреваетъ, что его обманываютъ и что право горѣть съ трупомъ на кострѣ, принадлежитъ однѣмъ женщинамъ. Его увѣрили, что мужа имѣютъ то же право. Его жена, хорошенькая Индіянка, много слышала о Франціи, о парижскихъ модахъ и парижскихъ спектакляхъ и не можетъ жить, безъ того чтобъ не посмотреть на всѣ эти чудеса, а мосьё Лавердюретъ не намѣренъ разстаться съ Малабаромъ, гдѣ ему гораздо выгоднѣе безъ модъ и спектаклей. Но Джина не уступить. Джина съ отчаянія топится въ рѣкѣ. Чтò дѣлать несчастному мужу? Онъ принужденъ послѣдовать за женой въ сырую могилу и находить малабарскіе законы варварскими въ сравненіи съ французскими. Малабаръ теряетъ въ его глазахъ всю свою прелесть. Пробуждается тоска по родинѣ; Лавердюрету ужъ и самому страхъ захотѣлось во Францію. Онъ старается подкупить полицейскаго чиновника, который имѣетъ утопить его въ рѣкѣ. Онъ готовъ отказаться отъ всего своего состоянія, лишь бы избѣжать смерти съ супругой. Чиновникъ этотъ — сама Джина. Она соглашается покривить душой передъ малабарскимъ закономъ, спасаетъ несчастнаго и бѣжитъ съ нимъ въ вожделѣнную Францію.

7. *Babolard, ou Le Ménage d'un dramaturge, Баболаръ, или Семейство драматурга*, водевиль въ одномъ актѣ, господина *Duchâtelard*'а.

Мосьё Баболаръ — драматическій писатель. Онъ только и мечтаетъ о преступленіяхъ; весь мозгъ его уже сгорѣлъ въ пламени неслыханныхъ страстей и вдругъ онъ видитъ страшное преступленіе подъ своею кровлею: его жена, его собственная жена — клятвовопреступница! О горе! Въ домѣ мосьё Баболара бывають всего два друга: мосьё Вердье и мосьё Теодоръ. Мосьё Вердье — редакторъ журнала «Бельегоръ», который пользуется огромнымъ успѣхомъ у тридцати-трехъ своихъ подписчиковъ. Мосьё Вердье, своимъ вліяніемъ общаетъ другу поставить на сцену и поддер-

жать пьесы, которые до того безъ исключенія были постоянно отвергаемы. Мосё Теодоръ ничѣмъ не можетъ служить, зато ни чѣмъ не можетъ и повредить: мосё Теодоръ совершенно безвредный страпическій писецъ. Однако жъ подозрѣнiя мосё Баболара растутъ и хорошеютъ, и редакторъ «Бельфегора» поджигаетъ ихъ еще болѣе. Старый сатиръ подѣхалъ-было съ нѣжностями къ мадамъ Баболаръ, но испыталъ жестокое отраженiе и, изъ мести, не посовѣстился всклепать небывальщину на мосё Теодора. Драматургъ, никому не открывая своего сердца, бѣжитъ укрыться въ пустынь, выплакать свои кровавыя слезы въ удивленiи, прощается съ женою и не говоритъ, когда воротится. Вердѣ провожаетъ друга до кареты и потомъ тайно крадется къ его женѣ и попадаетъ въ то самое время, когда преступная мадамъ Баболаръ уводитъ мосё Теодора къ себѣ во внутреннiе покои. Вердѣ готовъ броситься вслѣдъ, когда является мосё Баболаръ вооруженный пистолетами. Ревнивецъ придумалъ отъѣздъ, чтобы поймать жену. Онъ взводитъ курокъ и прицѣлывается.... Но мосё Баболаръ страшенъ только въ своихъ трагедiяхъ: пистолеть осѣкается, мадамъ Баболаръ выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ. Невинный мосё Теодоръ пришелъ просить руки ея дочери.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. «У насъ лѣто; все отдыхаетъ и трудится про сесѣ въ тишинѣ кабинета» говорили мы въ прошломъ мѣсяцѣ. Оно дѣйствительно такъ: Петербургъ, какъ вамъ извѣстно, лѣтомъ всегда живетъ на дачѣ, даже и тогда, когда лѣта не бываетъ, и въ городѣ все пусто, между прочимъ и театры. Но нынѣшнiй разъ есть исключенiе: въ Александринскомъ Театрѣ играютъ всякой день и театръ почти всегда полонъ. Не подумайте, чтобы это дивное событiе совершилось, потому что лѣто хуже обыкновеннаго: нѣтъ, лѣто какъ всегда, какъ слѣдуетъ быть петербургскому лѣту: жаровъ не бывало, тепла не замѣтно, сѣро, свѣждо. Дѣло въ томъ, что въ Александринскомъ Театрѣ теперь, кромѣ драмъ, водевилей и комедiй, даютъ очень часто легкiя французскiя оперы и балеты; что оркестръ, благодаря неутомимой, изумительной дѣятельности дирижера, В. М. Кажинскаго, преобразовался совершенно, и всякiй день исполнитскими шагами приближается къ совершенству; что, наконецъ, вы тамъ всякой разъ услышите прекрасный концертъ. И благодарная публика всякiй вечеръ изъясляетъ свое удовольствiе громкими рукоплесканiями, и заставляетъ оркестръ играть пѣ-

сколько разъ сряду прекрасныя сочиненія его предводителю. Краковская-полька (Adèle) просто сводитъ всѣхъ съ ума.

Вотъ вамъ еще новость, которая, конечно, многихъ порадуетъ: въ послѣднемъ номерѣ «Gazette Musicale» пишутъ, что знаменитая Дженни Линдъ уже ангажирована для нашей итальянской оперы. Дирекція будто бы предложила ей пятьдесятъ шесть тысячъ франковъ въ мѣсяцъ. Эта газета прибавляетъ слѣдующее: «Les appointemens que la Direction des Théâtres Impériaux de St. Petersburg propose à la cantatrice (56,000 fr. par mois) sont cinq fois plus forts que ceux qu'aucun artiste dramatique ou lyrique ait jamais obtenu au monde. S'il en est ainsi, quelle serait la puissance capable de jeter un poids égal à celui de la Russie dans la balance musicale de l'Europe?»

Посмотримъ теперь, что дѣлаютъ за границею.

— Мендельсонъ Бартольди рѣшился, наконецъ, написать оперу, которой сюжетъ заимствованъ изъ «Тысячи и Одной Ночи». Мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, что гигантская слава Мейербера (какъ сочинителя драматическаго) не давала спать Мендельсону, и даже была причиною нѣкоторыхъ недоразумѣній между ними. Извѣстно, что Мендельсонъ всегда занимался инструментальною музыкою и для сцены не написалъ ничего, кромѣ хоровъ для древнихъ трагедій. Богъ вѣсть какова-то будетъ его новая опера? Мендельсонъ человекъ съ рѣдкимъ дарованіемъ, его хоры написанные для *Антигоны*, превосходны, не слова; но—вы знаете, часто «Tel brille au second rang qui s'éclipse au premier».

— Недавно на вѣнскомъ придворномъ театрѣ (у Каринтинскихъ Воротъ) давали новую оперу-верія въ двухъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: «Azema di Granata». Текстъ чей бы то ни былъ, это рѣшительно всё-равно, музыка Лауро-Росси. Опера упала, освистана на-повалъ.

— Напротивъ опера молодого флорентійскаго композитора Мабеллини, данная недавно въ отечествѣ композитора, на театрѣ Pergola, и называющаяся «Maria di Francia», имѣла величайшій успѣхъ. При первомъ представленіи, Мабеллини вызвали двадцать разъ.

— Нашъ вѣнскій корреспондентъ пишетъ намъ, что многочисленныя почитатели Листа, во время его послѣдняго пребыванія въ австрійской столицѣ, собрали подписку для того, чтобы подарить знаменитому артисту старинное фортепiano, на которомъ

обыкновенно сочинялъ Бетховенъ, и поднесли ему серебряный пюпитръ, украшенный бюстиками знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ композиторовъ.

— Кстати, въ Германіи одному новому пароходу дали имя «Листъ» другому «Дженни Линдъ».

— Дѣвица Кристіани, извѣстная виолончелистка, о которой мы уже неразъ говорили, намѣрена пріѣхать въ Петербургъ. Видно однако жъ, что въ Берлинѣ она не произвела такого восторга, какъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Амстердамѣ. Вотъ что пишутъ о ней въ одной изъ тамошнихъ газетъ: «*Demoiselle Christiani ist hübsch und jung,—das muss auf's Höchste spannen und interessiren.—Sein Talent ist merkwürdig, sie spielt mit viel Geschmack, rein und elegant, aber man muss von einer französischen Dame freilich nicht deutsches Männerspiel erwarten*».

— Имя Тамбурины начертано золотыми буквами на бѣлой мраморной доскѣ въ Марсельскомъ госпиталѣ, какъ имя одного изъ главныхъ благотворителей этого человѣколюбиваго заведенія.

— Послѣднія извѣстія о здоровьѣ Донидзетти очень неудовлетворительны: нѣтъ никакой надежды. Онъ рѣшительно сошелъ съ ума. Разстройство его ума такое, что онъ рассказываетъ будто бы зналъ лично извѣстнаго композитора Донидзетти и былъ близкимъ другомъ его. «Этотъ бѣдный Донидзетти померъ» (*e mortuo il povero maestro Donizetti!*) говоритъ онъ со слезами всѣмъ своимъ знакомымъ: «Знали вы композитора Донидзетти? Онъ померъ, померъ несчастный!» и начинаетъ рыдать горько.

— Въ парижскомъ театрѣ «Комической Оперы» снова поставили на сцену маленькую оперу Обера: «Етта», первое произведеніе, которымъ Оберъ, долго нелюбимый публикою, обратилъ на себя ея вниманіе. Съ этой оперы началась его слава, которая въ скоромъ времени сдѣлалась европейскою. Однажды друзья дѣлали ему глупые упреки, зачѣмъ онъ пишетъ только легкія комическія оперы, Оберъ отвѣчалъ: «*Hé! que croyez-vous, messieurs? pensez-vous donc que je ne saurais faire de la musique embêtante?*» и вслѣдъ за этимъ онъ написалъ свою прелестную оперу-серія «*La muette de Portici*». Россіяки, говоря однажды объ Оберѣ, сказали: «Этотъ человѣкъ имѣетъ великій даръ писать пустую музыку какъ великій музыкантъ!»

— Королева испанская прислала тенору Моріани орденъ Изабеллы первой степени съ брилліантами.

— Изъ Лондона пишутъ слѣдующее, о представленіи тамъ оперы Моцарта «Don Giovanni». «Лаблашъ превосходно исполнилъ роль Лепорелло; Гризи (Донна Анна) была очень хороша; петербургская пѣвица Каstellанъ прекрасно играла Зерлину; Маріо старался сколько можно напоминать намъ незабвеннаго Рубини; Форназари, — далеко отсталъ отъ Тамбурины!»

— Намъ очень пріятно было прочесть въ нѣмецкихъ газетахъ похвалы, съ которыми музыкальные критики отзываются о сочиненіяхъ нашего композитора В. М. Кажинскаго, изданныхъ въ Вѣнѣ Ф. Мюллеромъ. Вотъ что пишутъ объ его полькахъ. «Die Polkas des Herrn Victor Kažynski aus Petersburg, sind sehr hübsch und geschmackvoll. Das sind sehr nette Poematen, nicht mit dem allerneusten Glanzfirniss überzogen, und nicht ausgespickt mit frivolem Vorhalten, dafür aber mit harmloseм Frohsinn gewürzt und zu geselliger heiterer Spiel geeignet. Die Motiven sind frisch und sehr originall.» Вѣнскій музыкальный издатель, Мюллеръ, печатаетъ теперь новыя сочиненія В. М. Кажинскаго для фортепіано, фантази, вариаци, концерты, и прочее.

— Въ Миланѣ пользуется огромнымъ успѣхомъ піанистъ Вильмеръ. Тамошнія газеты называютъ его новымъ Тальбергомъ, новымъ Листомъ.

— Знаменитая берлинская актриса Шарлотта фонъ-Гагнъ извѣстная своимъ талантомъ и петербургской публикѣ, оставила навсегда драматическое поприще. Несмотря на свои зрѣлыя лѣта (ей, увы! уже сорокъ пять лѣтъ), она вышла замужъ по любви, за молодаго нѣмецкаго барона фонъ-Овена, прекраснаго мужчину, у котораго десять тысячъ талеровъ дохода. Госпожа фонъ-Овенъ будетъ жить съ своимъ мужемъ въ Италиі, гдѣ у него богатое помѣстье. Предусмотрительная demuазель Гагнъ постановила въ свадебномъ договорѣ, что вслучаѣ развода она получаетъ отъ мужа пять тысячъ талеровъ пенсіона.

— Оберъ готовитъ новую оперу: «Косыціюшко.» Ей предсказываютъ большой успѣхъ; говорятъ, что музыка истинно прекрасна; а либретто одно изъ самыхъ занимательныхъ, какія только когда-либо выходили изъ подъ пера даровитаго и плодовитаго Скриба.

— Въ Парижѣ недавно давали новую ораторію господина Жосса (Josse), подъ названіемъ: «L'Ermite, Lou a Tentation». Оркестромъ, составленнымъ слишкомъ изъ двухъ сотъ музыкантовъ, дирижировалъ самъ авторъ. Автора и его сочиненіе принялъ

довольно благосклонно. Такой посредственный успѣхъ Французы называютъ «un succès d'estime.»

— Каталани недавно давала концертъ въ пользу одного бѣднаго художника. Оркестромъ управляетъ извѣстный драматическій композиторъ князь О. Понятовскій. Въ заключеніе концерта, Каталани пропѣла британскій народный гимнъ: «God save the Queen» который окончили хоромъ всѣ бывшіе въ залѣ слушатели, бѣльшую частію Англичане. Впрочемъ, знаменитая пѣвица совершенно лишилась голоса, и, кажется, пѣла въ этомъ концертѣ въ послѣдній разъ. Дрезденскій королевскій капельмейстеръ Рейснеръ также написалъ новую оперу, подъ заглавіемъ «Schiffbruch von Medusa». Эту оперу въ скоромъ времени будутъ давать въ Дрезденѣ.

— Извѣстный пѣвецъ *Girolamo Crescentini*, умеръ недавно въ Неаполѣ, гдѣ былъ профессоромъ пѣнія въ консерваторіи «della Pietà.» Наполеонъ очень любилъ этого знаменитаго артиста, и пожаловалъ его кавалеромъ ордена Желѣзной Короны. Кресцентини былъ послѣднимъ пѣвцомъ старинной италіанской школы, — жаль! и послѣднимъ кастратомъ — слава Богу!

— Извѣстный контробасистъ *Драгонетти* умеръ недавно въ Лондонѣ на девяносто-второмъ году отъ рожденія. Онъ родился въ Италіи въ 1755 году, и почти цѣлую жизнь провелъ въ Лондонѣ, гдѣ былъ членомъ оркестра филармоническаго лондонскаго общества. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ всѣхъ европейскихъ артистовъ.

— На-дняхъ было въ Парижѣ торжественное открытіе монумента *Россини*. Зала «Academie royale de musique» была наполнена зрителями. По этому случаю данъ былъ концертъ, въ которомъ участвовали: госпожа Даморѣ, и господа Дюпрѣ, Баронале, и нашъ любимецъ Тамбурини. Публика приняла его съ восторгомъ, и заставила повторить арію *Largo al factotum*, которую онъ пѣлъ съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ и увлекательностью. Статуя Россини вовсе не похожа на автора «Вильгельма Телля»; она сдѣлана очень плохо, и ежели бы имя Россини не было выставлено внизу, никто бы никогда не узналъ чей это памятникъ. *Gluck, Mozart, Bethoven! ne portez pas envie à ce pauvre vivant qui ne se reconnaitrait par lui-même! Aprèsent nous voilà plus sûr que jamais que Rossini ne franchira jamais le seuil de l'Opéra* говоритъ Жюль Жаненъ.

НОВЫЯ КНИГИ,

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммисіонера Императорской Библиотекы на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петльа, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

- WARRAND.** Cours pratique de langue anglaise. Thèmes, traductions; ouvrage arrangé méthodiquement pour faciliter les traductions du français en anglais; précédé d'un abrégé de la grammaire anglaise, d'une table des verbes avec des particules; et suivi d'un vocabulaire dans lequel se trouvent les idiotismes et les constructions difficiles que renferment les traductions. 3e édition revue, corrigée et augmentée. St.-Pétersbourg 1844. 1 vol. in-8. 1 r. 50 c.
- English extracts from the best classical authors, consisting of moral, amusing and instructive anecdotes, pièces of prose from the most popular writers, scenes of comedies, and a selection of poetry; the whole preceded by a new method calculated to facilitate the pronunciation of the english language. 2ond édition, enlarged and improved. St.-Pétersbourg, 1 vol. in-8. 1 r. 50 c.
-
- ANNUAIRE** des sociétés savantes de la France et de l'Étranger; publié sous les auspices du Ministère de l'instruction publique. Première année. 1846. Paris, 1 vol. gr. in-8. 15 fr. 4 r. 30 c.
- ARMAND** (Prior). Histoire de Saint-Remi, précédée d'une introduction et suivie d'un aperçu historique sur la ville et l'Église de Reims. Paris, 1846. 1 vol. in-8 et atlas in-folio colorie 120 fr. 34 r. 30 c.
- AUDIN.** Histoire de la vie, des écrits et des doctrines de Martin Luther. 5me édition revue et considérablement augmentée; avec un Atlas de cartes, gravures, fac-simile, etc. Paris 1845. 3 vol. et Atlas. 24 fr. 6 r. 85 c.
- BERTHET.** La belle drapière. Paris 1846. 2 vol. in-8. 15 fr. 4 r.
- BEZZELIUS.** Rapport annuel sur les progrès de la Chimie, présenté le 31 Mars 1845, à l'Académie Royale des sciences de Stockholm; traduit du suédois par Plantamour. 6e année. Paris 1846. 1 vol. in-8. 6 fr. 1 r. 70 c.
- BON** (le) jardinier, almanach pour l'année 1846, par Poiteau, Vilmorin, Audot, Neumann, Pépin. Paris 1846. 1 vol. in-12. 7 fr. 2 r.
- COQ** (le) du clocher par l'auteur de Jérôme Paturot. Paris 1846. 2 vol. in-8. 15 fr. 4 r.
- DENIEL.** De la construction et de l'exploitation des chemins de fer en France. Paris 1845. 1 vol. in-8. 5 fr. 1 r. 25 c.
- DUMESNIL.** Epreuves sociales de la France depuis Louis XIV jusqu'à nos jours. Paris, 1845. 1 vol. in-8. 6 fr. 1 r. 70 c.

- GARELLA.** *Projet d'un canal de jonction de l'Océan pacifique et de l'Océan atlantique à travers l'isthme de Panama.* Paris 1845. 1 vol. in-8. 6 fr. 1 r. 70 c.
- GÉNIN.** *Des variations du langage français depuis le XIIe siècle ou recherche des principes qui devraient régler l'orthographe et la prononciation.* Paris, 1845. 1 vol. in-8. 7 fr. 50 cop. 2 r. 15 c.
- GERUSEZ.** *Nouveaux essais d'histoire littéraire.* Paris 1846. 1 vol. in-8. 7 fr. 50 c. 2 r. 15 c.
- GOMARD (Posselier dit).** *La théorie de l'escrime, enseignée par une méthode simple, basée sur l'observation de la nature; illustrée de vingt dessins faits d'après nature par Guérin.* Paris 1845. 1 vol. in-8. 7 fr. 2 r.
- LIEBIG.** *Introduction à l'étude de la chimie, accompagnée de considérations détaillées sur les acides, les bases et les sels, augmentée d'une table alphabétique des matières, présentant les définitions techniques et les relations des corps, traduite de l'allemand par Gerhardt.* Paris 1837. 1 vol. in-12. 3 fr. 85 c.
- MATHIAS et CALLON.** *Etudes sur la navigation fluviale par la vapeur.* Paris 1846. 1 vol. in-8. 6 fr. 1 r. 70 c.
- MUNIN.** *Chimie expérimentale et théorique appliquée aux arts industriels et agricoles.* Paris 1845, 2 vol. in-8. 14 fr. 4 r.
- MUNK.** *Palestine. Description géographique, historique et archéologique.* Paris 1845. 1 vol. in-8. 7 fr. 2 r.
- OTTO.** *Tables balistiques générales pour le tir élevé; traduit de l'allemand par Rieffel.* Paris 1845. 1 vol. in-8. 7 fr. 50 c. 2 r. 15 c.
- POUSSIN.** *Question de l'Oregon.* Paris 1846. 1 vol. in-8. 2 fr. 60 c.
- ROBERTSON.** *Cahier analytique de prononciation anglaise.* Paris 1841. 1 vol in 8. 2 fr. - 60 c.
- *Cours de littérature anglaise ou choix de morceaux tirés des meilleurs prosateurs contemporains.* Paris 1840. 1 volume in-8. 5 fr. 1 r. 45 c.
- *Nouveau cours pratique, analytique, théorique et synthétique de langue anglaise.* 4e édition. Paris 1846. 3 vol. in-8. 12 fr. 3 r. 45 c.
- *Leçons pratiques de langue anglaise, extraites de l'ouvrage précédent.* 2e édition. Paris 1846. 1 vol. in-8. 3 fr. 85 c.
- SIMMS.** *Construction des tunnels de Bleckingley et de Saltwood; ouvrage traduit de l'anglais avec des notes et des additions par Santin.* Paris 1845. 1 vol. in-8. 9 fr. 2 r. 55 c.
- SPIERS.** *Dictionnaire général anglais-français, nouvellement rédigé d'après Johnson, Webster, Richardson etc.* Paris 1846. 1 vol. gr. in-8. 7 fr. 50 c. 2 r. 15 c.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро.)

Пьесы для скрипки.

- ALARD (D.),** Fantaisie sur Linda di Chamounix, avec orchestre, op. 12. (4 r. 58 c.) avec piano (2 r. 29 c.). Souvenirs des Pyrénées. Nocturne, avec piano. op. 13. (1 r. 15 c.).
- ARTOT (J.),** Concerto avec orchestre, op. 18. (6 r. 85 c.). idem avec piano, op. 18. (2 r. 85 c.). Grande fantaisie sur Robert le Diable, avec piano, op. 19. (2 r.). Romance de Field transcrite avec piano, op. 20. (85 c.).
- BERIOT. (C. de.)** Neuvième air varié avec accompagnement d'orchestre, op. 52. (4 r. 29 c.). Neuvième air varié avec piano, op. 52. (2 r. 85 c.).
- DAVID. (F.)** Six caprices pour violon avec piano. op. 20. liv. 1. 2. (chaque à 2 r.). Introduction et variations sur un air écossais avec orchestre. op. 21. (4 r. 29 c.). Idem avec piano, op. 21. (2 r.).
- ERNST. (H. W.)** Rondo-Papageno avec accompagnement d'orchestre, op. 20. (4 r. 29 c.). Rondo-Papageno avec acc. de piano, op. 20. (2 r. 29 c.).
- GHYS. (J.)** Dixième air varié avec introduction et final, avec piano, op. 31. (1 r. 43 c.). Le mouvement perpétuel. Caprice de concert avec quatuor, op. 36. (1 r. 72 c.). Le même caprice avec piano, op. 36. (1 r. 29 c.). Triste pensée, mélodie et pensée fixe, grand agitato avec piano, op. 37. (1 r. 72 c.).
- HAUSER. (M.)** Chanson d'amour et chanson de berceau. Deux chants sans paroles avec piano, op. 11. (85 c.).
- KALLIWODA. (I. W.)** Troisième divertissement de concert avec orchestre, op. 134. (3 r. 43 c.). le même avec piano, op. 134. (2 r.).
- MOLIQUE. (B.)** Fantaisie et variations sur des airs russes avec orchestre, op. 19. (2 r. 85 c.). idem avec piano, op. 19, (1 r. 29 c.). Cinquième concerto, avec orchestre, op. 21. (5 r. 15 c.). Idem avec Quintuor, op. 21. (3 r. 43 c.). Idem avec piano, op. 21. (3 r. 43 c.).
- PRUME. (F.)** Morceau de concert avec orchestre, op. 8. (3 r. 43 c.). Idem avec piano, op. 8. (1 r. 72 c.).
- VIEUXTEMPS. (H.)** Six études de concert, avec piano, op. 16. (2 r. 58 c.). Norma. Fantaisie sur la 4me corde avec orchestre, op. 18. (4 r. 29 c.). Idem avec piano, op. 18. (1 r. 72 c.).

Пьесы для Виолончеля.

- ARTOT.** Fantaisie sur la Lucia transcrite pour violoncelle avec piano par Bockmühl, op. 5. (1 r. 72 c.).
- BAERMANN.** La petite mendiante. Scène chantante avec piano, op. 14. (1 r.).

- BEETHOVEN.** Adelaïde. Chant célèbre, transcrit pour violoncelle et piano par Bockmühl. (1 r. 29 c.).
- BOCKMUEHL.** Quatre mélodies caractéristiques. Chant romantique, Sérénade moresque, Prière et Bolero, avec piano. No 1 à 4. (chaque à 1 r.) Album de l'amateur pour le violoncelle avec piano, op. 45. No 1. Sérénade du chasseur (85 c.). No 2. Chant de berceau (70 c.). No 3. Tyrolienne variée (1 r.). No 4. Tarantelle (1 r.). op. 46. No 5. Nocturne (70 c.). No 6. Thème varié (1 r.). No 7. Au rouet (85 c.). No 8. Valse. (1 r.).
- DOTZAUER.** Ernst und Scherz. Adagio und Rondo mit Piano, op. 169. (1 r. 43 c.). Six Duos religieux pour deux violoncelles, op. 171. (1 r. 15 c.). Trois grands Divertissemens pour violoncelle et piano. op. 173. No 1. Sur des motifs du Desert de David (1 r. 72 c.). No 2. Sur la part du Diable (1 r. 72 c.). No 3. Sur la Norma de Bellini (1 r. 72 c.).
- GROSS.** Ballade pour violoncelle avec orchestre, op. 40. (3 r. 43 c.). Idem avec piano, op. 40. (2 r.).
- KUMMER.** Introduction et Rondo sur la Sirène d'Auber, op. 78. No 1. (1 r.). No 2. Romance élégiaque sur un air russe. (72 c.). Caprice sur quatre mélodies écossaises, op. 80, avec orchestre (2 r. 85 c.) avec quatuor (1 r. 72 c.) avec piano (1 r. 72 c.). Notturmo sur un air de Proch pour violoncelle avec piano, op. 82. (60 c.). Morceau de salon sur des mélodies de l'opéra: Guillaume Tell, op. 83, avec orchestre (2 r.) idem avec piano, op. 83 (1 r.).
- LEE.** Ecole du Violoncelliste, Collection de Duos pour Deux Violoncelles, op. 36. Trois duos faciles et progressifs. (1 r. 72 c.). Trois duos non difficiles et progressifs, op. 37. (1 r. 72 c.).
- MERK.** Fleurs d'Italie, op. 26. No 3. Fantaisie sur Torquato Tasso. (1 r. 43 c.). No 4. Fantaisie sur Dom Sébastien de Donizetti pour violoncelle avec piano. (1 r. 43 c.).
- PIATTI.** Introduction et Variations sur un thème de la Lucia pour violoncelle avec piano, op. 2, (1 r. 72 c.). Une prière. Thème original varié avec piano, op. 3. (2 r. 29 c.). Passe-temps sentimental pour violoncelle avec piano, op. 4. (1 r. 43 c.).
- SCHUBERTH.** Andante religioso e capriccioso pour violoncelle avec orchestre, op. 11. (4 r. 29 c.). idem avec piano, op. 11. (1 r. 72 c.). Pièce de société. Pastorale avec piano, op. 12 (1 r. 72 c.). Fantaisie-caprice sur la marche des Puritains avec piano, op. 14 (1 r. 72 c.).
- STRANSKY.** Der junge Opernfreund. Ausgewählte Melodien für Violoncelle mit Piano-Begleitung, op. 5. No 1. Lucrezia (1 r. 15 c.). No 2. Maria die Regimentstochter (85 c.). No 3. Sonnambula (1 r. 15 c.). No 4. Norma (1 r. 15 c.). No 5. Puritani (1 r. 15 c.). No 6. Die

4 Haimons Kinder. (1 r. 15 c.). Délassements pour les amateurs. Six mélodies pour violoncelle et piano concertantes et faciles, op. 7. No 1. Lucia. No 2. Czaar et Zimmermann. No 3. Sonnambula. No 4. Bagnonots. No 5. Nachtlager in Granada. No 6. La part du Diable (chaque No à 1 r. 15 c.).

(Выписывающіе потъ на сумму не менѣ трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ нихъ всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го Юля седьмая тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: Buddéus, Chanson sans paroles (inérite). Herz, (H.) Nouvelle Tyrolienne originale variée. Czerny, Toccata. Döhler, Trot des Chevaliers-Gardes (inérite). Herz, (J.) La perle d'or. Valse. Beuer, Variations sur un air vénitien. Voss, Polonaise élégante. Алябьевъ, Лучъ надежды. Романсъ (inérite). Arnaud, Ta main, Romance. Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп.).

==

VII.

НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ПО КРОВООБРАЩЕНІЮ МОЛЛЮСКОВЪ, ОСОБЕННОЕ РАСПОЛОЖЕНІЕ ИХЪ ПИЩЕПРИЕМНАГО КАНАЛА, СИСТЕМА ЖЕЛУДОЧНО-СОСУДИСТАЯ, — ФЛЕВЕНТЕРИЗМЪ. Наблюденія Мильнъ-Эдвардса и Катръ-Фажа. Изученіе животныхъ совершенныхъ, не представляетъ всегда лучшаго и ближайшаго пути для разрѣшенія вопросовъ физиологическихъ. Очень часто, анатомъ, чтобы объяснить вопросы этого рода, долженъ обратиться къ наблюденію высшихъ типовъ царства животнаго. Сложность организаціи, которая есть признакъ совершенства организма, создаетъ множество препятствій, которыя не существуютъ тамъ, гдѣ аппараты болѣе упрощены; и органы высшихъ животныхъ, доведенные до конечной простоты, ясно показываютъ свое назначеніе и участіе, которое принимаютъ они въ общей жизни животнаго. Вотъ почему въ различныя времена и преимущественно въ настоящую эпоху анатомы и физиологи обращали труды свои къ изученію животныхъ безпозвоночныхъ.

Послѣднія изысканія совершенно измѣнили старинное мнѣніе касательно кровообращенія моллюсковъ и эти открытія были причиною очень продолжительныхъ и очень жаркихъ споровъ.

Всѣ знаютъ, что у животныхъ позвоночныхъ кровь обращается въ совершенно сомкнутой системѣ сосудовъ. Сердце посылаетъ черезъ артеріи кровь къ органамъ дыханія и повсему тѣлу; и жидкость эта возвращается опять въ сердце черезъ вены, нигдѣ не разлившись. Сплетеніе тончайшихъ волосныхъ каналовъ соединяетъ артеріи и вены и черезъ поры этихъ мельчайшихъ сосудовъ кровь въ легкихъ поглощаетъ кислородъ и отдаетъ ор-

ганизму животному частицы необходимы для его питания. Кровь воспроизводится постоянно изъ молочка, которое поглощается въ кишкахъ посредствомъ особой системы сосудовъ, совершенно сомкнутой. Эта молочная или лимфатическая система впадаетъ прямо въ систему кровеносную.

Физиологи допускали эту неразрывность сосудистой системы вообще какъ необходимое условіе, чтобъ объяснить явленіе кровообращенія однимъ только биеніемъ сердца. До послѣдняго времени натуралисты полагали, что моллюски или слизни также подчинены этому общему правилу, что аппаратъ кровообращенія у этихъ животныхъ состоитъ изъ *сомкнутой системы сосудовъ, въ которой движется кровь по всему изъ организму.*

Правда, Кювиэ въ своемъ превосходномъ мемуарѣ объ аплюзин, или зайкѣ, доказалъ, что у этого головоногого слизня стѣнки каналовъ или сосудовъ, несущихъ венную кровь къ легкимъ, состоятъ только изъ однихъ мускульныхъ пучковъ и сосудистая система и вся внутренняя полость организма прямо сообщаются черезъ пространства, раздѣляющія эти пучки; и такимъ образомъ жидкости, находящіяся въ этой полости, могутъ свободно проникать въ систему кровообращенія и наоборотъ. Но Кювиэ почиталъ это необыкновенное явленіе за исключеніе изъ общаго закона.

Открытія, о которыхъ мы здѣсь памѣрены говорить, начались наблюденіями надъ моллюсками изъ семейства золотницъ. Мильвъ-Эдвардсъ первый описалъ у маленькой каліопы особую систему капаловъ, которые открываются въ щщепріемный капаль и распространяются во всѣхъ частяхъ организма. Этотъ аппаратъ, находящійся въ связи съ органами пищеваренія, образуетъ систему слѣпыхъ капаловъ, гдѣ обращается молоко, первый продуктъ перевариванія пищи. Почти въ то же время подобныя же наблюденія сдѣланы были Левеномъ, стокгольмскимъ ученымъ, и Катръ-Фажемъ, членомъ парижской академіи наукъ. Этотъ послѣдній натуралистъ доказалъ, въ своемъ замѣчательномъ мемуарѣ объ золотницѣ, что у этого моллюска существуетъ также аппаратъ, замѣченный Мильвъ-Эдвардсомъ у каліопы, и что система кровообращенія устроена очень несовершенно, — вены у нихъ не существуютъ, кровь изъ сердца выходитъ въ артеріи и возвращается черезъ внутреннія полости; слѣпые же продолженія кишечнаго капала пополняютъ несовершенство аппарата кровообращенія; именно онѣ прямо разносятъ молочко чь различныя части организма.

Такое расположеніе аппарата кровообращенія Катръ-Фажъ называлъ *флебентеризмомъ*; а моллюсковъ, представляющихъ этотъ характеръ, онъ соединилъ въ одинъ особенный отрядъ подъ именемъ *флебентеровыхъ*.

Во время путешествія своего въ Сицилію, Мильнъ-Эдвардъ наблюдалъ кровообращеніе у многихъ морскихъ моллюсковъ и этотъ искусный анатомъ нашелъ, что несовершенство кровеносной системы, замѣченное Катръ-Фажомъ встрѣчается гораздо чаще, нежели какъ это думали и что отсутствіе венознаго аппарата характеризуетъ очень многихъ моллюсковъ. Многочисленныя изслѣдованія, произведенныя Мильнъ-Эдвардсомъ во время путешествія и позже, вмѣстѣ съ Валансьеномъ, умножили число исключеній или отступленій отъ общаго закона кровообращенія моллюсковъ, установленнаго Кювье. Всѣ моллюски, которыхъ они разсѣкали, не имѣли вовсе или имѣли только неполную венозную систему и эти натуралисты убѣдились, что подобная организація существуетъ и у моллюсковъ головоногихъ болѣе совершенныхъ нежели моллюски брюхоногіе и безголовые. Мильнъ-Эдвардъ читалъ парижской академіи наукъ нѣсколько мемуаровъ, гдѣ изложены были его изслѣдованія, доказывающія, что у всѣхъ моллюсковъ существуетъ полная система кровообращенія, система венозная вовсе не существуетъ или существуетъ не полная и замѣщается большими полостями, находящимися внутри организма. Послѣднія работы Овена (Owen), Фанъ-Бенсона, Нордмана, Альдера и Генкока (Hancock) совершенно подтвердили эти результаты.

У большей части моллюсковъ, кровь наполняетъ брюшную полость и омываетъ болѣе или менѣе значительную часть пищеваго канала, Очень вѣроятно, что скважность или порозность этого канала даетъ возможность проникать питательнымъ частицамъ черезъ его стѣнки и смѣшиваться съ кровью; и здѣсь такимъ образомъ прямое поглощеніе замѣщаетъ всасываніе венами или сомкнутыми молочными сосудами, такъ характеризующими позвоночныхъ животныхъ. Эта кровь, чтобы сдѣлаться питательною, необходимо должна подвергнуться дѣйствию воздуха; у моллюсковъ самыхъ совершенныхъ, кровь идетъ къ особенному органу дыханія; но у другихъ моллюсковъ вѣтъ ни легкихъ, ни жабръ и окисленіе крови происходитъ во всѣхъ частяхъ организма, черезъ паружные покровы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, процессъ дыханія облегчается слѣпыми развѣтвленіями пищеваго канала, которыя Эдвардъ назвалъ системою *желудочно-*

сосудистою (*castrovasculaire*), а Катръ-Фажъ—*флебенеризмомъ*. Эти развѣтвленія или каналы разносятъ во всѣ части организма, молочко или питательную жидкость, которая такимъ образомъ смѣшивается съ кровью непосредственно подъ тонкими наружными покровами и окисляется въ моментъ смѣшенія.

Развѣтвленія пищеваемаго канала пѣютъ цѣлью завершить неполноту кровообращенія моллюсковъ этого роду; эти развѣтвленія несутъ молочко въ органы, гдѣ оно смѣшивается съ кровью и окисляется. Въ то время, когда Катръ-Фажъ издалъ свое описаніе Золидины, всѣ натуралисты вообще полагали, какъ выше было сказано, что моллюски представляютъ полное кровообращеніе. Этотъ искусный наблюдатель, найдя у золидины развѣтвленія пищеваемаго канала и не найдя совсѣмъ венъ, думалъ, что можно животныхъ, представляющихъ подобную организацію, соединить въ одинъ отрядъ подъ именемъ *флебенеровыхъ* (*Phlebotérés*). Но впоследствии онъ и другіе натуралисты убѣдились, что у моллюсковъ вовсе не находится веной системы или существуетъ неполная, и что, слѣдственно, названіе Флебенеризма должно относиться къ развѣтвленіямъ кишечнаго канала, а отрядъ *флебенеровыхъ* не можетъ быть допущенъ въ системѣ животнаго царства. Явленіе *флебенеризма*, кромѣ-того, свойственно не однимъ моллюскамъ, но встрѣчается въ другихъ классахъ отдѣла безпозвоночныхъ животныхъ.

Чтобы ясно понять процессъ питанія моллюсковъ, надобно принять въ расчетъ, кромѣ этихъ новыхъ интересныхъ наблюденій, и еще другіе факты, замѣченные различными анатомами: господиномъ Фанъ-Бенеденъ, голландскій естествоиспытатель, въ-особенности старался доказать своими собственными изслѣдованіями и фактами, замѣченными Кювиѣ, делье-Хіайѣ и прочими, что вода входитъ во внутреннюю полость моллюсковъ, смѣшивается съ кровью и дѣйствуетъ на эту жидкость воздухомъ, который въ ней находится.

Всѣ открытія, здѣсь нами описанныя, очень важны въ отношеніи зоологическомъ; потому что они показываютъ аналогію между моллюсками и другими членистыми и лучистыми животными. Аппаратъ кровообращенія, состоящій изъ сердца, артерій и промежуточныхъ полостей, вмѣсто венъ, напоминаетъ организацію раковъ. Настѣкомыя, даже по своему аппарату кровообращенія, довольно близко подходятъ къ моллюскамъ; именно ихъ спинной сосудъ, ихъ короткая артерія и потоки крови замѣчаемые во многихъ полостяхъ тѣла, образуютъ систему кровообра-

щенія, подобную организаціи нами вышеописанной. Зооциты, самые совершенные, представляющіе вѣтвистый пщепріемный каналъ, который плаваеъ въ питательной жидкости, также имѣютъ поэтому аналогію съ моллюсками.

Эти сравненія и эти новые факты заслуживаютъ также вниманія анатомовъ; потому что они подтверждаютъ гениальную идею Мильнъ-Эдвардса—именно, что большее и меньшее совершенство животныхъ можетъ быть выражено большимъ или меньшимъ *раздѣленіемъ труда* въ процессахъ фзіологическихъ. Совершенно несправедливо прежде думали, что существованіе фзіологическаго отправления всегда предполагаетъ присутствіе органа, исключительно для того назначеннаго. Всѣ жизненные явленія или отправления существуютъ у животныхъ; но эти отправления не всегда исполняются органами особенными. У животныхъ высшихъ нѣсколько отправленій сосредоточиваются въ одномъ органѣ и такимъ образомъ число органовъ уменьшается.

Въ заключеніе мы должны сказать, что наблюденія Катръ-Фажа и Мильнъ-Эдвардса не были приняты единодушно анатомами и были причиною многихъ споровъ между учеными; главный антагонистъ Катръ-Фажа, Сульз, совершенно отвергаетъ его наблюденія и утверждаетъ, что развѣтвленія кишечнаго канала моллюсковъ представляютъ желчные каналы, которые встрѣчаются у насѣкомыхъ. Новые факты и новыя наблюденія покажутъ, вѣроятно скоро, на которой сторонѣ находится истина; потому что вопросъ о кровообращеніи моллюсковъ до-сихъ-поръ составляетъ еще предметъ изслѣдованій первоклассныхъ ученыхъ.

ЛУННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ.—НОВЫЯ ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ ПРОИСХОЖДЕНІЯ ЛУНЫ. *Наблюденія Розе.* Руководствуясь превосходными картами Луны, составленными Лорманомъ, Бэрромъ и Медлеромъ, Эл-де-Бомонъ успѣлъ открыть нѣкоторыя соотношенія между гористыми массами Земли и кольцеобразными впадинами, замѣченными на поверхности нашего спутника.

Эл-де-Бомонъ, еще въ 1843 году, представилъ парижской академіи сравнительныя измѣренія жерлъ или кратеровъ земныхъ вулкановъ и этихъ лунныхъ кольцеобразныхъ впадинъ, которыя онъ признаетъ также за кратеры лунныхъ вулкановъ. Въ свое время мы сообщили читателямъ нашимъ извѣстіе объ этомъ остроумномъ сближеніи (смотри «Библиотеку для Чтенія» 1843 года, май мѣсяцъ). Нижеслѣдующія наблюденія капитана Розе составляютъ какъ-бы продолженіе изысканій Эл-де-Бомона; онъ

открываютъ намъ много новыхъ интересныхъ фактовъ, относительно состава земнаго спутника.

Очертанія большихъ полосъ сѣроватаго цвѣту, называемыхъ, обыкновенно, морями, хотя и совершенно несправедливо, образуются дугами нѣсколькихъ пересѣкающихся окружностей. Эти очертанія представляютъ вертикальные, круглые уступы, состоящие изъ пѣнящейся массы; высота ихъ бываетъ слишкомъ четыре тысячи аршинъ. Внутри этихъ морей или сѣрыхъ полосъ, замѣчаются кольцеобразныя отверстія, совершенныя кольца, два вершка въ диаметръ. Многія моря представляютъ посередѣи возвышенія, немного выше окраинъ кольца.

Сѣрыя полосы покрываютъ сѣверную, восточную и западную части поверхности луны. На южной части остается блестящее пространство, покрытое множествомъ колецъ различныхъ размѣреній. Эти кольца расположены бываютъ отдѣльно или соединяются между собою по два, по три и болѣе; въ точкахъ касанія очертанія ихъ бываютъ болѣею частью неправильны. Внутри большихъ колецъ находятся почти всегда кольца меньшаго размѣру. Дно колецъ плоско; а очертанія ихъ, повидимому, представляютъ крупныя волны, которыя поднимаются на поверхности жидкой массы.

Сѣрыя полосы представляютъ тѣ же самыя характеры. На всей поверхности Луны мы не находимъ ничего подобнаго горнымъ цѣпямъ и долинамъ нашей планеты, и трещины, которыя замѣчаются на ней, вѣрнѣе всего сравнить съ кратерами подвѣтя.

Наблюдая наклоненія солнечнаго луча, на различныя части Луны, Розе подмѣтилъ, что она состоитъ изъ двухъ отдѣльных пластовъ — изъ массы, составляющей дно сѣрыхъ точекъ и изъ коры, поднимающейся надъ этимъ дномъ; толщина этой коры среднимъ числомъ шестьсотъ сорокъ два аршина.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, Розе выводитъ слѣдующія заключенія касательно образованія нашего спутника.

1) Луна первоначально была въ расплавленномъ состояніи и медленно охлаждалась.

2) Во время образованія наружной коры, расплавленная масса была въ движеніи, въ ней было множество отдѣльных вихрей, круговоротовъ, которые располагали охладѣвшіе куски по окружности и образовали очертанія колецъ.

3) Сила этихъ вихрей уменьшалась съ отвердѣніемъ расплавлен-

ной массы на поверхности, но они продолжают и теперь, хотя не въ такой степени.

4) Образованіе колець, какъ мы его себѣ представляемъ, совершенно исключаетъ идю кратеровъ, подобныхъ кратерамъ на шихъ вулкановъ.

5) Когда поверхность нашего спутника перешла въ твердое состояніе, на нее болѣе не отлагалось ни жидкихъ, ни твердыхъ частицъ; потому что въ противномъ случаѣ исчезли бы маленькія кольца. Это сохраненіе первобытной формы доказываетъ, что на поверхности Луны и въ ея атмосферѣ, никогда не существовало никакой жидкости въ значительномъ количествѣ.

6) Когда наружная оболочка Луны совершенно окрѣпла, внутри подъ нею масса была еще въ жидкомъ состояніи; она дѣйствовала на паружную оболочку и мѣстами разорвала ее. Въ эту эпоху кора Луны была непремѣнно значительной толщины, потому что эти трещины имѣютъ значительные размѣры.

7) Такъ, какъ на Луиѣ и въ ея атмосферѣ, никогда не существовало жидкости въ значительномъ количествѣ; то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что на ней не могли жить органическія существа, подобныя животнымъ или растеніямъ, населяющимъ нашу планету.

ДѢЙСТВІЕ ТЕЧЕНІЯ ОКЕАНА НА ТЕМПЕРАТУРУ АТМОСФЕРЫ.
Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Philosophical Magazine* полковникъ Сэбинъ помѣстилъ очень интересное замѣчаніе о причинѣ сравнительно высшей температуры послѣдней зимы во многихъ мѣстностяхъ Европы.

Средняя температура послѣдней зимы въ Лондонѣ была осемью градусами выше температуры зимы 1844 и 1845 годовъ; подобное же явленіе представляетъ также зима 1821 года. Въ 1821 году, пишетъ полковникъ Сэбинъ, теплое теченіе Океана (*Gulfstream*) доходило до береговъ Европы; а обыкновенно оно оканчивается у меридіана Азорскихъ Острововъ. Это направленіе и положеніе теплаго теченія, полковникъ Сэбинъ полагаетъ, есть причина высокой температуры и сравнительно большой теплоты зимы 1821 года: вода теплаго теченія перешла здѣсь за обыкновенныя свои границы и разлилась на пространство, длиною въ 1,000 миль и шириною въ 600 миль; она-то и согрѣла сосѣднія массы воды и ближайшіе слои атмосферы въ широтахъ сравнительно болѣе холодныхъ. Объясненіе полковника Сэбина очень правдоподобно; только мы не имѣемъ положительныхъ доказа-

тельствѣ, чтобы въ нынѣшнемъ году теплое теченіе Оксана представляло подобное разлитіе.

МИМИ ПЕНСОНЪ. *Эскизъ гризетки. Статья Альфреда де-Мюссѣ.* Въ числѣ студентовъ, слушавшихъ въ прошломъ году курсъ въ медицинскои школѣ, былъ нѣкто по имени Евгеній Оберъ. Онъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати, изъ хорошей фамиліи; родители его жили въ провинціи, и давали ему скромное, но достаточное содержаніе. Онъ велъ жизнь мирную, и слылъ человѣкомъ весьма кроткимъ. Товарищи любили его: онъ всегда былъ къ нимъ добръ и услужливъ, щедръ и откровененъ. Въ одномъ его упрекали: въ страшной склонности къ мечтательности и одиночеству, и въ чрезвычайной воздержности въ словахъ и въ самыхъ дѣйствіяхъ, которая навлекла ему прозвище *двочки*; впрочемъ, онъ самъ смѣялся этому прозвищу, и пріятели вовсе не думали его этимъ оскорблять, зная, что, вслучаѣ нужды, онъ никому не уступитъ въ неустрашимости; по правду и то, что поведеніе его нѣсколько оправдывало это прозвище, въ-особенности противоположностью своею съ образомъ мыслей его товарищей. Пока дѣло шло о работѣ, онъ былъ изъ первыхъ, но какъ-скоро заговаривали о пирушкѣ, объ обѣдѣ или о вечеринкѣ въ *Chaumière*, *двочка* покачивалъ головою, и возвращался къ себѣ домой. Дѣло неслыханное между студентами,—не только что у Обера не было любвицы, но даже никто не видалъ, чтобы онъ ухаживалъ за гризеткою передъ ея конторкою, какъ исконно водится въ Латинскомъ Кварталѣ. Красавицы, которыми населенъ студентскій кварталъ, внушали ему чувство, доходившее до омерзѣнія. Онъ видѣлъ въ нихъ особенную, опасную, неблагоприятную, развращенную породу, рожденную на то, чтобы вездѣ оставлять зло и бѣдствіе, взявъ въ ничтожныхъ удовольствіяхъ. «Берегитесь этихъ женщинъ, говорилъ онъ, это накаленные желѣзные куклы»; и къ-несчастью, не было недостатка въ примѣрахъ къ оправданію его ненависти къ нимъ. Не трудно было высчитать ссоры, беспорядки, иногда даже разореніе, прилипшія этими многоходными связями, похожими по наружности на счастье; такъ было въ прошломъ году, такъ и въ нынѣшнемъ, такъ будетъ, вѣроятно, и въ будущемъ.

Само-собою разумѣется, что пріятели Обера безпрестанно трунили надъ его нравственностью и опасеніями: «Что ты докажешь однимъ проступкомъ, или одною случайною бѣдою?» говорилъ ему

частенько одинъ изъ его товарищей, Марсель, слывшій славнымъ кутилою.

— Что должно воздерживаться, чтобы не случилось то же самое въ другой разъ, отвѣчалъ Оберъ.

— Вздоръ, возражалъ Марсель; вздоръ! И какое тебѣ до этого дѣло? Одинъ проигрался, такъ другому птти въ монахи? У одного ни гроша за душой; другой пьетъ воду; развѣ Лизѣ оттого не должно ѣсть? Кто виновать, когда сосѣдъ заложить часы и переломить себѣ руку въ Монморанси?... сосѣдка оттого не безъ руки. Ты дерешься за Розалію, тебя ранили, она отъ тебя отворачивается, это очень понятно: развѣ у нея талія оттого хуже? Это небольшія неприятности, которыхъ нельзя избѣгнуть въ жизни: но онѣ гораздо рѣже, нежели ты воображаешь. Посмотри-ка въ воскресенье, въ ясную погоду, сколько паръ друзей въ кофейняхъ, по гулявьямъ и загороднымъ трактирамъ! Взгляни на громадныя омнибусы, набитые гризетками, и отправляющіеся въ Ранелагъ или въ Бельвилль. Сосчитай сколько ихъ выходитъ въ праздничный день изъ одного квартала Сенъ-Жакъ... батальонъ модистокъ, армія швей, тучи табачницъ; всѣ онѣ веселятся, всѣ наслаждаются любовью; всѣ спускаются вокругъ Парижа по лугамъ и рощамъ, какъ тучи кузнечиковъ. А пойдетъ дождь, вся эта толпа отправится въ мелодраму ѣсть апельсины и плакать; потому что,—что грѣха таить,—всѣ онѣ много ѣдятъ, и любятъ поплакать, что показываетъ доброе сердце. Но что за бѣда, если эти бѣдныя дѣвушки, которыя цѣлую недѣлю шили, метали, рубили, стегали и штопали, когда въ воскресенье, онѣ собственнымъ примѣромъ проповѣдуютъ забвеніе страданій и любовь къ ближнему? И можетъ ли лучше поступить честный человѣкъ, который съ своей стороны также цѣлую недѣлю рѣзалъ очень незаманчивые субъекты, какъ не дать отдохнуть глазамъ на свѣжемъ личикѣ, на круглой ножкѣ, и на прекрасной природѣ?

— На набѣленныхъ остовахъ! возражалъ Оберъ.

— А я утверждаю, продолжалъ Марсель, что можно и должно хвалить гризетокъ, и что умѣренное ихъ употребленіе — полезно. Во-первыхъ, онѣ добродѣтельны, потому что цѣлый день посвящаютъ на изготовленіе необходимой для скромности одежды; во-вторыхъ, онѣ вѣжливы, потому что нѣтъ ни одной мастерицы, которая не приказывала бы своимъ работницамъ обходиться учтиво съ посѣщающими ея лавку; въ-третьихъ, онѣ очень бережливы и опрятны, потому что у нихъ безпрестанно бываютъ въ рукахъ бѣлье и матерія, которыя онѣ должны стараться не

портить, чтобы не вычли изъ платы; въ-четвертыхъ, онѣ опрочевенны, потому что при всѣхъ пьютъ ратаѳію; въ-пятыхъ, онѣ не расточительны и воздержны, потому что съ трудомъ зарабатываютъ тридцатьсу, и если бывають случаи, когда онѣ любятъ помаломитя и помочать, то всегда изъ чужихъ денегъ; въ-шестыхъ, онѣ очень веселы, потому что работа ихъ по бѣльшей части скучна до-смерти, и онѣ бьются какъ рыба въ водѣ, какъ-скоро она кончена. Другое ихъ удобство, то, что онѣ не домысливы, потому что всю жизнь проводятъ пригвожденные къ стулу, съ котораго не могутъ тронуться, и, слѣдовательно, имъ нельзя бѣгать за любовниками, какъ свѣтскимъ женщинамъ. Сверхъ-того онѣ не болтливы; потому что принуждены считать сважи. Онѣ очень не много тратятъ на обувь, потому что мало ходятъ, и на туалеть, потому что имъ рѣдко даютъ что въ долгъ. Ихъ упрѣкають въ неостоянствѣ, но это происходитъ не оттого, чтобы онѣ читали дурные романы, и не отъ врожденнаго жестокосердія, а отъ множества различныхъ лицъ, проходящихъ мимо ихъ лавокъ. А что онѣ способны на сильную страсть, доказывается множествомъ гризетокъ, которыя бросають въ Сену или въ ономно, или морятъ себя угаромъ на квартирахъ. Правда, онѣ всегда хотять ѣсть и пить, именно вслѣдствіе ихъ чрезвычайной воздержности, но извѣстно, что онѣ умѣють довольствоваться на обѣдѣ, стаканомъ пива и сигаркою, — а это драгоценное свойство, очень рѣдкое въ хозяйствѣ. Словомъ, я утверждаю, что онѣ всѣ добры, любезны, вѣрны и безвѣрны, и что крайне жаль, что почти всѣ кончаютъ жизнь въ богадѣльнѣ.

Марсель говорилъ такъ по бѣльшей части въ кассино, когда голова была немного разгорячена; онъ наливалъ вина въ стаканъ своего пріятели, и принуждалъ его пить здоровье осѣдки ихъ, мамзель Мини Пенсонъ; но Оберъ бралъ шляпу, и между-тѣмъ какъ Марсель держалъ рѣчь передъ товарищами, онъ тихонько ускользалъ домой.

Мамзель Пенсонъ нельзя въ строгомъ смыслѣ назвать хорошенькою женщиною. Большая разниця между хорошенькою женщиною, и хорошенькою гризеткою. Когда на хорошеенькую женщину, признанную такою и такъ названную на парижскомъ языкѣ, надѣть чепчикъ, ситцевое платье и шелковый передникъ, она, правда, обязана быть хорошеенькою гризеткою; но нарядите хорошеенькую гризетку въ шляпку, въ бархатный камалъ, и платье изъ магазина Пальмиръ, она вовсе не обязана быть хорошеенькою женщиною; напротивъ, по всѣмъ вѣроятностямъ она будетъ по-

хожа на вѣшалку, и будетъ совершенно права. Вазиліе, слѣдовательно, происходитъ отъ различія ихъ общественнаго положенія, и преимущественно заключается въ вускѣ картона, обтянутого матерією, и называемомъ шляпою, который женщины вздумали пришить по бокамъ головы, въ видѣ лошадиныхъ наглазниковъ (надо замѣтить, что наглазники не позволяютъ лошадямъ смотрѣть по сторонамъ, между-тѣмъ какъ картонъ шляпы вовсе не мѣшаетъ).

Какъ бы то ни было, а чепчикъ допускаетъ выдернутый подбородокъ, который въ свою очередь требуетъ широкаго рта, съ прекрасными зубами и вставленнаго въ круглое личико. Къ круглому личику необходимы блестящія и по мѣрѣ возможности черные глаза съ черными бровями. Волосы могутъ быть всякіе, потому что все вижется съ черными глазами. Такія черты, какъ всякій замѣтитъ, очень далеки отъ того, что собственно называется красотою. Это классическое личико гризетки, которая подъ шляпою была бы, можетъ-быть, дурна, но въ чепчикѣ подъ часъ бываетъ прелестна, лучше даже самой красоты. Такова была и мадамъазель Мини Ненсонъ, или просто мадамъазель Мини, какъ звали ее въ пріятельскомъ кругу.

Марсель вбилъ себѣ въ голову, что Евгенийъ долженъ приволочуться къ мадамъазель Мини; почему? право не знаю; развѣ потому, что самъ Марсель былъ обожателемъ мадамъазель Зелін, доброй пріятельницы Мини. Ему казалось весьма простымъ и удобнымъ дѣломъ такъ распорядиться по своему усмотрѣнію, и вести любовь по-пріятельски. Такіе расчеты не рѣдки, и въ большей части удаются, потому что съ-тѣхъ-поръ какъ стоитъ міръ, случай самое сильное изъ побужденій. Кто опредѣляетъ, сколько родилось счастливыхъ и несчастныхъ событій, любовныхъ связей и ссоръ, радостей и печалей, отъ двухъ соседнихъ дверей, отъ потаенной лѣстницы, корридора, разбитаго стекла?

Бываютъ однако же люди, не поддающиеся такой игрѣ случая. Они хотятъ завоевать свои наслажденія, а не выигрывать ихъ въ лотерею, и вовсе не расположены влюбляться поному только, что въ длиннѣсѣ сидятъ подлѣ хорошенькой женщины. Таковъ былъ Оберъ, и Марсель зналъ это; зато онъ уже давно задумалъ довольно простой планъ, который считалъ превосходнымъ для восторжествованія надъ унорствомъ своего пріятеля.

Онъ задумалъ дать ужинъ, и воспользовался предлогомъ своихъ минивинъ. Онъ велѣлъ принести двѣ дюжаны бутылокъ пива, большой кусокъ холодной телятины съ салатомъ, огромный слад-

кій пирогъ, в бутылку шампанскаго. Онъ пригласилъ двухъ пріятелей студентовъ и далъ знать мадамозель Зелін, что у него будетъ пирушка вечеромъ, и чтобы она привела съ собою мадамозель Миннѣ. Разумѣется, онѣ не пропустили случая. Марсель справедливо считался однимъ изъ тузовъ Латинскаго Квартала, изъ тѣхъ людей, которымъ отказывать нельзя; и только-что прошло семь часовъ, онѣ явились къ студенту; мадамозель Зелін была въ короткомъ платьѣ, въ сѣрыхъ башмакахъ и чепцѣ съ цвѣтами; мадамозель Миннѣ одѣта скромнѣе, въ неразлучномъ черномъ платьѣ, которое, говорили, давало ей какое-то испанское выраженіе, которымъ она очень гордилась; разумѣется, что ни та ни другая не знала тайныхъ замысловъ хозяина.

Марсель не звалъ Обера заранѣе: онъ слишкомъ былъ увѣренъ въ отказѣ. Только когда мадамозели усѣлись за столъ, и выпили по первому стакану, онъ отпросился на четверть часа за новымъ гостемъ, и побѣжалъ къ Евгенію, котораго, по обыкновенію, засталъ одного, среди книгъ, за работою. Послѣ нѣсколькихъ пустыхъ словъ, онъ сталъ, какъ всегда, бранить его за то, что слишкомъ много трудится, и что напрасно не ищетъ никакого развлеченія, и, наконецъ, предложилъ ему прогуляться. Евгеній въ самомъ дѣлѣ уставши послѣ цѣлаго дня работы, согласился. Пріятели вышли, и Марселю не трудно было, прошедши нѣсколько разъ по люксембургской аллеѣ, уговорить товарища зайти къ нему.

Оставшись одиѣ, и соскучивъ ждать, дѣвушки начали съ того, что сняли шали и чепчики, а потомъ принялись вдвоемъ пѣть и танцовать, не забывая отъ времени до времени оказывать должную честь приготовленному ужину, такъ только, для пробы. Онѣ остановились веселыя и разгоряченныя, съ сверкающими глазами и разгорѣвшимися лицами, когда Евгеній застѣнчиво и съ удивленнымъ видомъ поклонился имъ. Вслѣдствіе своей удивленной жизни, онъ имъ почти вовсе не былъ знакомъ; онѣ осмотрѣли его тотчасъ съ ногъ до головы, съ тѣмъ отважнымъ любопытствомъ, которое составляетъ исключительную принадлежность ихъ сословія; потомъ снова принялись за пѣсни и пляску, будто ни въ чемъ не бывали. Гость, смѣшавшись, отступилъ уже на два шага назадъ, и можетъ-быть думалъ о томъ какъ бы дать тягу, но Марсель, заперевъ дверь, съ шумомъ бросилъ ключъ на столъ.

— Еще никого нѣтъ! сказалъ онъ: что это съ моими гостями? Впрочемъ, всё-равно! Милостивыя государыни, позвольте пред-

ставить вамъ самаго добродѣтельнаго молодого человека во Франціи и Наваррѣ; онъ давно желаетъ имѣть честь познакомиться съ вами, и въ-особенности принадлежать къ самымъ ревностнымъ обожателямъ мадмоазель Пенсонъ.

Танцы опять остановились; мадмоазель Миннѣ слегка поклонилась и взяла чепчикъ.

— Евгений, продолжалъ Марсель, сегодня мои именины; эти барышни благоволили прійти отпраздновать ихъ съ нами: правда, я тебя привелъ почти насильно, но я надѣюсь, что по нашей общей просьбѣ, ты останешься по собственной волѣ. Теперь часовъ осемь; мы успѣемъ выкурить трубку въ ожиданіи аппетита.

При этихъ словахъ онъ мигнулъ мадмоазель Миннѣ, которая поняла его, и поклонившись другой разъ съ улыбкою, сладкимъ голосомъ сказала Оберу: — И мы тоже васъ просимъ.

Тутъ два студента, которыхъ пригласилъ Марсель, постучались въ дверь. Оберъ увидѣлъ, что невозможно приличнымъ образомъ отступить, и потому покорился судьбѣ, и сѣлъ съ другими.

Ужинъ былъ длинный и шумный. Гости начали съ того, что наполнили комнату облакомъ дыму, и тѣмъ болѣе пили, чтобы освѣжить себя. Дамы поддерживали разговоръ и забавляли компанію болѣе или менѣе острыми словцами на счетъ пріятелей и знакомыхъ, и болѣе или менѣе вѣроятными приключеніями, вынесенными изъ мастерскихъ. Если въ разказахъ подчасъ недоставало вѣроподобія, то ужъ никакъ не было недостатка въ обиліи. Если вѣрять имъ, два нотарскіе конторщика выиграли двадцать тысячъ франковъ въ испанскихъ фондахъ и проѣли ихъ въ шесть недѣль съ двумя перчаточницами; сынъ одного изъ богатѣйшихъ парижскихъ банкировъ предложилъ одной извѣстной швей ложу въ оперѣ и дачу, отъ которыхъ она отказалась, предпочитая ухаживать за родителями и оставаться вѣрно какому-то купеческому приказчику; одно лицо, которое нельзя назвать, и котораго высокой санъ заставлялъ хранить глубочайшую тайну, ходило тайно къ одной золотошвейкѣ у Новаго Мосту, которая вдругъ похищена по приказанію высшей власти, посажена въ полночь въ почтовую карету, съ полнымъ портфелемъ банковыхъ билетовъ, и отправлена въ Соединенные-Штаты, и прочая, и прочая.

— Будеть, прервалъ Марсель, знаемъ. Зелія изволитъ импровизовать, а что касается до мадмоазель Миннѣ, ея свѣдѣнія не точны. Вашъ банкиръ предложилъ одинъ апельсинъ, а золотошвей-

ка и не думала быть въ Соединенныхъ Штатахъ; напротивъ, ее можно видѣть каждыи день, съ двѣнадцати часовъ до четырехъ, въ богоугодномъ домѣ, куда она переселилась за необходимыми предметами припасовъ.

Оберъ садѣлъ подлѣ мадамозель Миннѣ. Ему показалось, что при этихъ словахъ, произнесенныхъ съ совершеннымъ равнодушіемъ, она поблѣдѣла. Но она тотчасъ встала, закурила сигарку и сказала твердымъ голосомъ :

— Молчать! Я хочу держать рѣчь. Если мосье Марсель не вѣрнѣтъ сказкамъ, то я расскажу истинное происшествіе, *quoque magis magna fui*.

— Вы говорите по-латыни? сказалъ Оберъ.

— Какъ видите; это изрѣчіе перешло ко мнѣ отъ моего дяди, служившаго при Наполеонѣ, и никогда не забывающаго его въ началѣ разсказа о сраженіи. Если вы не знаете, что значать эти слова, то можете узнать даромъ; они значать: «даю честное слово». И такъ, да будетъ вамъ извѣстно, что на прошедшей недѣлѣ я побѣдила съ двумя пріятельницами, Блашеттою и Ружеттою, въ Одессѣ.

— Пойдите, дайте парѣзать пирога, сказалъ Марсель.

— Рѣжьте, но слушайте, отвѣчала мадамозель Миннѣ: и такъ, я отправилась съ Блашеттою и Ружеттою въ театръ; давали трагедію. У Ружетты, какъ вамъ извѣстно, недавно умерла бабушка; она получила въ наслѣдство четыреста франковъ. Мы взяли боуваръ; въ партерѣ было три студента, которые увидавъ насъ одиѣхъ, пригласили насъ поужинать.

— Ни съ того ни съ сего? спросилъ Марсель: въ самомъ дѣлѣ, это очень любезно. Вы отказались, я полагаю?

— Какъ бы не такъ! Мы приняли предложеніе, и въ антрактѣ, не ожидая конца пьесы, отправились къ Вѣд.

— Съ кавалерами?

— Съ кавалерами. Намъ сначала, разумѣется, сказали, что уже ничего пѣть; но такой отвѣтъ не могъ насъ остановить. Мы приказали искать что нужно по всему городу. Ружетта взяла перо и заказала шпръ на славу: морскихъ раковъ, сахарную яичницу, блины, пирожки, словомъ — всѣ чудеса кухоннаго міра. Молодые незнакомцы, правда, корчили слегка недовольную мину...

— Я думаю, замѣтилъ Марсель.

— Мы на нихъ и не смотрѣли. Когда подали ужинъ, мы стали капризничать. Все намъ было гадко, все противно. Только-что подавали блюдо, мы отсылали его назадъ и требовали другаго:

«Человѣкъ! прими, этого жсть нельзя! Откуда ты выкопалъ такую гадость?» Незнакомцы хотѣли жсть, но никакъ не успѣли. Словомъ, мы поужинали, какъ обѣдывалъ Санчо-Панса, и въ гнѣвъ разбили даже часть посуды.

— Славно! И чѣмъ же было расплачиваться?

— Этотъ-то вопросъ пуще всего занималъ нашихъ знакомцевъ; изъ разговора, который они завели между-собою вполголоса, мы заключили, что у одного изъ нихъ было шесть франковъ, у другого гораздо менѣе, у третьяго одни только часы, которые онъ великодушно вынулъ изъ кармана. Въ этомъ положеніи несчастные явились въ контору, выговорить себѣ какую-нибудь разсрочку. Чтò вы думаете имъ отвѣчали?

— Я полагаю, отвѣчалъ Марсель, что васъ задержали въ залогъ, а ихъ отвелъ въ полицію.

— Ошибаетесь. Входя въ гостинницу, Ружетта приняла свои мѣры и за все заплатила впередъ. Вообразите общее изумленіе, когда Вид отвѣчалъ: «Господа, все заплачено». Незнакомцы взглянули на насъ съ удивленіемъ и умилностью испуганной собаки. А мы будто ничего не видимъ, вышли и велѣли подать карету.

— Любезная маркиза, сказала мнѣ Ружетта, не довести ли намъ этихъ господъ? — «Охотно, любезная графиня», отвѣчала я. Наши несчастные влюбленные не знали чтò сказать. Можете себѣ вообразить ихъ положеніе! Они отговаривались, никакъ не соглашались на наше предложеніе, не хотѣли говорить гдѣ живутъ; и не мудро: они вообразили, что мы какія-нибудь знатныя дамы, а сами жили у чорта на куличкахъ!»

Пріатели Марселя, которые до-тѣхъ-поръ не переставали пить и курить, казались не совсѣмъ довольными повѣствованіемъ Мини. Лица ихъ наморщились; они, можетъ-быть, сдумали бы не хуже самой мамзель Мини поразсказать объ этомъ несчастномъ ужнѣ, потому что они съ безпокойствомъ взглянули на нее, когда Марсель сказалъ со смѣхомъ:

— Назовите дѣйствующихъ лицъ, мамзель Мини. Это старая исторія, еще съ прошлой недѣли, стало-быть бѣды тутъ нѣтъ.

— Никогда, отвѣчала гризетка. Можно подурaczyć чловѣка, но никогда не должно вредить ему въ будущемъ!

— Вы правы, замѣтилъ Оберъ. Этотъ поступокъ гораздо благороднѣе, можетъ-быть, чѣмъ вы сами думаете. Изъ всѣхъ молодыхъ людей, населяющихъ училища, нѣтъ почти ни одного, который не зналъ бы за собою какого-нибудь проступка или ка

кой глупости, а между-тѣмъ изъ нихъ выходятъ каждый день самые почтенные и достойные люди во Франціи: медики, правовѣды....

— Да, правда, сказалъ Марсель. Много будущихъ перовъ Франціи обѣдаютъ у Фликотъ, и подѣ-часъ не знаютъ чѣмъ заплатить за обѣдъ. Но, продолжалъ онъ, мигнувъ, вы съ-тѣхъ-поръ не видали своихъ незнакомцевъ?

— За кого вы насъ считаете? отвѣчала мадамозель Миннй серьезно и почти обиженнымъ голосомъ. Развѣ вы не знаете Ружетту и Бланшетту? И неужели вы думаете, что я сама....

— Ладно, прервалъ Марсель, не сердитесь. Но хороша штука, нечего сказать. Три вѣтренницы, которымъ, можетъ-быть, на завтра нечѣмъ было пообѣдать, вздумали кидать деньги за окно, для того только, чтобы имѣть удовольствіе одурочить трехъ беззащитныхъ бѣдняковъ!

— Зачѣмъ же они приглашали насъ ужинать? отвѣчала мадамозель Миннй.

Съ прогомъ явилась во всей своей славѣ единственная бутылка шампанскаго. За впомъ заговорили о пѣсняхъ.— «Я вижу, сказалъ Марсель: я вижу, какъ говоритъ Сервантесъ, что Зелія покашливаетъ; это знакъ, что она собирается пѣть. Но, съ позволенія дорогихъ гостей, я, явившица я, и потому я прошу мамзель Миннй, если она не устала отъ своего разсказа, обрадовать насъ пѣсенкою. Оберъ, будь же вѣжливымъ кавалеромъ, чокнись съ сосѣдкою, и попроси ее спѣть пѣсенку для меня.

Оберъ покраснѣлъ и повиновался. Какъ прежде мамзель Миннй не затруднилась просить его оставаться, такъ и онъ самъ теперь поклонился ей и робко произнесъ: — Мы васъ просимъ.

Въ то же время онъ поднялъ стаканъ, чокнулся съ гризеткою. Отъ легкаго столкновенія двухъ стакановъ раздался чистый, серебрястый звукъ; мамзель Миннй подхватила его и долго тянула чистымъ и свѣжимъ голосомъ.

— Пожалуй, сказала она: коли стаканъ мой даетъ мнѣ тонъ. Чтѣ же вамъ спѣть? Я не скромница, увѣряю васъ, но не знаю также солдатскихъ пѣсень, не хочу набивать память грязью.

— Ладно, сказалъ Марсель: вы сама добродѣтель; пойте чтѣ знаете, каждый свободенъ мыслить по-своему.

— И такъ я вамъ спою пѣсенку, сложенную про меня.

— Слушайте! а кто сложилъ?

— Мои подружки въ магазинѣ: это пѣсня, вышедшая изъ-подъ яголки, и потому прошу быть снисходительными.

— А есть къ ней пригѣвъ?

— Еще бы нѣтъ! что за вопросъ!

— Если такъ, отвѣчалъ Марсель: то возьмитесь за ножи, и ставемъ стучать по столу, хоромъ: постараемся только стучать въ тактъ. Зелія можетъ уволить себя отъ этого труда, если ей угодно.

— Это зачѣмъ, невѣжа? спросила Зелія съ сердцемъ.

— Знаю зачѣмъ, отвѣчалъ Марсель: но если желаете непременно участвовать въ хорѣ, то стучите пробкою; оно будетъ гораздо сходнѣе для нашихъ ушей, и для вашихъ бѣлыхъ ручекъ.

Марсель разставилъ стаканы и тарелки въ кружокъ и сѣлъ посрединѣ стола, съ ножомъ въ рукѣ. Два студента, угощавшіе Ружетту ужиномъ, забывъ недавнюю тревогу, сняли трубки съ чубуковъ, чтобы стучать чубуками; Оберъ былъ въ раздумьи; Зелія дулась. Мамзель Мини взяла тарелку, и показала видъ, что хочетъ разбить ее; Марсель кивнулъ въ знакъ согласія; гѣвница взяла черепки вмѣсто кастаньетокъ, и запѣла пѣсню, сложенную ея подругами, извинившись напередъ въ томъ, что она для нея слишкомъ лестна:

Мини Пенсонъ блондинка чудо,
Въ томъ побожуся я, ей-ой!
А только то немножко худо,
Что платьице одно у ней.

Конечно, этого немного —
На то ужъ, видно, воля Бога,
И за нее я даже радъ,
Что нечего нести въ закладъ.

••

Мини Пенсонъ наколетъ рози
На чепчикъ легкій и простой,—
И прочъ заботы, горе, слезы;
Веселье дружно съ красотой.

Скажите, стану ль вспоминать я,
Когда стакановъ слышенъ звонъ,
Что у нея одно лишь платье,
У миленькой Мини Пенсонъ!

••

Мини Пенсонъ не хочетъ мужа —
И права, можетъ-быть, она, —

А за друзей она кому же,
 Кому отчетъ давать должна?
 Но не для всѣхъ ся обѣщать, —
 Нѣтъ, будь хорошь, да будь умель!
 Хотя всего одно лишь платье
 У миленькой Минн Пенсонъ.

Ножи и чубуки, и даже стулья, разумѣется, шумѣли своимъ порядкомъ послѣ каждой стробы. Стакапы плясали по столу, а ведопитыя бутылки, весело покачивались, подталкивая другъ дружку подъ бока.

— И это пріятельницы ваши сложили эту пѣсеньку? спросилъ Марсель. Нѣтъ, она слишкомъ падушена, пахнетъ красильщикомъ. Толп дѣло добрая, ясная пѣсня, какъ шапримѣръ... И онъ запѣлъ громовымъ голосомъ.

Nanette n'avait pas encore quinze ans...

— Будеть, будетъ, сказала мадмоазель Минн; давайте лучше танцовать. Кто здѣсь умѣеть играть?

— Есть у меня все чтѣ надо, отвѣчалъ Марсель: есть гитара; но, продолжалъ онъ, снимая инструментъ, на гитарѣ моей нѣтъ всего чтѣ надо: она оспротѣла струнами.

— Вотъ фортепiano, подхватила Зелія: Марсель будетъ играть.

Марсель кинулъ бѣшеный взглядъ на свою любозную, будто она взводила на него какое преступленіе. Правда, стало бы его умѣнья, чтобы сыграть кадрили; но это была для него, какъ и для многихъ другихъ, пытка, которой онъ неохотно подчинялся. Зелія этою измѣною мстила ему за пробку.

— Вы съ ума сошли, отвѣчалъ Марсель: вы знаете, что фортепiano стоять здѣсь только ради славы, и Богу извѣстно, что вы одиѣ бречите на нихъ. Откуда вы взяли, что я умѣю играть танцы. Я знаю одну *Marsellaise*, и ту играю однимъ пальцомъ. Вы бы обратились къ Оберу: это другое дѣло, онъ мастеръ, но я не намѣренъ докучать ему этимъ; вы одиѣ довольно нескромны, чтобъ безъ оглядки рѣшаться на подобныя подвиги.

И въ третій разъ Оберъ покрасилъ и приготовился исполнить желаніе, выраженное такимъ ловкимъ, окольнымъ путемъ. Онъ сѣлъ за фортепiano и тотчасъ составила кадрили.

Танцы продолжались почти такъ же долго, какъ ужинъ. За кадрилию послѣдовалъ вальсъ, а тамъ галлонадъ, потому что въ Латинскомъ Кварталѣ галлонадъ еще водится. Дамы въ-особенности были неутомны, онѣ скакали и хохотали съ такимъ шумомъ, ъ могши бы разбудить всѣхъ сосѣдей. Вскорѣ Оберъ, вдвойнѣ

утомленный шумомъ и долгимъ бдѣніемъ, не переставая играть, впалъ въ какой-то полусонъ, какъ кучера, спящія на лошади. Танцующіе мелькали передъ нимъ взадъ и впередъ, какъ тѣни во снѣ; ничто не наводитъ тоски на человѣка такъ скоро, какъ зрѣлище чужаго веселія; поэтому хандра, къ которой онъ былъ склопенъ, не замедлила овладѣть имъ. Жалкое веселіе, думалъ онъ, ничтожныя удовольствія! минуты будто бы исторгнутыя у страданія! А кто знаетъ, которое изъ этихъ пяти лицъ, такъ весело скачущихъ передо мною, увѣрено въ завтрашнемъ обѣдѣ, какъ говоритъ Марсель?

Между-тѣмъ какъ онъ размышлялъ объ этомъ, мимо его порхнула мадмоазель Мпмі; и показалось ему, что она среди галопида, тихоцѣтко стащила оставшійся кусокъ пирога, и тайкомъ опустила его въ карманъ.

Когда гости разошлись, день уже занимался. Оберъ не воротился домой, а пошелъ порыскать по улицамъ, чтобы подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Не оставляя своего грустнаго раздумья, онъ невольно повторялъ въ мысляхъ пѣсню гризетки.

— Возможно ли! думалъ онъ. Ужели нищета можетъ доходить до такой степени, выказывать себя въ такой наготѣ, и сама себя подымать на смѣхъ? Какъ можно смѣяться тому, что сидишь безъ хлѣба?

Спрятанный въ карманъ кусокъ пирога былъ несомнѣнный признакъ. Оберъ не могъ удержаться отъ улыбки, при всемъ своемъ состраданіи; однако же, подумалъ онъ, она взяла пирога, а не хлѣба, это можетъ-быть жадность. Почему знать! можетъ-быть пирогъ назначается сыну сосѣдки, или, можетъ-быть, онъ долженъ зажать ротъ церберу, болтунѣ-дворничихѣ, которая иначе будетъ рассказывать, что она провела ночь въ гостяхъ.

Идя впередъ безъ оглядки, Оберъ зашелъ случайно въ лабиринтъ тѣсныхъ улицъ, по которымъ съ трудомъ проѣдетъ экипажъ. Онъ только-что хотѣлъ вернуться назадъ, какъ изъ одного стараго дому вышла женщина, укутанная въ плохой халатъ, съ открытой головой, растрепанными волосами, блѣдная и псхудалая. Она, казалось, была такъ слаба, что едва могла ходить; колѣни подгибались подъ нею; она опиралась о стѣны, и повидному хотѣла дойти до сосѣдней двери, у которой былъ ящикъ для приѣма писемъ, и бросить въ него записку. Удивленный и испуганный этимъ зрѣлищемъ, Оберъ подошелъ къ ней, спросилъ куда она идетъ, что ей надо, и не можетъ ли онъ помочь ей. Въ то же время онъ протянулъ руку, чтобы поддержать ее, потому

что она готова была упасть на тумбу. Но она, не отвѣчая ему, отступила съ видомъ боязни и гордости. Она бросила записку на землю, пальцемъ указала на ящикъ, и собравъ все свои силы, сказала только: «Туда!» потомъ, держась по-прежнему объ стѣны, воротилась домой. Оберъ тщетно уговаривалъ ее опереться на его руку, и повторялъ свои разспросы. Она вошла въ темную и узкую аллею, изъ которой вышла.

Оберъ поднималъ письмо; сначала онъ сдѣлалъ-было нѣсколько шаговъ, чтобы отдать его на почту, но скоро остановился. Эта странная встрѣча такъ его поразила, онъ чувствовалъ такое живое состраданіе, съ какою-то примѣсью ужаса, что, не одумавшись, почти невольно разломилъ печать. Ему казалось безчеловѣчнымъ, невозможнымъ поступкомъ, не стараться какими бы то ни было средствами проикнуть эту тайну. Очевидно, женщина эта была при смерти; отъ болѣзни или отъ голоду? Во всякомъ случаѣ отъ нищеты. Оберъ открылъ письмо, оно было адресовано барону ***; содержаніе было слѣдующее:

« Милостивый государь, прочтите это письмо и не отриньте моей просьбы. Вы одни можете спасти меня. Вѣрьте моимъ словамъ, спасите меня; это будетъ доброе дѣло, которое не останется безъ награды. Я только что начинаю оправляться отъ тяжкой болѣзни, отнявшей у меня небольшую оставшуюся мнѣ силу и бодрость. Съ августа мѣсяца я должна снова поступить въ магазинъ. Вещи мои удержаны на прежней моей квартирѣ, и мнѣ предстоитъ въ субботу непременно оставаться безъ пристанища. Меня такъ пугаетъ мысль умереть съ-голоду, что я нынче утробилась-было броситься въ воду, потому что я уже цѣлыя сутки куска въ ротъ не брала. Тогда я вспомнила о васъ, и лучъ надежды запалъ въ мое сердце. Не правда ли, я не ошиблась? Умоляю васъ на колѣняхъ; самая ничтожная ваша помощь дастъ мнѣ возможность прожить нѣсколько дней. Мнѣ страшно умирать, и еще на двадцать-третьемъ году! Съ небольшою помощію, я, можетъ-быть, дотяну до перваго числа. Если бы я знала какія рѣчи будутъ въ состояніи возбудить состраданіе ваше, я бы ихъ написала, но мнѣ ничто нейдетъ въ голову. Я могу только плакать надъ своимъ безспіемъ; я боюсь, что вы съ моимъ письмомъ сдѣлаете то, что обыкновенно дѣлаютъ, когда получаютъ множество подобныхъ посланій: изорвете его и не подумаете, что бѣдная женщина считаетъ часы и минуты, въ надеждѣ, что у васъ недостатку жестокости оставить ее въ неизвестности. Я увѣрена, что страхъ дать одинъ лунддоръ, который для васъ такая бездѣлица, васъ не остановитъ; мнѣ кажется, что стоить вамъ завернуть ваше подаваніе въ бумажку, и написать: Дѣвицѣ Бертенъ, въ улицѣ de l'Erigon. Я переживала свое ния съ тѣхъ поръ какъ работаю въ нѣ,

• газинахъ, потому что мое имя — имя моей матери. Выходя со двора, отдайте записку какому-нибудь разнощику. Я буду ждать въ среду и четвергъ, и молить Бога, чтобъ онъ внушилъ вамъ состраданіе.

• Мнѣ приходится въ голову, что вы, можетъ-быть, не вѣрите такой крайней нищетѣ; вы бы убѣдились въ ней, когда бы могли взглянуть на меня.

• Ружетта. •

Самыя первыя строки этого письма тронули Обера; но легко себѣ представить какъ возрасло его удивленіе, когда онъ увидалъ подпись. И такъ это та же самая дѣвушка, которая такъ безразсудно истратила деньги на удовольствія и задумала целый ужинъ, о которомъ рассказывала мамзель Мпми; и несчастіе обрекло ее на такія страданія и привудило къ такой мольбѣ. Такая непредусмотрительность и такое безразсудство, казались ему невѣроятнымъ своимъ. Но нельзя было сомнѣваться: передъ нимъ была подпись; а мамзель Мпми въ тотъ вечеръ неразъ пропозносила офинціальное имя своей подруги Ружетты, мамзель Бертенъ. И какимъ образомъ вдругъ очутилась она оставленною, безъ помощи, безъ хлѣба, почти безъ пристанища? И что дѣлали ея вчерашнія подруги, между-тѣмъ какъ она, можетъ-быть, умирала на какомъ-нибудь чердакѣ въ этомъ домѣ? И что это за домъ, въ которомъ можно такъ умереть?

Не время было пускаться въ догадки: надо было скорѣе помочь горю. Оберъ вошелъ въ только-что отворившуюся лавку ресторатора и купилъ что нашлось. Потомъ онъ отправился съ мальчикомъ изъ лавки къ квартирѣ Ружетты; но ему совѣстно было явиться такъ неожиданно; гордый видъ бѣдной дѣвушки заставлялъ его бояться, если не отказа, то, по-крайней-мѣрѣ, движенія оскорбленнаго самолюбія; какъ сознаться ей, что онъ вскрылъ ея письмо? Дошедши до двери, онъ спросилъ мальчика:

— Знаешь ты въ этомъ домѣ молодую дѣвушку, мадмоазель Бертенъ?

— Разумѣется, знаю, сударь, отвѣчалъ мальчикъ. Мы обыкновенно поставляемъ ей кушанье. Но если вамъ угодно идти къ ней, вы не застанете ея сегодня, она на дачѣ.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Дворничиха, сударь. Мадмоазель Ружетта любитъ хорошо покушать, но не охотница платить. За нею дѣло не станеть заказать жареныхъ цыплятъ или морскихъ раковъ; но если хочешь увидать отъ нея деньги, не разъ надо потрудиться зайти къ ней! Потому мы въ околоткѣ всѣ знаемъ, когда она бываетъ дома и когда ея нѣтъ....

— Она воротилась, отвѣчалъ Оберъ. Ступай къ ней и отдай ей все это; и если она тебѣ должна, то не спрашивай сегодня. Я беру это на себя, и послѣ зайду. Если она спроситъ отъ кого, скажи: отъ барона ***.

При этихъ словахъ Оберъ удалился; дорогою онъ склепалъ, какъ ухѣлѣ, печать и отвесъ письмо на почту. Во всякомъ случаѣ, подумалъ онъ, Ружетта не откажетъ, а если найдетъ, что отвѣтъ на записку пришелъ слишкомъ скоро, пускай себѣ объясняется съ своимъ барономъ.

Студенты, точно какъ и гризетки, не каждый день бываютъ при деньгахъ. Оберъ очень хорошо понималъ, что для того чтобы придать тѣнь вѣроятности сказкѣ посланнаго, надо бы къ посылкѣ присоединить лундоръ, котораго просила Ружетта; но тутъ-то и была трудность: лундоръ не то, чтобы самая знакомая монета въ Сепъ-Жакскомъ Кварталѣ; съ другой стороны, Оберъ обѣщалъ заплатить ресторатору; а на-бѣду, шкатулка его въ это время была набита не лучше кармана. Вотъ почему онъ, не теряя времени, направилъ путь свой къ Паптеонской Площади.

Въ то время жилъ еще на этой площади знаменитый цирюльникъ, который впоследствии обанкрутился и разорился, разоряя другихъ. Туда, въ заднюю комнату, гдѣ тайно производился крупный и мелкій ростъ, каждый день приходилъ бѣдный, безпечный, а можетъ-быть и влюбленный студентъ, занять немного серебряныхъ денегъ, которыя истрачивались въ тотъ же вечеръ и дорого уплачивались на слѣдующій день; туда же входила украдкою гризетка, опустивъ голову и глаза, и брама на прокатъ къ загородной прогулкѣ полинялую шляпку, перекрашенный платокъ, рубашку, купленную въ ссудной казигѣ; молодые люди изъ хорошихъ домовъ, нуждаясь въ двадцати-пяти лундорахъ, подписывали тамъ на двѣ, на три тысячи заемныхъ писемъ, несовершеннолѣтніе напередъ съѣдали свое будущее имѣніе; вѣтренники разоряли свои семейства и перѣдко губили собственную будущность. Отъ знатной наложицы, которой кружилъ голову новый браслетъ, до бѣднаго школьника, засматривавшагося на старую книжницу или на блюдо чечевицы, все обращалось сюда, какъ къ водамъ Пактольскимъ; а ростовщикъ-бородобрѣй, гордясь и хвастая своими кліентами и подвигами, содержалъ Клишй, въ ожиданіи того времени, когда ему самому придется попасть туда.

Вотъ средство, къ которому Оберъ рѣшился прибѣгнуть, хотя очень неохотно, чтобы помочь Ружеттѣ; онъ думалъ, что нельзя шоручиться за успѣхъ ея письма къ барону. Правда, это было

необыкновенное великодушіе отъ студента, ввязаться въ такіа дѣла изъ-за незнакомки; но Оберъ вѣрплъ въ Бога: каждое доброе дѣло считалъ онъ непреложною обязанностью.

Первое лицо, поразившее его при входѣ къ цирюльнику, было лицо пріятеля его, Марселя, сидѣвшаго передъ туалетомъ, съ полотенцемъ на шеѣ; цирюльникъ показывалъ видъ будто причесываетъ его. Бѣднякъ, можетъ-быть, пришелъ за деньгами, чтобы уплатить за вчерашнюю пирушку; онъ былъ въ раздумьи, между-тѣмъ какъ цирюльникъ, завивая волосы холодными щипцами, говорилъ ему что-то вполголоса на своемъ гасконскомъ нарѣчій. За другимъ туалетомъ, въ сосѣдней конуркѣ, сидѣлъ незнакомецъ, также обвязанный полотенцомъ, и безпрестанно съ беспокойствомъ оглядывался во всѣ стороны; и въ полуотворенную дверь задней комнаты видѣтъ былъ въ старомъ трюмѣ довольно исхудалый очеркъ молодой дѣвушки, которая съ помощью жены цирюльника, привѣривала шотландское клѣтчатое платье.

— Зачѣмъ ты сюда такъ рано? спросилъ Марсель, узнавъ своего пріятеля, и лицо его прояснилось обыкновенною веселостью.

Онъ сѣлъ у туалета, и въ немногихъ словахъ разсказалъ ему свою встрѣчу и намѣреніе.

— Ей Богу, отвѣчалъ Марсель: ты больно простъ. Что тебѣ тутъ мѣшаться, когда тутъ есть баронъ? Встрѣтилъ бѣдную дѣвушку, умправшую съ голоду; купилъ ей холоднаго цыпленка, это дѣлаетъ тебѣ честь. Не требуешь отъ нея благодарности, пожалуй, когда тебѣ весело быть благодѣтелемъ-невидимкой; это прекрасно. Но итти далѣе будетъ уже рыцарствомъ; заложить часы или дать заемное письмо пзъ-за швец, которой покровительствуетъ какой-то баронъ, и которую ты даже не имѣешь честь посѣщать, это, право, неслыханное дѣло.

— Смиѣйся, сколько хочешь, отвѣчалъ Оберъ. Знаю, что на свѣтѣ такъ много несчастныхъ, что мнѣ не помочь и сотой долѣ; о комъ я не знаю, о томъ и не соболѣзную; кого вижу, тому я долженъ помочь. Что ни говори, а я не могу смотрѣть равнодушно на страданія. Сострадательность моя не доходитъ до того, чтобы я отъспкивалъ немущихъ; я не довольно богатъ для этого; но когда я ихъ встрѣчаю, не могу не подать имъ милостыни.

— Въ такомъ случаѣ тебѣ довольно найдется заботы: въ здѣшней сторонѣ довольно нищихъ.

— Такъ что жъ! отвѣчалъ Оберъ, еще не успокоившійся отъ зрѣлища, котораго онъ былъ свидѣтелемъ: или надо захнуть ру-

кой на несчастныхъ — пускай себѣ умирають, и шти своей до-рогой? Это несчастная вѣтренница, безразсудная голова, все такъ; она, можетъ-быть, недостойна состраданія, которое внушаетъ мнѣ; но я чувствую это состраданіе. Или лучше послѣдовать примѣру ея пріятельницъ, которыя, кажется, теперь о ней и не заботят-ся, какъ-будто ее и на свѣтѣ не бывало, а вчера помогали ей тратить послѣднія деньги? Къ кому ей обратиться? къ незна-комцу, который ея письмомъ закуритъ сигару, или къ мамзель Мимі, которая пируетъ въ гостяхъ и танцуетъ отъ души, между-тѣмъ какъ подруга ея умираетъ съ-голоду. Признаюсь откровенно, это внушаетъ мнѣ отвращеніе. Вчерашняя твоя вѣтренница, со своею пѣсенкою и своими остротами, бол-тавшая и хохотавшая у тебя въ то самое время какъ другая героиня ея рассказа умираетъ на чердакѣ, для меня вестерпима. Жить подругами, почти сестрами, по днямъ и недѣлямъ виѣстѣ бѣгать по театрамъ, баламъ и кофейнямъ, а на другой день не знать другъ о другѣ, — живали ли вѣтъ: это хуже равнодушія эгоистовъ, это безчувственность скота. Твоя мамзель Мимі из-вергъ, а многохвалымыя твои гризетки, ихъ безстыдные нравы, ихъ бездушныя дружбы, — я ничего не знаю презрительнѣе всего этого.

Цирюльникъ, слушавшій въ молчаніи эту долгую рѣчь, не переставая водить холодными щипцами по головѣ Марселя, на-смѣшливо улыбнулся, когда Оберъ замолчалъ. Болтливый какъ сорока или, скорѣе, какъ цирюльникъ, когда дѣло шло о злыхъ сплетняхъ, молчаливъ и кротокъ какъ Спартаецъ, когда при-путывались дѣла, онъ принялъ благоразумный обычай всегда давать сначала разговортъ тѣмъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, пре-жде чѣмъ вставлялъ свое словечко въ разговоръ. Однако же не-годованіе Обера, выразившееся въ такихъ сильныхъ рѣчахъ, побудило его прервать молчаніе.

— Вы строго судите, сказалъ онъ улыбаясь и шурясь. Я имѣю честь убирать голову мамзель Мимі, и думаю, что она очень добрая дѣвушка.

— Да, очень добрая, отвѣчалъ Оберъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы попить, да покурить.

— Можетъ-статься, возразилъ цирюльникъ: не спорю. Моло-дые дѣвушки любятъ посмѣяться, попить, покурить; но у нихъ есть сердце.

— Чтò ты подъ этимъ разумѣешь, старая лиса? спросилъ Марсель. Полно хитрить, говори прямо.

— А вотъ видите что, отвѣчалъ цирюльникъ, показывая на заднюю комнату: тамъ у меня виситъ на гвоздочкѣ черное шелковое платьице, которое вамъ, господа, вѣрно, знакомо, если знакомъ вамъ хозяйка, потому что уборная ея не такъ-то богата. Мамзель Миннѣ прислала мнѣ его съ разсвѣтомъ, и я полагаю, что если она не помогла Ружеттѣ, то потому что сама не на зодотѣ ѣсть.

— Вотъ хорошо, сказалъ Марсель, вставъ и входя въ заднюю комнату, не обращая вниманія на бѣдную дѣвушку, которая тамъ сидѣла: стало-быть пѣсня Миннѣ солгала; она заложила платье. Но, чортъ возьми, въ чемъ же ей теперь ходить въ гости? Или она сегодня не выѣзжаетъ?

Оберъ пошелъ за своимъ пріятелемъ: цирюльникъ говорилъ правду; въ пыльномъ углу, среди всякаго роду тряпья, униженно и печально висѣло единственное платье мамзель Миннѣ.

— Оно! сказалъ Марсель: какъ не узнать этого платья? Я его видѣлъ совсѣмъ новымъ тому назадъ года полтора. Оно служило хозяйкѣ и шлафрокомъ, и амазонкой, и параднымъ мундиромъ. На лѣвомъ рукавѣ должно быть пятнышко отъ шампанскаго. А что ты далъ подъ закладъ этого платья, старый скрига? Вѣдь я полагаю, оно не продано, а находится у тебя въ чуланѣ только въ качествѣ залога.

— Я далъ четыре франка, отвѣчалъ цирюльникъ: и то, право, господа, только изъ жалости; другой я бы не далъ болѣе двухъ франковъ: вѣдь платье-то порядкомъ поизношено; насквозь видно; настоящее рѣшето. Но мамзель Миннѣ заплатитъ, ей можно повѣрить на четыре франка.

— Бѣдная Миннѣ! сказалъ Марсель. Готовъ биться объ закладъ о своей шапкѣ, что она заняла эти деньгѣ затѣмъ только, чтобы отдать ихъ Ружеттѣ.

— Или чтобы отвязаться отъ слишкомъ неугомоннаго заимодавца, возразилъ Оберъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Марсель: я знаю Миннѣ; она не способна отъ чего-либо отказаться въ пользу заимодавца.

— И то статья можетъ, подхватилъ цирюльникъ. Зналъ я мамзель Миннѣ въ лучшихъ обстоятельствахъ чѣмъ теперь: тогда у нея было множество долговъ. Каждый день приходили къ ней описывать ея добро, и, наконецъ, обобрали у нея все, кромѣ постели: извѣстно, что у должника никогда не отбираютъ постели. У мамзель Миннѣ было въ то время четыре хорошихъ платья. Вотъ, чтобы ихъ не отняли, она и надѣвала всѣ четы-

ре платья одно на другое и въ нихъ ложилась; поэтому удивительно было бы, если бы теперь, когда у нея одно платье всего-на-все, она его заложилла для того, чтобы удовлетворить заимодавца.

— Бѣдная Миннѣ, повторилъ Марсель. Но, въ самомъ дѣлѣ, какъ она устроится? Неужели она обманывала пріятелей, и у нея есть другое, никому невѣдомое платье? Или можетъ-быть она вчера много покушала прогаа, и нынче нездорова, лежитъ? Въ такомъ случаѣ и въ самомъ дѣлѣ ей не зачѣмъ одѣваться. Какъ бы то ни было, мнѣ жаль смотрѣть на это платье, какъ оно повѣсило рукава, будто просить милости; вычтите четыре франка изъ тридцати пяти, которые даете мнѣ въ займы и заверните платье въ салфетку; я отвесу его бѣдной дѣвушкѣ. Ну что, Оберъ, продолжалъ онъ, что скажешь о моей христіанской сострадательности.

— Что ты правъ, отвѣчалъ Оберъ, что ты хорошо говоришь и дѣйствуешь, по что, можетъ-быть, и я не совсѣмъ неправъ; если хочешь, я готовъ держать пари.

— Пожалуй, отвѣчалъ Марсель: о сигаркѣ, какъ члены Жюкей-скаго клуба. Да, кстати, тебѣ здѣсь уже нечего дѣлать. У меня есть тридцать-одинъ франкъ, мы богаты. Пойдемъ сейчасъ же къ мадамозель Миннѣ; мнѣ очень любопытно взглянуть на нее.

Онъ взялъ платье подъ-мышку, и оба вышли изъ лавки.

— Мамзель Миннѣ ушла къ обѣднѣ, отвѣчала дворничиха студенташъ, когда они пришли къ Миннѣ.

— Къ обѣднѣ! спросилъ Оберъ въ изумленіи.

— Къ обѣднѣ! повторилъ Марсель. Не можетъ быть: она не выходила изъ дому. Впустите насъ; мы старые пріятель.

— Увѣряю васъ, господа, уже съ часъ какъ она пошла къ обѣднѣ.

— Въ какую церковь?

— Святаго Сьюлпиція, какъ всегда; она дня не пропуститъ, чтобы не пойти къ обѣднѣ.

— Да, я знаю, что она молится Богу; по мнѣ странно, что она вышла со двора сегодня.

— Да вотъ она возвращается, сударь; вотъ, посмотрите, она повернула въ нашу улицу.

И въ самомъ дѣлѣ, мамзель Миннѣ возвращалась изъ церкви домой. Какъ-только Марсель завидѣлъ ее, онъ тотчасъ поспѣшилъ къ ней на встрѣчу, горя нетерпѣніемъ посмотрѣть поближе на ея нарядъ. Виѣсто платья на ней была темная сѣтчатая юбка,

до половины скрытая подъ зеленою саржевою занавѣскою, изъ которой она съ грѣхомъ по-поламъ, смастерила себѣ платокъ. Изъ этого страннаго наряда, который впрочемъ, благодаря темному своему цвѣту, не кидался въ глаза, выходила милая головка ея въ бѣломъ чепцѣ, и хорошенькія попки, обутыя въ ботинки. Она такъ неслучно и такъ осторожно укуталась въ занавѣску, что та въ самомъ дѣлѣ походила на старый платокъ, и что во все не видать было каймы. Словомъ, и въ этой одеждѣ она сумѣла казаться хорошенькою, и представить новое доказательство, что хорошенькая жепщина всегда будетъ хороша.

— Какъ вы меня находите? спросила она молодыхъ людей, открывая немного занавѣски и показывая свою тонкую талью, стянутую корсетомъ: это утренній нарядъ, только-что привнесенный отъ Пальмпыри.

— Чудо! отвѣчалъ Марсель: ей Богу, я никакъ бы не подумалъ, что можно быть такою хорошенькою, нарядившись въ оконную занавѣску.

— Въ самомъ дѣлѣ? однако же я точно въ мѣшкѣ.

— Изъ котораго выглядываютъ розы, отвѣчалъ Марсель: мнѣ почти жаль, что я принесъ вамъ пазадъ ваше платье.

— И вы его выручили изъ неволи?

— Да, заплатилъ за него выкупъ. Неужели вы на меня сердитесь за этотъ дерзскій поступокъ?

— Разумѣется, нѣтъ. Мнѣ очень пріятно снова видѣть свое платье; потому что, сказать правду, мы такъ давно живемъ вмѣстѣ, что я непримѣтнымъ образомъ сжилась съ нимъ.

Съ этимъ словомъ, мамзель Миннѣ живо вбѣжала въ пятый этажъ, въ свою комнатку, куда наши пріятели вошли вслѣдъ за нею.

— Однако же, сказалъ Марсель, я могу возвратитъ вамъ платье только съ условіемъ.

— Съ условіемъ! отвѣчала гризетка. Полпоте, какъ вамъ не стыдно! Я не хочу условій.

— Я держалъ пари, продолжалъ Марсель: вы должны откровенно сказать намъ, зачѣмъ платье было въ залогъ?

— Дайте мнѣ сперва надѣть его, отвѣчала мамзель Миннѣ, и тамъ я вамъ скажу зачѣмъ. Но предупреждаю васъ, если не желаете ждать въ моемъ шкапу или на крышѣ, то, пока я буду одѣваться, вы должны закрыть лицо, какъ Агамемнонъ.

— За этимъ дѣломъ не станеть, возразилъ Марсель; мы честнѣе чѣмъ насъ считаютъ: я даже и не взгляну.

— Пойдите; я вамъ вѣрю, но мудрость народовъ говоритъ, что двѣ предосторожности вѣрше одной.

Съ этими словами она скинула съ себя занавѣску и нѣжно опустила ее на голову студентамъ, такъ что они ничего не могли видѣть.

— Не трогайтесь, сказала она: черезъ минуту все будетъ кончено.

— Берегитесь теперь, сказалъ Марсель: если есть дырка въ занавѣскѣ, я ни за что не отвѣчаю. Вы не хотѣли довольствоваться моимъ словомъ, и потому я отъ него освобожденъ.

— И мое платье также, къ счастью, отвѣчала мамзель Мми, а моей тальѣ не зачѣмъ прятаться, прибавила она смѣясь и сбросивъ занавѣску на-полъ. Бѣдное мое платьице! оно мнѣ кажется теперь совсѣмъ новымъ. Миѣ такъ пріятно видѣть его на себѣ!

— А ваша тайна? теперь скажете? Будьте откровенны, мы не разболтаемъ. Какъ и зачѣмъ, вы, извѣстная, какъ дѣвушка умная, бережливая, и скромная, рѣшились разомъ весь свой гардеробъ повѣсить на гвоздикъ?

— Зачѣмъ?... зачѣмъ?... отвѣчала мамзель Мми, въ раздумьи; потомъ взяла каждого изъ молодыхъ людей подъ-руку, и толкнула ихъ въ дверь, говоря:

— Пойдемте со мною, увидите.

Какъ и думалъ Марсель, она повела ихъ къ Ружеттѣ.

Марсель выигралъ паріи. Четыре франка и кусокъ вчерашняго пирога лежали на столѣ рядомъ съ развалинами цыпленка. Больной было легче, она еще лежала въ постелѣ; и несмотря на благодарность свою къ незнакомому благодѣтелю, она просила свою подругу извинить ее передъ этими господами, и сказать, что она никакъ не можетъ принять ихъ.

— Узнаю ее въ этой чертѣ! сказалъ Марсель: будешь умирать на соломѣ у себя на чердакѣ, и всё-таки будешь важничать и корчить знатную особу.

Оба пріятеля, къ крайнему своему сожалѣнію, припуждены были идти домой съ чѣмъ пришли; дорогою они въ-волю посмѣялись этой гордости и скромности, такъ мудро уютившимся подъ крышею. Прослушавъ лекціи въ медицинскомъ училищѣ, они вмѣстѣ пообедали, и вечеромъ отправились прогуляться по италянскому бульвару. Куря выигранную утромъ сигару, Марсель говорилъ:

— Со всѣмъ тѣмъ, ты долженъ сознаться, что я правъ, когда

люблю отъ души, и даже уважаю этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Разберемъ дѣло безпристрастно, съ философской точки зрѣнія. Развѣ поступокъ этой доброй Мимі, которую ты такъ несправедливо бранишь, не гораздо похвальнѣе и достоинѣе, скажу даже, болѣе христіанскій чѣмъ поступокъ короля Роберта, когда онъ позволялъ иному отрѣзать бахрому отъ своей мантии? У короля Роберта, съ одной стороны, вѣроятно, была не одна мантия; съ другой стороны, онъ сидѣлъ за столомъ, говоритъ исторія, когда ипшій подползъ къ нему на четверенькахъ, и ножницами отрѣзалъ бахрому королевскаго платья. Королева была этимъ весьма недовольна, но король великодушно простилъ виновнаго; оттого, можетъ-быть, что хорошо пообедалъ. Какая разница между нимъ и Мимі! Когда Мимі узнала положеніе Ружетты, она, вѣроятно, была на-тощахъ; будь увѣренъ, что кусокъ пирога, который она взяла у меня, назначенъ былъ для собственнаго ея завтрака. И что же? вмѣсто-того чтобы позавтракать, она идетъ къ обѣднѣ, въ чемъ опять-таки она по-крайней-мѣрѣ равна королю Роберту, который былъ очень благочестивъ, согласенъ, но который пѣлъ псалмы на клиросѣ, между-тѣмъ какъ въ королевствѣ его кутили Норманны. Король Робертъ подарилъ бахрому, мантия же ему осталась; Мимі послала все платье къ цирюльнику, и не забудь, что Мимі женщина, что она молода, хороша, кокетлива и бѣдна; и замѣть еще, что платье ей нужно на то, чтобы ятти по обыкновенію въ магазинъ, и выработывать насущный хлѣбъ. И такъ она не только отказывается отъ приготовленнаго куска пирога, но еще добровольно подвергается опасности быть безъ обѣда. Замѣтимъ притомъ, что цирюльникъ вовсе не ипшій, и не ползаетъ на четверенькахъ подъ столомъ. Король Робертъ не многимъ жертвуетъ, даря свою бахрому, потому что она уже отрѣзана, и вопросъ еще отрѣзана ли она вдоль или поперегъ и можно ли было ее пришить, между-тѣмъ какъ Мимі, по собственной свободной волѣ, не ожидая чтобы у нея украли платье, сама срываетъ съ себя это платье, которое для нея дороже богатствъ всѣхъ парижскихъ позументщиковъ. Она выходитъ со двора, укутанная въ оконную занавѣску; но будь увѣренъ, что она никуда не пойдетъ въ такомъ нарядѣ, какъ-только въ церковь; она скорѣе дастъ себѣ отрубить руку, чѣмъ рѣшится показаться въ такомъ видѣ въ Люксембургскомъ или Тюльрийскомъ саду; передъ одного Бога смѣетъ она предстать, потому что она каждый день въ это время молится Ему; повѣрь мнѣ, Оберъ, въ томъ одномъ, что она прошла въ занавѣскѣ по нѣ-

сколькимъ улицамъ, гдѣ всѣ ее знаютъ, болѣе мужества, смиренія и истиннаго благочестія, нежели во всѣхъ гимназахъ короля Роберта, о которыхъ всѣ говорятъ, отъ великаго Боссюэта до пошлаго Анкетилля, между тѣмъ какъ Миміи умереть въ неизвѣстности у себя на чердакѣ между горшкомъ цвѣтовъ и своими шпатель.

— Тѣмъ лучше для нея, отвѣчалъ Оберъ.

— Если бы мнѣ хотѣлось еще сравнивать, продолжалъ Марсель, я бы могъ сравнить Ружетту съ Муціемъ Сцеволю. Въ самомъ дѣлѣ, неужели ты воображаешь, что труднѣе было Римлянину времени Гарквинія продержать руку минуту пять надъ горящею жаровнею, чѣмъ выпѣшенной грязеткѣ пробыть цѣлые сутки безъ пищи? Ни тотъ, ни другая не жаловались, но разбери почему. Муціи среди лагеря, передъ лицомъ этрусскаго царя, котораго онъ собирался зарѣзать; онъ глупо промахнулся, и попалъ въ руки стражи. Чтò же онъ придумалъ? Напугать ихъ хвастнею. Чтобы подивились ему, прежде чѣмъ повѣсятъ, онъ обжегъ себя кулакъ на жаровнѣ; онъ вѣдь не зналъ, что угли были очень горячи и что кулакъ разсыплется въ пепель. Вотъ Порсенна, пзумленный такою хвастнею, простилъ его и отпустилъ домой. Можно ручаться, что у Порсенны, когда онъ могъ ему простить, лицо было не злое, и что Сцевола догадывался, что жертвуя рукою, онъ можетъ спасти голову. Ружетта напротивъ, терпитъ самую ужасную и медленную пытку, голодь; и никто не видитъ ея. Она одна въ углу на чердакѣ; никому дивиться ей; нѣтъ около ея ни Порсенны, то есть барона, ни Римлянъ, то есть, сосѣдей, ни Этрусковъ, то есть, заподавцевъ, ни даже огня, потому что камнѣя ея давно не топится. И зачѣмъ она безъ жалобы переноситъ это страданіе? Во-первыхъ, изъ тщеславія, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но Муція можно обвинить въ томъ же; во вторыхъ, изъ великодушія, и вотъ въ чемъ ея слава: она молча страдаетъ за замкомъ за тѣмъ только, чтобы пріятели ея не знали, что она умираетъ, чтобы они не сжалились надъ ея мужествомъ, чтобы подруга ея, Миміи, которая, какъ ей извѣстно, добра и великодушна, не была принуждена отдать ей свое платье и пригò. На мѣстѣ Ружетты, Муціи показалъ бы видъ будто умираетъ въ молчаніи, но на площади, или передъ дверями Фликогò. Его молчаливая и высокая гордость была бы косвенною просьбою къ присутствующимъ подать ему стаканъ вина и краюшку хлѣба. Ружетта, правда, просила лундора у своего барона, котораго я сравниваю съ Порсенною. Но развѣ ты не видишь,

что баронъ очевидно долженъ быть чѣмъ-нибудь лично обязанъ Ружеттѣ? Это бросается въ глаза самому слѣпому. Впрочемъ, какъ ты самъ очень основательно разсудилъ, могло бы случиться, что баронъ былъ на дачѣ, и тогда Ружетта погнѣла. И не думай отвѣчать мнѣ пустымъ возраженіемъ, которое дѣлаютъ противъ всѣхъ женскихъ подвиговъ, будто онѣ не знаютъ, что дѣлаютъ, и бѣгутъ за опасностью какъ кошки по крышамъ. Ружетта знаетъ что такое смерть; она видала ее съ глазу на глазъ у Іевскаго Моста; она одинъ разъ уже бросалась въ рѣку, и я спрашивалъ ее, страдала ли она. Она отвѣчала мнѣ, что нѣтъ, что она ничего не чувствовала, до тѣхъ-поръ пока ее не вытащили, потому что ушибли, таща ее за ноги, и потому что, какъ она говорить, они хватили ее головою объ бортъ лодки.

— Перестань, сказалъ Оберъ: избавь меня отъ своихъ ужасныхъ шутокъ. Отвѣчай мнѣ откровенно. Какъ ты думаешь, эти жестокія, столько разъ повторявшіяся, и вѣчно грозящія испытанія, могутъ ли наконецъ принести пользу? У этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, безъ опоры и безъ совѣта, довольно ли здраваго смыслу, чтобы имъ приобрести опытность? Или къ нимъ привязался демонъ, который на-вѣки-вѣковъ обрекаетъ ихъ несчастію и безразсудству? Могутъ ли онѣ, послѣ всѣхъ этихъ безразсудствъ, воротиться къ добру? Вотъ одна, какъ ты говоришь, молится Богу, ходитъ въ церковь; исполняетъ свои обязанности; честно живетъ своимъ трудомъ; подруги уважаютъ ее и вы сами, негодяи, обращаетесь съ нею, не съ обыкновеннымъ своимъ легкомысліемъ. Другая безпрестанно переходитъ отъ безразсудствъ къ нищетѣ, отъ расточительности къ терзаніямъ голода; кажись, ей должно бы долго помнить эти жестокіе уроки. Какъ ты думаешь, могли ли бы совѣты, порядочная жизнь, и легкая помощь обратить такихъ женщинъ въ благоразумныя существа? Если такъ, скажи мнѣ: намъ представляется случай, пойдемъ сейчасъ же къ бѣдной Ружеттѣ; она, вѣроятно, еще довольно больна, и подруга ея ухаживаетъ за нею. Не удерживай меня, дай мнѣ свободно дѣйствовать. Я хочу попытаться обратить ихъ на правый путь, поговорить съ ними откровеннымъ языкомъ; не стану ни читать имъ нравоученій, ни бранить ихъ; подойду только къ постели, возьму ихъ за руки, скажу имъ....

Въ эту минуту, пріятель проходилъ мимо кофейни Тортона. Свѣтъ люстръ рисовалъ на одномъ изъ оконъ очеркъ двухъ мо-

лодыхъ женщинъ, которыя ѣли мороженое у окна. Одна изъ нихъ махнула платкомъ, другая громко расхохоталась.

— Ну, братъ, сказалъ Марсель, когда хочешь съ ними поговорить, незачѣмъ намъ идти такъ далеко: вотъ онѣ, здѣсь, прости Господи! Вотъ Мини въ черномъ платьѣ, и Ружетта съ своимъ бѣлымъ штандартомъ, всегда на пути къ лакомству. Господниъ баронъ видно не поскупился.

— И подобное безразсудство тебя не пугаетъ?

— Разумѣется, оно немного страшно, отвѣчалъ Марсель: но, пожалуйста, когда будешь бранить гризетокъ, сдѣлай исключеніе въ пользу мамзель Мини. Она за ужиномъ рассказала намъ сказку, заложила платью за четыре франка, сдѣлала себѣ изъ занавѣски платокъ; а когда кто говоритъ что знаетъ, даетъ что имѣеть и дѣлаетъ что можетъ, то отъ него болѣе и требовать нечего.

ВРАКЪ ПОДЪ ВОЛНАМИ. *Разсказъ Альфонса Карра.* Стукъ дверей прекратился, шумъ удалявшихся каретъ умолкалъ. Въ гостиной, освѣщенной множествомъ свѣчь, на двѣ трети обгорѣвшихъ, передъ потухающимъ каминомъ, еще сидѣли двѣ особы: женщина лѣтъ тридцати и мужчина, который былъ моложе ея нѣсколькими годами.

— Одно проклятіе, сказала баронесса, мнѣ часто приходится повторять въ жизни.

— Надѣюсь, что оно падаетъ не на учителей.

— Нѣтъ, Рауль, на тѣхъ господъ, которые уѣзжаютъ съ бала въ два часа утра и увлекаютъ вслѣдъ за собою цѣлое общество. Ужъ если протанцовать до двухъ часовъ утра, такъ вѣрно остатокъ ночи, который они проведутъ въ постели, переворачиваясь съ боку на бокъ, ничѣмъ не вознаградитъ ихъ за благоразумную воздержность. Вотъ и я теперь непременно часа два прострадаю бессонницей. Хоть вы-то не уѣзжайте; дѣти мои устали; я позволила имъ встать завтра по-позже, стало-быть и учителю можно полѣниться. Не разскажете ли какой-нибудь исторійки, или, лучше всего, отвѣчайте мнѣ на одинъ вопросъ, внушенный мнѣ тою внимательностью, съ какою вы разсматривали женщинъ, бывшихъ здѣсь четверть часа тому назадъ. Изъ всѣхъ, донынѣ вамъ извѣстныхъ женщинъ, какую вы назвали бы самою прелестною?

— Кромѣ васъ?

— Кромѣ меня.

— Въ такомъ случаѣ, скажу, что называю прелествѣйшею женщиною, ту которой я никогда не видалъ.

— Вотъ странное сумасбродство.

— Странное до извѣстной степени; я сужу о красотѣ не по математическимъ пропорціямъ тѣла, лица, но по эффекту, какой она производитъ; до-сихъ поръ, я влюблялся, быть-можетъ, неразъ; но всё-таки самая страстная, самая пылкая, самая поэтическая любовь была внушена мнѣ, безспорно, женщиною, которой даже и кончикъ ножки мнѣ не удалось увидѣть.

— Не забыли ли вы тутъ даму въ голубомъ платьѣ, которую вы давеча пошли ангажировать по моему указанію?

— Вы еще напередъ расхвалили ея красоту?

— Именно.

— Я ея не видѣлъ. Когда я хотѣлъ къ ней приблизиться, сквозь группы танцующихъ, она уходила въ другую комнату и подавала руку кавалеру, болѣе меня счастливому.

— Или болѣе проворному.

— Я только и видѣлъ, что нѣсколько складокъ этого голубаго платья.

— Рассказывайте же мнѣ вашу исторію, Рауль. Чтò, она длинна?

— Не могу сказать напередъ. Если только одна память будетъ моимъ сумлёромъ, — исторія коротка, потому что приключеній и неожиданностей въ ней почти нѣтъ; если же сердце вмѣшаетъ, — ни зачтò не отвѣчаю.

— Всѣ-равно: если она занимательна, то заставитъ меня забыть безсонницу; скучна, такъ усыпить.

— И такъ, во всякомъ случаѣ я могу быть увѣренъ, что заслужу благосклонность моихъ слушателей. Положеніе слишкомъ рѣдкое и слишкомъ лестное, чтобъ имъ не воспользоваться. Я начинаю.

— Позвоите сперва: пусть подбросятъ дровъ въ каминъ.

— Это я и самъ могу исполнить.

— Вы, я вижу, ловкій ораторъ: боитесь, чтобъ минутное присутствіе слуги не нарушило моего расположенія слушать васъ, и не разсѣяло моихъ размышленій. Да?

— Не считаю себя вынужденнымъ признаваться, что это такъ. Я могъ бы сказать, что слуги устали, и, такимъ образомъ, прикрыться филантропическимъ намѣреніемъ.

— И вы и я, мы оба слишкомъ умны, чтобъ вѣрять въ филантропію. Начинайте.

Т. LXX VII.—Отд. VII.

- Миѣ было двадцать лѣтъ....
- Я такъ и думала.
- Почему же?
- Потому что въ эти только лѣта и предаются такимъ безразсуднымъ, романтическимъ, сумасброднымъ страстямъ.

— Скажите лучше — такимъ истиннымъ, благороднымъ, чистымъ. Если бѣ женщины знали, какія сокровища любви хранятся въ сердцахъ двадцати-лѣтняго мужчины для первой женщины, какую онъ полюбитъ, если бѣ онѣ видѣли, сколько преданности, обожанія въ подобной любви, если бѣ знали, что въ ихъ особѣ заключается для этого человѣка жизнь, со всѣми ея радостями, рай, съ его таинственнымъ блаженствомъ; если бѣ знали, что молодой человѣкъ сосредоточиваетъ на любимой женщинѣ всѣ человѣческія страсти: слава для него заключается въ томъ, чтобъ быть любимымъ этою женщиной, честолюбіе — въ томъ, чтобъ коснуться губами ея волосъ; скупость — въ томъ, чтобъ сохранять первое письмо, полу-стертое поцѣлуями; а онѣ, эти женщины, безразсудно презирая молодаго человѣка и еще безразсуднѣе предпочитая ему людей съ истощеннымъ и очерствѣлымъ сердцемъ, оставляютъ эту первую любовь на долю гризетокъ и горничныхъ. Упоительно-благоухающая роза расцвѣтаетъ близъ полевыхъ цвѣтовъ.

— Ваше отступленіе, о, профессоръ латыни, не останется безъ возраженія: во-первыхъ, любовью, которую вы изображаете такъ привлекательно, не всѣ души снабжены по-ровну. Только нѣкоторыя организаци, щедро одаренныя природою, способны любить истинно, притомъ неужели вы думаете, что для женщины вовсе не оскорбительно быть обожасемой за прелести, которыхъ у нея нѣтъ, быть хвалимой за совершенства воображаемыя; быть просто зеркаломъ, гдѣ открываются блестящія мечтанія ея обожателя, быть для него тѣмъ же, чѣмъ были для Галловъ эти старыя, гадкіе стволы деревьевъ, на которые навѣшивалось столько пурпурныхъ мантий, столько римскихъ знаменъ и орловъ, столько золотыхъ колець, сорванныхъ съ пальцевъ у побѣжденныхъ, что побѣдители наконецъ привыкли считать чѣмъ-то священнымъ не только эти богатые трофеи, но и безобразный пень, прикрытый ими. Вѣрете мнѣ, что гораздо пріятнѣе и надежнѣе — быть любимой за ту долю красоты, за тѣ качества, которыми мы одарены дѣйствительно, чѣмъ быть просто холстомъ, который энтузіасту угодно обременять блестящими красками. Вглянувъ на пристальнѣе: узнаете, что всего чаще, предметы сильныхъ

страстей—существа недостойныя, и вы убѣдитесь, что обожаютъ женщинъ единственно за невозможностью любить ихъ.

— Оглянитесь на прошлую жизнь, и вы увѣритесь, что въ жизни человѣческой прекрасно и совершенно только то, чего въ ней на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Иллюзія—вотъ главнѣйшее богатство любви; и прежде чѣмъ устранили ихъ, надлежало бы,—и опытъ показалъ бы легко ли это,—надлежало бы узнать въ какой степени то, чѣмъ вы ихъ замѣните, будетъ ближе къ истинѣ, будетъ положительнѣе: на сколько плоды, существеннѣе цвѣтовъ, и нужно ли, чтобы вѣтеръ благовоннымъ свѣгомъ развѣялъ по землѣ лепестки цвѣтовъ, для того чтобъ на вѣткахъ по-скорѣе образовались плоды. Нѣтъ, иллюзія, быть-можетъ, вовсе не обманъ; прелести, какими васъ надѣляетъ душа влюбленнаго, существуютъ въ васъ дѣйствительно; эта любовь, такъ могущественно управляющая тѣмъ, кто ее испытываетъ, имѣетъ такое же сильное вліяніе и на ту, которая ее ощущаетъ; и если въ нашихъ понятіяхъ мы ставимъ васъ такъ высоко, значитъ, наша любовь васъ дѣйствительно возвысила, возвеличила.

— Вѣроятно, вы найдете еще множество возраженій; но я побоялась бы любви, ставящей меня на пьедесталъ, откуда не смѣла бы я сойти, не рискуя сломать шею. Начинайте же вашу разсказъ.

Рауль началъ :

— Нѣсколько мѣсяцевъ я жилъ на берегахъ Бретани. Определенный наставникомъ къ двумъ молодымъ сыновьямъ послѣдняго члена одной знатной фамиліи, происходящей изъ Арморики, какъ называлась въ древности Бретанья, — я съ удовольствіемъ послѣдовалъ за своимъ патрономъ въ лѣтнее жилище. Домъ его, въ нѣкоторыхъ частяхъ пообвалившійся, но весьма живописный, расположенъ на самомъ берегу, такъ, что при вѣтрѣ съ открытаго моря, мы часто чувствовали на губахъ присутствіе соляныхъ частицъ, которыми былъ напоитанъ воздухъ. Дни мои были посвящены занятіямъ съ моими учениками и маленькимъ прогулкамъ по морскому берегу. По вечерамъ я игралъ въ шахматы съ отцомъ, при чемъ намъ подавали пуншъ.

• Въ одинъ вечеръ, выпивъ ямайской влаги нѣсколько лишнихъ глотковъ, я никакъ не могъ уснуть и сошелъ въ садъ. Наслаждаясь спокойствіемъ и свѣжестью ночи, вдругъ услышалъ я прелестный женскій голосъ, пѣвшій простую, монотонную пѣсню, которую мнѣ случалось слышать отъ береговыхъ жителей.

Въ этой пѣсенкѣ нѣтъ ни гармоніи ни поэзіи, но она наивна и странна.

Чайки-бѣлики, не видали ли вы на морѣ обломковъ разбитаго корабля? Общалаъ я жемъ широкую ленту, алую ленту, для ея возлюбленнаго первенца.

Да вѣтеръ сорвалъ нашу ветхую кровлю, и въ лачужкѣ мы всю ночь умокли подъ дождемъ.

Таможенные отняли у меня и порохъ и ружья; забрали и мой ветхій неводъ, сушившійся на камышахъ.

Съ зеленою твной, принеси ко мнѣ, море, на нашъ пустынный берегъ хоть досокъ для нашей кровли.

Принеси-ка сухаго пороху, да доброе ружье, да неводъ рыбацій, да ленту моему первенцу.

«Долго, но безуспѣшно пытался я узнать откуда долетать до моего слуху этотъ голосъ, дотога пѣжный, мелодическій, что, казалось, онъ выпадалъ.... еслн не съ неба, то по-крайней-мѣрѣ съ деревьевъ, высокихъ и густыхъ деревьевъ, прикрывавшихъ вѣтвями всю стѣну, которою оканчивался садъ. Наконецъ я замѣтилъ огонекъ въ одномъ маленькомъ окнѣ, скрытомъ за зеленью. Сосѣдній домъ прилегалъ къ садовой стѣнѣ: въ немъ жили двѣ женщины и при нихъ небольшая прислуга. Скоро голосокъ уможъ и огонекъ погасъ.

«Нѣсколько минутъ я оставался въ саду подъ вліяніемъ магическаго впечатлѣнія. Ночью я насилу могъ заснуть. На-утро все было забыто.

«Между-тѣмъ, вечеромъ, сумракъ привелъ мнѣ на память и окно и голосокъ, и только-что кончили мы партію въ шахматы, я тотчасъ отправился въ садъ. Въ окнѣ появился огонекъ, и этотъ огонекъ сквозь сѣть листьевъ казался свѣтящимся червячкомъ въ травѣ. Но уже никто не пѣлъ. Невольно предался я мечтаніямъ; воображеніе мое пыталось создать портретъ хозяйки этого поэтическаго убѣжища. Судя по мелодіи ея голосу, я могъ положительно увѣриться только въ томъ, что она молода....

«Прошло еще нѣсколько дней, въ которые я былъ занятъ своимъ мечтаніемъ немножко болѣе, чѣмъ сколько слѣдовало — для сохраненія моего душевнаго спокойствія.

«Однажды, прогуливаясь по взморью, съ ружьемъ за плечами и въ сопровожденіи моихъ воспитанниковъ, я встрѣтилъ маленькаго мальчика, который довольно часто приходилъ къ нашему дому продавать плоды. Случайно, безъ всякаго намѣренія, спросилъ я: «Откуда идешь, умникъ?»

« — Ходить-то я далеко, да всё понапрасну: тётенька Полина скучаетъ, что у нея не будетъ цвѣтовъ въ день именинъ ея мамоньки; холодный вѣтеръ всё цвѣтки побилъ въ садахъ.

« — Кто же эта тётушка Полина? спросилъ я.

« — Да ваша сосѣдка; добренькая дѣвушка, а ужъ и пригожа какъ ангелъ. Она меня учить и читать и писать: современемъ буду клеркомъ, и что бы она ни поручила мнѣ, за все такъ щедро платить.

« Любопытство мое было возбуждено; трудно было удержаться отъ другихъ разспросовъ. Я узналъ, что эти двѣ женщины никуда не выходятъ; что маленькое окно за древесными листьями, было въ комнатѣ Полины; въ эту комнатку она приходила только по вечерамъ, чтобъ лечь спать.

« Остальное время прогулки я провелъ въ глубокой задумчивости. Лишь-только питомцы мои удалились, я немедленно отправился въ одинъ дальнѣй садъ, который, какъ мнѣ было извѣстно, всегда изобиловалъ цвѣтами: заботливый владѣлецъ умѣлъ защитить его отъ вліянія нѣкоторыхъ морскихъ вѣтровъ.

« Ночью, увѣрившись, что всё спитъ, я взлѣзъ на одно изъ деревьевъ у садовой стѣны, и чувствовалъ, какъ тревожно забилось мое сердце, когда я приближался къ заветному окошку: оно было заперто; за стеклами темно. Я прицѣпилъ связку прекраснѣйшихъ цвѣтовъ къ рѣшеткѣ, и опустился внизъ, немножко испарашанный.

« Я не смѣлъ быть въ саду въ ту минуту, когда она увидѣла бы цвѣты; только днемъ я замѣтилъ, что букета уже нѣтъ.

« Скоро я сблизился съ маленькимъ комиссіонеромъ, и былъ счастливъ, что могъ разговаривать хоть съ однимъ существомъ, которое ее видитъ, которое слышитъ ея голосъ. Мнѣ также хотѣлось что-нибудь показывать маленькому Луи и я сталъ учить его арифметикѣ. Нѣсколько дней спустя, новый ученикъ говорилъ мнѣ:

« Тётушка Полина очень, очень довольна, что я учусь считать; она говоритъ, что я долженъ благодарить ея сосѣдей.

« Видя, что онъ уже имѣлъ съ нею разговоръ обо мнѣ, я не рѣшился дѣлать лишнихъ вопросовъ о моей сосѣдкѣ. Однажды у маленькаго Луи я увидѣлъ голубую ленту, въ которую онъ варяжался съ особенною гордостью; онъ сказалъ мнѣ, что эту ленточку подарила ему Полина. Я предлагалъ ему за этотъ подарокъ порядочную монету; но онъ ни за что не хотѣлъ разстаться съ лентой. По цвѣту ея, я могъ заключить, что незнакомка моя

должна быть блондинка. Не могу сказать вамъ , какъ все это меня занимало.

« Въ одинъ вечеръ , когда солнце садилось , горизонтъ былъ исчерченъ длинными алыми полосами; скоро поднялся сильный юго-западный вѣтеръ , и море , казалось , было потревожено въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ своихъ. Широкими валами набѣгало оно на землю , какъ-бы готовяея поглотить ее. Страшная буря разразилась надъ побережьемъ. Жители были въ смятеніи: нѣсколько рыбацкихъ лодокъ накануне ушли въ открытое море и еще не возвращались. Женщины и дѣти не отходили отъ береговъ , не сводили глазъ съ горизонта. Деревянное распятіе подлѣ церкви было окружено молящимися. Наконецъ , на желтомъ отблескѣ , который оставался еще на горизонтѣ отъ скрывшагося солнца , черными силуэтами нарисовались паруса ожидаемыхъ лодокъ.

« Въ это время мнѣ надо было спѣшить въ садъ , чтобъ не прогулять часъ , когда я обыкновенно выдаю огонѣкъ между листьями. Въ комнаткѣ уже было свѣтло ; сладостный голосокъ говорилъ:

— Женеваева , завтра утромъ , только проснешься , прійди мнѣ сказать , не случилось ли какого-нибудь несчастія. Боюсь я этой бури.

« Я слышалъ , какъ затворили дверь , и по ослабѣвшему свѣту замѣтно было , что одна свѣча упесена; немного погодя , слышу молитву къ Дѣвѣ Покровительницѣ моряковъ. Я слушаю съ набожностью , и тоже молился.

Когда огонѣкъ погасъ , я возвратился къ взморью; лодки были уже не далѣе какъ на два ружейные выстрѣла отъ берега , но море бушевало такъ неустово , что рыбаки , сколько можно было видѣть , употребляли послѣднія усилія , чтобъ избѣгнуть неминуемаго крушенія.

« Была минута: вѣтеръ притихъ и слышался только глухой , отдаленный гулъ; море поднялось горой , громадный бѣлѣющій валъ разбился.... Крики отчаянія на берегу смѣшались съ шумомъ прибоя. Обѣ ладьи , взброшенные хребтомъ вала къ верху , исчезли.

« Вскорѣ увидѣли ихъ на-половину разбитыми: такъ сильно было взаимное ихъ столкновеніе. Волна увлекла ихъ за собою на песокъ , и взбѣжала на берегъ; отхлынула—и снова унесла свою добычу; встала другая волна—и выбросила на берегъ однѣ щепы.

Рыбаки были спасены; недосчитались только двухъ: старика, да мальчика.

«Передъ этимъ зрѣлищемъ разрушенія, въ головѣ моей господствовала мысль о моей сосѣдкѣ. Но я готовъ былъ сейчасъ пожертвовать собою на пользу ближняго. Сердце мое было полно любви, той благородной любви, которая возвышаетъ, очищаетъ душу, и поражаетъ въ ней потребность героизма.

«Море принесло на берегъ тѣло мальчика; всѣ считали его мертвымъ; но мнѣ казалось, что въ немъ еще есть искра жизни; и самыми простыми попеченіями, безъ которыхъ, при невѣжествѣ окружающихъ, онъ могъ бы погибнуть, мнѣ удалось вернуть его къ жизни. Матери нѣкогда было благодарить меня: она только молча унесла свое дитя; а я поспѣшилъ въ садъ, на доскутѣ бумаги на-скоро написалъ: «Буря разбила двѣ лодки. Всѣ спасены, кромѣ Жака». Потомъ, прежнимъ способомъ прицѣпилъ эту записку къ окну.

«На другой день, около сумерекъ, прогуливаясь въ саду, я внезапно былъ окруженъ цѣлой толпой незнакомецъ: они начали осыпать меня всевозможными ласками: это была родня спасеннаго мальчика. Меня такъ тронуло это простодушное изъявленіе признательности, что я, по какому-то инстинктивному влеченію, не могъ не возвратиться подъ дорогое окно; въ ту минуту въ домъ чтò-то мелькнуло; кто-то поспѣшно отсторонился. Такъ Полина меня видѣла... Сердце мое расширилось отъ восхищенія.

«На-завтра, около полудня, окно было открыто. Качаясь на вѣтвяхъ, я могъ, въ первый разъ, заглянуть въ комнату: убранство ея было просто. Съ трепетомъ глядѣлъ я на бѣлую постельку, на коверъ, по которому ходить маленькая ножка... я узналъ, что маленькая: тутъ были ея сафьянныя туфли. Изъ всего дѣлалъ я свои выводы, даже успѣлъ разсмотрѣть величину перчатокъ, забытыхъ на столѣ. Можете себѣ вообразить мою радость, когда на оконной рѣшеткѣ нашелъ я два длинные волоса.... Вѣроятно, Полина задѣла ими за желѣзо, удаляясь, нагнувъ, отъ окна съ такою поспѣшностью.

— И эти два волоска, сказала тутъ слушательница, были бѣлокурые и необыкновенно тонкіе.

Рауль на минуту замолчалъ, поглядѣлъ на охотницу прерывать рѣчь, съ глубокимъ удивленіемъ; потомъ, сообразивъ, что ея слова были простымъ предположеніемъ и могли также

хорошо относиться къ сотяѣ разныхъ героинь романа, онъ продолжалъ, открывая кольцо :

« — Вотъ эти два волоса; я никогда не расстаюсь съ ними. »

« Скоро опять я встрѣтился съ маленькимъ Луи. Полина уже поразспросила у него обо мнѣ; она видѣла сцену изъявленія благодарности рыбаковъ. Узнавъ причину ея, она сказала: — При видѣ радости этихъ бѣдныхъ людей, я не могла удержаться отъ слезъ.

« Драгоценныя слезы! Я готовъ былъ отдать половину всей моей крови за тотъ платокъ, которымъ она отпирала ихъ.

— Мнѣ пора идти, сказалъ маленькій Луи, можетъ-быть я нуженъ тѣтушкѣ Полниѣ; она, вѣрно, ужь дома.

« — Дома! Да развѣ она выходила со двора?

Я бросился-было бѣжать къ церкви; но не успѣлъ сдѣлать десяти шаговъ, какъ Луи указалъ мнѣ на двухъ женщинъ, входившихъ въ сосѣдній домъ.

« Вотъ онѣ.

« Я только и видѣлъ, что складки бѣлаго платья. Луи сказалъ: — « Это она! » и побѣжалъ вслѣдъ за нею.

« А я... я возвратился домой печальный.

« Разъ какъ-то Луи проговорился, что ему хотѣлось бы имѣть хорошенькое платье къ празднику. Я по-тихоньку заказалъ довольно-милый костюмъ, и Полина нашла его у себя въ комнатѣ, вмѣстѣ съ записочкой, что онъ назначенъ Луи.

« Въ одинъ вечеръ, огонѣкъ не показывался между вѣтвями, и на-утро я узналъ, что мать Полины запемогла, что собиралась послать въ ближній городъ за врачомъ. Тотчасъ сажусь на лошадь, скачу къ доктору, уступаю ему мою лошадь, и возвращаюсь назадъ пѣшкомъ. Посланный за нимъ былъ еще на половинѣ дороги, когда врачъ уже находился при постели страждущей.

« Старушка была больна нѣсколько мѣсяцевъ. Полниѣ рѣдко позволялось проводить ночи подлѣ матери. Зато, все, чего больная желала, все къ вечеру появлялось въ дочерней комнаткѣ... Отъ врача узналъ я, что на выздоровленіе старушки нѣтъ никакой надежды, что страданія ея могли продлиться еще съ мѣсяць, но не долѣе. Я былъ огорченъ до глубины души; зараѣе представлялъ себѣ отчаяніе бѣдной дѣвушки, ея безпомощное состояніе, ея одиночество; и я не имѣлъ никакого права прійти утѣшить ее въ минуты глубокой скорби, приближавшіяся съ каждымъ днемъ.

« Однажды, когда я у саду разговаривалъ съ врачомъ, изъ коего отца моихъ питомцевъ вышелъ какой-то мужчина; почтовая коляска ожидала его у крыльца, но онъ остановился и, казалось, слушалъ насъ со вниманіемъ. Только-что врачъ удалился, незнакомый мужчина подошелъ ко мнѣ и сказалъ: « Врачъ вашъ не разумѣетъ своего дѣла; убиваетъ больную, тогда какъ тутъ необходимо одно кровопусканіе.»

— Ради Бога, подите, спасите ее! говорилъ я умоляющимъ голосомъ.

— Не могу, отвѣчалъ онъ, я врачъ: нельзя же пересбивать дорогу у собрата.... Притомъ, я не могу располагать теперь ни четвертью часа: меня ждетъ дѣло, отъ котораго зависитъ все благосостояніе дѣтей моихъ, слѣдовательно, и мое. Постарайтесь только чтобъ вашъ коновальъ пустилъ больной кровь, все будетъ хорошо.

— Увѣрены ли вы въ томъ?

— Вотъ уже, кажется, сорокъ лѣтъ, что я врачомъ; но никогда не предписывалъ пособія съ большею увѣренностью въ успѣхъ его.

Я поспѣшилъ прицѣпить къ окну записку:

« Ради Бога, требуйте, чтобы пустили кровь вашей маменькѣ. Врачъ, заслуживающій полное довѣріе, ручается, что кровопусканіе спасетъ ее.

Три дня, ничего не слыша о дорогихъ мнѣ существахъ, я былъ въ жестокомъ безпокойствѣ. На четвертый, мнѣ казалось, я обезумѣлъ, увидя мой клочокъ бумаги всё-еще прицѣпленнымъ къ окну.

« Спѣшу взять его назадъ: но, вмѣсто моей записки, нахожу другую бумажку, на которой было написано: *Сильфъ или ангелъ, благодарю.* Сердце мнѣ сказала, что это отъ нея. Она чувствовала потребность благодарить меня: мать ея была спасена.

« Нѣсколько времени спустя, мнѣ надобно было отлучиться на недѣлю. Возвратившись, я узналъ, что и мать и дочь уѣхали изъ Бретанни. Это извѣстіе меня поразило. Никто не зналъ, куда онѣ отправились; извѣстно было только одно: что онѣ *не возвратятся* и что домъ ихъ продается. Я не медлилъ покинуть мѣста, которыхъ видъ сталъ для меня невыносимъ; два года, проведенные въ странствіяхъ, ослабили немного мою печаль, но оставили во мнѣ глубокую меланхолію. Вскорѣ я поступилъ въ вашъ домъ, гдѣ до сихъ-поръ пользуюсь вашимъ благорасположеніемъ. »

— Любезный Рауль, скажила тутъ ему слушательница: вы мнѣ должны быть безконечно обязаны. Никогда еще никакая слушательница не была благосклоннѣе меня: я выслушала вашу исторію, между-тѣмъ какъ ее знала.

Рауль былъ пораженъ отъ удивленія.

— Я вамъ доскажу ее: Полина вышла замужъ, и черезъ годъ овдовѣла.

— Эта шутка слишкомъ жестока.

— Я не шучу. Я узнала вашу исторію отъ самой героини; и въ эту минуту она ужъ ѣдетъ къ своей матери, снова доселившейся въ домикъ, съ знакомымъ вамъ окошкомъ.

— Какъ! вы ее знаете?

— Дама въ голубомъ платьѣ, которую вамъ не удалось видѣть....

— Она?...

— Полина.

— И что же, она отсюда уѣхала?

— Уѣхала.

— Въ Бретанью?

— Да; если бъ вы успѣли, по моему указанію, пригласить Полину танцовать, навѣрно она узнала бы васъ.

— Такъ вамъ извѣстно было, что въ ея исторіи дѣло шло обо мнѣ?

— Ни мало.

На другой же день Рауль былъ въ дорогѣ. Ему казалось, что экипажъ никогда не подвигался такъ медленно. Покуда Рауль торопится почтарей и сердится при малѣйшей остановкѣ, посмотримъ, что происходитъ въ обѣтованной землѣ, куда онъ стремится.

Какъ поразглядишь минувшее, такъ безъ труда увѣришься, что и скудная доля счастья, какою мы пользовались въ жизни, не доставалась намъ иначе, какъ по преодоленіи тысячи препятствій; да и когда за усиліями нашими слѣдовалъ успѣхъ, почти всегда мы успѣвали единственно въ томъ, чтобъ навлечь на себя новыя злополучія.

При видѣ бѣгущаго, я всегда говорю: «Поспору, что этотъ человѣкъ торопится на-встрѣчу какому-нибудь несчастію.» Рауль также торопился.

Полина была уже при матери.

Не безъ смущенія увидѣла она свой прежній уголокъ съ рѣшетчатымъ окномъ; и съ удовольствіемъ встрѣтила своего уче-

ника, своего фаворита. — Луи сталъ порядочнымъ молодымъ человѣкомъ, и вмѣстѣ помощникомъ своего дяди клерка.

Луи былъ невыразимо счастливъ, увидѣвшись съ Полиной. Ей одной онъ былъ обязанъ и своими познаніями и тѣмъ уваженіемъ, какимъ пользовался онъ въ кругу поселянъ.

Полина желала побесѣдовать съ нимъ на другой же день своего пріѣзда. Погода была неподобная, небо ясно, безоблачно; гладкая пелена голубаго, прозрачнаго моря слегка чешуилась подъ дыханіемъ легкаго восточнаго вѣтерка; птички рѣяли такъ высоко, что казались движущимися точками въ свѣтломъ поднебесьи.

Луи пригласилъ и Полину и мать ея прогуляться по взморью въ челнокъ; онъ не отказался, да и не было причины отказываться, при такой ясной погодѣ.

Что можетъ быть привольнѣе прогулки по водѣ! Какъ сладостно освѣжаетъ лицо этотъ мягкій морской воздухъ. Душа становится свободнѣе, отрекаясь отъ заботъ, оставленныхъ на землѣ. Какое мелодическое журчаніе слышится въ струяхъ, бѣлющихъ вокругъ быстрой ладьи. И что за сладостныя мечтанія появляются въ воображеніи, на этой безпредѣльной голубой равнинѣ!

Полина всей душою предавалась обаянію этой морской прогулки. Молодая женщина могла довольно скоро забыть Рауля: ей суждено было исчерпать въ короткое время всѣ радости и всѣ скорби, которыя обыкновенно наполняютъ собою цѣлую человѣческую жизнь. Но впечатлѣнія, подъ влияніемъ которыхъ Полина теперь находилась, были слишкомъ неопредѣленны: имъ необходимо было слиться съ какимъ-нибудь воспоминаніемъ, съ какою-нибудь надеждою. И вотъ, при видѣ стараго дому, мадильской комнаты, окна, печальная душа вспомнила про *ангела* для *силфа*, который былъ такъ покоренъ ея волѣ, такъ усердно предупреждалъ всѣ ея желанія....

Между-прочимъ, Луи, сколько ни готовился въ клерки и, можетъ-быть, именно по этой причинѣ, былъ весьма посредственнымъ мореходомъ. Неловкимъ ударомъ весла онъ сильно пошатнулъ челнокъ на-бокъ; жестоко испуганныя женщины бросились обѣ къ противоположному борту, и челнокъ, при нарушенномъ равновѣсіи, — опрокинулся.

Съ берегу раздался громкій крикъ. Въ эту самую минуту, по песчанымъ откосамъ мчался всадникъ. Онъ торопилъ коня и скоро достигъ до мѣста несчастія.

«Тонуть! тонуть!

— Вотъ, вотъ ея бѣлое платье....

Прѣзжій кинулся въ воду. Море было спокойно, сине и прозрачно. Заходящее солнце отражало въ водѣ свои пурпуровые и огненные лучи....

Рука Рауля уже коснулась плавающего платья; но Полиня уцѣпилась за спасающаго, изю всѣхъ сль обвиня его руками. Къ несчастію, опъ не былъ искусенъ въ плаваніи; нѣсколько минутъ борьбы съ волнами — и обѣ жертвы исчезли въ глубинѣ.

На-утро волны прилива вынесли на прибрежные валуны трупъ старушки и трупъ Луи. Два другіе трупа найдены судорожно обнявшимися; страшное отчаяніе было напечатлѣно на ихъ лицахъ, искаженныхъ страданіемъ: вотъ все, что оставалось отъ Полины и Рауля.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Charlotte, *Шарлотта*, драма въ трехъ актахъ, съ прологомъ, господъ Эмиля Сувестра и Eugène Bourgeois.

Эта Шарлотта старинная знакомка всего читающаго міра. Это та самая Лотта, надъ судьбою которой, уже полстолѣтія назадъ, во всѣхъ концахъ *онаго жъ* міра проливались слезныя рѣки, возмущенныя вздохами и проклятіями на голову сухаго, холоднаго, безчувственнаго соперника, который перебиваетъ несчастному и слѣшкомъ скромному Вертеру дорогу въ рай земной. Однимъ словомъ, прологъ новой драмы Эмиля Сувестра и Евгенія Буржоа — почти буквальный переводъ Гётева романа.

Вертеръ любитъ Шарлотту и не смѣетъ признаться ей въ этомъ, по застѣчивости, а можетъ-быть и изъ опасенія неудачи. Самъ Гёте замѣшанъ въ эту исторію. Онъ наблюдаетъ и списываетъ съ натуры любовь своего друга, съ намѣреніемъ сочинить романъ. Вертеръ находитъ черновую рукопись и въ заключеніи, которое сочинилъ поэтъ, видитъ приговоръ судьбы, таинственное указаніе, какъ ему поступить. Въ самомъ дѣлѣ, что ему остается дѣлать на этомъ свѣтѣ? Жизнь его кончена: Лотта выходитъ замужъ за сухаго, холоднаго, безчувственнаго Альберта. Изливъ отчаянную душу въ огненной тирадѣ, Вертеръ уходитъ въ свою комнату и черезъ минуту раздастся выстрѣлъ. Шарлотта падаетъ на колѣна, уничтоженная, обезумѣвшая отъ ужасу и скорби. Альбертъ входитъ, и по отчаянному страданію невѣсты видитъ всю ея страсть къ другому. Тутъ начинаются измѣненія и собственныя идеи авторовъ драмы. Сухой, прозаическій, холодный, положительный Альбертъ въ то же время —

человѣкъ великодушный и не совсѣмъ безчувственный; сверхъ же всего — докторъ. Онъ бѣжитъ къ Вертеру, находитъ его не убитаго, а раненаго; вылечиваетъ и уступаетъ ему невѣсту. Вертеръ, на зло своему другу Гёте, попадаетъ въ земной рай, женится на Лоттѣ. Конецъ прологу. Начинается драма.

Съ самаго начала перваго акта мы видимъ Вертера въ семейномъ быту. По всѣмъ соображеніямъ, на основаніи пролога, онъ долженъ быть неизмѣримо счастливъ, но... увы! выходитъ на-противъ. Вертеръ всё такъ же мечтателевъ, всё такъ же грустенъ. Чего же недостаетъ ему? Развѣ онъ не избавился отъ Альберта? развѣ онъ не можетъ каждый вечеръ сидѣть съ Лоттою въ отворенномъ окнѣ и смотрѣть на снѣжныя вершины горъ, освѣщенные серебряными лучами луны? Увы! Вертеръ — одна изъ тѣхъ пламенныхъ душъ, которымъ нужно страдать, чтобы чувствовать жизнь и которымъ спокойное счастье скоро наскучаетъ. Обладаніе обожаемою женщиною не могло подавить въ немъ безпокойства и ненасытной жажды невѣдомаго, жажды, которую не утоляетъ никакая существенность. Шарлотта надоѣла ему. Онъ всячески старается быть нѣжнымъ и добрымъ, но по нервическимъ отрывистымъ движеніямъ, по печальнымъ вспышкамъ, ясно видно, что ему смертельно скучно подлѣ жены. Существенность разсѣяла его мечту. Словомъ, Вертеръ уже не любитъ Лотты. Здѣсь нужно отдать авторамъ справедливость, за то что они не впали при «сей вѣрной okazji» въ общія мѣста и, за отсутствіе любви, не выставили Вертера ни человѣкомъ безъ сердца, ни негодяемъ, ни чудовищемъ. Онъ уже не любитъ. Чтѣ жъ дѣлать? Любовь—чувствованіе невольное. Она приходитъ, не знаешь, зачѣмъ, и уходитъ, неизвѣстно, отчего. Никто не можетъ быть объявленъ преступникомъ, за то, что его не влечетъ больше туда, куда влекло прежде.

Вертеръ очень часто выходитъ со двора и дѣлаетъ продолжительныя прогулки. Онъ, правда, страстный охотникъ до красоты природы и до удивленія, гдѣ можно помечтать, однако жъ, сверхъ этихъ двухъ, есть еще третья причина, которая влечетъ его изъ дому: это — Елена, дочь маіора Вержена. Невинная и довѣрчивая Елена считаетъ Вертера холостымъ и до того любитъ, что ни въ чемъ ему не отказываетъ. Отецъ намѣревается выдать ее замужъ за нѣкоего Германа, но она не выйдетъ, она отстоитъ и оградитъ свою любовь къ избранному сердцемъ.

Въ такомъ положеніи находятся дѣла, когда пріѣзжаетъ Альбертъ. Онъ всё-еще любитъ Шарлотту, однако жъ считаетъ себя въ три года разлуки столько прохладеннымъ, что не бонт-

ся встрѣчи съ бывшею своею невѣстой. Онъ хочетъ полюбоваться на счастье, которое создалъ своимъ самопожертвованіемъ. Вертеръ, занятый своею новою любовью, принимаетъ благодѣтеля разсѣянно и скоро уходитъ. Шарлотта, чтобы избавить Альберта отъ сожалѣнія о напрасной жертвѣ, принимаетъ его весело, радушно, съ дивнымъ кокетствомъ и очаровательною улыбкой женщины, у которой сердце пронзено семью лезвиями страданія.

Между-тѣмъ майоръ Вержепъ досадуетъ на сопротивленіе дочери и очень желаетъ знать по имени того, кого ослушница предпочитаетъ Герману, но опасаясь своею солдатскою суровостію испортить дѣло, поручаетъ это доктору. Альбертъ, по роковому стеченію обстоятельствъ, исполняетъ это порученіе въ присутствіи Шарлотты, которой права Еленѣ неизвѣстны. Елена называетъ Вертера, все открывается. Затѣмъ слѣдуетъ между супругами довольно крутое и запальчивое объясненіе и Вертеръ произноситъ слово «разстанемся» такимъ тономъ, который не оставляетъ никакой надежды на возвратъ. Шарлотта даже не пытается бороться. Но она любила не такъ какъ Вертеръ. Она чувствуетъ себя приговоренною къ смерти. Она не хочетъ быть помѣхою въ счастіи Вертера.

Ослѣпленный страстью, Вертеръ предлагаетъ Еленѣ бѣжать и искать счастья гдѣ-нибудь на другомъ краю свѣта. Елена соглашается, но, опомнившись, представляетъ себѣ отчаяніе, негодованіе Шарлотты и отказывается отъ Вертера, бѣжить и бросается къ ногамъ оскорбленной жены. — Я чувствую, что мнѣ нельзя и не должно жить, говоритъ она: этотъ ядъ, который я выпью, избавитъ меня отъ страданій и отъ осужденія. — «Я уже сдѣлала то, что ты хочешь сдѣлать», отвѣчаетъ Шарлотта и, блѣдная, стиснувъ зубы, въ судорогахъ падаетъ на кресло. На крикъ Елены всѣ сбѣгаютъ. Шарлотта подаетъ Вертеру охлаждающую руку и говоритъ: — Я умираю. Будь счастливъ и забудь обо мнѣ.

Майоръ при этомъ зрѣлищѣ покидаетъ намѣреніе стрѣлаться съ уничтоженнымъ Вертеромъ. Альбертъ, которому самопожертвованіе ничего не стѣдитъ, вызывается жениться на Еленѣ, а Вертеру остается.... воспоминаніе.

Драма имѣла заслуженный и прочный успѣхъ.

2. *Le Marché de Londres*, *Лондонскій Рынокъ*, драма въ пяти актахъ и восьми картинахъ, съ прологомъ, господъ Деннегу и Поля Февалля.

Сэръ Морисъ—лондонскій заводчикъ, обязанный большою ча-

отію своего богатства уму и искусству своихъ работниковъ, братьевъ Дэвисовъ, Ричарду и Симону. Сэръ Морисъ хотя принадлежитъ къ значной фамиліи, однако жъ по духу демократъ. Сдѣлавъ Ричарда и Симона сирва своими компаньонами, онъ выдаетъ за нихъ своихъ племянницъ Анну и Люцію Стендель. Анна немножко горда и очень вѣтрена. Ей хотѣлось быть замужемъ не за ремесленникомъ, а за лордомъ, именно лордомъ Мортимеромъ, молодымъ человѣкомъ, который пользовался не очень хорошею славой, но зато принадлежалъ къ аристократическому кругу. Люція, напротивъ, гордилась своимъ Ричардомъ и была бы совершенно счастлива, если бы ея по временамъ не возмущало убійственное воспоминаніе, которое завистливые люди старались безпрестанно возбуждать. На имени ея матери лежитъ роковое подозрѣніе. Леди Стендель обвиняють, будто бы она однажды увлеклась преступною страстью, послѣ которой на свѣтѣ остался живой укоръ въ особѣ Люціи. Этимъ обстоятельствомъ пользуется лордъ Мортимеръ, чтобы принудить Люцію отвѣчать на свою страсть (кромѣ страсти къ Аннѣ). Онъ пишетъ бѣдной женщинѣ, что владѣеть двадцатью письмами ея матери, въ которыхъ каждая строка самымъ явнымъ образомъ подтверждаетъ и оправдываетъ извѣстное подозрѣніе и которыя онъ непременно объявитъ всѣмъ, если она, Люція, не придетъ получить ихъ, одна, въ назначенной гостиницѣ. Люція, для спасенія чести матери, является на свиданіе. Она трепещетъ и на колѣняхъ умоляетъ Мортимера отдать роковыя письма. Но только прійти на назначенное мѣсто, еще не значило выполнять условіе. Мортимеръ остается глухъ къ мольбамъ и нечувствителенъ къ слезамъ Люціи. Если она не отступится отъ своихъ понятій о супружеской вѣрности, онъ непрямымъ напечатаетъ письма. Но, къ счастью Люціи и къ досадѣ Мортимера, эти письма уже не у него: его камердинеръ продалъ ихъ нѣкому сэру Роберту Ашлею, а сэръ Робертъ отдаетъ Люціи безвозмездно. Взбѣшенный Мортимеръ вызываетъ Ашлея на дуэль: Между-тѣмъ ревнивый Ричардъ Дэвисъ получилъ безымянную записку и тоже является къ мѣсту свиданія и беретъ жену въ допросъ. Люція клянется въ своей невинности; ради любви, проситъ оставить ей тайну и общается, что современемъ все откроетъ мужу. Ричардъ хотя не успокоивается, однако жъ соглашается на отсрочку.

Въ поединкѣ Мортимеръ опасно ранилъ Ашлея. Большой лежитъ въ домѣ мистриссъ Люціи. Тамъ же, рядомъ живетъ и мистриссъ Анна. Окна у нихъ выходятъ на Темзу. (Объясненія эти необходимы для оправданія нѣкоторыхъ невѣроятностей.)

Мортимера до крайности раздражаетъ сопротивленіе Люціи. Онъ непремѣнно хочетъ восторжествовать надъ суровою добродѣтелью и намѣревается похитить ее. Съ этою цѣлю онъ въблается въ ее сестру, Анну, къ которой въ полночь находитъ открытую дорогу черезъ окно. Но и тутъ передъ нимъ является его злой демонъ, Ашлей. Онъ, несмотря на свою рану, нападаетъ на ночнаго посѣтителя, но сообщники Мортимера схватываютъ его, сажаютъ въ лодку и увозятъ. Между тѣмъ въ домѣ подпалась тревога. Люція прибѣжала первая. Сейчасъ придетъ мужъ Анны и все узнаетъ. Что дѣлать? Остается только одно средство: спрятать похитителя въ спальню Люціи. Люція сопротивляется, но опасность для сестры надъ головой. Анна погибла, если Мортимера заставутъ тутъ.

Въ слѣдующей сценѣ Люція принуждена отдать своему мужу ключъ отъ комнаты, гдѣ спрятанъ Мортимеръ. Мортимеръ уже скрылся, но оставилъ записку, въ которой говоритъ о своей любви къ Люціи. Этой записки слишкомъ достаточно для обвиненія Люціи, а Анна молчитъ отъ страха передъ своимъ мужемъ.

Ричардъ пользуется стариннымъ англійскимъ закономъ, который даетъ мужу право продать свою жену. Онъ надѣваетъ Люціи веревку на шею и ведетъ ее на рынокъ. Мортимеръ даетъ требуемые десять шеллиговъ и полагаетъ, что на этотъ разъ уже ничто не будетъ мѣшать его желаніямъ. Но онъ ошибается: другой голосъ предлагаетъ пятьдесятъ тысячъ червонцевъ. Это Ашлей. Онъ родной братъ Люціи и Анны. Онъ доказываетъ, что тяготѣвшее на памяти его матери подозрѣніе была клевета; и мимоходомъ объявляетъ, что лордъ Мортимеръ разорился. Несмотря на неспособность интриги драма имѣла успѣхъ.

3. *Le Château des Sept Tours*, Семибашенный Замокъ, драма въ пяти актахъ, съ прологомъ, господъ *Maillan'a* и *Alboise'a*.

Въ прологѣ раскрывается любовь молодого французскаго полковника, къ молодой Марониткѣ, съ которою полковникъ познакомился въ Египтѣ, гдѣ находится съ арміею генерала Бонапарте. Полковника командируютъ въ Константинополь, къ султану, съ предложеніемъ о разбитіи плѣнныхъ, и на время отсутствія онъ поручаетъ Маронитку сержанту Паскалю. Сержантъ Паскаль всею душой преданъ полковнику и намѣренъ честно исполнить порученіе. Но есть одинъ злодѣй, по имени Абдалла, ренегатъ. Этотъ злодѣй схватываетъ Маронитку вмѣстѣ съ ее стражемъ и везетъ обонхъ въ Константинополь не-

вольниками. Тамъ они встрѣчаются съ полковникомъ, который былъ также схваченъ, бѣжалъ и скрывается отъ преслѣдованій у Жида Исаака. Злодѣй Абдалла, которому очень пужно, чтобы депеша генерала Бонапарте не дошла до султана, снова схватываетъ полковника и зажигаетъ домъ Исаака, а жертвъ своихъ заключаетъ въ Семпбашенный Замокъ, гдѣ въ ужасномъ бѣдствіи томится болѣе тысячи Французовъ.

Между-тѣмъ одна мнимо-сумасшедшая разстроиваетъ предположенія злодѣя Абдаллы. Эта женщина притворилась безумною, для того чтобы безпрепятственно всюду имѣть доступъ, по турецкому обычаю, который представляетъ это право всѣмъ сумасшедшимъ. Она ищетъ своего мужа и находитъ дочь въ Марониткѣ. Полковникъ узнаетъ, что товарищи и соплеменники его уже успѣли подраться подъ стѣну и надѣются спастись бѣгствомъ. Съ этою радостною вѣстью онъ приходитъ къ своей возлюбленной. Но тутъ же является и злодѣй Абдалла и приказываетъ бросить его въ « кровавый колодець. » Двое нѣмыхъ ведутъ несчастнаго въ подземную темницу, открываютъ роковой люкъ и вдругъ.... бухъ! Въ « кровавый колодець » внизъ головой полетѣлъ одинъ изъ нѣмыхъ палачей. Другой оказывается не палачомъ, а сержантомъ Паскалемъ, который притворился нѣмымъ и успѣлъ снискать милость у злодѣя Абдаллы. Полковникъ и Маронитка освобождаются. Султанъ узнаетъ о злодѣйствахъ Абдаллы и приказываетъ задушить его, а французскихъ плѣнныхъ разбиваетъ на турецкихъ, которые, къ счастью своему, конечно, уже умерли и никогда не увидать этой драмы.

4. Si j'étais homme! Если бъ я была мужчина! водевилъ господъ *Laurencin'a* и *Muret.*

Дѣло идетъ о нѣкоторой прекрасной молодой особѣ, дѣвицѣ Альбертинѣ, которая по глупому распоряженію своихъ родственниковъ принуждена одна ѣхать изъ Гваделупы въ Парижъ и въ этомъ путешествіи подвергается безчисленному множеству непріятностей. Альбертина даже не находитъ въ Гаврѣ корреспондента, къ которому ее адресовали. Она, женщина, дѣвица, въ чужомъ городѣ одна одиноконька. Этимъ ея положеніемъ первыхъ, пользуются посылщики. Десять человѣкъ бросаются на ея маленькій багажъ; четверо несутъ одинъ чемоданъ, трое несутъ кардонку съ шляпой; двое зонтикъ; одинъ ничего не несетъ, а идетъ слѣдомъ. За переноску вещей съ корабля въ гостиницу нужно заплатить десять франковъ. Подобныхъ огорченій Альбертина переноситъ множество и въ минуты самыхъ тяжкихъ все восклицаетъ: — Ахъ! если бъ я была мужчиною!... Но

почему же мнѣ не быть мужичной, по-крайней-мѣрѣ по наружности, думаетъ она наконецъ и... сказано, сдѣлано, Альбертина наряжается мужичной. Но тутъ она извѣдываетъ на опытѣ, что если мужской костюмъ пользуется нѣкоторыми выгодами, зато имѣетъ и свои невыгоды. Паслушавшись въ обществѣ молодыхъ повѣсь разныхъ непринужденныхъ рѣчей, отъ которыхъ порядочной дѣвушкѣ нельзя было не краснѣть, она, наконецъ, когда дѣло въ непринужденныхъ рѣчахъ дошло до прѣзжей и вдругъ исчезнувшей незнакомки, пашлась вынужденною ударить одного непринужденнаго по щекѣ. Это бы еще ничего; но съ обиженнымъ надобно стрѣляться. Вотъ и бѣда! По щекѣ Люціи уже провѣдать тайну храбраго молодого человѣка и вызывается стрѣляться за него. Чтобъ не подвергнуть Люцію смертельной опасности, молодой человѣкъ признается, что онъ не молодой человѣкъ, а дѣвица, и все улаживается миролюбиво и любовно. Альбертина больше не хочетъ быть мужичной и выходитъ за Люцію замужъ.

5. *Qui ou Non, да или Нѣтъ*, водевиль господъ Amedée de Beauplan'a и Jacques Arago.

Да или нѣтъ? Женитесь вы или не женитесь? таковъ двойной и настоятельный вопросъ, предложенный мадамъ Артемизію Симоненъ нѣкому богатому милорду. Милордъ долженъ жептаться на дочери этой дамы, такъ по-крайней-мѣрѣ всѣ говорятъ: самъ онъ никогда не зналъ этого павѣрное. Милордъ существо самое перѣшительное въ мірѣ. Съ одной стороны онъ, правда, желаетъ имѣть жену, но зато съ другой опасается приобрѣсть тещу. Какъ выйти изъ такого критическаго положенія? Очень просто. Милордъ пишетъ къ мадамъ Симоненъ два письма. Въ одномъ говоритъ да, въ другомъ нѣтъ; приказываетъ своему слугѣ выдернуть одно по лотерейному способу и отнести по адресу, а самъ ждетъ, чѣмъ фортуна рѣшитъ дѣло. Милордъ даже не распечатываетъ втораго письма, а отдаетъ его на сохраненіе сестрѣ одного изъ своихъ пріятелей. Фортуна рѣшила жепить милорда. Милордъ рветъ на себѣ волосы съ отчаянія и плачется, что никогда не любилъ и не будетъ любить мамзель Симоненъ. — Ну, такъ утѣшьте, говоритъ ему сестра пріятеля: ваша свадьба разстроена: я послала другое письмо. — «Пужели вы послали? О! какъ я вамъ благодаренъ! О! какъ я счастливъ!... Но зачѣмъ же вы послали?» Это не трудно угадать: сестра пріятеля удалила соперницу, потому что сама желаетъ вполнѣ удовлетворить двойное желаніе милорда имѣть жену и не имѣть те-

щп: у сестры пріятеля ни отца ни матери въ валичностѣ не пишется.

6. *Les Fleurs animées, Живые цвѣты*, водевилъ господь *La-bie* и *Commerçon'a*.

Молодой поэтъ Стѣфенъ, вслѣдствіе любовныхъ огорченій потерявъ послѣднюю малую-толику разсудка, еще подозрѣваемую у поэтовъ. Помѣшательство его состоитъ въ томъ, что онъ во всѣхъ цвѣтахъ видитъ бывшихъ дѣвушекъ, которыя умерли и на минуту возраждаются на землѣ въ царствѣ Флоры прежде окончателнаго отправления въ царство незѣмое. Онъ видитъ, какъ души ихъ изъ отцвѣтающихъ чашечекъ съ послѣднимъ ароматомъ уносятся подъ облака. Родственники надѣются вылечить поэта отъ этой идеи посредствомъ разсѣянія и отправляютъ его путешествовать въ сопровожденіи стараго слуги. Въ этомъ путешествіи экипажъ молодаго визионера ломается по близости одного замка «довольно порядочной паружности.» Само-собой разумѣется, что хозяйка замка оказываетъ путешественникамъ гостепрѣимство; однако старый слуга Стѣфена торопится снова въ путь, потому что въ Эрмансѣ узнаетъ коварную, которая была причиною сумасшествія его барина. Между-тѣмъ Эрманса невинна. Она, увы! несмотря на клятвы Стѣфену, вышла замужъ за дряхлаго миллионера, который оттого ни мало не помолодѣлъ, но она сдѣлала это, чтобы спасти отца отъ разоренія и позору. Теперь же она вдова и очень рада сдержать старыя клятвы, воротиться къ первой любви. Узнавъ своего гостя, она принимается лечить его по гомеопатической теоріи, *similia similibus curantur*, то есть, середь ночи является къ нему съ нѣсколькими подругачи въ образахъ лилій, розъ, и такъ далѣе. Стѣфенъ отъ динамическаго дѣйствія запаха живыхъ цвѣтовъ выдерживаетъ припадокъ истерики и выздоравливаетъ у ногъ коварной, но все-таки милой.

7. *La Fleur des Chiffonniers, Цвѣтъ Тряпичницъ*, водевилъ господина *Desbuard's*.

Фрозина-тряпичница — перлъ скромности и невинности, истинная жемчужина въ помойной ямѣ. Юный Ауклизъ, ослѣпленный ея прелестями, изъ любви къ ней принимается за ея милое ремесло. Но скромную и невинную Фрозину нисколько не ослѣпляетъ живописная красота дыраваго и грязнаго рубища. Одинъ богатый Англичанинъ, родъ принца Родольфа, отъѣскалъ новую *Fleur-de-Marie* и, чтобы сблизиться съ нею, собираетъ въ своей аристократической гостиной весь достопочтенный цѣхъ господъ тряпичниковъ съ ихъ супругами и дочерьми. Фрозина не можетъ

устоять противъ такого англійскаго доказательства любви и соглашается выйти замужъ за богатаго Альбиона.

8. *La Garde-Malade, Сидѣлка*, фарсъ съ куплетами, господь Поль-де-Кока и Boyer.

Содержаніе этого фарса, разумѣется, не рассказывается: оно извѣстно — по имени автора. Успѣхъ его на всѣхъ сценахъ также не подлежитъ сомнѣнію.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Большіхъ новостей нѣтъ—особенно у насъ въ Петербургѣ. Невывоспая, африканская жара выгнала всѣхъ изъ города; всѣ разѣхались, разбѣжались по дачамъ, по окрестностямъ Петербурга. Городъ совершенно пустъ; никто теперь и не думаетъ у насъ о музыкѣ. Надо подождать до открытія Италіанской Оперы, чтобы сказать вамъ чтò-нибудь новаго и занимательнаго.... а занимательнаго будетъ много.... теноръ *Гуаско*, — извѣстный *басъ-буффо России*.... Но объ этомъ послѣ. Въ свое время расскажемъ вамъ обо всемъ подробно.

— За границу не много новаго въ музыкальномъ и артистическомъ мірѣ. Говорятъ (Богъ вѣсть, правда ли это!) что директоръ большой парижской оперы Леонъ Пилье возвратился изъ поѣздки своей въ Болонью (этому вѣримъ), и тамъ заключилъ съ Россіи контрактъ, по которому лѣтній маэстро обязанъ написать новую, оригинальную оперу для слѣдующаго сезона (этому вѣримъ также). — Но чтобы Россіи сдержалъ свое слово.... этому какъ-то не вѣрится.

— Фелисіеъ Давидъ написалъ двадцать четыре квинтета подь названіемъ «*Les Quatre Saisons*». — Незвѣстно еще, какъ ихъ приметъ парижская публика.

— Нѣмецкіе журналы говорятъ съ восторгомъ и безпредѣльными похвалами о двухъ молодыхъ вольскихъ артистахъ. Одинъ изъ нихъ *Самуилъ Коссовскій*, виолончельстъ, восхищаетъ всю Германію своею игрою на этомъ инструментѣ, — а другой Ф. *Василевскій*, фортепианстъ, нравится въ-особенности когда играетъ сочиненія Бетховена и Шопена.

— Въ Парижѣ играли недавно новую комическую оперу подь заглавіемъ: «*La Veuve de Malabre*», музыка господина Доша. — Ее приняли довольно холодно.

— Въ Парижѣ, на театрѣ Комической Оперы давали недавно съ большимъ успѣхомъ новую оперу подь названіемъ: «*Le Trompette de Monsieur le Prince*» Слова Мельвилля, музыка Базена (*Bazin*).

— Въ Лондонѣ, въ королевской капеллѣ (*Chapelle de S-t Ja-*

шею) исполняли недавно новыя музыкальныя сочиненія Принца Альберта: « Te Deum, Jubilate, Sanctus, Magnificat и прочее. Принцъ Оранскій также написалъ оперу: « Der Slave des Coшоена » которую играли недавно въ Гагѣ.

— Недавно, въ Орлеанѣ умерла на семьдесятъ-второмъ году госпожа Браншю, извѣстная пѣвица, бывшая долгое время украшеніемъ парижской Большой Оперы.—Роль *Весталки* была торжествомъ этой знаменитой артистки.—Она родилась въ Парижѣ, въ 1782 году.

— Извѣстная пѣвица госпожа Мерти-Бласъ получила отъ Парижской Консерваторіи золотую медаль.

— Знаменитый пианистъ и композиторъ, Калькбрениеръ лишился слуху, и поѣхалъ теперь лечиться въ Гроссеабергъ.—Большой Скрибъ живеть въ Ниццѣ.

— Въ Вѣнѣ давали недавно новую оперу Лорцинга: « Der Waffenschmidt (оружейный мастеръ), музыка написанная во французскомъ стилѣ, мила, легка, игрива. Либретто сочинялъ самъ композиторъ. Съ перваго сентября онъ займетъ мѣсто капельмейстера на театрѣ « An der Wien ».

— Карлъ Майеръ, получилъ недавно званіе датскаго королевскаго придворнаго пианиста. Эта новость, конечно, обрадуетъ многочисленныхъ друзей и поклонниковъ его таланта въ Петербургѣ. Успѣхъ его въ Швеціи, Дании и Норвегій былъ чрезвычайно блестящій. Тамошнія газеты отзываются объ его игрѣ на фортепіано съ большими похвалами.

— Выписываемъ изъ парижской газеты (Revue Musicale) краткое біографическое извѣстіе о знаменитомъ Лаблашѣ. Онъ родился въ Неаполѣ, въ 1794 году. Отецъ его Французъ, а мать Ирландка. Она убѣжала съ сыномъ изъ Франціи, чтобъ скрытаться отъ революціи, въ которой отецъ ея потерялъ имѣніе и жизнь. Пятилѣтній тогда Лаблашъ вращаетъ въ консерваторіи della Pietà. Онъ учился тамъ играть на віолончели, и въ дѣтскихъ еще лѣтахъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что ему позволили перѣдко играть въ оркестрѣ театра; но вскорѣ почувствовалъ онъ, что рожденъ въномъ. Природа одарила его сильнымъ и глубокимъ чувствомъ, живительную попятливость и рѣдкимъ умомъ. Но профессора всерваторіи не видѣли этихъ рѣдкихъ способностей. Лаблашу мало много трудовъ, чтобъ помянуть свое намѣреніе, сдѣлаться усромъ-пѣвцомъ. Пять разъ сбѣгалъ онъ изъ консерваторіи, перетря на строжайшіе выговоры учителей и наказанія. Ему все горшии, что онъ лѣбитай, не хочетъ ничему учиться, и что у

семнадцатомъ году отъ - роду онъ дебютировалъ на театрахъ della Scala, San Carlo, и Fenice. Его принимали съ начала холодно, но драматическій талантъ его такъ быстро развивался, и онъ дѣлалъ съ каждымъ днемъ такіе успѣхи, что черезъ два или три года его провозгласили первымъ пѣвцомъ Италіи. Но ему этого было мало. Онъ зналъ и чувствовалъ хорошо гдѣ его вполнѣ оцѣнятъ, гдѣ ждать его безсмертній вѣнокъ. Онъ отправился въ Парижъ, и дебютировалъ тамъ въ оперѣ Чимарозы: *Il Matrimonio segreto* (которая и понынѣ лучшая роль его репертуара). Успѣхъ его былъ чрезвычайный. Парижская публика приняла его *con furore*. Съ тѣхъ-поръ началась его слава. Въ Парижѣ и въ Лондонѣ принимали его съ восторгомъ. Королева Викторія выбрала его своимъ учителемъ пѣнія. Голосъ его рѣднаго объема и полноты, силенъ и звученъ. Лаблашу теперь болѣе шестидесяти лѣтъ, а онъ сильнымъ голосомъ своимъ покрываетъ рѣшительно всѣхъ пѣвцовъ на сценѣ. Метода у него превосходная. Онъ самъ издалъ книгу: «метода пѣнія», а его «*Esercizi per il voce di Basso*» считаются однимъ изъ самыхъ лучшихъ. Какъ актеръ, онъ мало найдетъ равныхъ себѣ: онъ такъ же великъ въ оперѣ *seria*, какъ и въ оперѣ *buffa*. Если бы Лаблашъ не былъ пѣвцомъ, онъ былъ бы превосходнымъ драматическимъ артистомъ. Обхожденіе его очень мило, разговоръ приятенъ, одушевленъ, и очень занимателенъ. Однимъ изъ его сыновей, Фредерикъ, тоже прекрасный басистъ, и играетъ теперь вѣстѣ съ своимъ отцомъ. Старшая дочь его была за извѣстнымъ живописцемъ Бушѣ, а послѣ смерти его вышла за Тальберга.

— Нѣкто Ф. Фуксъ, написалъ новую оперу: «Гуттенбергъ», ее играли въ прошломъ мѣсяцѣ въ Грецѣ (Graz) и приняли очень хорошо.

— Берлиозъ выбранъ въ члены вѣнскаго «лармоническаго общества. Недавно поднесли ему большую золотую медаль, на которой, съ одной стороны портретъ короля Французовъ, а съ другой надпись: «*Inauguration du chemin de fer du Nord, la Ville de Lille à Monsieur Hector Berlioz*».

— Танцовщица Carlotta Grisi находится теперь въ Лондонѣ и производитъ страшное *furore*. Англійскіе журналы наполены похвалами ея прекрасному таланту. Она скоро отправится Дублинъ.

— Нѣкто Гордигіани (Gordigiani) написалъ новую оперу въ заглавіи: *Convenuto*. Ее будутъ скоро играть въ При

а госпожа *Альбони* (которая цѣлой Германіи правится чрезвычайно) будетъ въ ней пѣть главную партію альта.

— Мендельсопъ написалъ новую ораторію въ трехъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «*Eliasz*». Говорятъ также, что овъ окончилъ уже партіцію своей оперы, которая будетъ дана въ Берлинѣ, тринадцатаго ноября (день рожденія королевы прусской): главную роль въ этой оперѣ будетъ пѣть госпожа *Дженни Линдъ*.

— Въ седьмой тетради Шувеллиста (за июль) мы нашли небольшую, но прекрасную пѣсню для фортепіано сочиненія Буддеуса. Это человекъ съ замѣчательнымъ талантомъ; мы удивлялись его блестящей игрѣ въ концертѣ Филармоническаго Общества. Въ этой же тетради вы найдете много хорошеенькихъ пѣснь: *Делера Trot des Chevaliers. Gardes*, — *Герца: Nouvelle Tyrolienne*, и *Бейера: L'air Venitien varié*.

— Въ *Музыкальной Пчелѣ* (музыкальномъ журналѣ издаваемомъ Мецстрелемъ), въ тетради за июль, намъ очень понравились: 1) Увертюра Берліоза (Франск-Жюск) мастерски арранжированная для одного фортепіано Ф. Листомъ; 2) Секстетъ изъ *Лучии*, арранжированный для фортепіано Вильмерсомъ, и 3) *Pastorale*, сочиненіе господина Прюдана. Издатель «*Музыкальной Пчелы*» старается угодить всѣмъ вкусамъ публики: выборъ пѣснь всегда превосходный и видѣтъ съ тѣмъ разнообразный.

НОВЫЯ КНИГИ,

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммиссіонера Императорской Библіотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петляя, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

- АРИСТОТЕЛЪ. *Psychologic. Traité de l'ame traduit en françois pour la première fois et accompagné de notes perpétuelles*, par Barthelémy-Saint-Hilaire. Paris, 1846. 1 vol. in 8. 8 fr. 2 r. 30 c
- БАВУХЪ, А. В. da Costa Cabral, comte de Thomar. *Notes historiques sur sa carrière politique et son ministère*. Paris, 1846. 1 vol. in 8. 5 fr. 1 r. 40 c.
- БОЕННИНГГАУСЕН. *Manuel de Thérapentique homoeopatique*, traduit de l'allemand par le Dr. Roth. Paris, 1846. 1 vol. in 12. 7 fr. 2 r.
- ОУИЛЛАУДЪ. *Traité de Nosographie médicale*. Paris, 1846. 5 vol. in 8. 35 fr. 10 r.
- БУИЛЬ, (дн). - *Cours élémentaire théorique et pratique d'Arboriculture, précédé de quelques notions d'anatomie et de physiologie végétales, avec 5 vignettes, gravées sur acier et 325 figures intercalées dans le texte*. Paris, 1846. 1 vol. in 12. 8 fr. 2 r. 30 c

- BURAT.** Etudes sur les mines. Théorie des gîtes métallifères, appuyée sur la description des principaux types du Herz, de la Saxe, des Provinces Rhénanes, de la Toscane etc. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 9 fr.
2 r. 55 c.
- Chevaux du Maroc offerts par l'Empereur Muley-abd-ell. Rahmann à sa Majesté le Roi des Français, dessinés d'après nature par Victor Adam.** Paris, 1846. in fol. 20 fr.
5 r. 70 c.
- COLANT.** Nouvelle grammaire française logique et intuitive, en tableaux synoptiques avec textes explicatifs ou résumé des leçons orales de Grammaire, d'Orthographe, de Syntaxe, d'Étymologie, de Prononciation et de Ponctuation. Paris, 1846. 1 vol. in 8. oblong. 7 fr.
2 r.
- CROIX (la) de Berny par de Lauhay, Gauthier, Saudeau et Méry.** Paris, 1846. 2 vol. in 8. 15 fr.
4 r.
- DANCEL.** De l'influence des voyages sur l'homme et sur ses maladies. Paris, 1846. 1 vol. in 8. 7 fr.
2 r.
- DUMAS.** L'abbaye de Peyssac. Paris, 1846. 2 vol. in 8. 15 fr.
4 r.
- **Le chevalier de Maison-Rouge.** Bruxelles, 1845. 5 vol. in 32.
60 c.
- EDWARDS.** Galerie des prix Montyon, simples récits pour la jeunesse. Paris, 1844. 1 vol. in 12. 2 fr.
55 c.
- ÉVANGILES (les), traduction nouvelle avec des notes et des réflexions à la fin de chaque chapitre par Lamennais.** 2e édition illustrée de dix gravures sur acier. Paris, 1846. 1 vol. gr. 8. 12 fr.
3 r. 45 c.
- Le même ouvrage.** 3e édition, sans gravures. Paris, 1846. 1 vol. in 12. 3 fr. 50.
1 r.
- FÉDIX.** L'Orégon et les côtes de l'Océan Pacifique du Nord, aperçu géographique, statistique et politique, avec une carte du pays d'après les documents les plus récents. Paris, 1846. 1 vol. in 8. 7 fr.
2 r.
- FÉVAL.** Les fantômes du Roi. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr.
1 r. 20 c.
- **La quittance de minuit.** Bruxelles, 1845. 4 vol. in 18. 12 fr.
1 r. 70 c.
- GENON.** Des télégraphes aériens et électriques, questions mises à la portée de tout le monde. Paris, 1845. 1 vol. in 8. 1 fr. 50.
45 c.
- GUÉMIN.** Manuel de l'histoire des conciles ou traité théologique, critique, historique, analytique et chronologique des conciles et des synodes. Paris, 1846. 1 vol. in 8. 7 fr.
2
- GUI-PATIN.** Lettres, nouvelle édition augmentée de lettres inédites, précédée d'une notice biographique, accompagnée de remarques scientifiques et littéraires par Reveillé-Parise. Paris, 1846. 2 vol. in 8. Avec portrait et fac-simile de l'écriture de Gui-Patin. 14 fr.
4

- LA-LANDELLE.** La Gorgone. Bruxelles, 1846. 4 vol. in 18. 12 fr.
2 r. 40 c.
- LE-MAOUT.** Atlas élémentaire de Botanique avec le texte en regard, comprenant l'organographie, l'anatomie et l'iconographie des familles d'Europe, ouvrage contenant 2310 figures. Paris, 1846. 1 vol. in 4. 15 fr.
4 r. 30 c.
- MESNARD.** Lettre aux parisiens sur les télégraphes et notamment sur le télégraphe E. Gonon. Paris, 1846. 1 vol. in 8. 1 fr. 50. 45 c.
- MOQUIN-TANDON.** Monographie de la famille des Hirudinées; nouvelle édition revue et augmentée, accompagnée d'un Atlas de 14 planches gravées et colorées. Paris, 1846. 1 vol. et Atlas in 8. 13 fr. 3 r. 70 c.
- Petits, les, Français.** 150 dessins par Gavarni, Géniole, Mounier et Watier avec texte. Paris, 1846. 1 vol. in 12. 4 fr. 1 r. 15 c.
- PRUS.** Rapport à l'Académie royale de médecine sur la peste et les quarantaines fait au nom d'une commission. Paris, 1846. 1 vol. in 8. 9 fr.
2 r. 55 c.
- SAND.** La mare au diable. Bruxelles, 1846. 1 vol. in 18. 15 c.
- STENDAHL.** La chartreuse de Parme, précédée d'une notice sur la vie et les ouvrages de Beyle, par Colomb. Paris, 1846. 1 vol. in 18. 3 fr. 50.
1 r.
- STERN.** Nelida. Bruxelles, 1846. 2 vol. in 18. 6 fr. 1 r. 20 c.
- ТРИФОН.** Traité élémentaire de topographie et de lavis des plans, illustré de nombreuses planches colorées avec soin et précédé de notions de Géométrie. Paris, 1846. 1 vol. in 4. oblong. 9 fr. 2 r. 50 c.
- VEDAL.** Traité de pathologie externe et de médecine opératoire; 2me édition. Paris, 1846. 5 vol. in 8. 40 fr. 11 r. 45 c.
- VERGILE.** L'Énéide, traduction nouvelle par Pongerville, suivie des Bucoliques et des Géorgiques, traduites par Collet. Paris, 1843. 1 vol. 12. 4 fr. 1 r. 15 c.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро)

Новыя пьесы для оркестра.

- ELLINI.** Pièces favorites de la Sonnambula, arrangées pour huit instrumens (2 Violons, Alto, Basse, Flûte, Clarinette et 2 Cors). (4 r.)
- ETHAL.** Polka militaire. op. 80. (2 r. 58 c.) Sehnsuechts-Polka. op. 82. (2 r. 85 c.) Carnevals-Polka. op. 84. (2 r. 85 c.)
- IGL.** Ein Sträuschen. Walzer. op. 5. (2 r. 85 c.) Hyacinthen-Polka. op. 33. Der Uhlanc. Mazurka. op. 34. (2 r. 29 c.) Die Industriellen. Walzer. op. 44. (2 r. 85 c.) Potsdamer Casino-Polka. op. 45. Ein Tropfen aus der Oder. Polka. op. 46. (2 r. 58 c.) Steitiner Soirée.

- Walzer. op. 48. (2 r. 58 c.) Willkomm im Grünen. Walzer. op. 49. (2 r. 85 c.) Sommers Salon - Polka. op. 50. Grosser Parade-Marsch. op. 51. (2 r.) Wiedersehen. Walzer. op. 52. (2 r. 85 c.)
- LARITZKY.** Eleonoren-Walzer. op. 120. (3 r.) Sirenen-Walzer. op. 121. (2 r. 29 c.)
- STRAUSS, SOHN.** Singedichte. Walzer. op. 1. (3 r. 43 c.) Debut-Quadrille. op. 2. (1 r. 29 c.) Herzenslust-Polka. op. 3. (1 r. 72 c.) Gunstwerber. Walzer. op. 4. (2 r. 85 c.) Serail-Tänze. op. 5. (2 r. 85 c.) Cytheren-Quadrille. op. 6. (2 r. 29 c.)
- MARSCHNER.** Overture zu der Oper Adolph von Nassau. op. 130 (5 r. 15 c.)
- MERCADANTE.** Overture sur quelques motifs du Stabat mater de Rossini. (4 r.)
- SPOHR.** Concert-Overture im ersten Style. op. 126. (5 r. 59 c.)
- WITZLEBEN.** Garde Husaren-Polka. Princess-Polka. (1 r. 43 c.)

Пьесы для духового оркестра (въ партитурѣ).

- BOERS.** Alma-Polka. (1 r. 25 c.)
- CANTHAL.** Marsch. op. 95. (85 c.)
- GUNGL.** Die preussische Parade. Grosses militairisches Marsch-Potpourri, arrangirt von Börs. (5 r.)
- STRAUSS, SOHN.** Patrioten-Marsch. (85 c.)
- ГУЗЛЯ.** Марши для военной музыки Инфантерин (въ партитурѣ). No. 1. Kriegers - Lust. op. 26 (85 c.) No. 2. Steyrers Heimweh. op. 33. (85 c.) No. 3. Potsdamer Casino-Marsch. op. 45. (1 r. 15 c.) No. 4. Mein Gruss an Berlin. Marsch. op. 36. (1 r. 15 c.) No. 5. Der 15. October. Marsch. op. 42. (1 r. 15 c.)
- Марши для военной музыки Кавалерин. No. 1. Kriegers Lust. (85 c.) No. 2. Steyrers Heimweh. (85 c.) No. 3. Potsdamer Casino-Marsch. (1 r. 15 c.) No. 4. Mein Gruss an Berlin. Marsch. (1 r. 15 c.) No. 5. Husaren-Muth. Parade-Marsch von Maguer. (1 r. 15 c.)

Танцы для фортепиано.

- БЕРНАРДЪ.** Праздникъ въ Петергофѣ. Французская кадрили, сочиненная по случаю бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны Ольги Николаевны съ Ея Королевскими Высочествомъ Наслѣднимъ Принцемъ Роландомъ Виртембергскимъ. (60 c.)
- BEYER.** Azaha-Polka (съ вишнеткою). (72 c.)
- GUNGL.** Die Industriellen. Walzer. op. 44. (85 c.)⁵ Potsdamer Cas Polka. op. 45. (43 c.) Ein Tropfen aus der Oder. Polka. op. (30 c.) Die preussische Parade. Marsch-Potpourri. op. 47. (1 r. 4. Stettiner Soirée - Walzer. op. 48. (85 c.) Willkomm im Grü

- Walzer. op. 49. (85 c.) Semmers Salon - Polka. (43 c.) Parade -
 Marsch. op. 51. (30 c.) Wiederschen. Walzer. op. 52. (75 c.)
HERZ. Le diable à quatre. Mazurka (съ вышкой). (85 c.)
KAZINSKY. Douze polkas caractéristiques, chaque. (40 c.)
LABITZKY. Eleonore-Walzer. (85 c.) Sirenen-Walzer. (85 c.)
ROSELLEN. Le diable à quatre. Polka (съ вышкой). (72 c.) La Ta-
 glioni. Polka (съ вышкой). (54 c.)
STRAUSS, SOHN. C)theren-Quadrille. op. 6. (58 c.) Die jungen Wis-
 ner. Walzer. op. 7. (85 c.) Patrioten Marsch. op. 8. (30 c.) Amazo-
 nen-Polka. op. 9. (30 c.) Liebesbrunnen-Quadrille. op. 10. (58 c.)
 Faschings-Lieder. Walzer. op. 12. (85 c.) Czechen-Polka. (op. 13.)
 (30 c.)

Пьесы для фортепиано.

- DOEHLER.** Trot des Chevaliers - Gardes (кавалерійская рьсь). op. 62.
 (60 c.) Trio de Opéra Жизнь за Царя, varié. op. 60. No. 1. (85 c.)
 Соловей, air russe d'Alshieff varié. op. 60. No. 2. (85 c.) Бывало,
 romance du comte Wielhorsky varié. op. 60. No. 3. (85 c.) Grand
 galop brillant. op. 61. (1 r. 15 c.)
CHOPIN. Trois nouvelles mazurkas. op. 59. (1 r. 43 c.)
DONIZETTI. Lucia di Lammermoor. Opéra complet. (2 r.)
HERZ. Nouvelle Tyrolienne originale variée. op. 154. (1 r. 29 c.)
LANGER. Chant bohémien «за Ураломъ» transcrit et varié. op. 12. (75 c.)
LISZT. Six mélodies de Schubert transcrites No. 1. Adieu. (72 c.) No.
 2. Les plaintes de la jeune fille. (1 r.) No. 3. La cloche des agonis-
 sans. (1 r.) No. 4. La fleur fanée. (72 c.) No. 5. Toute ma vie. (85 c.)
 No. 6. La truite. (1 r. 15 c.)
LITOLFF. Invitation à la Polka. op. 31. (1 r.) Invitation à la Tarentelle.
 op. 36. (1 r. 29 c.)
MAYER. Air italien varié. op. 76. (1 r. 15 c.) Mazurka. op. 82. (1 r.
 15 c.) Troisième Valse-Etude. op. 83. (1 r. 15 c.) Quatrième Valse-
 Etude. op. 85. (50 c.)
ROSELLEN. Fantaisie brillante sur Lucia di Lammermoor. op. 80. (2 r.)
 — Ernani. Fantaisie sur l'opéra de Verdi. op. 81. (1 r. 72 c.)

(Выписывающіе вотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, полу-
 отъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать ру-
 блей серебромъ, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою
 пользуются тѣ только, которые обратятся съ требованіями непосред-
 ственно въ магазинъ Г. Берварда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписыв-
 ь черезъ нихъ всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были из-
 даны или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла осьмая тетрадь:

«Нувеллета», которая содержитъ въ себѣ: Chopin, Mazurka favorite. — Lisle, les mariners, mélodie. — Döhler, grand galop brillant. — Kullak, Serenade Italienne. — Burgmüller, la Redowa, nouvelle valse bohémienne. — Brunnner, Variations sur Robert le diable. — Voss, Polka élégante. — Романусл, Забудеть все! Романсъ. — Vazzoni, Invocation, romance. — Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп.) Г. Г. Желаящіе подписаться на Нувеллетта на 1846, получаютъсп олма всѣ тетради этого журвала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

=

МОДЫ.

Фасоны платьевъ еще не перемѣнились, корсажи, всѣ безъ исключенія, дѣлають закрытые, по горло; рукава гладкіе безъ украшеній и длинныя до кисти рукъ; тутъ они или имѣють отворотъ или обшиваются кружевомъ; уборы платьевъ очень разнообразны, но не новы: всѣ тѣ же оборки или складки, какъ уже было подробно описано. Бѣлыя шерстяныя матеріи: кашмиръ, теридъ, барезъ, шерстяная кисея въ большемъ употребленіи; очень хороши бѣлые кашмировые бурнусы: ихъ дѣлають опять съ трехъ угольными мѣшками, убирають кругомъ очень узенькимъ бѣлымъ аграмантомъ, и двѣ или три тонкаго бѣлаго шелку кисти, пришитые въ прямомъ направленіи угла мѣшка, придають цѣлому оригинальную прелесть; бѣлыя мантильи, бѣлыя теридъ платки, бѣлые барезевые шарфы, однимъ словомъ, бѣлый цвѣтъ, для вещей, которыя накладываютъ на плеча въ дополненіе наряда, въ это время считается лучшимъ и пользуется большимъ уваженіемъ. Шляпы *Patéla*, мало-по-малу перемѣняя фасонъ, наконецъ такъ удалились отъ своей первоначальной формы что должны были перемѣнить названіе; нынѣшнія не такъ открыты, но такъ малы и именуются *à la Duchesse*; перья шляпахъ нынче почти не встрѣчаются; вообще шляпки урядють очень просто; внизу подкалываютъ цвѣты; но болѣе этого употребляютъ ленты.

=

13 1940

